

Русская литература

2

2021

Российская Академия Наук

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

Русская литература

№ 2

Историко-литературный журнал

2021

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
«Служа великим целям века...». К 90-летию со дня рождения Николая Николаевича Скотова	5
Секрет обаяния ученого и просветителя. К 90-летию со дня рождения Петра Романовича Заборова	8
Литература и литературоведение: общая граница. К юбилею Всеволода Евгеньевича Багно	11
Г. В. Петрова. Модернистский журнал-манифест и его читатели (к истории эстетической коммуникации в России)	14
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ	
С. М. Шумило (Украина). Литературные источники Слова на Фомина неделю Кирилла Туровского	26
Микела Вендитти (Италия). Жанр надписи в творчестве Г. Р. Державина (стихи на смерть собаки)	31
Чжоу Лу (КНР), А. П. Люсий. Образы Китая в творческом сознании Г. Р. Державина и А. С. Пушкина	40
Тянь Вэньцзюань (КНР). Два ориентализма: роль восточной лексики в поэме Дж. Г. Байрона «The Bride of Abydos» и ее русском переводе И. И. Козлова	50
О. С. Муравьева. Александр Пушкин на rendez-vous	53
Н. А. Хохлова. Об археографической деятельности А. И. Тургенева (материалы к биографии). Часть 2	63
Е. М. Филиппова. Письма И. А. Гончарова в эпистолярно-литературном контексте	78
О. Л. Фегисенко. «Нужно только выждать время»: К. Н. Леонтьев и Э.-М. де Вогюз	87
Н. Л. Васильев, Д. Н. Жаткин. Неизвестная литературная эпиграмма П. А. Вяземского в архиве Я. К. Грота	92
К. А. Кумпан. Д. С. Мережковский — ученик третьей гимназии (заметки комментатора). Часть 2	104
Е. А. Глуховская. В. О. Нилендер в кругу поэтов «нео-пушкинской школы»	133
Новые материалы из амхерстского архива Мережковских. 2. Н. А. Бердяев в «дневниках» Т. Н. Гиппиус (1906–1908) (подготовка текста и комментарии М. М. Павловой)	144

С. Д. Титаренко. Вячеслав Иванов и Якоб Бёме (теория религиозного символизма и актуализация наследия немецкого мистика)	173
М. А. Васильева. «Бесконечный круг» Бориса Божнева	184
Д. В. Токарев. «Hölderlin даст объяснение»: поэтическая мысль Фридриха Гёльдерлина и ее рецепция Борисом Поплавским	194
К. С. Корконосенко. Русские персонажи в творчестве Рамона дель Валье-Инклана	210
О. А. Лекманов. О стихотворении О. Э. Мандельштама «Чернозем»	215
Е. Е. Вахненко. Очерки In memoriam в творческом наследии А. М. Ремизова: новонайденное «послание» парижскому Некрополю	218
Приложение. Алексей Ремизов. <«Памятное слово» А. Ю. Доброму>	227
М. В. Рождественская. Из историко-литературного комментария к последнему году жизни Игоря Северянина	228
С. Н. Полторак, А. В. Зотова. Она создала Даниила Гранина	232
Я. В. Нагорная. Святочные обходы дворов в Поморье (по материалам экспедиций Пушкинского Дома)	240

ЗАМЕТКИ

А. В. Романова. Ефрем Барышев и Вальтер Скотт. Из комментария к некрологу И. А. Гончарова «Е. Е. Барышев»	252

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Е. И. Орлова. Русская критика как феномен культуры	254
А. М. Грачева. Италия в русских судьбах конца XIX — первой половины XX века	255
К. Ю. Лаппо-Данилевский. Вячеслав Иванов и его немецкоязычные издатели	257

ХРОНИКА

Н. Г. Комелина. Международная научная конференция «Чтения к 100-летию со дня рождения Б. Н. Путилова и К. В. Чистова»	260
А. А. Елкина. Международная научная конференция «Старость как сюжет»	265
С. В. Денисенко. Седьмая Апрельская междисциплинарная международная научная конференция «Все запреты мира: табу в литературе и искусстве»	268
С. А. Кибальник. Международный научно-исследовательский семинар «Проблема цифровой текстологии произведений Достоевского»	271
Т. М. Двинятина. Международная научная конференция «И. А. Бунин и его время»	274
Summaries	278

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

*М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО, Ж. Ф. ЖАККАР, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
ДЖ. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, М. Б. ПЛЮХАНОВА, ДЖ. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК,
Р. ХЁДЕЛЬ, Т. В. ЦИВЬЯН, В. ШМИД*

Главный редактор **В. Е. БАГНО**

Редакционная коллегия:

*М. Л. АНДРЕЕВ, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, В. В. ГОЛОВИН,
А. М. ГРАЧЕВА, И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Е. Е. ДМИТРИЕВА,
Н. Н. КАЗАНСКИЙ, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА,
С. И. НИКОЛАЕВ, Г. В. ОБАТНИН, М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО,
В. В. ПОЛОНСКИЙ, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА*

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

Санкт-Петербург

© Российская академия наук, 2021
© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, 2021
© Составление. Редакция журнала
«Русская литература», 2021

RUSSKAYA LITERATURA

№ 2

Historical and Literary Studies

2021

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

	Page
<i>Serving the Century's Grand Goals...</i> The 90 th Anniversary of Nikolay Nikolayevich Skatov . . .	5
A Scholar and an Enlightener: the Secret of His Enchantment. The 90 th Anniversary of Pyotr Romanovich Zaborov	8
Literature and Literary Scholarship: The Common Borderline. Honoring the Anniversary of Vsevolod Evgenyevich Bagno	11
G. V. Petrova. Modernist Manifesto Magazine and its Readers (Concerning the History of Aesthetic Communication in Russia)	14

REPORTS AND RELEASES

S. M. Shumilo (<i>Ukraine</i>). Literary Sources of Kirill of Turov's <i>Word for Thomas Sunday</i> . .	26
Michela Venditti (<i>Italy</i>). The Genre of Inscription in G. R. Derzhavin's Poetry (Verse on the Death of a Dog)	31
Zhou Lu (<i>China</i>), A. P. Liusyi . Images of China in the Creative Mind of G. R. Derzhavin and A. S. Pushkin	40
Tian Wenjuan (<i>China</i>). Two Orientalisms: the Role of Oriental Diction in G. G. Byron's <i>The Bride of Abydos</i> and I. I. Kozlov's Russian Translation	50
O. S. Muravyova . Alexander Pushkin at a <i>Rendez-Vous</i>	53
N. A. Khokhlova . Concerning the Archaeographic Pursuits of A. I. Turgenev (Biographical Data). Part 2	63
E. M. Filippova . Letters of I. A. Goncharov in the Epistolary and Literary Context	78
O. L. Fetisenko . <i>We Need to Let the Time Take Its Course</i> : K. N. Leontiev and E.-M. de Vogüé . .	87
N. L. Vasil'ev, D. N. Zhatkin . Unknown Literary Epigram of P. A. Vyazemsky in the Archive of Ya. K. Grot	92
Ks. A. Kumpian . D. S. Merezhkovsky as a Student of the Third <i>Gymnasium</i> (Commentator's Notes). Part 2	104
E. A. Glukhovskaia . V. O. Nilender in the «Neo-Pushkinian» Poetic Circle	133
New Materials from the Amherst Merezhkovsky Archive. 2. N. A. Berdiaev in the «Diaries» of T. N. Gippius (1906–1908) (Editing and Commentary by M. M. Pavlova)	144

S. D. Titarenko. Vyacheslav Ivanov and Jakob Böhme (Religious Symbolism Theory and Actualization of the German Mystic's Heritage)	173
M. A. Vasilyeva. Boris Bozhnev's «Infinite Circle»	184
D. V. Tokarev. <i>Hölderlin Would Explain: The Poetical Thinking of Friedrich Hölderlin and Its Reception by Boris Poplavsky</i>	194
K. S. Korkonosenko. Russian Characters in the Works of Ramón del Valle-Inclán	210
O. A. Lekmanov. On Osip Mandelstam's Poem «Chernozem»	215
E. E. Vakhnenko. «In Memoriam» Essays in Alexey Remizov's Creative Legacy: a Newly-Found «Message» to the Paris Necropolis	218
Appendix. Alexey Remizov. <«Memorable word» to Abram Yu. Dobry>	227
M. V. Rozhdestvenskaya. An Additional Historical and Literary Commentary to the Last Year of Igor Severjanin's Life	228
S. N. Poltorak, A. V. Zotova. She Has Created Daniil Granin	232
Ia. V. Nagornaia. <i>Svyatki</i> Courtyard Rounds in Pomorye (Based on the Pushkin House Field Research)	240

NOTES

A. V. Romanova. Efrem Baryshev and Walter Scott. Excerpts from the Commentary to I. A. Goncharov's Obituary «E. E. Baryshev»	252

REVIEWS

E. I. Orlova. Russian Criticism as a Cultural Phenomenon	254
A. M. Gracheva. Italy in the Russian Destinies on the late 19 th — First Half of the 20 th Century	255
K. Iu. Lappo-Danilevskii. Vyacheslav Ivanov and His German-Language Publishers	257

NEWSREEL

N. G. Komelina. <i>Readings for the 100th Anniversary of B. N. Putilov and K. V. Chistov</i> International Research Conference	260
A. A. Elkina. <i>Old Age as a Storyline</i> International Research Conference	265
S. V. Denisenko. <i>All the Interdictions of the World: Taboo in Literature and Art</i> Seventh April Interdisciplinary Research Conference	268
S. A. Kibal'nik. <i>The Problem of Digital Textology of Dostoyevsky's Works</i> International Research Seminar	271
T. M. Dvinyatina. <i>Ivan Bunin and His Time</i> International Conference	274
Summaries	278

Published under the Auspices of History and Philology Department Russian Academy of Sciences

Editorial Council:

*M. GARZANITI, S. GARZONIO, R. HODEL, J. F. JACCARD, J. MALMSTAD,
G. NIVAT, M. B. PLIUKHANOVA, V. SCHMID, G. SMITH, R. D. TIMENCHIK,
T. V. TSIVIAN, WENFEI LIU*

Editor-in-Chief *V. E. BAGNO*

Editorial Board:

*M. L. ANDREYEV, I. F. DANILOVA (Deputy Editor-in-Chief), E. E. DMITRIEVA, V. V. GOLOVIN,
A. M. GRACHEVA, N. N. KAZANSKY, A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA,
S. I. NIKOLAEV, G. V. OBATNIN, M. V. OTRADIN, A. A. PANCHENKO, V. V. POLONSKII,
N. N. SKATOV, A. L. TOPORKOV, T. S. TSAR'KOVA, M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN*

*Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034.
Phone/fax (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru*

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Insitute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom), 2021
© Compilation. *Russkaya Literatura*
Editorial Board, 2021

St. Petersburg

«СЛУЖА ВЕЛИКИМ ЦЕЛЯМ ВЕКА...»

К 90-летию со дня рождения Николая Николаевича Скатова

Одна из статей, а позже и книга Николая Николаевича Скатова была опубликована под названием «Литература великого синтеза» (М., 2011). Так исследователь определяет литературу XIX века. И именно этому классическому периоду в истории отечественной культуры посвящены его основные труды. В отличие от многих ученых, занимающихся либо первой, либо второй половиной XIX века, Николай Николаевич привлекали ключевые и второстепенные фигуры всего столетия, такие как Пушкин, Лермонтов, Кольцов, Некрасов, Фет, Тютчев. Ему удалось, очень точно характеризую индивидуальность каждого из поэтов, выявить тяготение к синтезу как одну из кардинальных черт русской классической литературы, а может быть, и национального сознания в целом. Он обратил внимание на то, что «принцип целого, общенационального, всегосударственного» волнует наших писателей, «и особенно в моменты страшного социального раскола, исторического противостояния» (с. 26). И натура самого Николая Николаевича тоже, можно сказать, синтезирующая — объединяющая, скрепляющая собою разные стихии культурного опыта и научного знания. Это ключевое свойство его личности всегда проявлялось в профессиональном общении с коллегами, в чтении лекций, в руководстве работами аспирантов, но особенно ярко — в глубоком и любовном анализе конкретных текстов. Подчас неожиданно для читателей на уровне словоупотребления, образности, историко-культурных ассоциаций устанавливались сближения представителей разных литературных направлений: Некрасов — Тютчев, Некрасов — Фет; на равных с великими рассматривалось поэтическое наследие Кольцова; творчество Ахматовой исследовалось в контексте литературы XIX и XX веков. И в результате удавалось не только обновить, но нередко принципиально изменить восприятие того или иного поэта.

Благодаря чему это оказалось возможным? Николай Николаевич Скатов наделен даром, доступным далеко не каждому филологу и заключающимся в способности тонко чувствовать и толковать поэтический текст, одновременно проникая (даже в небольшой статье) во внутреннее существо личности поэта, обнаруживая зачастую парадоксальные отношения строя жизни и строя поэзии.

Монография о Пушкине — тоже по-своему синтезирующая, на новом уровне объединившая многолетние размышления о русском поэте и русском слове. Ее название — «Пушкин. Русский гений» (М., 1999) — принципиально для Николая Николаевича. Эта книга, может быть, самое личностное исследование ученого. Она охватывает весь путь поэта, рассмотренный в очень широком историко-культурном контексте, но вместе с тем содержит такие характеристики взаимоотношений Пушкина с современниками-литераторами, с друзьями, с Натальей Николаевной, что читатель не может не понять: автору важно явить нам не только — *что* есть гениальность поэта, но и в чем заключается гениальность человека.

Пафос единения, синтеза не исключает глубокого понимания неразрешимых ситуаций — как в исторической, так и в поэтической реальности. Поэтому в научных трудах Николая Николаевича Скатова не может не присутствовать начало, способное и разьединить его читателей.

Прежде всего это проявляется в «литературоведческой публицистике» Николая Николаевича. Наряду с собственно научными филологическими трудами у него есть статьи, пафос которых не уместается в пределы академического литературоведения. Особенно много их стало на границе XX–XXI веков, и посвящены они актуальным проблемам изучения русского языка, литературы, отечественной культуры в целом. Публицистичность могла присутствовать и в более ранних статьях ученого и, думается, была предопределена традицией отечественной классической литературы и критики — традицией просветительской и даже (если вспомнить древнерусскую литературу и христианскую словесность) учительной. В конце XX — начале XXI века Николай Николаевич обратился к историко-культурной коллизии двухсотлетней давности: спору сторонников А. С. Шишкова и Н. М. Карамзина о судьбе отечественного языка, о степени его модернизации, о возможности или опасности «дополнения» словарного запаса русского языка лексикой французского (а в начале XXI столетия — английского) языка. Николай Николаевич Скатов ставил и другие вопросы — о «драматическом глобальном процессе поглощения культуры цивилизацией и подмены цивилизацией культуры», считал необходимым говорить и об «интернациональной миссии русского народа и русского языка». Кто-то из филологов предпочитает дистанцироваться от подобных вопросов. Но кому же как не крупному ученому и любимому студентами преподавателю русской классической литературы размышлять и писать об острых проблемах, тем более «в моменты раскола и исторического противостояния».

Директором Пушкинского Дома Николай Николаевич был назначен Историко-филологическим отделением Академии наук в феврале 1987 года. Это было бурное время только начинающейся Перестройки, никому еще не понятной, расколовшей всю страну и почти каждый, казавшийся до этого монолитным коллектив на противостоящие стороны рубежными вопросами: ты с кем? ты за кого? Политическая, идеологическая и экономическая неопределенность привносила тревогу и нервозность, конфликтность в отношения коллег. С этим шли к директору. Он всегда находил время, терпение и силы, чтобы выслушивать сотрудников, решать их не только научно-производственные, но порой и личные проблемы, тем самым создавая и сохраняя творческую, доброжелательную и доверительную атмосферу в Институте.

Будучи инициатором и членом редколлегий многих пушкинодомских изданий, ученый принял самое непосредственное участие в работе над ними. Достаточно вспомнить академическое Полное собрание сочинений Н. А. Некрасова или, например, фундаментальный том «Пушкинский Дом. Материалы к истории. 1905–2005». Заслуженный авторитет в научной и педагогической среде, публицистическая активность в периодической печати, умение общаться с самыми разными аудиториями в целях защиты и пропаганды культурных и духовных ценностей, заботы о пополнении фондовых отделов Пушкинского Дома — все это, как и многие другие его личные качества, характеризует двадцатилетний труд Николая Николаевича Скатова в должности директора нашего Института.

Заведующий кафедрой русской литературы РГПУ им. А. И. Герцена, многолетний директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и главный редактор журнала «Русская литература», автор многочисленных

научных трудов, объединенных в четырехтомном собрании сочинений (СПб., 2001), учитель, воспитавший несколько поколений литературоведов, Николай Николаевич Скатов получил точную и тонкую характеристику от одного из самых близких ему учеников Ю. М. Прозорова: «Русская литература для него — не „миф“, без остатка погруженный в области воображения и фантазии, и не „текст“, открывающий простор для рационалистических предположений и комбинаций, но, в соответствии с классической русской мыслью, особого рода ценностный феномен: центральное явление национальной жизни, лучшее ее историческое, творческое и нравственное достояние».

Е. И. Анненкова,
О. В. Евдокимова,
Т. С. Царькова

СЕКРЕТ ОБАЯНИЯ УЧЕНОГО И ПРОСВЕТИТЕЛЯ

К 90-летию со дня рождения Петра Романовича Заборова

Пушкинский Дом — это не только дом, в котором все обитающие в нем люди связаны общими интересами, взаимной привязанностью или просто слушаем. Пушкинский Дом — это еще и лес, все живые существа в котором взаимосвязаны, взаимообусловлены и взаимозависимы. Со временем лес становится иным, поскольку живые существа одно за другим уходят и на их место приходят новые, рано или поздно доказывающие свою необходимость для существования остальных. Петр Романович Заборов — на протяжении долгих десятилетий — один из самых заметных обитателей дома и в то же время едва ли не самый привлекательный обитатель этого прекрасного леса, один из самых необходимых для бесперебойной, полноценной и гармоничной его жизни.

14 мая 2021 года ему исполняется 90 лет.

Петр Романович родился в семье директора школы и педагога дошкольного образования. Его отец вступил добровольцем в ополчение и уже в ноябре 1941 года погиб на Ленинградском фронте. Петр Романович и во время блокады, и во время эвакуации в Пензе, и после возвращения в Ленинград жил с матерью, музыкальным воспитателем детских садов. Те, кто знают и любят Петра Романовича, но не знали его биографии, вполне обо всем этом могли бы догадаться.

В Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН он пришел в 1958 году по окончании аспирантуры в Ленинградском государственном университете и сразу начал работать в основанном за год до того Секторе взаимосвязей русской и зарубежных литератур, которым он впоследствии будет руководить на протяжении семи лет.

Здесь Петр Романович Заборов сложился как ученый, став видным специалистом по истории литературы. Его имя известно всякому, кто обращается к изучению русско-французских культурных связей, как в России, так и за ее пределами. Автор многочисленных работ по истории культурного взаимодействия России и Европы, в том числе монографии о восприятии Вольтера в России, вошедшей в «золотой фонд» мировой науки, инициатор и руководитель ряда научных проектов, комментатор, текстолог, редактор, — во всех этих многообразных «лицах» Петра Романовича различимы одни и те же устойчивые черты: масштабность научной мысли, высокий профессионализм, основательность и верность науке в сочетании с изяществом и легкостью, позволяющими ему свободно перемещаться по эпохам и странам.

Нет ни одного труда Отдела взаимосвязей, нет ни одного фундаментального труда Пушкинского Дома, выпущенных за эти годы, которые могли бы обойтись без участия Петра Романовича Заборова, как нет, пожалуй, ни одного сотрудника Института, который хотя бы раз не обращался к нему за профессиональной консультацией по самым разным вопросам — будь то расшифровка рукописей, будь то справка о том или ином персонаже, деятеле или событии культуры, будь то необходимость выслушать квалифицированное суждение по той или иной научной проблеме.

Он один мог бы легко заменить собою целый справочный отдел: обладая феноменальной памятью и уникальной эрудицией, Петр Романович способен

в любую минуту предоставить сведения по многим вопросам, относящимся к области гуманитарного знания.

М. П. Алексееву, решившему взять в созданный им Сектор взаимосвязей русской и зарубежных литератур молодого преподавателя французского языка в группах при Доме ученых АН СССР, и не мечтавшего о том, чтобы работать в Пушкинском Доме, пришлось, несмотря на свой высочайший авторитет, преодолевать сопротивление партийных и припартийных инстанций. Благодарность Петра Романовича переросла в восхищение ученика масштабом личности выдающегося ученого, одного из величайших гуманитариев XX столетия, гордость тем, что он превратился в его ближайшего помощника, и в искреннюю человеческую привязанность.

Глубоко символичен тот факт, что Петр Романович, верный памяти своего учителя, после ухода его из жизни, на протяжении нескольких десятилетий занимался разысканиями в области научного наследия великого предшественника М. П. Алексеева, академика А. Н. Веселовского, имя которого было предано забвению. Результатом этих разысканий стали книги, вышедшие в свет под редакцией Петра Романовича Заборова и восполнившие пробел в истории отечественной филологии: «Наследие Александра Веселовского» (СПб., 1992), «Александр Веселовский: Избранные труды и письма» (СПб., 1999), «Александр Веселовский: Актуальные аспекты наследия» (СПб., 2011; совместно с А. В. Лавровым).

Для становления Петра Романовича как выдающегося ученого огромное значение имело его тесное сотрудничество с серией «Литературные памятники», в которой в качестве автора научных статей, комментариев и ответственного редактора в соавторстве с великими переводчиками А. Л. Андрес, Э. Л. Линецкой и Ю. Б. Корнеевым он подготовил несколько блестящих книг, составляющих славу этой знаменитой серии: «Максимы и мысли. Характеры и анекдоты» Н. Шамфора (1966), «Год две тысячи четыреста сороковой» Л. С. Мерсье (1977), «Письма к госпоже Каландрини» Ш. Аиссе (1985), «Сирано де Бержерак» Э. Ростана (1997).

С самого начала своей научной деятельности в Пушкинском Доме Петр Романович стал принимать участие в работе Группы (ныне Отдела) по изучению русской литературы XVIII века, возглавлявшейся в 1950–1960-е годы П. Н. Берковым, о котором он позднее вспоминал с большим уважением и теплотой. Петр Романович и поныне остается участником трудов этого подразделения и проводимых им научных заседаний. Для серии сборников «XVIII век» и других изданий Отдела им были написаны ценные работы по истории русско-европейских связей этого периода: «Ломоносов во французском журнале 1820-х годов», «„Ночные размышления“ Юнга в русских переводах», «Гюго и Карамзин», «„Орлеанская девственница“ Вольтера в русских рукописных переводах», «Ф. Г. Голловкин и его архивные находки». Он внес значительный вклад в многолетний труд Отдела — «Словарь русских писателей XVIII века» (Л.; СПб., 1988–2020. Вып. 1–4), для которого подготовил два десятка статей о русских литераторах, преимущественно связанных с переводческой деятельностью. А интерес Петра Романовича к музыкальной культуре прошлого проявился в статьях «„Русская“ опера Гретри» и «„Русский путешественник“ в Парижской большой опере».

Исследования Петра Романовича Заборова по истории русско-французских литературных и культурных отношений получили известность и признание как в России, так и за рубежом, прежде всего, конечно, во Франции. Он — член Российского и Международного обществ по изучению XVIII века, Вольтеровских обществ в Париже и Фернее.

Будучи, подобно большинству достойных людей того времени, невыездным, Петр Романович только в период Перестройки впервые попал за границу,

а значит и во Францию, страну, изучение культуры которой стало его профессией. При этом любопытным эпизодом его биографии стали поездки вместе с Д. С. Лихачевым, в ту пору возглавлявшим Советский фонд культуры, во Францию для переговоров по возвращению культурных ценностей, которые потомки русских эмигрантов, доверившись авторитету Дмитрия Сергеевича, готовы были передать России.

Ремесло, которому Петр Романович посвятил жизнь, настолько, с его точки зрения, святое, что, обостряя разговор, он многократно во всеуслышание заявлял, что за эту благородную, облагораживающую человека работу грех получать деньги. И обычно коллеги, смутившись, не знали, что возразить.

Еще одна черта отличает Петра Романовича от большинства его коллег по историко-литературному цеху — литературоведение для него во многом является литературой. Работая над своими частными научными темами, он всегда старается добиться максимального языкового и стилистического совершенства. В этой связи невольно вспоминается Гюстав Флобер, который в одном из писем к И. С. Тургеневу, подготовленном Петром Романовичем к печати для академического Полного собрания сочинений и писем русского писателя, признавался: «Мне кажется, французская проза способна достигнуть такой степени *красоты*, какой мы пока даже представить себе не можем». Именно такая *красота* и отличает язык и стиль всех статей и книг самого Петра Романовича, мастерски сочетающего изящество научной мысли с изяществом формы и последовательно избегающего любых «изгибов» и «извивов» преходящей научной моды, как идеологически мотивированной в советские годы, так и деидеологизированной, современной — любой внешний «диктат» вызывает у него тихое (а иногда и громкое), упорное сопротивление.

Редкий по силе и глубине интерес Петра Романовича не только к книге, но и к человеку (т. е. к биографии писателей и к исследователям их творчества) в сочетании с уникальной памятью с первых дней его пребывания в Пушкинском Доме привел к тому, что он стал истинным летописцем живой истории Пушкинского Дома — ее свидетелем, участником, хронистом, помнящим все и обо всех, правда, записей не делавшим и продолжающим хранить все в своей памяти. Люди разных поколений обращались и обращаются к Петру Романовичу не только за научными справками, но и для того, чтобы услышать его увлекательный рассказ об истории Пушкинского Дома, его мнение о том или ином музыкальном произведении, спектакле, фильме. Эпоха Просвещения, которую Петр Романович любит и которую знает, как мало кто в России, его самого превратила в Просветителя, носителя и дарителя широких культурных интересов.

За 63 года работы Петра Романовича в Пушкинском Доме изменилось название Сектора, изменилось название Академии наук, изменилось название нашего города и нашей страны. Не изменился только Петр Романович, знаток и ценитель литературы, строгий критик и обаятельный собеседник, верный и преданный служитель науки, которой он посвящает все свои труды и дни, неизменно вызывая у коллег, в том числе совсем молодых, вступивших в чертоги Пушкинского Дома в самые последние годы, сильные и глубокие чувства — любви, восхищения и признательности.

В. Е. Багно,
М. Ю. Коренева,
Н. Д. Кочеткова,
С. И. Николаев

ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: ОБЩАЯ ГРАНИЦА

К юбилею Всеволода Евгеньевича Багно

7 июня 2021 года исполняется 70 лет Всеволоду Евгеньевичу Багно — доктору филологических наук, члену-корреспонденту Российской академии наук, научному руководителю Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, заведующему отделом взаимосвязей русской и зарубежной литературы, офицеру Креста Ордена Изабеллы Католической, иностранному члену правления Ассоциации литературоведов-русистов Китая. Остановим на этом длиннейший перечень его разнообразных званий, должностей, научных и общественных обязанностей. Попробуем вместо этого набросать творческий портрет юбиляра.

Принимая решение, порой неожиданное для коллег, Багно иногда приводит последний мотивирующий его аргумент: «Это мой стиль». Ключевые слова для определения его стиля: быстрота, непредсказуемость, парадоксальность и в большинстве случаев — интуитивно угадываемая точность.

Багно писал о Пушкине, Гоголе и Жуковском, о Толстом, Достоевском и Тургеневе, о Федоре Сологубе, Вячеславе Иванове и Максимилиане Волошине, о Зинаиде Гippiус и Бунине, Кузмине и Мережковском, о Платонове и Набокове. В рамках одной эпохи ему так же тесно, как и в рамках одной культуры. Испанист в Институте русской литературы, профессиональный переводчик, он постоянно занят пересечением границ, перебрасыванием межкультурных мостов. Граница для него — не черта разделения, а место встречи, точнее — множественных встреч. Не удивительно, что она же — одна из его любимых научных тем (статьи «Граница как категория культуры» (1995), «Философская мысль в пограничных культурах (Россия и Испания)» (1996), «Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания)» (1998), «Языки пограничных культур» (2001), «Пограничные культуры: пограничное сознание» (2006)). Пятый выпуск инициированного Всеволодом Евгеньевичем альманаха «Канун» вышел в 1999 году под заглавием «Пограничное сознание». А парадоксальность, свойственная стилю Багно, проявилась в названии его монографии «Россия и Испания: Общая граница» (2006).

Еще одно ключевое определение стиля Багно — любовь к метафоре, которая тоже перебрасывает смысловые мосты, связывает разъединенное, высвечивает неожиданное, сближает далекое, роднит чуждое. Отсюда — такие темы его работ, как «Зарубежная архитектура в русской поэзии конца XIX — начала XX века» (1986; тут автору явно дорого было то, что архитектура — в поэзии, зарубежная — в русской), «Метафорические интерпретации в биографическом жанре» (1989), «Свое в чужом, чужое в своем (искусшение максимализмом)» (1995), «Образ другого как способ самопознания» (1999), «Петербург и его литература во взаимном отражении» (2003; тут важно было взаимопроникающее отражение). В 2001 году подобная тематика стала общей для статей разных исследователей, собранных в шестом

выпуске альманаха «Канун» — «Чужое имя», а в 2003 году Всеволод Евгеньевич собрал и отредактировал сборник научных статей «Вожди умов и моды: Чужое имя как наследуемая модель жизни».

Последний и любимый ученик академика М. П. Алексеева — великого приверженца фактографии, Багно посвятил себя неутомимому изучению мифов, легенд и утопий («Договор человека с дьяволом в „Повести о Савве Грудцыне“ и в европейской литературной традиции» (1985), «К вопросу о контаминации легенд об оскорблении черепа и о „бабьем насмешнике“ (Легенда о Дон Жуане и былины о Василии Буслаеве и Алеше Поповиче)» (1990), «El mito de Petersburgo» (1993), «Los grandes mitos de la civilización rusa» (1994), «„Каменный гость“ как перекресток древнейших легенд и мифов» (1995), «Ключевые мифы русской культуры (Мифы о бунтаре, самозванце, страннике и лишнем человеке)» (1996), «Миф об отвоеванном королевстве» (1999), «Миф о влюбленном ни в кого, подражателе добрых, биче дурных» (2002), «Времена света и светопреставления» (2003), «Средиземноморская утопия в русской истории и русской литературе» (2003), «Средиземноморье» (2003), «Томленья духа о душе и теле (Сологубовский миф о Дульсине и его истоки)» (2004), «Мотив „жизнь есть сон“ в современной молодежной субкультуре» (2007), «Мотив „жизнь есть сон“ в творчестве Набокова» (2007), «Миф — образ — мотив: русская литература в контексте мировой» (2014)). Первый выпуск альманаха «Канун» (1995) Всеволод Евгеньевич посвятил русским утопиям. В этом тематическом круге два мощных магнита неотрывно привлекают к себе внимание Багно, заставляют его возвращаться к ним вновь и вновь. Разумеется, это фигуры Дон Жуана и Дон Кихота, героев многочисленных статей и книг Всеволода Евгеньевича, составленных и отредактированных им научных сборников. Обращаясь то к одному, то к другому, Багно — просто в силу своего призвания — должен был рано или поздно организовать их встречу. Она произошла в 1999 году в небольшой статье с характерным названием: «Мифы о дон Кихоте и дон Жуане во взаимоотношающейся перспективе».

Взаимоотражающая перспектива — два зеркала, наставленные друг на друга, два образа, глядящие друг в друга поверх разделяющей их границы, — эта метафора может служить ключом к большей части научных трудов Багно, с той поправкой, что зеркал может быть больше, чем два. Многоголосие, плюрализм точек зрения — еще один привлекательный для него предмет исследования и описания («Билингвизм в арабской Испании: мувашшах как двуязычная стихотворная форма» (1981), «Многонациональный характер литературы Испании» (1981), «Традиции русской литературы в испаноязычной литературе Латинской Америки» (1990), «Россия и русские глазами испанцев» (1997), предисловие к сборнику «Межэтнические и межконфессиональные связи в русской литературе и фольклоре» (2013)...). В тот же ряд встают уже упоминавшиеся работы с «зеркальными» названиями: «Петербург и его литература во взаимном отражении», «Свое в чужом, чужое в своем», «Образ другого как способ самопознания» и др.

Вполне очевидно, что особенности научных интересов Всеволода Евгеньевича Багно теснейшим образом связаны с другой стороной его деятельности — с переводами, которые как раз и требуют искусства взаимоотражения, установления метафорического тождества, преодоления границ между культурами. Список авторов, которых Багно перевел через границу между Испанией и Россией, Латинской Америкой и Россией, не менее впечатляющий, чем список имен русских классиков, творчеством которых он занимался. Это Р. Льюль, Л. де Леон, Ф. де Кеведо, Э. Пардо Басан, Р. дель Валье-Инклан, М. Мачадо, С. Вальехо, Р. де Гомес де ла Серна, Асорин, М. де Унамуно,

С. Эсприу, Л. Сернуда, А. Гала, Х. Л. Борхес, Х. Ортега-и-Гассет, Х. Кортасар, О. Пас, Л. А. де Куэнка, А. Баутиста. Но совершались и другие вылазки — переходы через русско-английскую и русско-французскую границы (переводы Дж. Китса, Ж. Нуво, А. Рембо), причем последняя прочерчена особенно ярко в изданиях и публикациях, подготовленных Багно и требовавших сочетания исследовательской точности с тонким переводческим чутьем («Пьеса Поля Клоделя „Отдых седьмого дня“ в переводе М. А. Волошина», 1999; Поль Верлен. Стихотворения, 2014 (сер. «Литературные памятники»)).

Острота ума Всеволода Евгеньевича проявляется не только в изобретательности и изощренности его исследовательской мысли, но и в остроумии в прямом смысле слова, свидетельством чего служат несколько сборников его парадоксов и иронических афоризмов «Под абсурдинку» (2001–2019).

Всеволод Евгеньевич действительно принадлежит к числу тех редких людей, которые вправе говорить о своем стиле, в частности, потому, что характер его научной и творческой активности нашел самое органичное соответствие в его административной и организационной деятельности. За годы его директорства атмосфера Пушкинского Дома как-то незаметно, но радикально очистилась от ощущавшегося в ней идеологического наследия совсем недавнего прошлого. Это произошло как будто само собой, без громких лозунгов, без конфликтов, без преследования инакомыслящих. Иначе и не могло быть: какие-либо репрессивные меры совершенно чужды стилю Багно. Ему всегда интересна человеческая психология. Это интерес почти бескорыстный и всегда безоценочный: любопытной может оказаться любая черта и черточка, в любом «другом» и «чужом» можно найти если не «свое», то по крайней мере нечто достойное уважения и внимания. Отсюда — толерантность Багно-директора и Багно — научного руководителя Института. Человек достаточно резкий в своих симпатиях и антипатиях, он готов в каждом увидеть право на индивидуальность и признать его. Такой взгляд Всеволода Евгеньевича на коллег определяется его чувством любви к Пушкинскому Дому — всему целиком, без каких-либо исключений. И Пушкинский Дом отвечает ему взаимностью.

М. Н. Виролайнен,
В. В. Головин,
И. Ф. Данилова,
М. Ю. Коренева,
С. И. Николаев

МОДЕРНИСТСКИЙ ЖУРНАЛ-МАНИФЕСТ И ЕГО ЧИТАТЕЛИ (К ИСТОРИИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В РОССИИ)

В последние годы в истории литературы все больше внимания уделяется вопросам социологии и прагматики литературной жизни, т. е. исследованию совокупности условий, в рамках которых протекает литературное развитие и которыми во многом определяется. Это касается и эпохи русского модернизма, эстетический потенциал которой до сих пор не исчерпан. Связано это не только с художественными и аксиологическими открытиями русской литературы начала XX века, но и с коммуникативными стратегиями, рельефно обозначившимися в этот же период в истории отечественной журналистики.

Журнальная жизнь начала XX века, во многом определяющая организационный и сущностный облик литературного процесса, настолько яркое явление, что уже неоднократно становилась предметом самостоятельного исследования как в истории журналистики, так и в истории литературы.¹ Однако при всем обилии научных работ, посвященных разным периодическим изданиям начала XX века, феномен литературно-художественных журналов, альманахов, сборников продолжает привлекать к себе внимание,² и не случайно. Коллективные литературно-художественные издания эпохи русского модернизма были не только площадкой реализации отдельных творческих амбиций и устремлений, институализации литературных объединений и группировок, но и совершенно самостоятельным творческим высказыванием.

Утверждение групповых художественных идеологий в русской культуре начала XX века неизбежно сказывалось на статусе литературно-художественной периодики и требовало обновления ее формы. Процесс постепенного перестроения периодики на рубеже веков в конечном итоге завершился возникновением нового типа издания — журнала-манифеста. Однако появление его было определено теми процессами, которые обозначились в отечественной культуре еще в конце XIX века.

¹ См.: Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века: 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982; Русская литература и журналистика начала XX века: 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984; Из истории русской журналистики начала XX века. М., 1984; *Колеров М. А.* Индустрия идей: Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники 1887/1947. М., 2000; *Бережной А. Ф.* История отечественной журналистики (конец XIX — начало XX в.): Материалы и документы. СПб., 2003, и др.

² См.: *Асташкин А. Г.* Типологические и жанровые особенности элитарных журналов об искусстве начала XX в. (на материале журналов «Мир искусства», «Весы», «Золотое руно» и других). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013; *Каверина Е. А.* Художественный журнал Серебряного века как эстетический феномен // Медиалингвистика: Материалы II Международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 103–105; *Тимофеева О. Е.* Художественная проза журнала «Весы» в контексте идейно-эстетической позиции издания. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017, и др.

Известно, что вторая половина XIX века была отмечена бесспорным преобладанием среди печатных периодических изданий русского «толстого» журнала, который задавал тон общественной жизни и одновременно был генератором литературного процесса в России. Русский «толстый» журнал существовал как единый организм, как лаборатория, в которой через освоение различных сфер жизни вырабатывались «идейные течения». При всем разнообразии тематики в нем наблюдалось единство подхода к оценке действительности, и эстетическое начало оказывалось подчиненным тому или иному направлению. Коммуникативная составляющая журнальной деятельности по преимуществу сводилась к задачам просветительским и воспитательным. В свое время Л. Троцкий назвал русский «толстый» журнал «периодической энциклопедией», носящей универсально-образовательный характер,³ и это замечание будет позже повторено в основных и наиболее авторитетных исследованиях этого феномена русской жизни.⁴ Русский журнал «классического» типа давал «духовный фокус» восприятия действительности, форму общественной ориентировки и в перспективе целостную систему мировоззрения.⁵ По этому поводу А. И. Рейтблат замечает: «В пореформенный период русский толстый журнал обычно представлял не культуру или литературу в целом, а какую-либо политическую и мировоззренческую группу. На своих страницах он выстраивал читателю свой образ общества, науки и литературы» и «поскольку журналы различались по своим идеологическим платформам, то факт подписки на то или иное издание (рядовые читатели подписывались обычно лишь на одно) означал принятие того, а не иного „образа мира“». ⁶ Как видим, необходимо признать, что в основе коммуникации с читателем, которую осуществляли русские «толстые» журналы, лежал «монолог», а характер ее отличался известной утилитарностью и авторитарностью.

Однако уже в середине 1880-х годов все отчетливее звучит «отходная» русскому «толстому» журналу,⁷ требование освобождения журналистики от «нравственных пут» и шаблонов, разграничения политики и культуры. Мысль о неприспособленности тяжеловесного журнала с направлением к новым условиям российской действительности и социальным запросам, о потере им своего руководящего значения становится злободневной дискуссионной темой. «Толстые» журналы постепенно теряют «сколько-нибудь определенную физиономию», «старое все переговорили, а нового ничего не знают», — отмечали «Книжки „Недели“» в 1892 году.⁸

В 1890-е годы, когда в истории русской литературы стали «слабо и непобедимо пробиваться на свет Божий» «тайные побеги новой жизни, новой поэзии», по известному определению Д. С. Мережковского,⁹ возникла ситуация острого противостояния русской традиционной «толстой» журналистики и нового литературного поколения. В 1899 году Н. М. Минский отмечал, что «новая школа» в литературе, представленная именами К. Бальмонта,

³ Троцкий Л. Судьба толстого журнала // Троцкий Л. Литература и революция. М., 1991. С. 303.

⁴ См., например: Евгенийев-Максимов В. Е., Максимов Д. Е. Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы. Л., 1930. С. 230–240; Шильникова О. Г. Типологический алгоритм «толстого» журнала в России XIX–XX веков // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 8. 2008. Вып. 7. С. 65–77, и др.

⁵ Троцкий Л. Судьба толстого журнала. С. 301.

⁶ Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по социологии русской литературы. М., 2009. С. 37–38.

⁷ [Б. п.]. Из общественной хроники // Вестник Европы. 1884. № 12. С. 942–948.

⁸ [Б. п.]. Нечто о журнальном однообразии // Книжки «Недели». 1892. № 1. С. 220.

⁹ Мережковский Д. С. Эстетика и критика: В 2 т. / Вступ. статья, сост. и прим. Е. А. Андрущенко и Л. Г. Фризмана. М., 1994. Т. 1. С. 224.

З. Гиппиус, Д. Мережковского, Ф. Сологуба, находится на «осадном положении», «ей закрыты все журналы», но «ей принадлежит будущее».¹⁰ Причем если журнальная и газетная критика действовали единым фронтом, то молодое поколение литераторов такой возможности было лишено. Перед ним остро стояла проблема обретения собственной кафедры для выступлений и защиты своей творческой позиции. Не случайно «гвоздем мечтаний» Мережковского в это время, по свидетельству А. П. Чехова, становится мысль о литературном журнале.¹¹

Важным инструментом в борьбе представителей нового искусства за читательскую аудиторию стало обновление журнальной формы с ориентацией на западноевропейскую традицию, где процессы признания нового искусства и специализации прессы произошли гораздо раньше, чем в России.

В Европе еще в 1880–1890-е годы возникла своеобразная гибридная журнальная форма, ставшая проводником целостного «художественного дискурса, существующего в единстве визуального и вербального».¹² Европейская литературно-художественная журналистика ориентировалась на синтез искусств как на фундамент своей коммуникативной стратегии. В определенном смысле именно по этому пути развивалась и русская литературная периодика начала XX века.

Первым новаторским явлением в становлении нового типа литературно-художественного издания, как известно, стал журнал «Мир искусства» (1899–1904),¹³ организация которого была сопряжена с надеждами «соединенными силами насадить хоть кое-какие более путные взгляды».¹⁴

За время существования журнала в нем был опубликован значимый для формирующейся модернистской литературной традиции корпус текстов как оригинальных, так и переводных: «На берегу Ионического моря» и «Критика любви» З. Н. Гиппиус; «О новой точке зрения в русской критике» Вл. Гиппиуса; «Лев Толстой и Достоевский» Мережковского; «Современная драма» М. Метерлинка; «Фридрих Нитше» и «Философские разговоры» Минского; «Рихард Вагнер в Байрейте» Ф. Ницше; «Чистилище святого Патрика» П. Кальдерона (в переводе Бальмонта), «Поклонение кресту» К. Д. Бальмонта; «Формы искусства» и «Певица» Андрея Белого; «Философия трагедии» Л. Шестова и др.

Между тем желание превратить «Литературную часть» журнала в площадку для историко-литературных и философско-критических дискуссий, замет-

¹⁰ Минский Н. Русская литература за 1898 год // Новости. 1899. 28 янв. С. 2.

¹¹ Ср.: «Литературный журнал составляет теперь гвоздь его (Мережковского. — Г. П.) мечтаний...» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1976. Т. 5. С. 131; письмо А. П. Чехова А. С. Суворину от 22 ноября 1892 года).

¹² Ариас-Вихиль М. А. Французские символистские журналы рубежа веков: от литературы к синтезу искусств // Эпоха символизма: встреча литературы и искусства. М., 2016. С. 258–283.

¹³ См.: Корецкая И. «Мир искусства» // Корецкая И. Над страницами русской поэзии и прозы начала века. М., 1995. С. 270–323; Галинская И. Л. «Мир искусства» и формирование художественной культуры начала XX в. // Культурология. 2003. № 3 (26). С. 123–126; Шестаков В. П. Эстетизм против дидактизма (об эстетической программе журнала «Мир искусства») // Теория художественной культуры. М., 2008. С. 233–263; Асташкин А. Г. 1) Журналы «Мир искусства» и «Новый Путь»: трансформация типа журнала-манифеста // Вестник Башкирского ун-та. 2013. Т. 18. № 3. С. 845–848; 2) Типологическая характеристика журнала «Мир искусства» // Изв. Саратовского ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. № 1. С. 78–84; 3) Журналы «Мир искусства» и «Аполлон»: эволюция оформительской модели журнала-манифеста // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых: традиции и новаторство. Уфа, 2015. С. 147–150; 4) Журнал «Мир искусства» и его создатели // Журналистский ежегодник. 2015. № 4. С. 89–94; Мельник Н. Д. История создания журнала «Мир искусства» // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. № 3. С. 203–215, и др.

¹⁴ Бенуа А. Мои воспоминания: [В 2 т.]. В 5 кн. / Изд. подг. Н. И. Александрова, А. Л. Гришунина, А. Н. Савинова и др. М., 1980. [Т. 2]. С. 223 (сер. «Литературные памятники»).

ное в стремлениях манифестирующих и декларирующих новое искусство и новые подходы к его оценке литераторов, вызвало известное сопротивление со стороны основных организаторов журнала, которые стремились, в первую очередь, к продвижению художественного искусства и художественно-прикладного дела.¹⁵ Это противостояние проявилось и в концептуальной аморфности журнала, что резко критически было осмыслено как «глупость» построения.¹⁶

«Синтеза искусств» по европейскому образцу не получилось. А продолжение философско-литературных дискуссий было перенесено на новую журнальную площадку с весьма характерным и символическим названием «Новый Путь» (1903–1904). История его прослежена в многочисленных статьях и публикациях,¹⁷ нам важно отметить, что, пожалуй, именно в программе этого журнала впервые была продекларирована идея трансформации формы, хотя, по существу, она и осталась нереализованной. Призыв П. Перцова «перейти от неуклюжей тяжеловесности русских ежемесячников к более эластичной и литературно-выдержанной форме западных»¹⁸ изданий не получил системного выражения.

За время своего существования журнал представил на суд читателя большие подборки стихотворений Бальмонта, Минского, Ю. К. Балтрушайтиса, Блока, Брюсова, Сологуба, Гиппиус, дав возможность читателю целостно представить особенности индивидуальной творческой манеры каждого поэта; опубликовал роман Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» и важную для понимания траектории развития русского символизма статью Вяч. Иванова «Эллинская религия страдающего бога».

Журналы «Мир искусства» и «Новый Путь» начали выполнять рефреймирующую функцию, связанную с воздействием на читательскую аудиторию с целью «обновления ее сознания»,¹⁹ однако «проблема читателя» все же не была для них приоритетной.

¹⁵ См. также: Митрошкин В. Ю. Традиции русской культуры XVIII в. и «новое искусство»: К внутримодернистским полемикам в журнале «Мир искусства» // Учен. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1987. Вып. 781. С. 83–98.

¹⁶ Ср.: «Внешность (журнала «Мир искусства». — Г. П.) хороша, но ужасно сумбурно и глупо составлено...» (Сергей Дягилев и русское искусство / Сост., вступ. статья и комм. И. С. Зильберштейна и В. А. Самкова. М., 1982. Т. 2. С. 160; письмо П. М. Третьякова от 15 апреля С. С. Боткину; курсив мой. — Г. П.); «...Вы напрасно злорадствовали. Seriously, я вашего крайнего презрения к Адонисам не разделяю. Что из того, что журнал смешон и глуповат (курсив мой. — Г. П.). Не надо этого слишком бояться. Все-таки что-нибудь. Всего хуже — „ничего“ <...> А если и Мир Искусства погибнет, то ведь уже будет совершенное ничего» (Письма Д. С. Мережковского к П. П. Перцову / Публ. и прим. М. Ю. Кореновой // Русская литература. 1991. № 2. С. 135–136; письмо Д. С. Мережковского к П. П. Перцову от 2 сентября 1899 года).

¹⁷ См.: Максимов Д. Е. «Новый Путь» // Евгеньев-Максимов В. Е., Максимов Д. Е. Из прошлого русской журналистики. С. 129–254; Корецкая И. В. «Новый путь», «Вопросы жизни» // Литературный процесс и русская журналистика. 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. С. 179–233; Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову / Вступ. заметка, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Русская литература. 1991. № 4. С. 124–159; Колеров М. А. «Вопросы жизни»: история и содержание // Логос. 1991. № 2. С. 265–283; Переписка З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и Д. В. Filosofova с В. Я. Брюсовым (1901–1903) / Публ. и подг. текста М. В. Толмачева; комм. Т. В. Воронцовой // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6. С. 276–322; Переписка З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и Д. В. Filosofova с В. Я. Брюсовым (1904–1906) / Публ. и подг. текста М. В. Толмачева; комм. Т. В. Воронцовой // Там же. 1996. № 7. С. 200–226; Колеров М. А. Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996; Асташкин А. Г. Системная характеристика журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни» // От века к веку: Книга. Литература. Коммуникация. Журналистика. Статьи и тезисы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Веры Сергеевны Синенко. Уфа, 2014. С. 43–48, и др.

¹⁸ Перцов П. П. «Новый Путь» // Новый Путь. 1903. № 1. С. 7.

¹⁹ Гиппиус З. Торжество в честь смерти // Мир искусства. 1900. Т. 4. № 17–18. С. 94.

Первым по-настоящему новым литературно-художественным изданием стал символистский журнал «Весы» (1904–1909).²⁰

К вопросу о роли, которую сыграл этот журнал-манифест в истории русской культуры XX века, следует отнести и факт объединения вокруг него сторонников «нового искусства», интегрирования отечественного и мирового культурного опыта. Без знания материала, который за шесть лет был представлен на страницах журнала, невозможно сформировать полноценное представление о развитии русского искусства (литературы, живописи, архитектуры, музыки и т. д.) в XX веке. В журнале участвовали поэты, писатели, философы, искусствоведы, художники (как русские, так и европейские), круг имен авторов был достаточно широк.

Следует отметить, что на протяжении всех лет существования редакция «Весов» уделяла большое внимание не только публикации художественных и литературных произведений, но и информационно-насыщенным аналитическим жанрам и формам: на страницах журнала размещались рецензии, библиографические и критические заметки, обзоры, статьи теоретического, эстетического и философского характера, характеристики выдающихся деятелей искусства, статьи по вопросам искусства, науки и литературы, хроника литературной и художественной жизни, куда входили отчеты о театральных и музыкальных представлениях, художественных выставках и др. Каждый номер журнала был наполнен информацией огромного объема и весьма различного характера.

При этом культурно-историческая миссия журнала-манифеста «Весы» выходила далеко за пределы истории символизма и влияния на отдельные творческие судьбы и биографии.²¹ «Весы» целенаправленно и, следует признать, весьма эффективно боролись за «своего читателя».

Именно этому журналу-манифесту удалось осуществить и своего рода синтез искусств на своих страницах. Вплетенные в вербальную ткань журнала изображения (репродукции картин, оригинальная графика, виньетки, заставки и пр.) уже воспринимались не как сопровождающие иллюстрации, а как часть единого креолизованного пространства, единого текста.

Весьма любопытен здесь опыт публикации набросков Э. Каррьера. В 1907 году (№ 1) журнал «Весы» представил целый ряд рисунков французского ху-

²⁰ Более подробно с историей журнала «Весы», главного рупора русского символизма и в целом «нового» искусства начала XX века, можно ознакомиться по исследованиям: *Лобанов В. М.* Кануны: Из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы. М., 1968. С. 173–186; *Азадовский К. М., Максимов Д. Е.* Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Лит. наследство. 1976. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 257–324; *Котрелев Н. В.* Итальянские литераторы — сотрудники «Весов» // Проблемы ретроспективной библиографии и некоторые аспекты научно-исследовательской работы ВГБИЛ. М., 1978. С. 68–133; *Клинг О. А.* Брюсов в «Весах» (к вопросу о роли Брюсова в организации и издании журнала) // Из истории русской журналистики начала XX века. С. 160–186; *Лавров А. В., Максимов Д. Е.* «Весы» // Русская литература и журналистика начала XX века: 1905–1917. С. 65–136; Из истории символистской журналистики: «Весы» / Отв. ред. Д. А. Завельская, И. С. Приходько. М., 2007; *Голубков В. П.* Эстетическая концепция журнала «Весы» в контексте модернистской журналистики рубежа XIX–XX веков // Stefanos. Сборник научных работ памяти А. Г. Соколова. М., 2008. С. 37–45, и др.

²¹ См.: *Иванова Е. В.* Журнал «Весы» в биографии Чуковского // От Кибирова до Пушкина. Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011. С. 143–148; *Ерофеев И. Ю.* Литературное наследие О. Уайльда в журнале «Весы» и роль М. Ф. Ликиардопуло в его освоении // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. № 2 (10). С. 200–203; *Шапкина О. И.* Критическая деятельность С. А. Полякова // Филологические науки. 2016. № 3. С. 102–110; *Оганесян К. А. В.* Брюсов о поэзии французского поэта-символиста П. Верлена на страницах журнала «Весы» // Ceteris Paribus. 2016. № 4. С. 58–61; *Геворкян А. В.* Письма из Байрейта // «Сложная целостность» литературы: Исследования и публикации. К юбилею В. А. Келдыша. М., 2019. С. 347–368; *Шапкина О. И.* Рецензия творчества М. Горького критиками журнала «Весы» // XX Свято-Троицкие ежегодные международные академические чтения в Санкт-Петербурге. СПб., 2020. С. 217–221, и др.

дожника, которые были размещены в качестве заставок-концовок на страницах литературного отдела. Так, фрагмент неизданного стихотворения А. С. Пушкина сопровождался наброском Каррьера с изображением женских рук и головы ребенка. В другом случае один из этюдов Каррьера к картине «La Jeunesse» (1897) стал финальным аккордом стихотворений Бальмонта «Зачарование» и «Три коня» (из книги «Птицы в воздухе»), как бы сюжетно дополнив мотив видения, взгляда на небосклон, где творится игра божественно-природных сил.

Тонкие эмоциональные связи объединяют заставки из Каррьера с изображением припавшего к груди матери младенца и материнского поцелуя со стихотворениями Волошина из цикла «Картины Парижа». Причем в текстах Волошина и рисунках Каррьера нет пересечения образных рядов, сюжетных ходов, их взаимодействие определяет, если можно так сказать, «музыка», стихия звучащих эмоций — грусти, воспоминания, погружения в состояние созерцательного покоя, — «час таинственных наитий».²²

Последняя заставка — это изображение двух детских головок. Детские образы размещены в завершении цикла стихотворений Брюсова «Обряд ночи» и, на первый взгляд, диссонируют с его содержанием, описанием всепоглощающей и в чем-то даже разрушительной любовной страсти:

Словно в огненном дыме и лица и вещи...
Как хорош при огнях ограненный хрусталь...
За плечом у тебя веет призрак зловещий...
Ты — мечта и любовь! Ты — укор и печаль!..

(1907. № 1. С. 13)

Детские, наивные и чистые, каррьеровские образы явно контрастируют с развивающимся сюжетом властной любовной стихии, захватившей героев Брюсова. Но именно этот контраст как нельзя лучше подчеркивает и глубину различия между идеалом и действительностью, между мечтой и реальностью, и трагическую обреченность человеческого существования.

Между тем синтез искусств, повышенное внимание к художественному оформлению не были самоцелью «Весов», гораздо важнее, что этот синтез стал одним из приемов представления творческого процесса, совершающегося общими усилиями и устремлениями. Таким образом, каждый номер журнала воспринимался не просто как сумма текстов, сопровождаемых иллюстрациями, а как коллективный творческий акт.

Еще одним приемом осуществления в пределах отдельного журнального номера коллективных творческих усилий стало внутреннее сцепление текстов системой сквозных мотивов, образов, событий, персонажей.

Эти приемы будут активно использоваться и другими литературно-художественными изданиями. Так, один из примеров целостной организации журнального пространства находим в № 7/9 за 1908 год «Золотого руна», который был посвящен главным образом особому проекту — «Салону „Золотого руна“», первой выставке, организованной редакцией журнала и открывшейся в Москве в апреле того же года. Здесь были представлены 94 снимка с картин и скульптур французских художников, в том числе П. Сезанна, П. Гогена и В. Ван Гога, а также фототипия Сезанна «Nature morte» и трехцветная автотипия Ван Гога «Ночное кафе». При этом секретарь редакции «Золотого руна» Г. Э. Тастевен заказал Волошину статью «о новой французской живописи

²² См. стихотворение М. А. Волошина, при первой публикации озаглавленное «St. Cloud» (Весы. 1907. № 1. С. 11). Далее ссылки на журнал «Весы» приводятся в тексте сокращенно, с указанием года, номера и страницы.

с характеристикой их теорий». ²³ Волошин откликнулся на заказ, и в указанном номере появилась его работа «Устремления новой французской живописи (Сезанн, Ван-Гог и Гоген)» параллельно с публикацией переписки Ван Гога с друзьями, а также статьями самого Г. Тастевена «Импрессионизм и новые искания» и Ш. Мориса «Новые тенденции современного искусства», в которых Сезанну, Гогену и Ван Гогу уделялось особое место.

Позже практика целостного структурирования и не только журнальных номеров, но и альманахов, и коллективных сборников будет активно использоваться инициаторами литературно-художественных изданий. ²⁴

Возвращаясь к журналу-манифесту «Весы» следует сказать, что важной составляющей глобальных замыслов его редакции, как мы уже отметили, было выстраивание особых отношений со своим читателем, что проявилось в принципиальной смене риторики обращений к читательской аудитории, которая рельефно была обозначена уже во вступительной редакционной статье «К читателям»: «„Весы“ убеждены, что „новое искусство“ — крайняя точка, которой пока достигло на своем пути человечество, что именно в „новом искусстве“ сосредоточены все лучшие силы духовной жизни земли, что, минуя его, людям нет иного пути вперед, к новым, еще высшим идеалам» (1904. № 1. С. III). В этом утверждении обращает на себя внимание отсутствие демаркационной границы между авторами, сотрудниками, редакцией журнала и его читателями: они объединены одним понятием «человечества», ищущего пути к высшим идеалам. В «Весах» повсеместно — в аналитических статьях, в обзорах, в рецензиях — звучит апелляция к читателю, «внимателю и сопереживателю», ²⁵ к его восприятию, впечатлению, удовольствию, наслаждению, как важной составляющей эстетической коммуникации. Вот ряд наиболее ярких примеров подобного рода обращений: «Мы с вами, читатель, выбежали бы с поседевшими от страха волосами из комнаты. Он не выбежал...» — восклицает В. В. Розанов в статье «Тут есть некая тайна», вспоминая гоголевского «Вия» (1904. № 2. С. 18); «Может быть, за этими восклицаниями скрыт истинный порыв, — если не прозрение, то приближение к его порогу... Но для читателя вся книга — только гряда слов, ненужных, жалко-смешных, детски-неумелых», — подытоживает Брюсов критическую заметку о книге П. Э. (П. Д. Эттингера?) «Тайна. Души моей невольные признанья» (1904. № 3. С. 62); «Если это не невежество, то недобросовестное дурачение читателей», — сокрушается М. Ф. Ликиардопуло в отзыве на книгу «ΡΩΣΣΙΚΑ ΔΙΗΓΗΜΑΤΑ» метафр. ύπό Π. Λέφα (Αθηναί, 1903) (1904. № 3. С. 64); «С чувством истинного отвращения мы обращаем внимание читателей на позорные страницы в мартовской книге „Вестника Европы“, написанные некоторым безымянным Евг. Л. (Е. А. Ляцким. — Г. П.). Говоря о последней книге Валерия Брюсова и негодуя на то, что у меня и Брюсова есть читатели, он оценивает столь развязно публику, на которую действует наше „обаяние“, и доходит до такой степени нравственного падения, что употребляет слово „негодяи“, — пишет Бальмонт в своем «письме в редакцию» «Маску долой», подчеркивая, по меньшей мере, неуважительное отношение известного журнала к читательской аудитории (1904. № 3. С. 79); «Пусть, однако, не думают, что Демольдер, в ущерб простому удовольствию читателя, заставляет его принимать участие в своих исторических изысканиях. С самого начала „Садовник Помпадур“ является книгой, основанной на документах, создающей новый род исторического романа; но эта новизна в изображении прежней жиз-

²³ Волошин М. Собр. соч. М., 2007. Т. 5. С. 668.

²⁴ См., например: *Сегал Д. Л., Сегал Н. М.* К типологии русских литературных альманахов и сборников первой четверти XX века // От Кибирова до Пушкина. С. 476–539.

²⁵ *Толстой А. Н.* О читателе. В виде предисловия // Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1961. Т. 10. С. 64.

ни нисколько не утомляет. <...> Изобилие точных подробностей отчасти мешает правде и гармонии целого, но этот недостаток искупается рядом других достоинств, меньшее из которых: сама изображенная в романе жизнь. Здесь такое богатство событий, такой водоворот страстей, что читатель чувствует себя ослепленным», — замечает Ван Бевер в отклике на книгу E. Demolder «Le Jardinier de la Pompadour», вставая на позицию читателя (1904. № 4. С. 52); «Белый ждет читателя, который простил бы ему его промахи, который отдался бы вместе с ним безумному водопаду его золотых и огнистых грез, бросился бы в эту вспененную перлами бездну. Читатель Вяч. Иванова должен отнестись к его стихам с вдумчивой серьезностью, должен допрашивать его творчество, должен буравить эти рудые, часто неприветливые, иногда причудливые скалы, зная, что оттуда брызнут серебряные ключи чистой поэзии», — обращается к читателю Брюсов в рецензии на поэтические книги Андрея Белого «Золото в лазури» и Вяч. Иванова «Прозрачность», изданные «Скорпионом» в 1904 году (1904. № 4. С. 61–62); «Думаем, читатели по этим примерам составят себе вполне ясное представление об опыте извращения Уайльда, предпринятом г. Саблиным, в виде „полного собрания сочинений О. Уайльда“, — апеллирует к читателю Ликиардопуло (1905. № 1. С. 63).

Фронтальное обследование материалов «Весов» только за 1904–1905 годы выявило более 300 случаев обращений к читателям на страницах журнала. А в 1905 году выделилась особая категория — «читатели „Весов“», закрепляющая статус адресата журнальной коммуникации: уже не безликой публики, что было свойственно русскому «толстому» журналу,²⁶ а важнейшей составляющей эстетического взаимодействия, соучастника литературно-художественного процесса. Действительно, журнал «Весы» фактически призывал своего читателя не к пассивному восприятию нового искусства, а к активному «диалогу», сотворчеству.

Подобное отношение к читательской аудитории не замедлило сказаться. Редакционный портфель «Весов», значительной частью сосредоточенный в личном архиве С. А. Полякова, содержит более трехсот единиц хранения, представляющих обращения читателей «Весов» в редакцию. Но дело здесь даже не в количестве, а в содержании этих обращений.

В свое время С. С. Гречишкин дал весьма подробное описание этого корпуса материалов. Обозревая личный архив С. А. Полякова, исследователь отметил: «Львиная доля писем, полученных редакцией, адресовалась на имя издателя-редактора. В них содержатся предложения опубликовать на страницах журнала те или иные произведения».²⁷ При этом исследователь оценил их в резком и по преимуществу негативном ключе, отметив: «Архив „Весов“ включает большое количество рукописей преимущественно провинциальных авторов, посланных в надежде на публикацию в журнале и отвергнутых редакцией. Как правило, они отличаются крайне низким художественным уровнем и зачастую представляют собой набор расхожих „декадентских“ клише».²⁸

²⁶ Ср. вышеприведенные обращения к читателям на страницах журнала «Весы» с фрагментом редакционной статьи «Вестника Европы»: «...цель „Вестника Европы“, с настоящего времени, в новой его форме социального журнала <...>, будет состоять, прежде всего, в том, чтобы служить постоянным органом для ознакомления тех, которые пожелаю бы следить за успехами историко-политических наук, с каждым новым и важным явлением в их современной литературе. Вместе с тем наш журнал имеет в виду сделаться <...> местом <...> для сообщения публике своих отдельных трудов по частным вопросам, интересным <...> и полезным <...>. Мы являемся перед публикою, оставляя позади себя мало выгодное время вообще для гуманитарных наук...» (Вестник Европы. 1866. Т. 1. Март. С. VI–VII; курсив мой. — Г. П.).

²⁷ Гречишкин С. С. Архив С. А. Полякова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 19.

²⁸ Там же. С. 21.

Между тем стоит, как нам кажется, внимательнее присмотреться к этой корреспонденции и «литературной продукции», по определению Гречишкина, но не столько как к раздражающему эпигонскому фактору, сколько как к результату оказавшейся весьма состоятельной эстетической коммуникации, на которую был ориентирован журнал.

Вообще количество сосредоточенного в редакционном портфеле «Весов» материала убеждает в том, что усилия по вовлечению читателя в творческий процесс не оказались напрасными и бесплодными. Обращает на себя внимание дискурсивная составляющая писем читателей, которые ощущают себя «авторами», откликнувшимися на призыв к диалогу и сотворчеству, стремятся быть «сотрудниками», «товарищами» издания. Нередко их обращения в редакцию носят исповедальный характер. Так, Г. М. Алексеев, приславший в редакцию тетрадь с текстом под заглавием «Эволюция. (Из записок самоубийцы)», пишет: «На этих днях я передал Вам рукопись <...> озаглавленную „Эволюция“. Тетрадь эта представляет <...> начало, за которым должно последовать продолжение. Мысль моя заключается в том, чтобы изобразить историю роста <...> историю освобождения души, которая <...> отказывается от всего, что навязано ей извне — люди, общество, среда, обстоятельства; отрекается от тех стремлений, которые не являются ее стремлениями, ищет неустанно себя, все более приближается к себе, удаляется от других <...> и, наконец... наконец, она чувствует себя легкой и свободной, ей кажется, что она уже знает, к чему ей надо стремиться, знает также и то, как надо стремиться, она предчувствует возможность полета... <...> Другие, пожалуй, не заметят в моей „Эволюции“ ни возвышения, ни упадка, а увидят в ней просто историю блужданий; или же и вовсе не усмотрят здесь никакой истории, ничего, кроме ряда настроений... <...> Но мне все-таки кажется, что если моя работа и не является той „историей“, о которой я мечтал, то, во всяком случае, она представляет из себя правдивое изображение некоторых душевных состояний. Будучи более похожа на „человеческий документ“, на сборник сырых материалов, чем на литературное произведение, она, быть может, способна заинтересовать тех, которые вообще интересуются внутренней жизнью <...>. Я долго оставался наедине со своей работой, но настал, наконец, момент, когда я почувствовал потребность услышать чужое мнение. <...> С совершеннейшим уважением, Автор».²⁹

В другом случае феоdosиец В. Г. Вороновский, отправляя четыре стихотворения («Женщина», «Человек», «Мы», «Под шум бряцания костей...»), доверительно просит редакцию о товарищеском понимании и критической поддержке: «Посылаю Вам несколько стихотворений, будьте так добры, если это окажется возможным, напечатать их в №№ Вашего уважаемого журнала.

Если стихотворения будут годны — гонорар назначьте Вы. Сознаю, что нехорошо, не делает мне чести просить гонорар, но тяжелые материальные условия, которые хронически, как злая болезнь, съедают силы нашей учащейся молодежи — против нее бессилён я и, смиренно склонив шею, прошу гонорар.

Еще просьба, хотя дерзкая. Не будете ли Вы так любезны, в случае полной негодности стихотворений, сообщить мне, писать ли дальше и есть ли вообще у меня талант; — это такой большой для меня вопрос, что затрагиваю его с ужасом, но иного выхода нет, как только просить Вас помочь мне. По своим убеждениям — ярый мистик — я могу же понравиться Вам своими стихами, в которых нет реальности выражений, а есть лишь „туманности символизма“ — как говорят иные. Ответьте мне, пожалуйста, хорошо, так как у меня

²⁹ ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 2. № 7. Л. 1.

нет денег на ответную марку, а к тому времени, как Вы ответите — надеюсь — будут».³⁰

Сама риторика этих эпистолярных обращений и многих-многих других подобных свидетельствует о том, что их авторы изначально оказывались настроены *на диалог* с редакцией. В ряде случаев среди писем обнаруживаются и своеобразные не лишённые наивного амикошества «дружеские» пассажи. Например, из письма от 5 июня 1908 года из Гатчины от В. Н. Середы: «По-сылаю вылившийся из сердца „ответ“ на только что полученное с июньской книжкой „Весов“ стихотворение Гумилева. Буду очень рад, если мой ответ будет помещен в „Весах“ возможно скорее, пока в уме читателей еще жива угроза „славной смерти“».

Гонорара не ожидаю, так как являюсь для „Весов“ еще новичком, хотя писал, пишу и, вероятно, буду писать довольно часто... Зачем? „Я боюсь бесславной жизни“, и это ответ не одному только товарищу по „волшебной скрипке“».³¹ К письму было приложено стихотворение, подписанное псевдонимом Виктор Николич, с эпиграфом, состоящим из строк стихотворения Н. С. Гумилева, наиболее впечатливших автора:

*Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скрипачей...
.....
На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ
И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача.
(Н. Гумилев. Волшебная скрипка. Весы. Июнь. <1>908. № 6)*

Я боюсь бесславной жизни. Пусть нагрянут
все напасти.
В нашей власти, в нашей власти, скрипкой
страсти возродить.
Силой звука — честь порука! Всем
волкам заткну я пасти,
Мощью взгляда, силы Ада мне не
трудно победить.
Не страшны мне чары, волки... Но бездушны
люди, толки...
Я играю гимны Раю, царству
светлого Конца
Я молюсь и замираю, — а кругом презренно-
колки
Бьются Волки, духи Ада! В битве
струны не сдаются,
Всякой буре скрипка рада: смерть
героям — нипочем.
Но — играю, звуки льются... Вкруг
лишь холодно смеются
Над ненужным, слишком вышним,
в жизни лишним скрипачом.³²

Это последнее письмо обращает нас к разговору и еще об одном важном результате нового типа коммуникации с читателем, осуществляемой журналом «Весы», — появлению целого пласта так называемой рецептивной

³⁰ Там же. № 50. Л. 1.

³¹ Там же. № 204. Л. 1.

³² Там же. № 128. Л. 1.

литературы, т. е. текстов, написанных читателями как непосредственный отклик на публикации в «Весах». Так, Ал. Мариюшкин, один из «читателей „Весов“», высказывая в письме «горячее желание быть сотрудником уважаемого органа»,³³ присылает в редакцию стихотворение «Мерцания» с подзаголовком «К. Д. Бальмонт», фактически представляющее собой своеобразный «перепев» лирической манеры поэта-символиста.

Мерцания
(К. Д. Бальмонт)

Звезды тихие, печальные,
Будто свечи погребальные
Потонули в бесконечности
И горят улыбкой вечности.

Будто облики неясные
В красоте безумно-властные, —
Цепью странную сплетаются
И в туман ночной теряются.

Никому не постижимые,
Тайной вечности хранимые,
Все влекут улыбкой нежности
К зачарованной безбрежности...

Только мысли одинокие
В эти вечности глубокие
Проникают за загадкой
И целуют их украдкой.

Золотых лучей узорами
Грустно молят, словно взорами,
Звезды бледные, печальные,
Будто свечи погребальные.³⁴

Интересный случай «рецептивного текста» находим в недатированном письме в редакцию со станции Угловка Николаевской железной дороги от Л. П. Богоявленского,³⁵ сопроводившего свои стихи следующим пояснением: «Направляю эти стихи в редакцию Вашего журнала. Быть может, их и напечатать можно. Стихи вызваны стихами Гиппиус в 12 кн. Весов 1908 г. И хотя они и не подражания, но размеры Гиппиус сковали мою мысль, и я невольно

³³ Там же. № 117. Л. 5.

³⁴ Там же. Л. 3.

³⁵ Обратим внимание на фигуру Л. П. Богоявленского как на типичного представителя «читателей „Весов“». Богоявленский Леонид Петрович (1877 — после 1939) — филолог, педагог, автор пособий: *Богоявленский Л. П., Капусткин А. Н.* Букварь. Учебник русского языка для карельской начальной школы. Петрозаводск, 1939; *Богоявленский Л. П., Жербуева М. Н., Рыбникова М. А.* Ручеек. Букварь для деревенской школы. М.; Л., 1926, и др. Л. П. Богоявленский происходил из семьи священника Петра Никитича Богоявленского (1849?–?), согласно записям в Церковных ведомостях г. Валдая и его уезда за 1896 год Новгородской духовной консистории (ГОКУ Новгородской области. Ф. 480. Оп. 1. № 3605), выпускника Новгородской духовной семинарии (1874), священника Христорождественской церкви при станции Угловка Николаевской железной дороги Валдайского уезда Новгородской губернии и законоучителя при Угловской Миснерской школе (с 1893 года). Л. П. Богоявленский обучался в Могилевской духовной семинарии, но судьбе священника предпочел светское служение учителем.

шел в их ответ. Печатать потому с подписью Л. П-й». ³⁶ К письму прилагалось 7 стихотворений: «Вечер», «Утро», «Истина (Ницше)», «Всем ищущим в бессилии...», «Мысль», «Вечером», «На маскараде». В стихотворениях Л. П. Богоявленского трудно обнаружить прямую тематическую и образную связь со стихотворениями З. Гиппиус, на которые он указывает. ³⁷ При этом лирическое высказывание Л. П. Богоявленского организовано в соответствии с ритмической моделью, заданной Гиппиус, ср., например:

Л. П. Богоявленский

* * *

Небо ярко... Лес пурпурный
Рядом рдеющих дорог
Перерезал кров ажурный
Солнцем тканых наволок... ³⁸

ВЕЧЕРОМ

Открыты окна... Ночные тени
Как стражи встали в саду моем,
Но сладко пахнут, цветут сирени,
Я с няней старой сию вдвоем... ³⁹

З. Н. Гиппиус

МАЛИНКА

Лист положен сверху вялый,
Переplet корзинки туг,
Я принес подарок алый
Для души твоей, мой друг...

(1908. № 12. С. 7)

НЕЛЮБОВЬ

Как ветер мокрый — ты бьешься в ставни,
Как ветер черный поешь: ты мой!
Я древний хаос, я друг твой давний,
Твой друг единый, — открой, открой!

(1908. № 12. С. 12)

В данном случае, очевидно, стихотворные опыты возникли в результате того процесса, который позже опишет В. Ф. Асмус: «Содержание художественного произведения не переходит — как вода, переливающаяся из кувшина в другой, — из произведения в голову читателя. Оно воспроизводится, воссоздается самим читателем — по ориентирам, данным в самом произведении, но с конечным результатом, определяемым умственной, душевной, духовной деятельностью читателя». ⁴⁰

Этот пласт «рецептивной литературы» достаточно объемен, здесь важно подчеркнуть, что «рецептивный текст» — значимая часть большого «мультитекста» русского модерна, возникшая как результат особого типа эстетической коммуникации. В параллельном существовании собственно художественного текста и «рецептивной литературы» (поэтических «ответов», символических поэм, прозаических эскизов-откровений, «сумеречных мотивов», дневниковых «эволюций») «читателей „Весов“» следует видеть формирование особой творческой целостности, которая уже в наше время получит определение медиапространства как важнейшего условия существования культуры и результата культурного строительства, основанного на эстетической коммуникации.

Все открытия «Весов» в области журнальной формы и эстетической коммуникации с разной степенью успешности будут использоваться в отечественной литературно-художественной периодике на протяжении всего XX века.

³⁶ ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 2. № 41. Л. 1.

³⁷ Речь идет о стихотворениях З. Н. Гиппиус «Малинка», «Дьяволенок», «Нелюбовь», «Черный серп», «Тварь» (см.: 1908. № 12. С. 7–16).

³⁸ ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 2. № 41. Л. 2.

³⁹ Там же. Л. 7.

⁴⁰ Асмус В. Ф. Чтение как труд и творчество // Асмус В. Ф. Вопросы теории и истории эстетики. М., 1968. С. 62.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-26-31

© С. М. Шумило (Украина)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ СЛОВА НА ФОМИНУ НЕДЕЛЮ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

Поэтика проповедей Кирилла Туровского неоднократно привлекала внимание исследователей,¹ однако мало изучен такой важный художественный элемент его произведений, как аллюзии на богослужебные тексты, несмотря на то, что именно этот проповеднический прием является, на наш взгляд, одним из центральных в эпидейктике Кирилла Туровского.²

Слово на Фомину неделю³ отличается от всех проповедей Кирилла Туровского оригинальностью композиции, яркостью сравнений и символизмом. Прямая жанровая и стилистическая зависимость проповеди Кирилла Туровского от богослужебного текста обуславливает и возникновение определенных специфических черт проповеди, которая генетически связана с каким-то особенным богослужением, а служба Фоминой недели как раз особенная, она резко отличается от всех служб пасхального периода. Начнем с описания отличий от родственных ей служб.

Все богослужения пасхального цикла, т. е. Цветной триоди, объединены между собой сквозной темой и общим корпусом текстов: пасхальным канонам, стихирами на хвалитех, пасхальным эксопостиларием и некоторыми повторяющимися возгласами. Такой цикл служб представлен, например, в Цветной триоди собрания Троице-Сергиевой лавры № 399, которая в нашей работе используется как источник. Служба же Фоминой недели отличается от всех чинопоследований этого цикла: она не имеет пасхального канона, пасхального эксопостилария и пасхальных стихир на хвалитех. Как бы завершая собой Светлую седмицу, на протяжении которой пасхальное богослужение почти не изменялось, за исключением некоторых стихир, служба Фомину воскресению предлагает молящимся принципиально другие тексты — думается, ради сосредоточения внимания после повторяющихся праздничных песнопений.

Кирилл Туровский, вслед за контрастным по отношению к другим чинопоследованиям Цветной триоди богослужением, создает не менее выделяющуюся на общем фоне проповедь, мы не найдем в ней столь заметного влияния Триоди, как в других его произведениях. Проповедник как бы меняет метод использования литературных источников: не цитирует их, не вписывает аллюзий или реминисценций, но выбирает из богослужения какие-то одну или две фразы, включает их в текст как не прямые цитаты и толкует их.

Это не случайная композиция проповеди, ее нельзя назвать родившейся спонтанно. Аналогичный метод встречается в других произведениях этого автора, а также

¹ См., например: *Еремин И. П.* Ораторское искусство Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 18. С. 51–58; *Лихачев Д. С.* Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб., 2001. С. 154–160; *Чижевський Д. І.* Історія української літератури від початків до доби реалізму. Нью-Йорк, 1956. С. 136–155; *Кусков В. В.* История древнерусской литературы: Учебник. М., 1982. С. 114–115; *Рогачевская Е. Б.* Цикл молитв Кирилла Туровского: тексты и исследования. М., 1999. С. 7–85; *Сазонова Л. И.* Принцип ритмической организации в произведениях торжественного красноречия старшей поры // ТОДРЛ. М.; Л., 1974. Т. 28. С. 30–46, и др.

² См. об этом: *Шумило С. М.* Влияние литургической гимнографии на творчество Кирилла Туровского // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 252–264.

³ Полное название — «Слово Кирила недостойнаго мниха по Пасце, похваление въскресения, и о арьтусе, и о Фомине испытанья ребр господних».

у более поздних проповедников, например у Григория Цамблака в проповедях на Великий четверг и об Илии Пророке.⁴

Итак, рассмотрим текст Слова на неделю Фомину с точки зрения использования литературных источников.

Прежде всего, необходимо сказать, что, помимо гимнографического источника, здесь есть и эпидейктический — Кирилл Туровский обращается к Слову на обновление Григория Богослова. Это обращение в известной степени связано с чинопоследованием Фоминой недели: в службе есть указание на чтение именно этой проповеди, она для Кирилла — составная часть богослужения. Рассмотрим один фрагмент из проповеди Григория Богослова на обновление: «Нынѣ солнце высочайше. Нынѣ лунѣ круг прозрачнѣи, и звѣздам ликъ чистейши...»⁵

Большой лирический период у Григория Богослова посвящен описанию природы, весенней радости, которая охватывает весь мир в это время года. Богослов не проводит прямой параллели от природных явлений к празднику Пасхи, у него это чистая лирика. Но Кирилл Туровский, вписывая в свою проповедь аллюзию на произведение Григория Богослова, аллегорически толкует каждое его высказывание. Так, он, не ссылаясь на Григория и не указывая, что пишет толкование, разъясняет реципиентам, о каком солнце и какой луне идет речь. Солнце и луна в его проповеди существуют как авторские образы, но средневековый молящийся, только что прослушавший службу, конечно, догадывается, что ему предлагают вариант уже слышанных метафор и толкование на лирическое отступление Григория Богослова.

Во-первых, Кирилл Туровский заимствует образы солнца и луны, а также ключевого слова (здесь — «нынѣ»), своеобразного слова-«маркера», начинающего новую синтагму: «Нынѣ солнце красуясь к высотѣ восходит и радуясь землю огрѣвает <...> Ныня луна с вышняго съступивши степени болшему свѣтилу честь подавает...»⁶

А затем, проведя, в числе многих, эту параллель к проповеди Григория, Кирилл Туровский толкует данные образы: «Нынѣ солнце <...> — взиде бо нам от гроба праведное солнце Христос и вся вѣрующая ему спасает. Ныня луна <...> — уже бо ветхий закон по писанию с суботами преста и пророки Христову закону честь подает».⁷

Эта параллель к проповеди раннехристианского ретора могла бы показаться случайным совпадением образов, если бы не находилась в контексте множества подобных параллелей и толкований. Рассмотрим еще несколько аналогичных случаев.

Проповедь Григория Богослова: «Нынѣ же рѣкы силнѣе зимных узъ раздрѣшившися...»⁸

Проповедь Кирилла Туровского: «Ныня зима грѣховная покаяниемъ преста и лед невѣрия богоразумиемъ растаяся; зима убо языческаго кумиролужения апостолскимъ учениемъ и Христовою вѣрою преста естъ, лед же Фомина невѣрия показаниемъ Христов ребр растаяся».⁹

Образ рек, тающих от весеннего солнца так, как грехи тают от «умозрительного» солнца воскресения Христова, очевидно, заимствован Кириллом у Григория и развит в более полное толкование.

Проповедь Григория Богослова: «Царица вѣременемъ <весна. — С. III.> царици днемъ <Пасхе. — С. III.> посилаетъ и дароноситъ отъ своихъ все, еже чѣто добрѣише и краснѣише...»¹⁰

⁴ См. об этом: *Шумило С. М.* Богослужебные тексты как литературный источник средневековой проповеди: поучения Григория Цамблака // *Русская литература*. 2017. № 3. С. 158–164.

⁵ *Григорий Богослов.* Слово на обновление, ркп. НБКМ 674 // 16 слова на св. Григорий Богослов (фототипно издание на ръкопис НБКМ 674) / Подг. изд. М. А. Спасова. София, 2014. Л. 37–37 об.

⁶ *Кирилл Туровский.* Слово Кирилла недостойнаго мнихе по пасце, похваление въскресения, и о арѣтусе, и о Фоминѣ испытанъи ребр господних // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 416 (далее — Слово на Фомину неделю).

⁷ Там же.

⁸ *Григорий Богослов.* Слово на обновление... Л. 37 об.

⁹ *Кирилл Туровский.* Слово на Фомину неделю. С. 416.

¹⁰ *Григорий Богослов.* Слово на обновление... Л. 37.

Здесь Григорий Богослов предлагает интересную метафору-олицетворение: весна как бы дарит празднику Пасхи все самое прекрасное, что имеет в себе. Кирилл Туровский отталкивается от этого олицетворения и останавливается на метафоре «весна — вера»: «Днесь весна красується, оживляючи земное естество <...> Весна убо красная есть вѣра Христова, яже крещениемъ поражаетъ чловѣческое паки естество...»¹¹

Думается, изменение Кириллом контекста, в котором употреблена метафора весны у Григория Богослова, обусловлено непосредственным влиянием Триоди. В чинопоследовании Фоминой недели метафора весны возникает ближе к концу службы — в эксупостилии, — она практически не связана с общим контекстом службы и потому, вероятно, нуждается в толковании. Поскольку она перекликается с проповедью Григория Богослова, то Кирилл Туровский, толкуя проповедь, истолковал и эту богослужебную метафору. В эксупостилии текст о весне звучит так: «Днесь весна благоухает, и нова тварь ликует, днесь взимаются ключа дверем невѣрию, Фому другу вѣпиюще: Господь и Бог мой».¹²

Это единственное место в службе, где упоминается весна, но далеко не единственное место в проповедях Григория и Кирилла, где говорится о весне и расцветающей природе. Нужно сказать, что богослужение вообще очень редко указывает на то или иное время года: богослужебный год оторван от природных явлений. Потому упоминание весны, времени года, на которое неизменно приходится Пасха, особенно бросается в глаза в службе Антипасхи и привлекает внимание молящихся. Именно такие фрагменты — выдающиеся, запоминающиеся — обычно книжники и используют как литературный источник.

Далее Кирилл Туровский продолжает толковать проповедь Григория Богослова, который, изобразив солнце, луну, реки и сады, рисует и ягнят, веселящихся на зеленой травке. Если в пространном пейзажном описании Григория эти ягнята не контрастируют с общей картинкой и даже напоминают идиллические античные пейзажи с их стадами и пастухами, то в проповеди Кирилла, если не учитывать ее внутреннюю связь со Словом Григория Богослова, они явно выпадают из общего контекста. Это объясняется как раз стремлением автора истолковать столь необычный для церковного праздника образ, как играющие ягнята, который он заимствует от Григория. Рассмотрим этот фрагмент.

Проповедь Григория Богослова: «И цвѣтъ благоухаетъ. И садъ точить <...> И агъцы играютъ у зеленыхъ нивъ...»¹³

Проповедь Кирилла Туровского: «Ныня новоражаеми агньци и уньци быстро путь перуце скачють и скоро к матеремъ възражающеся веселяться...»

Сказав об агнцах, Кирилл тут же предлагает толкование того, зачем этот образ введен в проповедь: «Ангъца глаголю кроткия от языкъ люди, а уньца — кумирслужителя невѣрныхъ стран, иже Христовымъ въчловѣчениемъ, и апостольскимъ учениемъ и чюдеса, скоро по законъ емьшеса, и к святѣй церкви възвратившеса, млеко си учения съсуть <...> Ныня древа лѣторасли испущають, и цвѣты благоухания процвѣтають...»¹⁴

Образ ягнят в Слове Кирилла был бы совершенно непонятен без учета источника: древнерусской литературе не свойственны те буколические зарисовки, которые в эпоху Григория Богослова с ее античной ученостью могли восприниматься как гармоничный лирический элемент проповеди.

Вторая половина Слова Кирилла Туровского имеет непосредственным литературным источником песнопения Триоди. Чинопоследование Фоминой недели посвящено событию уверения Фомы, и весь текст службы построен на повторении двух главных моментов этого евангельского эпизода: призыву Христа прикоснуться к Нему и увериться в Его божественности, обращенному к Фоме, и ответу Фомы о том, что Христос — это Господь и Бог его. Призыв Христа и особенно ответ Фомы практически до-

¹¹ Кирилл Туровский. Слово на Фомину неделю... С. 416.

¹² Триодъ цветная // РГБ. Ф. 304.1 (Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 399. Л. 119 об.

¹³ Григорий Богослов. Слово на обновление... Л. 37.

¹⁴ Кирилл Туровский. Слово на Фомину неделю... С. 416.

словно повторяются в большинстве стихир и в тропарях канона. По многократному и точному повторению одних и тех же евангельских фраз эта служба также выделяется на фоне других чинопоследований пасхального цикла. Приведем несколько соответствующих фрагментов.

Стихиры на Господи воззвах: «...невѣрующему ученику руцѣ и нози показа и пречистое ребро, он де вѣроу возопи: Господь мой и Бог мой...»; «...не не сподобилъ еси, Блаже, показати ему пречистое ребро Твое и рукамъ, и ногамъ язы. Ож же, осязавъ и видевъ, исповѣда Тебѣ быти Бога <...> и въпияше: Господь мой Бог мой...»; «...Фоме возопи: прииди, апостоле, осяжи длани, в них же гвозди вонзошася <...> и съ страхомъ возопи: Господь мой и Богъ мой...»; «Принеси здѣ руку твою и вложи в ребра моя и виждь <...> вси, увѣдѣша страсти и въскрешение мое звати с тобою: Господь мой и Бог мой».¹⁵

Мы рассмотрели лишь малый отрывок всего чинопоследования — стихиры на Господи воззвах, но уже в них обнаружили многократное повторение двух основных возгласов: Христа — к Фоме, Фомы — к Христу. Дальнейший анализ службы выявляет использование этих двух возгласов практически в каждой стихире и каждом тропаре.

Как наиболее запоминающиеся в чинопоследовании праздника и как самые значимые по идейному наполнению эти два возгласа были выбраны Кириллом Туровским как две важнейшие композиционные составляющие для второй части его проповеди.

Автор не просто повторяет два указанных момента, а расширяет при помощи пространный амплификации и фразу Христа, и ответ Фомы. Предлагая слушателям все новые и новые вариации возгласов, Кирилл Туровский значительно отклоняется от стилистической простоты песнопений на эту неделю: в богослужении они просто повторяются, у него же — варьируются и наполняются глубоким богословским смыслом. Проанализируем сначала обращение Христа к Фоме. В службе оно ярче всего отражено в первом седальне на утрени, который, думается, является одним из главных литературных источников для проповеди Кирилла Туровского: «...принеси руку твою и испытай, яко Сам аз есмь, Иже тебѣ ради пострадавый...»¹⁶

Теперь рассмотрим это восклицание Христа, каким его представил туровский проповедник (повторяющиеся гимнографические фразы выделены): «...Принеси руку твою и виждь прободение ребр моих, и вѣруй, яко Аз Сам есмь. Мнѣ бо и прежде тебе патриарси и пророци разумѣвше вѣроваша моему въчеловѣчению. Испытай первое Исаино о Мнѣ писание <...> Осязай Мя, яко Сам Аз есмь, Его же прежде осязав Семеон и вѣроу прошаше отпущения с миром, и не буди невѣрен, яко же Ирод, яже слыша Мое рождество глаголаше волюхвом <...> Вѣруй Ми, Фома, и познай Мя, яко же и Авраам <...> и тѣ познав Мя, Господа Мя нарече, и о Содомѣ моляше Ми ся, да его не погублю <...> И веруй Ми, Фома, яко Сам Аз есмь, Его же видѣ Ияков в нощи на лѣствицѣ утверждающася <...> Вѣруй Ми, Фома, яко Сам Аз есмь, Его же образ видѣ Исайя на престолѣ высоцѣ <...> Аз есмь, явивыйся Езекилю посредѣ животных образомъ челоуѣческомъ <...> Аз есмь, Его же видѣ Даниил на облацѣхъ небесныхъ <...> и не буди невѣрен, но вѣрен».¹⁷

Этот большой фрагмент написан в лучших традициях «плетения словес»: перед нами и амплификация, и синтаксический параллелизм, и анафора. Самым же ярким художественным приемом, на наш взгляд, здесь является аллюзия на богослужебный текст («Сам Аз есмь»), которая, при многократном повторении и расширении, получает уникальное смысловое наполнение. Если в богослужении, говоря «Аз есмь», Христос имеет в виду Себя-Богочеловека и Бога-Сына, то у Кирилла Туровского Он рассказывает о Себе как о Боге-Творце. Кирилл таким образом возвеличивает Христа и отмечает Его несомненную связь с Богом-Отцом и Его единосущие с Ним. Особенно ярко это продемонстрировано на примере Авраама: Христос у Кирилла указывает Фоме, что Авраам, встретив трех ангелов, не сомневался, что перед ним — Бог, и потому молился Ему как Богу о помиловании Sodoma и Gomorры. И ты, как бы говорит

¹⁵ Триодь цветная. Л. 114 об. — 115.

¹⁶ Там же. Л. 115. Курсив наш. — С. III.

¹⁷ Кирилл Туровский. Слово на Фомину неделю. С. 417–418.

Христос Фоме, не сомневайся, что перед тобою Бог. Амплификация у Кирилла начинается и заканчивается евангельскими словами «Принеси руку твою <...> и не буди невѣрен, но вѣрен» (Ин. 20: 27), как бы обрамляющими рассуждение о единосущии Божества и подчеркивающими изящность созданной проповедником композиции. Таким образом, вместо простой аллюзии на богослужение Кирилл составляет целое богословское рассуждение, написанное в форме амплификации и апелляции к евангельским и богослужебным словам.

Ответ Фомы также получает у Кирилла Туровского искусное оформление в «украшенном» стиле. Каждое слово этого ответа расширено при помощи отдельной амплификации и наполнено богословским содержанием. Так, утверждение Фомы, его «верую», представлено, во-первых, как еще один акцент на Его связи с ветхозаветными пророчествами и, во-вторых, как последовательное обличение гонителей Христа: «Вѣрую, Господи, яко Ты еси Сам Христос Бог мой, о Нем же писаша пророци прозяще духомъ, Его же прообрази в законѣ Моиси, Его же отвергошася с жерци фарисѣи, Ему же поругашася завистию с книжники жидове, Его же с Каияфою на распяты Пилат преда, Его же Бог Отецъ из мертвыхъ въскреси».¹⁸

Прикосновение Фомы к язвам Христа Кирилл преподносит слушателям как еще одну речь богословского содержания — с рассуждением о единосущии и церковной преемственности: «Вижу руцѣ Твои, има же прежде створи всю тварь, и Рай насади, и человекъ созда, има же благослови патриархы, има же помаза цесари, има же освяти апостолы. Вижу нози Твои, ею же припадъши первое вдовица от мертвыхъ своего сына с душею прият жива; над сима ногама кровоточивая подолцѣ ризы прикоснувшись ицѣлѣ (так!) от недуга».¹⁹

Самую же главную фразу Фомы — «Господь мой и Бог мой» — Кирилл Туровский не осложняет никакой амплификацией, и, думается, неслучайно: проповедь призвана пояснить и распространить то, что может показаться непонятным или недостаточно четко проговоренным в чинопоследовании. Именно поэтому туровский проповедник всегда останавливается на тех фрагментах богослужения, которые могут пройти незамеченными: описании весны, утверждении единосущия Бога-Сына Богу-Отцу, преемственности Нового Завета от Ветхого. Утверждение же Фомы и без того многократно встречается в богослужении, настолько часто, что воспринимается как рефрен всего чинопоследования, и потому Кирилл даже не повторяет его — варьирует слова апостола: «...и аз, Господи, вѣрую, яко Ты еси Бог».²⁰

Эта фраза вписана практически в самый конец проповеди. Аллюзии на Триодь довольно резко обрываются буквально в последней части Слова, и ответ Фомы завершает собой произведение Кирилла. Однако идея единосущия Божества, которая, очевидно, была особенно важна для проповедника, возникает еще раз в заключительном, обычно трафаретном, предложении: «...братъе, вѣруем, <...> и от Троица единого познаим, Господа и Бога, Спаса нашего Иисуса Христа, Ему же слава с Отцем и с пресвятым Духом».²¹

Как правило, проповеди Кирилла заканчиваются формулами «человѣколюбием Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Ему же слава с Отцем и с пресвятымъ и благымъ и животворящимъ Духом...»²² или «яко Твое есть царство, и Твоя, Христе, держава, со Отцемъ и Святым Духом...».²³ Но в данном произведении проповедник счел за необходимость еще раз подчеркнуть единосущие Иисуса Богу-Отцу, а потому и в заключительном возгласе призвал к познанию Одного из Троицы. Его проповедь, очевидно, преследует сразу две цели, связанные с двумя ее литературными источниками: первая — истолковать непонятные для древнерусского слушателя места Слова на обновление Григория Богослова, которое по триодному указанию читается во время

¹⁸ Там же. С. 418.

¹⁹ Там же. С. 418–419.

²⁰ Там же. С. 419.

²¹ Там же.

²² См.: Святого Кюрила мниха слово о сънятии тѣла Христова с креста... // ТОДРЛ. Т. 13. С. 426.

²³ См.: Слово Кюрила недостойнаго мниха на Святую Паску... // Там же. С. 414.

богослужения, вторая — поставить слушателя на место Фомы, хорошо знавшего Ветхий Завет и пророков, и заставить его вдруг вместе с Фомой внезапно осознать, что воскресший Христос — это Тот Самый, о Ком написана Библия, единосущный Богу-Творцу. Вторая задача, видимо, была столь важна, что проповедник даже нарушил трафаретный заключительный возглас, вписав в него эту идею. Впрочем, и это вторит богослужебной традиции, по которой на Господские праздники полагаются особенные «отпусты» — заключительные возгласы священника, всегда одинаковые в течение года за исключением Господских праздников.²⁴

Подводя итог, отметим, что эпидейктические произведения Кирилла Туровского практически всегда тесно связаны с богослужением и полны аллюзий на него — в отличие от аскетических сочинений, например, Повести о человеческой душе или Повести о белоризце. Тем не менее практически каждая его проповедь демонстрирует какой-то особый метод использования гимнографических заимствований. Проповедь на Фомину неделю берет за основу всего одно песнопение соответствующей службы — указанный нами седален, и вся композиция этого слова выстраивается вокруг выбранного песнопения. Слово на Фомину неделю, кроме того, является расширенным толкованием чтения, положенного на этот день, — Слова на обновление Григория Богослова. Эти особенности проповеди представляются уникальными в контексте всего пасхального цикла проповедей Кирилла Туровского и вообще эпидейктики Киевской Руси.

²⁴ Отпусты великие и малые // Пособие к изучению устава богослужения Православной Церкви / Под ред. К. Никольского. СПб., 1907. С. 234–237.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-31-39

© Микела Вендитти (Италия)

ЖАНР НАДПИСИ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. Р. ДЕРЖАВИНА (СТИХИ НА СМЕРТЬ СОБАКИ)

Изучение малых жанров в эпоху становления новой русской литературы встречается немало затруднений. Определить корпус сложно, потому что поэтические произведения могли появляться анонимно или оказаться переводами без указания на источник. С. И. Николаев писал в связи с подготовкой сборника «Русская стихотворная эпитафия»¹ о трудностях при изучении малых жанров не только из-за отсутствия точного их определения, но и из-за того, что произведения зачастую остаются неопубликованными, поскольку они запрятаны в рукописных сборниках и малодоступных журналах. И если исследователи давно уже обратили внимание на жанр эпиграммы и эпитафии,² то жанр надписи пока еще мало изучен.³

Цель настоящей статьи — не в том, чтобы определить жанр надписи как таковой (что неизменно повлекло бы за собой сложный вопрос о жанре вообще),⁴ а скорее в том, чтобы ограничиться постановкой вопроса — в связи со специфической темой надписей на смерть собак в поэзии Г. Р. Державина.

¹ Русская стихотворная эпитафия / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. С. И. Николаева, Т. С. Царьковой. СПб., 1998 (сер. «Новая библиотека поэта»).

² См. также: Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века) / Вступ. статья М. И. Гиллельсона; сост. и прим. М. И. Гиллельсона и К. А. Кумпан; подг. текста К. А. Кумпан. Л., 1988 (Библиотека поэта. Большая сер.); Добрицын А. Вечный жанр: Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII — начала XIX века. Bern [et al.], 2008.

³ См.: Прокопович О. А. Жанр надписи в русской поэзии XVIII — первой трети XIX вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Караганда, 2000.

⁴ См.: Лейдерман Н. Л. Теория жанра: Исследования и разборы. Екатеринбург, 2010.

Слово «надпись» — это буквальный перевод греческого ἐπίγραμμα; однако понятие «надпись» относится и к жанру «эпитафии», подразумевая прилагательное «надгробная». Надпись, эпитафия и эпиграмма восходят к античной литературе, отражая обычай писать на могильных камнях и на предметах, посвященных богам. Но именно данное сходство осложняет определение границ и основных черт жанра надписи в отношении к эпиграмме и эпитафии. Общими признаками всех трех форм являются краткость и обращение к реальному или фиктивному объекту. Как эпитафия, так и надпись относятся изначально к панегирической лирике, к стихам, посвященным царям и вельможам. Но они могут носить и сатирический характер, что сближает их с эпиграммой. В век классицизма, когда определение места в жанровой системе очень важно, данные три формы поэтического творчества воспринимались как синонимы.

Жанр надписи получил особенное развитие в барочной литературе, где его функция тесно связана с эмблемой. О русской барочной надписи писала Л. И. Сазонова, связывавшая традицию *picta poesis* с жанром «„подписи“ — иконологической, или содержательной, эпиграммы».⁵ Из трех частей, составляющих внутренние связи эмблемы (надпись — изображение — подпись), как отмечает ученый, «душой жанра считалась надпись (символ, девиз), она была, как правило, на иностранном языке».⁶ Жанр надписи, таким образом, является наследием барочной литературы; а в течение XVIII века он меняется и по форме, и по содержанию.

В главных учениях о поэтическом искусстве XVIII и начала XIX века взгляды на малые жанры — эпитафии, эпиграммы и надписи — схожи, что свидетельствует об их смешении в сознании современников. Феофан Прокопович в своей «Поэтике» практически отождествляет эпиграмму и эпитафию: «Замечательной разновидностью эпиграмм является эпитафия или эпиграмма, которую обычно пишут на надгробии. Частей и отличительных свойств эпитафии столько же и они те же, что у любой эпиграммы; и приемы совершенно те же. В первой части, или экспозиции, обычно дается краткое перечисление более примечательных деяний покойного, его доблестей или пороков, иногда же отмечается только его общественное положение или состояние и имущество. Во второй части или в заключении, если покойный был лицом значительным, — помещают для завершения какое-нибудь выразительное изречение, указывающее на краткость жизни человеческой, на ее суету и бренность. Если же покойный был лицом незначительным или достойным осмеяния, то допустимо здесь применять даже шутки или политические остроты».⁷

Ж. Ф. Лагарп в «Лицее, или Курсе древней и новой литературы», переведенном на русский язык в 1810–1814 годах, посвящает этим жанрам главу «Об эпиграмме и о надписи» («De l'Épigramme et de l'Inscription»);⁸ автор отождествляет их на основе этимологии, отмечая, что эпиграмма — это не что иное, как надпись. Согласно Лагарпу, греческая антология состоит из надписей к надгробиям, к статуям и памятникам. Лагарп подчеркивал, что вообще речь здесь идет об очень простых стихах, которые зачастую являются только «изложением одного факта».

Процитируем также характерный пассаж из заметки графа Д. И. Хвостова «О краткости надписей» (1804): «Высокие мысли краткословны. Лучи благотельного светила более ощутительны, пламенны и светозарны, ежели составляют малейшую точку своего соединения, тако пылкая мысль одним словом, и даже одним наименованием рождает тьму глубоких понятий и впечатлений, а потому Греки в надписях своих и превосходны. Высота мыслей, простота и краткость выражений оных вдыхают некое священное почтение к памятнику, о коем проповедают».⁹

⁵ Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII в.). М., 1991. С. 108.

⁶ Сазонова Л. И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. М., 2012. С. 129.

⁷ Прокопович Ф. Соч. / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 452.

⁸ La Harpe J. F. Lycée ou Cours de Littérature ancienne et moderne. Paris, 1834. T. 1. P. 162–163.

⁹ Хвостов Д. И. Соч. / [Сост. О. Л. Довгий, А. Е. Махов]. М., 1999. С. 182–183.

Как представляется, в сознании Хвостова надпись также в конечном итоге отождествлена с эпиграммой.

Н. Ф. Остолопов в своем «Словаре древней и новой поэзии» посвящает определению понятия «надпись» одиннадцать страниц; в словарной статье жанровое определение надписи продолжает колебаться между эпитафией и эпиграммой.¹⁰ Надпись относится к описанию «вещи, деяния, особы», и ее функция тесно связана с внешним предметом, на каком она первоначально была «надписана». Главные черты надписи — это «ясность, краткость и многозначительность», ибо жанр составляет вид окказиональной поэзии и «всякий будет читать ее *мимоходом*».¹¹ Остолопов представляет краткую хрестоматию образцов жанра: стихи на смерть царей, героев и т. д. (надписи на надгробных памятниках), стихи на «дружбу и любовь», стихи «для шутки или в насмешку», т. е. (сатирические) эпиграммы. Автор упоминает не только русских авторов, но и авторов классической литературы Греции и Рима.

Что касается словоупотребления в России XVIII века, то в «Словаре русского языка XVIII века» слово «надпись» определено кратко как «род стихотворения», с лаконичным примером из новиковского журнала «Трутенъ»: «У многих новых стихотворцов простые стихи называются надписями...».¹²

Многочисленные похвальные надписи М. В. Ломоносова вписываются именно в этот контекст. Все они были сочинены на заказ и составляли неотъемлемую часть придворного зрелища: стихи на иллюминации, на фейерверки, на придворные маскарады показывались на транспарантах; перу Ломоносова принадлежат надписи на официальные события двора (на рождение, на день рождения, на день восшествия на престол, на спуск корабля, на изобретение роговой музыки, и т. п.), которые читались вслух на дворцовых праздниках. В качестве панегирического жанра надписи Ломоносова, подобно торжественным одам, имели длинные названия, подробно описывавшие повод для их сочинения. Данные стихотворения Ломоносова имели различное содержание и необязательно соблюдали «краткость», а могли иметь длину от четырех строк до более чем пятидесяти. Л. В. Пумпянский считал, что функция надписи в значительной степени связана с эмблематикой барокко; следовательно, их нужно анализировать только в данном контексте: «Надпись входила в архитектурно-театральное целое с девизом, эмблемой, декоративным сооружением (пирамида, обелиск, колонны), элементами аллегорической живописи и светового искусства; в отрыве от них, в печатном виде, она теряет свою художественную функцию и может быть понята лишь приблизительно и неотчетливо».¹³

Во второй половине XVIII и в начале XIX века жанр надписи претерпевает значительную экспансию, но его функция меняется. Поэты продолжали сочинять похвальные надписи и эпитафии на заказ, но появляются и сатирические, пародийные надписи, которых еще нет у Ломоносова. Среди поэтов данной поры В. Г. Рубан выделяется как «специалист по сочинению надгробных и других надписей», по определению Л. Гинзбург.¹⁴ Графоман, чаще всего нарицаемый «бездарным» и неоригинальным поэтом, Рубан сочинил, среди прочих, «Надпись на сад и фонтаны» (1769) и «Надпись к „Церковному Словарю“ протоиерея Алексеева» (1776).¹⁵

Плодотворным автором в данном жанре, значительно расширившим поле объектов надписи, был Г. Р. Державин. Опубликованные при жизни надписи Державина — это лишь небольшая часть его поэтического наследия. Оставшаяся неизданной VII часть задуманного Державиным, но не законченного собрания сочинений

¹⁰ Остолопов Н. Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. 2. С. 205–214.

¹¹ Там же. С. 205. Курсив мой. — М. В.

¹² Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2003. Вып. 13. С. 181.

¹³ Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 36.

¹⁴ Гинзбург Л. Неизданные стихотворения Рубана // XVIII век. Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. [Сб. 1]. С. 415.

¹⁵ Русская поэзия: Собр. произведений русских поэтов. СПб., 1897. Т. 1. Вып. 1–6. XVIII век. Эпоха классицизма / Под ред. С. А. Венгерова. Отд. III. С. 345, 347.

должна была содержать именно «мелкие стихотворения»,¹⁶ т. е. «1) Надписи, к Высочайшим особам относящиеся; 2) Надписи на разные случаи; 3) На изображения; 4) Надгробия» и т. д.¹⁷

В XVIII веке, когда установление системы жанров проходит через интенсивную экспериментальность, проблема заглавия надписи далеко не второстепенна: слово «надпись» может быть указано прямо в названии стихотворения, или оно подразумевается в различных формах. По нашим подсчетам, в творчестве Державина к жанру надписи можно отнести в общей сложности более 80 стихотворений.¹⁸ В основном этот корпус можно разделить на четыре группы: первая — стихи, посвященные какому-либо «предмету», реальному или фиктивному, или произведению искусства (надпись к портрету, на статую, на изображение, на мраморную колонну, к бюсту, на медальон, на монумент, на памятник, к силуэту); вторая группа — стихи на зрелище или на действие (на маскарад, на шествие, на освещение, а также «На случай разломки московского кремля для построения нового дворца» 1770 года);¹⁹ третья группа — похвальные стихи по поводу смерти (эпитафия, стихи на гроб, надгробие, стихи на могилу); наконец, четвертая группа — надписи сатирического тона, как, например, на смерть собаки.

Державин сочиняет надписи с самого начала своей поэтической деятельности. Самые ранние воспевают Екатерину II: одна из них была опубликована Г. А. Гуковским (согласно которому она была написана между 1762 и 1768 годами); две надписи 1776 года о путешествии царицы в Казань, опубликованные три года спустя, в 1779 году в «Санкт-Петербургском вестнике», включены в гrotовское издание («На маскарад, бывшей перед Императрицей в Казани, где Нагайцы и прочие народы плясали и играли на своих инструментах» и «На шествие императрицы в Казань»).

В целом Державин сочинил похвальные надписи всем царям, правившим Россией с тех пор, как он начал писать стихи (Екатерине II, Павлу I, Александру I), а также Петру I: к их портретам, на могилу, на изображение, на придворные и официальные события и т. д. Заглавия стихотворений на придворные события, выдержанные в традиции торжественной оды, очень длинны, подробно объясняют описываемый случай, обязательно с датой события. Державин чаще всего употребляет александрийский стих, но в поздних надписях появляются вариации. Например, надпись Державина «На освещение Эрмитажного театра, в котором был маскарад и ужин 28 января 1808 года» (опубликованная в журнале «Драматический вестник») состоит из четырех стихов трехстопного ямба с перекрестной рифмовкой. Поэтические образы Державина, описывающие освещение, являются графическими для его эпохи мотивами солнца, огня, света.

Следует отметить одно обстоятельство: если у Ломоносова, как писал Пумпянский, надписи были в основном неразрывно связаны с эмблематикой, то у Державина остается только «письменное» сочинение, которое принимает форму символического объяснения произошедшего. Данное явление касается и остальных видов надписей, обращенных к описанию «предмета». Многочисленны у Державина надписи, «к высочайшим особам относящиеся» или обращенные к другим поэтам (Ломоносову, Хераскову, Карамзину) и к друзьям (Львову, Хемницеру), с типичными формулировками в заглавии: к портрету, к силуэту, на изображение и т. п. Здесь слова «силуэт», «портрет» или «изображение» имеют чисто символический характер: в стихах описываются духовные или нравственные качества человека или его литературные заслуги, а не конкретная картина или предмет. Такова, например, надпись «К портрету

¹⁶ Державин Г. Р. Стихотворения / Ред. и прим. Г. Гуковского; вступ. статья И. А. Виноградова. Л., 1933. С. 534 (Библиотека поэта).

¹⁷ Державин Г. Р. Соч. / С объяснительными прим. Я. Грота. СПб., 1866. Т. 3. С. VIII.

¹⁸ Н. П. Морозова подробно проанализировала неопубликованные надписи Державина в качестве «явления духовной и материальной культуры»: Морозова Н. П. Державинский «некрополь» (неопубликованные тексты) // Оказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века / Под ред. П. Бухаркина, У. Екуч, Н. Кочетковой. СПб., 2010. С. 298–308.

¹⁹ Державин Г. Р. Соч. / С объяснительными прим. Я. Грота. Т. 3. С. 251.

В. В. Капниста», отнесенная Гротом ко «второй эпохе» творчества Державина — с 1779 по 1800 год:

Надежды и Любви и Ябеды писец:
Дай, Аристарх, ему и от Сатир венец.²⁰

То же самое касается и надписей к конкретным предметам. Например, надпись «На медальон с ее изображением и волосами у Протасовой 1797 года» (данное семистихие написано вольными ямбами):

Остаток тленности —
Души моей
Бесценный здесь залог:
Да будет в вечности
Так милостив и к ней,
Как мне она была,
Всецедрый Бог!²¹

Эти стихи могут послужить примером преобразования барочного наследия в жанре надписи: в заглавии описан конкретный предмет (медальон), а стихотворение объясняет его символическое значение. В этой надписи Державин противопоставляет тленность (волосы) вечности памяти, пользуясь распространенным мотивом барочной литературы. Если в условиях барокко стихи неразрывно связаны с конкретной иллюстрацией, с изображением, то в XVIII веке функцию объекта выполняет заглавие стихотворения.

В рамках данной темы мы бы хотели сосредоточиться на, пожалуй, самом интересном мотиве инскрипционной поэзии Державина — на сатирических стихах по поводу смерти собак.

В творчестве Державина отношение к субжанру надписи на смерть собаки имеют три стихотворения; ни одно из них при жизни поэта не было опубликовано. Самое раннее, 1793 года, впервые напечатал Г. А. Гуковский в 1933 году; две другие надписи вошли в гротовское издание «Сочинений» Державина. Собачью тему Державин, впрочем, продолжает в неопубликованной при жизни шутильной оде «Милорду, моему пуделю» 1807 года.

Стихи на смерть животных восходят к классической традиции. Феофан Прокопович упоминает об этом в своей «Поэтике»: «Ведь чтоб потешить душу и поупражняться, сочиняют эпитафии не только царям, героям и знаменитым людям, но даже ничтожным людишкам, шутам, вора́м, пьяницам, прихлебателям и другим в таком роде; мало того, даже неразумным тварям, птицам, диким зверям и т. д., как это ясно на примере Виргилия — эпитафия комару, у Катуллы — воробью, у Марциала — пчеле, муравью и т. д.»²²

Прокопович, который, как говорилось выше, воспринимает эпитафию как нечто тождественное эпиграмме, указывает на два типа сочинений: серьезный и сатирический. Мотив стихов на смерть животных переключался из античной в барочную литературу, где он принял смысл *temento mori*, иногда с сатирическим оттенком. В европейской литературе XVIII века стихи на смерть собаки можно найти у итальянских поэтов, например в поэме «День» («Il Giorno», 1763) Джузеппе Парини. В Англии мотив использовали Роберт Бернс («Epitaph on a Lap-dog Named Echo», 1793) и Оливер Голдсмит («An Elegy on the Death of a Mad Dog», 1766). В немецкоязычных литературах можно упомянуть примыкающие к теме стихи Франца Грильпарцера «Элегия потерпевшего кораблекрушение на смерть его собаки на необитаемом острове» 1808 года («Elegie eines Schiffbrüchigen auf den Tod seines Hundes auf einer wüsten Insel»).

²⁰ Там же. С. 494.

²¹ Там же. С. 370.

²² Прокопович Ф. Соч. С. 452.

В русской литературе мотив известен и до Державина. В частности, А. П. Сумароков написал «Эпитафию собаке». Стихотворение Сумарокова было опубликовано в 1756 году в журнале «Ежемесячные сочинения». Характерный зачин эпитафии «Под камнем сим лежит» вводит сатирические стихи эпиграмматического тона, где заслугой покойной «пречудной» собаки в жизни является ее тактичность:

Под камнем сим лежит пречудная собака,
Она могла узнать без всякого признака,
Кто ночью шел на двор: идет ли воровать
Или к хозяину — рога ему ковать.
Брехала на воров, гостям не досаждала,
И так хозяину, хозяйке угождала.²³

Позже образ собаки появляется у Сумарокова и в «Хоре ко превратному свету» 1763 года, произведении сатирического и полубурлескного тона.²⁴

В эпоху Екатерины II шуточные стихи на смерть собаки отражают быт дворца. Врач Томас Димсдейл, вызванный в 1768 году царицей, чтобы прививать в России оспу,²⁵ прислал ей в подарок из Англии двух левреток по кличке Сэр Том Андерсон и Дюшеса. Собачья пара так размножилась, что Екатерина подарила их щенков всем вельможам своего круга, в том числе и Державину. Когда левретки умерли, они были похоронены при Пирамиде в Царском Селе, и сама императрица сочинила шуточные стихи на их смерть на французском языке.²⁶ Примерно к 1790-м годам относится стихотворение «На смерть собаки» придворного поэта В. П. Петрова. Это произведение объемом в 90 стихов написано вольными ямбами, что связывает его с жанром басни; однако заглавие стихотворения, зачин и некоторые конвенциональные формулировки имеют отношение к жанру эпитафии (ср.: «Под камнем сим лежит...», «...прохожий! Пожалей / И каплю слез пролей...»). В первой части — это настоящая эпитафия, в которой воспеваются характер и деяния героя, собаки британского происхождения по кличке Томас:

Под камнем сим лежит Британский уроженец;
Отвагой исполн, невинностью младенец,
Который в краткий век
Премного пол обтек;
В ловлении зверей от юности трудился,
И на коня верхом ни разу не садился.
В Россию преселясь, при Царском жил дворе:
Но следовал природе,
Не вымыслам и моде;
Каков между граждан, таков и при Царе,
Открыт, приветлив, волен,
И жребием своим доволен,
Как сущий философ...²⁷

Изложим содержание стихотворения. Жившая при дворе собака внезапно умирает. Гроб уже приготовлен, готовы и стихи для надгробия. Богиня охоты Диана, слу-

²³ Цит. по: Русская стихотворная эпитафия. С. 68.

²⁴ Сумароков А. П. Избр. произведения / Вступ. статья, подг. текста и прим. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 278–279 (Библиотека поэта. Большая сер.). См. также: Гуковский Г. О «Хоре ко превратному свету» (Ответ П. Н. Беркову) // XVIII век. Сб. статей и материалов. [Сб. 1]. С. 203–217.

²⁵ В. Г. Рубан в 1768 году посвятил этому событию «Оду Императрице Екатерине II на привитие оспы» (Николаев С. И. Рубан Василий Григорьевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. Р–Я. С. 69).

²⁶ Державин Г. Р. Соч. / С объяснительными прим. Я. Грота. Т. 3. С. 397; С. Собачка царицы // Старые годы. Ежемесячник для любителей искусства и старины. 1916. Март. С. 46–48.

²⁷ Русская поэзия: Собр. произведений русских поэтов. Т. 1. Вып. 1–6. С. 446.

чайню гуляющая в лесу, узнает о смерти собаки и в отчаянии обращается в слезах к Зевсу, чтобы воскресить бедного Томаса. Зевс же ей «с усмешкой» сообщает, что собака на самом деле не умерла — она просто не ела десять дней, «чтобы умножить прыть». Томас вдруг оживает и продолжает свою прежнюю жизнь.

Первая надпись Державина на смерть собаки 1793 года имеет явно эпиграмматический характер. Примечательно, что Державин неоднократно возвращался к этим стихам; у текста не меньше шести вариантов в трех разных редакциях. Длинное название надписи рассказывает целую историю и завершается пуантом: «На смерть собачки Милушки, которая при получении известия о смерти Людовика XVI упала с колен хозяйки и убилась до смерти». В сжатой форме Державин проводит параллель между кончиной собаки и короля, одинаково подверженных судьбе, употребляя конвенциональные формулировки эпитафии (ср.: «Смотри, о смертный!»):

Увы! Сей день с колен Милушка
И с трона Людвиг пал. — Смотри,
О смертный! Не все ль судьб игрушка —
Собачки и цари?²⁸

Мотив пляски смерти, воплощенный в торжественной форме Державиным в оде 1779 года «На смерть князя Мещерского», принимает в этих стихах сатирическую окраску.

В первом десятилетии XIX века Державин возвращается к мотиву смерти собаки; объектами этих надписей являются его домашние животные. Надпись с названием «На могилу милой собачки» состоит из восьми стихов четырехстопного ямба с парной рифмовкой. После типичного зачина эпитафии «Здесь песик беленький лежит» следует представление героя по кличке «Горностаик». Собака Державина прославилась милостью и верностью хозяину. Она носила имя королевского животного, горноста, и имела «львиную душу». Игра со смешением свойств человека и животного доходит до того, что когда Горностаик бывал сердит, он забавно «пел сопрано»:

Здесь песик беленький лежит,
Который Горностаиком звался.
Он был тем мил и знаменит,
Что за хозяина вступался
И угождал не низкою какой,
А твердой — львиною душой;
Ворчал, визжал, — но так забавно,
Что и сердясь пел сопрано.²⁹

В 1807 году Державин сочиняет также оду на смерть собаки «Милорду, моему пуделю»,³⁰ а год спустя надпись «На памятник прекрасного пуделя». Одические стихи на смерть собаки относятся к бурлескному жанру. Еще Гуковский определил «шуточную» оду Державина как жанровую «пародию»; М. И. Шапир включает ее в историю русского бурлеска как комбинацию высокого стиля с низким содержанием. Исследователь указывает именно на «Милорду, моему пуделю», вместе с одами «На счастье», «Крестьянский праздник», к которым мы добавляем оду «Похвала комару», как «ирои-комическую струю» в лирике Державина;³¹ все стихотворения

²⁸ Цит. по: Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века). С. 82.

²⁹ Державин Г. Р. Соч. / С объяснительными прим. Я. Грота. Т. 3. С. 513–514.

³⁰ Милорд был упомянут Державиным уже в шуточном стихотворении 1801 года «На разлуку».

³¹ Шапир М. И. Барков и Державин: Из истории русского бурлеска // Пушкин А. С. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Эскурсы / Изд. подг. И. А. Пильщиков и М. И. Шапир. М., 2002. С. 439; Вендиги М. «Похвала комару» Державина: интертекстуальность и автоматичность // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. 2008. № 36. С. 27–46.

относятся к 1807 году, но были опубликованы только в гротовском издании 1864 года. Пространная ода Милорду, написанная четырехстопным ямбом, состоит из двенадцати десятистрочных строф (со схемой рифмовки AbAbCddCee). Ее трудный язык изобилует повторениями согласных «р», «ж», которые ономотопически напоминают собачье ворчание. Державинские стихи в честь собаки воспринимаются как коллаж из формулировок, заимствованных из его же торжественных од. Типичный прием бурлеска — воспевать высоким стилем невысокое содержание — явствует из «лиро-эпического» зачина:

Тебя, Милорд, воспеть хочу:
Ты графской славной сын породы.
Встань, Диоген! зажги свечу
И просвети ты в том народы,
Что верности и дружбы нет
На свете более собачьей.
Воззри, брехав на мир ходячий:
Как бочку ты, так кабинет
Стрежет мой циник без измены,
Храня в нем книги, письма, стены.³²

Главный прием, к которому обращается здесь Державин, — это игра слов, каламбур, обыгрывание стилистических примет высокой оды. Этимологическое значение слова «цинник», от греческого κύων («собака»), дает поэту повод для уподобления Милорда Диогену: собачья верность оказывается философской истиной, и Милорд, «мой циник», хранит кабинет поэта, как Диоген свою бочку. В следующих строках Державин прославляет доблести и качества собаки, приписывая ей разнообразные общественные функции: камердинер, гордый вельможа, туз таможенный, магистер, сибарит; обращения к собаке — самые торжественные: «...будь блажен, о пес почтенный!», или —

О славный, редкий пудель мой,
Кобель великий, хан собачий,
Что истинно ты есть герой,
Того и самый злой подьячий
Не может уж перехерять...³³

Намек на страсть Екатерины к собакам осуществляется поэтом через интертекстуальные связи с собственными стихами, в основном из оды «Фелица». Стих «Кобель великий, хан собачий», указывающий на благородные корни пуделя Милорда, напоминает второй же стих «Фелицы» («Богородица царевна / *Киргиз-кайсацкия орды!*»).³⁴ Славные деяния Милорда оправдывают не только сочинение стихов в его честь, но и сооружение торжественного надгробного памятника. Державин заключает оду просьбой о собачьей взаимности: если поэт раньше умрет, пусть Милорд наполнит «весь дом мой завываньем»,³⁵ чтобы все сожалели о смерти поэта.

Шестая строфа оды Милорду связана с одной из державинских собачьих надписей. Державин поет лирическим и комическим тоном успех своего героя у самок:

О, сколь завистников в судьбе
Твоей и в жребии столь *счастливым*,
Когда отвсяду *нимф* к тебе
Ведут, — и ты во *прихотливом*

³² Державин Г. Р. Соч. / С объяснительными прим. Я. Грота. Т. 3. С. 393–394.

³³ Там же. С. 396.

³⁴ Там же. Т. 1. С. 129. Курсив мой. — М. В.

³⁵ Там же. Т. 3. С. 397.

Твоем желаньи, как *султан*,
Насытись мяс из рук пашинских,
С млеком левантских питий, хинских,
Почить ложишься на *диван*:
Ты равен тут уж *сибариту*,
Породой, счастьем отмениту.
Он сладко ест и пьет и спит,
Курит и весь свой век зевает...³⁶

Державин представляет жизнь Милорда, создавая экзотическую атмосферу, подчеркнутую экзотической рифмой «султан / диван», каламбуром со словом «пашинский», которое обозначает и чиновников султана и игру с именем Паши, дочка его друга Львова, жившей у Державина; отметим также «левантские», т. е. арабские «пития», кофе, и «хинский», то есть китайский, чай; одновременно слова «нимфы» и «сибарит», отсылая к древней Греции, тоже имеют двойное значение.

Но эти стихи, богатые намеками, имеют явные переключки с одой «Фелица», где «сибарит» является лирическим героем. Приведем лишь несколько примеров (курсивом выделены повторяющиеся слова и образы):

«Фелица»

А завтра *прихотям* я раб...
То, возмечтав, что я *султан*...
На бархатном *диване* леж...

А я, *проспавши* до полудни,
Курю табак и кофе пью...
За Библией, *зевая*, сплю...

«Милорду...»

Ведут, — и ты во *прихотливом*
Твоем желаньи, как *султан*
Почить ложишься на *диван*...

Он сладко ест, и пьет, и *спит*,
Курит и весь свой век *зевает*...

Надпись 1808 года «На памятник прекрасного пуделя» опирается на тот же мотив, но развивает свой сюжет в другом направлении:

Под камнем сим Милорд, кудрявый пес прекрасный,
Почит погребен, *счастливейший* из псов:
Он ел, он пил, он спал, он вел век *сладолюбивый*,
Деля *жен* множеству нежнейшую любовь;
А сверх того всегда не упускал резвиться
Между *прекрасных дев*, в *диванах*, по коврам.
Милорды *роскошью*! придите прослезиться
У гроба здесь его: он был подобен вам.³⁷

В рамках конвенциональных формулировок надгробной надписи Державин представляет жизнь и качества покойного Милорда как «человека». Интертекстуальная связь с приведенной выше строфой оды «Милорду, моему пуделю» нам представляется очевидной: и здесь и там налицо «счастье» и «диван», а неземные нимфы из оды становятся в надписи конкретными женами и прекрасными девами; отметим также антономазию «сибарит» — «роскошь».

Значительное количество надписей, сочиненных Державиным во второй половине XVIII века, показывает несомненную связь жанра с панегирической лирикой, где присутствуют преобразованные барочные мотивы. А стихи на смерть собаки, от 1793 до 1808 года, являются творческой областью, где поэт свободно развивает свою склонность к комическому, бурлескному и шутливому тону. В малом жанре надписи Державин обрабатывает и переосмысливает классическую и барочную традиции.

³⁶ Там же. С. 395. Курсив мой. — М. В.

³⁷ Там же. С. 436. Курсив мой. — М. В.

ОБРАЗЫ КИТАЯ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА И А. С. ПУШКИНА

Петр I, «прорубая» окно в Европу, стремился обильно приукрасить его разнообразными китайскими изделиями, вошедшими в европейскую моду. Китай в это время представлялся европейцам страной таинственной, полной волшебства и загадок.

1

Непосредственным импульсом для «китайского интереса» Петра I послужило его пребывание в Голландии во время «Великого посольства» (1697–1698). Именно здесь он увидел большое количество китайских и японских фарфоровых изделий повсюду, даже в домах простых людей. По возвращении из следующего путешествия (1716–1717 годов) Петр I в срочном порядке повелел создать в строившемся в Петергофе дворце Монплеизр «китайский» кабинет по образцу тех, что он видел в Европе.

После восшествия на престол Елизаветы Петровны столица русской «китайщины» начинает перемещение в другую загородную императорскую резиденцию — Царское Село, где главный дворец приобрел название — Елизаветинский. Как отмечает А. Бенуа, при Петре и Елизавете «китайщина» служила лишь занятым украшением, добавлением к европейскому искусству. С середины XVIII века это направление приобретает большую самостоятельность. При Екатерине II «китайщина» покидает кабинеты и залы. Шагнув в парки, ее екатерининский вариант стал последовательней и философичней.¹

Как и многие образованные люди своего времени, Екатерина II была увлечена идеями Просвещения. Создавая для себя образ идеального правителя, она, как и большинство деятелей этого направления, тоже ориентировалась на Китай. В немалой степени это происходило под влиянием ее постоянного корреспондента — Вольтера, который считал, что только в Китае жизнь отдельного человека, его честь и собственность были защищены законом. Китайский сюжет нередко служил ему для целей острой философской полемики. В частности, драма Вольтера «Китайский сирота» («L'orphelin de la Chine») была направлена против главного тезиса Руссо о том, что искусство и наука развращают нравы: в пьесе китайская цивилизация одерживает победу над воинственной дикостью Чингисхана, превратив его силою убеждения в просветителя Востока.² Сама Екатерина тоже писала «китайские сочинения», от «забавного стишка» до «Сказки о Фивее», в какой-то мере задав тон разножанровой моде на китайскую тему в литературе.³

Порой «китайская» тема затрагивала текущие политические и экономические проблемы, не покидая русло дружеской пикировки. В письме Вольтеру от 5 (16) марта 1771 года императрица, наряду с описанием побед над турками, жалуется на текущие проблемы в российско-китайских торговых отношениях. «Вы желаете, чтоб я объявила вам нечто о невежестве и грубости китайцев <...> Мы соседи, это вам известно; границы наши с обеих сторон населяют татары и идолопоклонники, скотоводством питающиеся. Сии народы чрезмерно склонны к грабежу. Они похищают друг у друга (часто

¹ Подробнее см.: Бенуа А. Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1910. С. 108–112. Об общих тенденциях распространения интереса в России к Востоку и к Китаю в частности, см.: Рифтин Б. Л. У истоков русско-китайских литературных связей // Востоковедение и мировая культура. М., 1988. С. 335–343; Крючкова Е. Р. Восток в русской культуре // Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия. СПб., 2001. Т. 1. Осьмнадцатое столетие: В 2 кн. Кн. 1. С. 211–215.

² Алексеев М. П. Пушкин и Китай // А. С. Пушкин и Сибирь. М.; Иркутск, 1937. С. 113.

³ Там же. С. 115–116.

из одного мщения) стада и даже людей. Произошедшие от того ссоры прекращены посланными на границы комиссарами. Господа китайцы такие великие ябедники, что с ними самые малости столько же трудно окончить, как море выпить».⁴

Далее императрица раскрывает причину создавшейся ситуации — монополизацию торговли одним из министров китайского императора Айсиньгёро Хунли (при этом весьма плодовитого и пристрастного поэта, инициатора своеобразной «литературной инквизиции»). Императрица объясняет свое разочарование тем, что «Татары, Китайским Государством овладевшие, гораздо хуже древних Китайцев»⁵ (имея в виду манчжурское происхождение династии Цин). На что Вольтер в ответном письме шутиливо замечает, что, наверное, китайцы «приятного обхождения» «заняты в Пекине перепискою стихов китайского государя».⁶

На этом фоне Г. Р. Державин музу Конфуция, *кину* (музыкальный инструмент, на котором якобы играл Конфуций), пытается превратить в свой внутренний камертон в пространном стихотворении «Памятник герою» (1791):

Всегда разборчива, правдива,
Нигде и никому не льстива,
О! строгого Кунгдзее Муза,
Которая его вдыхала
Играть на нежном, звонком кине
И трогать поученьем сердце!⁷

Размышляя о непростом жизненном пути князя Репнина, Державин представляет своеобразный опыт *одического конфуцианства*:

Такого мужа обелиски
Не тем славны, что к небу близки,
Не мрамором, не медью тверды;
Пускай их разрушает время,
Но вовсе истребить не может:
Живет в преданьях добродетель.⁸

Это стихотворение также можно рассматривать как подступы к собственному «Памятнику», непосредственным предшественником которого стало стихотворение «Мой истукан» (1794), где обнаруживаются столь же пространные рассуждения о подлинном историческом величии и способах личной и государственной мемориализации. Китай в нем возникает в аспекте геополитических перспектив будущей России:

Я рад отечества блаженству:
Дай больше небо таковых,
Российской силы к совершенству,
Сынов ей верных и прямых!
Определения судьбины
Тогда исполнятся во всем;
Доступим мира мы средину,
С Гангеса злато соберем;
Гордыню усмирим Китая,
Как кедр, наш корень утверждая.⁹

⁴ Переписка российской императрицы Екатерины и господина Вольтера. М., 1803. С. 158–159.

⁵ Там же. С. 160.

⁶ Там же. С. 165.

⁷ Державин Г. Р. Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и общ. ред. Д. Д. Благого; прим. В. А. Западова. Л., 1957. С. 174 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁸ Там же. С. 175.

⁹ Там же. С. 206.

Но в итоге поэт возвращается к вольтерианской, на китайской основе, идее «возделывания своего сада». Стоит уточнить, что в промежутке между этими подступами к «Памятнику» Державину в должности личного кабинет-секретаря императрицы пришлось скрупулезно распутывать дело иркутского генерал-губернатора Ивана Варфоломеевича Якоби, обвиненного недоброжелателями в стремлении разжечь войну между Россией и Китаем с целью извлечения моральных и материальных дивидендов. «Чтец и пономарь Фемиды», как Державин назвал себя в поэтическом отчете по следам событий («Храповицкому», 1793), собрал заполнившую целую комнату библиотеку документов по этому делу, содержание которой ему пришлось подробно излагать в ежедневных докладах императрице. В какой-то мере это напоминало ее «китайскую» переписку с Вольтером, которого уже не было в живых. Но на роль «русского Вольтера» Державин все же не подошел, пережив в процессе длительного доказательства истины от Екатерины II спектр разнообразных, нередко негативных, эмоций.¹⁰ Справедливость восторжествовала, но настрой стихотворного прославления Фелицы у поэта именно на этом иссяк, несмотря на настойчивые пожелания продолжения от императрицы.

Державин, как и А. Д. Кантемир, который упоминает «странный китайский ум», и А. Н. Радищев, сочинивший «Письмо о торге китайском», по мнению М. П. Алексеева, были Пушкину хорошо известны, и литературный контекст задавал тон встречи с «Китаем», заново возвращенным и развернутым Екатериной II. Имевшаяся в библиотеке Пушкина «История села Царского» Ильи Яковкина рассказывает, что китайский дом и театр (арх. В. И. Неелов) был начат постройкой в 1777 году, а в 1784–1788 годах по планам Камерона здесь выросла целая «китайская деревенька»,¹¹ вокруг которой раскинулись столько раз воспетые Пушкиным аллеи, лужайки и озера китайского парка...

2

В таком условном царскосельском «Китае» прошло отрочество А. С. Пушкина. Алексеев в не потерявшей важности статье «Пушкин и Китай» показал, что поэт с детства и юности впитывал в себя все наиболее значительное из шедевров французской поэзии той поры, охваченной «китайщиной».¹² Навянное Вольтером благожелательное отношение к Китаю и китайцам и элементы китайского пейзажа «садов лицез» проявляются в раннем образце сочетания любовной лирики и геопозитической обратной перспективы царскосельского периода — стихотворении «К Наталье» (1813):

Не владетель я Сераля,
Не арап, не турок я.
За учтивого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя,
Не представь и немчурою,
С колпаком на волосах,
С кружкой, пивом налитой,
И с цыгаркою в зубах.
Не представь кавалергарда
В каске, с длинным палашиком.¹³

¹⁰ Державин Г. Р. Соч.: В 9 т. / С объяснительными прим. [и предисловием] Я. Грота. СПб., 1871. Т. 6. С. 693–694.

¹¹ Алексеев М. П. Пушкин и Китай. С. 118.

¹² Там же. С. 111–112.

¹³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 7. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

Выражения первых любовных чувств методом от противного облачаются у юного поэта в привычные образы французской поэзии, насыщая вместе с тем определенный этногеопоэтический обзор, которому предшествовали чисто пейзажный и мифологический ряды, неким ценностным содержанием. «Учтивый китаец» (пусть даже во французской маске) явно предпочтительней «грубого американца» или «немчуры» с его привычными атрибутами — «колпаком на волосах», «с кружкой, пивом налитой» и «с цыгаркою в зубах». Правда, врывающийся в итоге в этот ряд «кавалергард, в каске, с длинным палашиом» предстает в виде джокера, *неучтиво* смешивающего весь пасьянс...¹⁴

Китайская тема косвенно просматривается в своеобразном лицейском творческом отчете, стихотворении «Воспоминания в Царском Селе», написанном в октябре — ноябре 1814 года для чтения на публичном экзамене (8 января 1815 года), которое начинается с впечатлений от китайского сада как важного элемента «Минервы русской храма». Как известно, чтение стихов в присутствии многочисленных гостей привело в восторг Державина и стало триумфом юного поэта. Опубликовано в журнале «Российский музей, или Журнал европейских новостей», стихотворение стало первой публикацией с полной подписью поэта. Об общем державинском контексте этого стихотворения накопилась немалая литература, но он заслуживает дальнейшего изучения.

«Не отсюда ли, не из этих ли садов, так много говоривших сердцу впечатлительно-го юноши, идут те величавые образы, которые так бесконечно разнообразны в его поэзии?» — писал И. Ф. Анненский, полагая, что великолепие царскосельских дворцов и садов отразилось на соответствующих картинах «Руслана и Людмилы». ¹⁵ Во второй песне поэмы Пушкин так описывает сад волшебника:

С прохладой вьется ветер майский
Средь очарованных полей,
И свищет соловей китайский
Во мраке трепетных ветвей...

(4, 31)

Представляется, и здесь не обошлось без переклички с не вполне еще опознанным соловьем Державина из стихотворения 1791 года, который «будто изъявляет / И богу и царю / Свое благодаренье». ¹⁶

И. Е. Королев усматривает китайские параллели и в 5-й песне «Руслана и Людмилы», связывая сцену боя Руслана с Головой с сюжетом китайской легенды о Синтяне — одном из самых известных героев китайских мифов: «Синтянь <...> в сражении лишился головы, которую ему предательски отрубил Желтый император, подкравшись сзади. Синтянь погнался за головой, но Желтый император разрубил гору Чанъянь, и голова закатилась туда, а скалы сомкнулись. Тогда Синтянь изуродовал себя, превратив в голову свой живот. В этой восточной легенде герой лишился головы не в честном бою, а в результате хитрости противника, так же, как и Черномор отрубил голову своему брату-великану». ¹⁷

Героическая безмятежность «Воспоминаний в Царском Селе» 1814 года сменяется элегически-ностальгическими мотивами в «Воспоминаниях в Царском Селе» 1829 года. Возвращаясь к лирическим истокам, поэт сразу же попадает в китайский сад, сравнивая себя при этом с библейским отроком.

Пушкин продолжает державинскую традицию, добавляя идеальную завершенность в царскосельский пейзаж. В промежутке между двумя царскосельскими «Воспоминаниями...» Пушкин написал для первого в России энциклопедического журнала «Московский телеграф» рецензию «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен

¹⁴ Старк В. П. Наталья Гончарова. 3-е изд. М., 2015. С. 47 (сер. «Жизнь замечательных людей»).

¹⁵ Алексеев М. П. Пушкин и Китай. С. 120.

¹⁶ Державин Г. Р. Стихотворения. С. 173.

¹⁷ Королев И. Е. Мифологические и фольклорные истоки поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» // Юный ученый. 2018. № 4 (18). С. 1–2.

И. А. Крылова» (1825), которую сейчас можно охарактеризовать как компактный трактат по теории перевода, межкультурной коммуникации и синергетике языка. Полемизируя с мнением Лемонта, что «владычество татар оставило ржавчину на русском языке», Пушкин вразумляет французского историка и переводчика вполне в духе взаимного Екатерининского просвещения (от Вольтера к Вольтеру), с более точным использованием этнонимов: «Их нашествие не оставило никаких следов в языке образованных китайцев, и предки наши, в течение двух веков стоя на татарском иге, на языке родном молились русскому богу, проклинали грозных властителей и передавали друг другу свои сетования» (11, 32).

3

Волна более практического, направленного не в прошлое, а в будущее интереса к «подлинному» Китаю связана у Пушкина с двумя людьми. Один из них — первый синолог, получивший общеевропейскую известность, знаток китайского языка, проживший в Китае 14 лет, Никита Яковлевич Бичурин, он же архимандрит Иакинф (1777–1853), давно уже фигурирует в пушкинском китаеведческом контексте. Другой — будущая супруга поэта Н. Н. Гончарова — в этом аспекте еще не рассматривался.

Труды Бичурина были известны Пушкину еще в Одессе и Михайловском. В пушкинской библиотеке сохранились комплекты журнала «Сибирский вестник» (1818–1824) со статьями о жизни Бичурина и его исследованиях по истории и культуре Китая. Личное знакомство и общение Пушкина с ним началось, по предположению Л. А. Черейского, в 1828 году. Основанием для такого заключения является дарительная надпись на книге Бичурина «Описание Тибета в нынешнем его состоянии» (СПб., 1828): «Милостивому государю Моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак истинного уважения. Апреля 26 1828».¹⁸

В 1829 году Бичурин подарил Пушкину и другую свою книгу — «Сань-Цзы-Цзин, или Троесловие» (СПб., 1829) с надписью: «Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика».¹⁹ Встречи, вероятно, происходили в петербургском салоне В. Ф. Одоевского, где, по словам М. П. Погодина, «сходились веселый Пушкин и отец Иакинф с китайскими, сузившимися глазками».²⁰

Не без влияния Бичурина интерес Пушкина к Китаю окреп и видоизменился, совпав с некоторыми общими тенденциями в его творчестве. Впрочем, к этому времени назрела необходимость осмысления и использования новых принципов изображения действительности. В российской, как и в европейской, литературе начался сложный период постепенного отказа от романтического изображения восточных реалий и перехода к попыткам как более глубокого, так и более реалистического осмысления Востока.

Пушкин, стремившийся в то время как можно ближе подойти в своих произведениях к действительности, скорее всего, размышлял и о возможности представить читателям реальный Китай. Роман «Евгений Онегин», работа над которым вступала в завершающую стадию, мы склонны трактовать как водораздел между такими «двумя Китаями». Ссылка на Конфуция в черновиках VI строфы первой главы романа напротив ироничной характеристики поверхностной образованности героя, не имевшего охоты рыться «в хронологической пыли», остается не менее загадочной, чем «территориальное признание» Н. Б. Голицыну, адресованное князю в Артек — «там колыбель моего Онегина»:

¹⁸ Черейский Л. А. Бичурин Никита Яковлевич // Черейский Л. А. Пушкин и его окружение / Отв. ред. В. Э. Вацуру. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 39–40. См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 71. № 267 (Пушкин и его современники; Вып. 9–10).

¹⁹ Там же. С. 92. № 347.

²⁰ Погодин М. П. Воспоминание о князе Владимире Федоровиче Одоевском // В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском: Заседание Общества любителей российской словесности 13 апреля 1869 года. М., 1869. С. 57.

[Конфуций] мудрец Китая
Нас учит юность уважать —
[От заблуждений охраняя]
[Не торопиться осуждать]
[Она одна дает надежды —]
[Надежду может]

(6, 219–220)

По всей вероятности, Пушкин уже достаточно хорошо знал культуру Китая и наследие Конфуция в частности (хотя ссылок именно на этого мыслителя в книгах Бичурина не было, это не исключает возможность бесед на эту тему), чтобы озадачивать им своего героя. Для этого требовался другой герой, связанный с Китаем непосредственно. Как полагает С. А. Кибальник, «упоминание Конфуция воспринимается как отступление от рассказа о герое и несет в себе новую мысль, которая должна была смягчить резкость оценки уровня образования Онегина. Смысл его в контексте строфы получался следующим: „Не торопитесь осуждать Онегина: ведь как ни поверхностно он образован, он еще молодой человек, и неизвестно, что из него получится“. Но эта мысль Конфуция вступала в противоречие с общей концепцией характера героя как „лишнего человека“, из которого никогда ничего не получится, и потому, вероятно, осталась за пределами основного текста романа».²¹

При этом С. А. Кибальник опознает разноуровневое наличие конфуцианского слоя в романе и в хрестоматийных строках самого начала первой главы:

Мой дядя, самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.

(6, 5)

Эти строки, по мнению исследователя, несут характер иронической ссылки на основную идею конфуцианства — идею уважения к старшим.²²

Итак, сам Онегин еще не «дорос» до Конфуция, но вполне погружен в популярную «китайщину», как и все его окружение. Согласно Ю. И. Слонимскому, на которого ссылается Ю. М. Лотман в комментариях, при описании посещения балета героем (строфы XX–XXII первой главы) называется, в частности, «китайский балет» Шарля-Луи (Фредерика) Дидло (1767–1837) «Хензи и Тао»,²³ образец сценической «китайщины», не лишенной вольтерианских надежд. На сцене в духе архетипического сюжета «Красавицы и Чудовища» демонстрировалось, как принц Тао превращением в монстра был наказан за свои злодеяния, а любовь красавицы Хензи воскрешала его к добродетели. А. А. Гозенпуд писал об этой работе: «„Хензи и Тао“ — это сценическая иллюстрация положения просветителей о том, что человек от рождения добр, хотя и может стать злым, если искажена его нравственная природа; что подлинная красота является выражением внутренней гармонии, единством духовных и физических свойств человека».²⁴

Сам поэт в 1819 году на спектакль опоздал. В. Набоков трактует это опоздание так: «...он только что вернулся из Царского. Там медведь сорвался с цепи и помчался по аллее парка, где мог причинить неприятность царю Александру, случись тому проходить

²¹ Кибальник С. А. Пушкин и конфуцианство // Пушкин и мировая культура. Материалы шестой Междунар. конф. Крым, 27 мая — 1 июня 2002 г. СПб., 2003. С. 38.

²² Там же.

²³ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки, 1960–1990. «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 569.

²⁴ Гозенпуд А. А. Музыкальный театр в России. От истоков до Глинки: очерк. Л., 1959. С. 516.

мимо. Пушкин сострил: „Нашелся один добрый человек, да и тот медведь!“²⁵ Лотман отмечает, что опоздавший «вел в фойе антиправительственные разговоры»²⁶ (вместо того, чтобы «идти меж кресел по ногам»).

«Китайщина» же покинула пределы императорских резиденций и столичных театральных сцен, становясь элементом массовой культуры, в той мере, в которой о ней можно вести речь применительно к этому периоду.

Пушкин тонко уловил этот момент, отметив его в статье «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833–1835): «Невинные странности москвичей были признаком их независимости. Они жили по-своему, забавлялись как хотели, мало заботясь о мнении ближнего. Бывало, богатый чудаков выстроит себе на одной из главных улиц *китайский дом* с зелеными драконами, с деревянными мандаринами под золочеными зонтиками. Другой выедет в Марьину рошу в карете из кованого серебра 84-й пробы. Третий на запятки четвероместных саней поставит человек пять арапов, егерей и скороходов и цугом тащится по летней мостовой. Щеголихи, перенимая петербургские моды, налагали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербург издали смеялся и не вмешивался в затеи старушки Москвы» (11, 246; курсив наш. — Ч. Л., А. Л.).

Пушкин опознает здесь возникновение на российской почве явления, для которого за три десятилетия до того Вальтер Скотт в историческом романе «Песнь последнего менестреля» (1804) избрал термин-неологизм *гламур*, определив им иллюзорное (ложное, показное) великолепие.

Новый термин в целом соответствует художественной реальности не только активно востребовавшего его XX века, но и века XIX, поскольку отражает, наряду с тенденциями в английской и французской литературе, специфические качества салонной живописи и декоративно-прикладного искусства — одной из версий рыночной эклектики, имитирующей прежние стили и знаменитые шедевры. Сама стадия ретроспективной инвентаризации, общая для художественной культуры Европы и Китая, может быть охарактеризована именно как *эkleктика*, притом что сам термин имеет позднейшее происхождение. «Вместе с тем *эkleктика*, — пишет М. А. Неглинская, — отразила в искусстве ситуацию интернационального обмена, в который оказались вовлеченными страны Востока и Запада, включая торговлю, миссионерство и другие формы культурной экспансии, обусловившие процесс глобализации. <...> Ранней версией *эkleктики* явилась придворная китайщина XVII—XVIII веков, формирование которой на Западе и Востоке напрямую связано с предпринимательством монархов. Производными от шинуазри сделались новые, адаптированные в Европе, виды китайского прикладного искусства — фарфор и лаковое ремесло. В свою очередь Китай приобрел такие западные технологии, используемые в пекинских придворных мастерских (и получившие развитие в XX веке), как живопись масляными красками, офорт и производство механических часов».²⁷

4

Однако вернемся к хронологической последовательности нашего китайского сюжета. В стихотворении «Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...» 23 декабря 1829 года Пушкин определенно устремил свои взоры к подножию «стены далекого Китая» (3, 191). Опять, пользуясь многозначной фразой характеристики Онегина, «ум, любя простор, теснит» (8 гл., 9 строфа), а карта воображаемого пространства дружеского общества «одоевских» встреч разрывается образом «кавалергард-девы». В то же время это стихотворение можно рассматривать как поэтический набросок официально-го прошения, с которым 7 января 1830 года Пушкин обратился к А. Х. Бенкендорфу:

²⁵ Набоков В. В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / Пер. с англ.; под ред. А. Н. Николукина. М., 1999. С. 91.

²⁶ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. С. 569.

²⁷ Неглинская М. А. Китайский стиль цинского двора (1644–1911) и европейский предмодернизм. М., 2018. С. 286.

«Покамест я еще не женат и не зачислен на службу, я бы хотел совершить путешествие во Францию или Италию. В случае, если оно не будет мне разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством» (14, 398).

Китайский вектор предстает в столь развернутом «веере возможностей» более обоснованным практически. Под «посольством» подразумевалась 11-я Российская духовная миссия, направлявшаяся в Пекин, и научная экспедиция к границам Китая — в Кяхту, во главе которой собирались ехать о. Иакинф и П. Л. Шиллинг. Однако через десять дней был получен отрицательный ответ: «Что же касается желанья <...> сопровождать наше посольство в Китай, то оно теперь не может быть исполнено, так как все чиновники в него уже назначены и не могут быть переменены без уведомления от том Пекинского двора».²⁸

Итак, Пушкину суждено было остаться со своим «внутренним» Китаем. Традиции предшествующего века диктовали использовать образы идеализированного Китая для завуалированной критики современного общества. Однако Пушкин в статье «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» (1830) иронизировал над такой архаичной формой, пересказав опубликованный его литературным противником Ф. Булгариным «китайский» анекдот о двух журналистах, «которых судия наказал бамбуковою палкою за плутни, унижающие честное звание литератора». При этом была отмечена популярность подобных намеков: «Этот китайский анекдот так насмешил публику и так понравился журналистам, что с тех пор, коль скоро газетчик прогневался на кого-нибудь, тотчас в листках его является известие из-за границы (и большею частью из-за китайской), в коем противник расписан самыми черными красками, в лице какого-нибудь вымышленного или безыменного писателя» (11, 168).

Далее, применяя такую же форму прозрачных намеков, Пушкин и сам сочиняет направленный против того же Булгарина якобы «китайский» анекдот: «Недавно в Пекине случилось очень забавное происшествие. Некто из класса грамотеев, написав трагедию, долго не отдавал ее в печать — но читал ее неоднократно в порядочных пекинских обществах и даже вверял свою рукопись некоторым мандаринам. Другой грамотей (следуют китайские ругательства) или подслушал трагедию из прихожей (что гов<орят> за ним важивалось), или тихонько взял рукопись из шкатулки мандарина (что в старину также с ним случалось) [и] склеил на скорую руку из довольно нескладной трагедии чрезвычайно скучный роман. Грамотей-трагик, человек бесталанный, но смирный, поворчав немного, оставил было в покое похитителя, но грамотей-романист, человек ловкий и беспокойный, опасаясь быть обличенным, перв<ый> стал кричать изо всей мочи, что трагик Фан-Хо обокрал его бесст<ыдным> обр<азом>. Траг<ик> Фан-Хо, рассердясь не на шутку, позвал романиста Фан-Хи в совестный Пекинский суд и проч. и проч.» (11, 169). Пушкин привлек эту историю, чтобы изобразить Булгарина в использовании в романе «Дмитрий Самозванец» идеи трагедии «Борис Годунов». Фраза «тихонько взял рукопись из шкатулки мандарина» — явный намек на тесные связи Булгарина с главой секретной полиции Бенкендорфом, который мог передать ему рукопись «Бориса Годунова». Как отмечает Ван Ци, «в этом анекдоте трагик Фан-Хо (то есть сам Пушкин) — „человек <...> смирный“. В переводе с китайского имя „Хи“ обозначает „плагиатор“, а имя „Хо“ обозначает „вежливый“». Это еще раз показывает, каким был образ китайцев в представлениях Пушкина.²⁹

Не забывались поэтом и работы Бичурина. Один косвенно китайский сюжет был извлечен из них в ходе работы над «Историей Пугачева» (1833–1834). Речь идет об исходе значительной части российских калмыков в 1771 году в Китай (откуда они за полтора столетия до того перекочевали в приволжские степи) как проявлении роста напряженности между администрацией и местным населением, вылившейся в крестьянскую войну Пугачева. При этом в примечаниях оговорено, что «самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу,

²⁸ Цит. по: Алексеев М. П. Пушкин и Китай. С. 135–136.

²⁹ Ван Ци. Образ Китая в русской литературе первой половины XIX века. Выпускная квалификационная работа магистра филологии. СПб., 2017. С. 28 (см.: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/7718/1/VKR_Van_Ci.pdf; дата обращения: 31.01.2021).

коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком» (9, 95).

Пушкин отмечает принятые китайским правительством меры по интеграции пришельцев — бывших соотечественников — в сложившийся к этому времени китайский социум. «Пограничная цепь китайских караулов грозно преградила им вход в прежнее отечество, и калмыки не иначе могли проникнуть в оное, как с потерей своей независимости. Крайнее изнеможение народа принудило Убаши с прочими князьями поддаться Китайской державе безусловно <...> Китайский император предписал принять сих несчастных странников и новых своих подданных с примерным человеколюбием. Немедленно доставлено было калмыкам вспоможение юртами, скотом, одеждою и хлебом» (9, 97).³⁰ Любопытно, что Пушкин-историк как будто бы представляет здесь отдаленный прообраз темы будущего русского исхода в Китай в ходе Гражданской войны в XX веке.

Неоконченное стихотворение «Осень» (1833) стало для Пушкина опытом поэтической саморефлексии «потесненного» пространства. Пространственные ряды уступили место сонму собственных героев во всем их многообразии:

И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

(3, 321)

В первоначальном варианте стихотворения в строфе, позднее исключенной из канонического варианта, этот ряд раскрывался более подробно:

Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Монахи, карлики, арапские цари,
Гречанки с четками, корсары, богдыханы...

(3, 916)

Думается, наличие среди «давних знакомцев» «богдыханов», как в русских грамотах XVII–XVIII веков называли китайских императоров, представляется в свете всего изложенного выше вполне закономерным. Они были активными участниками творческого процесса поэта.

5

Теперь вернемся к роли Натальи Николаевны в нашем китайском сюжете. Китайская диванная комната примыкала к детской большого барского дома-усадьбы Гончаровых Полотняный Завод, где прошли первые шесть лет ее детства.³¹ А в своей ученической тетради по географии за 1827 год пятнадцатилетняя ученица вполне в духе указанных выше энциклопедистов отметила, что приступает к изучению Китая, всех его многочисленных провинций, государственного устройства, географического положения, климата.³²

«Завоевание» Натальи Николаевны поэтом оказалось сопряжено с масштабными геополитическими ритмами. В ситуации неопределенности, возникшей после первого сватовства, Пушкин в мае 1829 года устремляется на Кавказ в путешествие в Арзрум

³⁰ Дэвид Схиммельпеннинк ван дер Ойе в своем увлекательном исследовании истории российской дальневосточной политики при освещении истории российско-калмыцко-китайских отношений этого эпизода «обратного» исхода калмыков в Китай не касается. См.: *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией / Авториз. пер. с англ. Н. Мишаковой. М., 2009. С. 75.

³¹ Старк С. Наталья Гончарова. С. 55.

³² Черкашина Л. С. Наталья Гончарова. М., 2012. С. 47.

в составе армии Паскевича, с попутным знаменательным посещением казавшейся неприступной крепости Карс. В результате возникла возвращающая к исходному импульсу этой поездки метафора «Карс» применительно к невесте как обозначение ее неприступности (с попутной характеристикой будущей тещи как «маминьки Карса»)³³. По возвращении в сентябре 1829 года «военные действия» на личном фронте возобновились. И на новой стадии они были сопряжены на этот раз с оставшимися неосуществленными планами посетить Китай, на этот раз по дипломатической оказии.

Возникал ли в разговорах какой-либо образ Китая во время встреч поэта с Натальей Гончаровой, неизвестно. О возраставшем в это время интересе Пушкина к Китаю есть сведения в дневнике А. О. Смирновой: «Я много говорила с Пушкиным... затем в 1829 году он отправился в кавказскую армию и, наконец, собирался в Китай. Я спросила его, неужели для его счастья необходимо видеть фарфоровую башню и Великую стену? Что за идея ехать смотреть китайских божков? Он уверил меня, что мечтает об этом с тех пор, как прочел „Китайскую сироту“, в котором нет ничего китайского; ему хотелось бы написать китайскую драму, чтобы досадить тени Вольтера».³⁴

Поверх полемики о степени достоверности этих мемуаров Н. А. Самойлов различает тут два образа-символа Китая: фарфоровая башня — символ романтического восприятия Китая в Европе и России, и Великая стена — символ его вечности и неизблемости.³⁵ С точки зрения генезиса образа Китая в пушкинском сознании эти символы можно обозначить так: «царскосельский» и неведомый.

Стихотворение «Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...», о котором уже шла речь выше, завершается вопросом, в котором сопоставляются оба странствия — реальное, в Арзрум, и предстоящее — в Китай:

Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?

(3, 191)

Приведенная строфа с рифмой *деву — гневу* явилась отражением первого неудачного сватовства поэта к Наталье Гончаровой. Уже после проставленной под стихотворением даты поэт приписывает другими чернилами и другим пером еще одну строку: «Но полно, разорву оковы я любви» — в ходе запланированного китайского путешествия.

Как известно, второе из этих путешествий не состоялось, «оковы любви» не были разорваны, а закреплены узами брака и вследствие этого — приобщением к гончаровскому «Китаю». Речь не только и не столько о китайских интерьерах усадьбы Гончаровых: «Те две недели, что провел Пушкин в Полотняном в августе–сентябре 1834 года, он буквально зачитывался книгами из гончаровского собрания. Его чашечки видели несущим кипы старинных фолиантов. Тогда же поэт отобрал для себя и своих детей нужные ему сочинения. Сохранился реестр взятых им книг, из коего видно, что в фамильной библиотеке имелись довольно редкие книги по российской и всемирной истории, географии, философии: „Журналы Петра Великого“, „Летописец царя Ивана Васильевича“, „О градах китайских“, „Семейная и дружеская переписка Фридриха II, Прусского короля“, „Очерки Теодигэ о Добrote Бога, Свободе человека и происхождении Зла“».³⁶

Таков в итоге оказался обретенный Пушкиным «Китай» — Китай как Путь.

³³ Люсый А. П. Интимная география: образ Карса у Александра Пушкина и Орхана Памука // География искусства: расширение горизонтов. М., 2019. С. 311.

³⁴ Смирнова А. О. Записки А. О. Смирновой, урожденной Россет (с 1825 по 1845 гг.). М., 1999. С. 63.

³⁵ Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVII — начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб., 2014. С. 240.

³⁶ Черкашина Л. С. Наталия Гончарова. С. 51–52.

ДВА ОРИЕНТАЛИЗМА: РОЛЬ ВОСТОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЭМЕ ДЖ. Г. БАЙРОНА «THE BRIDE OF ABYDOS» И ЕЕ РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ И. И. КОЗЛОВА

«The Bride of Abydos: a Turkish Tale» (1813) — вторая из шести «восточных поэм» Дж. Г. Байрона. Как и остальные произведения данной серии, поэма «The Bride of Abydos» поразила современных автору русских поэтов и читателей экзотизмом картин, яркостью характеров героев, напряженностью сюжета и блеском языка.

Первый русский перевод этой поэмы о трагической любви между Селимом и Зюлейкой был выполнен в прозаической форме с французского языка М. Т. Каченовским в 1821 году («Выбор из сочинений лорда Байрона, переведенных с французского [Осада Коринфа; Калмар и Орла; Мазепа; Джяур; Абидосская невеста]»). И. И. Козлов впервые осуществил стихотворный перевод с оригинала, опубликовав сначала отрывки перевода в журналах в 1823–1825 годах,¹ а затем, в 1826 году, всю поэму отдельным изданием.²

Козлов переложил английское произведение довольно свободно. Он заменил вольный дольник оригинала разностопным ямбом, растянул поэму на несколько сотен строк, добавил множество эпитетов и образов, усилил лирическое начало. Несмотря на высокую оценку со стороны Н. М. Карамзина («Вообще хороший перевод, а есть места, не уступающие оригиналу и очень счастливые стихи»),³ единодушия в оценке перевода Козлова не было. Белинский, к примеру, упрекал его за отсутствие сжатости и энергии оригинала.⁴ Позже Ю. Д. Левин отметил в русском варианте «налет сентиментальности»,⁵ чуждый английскому поэту. В данной статье мы рассмотрим один из малоисследованных вопросов об этом переводе Козлова: стратегию перевода «восточной лексики», являющейся важным составным элементом Байроновского текста.

Под «восточной лексикой» мы имеем в виду слова восточного происхождения, заимствованные автором в транслитерированной форме. Транслитерация позволяет максимально точно передать «чужое» средствами «своего». Таким образом, восточная лексика с особым звучанием и загадочным значением придает произведению необыкновенную экзотичность. Как отметила американская исследовательница Э. Осборн, «идеальная <восточная> поэма — это та, которая описывает восточную жизнь или восточные чувства восточными словами».⁶ Байрон, несомненно, согласился бы с этим мнением. В своих «восточных поэмах», в частности в «The Bride of Abydos» и «The Giaour», английский поэт активно использовал слова арабского, персидского и турецкого происхождения. В самом деле его неоднократно критиковали именно за «импорт» экзотических названий, непонятных и плохо сочетававшихся с английским поэтическим языком начала XIX столетия.

¹ Новости литературы. 1823. Кн. 4. № 24. С. 175–176; Соревнователь просвещения и благотворения. 1825. Ч. 29. № 3. С. 290–294; Московский телеграф. 1825. Ч. 5. № 19. Отд. 2. С. 250–252.

² Невеста Абидосская. Турецкая повесть лорда Байрона / Пер. с англ. И. Козлова. СПб., 1826.

³ Карамзин высказал свое мнение о «Невесте Абидосской» А. А. Воейковой, и последняя написала жене поэта-переводчика С. А. Козловой. Оригинальное письмо на французском языке и русский перевод Н. В. Соловьева см.: Соловьев Н. В. История одной жизни. А. А. Воейкова — «Светлана»: В 2 т. Пг., 1916. Т. 2. С. 55.

⁴ Белинский В. Г. [Рец. на:] Собрание стихотворений Ивана Козлова: В 2 ч. 3-е изд. СПб., 1840 // Отечественные записки. 1841. Т. 15. № 3. Отд. 6. С. 4.

⁵ Левин Ю. Д. О русском поэтическом переводе в эпоху романтизма // Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы / Отв. ред. академик М. П. Алексеев. Л., 1972. С. 252.

⁶ «The ideal poem is one which expresses Eastern life or Eastern feeling in Orientalized diction» (Osborne E. Oriental Diction and Theme in English Verse, 1740–1840. Appleton: Lawrence, 1916. P. 7 (Bulletin of the University of Kansas Humanistic Studies. Vol. 2. № 1)). Перевод мой. — Т. В.

А как же Козлов обошелся с этими восточными словами? Отдавая предпочтение вольному переводу, он «искал у иноземных поэтов <свое>, чтобы включить его в собственный поэтический мир». ⁷ Чрезмерная экзотичность вряд ли найдет место в его переводе. Можно предположить, что ориентальные языковые «знаки» английского оригинала видоизменяются, смягчаются в русской версии поэмы.

В отношении использования Байроном восточной лексики в поэме «The Bride of Abydos» отмечаются следующие особенности:

1) Обилие восточных слов.

Чтобы передать отечественным читателям реалии мусульманского Востока, которые, как правило, «не имеют эквивалентов в быту, а следовательно, и в языках других стран и народов», ⁸ Байрон внес в свою поэму целый ряд восточных слов. Помимо тех, которые давно вошли в английский язык и были хорошо знакомы английским читателям — «Koran» (Коран), «Allah» (Аллах), «Sultan» (султан), «Moslem» (мусульманин), «Messa» (Мекка) и т. п., поэт использовал и многие другие восточные названия: «Azrael» (ангел смерти в Исламе), «Comboloio» (мусульманские четки), «tambour» (восточный барабан), «Koorsee» (трон Бога) и т. д., некоторые из них до сих пор не входят в словари английского языка.

Если вышеперечисленные слова более или менее необходимы для передачи уникальных восточных реалий, то в поэме встречаются и слова, обозначающие обыкновенные предметы и имеющие эквиваленты в английской культуре и языке. Например, Байрон параллельно использовал слова восточного происхождения «Gúl» (роза), «Bulbul» (соловей) и их английские эквиваленты «rose», «nightingale» с целью подчеркнуть своеобразное символистическое значение этих природных объектов в Восточной культуре. Это говорит также о значимости экзотического колорита для автора.

2) Визуальное выделение восточных слов.

Большинство восточных слов в «The Bride of Abydos», включая и имена нарицательные, написаны автором с прописной буквы. Например, «Chibouque» (чубук), «Ollah» (слово, подражающее крику человека), «Giaour» (гяур), «Serai» (дворец), а также вышеперечисленные «Comboloio», «Koorsee», «Gúl», «Bulbul» и т. д. Байрон, очевидно, придавал экзотизмам особое значение. Для него эти незнакомые, странные, с точки зрения читателя, слова — важнейшие особенности текста, которые следует подчеркнуть и тем самым нарисовать «ощутимый» (palpable) Восток, как писал сам поэт в письме Т. Муру от 28 августа 1813 года. ⁹

3) Восточные слова как рифмующиеся.

Восточные слова в байроновской поэме играют важную эстетическую роль, в частности, они служили для поэта способом создания уникальных рифм, например:

Till I, who heard the deep tambour
Beat thy Divan's approaching hour...¹⁰

And held that post in his Serai
Which holds he here — he saw him die...¹¹

Эти ориентализмы по звуку идеально соединяются с нейтральными словами английского языка и составляют вместе с ними весьма необычные рифмы. Таким образом, восточные слова перестают быть лишь чужими названиями, специально введенными и выделенными для демонстрации экзотичности, они становятся частью

⁷ Левин Ю. Д. О русском поэтическом переводе в эпоху романтизма. С. 255.

⁸ Мосиенко Л. В. Лингвокультурологическая проблема классификации реалий // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2005. № 11. С. 155–161.

⁹ Byron G. G. Letters and Journals: In 13 vol. / Ed. by L. A. Marchand. London, 1974. Vol. 3. «Alas! the Love of Women»: 1813–1814. P. 101.

¹⁰ Byron G. G. The Bride of Abydos: a Turkish Tale // The Works of Lord Byron: In 13 vol. London, 1898. Vol. 3. P. 161.

¹¹ Ibid. P. 191.

целостного поэтического произведения. В этом и заключается байроновский эксперимент с новыми типами рифм.

4) Пространные примечания к восточным словам.

Байрон снабдил свою поэму 43 примечаниями, большинство из которых служили для объяснения восточных слов и описания связанных с ними разных аспектов восточной жизни. Показывая в примечаниях свои обширные знания о чужой земле, усвоенные либо во время путешествия по Востоку, либо при чтении книг о Востоке, английский поэт придал своей поэме и культурно-познавательный характер.

Создавая «Невесту Абидосскую» на русском языке, Козлов не только переложил байроновскую поэму, но и выполнил передачу транслитерированной английским поэтом восточной лексики. В отличие от Байрона, Козлов при обращении с восточными словами стремился не к максимальной, а к умеренной экзотичности, ориентируясь на литературную традицию.

Во-первых, русский переводчик уменьшил количество экзотизмов и нейтрализовал их визуальное выделение в своей версии поэмы.

К числу восточных слов, сохраненных Козловым в переводе, относятся названия, более или менее знакомые русской читающей публике благодаря культурным и литературным связям с мусульманским Востоком («Koran» — «Коран», «Allah» — «Алла», «Chibouque» — «чубук», «Haram» — «гарем», «Sherbet» — «щербет», «Pé-ri» — «пери» и т. д.), а также большая часть политической и религиозной лексики («Divan» — «диван», «Pacha» — «паша», «Bey» — «бей», «firman» — «фирман», «Azrael» — «Азраил», «Koorsee» — «Курзи», «Muezzin» — «муйцин» и др.), отражающей своеобразные восточные реалии и неоднократно встречающейся в оригинале. Таким образом, поэт-переводчик сумел передать экзотический колорит поэмы в целом. Остальные же ориентализмы Козлов не стал использовать в том же объеме, как Байрон: восточные названия, редко встречающиеся и маловажные для сюжета, такие как «Musselim» (название должности), «Kislar» (название профессии), «Maugrabee» (название национальности) и др., были выпущены. С другой стороны, реалии, имеющие эквиваленты или синонимы в русском языке, были заменены русскими или давно бытующими в русском языке названиями («ottoman» — «подушка»,¹² «tambour» — «барабан», «Atar-gúl» — «розовая вода» и др.). Уклоняясь от предложенной английским автором модели, Козлов в большей степени заботился о ясности выражений и читательском восприятии поэмы.

При передаче восточных слов, написанных у Байрона с прописной буквы, русский поэт-переводчик заменил прописные буквы строчными. Для Козлова экзотические названия в «Невесте Абидосской» выступали как фоновая декорация: их необходимо было сохранить для передачи ориентального колорита, но выводить их на первый план не следует.

Во-вторых, Козлов сократил объем примечаний: с 43 пунктов до 31, не снабдив слова «курзи», «раяс» и др. толкованием. Уделяя значительную долю своего внимания художественной ценности поэмы, переводчик не стал усиливать ее культурно-познавательную функцию.

В-третьих, русский переводчик не прибегал к оригинальным рифмам с использованием восточных слов. В отличие от Байрона, пытавшегося сделать из экзотизмов новые поэтические элементы, Козлов предпочел превратить их в традиционные художественные образы, легко воспринимаемые отечественными читателями.

Любопытным представляется судьба мусульманского слова «Houri», взятого из Корана, в переводе Козлова. Оно означает «райских дев, которые будут супругами

¹² Слово «ottoman» в английском языке обозначает как турецкий диван, так и турецкую подушку или подставку для ног. Это слово из байроновских строк «And o'er her silken ottoman / Are thrown the fragrant beads of amber / O'er which her fairy fingers ran» (Ibid. P. 181) Козлов понял как «подушку», поэтому он и не использовал уже вошедшее в русский язык заимствованное слово «оттоман», обозначавшее «широкий турецкий диван с подушками вместо спинки» (Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2011. Вып. 18. С. 115).

праведников в раю». «Houri» у Байрона — это любимый образ и символ идеальной женской красоты. Русский поэт-переводчик воздержался от заимствования непривычных для русской поэзии этой эпохи «гурий», а воспользовался традиционным словосочетанием «дева рая», которое встречается, к примеру, в «Бахчисарайском фонтане» А. С. Пушкина («К нему навстречу дева рая / С улыбкой страстной полетит») и других русских произведениях на восточные темы. Строки «Oh! who so dear with him could dwell? / What Houri soothe him half so well?»¹³ переведены Козловым так: «О нет! возможно ль, чтоб иная / Так нежно с ним умела жить, / И будто может дева рая / Страстной меня его любить?»¹⁴

В романтическую эпоху Восток привлек к себе внимание западноевропейских писателей. При анализе байроновской поэмы «The Bride of Abydos» мы видим, как уже в языковом плане — с точки зрения использования восточных слов — наблюдается пристальный интерес английского поэта к далекому загадочному краю. Мусульманский Восток давал Байрону новые впечатления и новые творческие возможности: с одной стороны, он использовал и визуально выделял восточные слова (а также детально объяснил в примечаниях их значение с целью ознакомления английских читателей с чужой культурой); с другой стороны, провел эксперимент в области стихосложения, обращаясь к своеобразным рифмам с применением ориентализмов.

Когда русский поэт-переводчик, представитель другой языковой и культурной традиции, ставит перед собой задачу перевести байроновскую поэму на русский язык, интересующая нас восточная лексика и английский оригинал в целом претерпевают серьезные изменения. Козлов не уделил экзотичной лексике такого же внимания, как Байрон. Русский переводчик, по-видимому, не ставил перед собой задачу узнать Восток и ознакомить с ним читающую публику, поэтому уменьшил количество экзотизмов и соответствующих примечаний, а также нейтрализовал визуальные знаки этих слов. Возможно, как полагает С. Л. Каганович, это объясняется тем, что Россия из-за своей «близости и к Западу, и к Востоку» относится к последнему «не как к далекому, малознакомому, а потому экзотическому миру, а как к одной из равноправных составляющих окружающей поэта живой, реальной действительности».¹⁵

Байроновскому литературному эксперименту создания литературного произведения, насыщенного обильными непонятными экзотизмами и новыми типами рифм, Козлов также не последовал. Будучи более консервативным в художественном творчестве по сравнению с Байроном, поэт-переводчик стремился придерживаться умеренной экзотичности и выполнить перевод в рамках традиционных эстетических принципов.

¹³ Byron G. G. The Bride of Abydos: a Turkish Tale. P. 183.

¹⁴ Козлов И. И. Полн. собр. стихотворений / [Вступ. статья, подг. текста и прим. И. Д. Гликмана]. Л., 1960. С. 352 (Библиотека поэта. Большая сер.).

¹⁵ Каганович С. Л. Некоторые особенности русской ориентальной поэзии первой трети XIX в. (Формирование стилиевой традиции) // Русская литература и Восток. Ташкент, 1988. С. 34.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-53-63

© О. С. Муравьева

АЛЕКСАНДР ПУШКИН НА RENDEZ-VOUS

В известной статье Н. Г. Чернышевского «Русский человек на rendez-vous» (1858) были выявлены некоторые особенности развития любовного сюжета в русской литературе. Смело экстраполируя закономерности поведения мужчины по отношению к женщине на его общественную деятельность, критик тем самым заявил о целостности личности и о важности изучения вопросов, относящихся к частной, интимной жизни

индивида.¹ В историко-литературных исследованиях такой аспект изучения литературных персонажей и личности писателей развития, в общем, не получил. Неясно очерчен, в сущности, даже образ главного героя-любownika русской литературы — Александра Пушкина. В необъятной пушкиниане, разумеется, много сказано и об его любовных связях, и об его любовной лирике, но все эти сведения с трудом складываются в целостный образ. Не говоря уже о постоянном смешивании личности поэта с лирическим субъектом его стихотворений, даже собственно биографический аспект темы остается недостаточно раскрытым.

Пушкиноведение пока практически не участвовало в развитии очень популярного на Западе направления, так называемой микроистории или истории частной жизни. В отличие от прежних исследований, где частная жизнь исторических персонажей или даже целых социальных слоев представляла, собственно, собранием рассказов, новое научное направление выдвигает на первый план изучение ментальных и поведенческих стереотипов, т. е. специфических представлений о мире, господствовавших в том или ином обществе, и их отражения в повседневной жизни. Понятия любви, дружбы, вражды, чести, позора и т. п. в различные эпохи и в различных социальных группах понимались по-разному и реализовывались в определенных моделях социального и бытового поведения. Отношение к женщине в кругу этих явлений предстает, быть может, одним из самых удобных объектов для изучения. Поскольку общественные законы и обычаи устанавливались главным образом мужчинами, то нормативы, призванные регулировать поведение женщины, прописывались ими с особой тщательностью. Однако выявить и описать такие стереотипы — это только полдела. Самое сложное и самое интересное — понять взаимодействие и противоборство стереотипного и индивидуального, ведь именно таким образом осуществляется становление индивида и развитие общества. Иначе говоря, мы можем ответственно характеризовать поступки и суждения исторического лица только в соотношении с ментальными и поведенческими стереотипами его среды и эпохи.² Биографическая литература о Пушкине на сегодняшний день такие проблемы не рассматривает. Весь свод того, что написано о частной жизни Пушкина, позволяет только констатировать разнообразие и противоречивость его слов и поступков. Мы имеем большой материал для изучения, но не умеем к нему подступиться. В пушкиноведении, традиционно уделявшем достаточно внимания личной жизни поэта, даже не сложилось ясного представления о характере отношения Пушкина к женщинам.

В сборнике статей «Человек в кругу семьи» пушкинская эпоха представлена единственной работой Н. Л. Пушкаревой и С. А. Экштута «Любовные связи и флирт в жизни русского дворянина в начале XIX века».³ В основу статьи положен анализ дневника А. Н. Вульфа, традиционно представляющего в отношении любовных связей за все русское дворянство, включая и Пушкина. Статья П. Е. Щеголева «Любовный быт пушкинской эпохи» также основывалась исключительно на материале этого дневника. Щеголев считал личный опыт Вульфа типичным для поведения молодого помещика и склонен был, с некоторыми оговорками, ставить знак равенства между ним и Пушкиным.⁴ Однако цинизм и бесстыдная откровенность дневниковых записей Алексея Вульфа свидетельствовали не только о нравах его среды, но и об особенностях его личности и обстоятельствах его жизни. Это был человек с неудавшейся служебной карьерой, тяготившийся зависимостью от матери, неуверенный в своих мужских воз-

¹ Чернышевский Н. Г. Русский человек на rendez-vous // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: [В 15 т.]. М., 1950. Т. 5. С. 156–174.

² См.: Бессмертный Ю. Л. Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное. В поисках новых решений // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 11–19; Репина Л. П. Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема // Там же. С. 20–32.

³ Пушкарева Н. Л., Экштут С. А. Любовные связи и флирт в жизни русского дворянина в начале XIX века // Там же. С. 180–206.

⁴ См.: Щеголев П. Е. Любовный быт пушкинской эпохи // Вульф А. Н. Дневники (Любовный быт пушкинской эпохи). М., 1929. С. 13–28.

можностях. Победы над женщинами служили ему средством реванша и самоутверждения. Все это ни в коей мере не было свойственно Пушкину. Конечно, они были приятелями и, наверное, делились опытом в откровенных беседах, но неизвестно, до какой степени Пушкин реально разделял взгляды Вульфа и принимал его манеру поведения. Нет оснований и считать, что в среде провинциального дворянства поступки Вульфа по отношению к женщинам принимались как должное. Осенью 1828 года Пушкин пишет Вульфу из Малинников: «Меня приняли с достоуважительным почитанием и благосклонностию. Утверждают, что вы *гораздо хуже меня* (в моральном отношении), и потому не смею надеяться на успехи, равные вашим. Требуемые от меня пояснения насчет вашего петербургского поведения дал я с откровенностию и простодушием — отчего и потекли некоторые слезы и вырвались некоторые недоброжелательные восклицания, как например: *какой мерзавец! какая скверная душа!* но я притворился, что их не слышу».⁵ Письмо, конечно, шутовское, но, вероятно, оно передает реальное отношение сельских помещиков и к Вульфу, и к Пушкину.

Л. П. Гроссман — один из немногих пушкинистов, бравшихся выносить суждения по деликатной проблеме отношения Пушкина к женщинам, писал с шокирующей резкостью и прямолинейностью: «Равнодушие и безразличие к духовному миру женщин определяют все его увлечения. Характерно свидетельство его брата Льва, что в разговорах с женщинами он никогда не касался вопросов поэзии и литературы. Любовь для него оставалась преимущественно сферой острых эротических переживаний и несколько отвлеченным материалом для великолепных лирических опытов, для бессмертных русских Amores. Но любви в простом человеческом смысле ему, по-видимому, никогда не пришлось испытать».⁶ С этими утверждениями, конечно, можно поспорить.

Письма поэта к жене, без сомнения, исполнены любви «в простом человеческом смысле». Тезису о «равнодушии и безразличии к духовному миру женщины» противостоят женские образы в пушкинских произведениях. Татьяна Ларина и Маша Миронова, Мария в «Полтаве» и Лизавета Ивановна в «Пиковой даме», Марья Гавриловна в «Метели» и Лиза в «Барышне-крестьянке» — разные женские типы, разные личности со своим характером, своим отношением к жизни. Интерес Пушкина к духовному миру женщины проявлялся и в желании поэта иногда посмотреть на жизнь ее глазами, писать от ее лица. Помимо знаменитого письма Татьяны Лариной к Онегину, это и незавершенные произведения «Роман в письмах», «Рославлев», «Мария Шоннинг». Даже в пушкинской лирике, для которой, действительно, обычно важна не столько «она», сколько чувство поэта к «ней», есть яркие и своеобразные женские образы: «Портрет», «В тревоге шумной и бесплодной...», «Когда твои младые лета...».

Свидетельство Льва Сергеевича Гроссмана передает не совсем точно. Брат поэта вспоминал: «О поэзии и литературе Пушкин говорить вообще не любил, а с женщинами никогда и не касался до сего предмета».⁷ Речь не о том, что Пушкин не говорил на эти темы именно с женщинами, он не говорил об этом ни с кем. Между тем в окружении Пушкина было достаточно женщин, с которыми он с большим удовольствием говорил на самые серьезные темы. Достаточно назвать Е. М. Хитрово, Е. А. Карамзину, Е. Н. Мещерскую, А. О. Смирнову-Россет.

Бытовое поведение Пушкина, по отношению к женщинам в частности, без сомнения, во многом определялось этикетными нормами его среды. Быт и обычаи светского общества в пушкинскую эпоху, как известно, были ориентированы на воспроизводство западноевропейских, главным образом французских, образцов. Причем именно в 1820–1830-е годы мы видим «максимальное приближение» к этим образцам. Они усваиваются уже не в первом и не во втором поколении, как в XVIII веке, но еще не

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1941. Т. 14. С. 33. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

⁶ Гроссман Л. Культура писем в эпоху Пушкина // Письма женщин к Пушкину. М., 1928. С. 11.

⁷ Пушкин Л. С. Биографическое известие об А. С. Пушкине до 1826 года // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 63.

испытывают агрессивного натиска со стороны разночинной среды, как в середине и конце XIX века. В рамках европейской системы ценностей формировалось и отношение к женщине: представления о женской чести и женском позоре, о допустимых и недопустимых оттенках в обращении мужчины с женщиной. Например, замужней женщине разрешалось гораздо больше свободы в отношениях с мужчинами, нежели девушке, живущей в родительском доме. Разумеется, это не нравилось ее мужу, но в обществе желание дамы иметь поклонников и даже любовные связи принималось вполне благосклонно, нужно было только соблюдать необходимые приличия. Заметим, что все знаменитые возлюбленные молодого Пушкина: Амалия Ризнич, Елизавета Воронцова, Анна Керн — замужние женщины, окруженные поклонниками. Чувство поэта к юной Марии Раевской могло быть только тайным и платоническим.

Этикетные нормы предписывали мужчине неизменно галантную и покровительственную манеру общения с дамами. Лорд Честерфилд строго наставлял сына: «К женщинам тебе следует всегда быть очень внимательным и выказывать им всяческое уважение, что бы ты ни испытывал к ним в душе <...> badinage должны быть прямо или косвенно направлены на их хвалу и ни в малейшей степени не допускать злонамеренного истолкования...».⁸

Пушкин мог быть с дамами изысканно любезным, но мог высказываться и весьма резко. Один из таких разговоров передает О. С. Павлицева в письме к мужу от 20 декабря 1835 года. Графиня А. И. Коссаковская как-то сказала Пушкину: «Savez-vous, monsieur, que votre Godounoff paraît intéressant en Russie?» — «Madame, tant comme vous pouvez passez pour une jolie femme dans la maison de madame votre mère» («Знаете ли, что Ваш Годунов может показаться интересным в России?» — «Сударыня, так же, как Вы можете сойти за хорошенькую женщину в доме вашей матушки»). Реакция графини была вполне предсказуема, по словам О. С. Павлицевой, «с тех пор она равнодушно на него смотреть не могла».⁹ Трудно сказать с уверенностью, укладывалась ли эта пушкинская дерзость в ответ на обидное или просто глупое замечание дамы в рамках поведенческой нормы, или же она была ярким проявлением его характера.

Пушкин умел дружить с женщинами, но, за немногими исключениями (например, В. Ф. Вяземская и Е. Н. Мещерская), обычно в дружбе поэта с женщиной в какой-то мере присутствовал романтический оттенок. В данном случае особенности его характера вполне соответствовали обычаям времени. Галантные знаки внимания даме, изысканные комплименты и даже пикантные подчас шутки со стороны мужчины в светском обществе не только не считались предосудительными, но были признаком хорошего воспитания. Честерфилд в «Письмах к сыну» одобительно отмечает, что у французов всегда присутствует «некая галантная игривость с женщинами, в которых мужчины не только не влюблены, но даже не притворяются влюбленными».¹⁰ В атмосфере постоянного флирта дружеские отношения мужчины и женщины легко приобретали более или менее чувственный характер.

Традиционное представление о том, что в пушкинскую эпоху нравы были более строгими, нежели в наше время, слишком поверхностно. В чем-то, без сомнения, более, а в чем-то даже менее. Вернее сказать, что они были другими, а какими именно, мы знаем не совсем точно. Рассмотрим для примера один биографический эпизод.

Летом 1831 года Пушкин проводит медовый месяц в Царском Селе. Едва ли не каждый день к молодоженам заходит А. О. Россет и под обиженные реплики Натальи Николаевны («Ты ведь не ко мне пришла, а к мужу, ну так и иди к нему») проходит в кабинет Пушкина, где подолгу ведет с ним наедине оживленные беседы. Часто по вечерам Пушкин, оставив молодую жену дома, вместе с Жуковским идет в гости к Рос-

⁸ Честерфилд. Письма к сыну // Честерфилд. Письма к сыну. Максимум. Характеры / Изд. подг. М. П. Алексеев, А. М. Шадрин. Л., 1971. С. 187 (сер. «Литературные памятники»); badinage — шутки (фр.).

⁹ Письма О. С. Павлицевой к мужу, Н. И. Павлицеву, в 1835 г. / Сообщил Л. Н. Павлицев // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1913. Вып. 17–18. С. 203.

¹⁰ Честерфилд. Письма к сыну. С. 163.

сет, и все трое очень весело проводят время.¹¹ Согласимся, что в иную эпоху такое поведение мужа в медовый месяц вызвало бы некоторое недоумение. Тогда, насколько можно судить, оно никаких нареканий не вызывало. Россет, видимо, искренна и точна в своих воспоминаниях: ее отношения с Пушкиным носили чисто дружеский характер, он был влюблен в свою жену, но разговаривать ему было интереснее с умной, острой на язык фрейлиной, и он не считал нужным отказывать себе в этом удовольствии. Разумеется, мужчине всегда разрешается многое из того, чего не разрешается женщине. Но важно знать, являлось ли такое поведение сугубо индивидуальной манерой Пушкина, или же оно укладывалось в поведенческую норму. В данном случае реакция друзей и знакомых Пушкина, самой Натальи Николаевны и (быть может, самое важное!) городских сплетников заставляет склониться к последнему.

Судя по стихотворению «В тревоге шумной и бесплодной...» Александра Россет нравилась поэту не столько как женщина, сколько как личность — яркая, независимая и незаурядная. Они были хорошими друзьями, однако из воспоминаний Россет известно, что она позволяла себе с Пушкиным некоторые вольности: принимала его, лежа на кровати, просила помочь ей сесть, поддерживая за спину, показывала босые ножки.¹² Подобное искушение близостью, приятно будоражившее воображение, видимо, также не выходило за рамки допустимого поведения.

В пушкинской любовной лирике нет сюжетов, где лирический герой выступал бы в роли объекта неразделенной женской страсти. В реальной жизни поэт не раз оказывался в такой роли.¹³ В каждой из таких ситуаций раскрываются как черты личности Пушкина, так и нравы его времени.

Е. М. Хитрово была без памяти влюблена в Пушкина, о чем было известно всему свету. Не исключено, что поэт когда-то и снизошел к ее чувствам, но ни о каком романтическом увлечении с его стороны речь не шла. Ее любовь была безответна и бескорыстна, о чем красноречиво говорят ее письма к поэту. «Вам слишком хорошо известна моя беспокойная, судорожная нежность. При вашем благородном характере вам не следовало бы оставлять меня без вестей о себе. Запретите мне говорить вам о себе, но не лишайте меня счастья быть вашим поверенным. <...> Несмотря на мою кротость, безобидность и смирение по отношению к вам (что возбуждает вашу антипатию), подтвержайте хотя бы изредка получение моих писем. <...> А все-таки, у меня есть внутреннее убеждение, что если бы вы знали, до какой степени мне необходимо вас увидеть — вы пожалели бы меня и вернулись бы на несколько дней!» (письма от 18, 20 и 21 марта 1830 года (XIV, 70, 402)).¹⁴ Получив известие о предстоящей женитьбе Пушкина, она пишет: «Утопив в слезах мою любовь к вам, я все же останусь тем же страстно любящим, кротким и безобидным существом, которое готово за вас в огонь и в воду...» (середина мая 1830 года (XIV, 92, 411)). Назойливое обожание немолодой и некрасивой женщины Пушкина, конечно, тяготило, и он учтиво, но решительно уклонялся от ее забот. «Такой скучный больной, как я, вовсе не заслуживает столь любезной сиделки, как вы, сударыня» (10 февраля 1828 года (XIV, 2, 385)). Иногда, впрочем, он не мог сдерживать раздражение: «Откуда, черт возьми, вы взяли, что я сержусь? У меня хлопот выше головы. Простите мой лаконизм и якобинский слог» (август — 1-я пол. октября 1828 года (XIV, 32, 391)).

Елизавета Михайловна — женщина светская и образованная, отличалась в то же время непосредственностью и простодушием, делавшими ее постоянным объектом остроумия и героиней анекдотов. Такая репутация влюбленной дамы придавала всей

¹¹ См.: *Смирнова-Россет А. О.* 1) Рассказы о Пушкине, записанные Я. П. Полонским // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 157–158; 2) Автобиографические записки // *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 280.

¹² См.: *Смирнова-Россет А. О.* 1) Воспоминания о Пушкине и Жуковском // *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 22; 2) Автобиографические записки. С. 260, 427.

¹³ По свидетельству Льва Сергеевича, «женщинам Пушкин нравился; он бывал с ними необыкновенно увлекателен и внушил не одну страсть на своем веку» (*Пушкин Л. С.* Биографическое известие об А. С. Пушкине до 1826 года. С. 63).

¹⁴ Подлинники писем Хитрово и Пушкина по-французски.

ситуации несколько водевильный характер; эта «жанровая особенность» сюжета Пушкина, видимо, забавляла. «Если ты можешь влюбить в себя Елизу, то сделай мне эту божескую милость, — писал он Вяземскому. — Я сохранил свою целомудренность, оставя в руках ее не плащ, а рубашку (справься у княгини Мещерской), а она преследует меня и здесь письмами и посылками. Избавь меня от Пентефрейхи» (вторая половина (не ранее 18) марта 1830 года (XIV, 74)). Чувства «Елизы», однако, оставались неизменными. В 1833 году Пушкин писал жене из Болдина: «...кланяйся всем моим прелестям: Хитровой первой. Как она перенесла мое отсутствие? Надеюсь, с твердостью, достойной дочери князя Кутузова» (8 октября 1833 года (XV, 86)). Позволяя себе подтрунивать над бедной Елизаветой Михайловной, он все же ценил ее доброту и искреннюю преданность. В общем, Пушкин сумел достойно выйти из щекотливого положения: тонкая любезность светского человека и снисходительность умного мужчины позволили ему сохранить самые добрые отношения с Хитрово. В свете над этой историей подшучивали, но нарушения приличий в ней не усматривали.

В пушкинских стихах этот сюжет отражен не был, потому и описывать его проще. Личная жизнь поэта имеет свою особенность: она неизбежно становится материалом для его лирических произведений. Невозможно говорить о любовных сюжетах в жизни поэта, не обращаясь к его любовной лирике. Однако здесь встают такие непростые задачи, как установление границы предложения между эстетической и житейской реальностями и оценка лирического текста как психологического документа. Поэтому использовать в изучении этой темы художественные тексты Пушкина приходится с большой осторожностью.

Одним из самых уязвимых в этическом отношении эпизодов личной жизни Пушкина стали отношения с А. Н. Вульф, дочерью П. А. Осиповой от первого брака. Известно, что в пушкинское время оказывать явные и настойчивые знаки внимания незамужней девушке и не делать предложения значило ее компрометировать. Такое поведение мужчины вполне могло стать причиной дуэли. Между тем Пушкин оказывал Анне более чем откровенные знаки внимания, а ее мать относилась к этому совершенно спокойно. Свидетельствует ли это об узаконенной вольности усадебного быта, об обычаях семьи Осиповых—Вульф или же мы имеем дело с совершенно нестандартной ситуацией? В зависимости от ответа на этот вопрос поведение Пушкина будет оцениваться совершенно по-разному. Все, что мы знаем о жизни обитателей Тригорского, заставляет склоняться к тому, что решающую роль здесь играли именно обычаи семьи. Сомнительные амурные подвиги Алексея Вульфа, по всей вероятности, не были большим секретом для его сестер и кузин. Прасковья Александровна, глядя сквозь пальцы на поведение любимого сына, тем самым вольно или невольно поощряла рискованные любовные игры, в которые вовлекались ее дочери и племянницы. Да и сама она вела не монашеский образ жизни: ее связь с Пушкиным, наверное, тоже не была для семьи тайной. В такой атмосфере легко завязывались приятные и необязательные отношения. Скусающий в деревенской ссылке молодой поэт охотно включался в любовные игры, не грозившие ему никакими неприятными последствиями.

Пушкин познакомился с Анной Вульф еще в свой первый приезд в Михайловское в июле—августе 1817 года, но отношения их завязались в то время, когда ссыльный поэт безвыездно жил в Михайловском (1824—1826 годы).

Двадцатилетняя Анна Николаевна, по понятиям того времени, «засиделась» в девушках. Ее сентиментальность и романтические мечты, трогательные в семнадцатилетней девочке, казались уже смешными. Влюбленность в Пушкина, которую она не умела скрыть, делала ее особенно уязвимой. Пушкин относился к «Анетке» с неизменной иронией, то добродушной, то холодной, вместе с тем допуская в отношениях с ней степень близости, вселявшую в девушку несбыточные надежды. Их связь была для поэта лишь незначительным и малоинтересным эпизодом в череде его любовных приключений. Для нее же она стала, быть может, самым ярким и трагическим событием жизни. Несколько сохранившихся писем Анны Вульф к Пушкину свидетельствуют об ее глубоком, искреннем чувстве и неподдельных страданиях. Письма, написанные в разное время, похожи друг на друга; она то говорит о пережитых унижениях и оби-

дах, то старается казаться спокойной и кокетливой, то не может сдержать нежных и страстных признаний, хотя и сознает, что адресата они только раздражают.

«...Я не могу не сказать вам, как оскорбляет меня ваше поведение. <...> я боюсь, что вы не любите меня, как должны были бы любить; вы разрываете и раните сердце, которому не знаете цены <...> Когда мы увидимся? Не буду жить до этого момента» (20 апреля 1826 года (XIII, 273, 554)).¹⁵ «Никогда в жизни никто не заставит меня испытывать такие волнения и ощущения, какие я чувствовала возле вас», — писала она Пушкину (16 сентября 1826 года (XIII, 297, 560)). «Ах! Если бы я могла спасти вас, рискуя жизнью, с каким удовольствием я бы ею пожертвовала и одной только милости просила бы у неба — увидеть вас на мгновение и умереть» (11 сентября 1826 года (XIII, 294, 558)).

Драматизм ситуации усугублялся тем, что Анна и ее мать, Прасковья Александровна, в отношениях с Пушкиным выступали как соперницы. Насколько можно судить, Пушкин в разное время был близок с ними обеими. П. А. Осипова тоже горячо и преданно любила поэта, но относилась к нему со спокойной материнской снисходительностью. Сорокатрехлетняя женщина, дважды побывавшая замужем, мать взрослых детей, естественно, не ждала от молодого поэта предложения руки и сердца, о чем, наверное, втайне мечтала Анна. Однако она не собиралась уступать дочери своего возлюбленного и, пользуясь родительской властью, старалась удалить девушку из Тригорского. Анна не сомневалась, что мать делает это из ревности: «Я негодую на маменьку, что за женщина, право! Впрочем, во всем этом есть отчасти и ваша вина», — писала она Пушкину из Малинников 8 марта 1826 года (XIII, 268, 553). Осипова была намного старше Пушкина, но нет сомнения, что поэт был ею увлечен.

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтания
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

(II, 423)

В изящной форме этой элегии, написанной в 1825 году и посвященной Прасковье Александровне, скрыто смелое по откровенности признание, в меланхолических словах здесь пульсирует чувственность. Безусловно, хозяйка Тригорского нравилась Пушкину как женщина, но, кроме того, она сумела стать ему другом. Сохранившиеся двадцать четыре письма Пушкина к П. А. Осиповой убедительно доказывают его неизменно нежное и благодарное отношение к этой женщине.

Анне же так и не удалось завоевать его сердце, и лирических признаний она от поэта не дождалась. Предположительно, ей посвящен черновой набросок «Я был свидетелем златой твоей весны...» (1825), где речь идет о девушке, чья юность осталась позади, отражение в зеркале не радует, и женихов уже немного. В альбом Анны Пушкин записал два стихотворения: шутливое поздравление («Хотя стишки на именины...» (1825)) и «Увы, напрасно деве гордой...» (1825). Именно последнее интересно в контексте нашей темы.

Увы, напрасно деве гордой
Я предлагал свою любовь!
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ее души не тронет твердой.
Слезам только буду сыт,
Хоть сердце мне печаль расколет.
Она на щечку <.....>,
Но и <.....> не позволит.

(II, 452)

¹⁵ Подлинники писем Анны Вульф по-французски.

Лирический сюжет стихотворения: неприступная красавица, благосклонности которой тщетно добивается влюбленный поэт, — далек от реальной ситуации, и в этом соотношении безобидное альбомное стихотворение приобретало унижительный для Анны смысл. Открыто влюбленная в поэта, она, видимо, долго не могла решиться на близкие отношения с ним. Изображая ее гордой красавицей, Пушкин откровенно смеялся над наивной девушкой. Записав стихотворение в альбом Анны, последние два стиха Пушкин обозначил точками и наверняка не захотел объяснить, что они означают.

Во всех изданиях сочинений Пушкина до 1905 года эти последние два стиха отмечены точками; в Академическом издании 1937–1949 годов они печатаются с пропуском двух слов (II, 452). П. А. Ефремов, четыре раза публиковавший стихотворение в своих изданиях собраний сочинений Пушкина (в 1861, 1880, 1882 и 1905 годах), только в последнем издании напечатал текст полностью, но с сокращением обценного слова в предпоследнем стихе.

Согласно комментарию Ефремова, полный текст стихотворения с последними двумя стихами, скрытыми Пушкиным от Анны Вульф, А. П. Керн продиктовала своему второму мужу.¹⁶ Строчки, которые Пушкин дал прочитать Керн, нарочито резко контрастируют с предыдущим текстом. В них, в неудобной для печати словесной форме, та же ситуация (девушка отказывает мужчине) изображается грубо и цинично. Таким образом, полный текст стихотворения превращает насмешку в прямое оскорбление. Хорошо, что Анна Вульф не узнала этого никогда. Пушкин, увы, не смог удержаться, чтобы не показать циничные строчки Керн, но не ошибся, доверившись именно ей. Анна Керн была женщиной, давно утратившей девичью стыдливость, но имеющей ясные представления о порядочности; она раскрыла эту маленькую тайну только тогда, когда и Пушкина, и Анны Вульф уже не было на свете.

Анна настойчиво просила Пушкина сжигать ее письма, но он их сохранил. Скорее всего, они были дороги ему не как память об «Анетке», а как образцы писем влюбленной девушки. Письмо Татьяны Лариной к Онегину не имеет прямых переключек с известными нам письмами Анны Вульф к Пушкину, но своей непосредственностью, доверчивостью и эмоциональностью оно очень напоминает эпистолярные признания Анны. В художественной реальности романа в стихах Пушкин куда сочувственнее отнесся к страданиям влюбленной героини, чем он относился в реальной жизни к страданиям Анны... Прямых соответствий или противоречий биографического эпизода с романом в стихах искать, конечно, не следует. Это вовсе не означает возвращения к старой альтернативе: «Пушкин в жизни — Пушкин в поэзии». Разумеется, в «Евгении Онегине» реальная жизнь и сам автор вместе с ней преобразуются и очищаются от всего мелкого и некрасивого, но ведь преобразование и очищение осуществляются не только благодаря силе его поэтического гения, но и за счет его человеческих, душевных ресурсов. Другое дело, что в своих поэтических творениях Пушкин порой так высоко поднимался над прозой человеческих отношений, что в жизни и сам не всегда мог удержаться на взятой высоте. Тем же, кого шокируют поступки поэта, не вписывающиеся в образ его лирического героя, можно напомнить, что многим людям драма душевных взлетов и падений вообще не ведома.

Судьба позволила Анне в последний раз увидеть Пушкина незадолго до его смерти — в январе 1837 года, когда она приезжала в Петербург к своей сестре Зизи, ставшей баронессой Вревской. Никаких свидетельств об этой встрече до нас не дошло. Анна так и не вышла замуж и прожила всю жизнь в родовых имениях Тригорское и Малинники. Мы не знаем, вспоминал ли Пушкин когда-нибудь об Анне Вульф, чувствовал ли вину перед ней? Известно только, что иногда он судил себя очень строго: «И с отвращением читая жизнь мою, / Я трепещу и проклинаю...» («Воспоминание», 1828), — но можно лишь гадать о том, какие факты и события своей жизни он имел в виду.

Чисто платоническими были отношения Пушкина с Е. П. Сушковой (в замужестве графиня Ростопчина).¹⁷ Юная Додо была романтически влюблена в Пушкина еще до

¹⁶ Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. [СПб.,] 1905. Т. 8. С. 217.

¹⁷ Об отношениях Пушкина и Сушковой см.: Солдатова Л. М. Пушкин и графиня Хвостова // Из пушкинианы Всесоюзного музея А. С. Пушкина. Л., 1988. С. 39–49.

знакомства с поэтом. Впервые она увидела Пушкина 8 апреля 1827 года на пасхальном гулянии в Москве. Свои впечатления позже она описала в стихотворении «Две встречи» (1838): поэт, сопровождаемый восторженным гулом толпы, быстро прошел мимо нее, но девочке казалось, что она успела увидеть выражение его лица и понять его чувства и его страдания. С тех пор Пушкин стал предметом ее тайных влюбленных грез:

Уж он прошел, а я в волненьи
Мечтала о своем виденьи, —
И долго, долго в грезах сна
Им мысль моя была полна!..
Мне образ памятный являлся,
Арапский профиль рисовался,
Блистал молниеносный взор,
Взор, выражающий укор
И пени раны затаенной!..
И часто девочке смиренной,
Сияньем чудным озарен,
Все представлял, все снился он!..¹⁸

Вскоре она получила возможность встретиться и побеседовать со своим кумиром. Знакомство ее с поэтом состоялось в декабре 1828 года, на бале в доме московского генерал-губернатора Д. В. Голицына. Безусловно, Пушкин был представлен девушке кем-то из ее родственников или друзей семьи. Пушкин и семнадцатилетняя Сушкова много танцевали и долго разговаривали, вероятно, девушка читала ему свои стихи. Судя по стихотворению «Две встречи» их разговор носил интимный и романтический характер. В поэтическом пересказе Сушковой Пушкин сетовал, что судьба не свела его раньше с такой девушкой, что она родилась слишком поздно, когда он уже отжил, жалел, что «с любопытством» смотрел на юную поэтессу и хотел услышать ее стихи: «...песнь женского сердца, песнь женских страданий». Однако сожаления об их разнице в возрасте могли быть только наигранными. В 1828 году Пушкин задумывается о женитьбе и ищет себе невесту, его внимание привлекают как раз юные неопытные девушки. Софья Пушкина, Анна Оленина, Екатерина Ушакова, Наталья Гончарова — все они были примерно такого же возраста, что и Додо Сушкова. Очевидно, начинающая поэтесса с этой точки зрения его не заинтересовала, и он нашел деликатный способ сразу отвести возможность подобного сюжета. Видимо, Пушкин с добротой и участием отнесся к влюбленной девушке, которая на всю жизнь сохранила благодарные воспоминания об их встрече. После этого бала Пушкин ближе познакомился с семейством Пашковых (Додо Сушкова рано лишилась матери и воспитывалась в семье деда с материнской стороны И. А. Пашкова). Никакие личные, даже дружеские отношения между Пушкиным и его поклонницей были невозможны, но не исключено, что имел место их тайный поэтический диалог.

В альманахе «Северные цветы на 1830 год» было опубликовано стихотворение Сушковой «Талисман» с подписью «Д...а». В нем поэтесса признается, что хранит «священный талисман», в котором для нее «цель надежд», «узел бытия», «грядущего залог». Это не кольцо, не браслет, не письмо, не альбом, не портрет, «мой талисман —

¹⁸ Ростопчина Е. П. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1986. С. 96.

¹⁹ Там же. С. 96–97.

²⁰ Алексеев М. П. К истории текста «Во глубине сибирских руд» // Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 426.

воспоминанье / И неизменная любовь!»²¹ Предмет «неизменной любви» остался неизвестным, но название стихотворения, перекликающееся со стихами Пушкина («Талисман»), слова о некоем священном воспоминании, ставшем залогом грядущего, позволяють предположить, что имелся в виду именно он. Как бы то ни было, стихотворение прозвучало как публичное признание в любви, что было совершенно недопустимо для незамужней девушки. Это событие вызвало скандал в доме Пашковых: бабушка заставила Додо каяться перед иконой и дать клятву ничего не печатать, по крайней мере, до замужества. Вероятно, эта история стала в обществе предметом пересудов, больно ранивших девушку. (В дальнейшем литературные героини Ростопчиной-Сушковой будут постоянно сетовать на злоречие света). Пушкин, конечно, читал «Северные цветы» и не мог не заметить стихотворение «Талисман». Авторство Сушковой тайной не было: и издатель альманаха Дельвиг, и передавший стихи в редакцию Вяземский, разумеется, знали, кто скрывается под псевдонимом «Д...а». Светский круг был довольно тесным, и злые сплетни о Сушковой наверняка доходили до Пушкина. Неизвестно, принял он ее поэтическое признание на свой счет или нет, но, наверное, посочувствовал юной поэтессе, с которой не так давно имел доверительную беседу. По условиям того времени выступить в ее защиту поэт не мог: любые слова поддержки и сочувствия, произнесенные им в обществе, еще больше скомпрометировали бы девушку. В этой ситуации Пушкин нашел способ обозначить свою позицию: в том же году в «Литературной газете» появляется его стихотворение под заглавием «К ***» («Когда твои молодые лета...»). Оно посвящено юной девушке, которую «позорит шумная молва», потому что она нарушила принятые в свете нормы поведения (III, 205). В чем именно провинилась в глазах света его героиня, «страдания» которой поэт один с ней разделяет, из текста не понятно. Неясность коллизии, лежащей в основе сюжета, не позволяет уверенно связать его с какой-либо конкретной биографической ситуацией. В научной литературе на роль адресата предлагались Аграфена Закревская и Анна Керн, но обе они по тогдашним понятиям были зрелыми женщинами, к которым не могли относиться слова «твои молодые лета». Юная Сушкова, пострадавшая в общественном мнении из-за своих невинных стихов, больше соответствует образу героини пушкинского стихотворения. Вместе с тем в стихотворении ситуация выглядит гораздо трагичнее, нежели в реальной судьбе Сушковой. Конечно, девушку огорчали незаслуженные обвинения и сплетни, однако слова «по приговору света / На честь утратила права» к ней отнести было невозможно. Вскоре Сушкова благополучно вышла замуж, стала хозяйкой известного салона и продолжила печатать свои произведения. Героиня пушкинского стихотворения и положение, в которое она попала, заставляют вспомнить сюжет романа Бенжамена Констана «Адольф» (соч. 1807, изд. 1816). В романе речь идет не о неосторожном поступке неопытной девушки, а об адюльтере и о женщине, открыто пренебрегающей нормами поведения в обществе. Возможно, реальная история с Сушковой и искреннее сочувствие поэта к боготворившей его девушке трансформировались в лирический сюжет под воздействием романа Констана.

Сушкова наверняка прочитала это стихотворение Пушкина, но почувствовала ли она в нем адресованное ей лично сочувствие, мы не знаем. В 1836 году, когда Сушкова, уже графиня Ростопчина, с мужем переехала в Петербург, Пушкин стал бывать в ее доме на обедах, на которых собирались известные литераторы. Сушкова-Ростопчина всегда оставалась восторженной поклонницей поэта, но никакого романтического оттенка в их отношениях уже не было.

Следует признать, что выстроенная здесь история отношений Пушкина и Сушковой носит во многом гипотетический характер. Реконструкция подобных коллизий в принципе гипотетична, но не бесполезна. Рассмотренные нами небольшие сюжеты, в которых тесно переплелись нравы эпохи, житейское поведение поэта и его стихи, косвенно свидетельствующие о реальных психологических коллизиях, иллюстрируют общие вопросы, поставленные в начале нашей статьи. Внимательно рассматривая

²¹ Ростопчина Е. П. Стихотворения. Проза. Письма. С. 32.

каждый подобный сюжет, всякий раз стремясь поставить его в биографический и поэтический контекст, можно обрести не точное знание (его исключает сам предмет изучения), но более ясное представление о том, каким был этот человек — Александр Пушкин на rendez-vous.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-63-77

© Н. А. Хохлова

ОБ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. И. ТУРГЕНЕВА (МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ) ЧАСТЬ 2

В соответствии с основной задачей статьи — исследовать обстоятельства (главным образом служебные), в которых протекала археографическая деятельность Тургенева, — в первой (вступительной) части¹ рассмотрены предпосылки к ее осуществлению (формирование исторических интересов в Геттингенском университете под руководством А. Л. Шлецера, научное общение с Н. М. Карамзиным в связи с подготовкой «Истории государства Российского»). Почти вся служба Тургенева прошла под начальством кн. А. Н. Голицына, поэтому дано представление об их личных взаимоотношениях, особое внимание уделено совместной работе по Министерству духовных дел и народного просвещения.

Важный исследовательский сюжет, определивший научную судьбу Тургенева, связан с приобретением им в 1809 году так называемых «Актов Альбертранди», издать которые напутствовал его Карамзин. Распространенные в научной литературе утверждения о том, что после 1824 года он нигде не служил, был непримиримым оппозиционером, собирал источники по истории России как историк-энтузиаст, неверны фактически или нуждаются в существенной корректировке. После падения упомянутого Министерства (1824) служба Тургенева продолжилась при Почтовом департаменте, возглавляемом Голицыным, и имела статус высочайших «поручений» (первое из них состояло в том, что он должен был сообщать об устройстве европейских учебных, благотворительных и богоугодных заведений).²

С 1832 года начинается регулярная переписка А. И. Тургенева с А. Н. Голицыным. В Особую канцелярию при Почтовом департаменте он направлял свои отчеты и получал заверенные копии, которые и отложились в архиве.³ Кроме того, существовала и неофициальная переписка (имеются как черновики писем Тургенева, так и ответы Голицына). Этот внушительный эпистолярный комплекс, насчитывающий около 230 писем, практически не изучался. Тем не менее он известен, так как некоторые письма были опубликованы в составе «Хроники русского» (этой теме мы посвятим отдельную статью).

С сентября 1832 по февраль 1834 года Тургенев преимущественно жил в Италии, ревностно исполняя данное ему поручение. В отчетах из Венеции, Флоренции и Рима

¹ См.: Русская литература. 2021. № 1. С. 73–86.

² Работа основана на материалах архива братьев Тургеневых (Ф. 309), хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Далее при цитировании материалов этого фонда указываются номер единицы хранения (с пометой «ст.», т. е. по старому описанию) и лист.

³ «Копии писем Действительного статского советника А. Тургенева к князю А. Н. Голицыну с реестрами книг, пересылаемых из-за границы по части народного просвещения Министерства внутренних дел и по части филантропической» (Ед. хр. ст. 1102; 61 письмо за 1832–1841 годы). Эти копии, об изготовлении которых Тургенев сам хлопотал, были ему необходимы, «дабы знать, где и что у меня осталось» (Ед. хр. ст. 4714_о. Л. 30 об.).

за 1832–1833 годы он сообщал о богоугодных заведениях, больницах, монастырях, различных училищах, университетах, библиотеках; присылал их уставы, регламенты, объявления, проспекты и пр. Из Флоренции он писал о старейшем в Европе приюте для детей-подкидышей, акушерской школе, работном доме, об одном из первых училищ для глухонемых. Посещая университеты (в Падуе, Болонье, Пизе), Академию художеств в Венеции, он излагал их историю и современные «способы преподавания». Но более всего его привлекали библиотеки и архивы. Описывая древние монастыри в окрестностях Неаполя, «коих училища, архивы и библиотеки были в средние века источником гражданской образованности и просвещения», он сообщал: «Архив монастырский <монастыря Monte-Casino. — Н. Х.> обогащался рукописями древних классиков и церковных отцов <...> В числе первых примечательны список „Энеиды“ по некоторым стихам, коих, как меня уверяли, ни в одном издании Вергилия не находят. Я выписал их для наших филологов» (Ед. хр. ст. 1102. Л. 18 об.).

В конце 1832 года Тургенев приехал во Флоренцию. Здесь он познакомился с итальянским историком Себастьяно Чампи (Sebastiano Ciampi, 1769–1847). Это событие следует считать отправным моментом археографической деятельности Тургенева за границей.

Выпускник, а с 1801 года профессор Пизанского университета по кафедре классических литератур, в 1818 году от имени императора Александра I Чампи был приглашен возглавить такую же кафедру во вновь основанном Варшавском университете. Его служба в Варшавском, а также в Виленском университетах продолжалась недолго — до 1822 года, но интерес к итальяно-польско-русским связям остался навсегда. Как пишет М. Д. Бутурлин, «он был удостоен поручением от имп. Александра I и Николая I отыскивать в Италии материалы, относящиеся до России».⁴ На их основе Чампи издал ряд сочинений.⁵ О его приверженности к России, утверждал Бутурлин, «хорошо было известно всем русским, проживавшим во Флоренции. Особенно был он признателен монархам, которые ему покровительствовали».⁶ Одним из первых свидетельств знакомства Тургенева с итальянским историком является письмо-отчет Голицыну от 19 ноября 1832 года,⁷ в котором, в частности, сообщалось: «...аббат Чампи (Ciampi) с дозволения нашего правительства послал уже в Петербург собранные им в Италии материалы для Российской истории» (Ед. хр. ст. 1102. Л. 14 об.).

Встреча с Чампи, который был лично знаком со многими польскими деятелями, в том числе с Я. Б. Альбертранди (состоял с ним в переписке), побудила Тургенева вернуться к старому, горячо поддержанному Карамзиным замыслу — издать «Акты Альбертранди». Для этого следовало сверить их с подлинниками, хранящимися в Ватиканском секретном архиве.

Здесь нам необходимо сделать небольшое отступление, касающееся истории и структуры этого знаменитого хранилища.

В самом начале своего существования Ватиканский секретный архив⁸ отделился от Ватиканской библиотеки, и с тех пор это «различные учреждения, каждое со своей

⁴ Бутурлин М. <Вступительная заметка к публикации>: Критический разбор неизданных документов, относящихся до истории Дмитрия, сына Московского великого князя Иоанна Васильевича, составленный бывшим профессором Варшавского и Виленского университетов каноником Себастьяном Чиямпи / [Пер. М. Д. Бутурлина] // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1860–1861. СПб., 1860. Кн. 1. Отд. 3. С. 3.

⁵ Наиболее значительными принято считать следующие: «Notizie dei secoli XV e XVI. Sull' Italia, Polonia e Russia» (Firenze, 1833) и «Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche <...> dell'Italia colla Russia, colla Polonia etc.» (Vol. 1–3. Firenze, 1834–1842).

⁶ Бутурлин М. <Вступительная заметка к публикации>. С. 4–5.

⁷ 11 ноября 1832 года датировано рекомендательное письмо к Джузеппе Джигантони, которым Чампи снабдил Тургенева (Ед. хр. ст. 2235).

⁸ Определение «секретный» («secretus») означает «отдельный, находящийся в стороне» и указывает как на автономность учреждения, так и на его принадлежность непосредственно папе римскому.

структурой и полномочиями».⁹ Главой архива — централизованного папского хранилища, учрежденного в начале XVII века, — «является папа Римский, который принимает решения, касающиеся в основном доступа к документам <...> Работой <...> руководит кардинал, являющийся одновременно главой Ватиканской библиотеки <...> Первым заместителем кардинала-архивиста является префект архива, ответственный за административную и научную работу учреждения. <...> Библиотека всегда была открыта для ученых, архив закрыт до кон. XIX в. <...> Доступ к фондам имели только отдельные ученые <...> например, Г. В. Лейбниц».¹⁰ При Наполеоне в 1809 году Ватиканский секретный архив был вывезен в Париж для замышлявшегося грандиозного общеевропейского архива. После падения Бонапарта он был возвращен в Рим, но часть документов осталась во французской столице; многое было утеряно при перевозке.

В почетный перечень «отдельных ученых» должно быть внесено и имя Тургенева как первого русского исследователя архива. Широкая публика узнала об этом хранилище из «Хроники русского», опубликованной в «Современнике» в 1837 году: «...в архиве Ватиканском <...> находится более двух миллионов папских булл, все сношения Римского двора с другими государствами, донесения нунций папских <...> — история всемирная или, по крайней мере, материалы для оной», — писал Тургенев.¹¹

Попасть в закрытое учреждение ему удалось благодаря многочисленным светским знакомствам и высокому — в глазах иностранцев — положению. Последнее сулило «корыстолюбивым», по его выражению, итальянцам определенную мзду. Важнейшую роль сыграло знакомство с Джузеппе Меццофанти (1774–1849), состоявшееся в конце января 1833 года.¹² Он известен прежде всего как выдающийся полиглот, владевший, по разным данным, более чем 60 языками (в том числе русским). Как раз в 1833 году Меццофанти стал главным хранителем Ватиканской библиотеки; с 1838-го — кардинал.

«Спешу в Ватиканскую библиотеку к Мезофанти», — сообщал Тургенев Жуковскому 23 декабря 1833 года (Ед. хр. ст. 4714, Л. 28 об.), а 12 февраля 1834-го датировано небольшое стихотворение итальянского полиглота, написанное по-русски и посвященное Тургеневу.¹³ Как главный хранитель Ватиканской библиотеки, он мог рекомендовать своего русского знакомого префекту Ватиканского секретного архива — графу Марино Марини. Благодаря публикации фрагментов римского дневника Тургенева, подготовленной К. М. Азадовским, известна точная дата их знакомства: 24 января 1834 года.¹⁴ Таким образом, есть все основания полагать, что Тургенев получил разрешение префекта и приступил к работе над «Актами Альбертранди» в начале 1834 года. Дело сложилось непросто, потребовались «домогательства», о чем впоследствии он извещал Жуковского: «Довольны ли моими рапортами, особенно последним? То есть о ватиканских рукописях, кои вряд ли окончательно выдадут в Риме другому? Я послал реэстр оных князю А<лександр> Н<иколаевич> отсюда, описав мои домогательства и успех в сем деле и намекнув, в особом письме, о моих желаниях. Переговорите с ним о сем и взгляните на бумаги. Я собираюсь издать сию рукопись вместе с прежними, ватиканскими же: всего 163. Приложил и мнение о новых Строева. Я хочу из этого издания составить себе некоторым образом *цель* жизни в Париже и в Риме, ибо и туда за ними заехать должно. Здесь никто о сих предметах не знает, не с кем посоветоваться; да и в П<етер>бурге один Круг. В Париже и люди и книги —

⁹ Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 305.

¹⁰ Там же. Архив стал доступен исследователям при папе Лье XIII (1878–1903).

¹¹ Из отчета Голицыну от 8 (20) апреля 1835 года (Ед. хр. ст. 1003, Л. 5). Впервые опубликовано: Современник. 1837. Т. 5. С. 26. См.: Тургенев А. И. Хроника русского / Изд. подг. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964. С. 100.

¹² О Меццофанти и обстоятельствах знакомства с ним Тургенева см.: Азадовский К. «Устаю от восхищения непрерывного...» (Александр Тургенев в Риме) // Всемирное слово. 2005. № 17/18. С. 6.

¹³ При посредничестве Тургенева оно было опубликовано в «Московском наблюдателе» (1835. Ч. 1. С. 454–455).

¹⁴ Азадовский К. «Устаю от восхищения непрерывного...». С. 11.

войдет ли князь в эти причины и захочет ли помочь мне? *Résumé*: Ни в каком случае я в России не останусь» (Ед. хр. ст. 4714₆. Л. 36 об. — 37).

Это письмо было отправлено из Москвы 14 июня 1834 года. (В феврале Тургенев покинул Италию и через Швейцарию, Австрию и Германию отправился в Россию, куда прибыл в середине мая.) На сей раз он приехал на родину, исполненный новых забот и надежд.

Главным событием 1833 года в жизни братьев Тургеневых стала женитьба Николая Ивановича (венчание состоялось в октябре в Женеве). Его избранница — дочь пьемонтского изгнанника маркиза Гастона де Виариса красавица Клара де Виарис (1814–1890) — была бесприданницей. После 10 лет скитаний, опасностей, неудавшихся попыток оправдания, отвергнутый соотечественниками, он нашел свое счастье, которое озарило и жизнь Александра Ивановича. «Теперь твое дело конечно; судьба брата устроена; брось кочевую жизнь и утвердись в Москве, — внушал ему Жуковский, — <...> До сих пор ты был *все* для брата твоего и ты делал для него *все*; Бог благословил заботы твои; он в тихой пристани. Ты необходим для него и можешь (даже обязан перед ним) думать о самом себе».¹⁵

В жизни Тургенева наступала новая эпоха. Основной целью поездки в Москву в 1834 году, как и последующих, было «устроить независимое состояние» брата.¹⁶ Не менее важным был вопрос о дальнейшей службе. По всей видимости, он решил его, находясь еще за границей, и это решение в корне расходилось с предложением Жуковского о «сенаторстве в уголовном департаменте». Свой план он отчасти раскрыл в первом же московском письме, которое мы процитировали выше.

План был многоаспектным: практические шаги, касающиеся воплощения научных замыслов, сочетались в нем с жизненной стратегией на длительную перспективу. «Обдумывая всю жизнь», — писал он Голицыну 3 сентября 1835 года, — я более и более убеждаюсь, что деятельность собирателя — не смею сказать ученого — для меня единственно возможная и для других не бесполезная» (Ед. хр. ст. 1076. Л. 23 об.). Этой деятельности следовало придать официальный статус — в таком случае появились бы веские причины для длительного пребывания в Париже, ибо значительная часть рукописей Ватиканского секретного архива осталась, как мы упоминали выше, именно там. «Что ты все хлопочешь о сенаторстве? — пенял Тургенев Жуковскому, — <...> думай и думайте только о моих Ватик<анских> рукописях и о средствах передать меня им, а *чрез них* и брату хотя на время; но это последнее — мое дело, а не ваше» (Ед. хр. ст. 4714₆. Л. 48).

В его помыслах не было лукавства: оба мотива — научный и личный — сочетались органично и неразрывно.¹⁷

Тургенев приехал в Москву, уже имея представление об объемах и степени сложности предстоящей работы. В его распоряжении был указатель документов Ватиканского секретного архива, относящихся к России, составленный Марино Марини по повелению кардинала Т. Бернетти, секретаря папы Григория XVI.¹⁸

Проект предполагал научную часть, связанную с выявлением документов, и техническую (их копирование). Взяв на себя роль организатора, Тургенев должен был изыскать средства на оплату и научной, и технической работы. От своего доверенного лица в Петербурге — К. С. Сербиновича, служившего при Министерстве народного просвещения, — он мог одним из первых узнать о замыслах создания под эгидой

¹⁵ Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 281.

¹⁶ *Свербеев Д. Н.* Мои записки / Изд. подг. М. В. Батшев, Б. П. Краевский, Т. В. Медведева. М., 2014. С. 493.

¹⁷ Трактовка В. А. Мильчиной (она указывает на приоритет личного мотива) представляется не вполне корректной, а положение о том, что «добрые друзья <...> Александр Голицын, Жуковский вместе придумали ему должность», фактически недостоверным (*Толстой И.* Обретенный Тургенев: беседа с Верой Мильчиной (<https://www.svoboda.org/a/25076879.html>; дата обращения: 25.12.2020)).

¹⁸ Ед. хр. ст. 1021. Документ озаглавлен: «*Monumenta Russian, Moscoviam, ac Rutenos spectantia e schendulis Indicum in Tabulariis Secretioribus Vaticanis...*».

Министерства Археографической комиссии.¹⁹ Так или иначе, но приезд в Москву совпал с ее учреждением (1834).

Как известно, изначально Комиссия была создана для издания материалов, собранных экспедицией П. М. Строева в 1829–1832 годах. Именно он и был ее фактическим руководителем (при председателе кн. П. А. Ширинском-Шихматове). Как следует из цитированного письма, Тургенев успел войти с ним в сношения и заручиться «мнением» о вновь найденных актах. Археографическая комиссия унаследовала практику работы Румянцевского кружка: она имела «сеть корреспондентов в России и за границей, <которые> выявили много документов по русской истории в иностранных архивах».²⁰ Пионерами среди них были Тургенев, С. М. Строев (брат П. М. Строева), С. В. Соловьев, а одним из первых изданий — так называемые «Акты Тургенева».

В сложившихся обстоятельствах у Тургенева были основания надеяться на финансовую поддержку со стороны правительства, но главное — на обретение официального статуса. В «особом письме» он, несомненно, просил Голицына о ходатайстве перед государем.²¹

Следовало обосновать свой проект и представить его в виде докладной записки на высочайшее рассмотрение. Окончательный вариант записки обнаружить не удалось, но известен предварительный. Он был составлен Н. А. Полевым и сохранился в двух редакциях — краткой и пространной (Ед. хр. ст. 1022; автограф). Близкое общение с Полевым относится к августу–сентябрю 1834 года. Сетования в июньском письме Жуковскому на то, что в Москве «не с кем посоветоваться», оказались преждевременными и не вполне основательными — в лице Полевого Тургенев нашел компетентного и заинтересованного помощника.

14 сентября Полевой препроводил ему «очерк проекта».²² В качестве обоснования, апеллируя к опыту «просвещенной Европы», он заявлял о безусловной научной и государственной важности издания исторических и дипломатических актов, ссылаясь на отечественные образцы («Собрание государственных грамот и договоров» и др.), знакомил с историей приобретения «Актов Альбертланди» и той научной апробацией, которую они получили в «Истории государства Российского»; рассказывал об архивных изысканиях самого Тургенева. В заключение рассуждал о необходимости публикации собранных им актов и в связи с этим предлагал следующий план работ:

«Таким образом может быть составлено и издано не просто часть материалов, собранных Альбертланди, но ученое собрание дипломатических актов и записок исторических вообще об отношениях Запада к России, важное для истории Польши, Швеции, России и самого Востока с отдаленных времен до XVIII столетия. Россия подарит Европе трудом, достойным полного внимания просвещенных европейцев, и представит доказательство своего настоящего образования.

Для сего необходимо:

1. Сообразить историческо-критически все события касательно отношений России к Западу Европы, и особенно к Италии и Папе, начиная с XI-го века, но преимущественно с XV-го до XVIII-го <...>

¹⁹ К. С. Сербинович (1797–1874), фактически секретарь Карамзина в последний период его жизни, начал службу в Департаменте духовных дел у Тургенева, «добрейшего начальника, которому был сдан, так сказать, на руки несравненным Николаем Михайловичем» (Ед. хр. ст. 2123. Л. 1). Благодаря своей образованности, разносторонним интересам, широкому кругу деятельности (цензор, редактор «Журнала Министерства народного просвещения», член Археографической комиссии и мн. др.), осведомленности в литературных делах, наконец, благодаря глубокой личной преданности Тургеневу и обязательности в исполнении его поручений Сербинович стал его доверенным лицом.

²⁰ Булыгин И. А. Археографическая комиссия // Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. 1. С. 808.

²¹ Это письмо нам неизвестно; о его содержании можно судить на основании ответа князя от 22 июня 1834 года (Ед. хр. ст. 1103⁴. Л. 2).

²² Проскурина В. Ю. Неизданные письма А. И. Тургенева (К истории публикации «Хроники русского» в «Современнике») // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1984. Т. 43. № 4. С. 333.

2. <...> извлечь и составить из отечественных архивов обозрение письменных памятных, к сим событиям относящихся, как поверку исторических событий. <...>

3. Руководствуясь сими предварительными работами, приступить к полному обозрению Ватиканской и барбериниевской в Риме, Амброзианской в Милане и других библиотек; дополнить выписки Альбертранди и, снабдив все собрание пояснительными замечаниями, издать приличным важности предмета образом, разумея здесь не великолепие, но ученое достоинство издания. Такое собрание могло бы быть названо „Собрание дипломатических и исторических актов касательно сношений России с Западною Европою с XI-го по XVIII-й век“» (Ед. хр. ст. 1022₆. Л. 11–11 об.).

Тургенев представил свой проект (очевидно, при посредничестве Голицына) в конце сентября или в самом начале октября 1834 года, ибо 4 октября последовало «Предписание Главному казначейству о выдаче <...> 5 тыс. рублей на приобретение копий с рукописей, в Ватиканском архиве находящихся» (Ед. хр. 1022. Л. 1).²³ Новая должность Тургенева, согласно формулярному списку, именовалась так: «Высочайше назначен для производства в иностранных государствах ученых изысканий, до российской истории относящихся». «По таковому возложенному на него поручению, — читаем далее, — Высочайше повелено ему донесения свои и отчеты Государю Императору представлять чрез посредство <...> князя Голицына и вообще по сему делу с ним состоять в прямом и исключительном сношении» (Ед. хр. 1234. Л. 8 об. — 9 об.).

В связи с этими событиями Тургенев писал Вяземскому 28 октября: «Ты знаешь, что я представлял о приобретении ватиканских рукописей. <...> Все для меня сделано, и лучше, нежели я ожидал: рукописи найдены заслуживающими внимания; проект мой также; начальнику папского архива (Марино Марини. — Н. Х.) дана 2-я Анна; на писцов велено, по моему распоряжению, выдать 5000 рублей. Чиампи-профессор подчинен мне по сему делу, и флорентинская и римская миссии наши о сем уже предвзяты. Я могу ехать в Рим и довершать начатое».²⁴

Впоследствии Тургенев сделает еще два «представления» императору Николаю I: в 1837 и 1839 годах. Каждое будет означать известный рубеж его археографической деятельности.

В начале 1835 года Тургенев вновь отправился в Италию. К маю работа в Ватиканском архиве в целом была завершена. «Акты Альбертранди» были дополнены многими ранее не известными документами; теперь собрание Тургенева насчитывало свыше 400 документов.²⁵ Оставалось выявить те, которые хранились в Париже со времен неудавшегося проекта Наполеона.

В конце мая того же года Тургенев наконец приехал в Париж «проездом в Англию из Италии, где не мог оставаться по причине жаров» (Ед. хр. ст. 1076. Л. 15). Его влекло сюда все — и возможность жить в семействе брата (он впервые стал свидетелем его супружеского счастья),²⁶ и служебная необходимость. Дата приезда была выбрана неслучайно — Тургенев спешил навестить могилу брата в день годовщины его смерти: «Накануне 1го июня, дня кончины Сережи, т. е. 31 мая <...> я отслужил по милому брате панихиду и потом прямо из церкви отправился на его могилу (на кладбище Пер-Лашез. — Н. Х.)».²⁷ Далее он пишет о мистическом «зове» брата и в то же время о вполне реальных обстоятельствах — выразительный пример того, как глубоко личное сочеталось в сознании Тургенева со служебно-обязательным: «И приидох... ибо голос был

²³ В письме Голицыну от 30 октября 1834 года Тургенев приносил «чувствительную благодарность» и далее сообщал о своем намерении немедленно отправиться во Флоренцию, «где находится аббат Чиампи, назначенный для наблюдения за переписыванием Ватиканских актов» (Ед. хр. ст. 1102. Л. 32).

²⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 259. Имеется в виду орден Св. Анны 2-й степени, награждение которым предполагало возведение в потомственное дворянство и давало ежегодную пенсию.

²⁵ Для сравнения напомним, что сами «Акты Альбертранди» содержали копии всего 72 документов.

²⁶ В феврале 1835 года у Н. И. и Клары Тургеневых родилась дочь Фанни Александра, любимая племянница Тургенева.

²⁷ Из письма неустановленному лицу от 9 июня (27 мая) 1835 года (Ед. хр. ст. 2449. Л. 1).

с того света: мог ли я послушаться и не быть послушником; но я не *ослушник*, ибо ничего на сей раз не обещал и ничего мне на *сей раз* запрещается не было, и я последовал примеру других — и воспользовался предложением законным — укомплектовать рукописи ватиканские здешними, оттуда увезенными».²⁸

Важнейшим событием 1835 года следует считать изменение вектора научных изысканий Тургенева, вернее сказать, обращение к той теме, к которой он тяготел всегда: русский XVIII век. Приступив к работе в Королевской библиотеке, он неожиданно нашел «точно сокровища исторические» (Ед. хр. ст. 1076. Л. 23), относящиеся к XVIII веку, и 12 июня известил об этом Голицына, прося исходатайствовать ему разрешение остаться в Париже. Прежде, чем князь успел принять меры, Тургенев получил 4 июля высочайшее предписание «в кратчайшее время» покинуть Париж, о чем и сообщил Голицыну: «Теперь в самом, так сказать, пылу моих занятий я должен все бросить. Здесь у меня книги, библиотека, мои собственные многолетние собрания рукописей» (Там же. Л. 15, 17).

Из Лондона он с горечью писал: «Сколько ни стараюсь я заслужить доверенность Правительства поведением ясным и откровенным и деятельностью не совсем бесполезною, я все не могу достигнуть главной цели: спокойствия в сей самой деятельности» (Там же. Л. 23). В августе он получил письмо от своего патрона, в котором сообщалось о разрешении жить в Париже 2 месяца (по истечении этого срока подобным же образом было получено разрешение еще на 4 месяца).

Тургенев вернулся и работал с невероятным энтузиазмом, отстаивая тем самым право на продолжение занятий. Он вынужден был доказывать то, что не требует доказательств. Он «оправдывал» свое пребывание в Париже отчетами Голицыну, который, в свою очередь, предъявлял их Николаю I в качестве оснований для своих ходатайств. «Пусть мне позволят, по крайней мере, отметить, все прочитать, составить опись любопытнейшим актам и потом уже пусть предоставят другим, хотя бы и не под моим руководством, трудиться над полным собранием находящихся здесь актов. <...> Но до того времени да позволено мне будет трудиться здесь, возвратиться в Москву и там в Архиве иностранных дел, где я начал службу, сличить каталоги здешних рукописей с тамошними, отметить то, что у нас находится, и таким образом дополнить *свое* здешним и приготовить материалы для полной дипломатической истории, которую напишет — достойнейший» (Там же. Л. 24–24 об.).

Основные находки в 1835–1836 годах Тургенев совершил в архиве Министерства иностранных дел и в архиве Королевской библиотеки. В первом он обнаружил «более сотни фолиантов о России», из которых ему удалось просмотреть около 30. Они содержали документы с 1660 по 1742 год, до начала царствования Елизаветы Петровны. Разумеется, наибольшее внимание археографа привлекла эпоха Петра I. Большую помощь ему оказали сотрудники Королевской библиотеки: «Библиотекари Шамполион-Фишак, Фориэль, Парис услужливы чрезвычайно» (Ед. хр. ст. 2449. Л. 1 об.). У министра иностранных дел герцога Виктора де Броглио он получил разрешение работать в Архиве иностранных дел, с начальником которого, известным историком Ф.-О. Минье (автором «Истории Французской революции»), у него сложились вполне доверительные отношения. «В архиве же иностранных дел, — писал Тургенев, — продолжаю работать ежедневно, отмечая важнейшее. Там три писца переписывают для меня с оригинальных депешей; так как в них перемешано важное с мелкими случаями тогдашней дипломатики, то выбор иногда затруднителен, но истинно исторических достопримечательностей так много, что труд вознаграждается с избытком».²⁹ Вообще, объему выписок, сделанных менее чем за год, причем в значительной части собственноручно, можно только удивляться.

Характеризуя в целом деятельность Тургенева, М. Б. Мокроусова писала: «Основные находки <...> он сделал в архивах Англии и Франции. <...> Во Франции он стал одним из первых русских исследователей, до него было осмотрено только рукописное

²⁸ Там же. Л. 6 об.

²⁹ Тургенев А. И. Хроника русского. С. 109.

собрание Королевской библиотеки в Париже. <...> А. И. Тургенев приобретал также подлинники и копии исторических документов у французских коллекционеров. Наиболее известны из этих материалов — черновые депеши, написанные секретарем французского посольства в Петербурге Кальяром <...> и освещающие историю первых лет царствования Екатерины II. <...> В результате проделанной работы А. И. Тургенев составил коллекцию донесений и писем английских и французских послов при русском дворе (Балюза, Кампредона, Маньяна, де ла Шетарди, Гарриса и других) за период с 1660 года до начала XIX века».³⁰

2 июля 1836 года Тургенев приехал в Москву с огромным багажом выписок, которые следовало представить на высочайшее рассмотрение.³¹ Доклад императору имел для него совершенно исключительное значение — от его результатов зависела дальнейшая судьба. Намеченный план работ в Московском Главном архиве Коллегии иностранных дел к величайшей досаде Тургенева осуществить не удалось. Прежнего начальника архива Н. Н. Бантыш-Каменского давно не было в живых, а с новым — А. Ф. Малиновским — отношения не сложились: в письмах Голицыну встречаются жалобы на чинимые им всевозможные препятствия (Ед. хр. ст. 1076. Л. 49–51).

Тургенев начал подготовку к докладу после поездки в Симбирск (август–сентябрь 1836 года) и принятия — во имя брата — мучительного решения о продаже родового имения с. Тургенево.³² Александр Иванович с неохотой навещался в Петербург, ибо как человек светский не мог избежать в столице встреч с людьми, так или иначе причастными к приговору над его братом. На сей раз поездка была необходима в связи с докладом; он прибыл в Петербург в конце ноября 1836 года.

Следовало составить обзор содержания выписок, привезенных как из Ватиканского секретного архива, так и из парижских архивов. По просьбе Тургенева эту работу взял на себя Сербинович. «Князь Петр Андреевич Вяземский, — писал он Тургеневу 2 ноября 1836 года из Петербурга, — сообщил мне желание ваше знать, могу ли я принять на себя участие в составлении обозрения рукописей <...>. Несколько недель тому назад я отвечал бы на это утвердительно и безусловно <...> но теперь, как мне поручена Канцелярия синодального обер-прокурора, прежде всего желал бы я видеть самые бумаги <...> Итак, ежели вы по приезде в Петербург позволите мне увидеть собранные вами рукописи, я или сам займусь ими или найду способных для этого дела людей» (Ед. хр. ст. 2125. Л. 3).

Сохранилась первоначальная редакция обзора, озаглавленная «Черновые записки, приготовленные для Всеподданнейшего доклада к 14^{му} февралю 1837 г.»; текст — рукой Сербиновича с многочисленными исправлениями и вставками Тургенева (Ед. хр. ст. 1062). Обзор открывался кратким предведением, в котором излагались соображения Тургенева по поводу издания актов. В отношении ватиканских рукописей он предлагал создать «особую комиссию из людей опытных в подобном деле» (Там же. Л. 6). Спустя некоторое время эта идея была конкретизирована: «...все ватиканские акты передать в Археографическую комиссию» (Ед. хр. ст. 2256. Л. 67). Ввиду того, что собранный корпус документов существенно превзошел по объему «Акты Альбертранди», издание, которое в свое время анонсировал Карамзин, должно было приобрести совсем иной формат, вследствие чего печатное заявление историографа могло утратить свою силу. Не допуская подобной мысли, Тургенев с необычайной настойчивостью, многократно, впервые — в данном обзоре заявлял: «Как таковым изданием отменилось бы объявленное покойным Карамзиным намерение мое издать самому

³⁰ Мокроусова М. Б. А. И. Тургенев — собиратель источников по истории России // Советские архивы. 1974. № 4. С. 39–40. «Коллекция» (собрание снятых Тургеневым копий) сохранилась поныне и насчитывает 23 фолианта (Ед. хр. ст. 2001–2023). Тургенев систематизировал собранные материалы: разделил их по темам и эпохам и переплел. Каждый том имеет оглавление или обзор содержания; кроме того, имеется сводный указатель ко всей коллекции (Ед. хр. 2024).

³¹ Дата приезда установлена на основании письма Голицыну от 3 июля 1836 года (Ед. хр. ст. 1076. Л. 47).

³² Александр Иванович утешался тем, что оно осталось в роду Тургеневых (его приобрел двоюродный брат Б. П. Тургенев).

Альбертрандиевы выписки, то я обязываюсь просить <...> объяснить в предисловии участие мое в составлении сей коллекции и причину, изменившую прежнее мое намерение» (Ед. хр. ст. 1062. Л. 7).

Относительно парижских выписок Тургенев предлагал: «...издать оные на мой собственный счет» или заимообразно — на ссуду, полученную от государства, которую намеревался вернуть по мере продажи тиража (это предложение, впоследствии не раз повторенное,³³ не было поддержано). Еще об одном проекте узнаем из письма и небольшой записки М. П. Погодина, приложенных к обзору. Из них следует, что Тургенев познакомил его со своим собранием и предложил быть издателем: «Я очень был бы рад быть издателем ваших и прочих актов, и этих», — последовал ответ историка (Там же. Л. 57 об.).

Структура обзора такова. Он состоит из двух частей: «Франция» (Ед. хр. ст. 1062. Л. 8–27 об.) и «Выписки из Ватиканской библиотеки в Риме» (Там же. Л. 28–31 об.). В первой представлены обозрения материалов под рубриками: «Архив Министерства иностранных дел», «Архив Королевства Французского» (Главный Королевский архив), «Королевская библиотека», «Разные архивы». В последней рубрике сообщалось, в частности, о так называемом Реймском евангелии и известии об Анне Ярославне — находках Тургенева, которые всколыхнули всю европейскую и русскую славистику.³⁴ Заметка о них стараниями Сербиновича была опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения» (1836, январь). Ее следует считать первым печатным сообщением об археографической деятельности Тургенева.

Внутри рубрик материал расположен в тематико-хронологической последовательности. Например, обозрение документов Архива Королевства Французского состоит из двух частей: «Из времени Петра Великого» и «Из времени императрицы Екатерины Второй». Описание Ватиканских актов носит аналитический характер и сопровождается их перечнем (Л. 35–55).

К докладу Голицына, разумеется, были изготовлены беловые списки с «Черновых записок» Сербиновича. Фрагмент одного из этих списков отложился в архиве. Он включает только две рубрики: описание документов из Архива Министерства иностранных дел и из «разных» архивов (Ед. хр. ст. 1135).

Доклад 14 февраля 1837 года прошел успешно. Помимо обзора Николаю I были представлены и сами копии документов. 16 февраля Тургенев сообщал брату: «Гос<ударь> прочел все мои записки и оставил у себя все римские и пар<ижские> бумаги в 8 богатых портфелях и утвердил *все* мои представления: 1500 р. Сербиновичу за составление оглавлений, перстень с шифром Марино Марини и *обещание* звезды Станислава, если доставит мне другие бумаги. Экземпляры разных русских книг для меня и для библиотек парижских. 1000 р. на приобретение бумаг *Монмерке*. — Ни табакерки с вензелем мне, ни 5000 р. еще на расходы я не просил себе, а все это дано, — и *обещание* отпустить меня в Париж...».³⁵

Сверх того, Голицын известил, что К. В. Нессельроде «объявлено повеление» о высочайшем дозволении Тургеневу работать в Московском архиве Коллегии иностранных дел (Ед. хр. н. 905. Л. 28–29 об.).³⁶ Еще одно очень важное распоряжение последовало накануне отъезда нашего героя за границу. 27 мая 1837 года князь

³³ Например, в памятной записке Голицыну, составленной после доклада (Ед. хр. ст. 1076. Л. 67; без даты).

³⁴ Подробнее см., например: Жуковская Л. П. Реймское евангелие. М., 1978; Турилов А. А. Реймское евангелие // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия. М., 2014. С. 677–678.

³⁵ Фомин А. А. Новые материалы для биографии Пушкина (Из Тургеневского архива) // Пушкин и его современники. СПб., 1908. Вып. 6. С. 78. Имеется в виду Л. Ж. Н. Монмерке, французский литератор и собиратель рукописей, у которого Тургенев приобрел переписку гр. Ш. Г. Вержена, французского министра иностранных дел, с маркизом Ш. О. Верраком, послом Франции в России (см.: Тургенев А. И. Хроника русского. С. 111).

³⁶ Тургенев был крайне недоволен состоянием этого архива. Жалуясь на «хаос архивского порядка», он писал Вяземскому 22 апреля 1837 года: «...потомство не догадается, что Россия играла такую блистательно важную роль в XVIII веке, если мы оставим архив в руках Малиновских...» (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 4. С. 10).

препроводил ему «желанное письмо» на имя гр. П. П. Палена. Отныне Тургеневу не только позволялось жить в Париже; российскому послу предписывалось принять его «в свое благорасположение», разрешить пользоваться дипломатической почтой, оказывать при необходимости «благосклонное покровительство» (Ед. хр. ст. 1059¹². Л. 5–5 об.). Итак, все чаяния Тургенева сбывались...

В письме брату от 19 февраля 1837 года он передал содержание беседы с царем, состоявшейся спустя два дня после доклада: «...увидел он меня на бале у франц<узского> посла, громко подозвал меня к себе и сказал вслух, во услышание всех предстоявших à реу près так: „Т-в, благодарю тебя, очень благодарю. Я читаю твои бумаги с вел<иким> удоволь<ствием>. Ты много трудился“. <...> „Теперь благословляю тебя; поезжай куда хотел; но прошу тебя об одном: *другим не занимайся*“. Я сказал с чувством: „Вы видели, что я работал своею рукою <...> и не терял время: обещаю и впредь так же трудиться“. Государь сказал мне: „Верю тебе, верю; теперь дай же руку“, — и сильно пожал мне ее».³⁷

«Напутствие» Николая I прежде всего подразумевало запрет на распространение копии «Записок» Екатерины II. «Много шума из ничего» — так охарактеризовали В. А. Мильчина и А. Л. Ошоват инцидент, который спровоцировали распространившиеся в Петербурге в начале 1838 года слухи о якобы готовящемся в Париже издании «Записок» при непосредственном участии Тургенева.³⁸ Это были очень опасные для него комеражы. Потребовались немалые усилия, чтобы отвести от себя подозрения. Тургенев вынужден был расстаться со своим списком, передав его российскому послу Палену. Голицыну он направил пространное оправдательное письмо, которое Мильчина и Ошоват опубликовали по сохранившемуся черновику. Оно заканчивалось двумя просьбами: представить это письмо императору и «исходатайствовать возвращение отобранной <...> рукописи, которое будет вместе и свидетельством моей невинности».³⁹ В письме от марта 1838 года Голицын передал Тургеневу ответ Николая I: «Его Величество верит всем показаниям Вашим, и, следовательно, не должны Вы нисколько опасаться никаких с его стороны подозрений <...> что же касается до самого экземпляра записок, <...> то оный возвращен Вам быть не может...» (Ед. хр. ст. 1059¹². Л. 7–7 об.).

Вяземский утешал: «Понимаю, что твоему архивариусскому сердцу больно будет отодрать от него такое сокровище. Признаюсь, и мне было больно, хотя у меня и не такая архивная природа, как у тебя. <...> Со временем же, когда возвратишься в Россию с новыми добычами старины и оснуешь Тургеневский музей, то, верно, позволят хранить в этом музее и записки».⁴⁰

С октября 1837-го по май 1839 года Тургенев продолжал свои архивные занятия в Париже. По следам его разысканий научные экспедиции предприняли члены Археологической комиссии П. А. Муханов и С. М. Строев, которым он оказал большую помощь.⁴¹ Однако впоследствии ему пришлось досадовать на то, что с ним не согласуют издательские планы, а его имя как первооткрывателя документов не упоминается.

³⁷ Фомин А. А. Новые материалы для биографии Пушкина. С. 83–84.

³⁸ «Первая копия была снята князем Александром Куракиным с подлинника, предоставленного ему Павлом I; <...> по смерти Куракина (1818) текст „Записок“ оказался в распоряжении Александра Тургенева, и к его копии восходят едва ли не все циркулировавшие в России списки; <...> на рубеже 1830–1840-х годов правительство приступило к их конфискации...» (Мильчина В., Ошоват А. Много шума из ничего: мемуары Екатерины II в приватной и служебной переписке 1838 г. // Memento vivere: Сб. памяти Л. Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 132).

³⁹ Там же. С. 145.

⁴⁰ Цит. по: Там же. С. 137. Эта история неожиданно получила продолжение в 1843 году, когда Тургеневу вновь пришлось писать оправдательную записку (Ед. хр. ст. 1563) по поводу принадлежавшей ему копии «Записок» в связи с публикацией П. В. Долгоруковым «Заметки о главных фамилиях России» (Париж, 1843).

⁴¹ См.: Александр Иванович Тургенев в его письмах 1827–1845 гг. / Публ. Н. П. Барсукова // Русская старина. 1881. Т. 32. Октябрь. С. 337–340; Мокроусова М. Б. А. И. Тургенев — собиратель источников по истории России. С. 43.

Тургенев решил расширить географию археографических изысканий; 12 мая 1839 года он извещал Жуковского о плане «обширного вояжа» в Германию, Данию, Швецию и Финляндию, откуда предполагал к концу августа приехать в Москву (Ед. хр. ст. 4714_а. Л. 49). Мокроусова писала: «Он осмотрел архивы и библиотеки городов Вольфенбюттеля, Эмса и Киля. <...> В Швеции <...> составил реестр источников по русской истории, хранившихся в Королевском архиве в Стокгольме <...> и в Упсальском архиве. А. И. Тургенев осмотрел рукописное собрание Академической библиотеки в городе Або и составил реестр <...> русских летописей и старопечатных книг».⁴²

В Россию он приехал в сентябре 1839 года. Целью поездки, как и в 1837-м, был отчет императору, который состоялся в первой половине октября. На этот раз Голицын сделал не менее трех представлений о деятельности Тургенева. Мы располагаем своего рода хроникой событий, запечатленной в 11 письмах князя от 10–17 октября 1839 года (Ед. хр. ст. 1992).

Самым насущным был вопрос о публикации собранных материалов. Доклады Голицына сопровождался поднесением раритетов от имени Тургенева. «Со всемирно-стивейшим Монаршим благоснисхождением и благоволением» были приняты в дар «Акты Альбертранди», «четыре тома извлеченных из Ватиканской библиотеки актов» и другие материалы. Государь распорядился, сообщал Голицын, передать все в Министерство народного просвещения «для внесения в Археографическую комиссию с тем, чтобы предписана была ей к исполнению следующая Высочайшая воля:

1) Немедленно заняться разбором Ватиканских актов и особенно Коллекции Альбертранди и возможное издать в свет с объяснением в предисловии об участии Вашем (Тургенева. — Н. Х.) в составлении сего собрания и о поднесении <актов> Альбертранди во всеподданнейшее Его Величеству приношение.

2) К изданию сему присовокупить по усмотрению Археографической комиссии и другие исторические акты, в Париже, в Риме и других местах <...> приобретенные и простирающиеся по содержанию своему только до 18 столетия; в предисловии к ним также упомянуть о трудах Ваших <...> Остается Вам по возвращении <...> в Париж озаботиться доставлением русского перевода 72 актов Альбертранди» (Ед. хр. ст. 1992. Л. 3–3 об.).

Иное распоряжение последовало в отношении материалов XVIII века — выписок из парижских архивов и «шести фолиантов рукописей, принадлежавших Кальяру» (Там же. Л. 3). Согласно высочайшему повелению, они были переданы Нессельроде, «дабы по предварительном рассмотрении, — пишет Голицын, — им обще со мною сих бумаг по исключении из них всех мест, гласности не принадлежащих, все прочее было напечатано от Министерства иностранных дел...» (Там же).

С особым удовольствием князь сообщал о царских милостях, которыми Тургенев был буквально осыпан. В виде компенсации прекращенного оклада, который он получал как член Комиссии составления законов, повелено было ежегодно выплачивать ему 3 тыс. руб. ассигнациями. На археографическую работу выделялось: переписчикам — 1500 руб., на предстоящие расходы — 3 тыс. руб., «а впредь производить ежегодно <...> на писцов по 1500 рублей...» (Там же. Л. 1). Аренда, которой Тургенев пользовался с 1828 года, была заменена «соразмерным арендским денежным производством по 1220 рублей сер. в год <...> с 12 апреля будущего 1840 года на 12 лет» (Там же. Л. 1 об.). Кроме того, он был удостоен ордена Св. Станислава 1-й степени.

По составленной Голицыным записке «О Тургеневе» (Ед. хр. ст. 1173_{а-10}), которую князь представил Николаю I в декабре 1839 года, последовало изменение служебного статуса Тургенева.⁴³ 14 декабря министр юстиции Д. Н. Блудов внес «Предложение Правительствующему Сенату» об определении Тургенева «состоять при главноначальствующем над Почтовым департаментом кн. А. Н. Голицыне с оставлением

⁴² Мокроусова М. Б. А. И. Тургенев — собиратель источников по истории России. С. 39.

⁴³ Исчисляя его заслуги, князь, между прочим, не преминул упомянуть, что за «Акты Альбертранди» «канцлер г. Румянцов предлагал, сверх издержек печатания, 25 т. руб.» (Ед. хр. ст. 1173_{а-10}. Л. 2). В этой записке впервые, а далее все более настойчиво Голицын ходатайствовал о повышении Тургенева в чине (о производстве его в тайные советники).

прежнего высочайшего поручения „об ученых изысканиях, до российской истории относящихся, в иностранных государствах“ и введении А. И. Тургенева в общий Гражданский список» (Ед. хр. ст. 1995).⁴⁴ «Предложение» было удовлетворено, и с 1840 года Тургенев стал официально числиться по ведомству Главного начальства над Почтовым департаментом с жалованьем 9 тыс. руб. асс. в год.⁴⁵

Отчет 1839 года предрешил эдиционную судьбу коллекции Тургенева. Во исполнение высочайшей воли по предначертанному Николаем I плану в 1841–1842 годах в двух томах были изданы «Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек д. ст. сов. А. И. Тургеневым». Они содержат документы XI — начала XVIII века: папские буллы, донесения папских нунциев и легатов, инструкции З. Герберштейну, иезуиту Поссевину, дипломатические документы, письма Ивана Грозного, Стефана Батория, сочинения о России (Пернштейна, Фоскарино, Тьеполо) и мн. др. В исторической науке известны как «Акты Тургенева». Подготовка их к печати составляет отдельный сюжет; здесь мы можем привести его только в самом кратком изложении.

Принято считать, что издание было осуществлено Археографической комиссией фактически без участия Тургенева, который с июля 1840-го по июль 1842 года находился за границей. Как говорится в предисловии к «Актам», «приготовлением к изданию и наблюдением за печатанием первого тома <...> занимался главный редактор и член Археографической комиссии <...> А. Востоков».⁴⁶ Следует также назвать председателя Комиссии Ширинского-Шихматова и министра народного просвещения Уварова, в ведении которого она находилась. Сношения с Тургеневым осуществлялись посредством переписки Уварова с Голицыным. В круг лиц, в наибольшей степени причастных к подготовке «Актов», должен быть включен и Сербинович, — к такому выводу мы пришли, изучив его письма к Тургеневу указанного периода (Ед. хр. ст. 1077).

Для Востокова, выдающегося филолога-слависта, «приготовление к изданию» латинских исторических актов, по-видимому, было более предметом служебной обязанности, чем непосредственного научного интереса. Во всяком случае, «Акты» отнюдь не принадлежат к числу работ, составивших славу его имени. Как уже отмечалось, Тургенев придавал очень большое значение предисловию. С его «первым проектом», подготовленным Востоковым, он успел ознакомиться еще до отъезда за границу и остался им крайне недоволен. «Я ожидал более рвения к делу сему в Востокове», — сетовал Тургенев, обнаружив, что все предоставленные в распоряжение ученого материалы — письма Голицыну, обзоры документов — остались без внимания.⁴⁷ Сам он так сформулировал идею предисловия: «Надобно познакомить Россию и Европу, до коей рано или поздно дойдет сия коллекция, — с ходом дела сего, со всеми приобретениями, с трудами приобретателя; не хвалить его сухо, а сказать пространнее, что и как делалось, дать понятие об этом сборнике».⁴⁸

С этими задачами удалось справиться Сербиновичу. Именно он, а не Востоков является автором окончательной редакции предисловия, как следует из его писем Тургеневу. Сотрудник Министерства народного просвещения, член Археографической комиссии, опытный редактор, тонкий дипломат, Сербинович на протяжении всего периода подготовки «Актов» был проводником воли Тургенева, его «недреманным оком».

Существенным недостатком издания стало отсутствие переводов; между тем еще по замыслу Карамзина «Акты Альбертланди» должны быть снабжены «русским пе-

⁴⁴ Известно, что после 14 декабря 1825 года Блудов перешел «по другую сторону баррикад». В глазах Тургенева это стало поводом для непримиримого разрыва дружеских отношений, завязавшихся еще в Архиве Коллегии иностранных дел в 1800 году. Едва ли можно считать простым совпадением дату оглашения документа — 14 декабря.

⁴⁵ Сообщение об этом: Санкт-Петербургские ведомости. 1840. 12 янв. № 8.

⁴⁶ Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. СПб., 1841–1842. Т. 1. С. XV.

⁴⁷ Александр Иванович Тургенев в его письмах 1827–1845 гг. С. 349.

⁴⁸ Там же.

реводом».⁴⁹ После отчета 1839 года Тургеневу, напомним, дано было поручение «доставить переводы». Мокроусова утверждает: «Переводы документов, предложенные им Археографической комиссии, не приняли, и все источники были изданы на языке оригиналов, что несколько затруднило их использование».⁵⁰ Возможно, от переводов отказались из цензурных соображений, с целью заведомо сократить читательскую аудиторию, ибо в актах, одной из ведущих тем которых является экспансия католицизма на Восток, «встречаются многие оскорбительные выражения на счет православия».⁵¹ Может быть, это была уступка вкусам Уварова, большого ценителя классических языков, — иначе говоря, определенного ответа на этот вопрос нет.

В 1848 году, уже после смерти Тургенева, Археографическая комиссия издала «Дополнения к Актам историческим, относящимся к России. Собраны в иностранных архивах и библиотеках А. Т.» (документы XIII–XVIII веков).

Издание 1841–1842 годов получило положительные отзывы И. П. Боричевского, Н. А. Полевого, А. В. Старчевского;⁵² резко отрицательный — историка и археографа Я. И. Бередникова: «...Востоков, которого немцы и чехи называют гелертером <...> испортил (до невероятности) издание иностранных актов, которые издавать гораздо легче славянских!»⁵³

Рецензия Полевого ценна как свидетельство очевидца и помощника Тургенева в разработке археографического проекта. Несмотря на то, что в рецензии он явно преувеличил собственный вклад в предприятие Тургенева, несмотря на верноподданнический пафос, она заслуживает внимания как едва ли не единственный и в целом достоверный рассказ о правительственной поддержке деятельности Тургенева. Тяжко нуждавшийся Полевой с едва скрываемой завистью писал о «щедрых пособиях», которыми снабдил его знакомец «просвещенный и мудрый Монарх».⁵⁴

В дружеском кругу Тургенева эта рецензия стала притчей во языцех. Посылая выписку из нее, Вяземский язвил: «А вот серенада, которую задал тебе Полевой. А ты и не хвастался знакомством с ним и тем, что ты был исполнителем и *жнецом* мысли его» (Ед. хр. ст. 1245. Л. 25; из письма от 7 апреля 1842 года). Сербинович досадовал: «Надлежало по частям разобрать и опровергнуть нелепую критику Полевого <...>, в коей он присвоил себе всю вашу заслугу; надлежало бы самому написать рецензию...» (Ед. хр. ст. 2125; из письма от 22 августа 1842 года). Сам Тургенев всячески старался отречься от сотрудничества с Полевым. Рассчитывая на антикритику со стороны «Современника», он писал редактору журнала П. А. Плетневу: «Думаете ли отвечать за меня моему протектору и *тайному* советнику Полевому, ибо *наяву* — он мне ничего не советовал и просматривал каталог, мною же из Рима привезенный, куда я не по его совету ездил...»⁵⁵

По сравнению с ватиканскими актами судьба выписок, относящихся к XVIII веку, сложилась гораздо менее удачно. Она окончательно решилась в феврале 1841 года, когда Нессельроде, на рассмотрение которого они были переданы, доложил Николаю I, что рукописи Кальяра и выписки из парижских архивов «наполнены оскорбительными на счет русской нации отзывами и что за исключением всего, что находится в них непристойного и даже обидного для чести имени русского, очень мало останется таких статей, публикацию которых может принести какую-либо

⁴⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1821. Т. IX. С. 146 (прим. 408).

⁵⁰ Мокроусова М. Б. А. И. Тургенев — собиратель источников по истории России. С. 41. Источник сведений исследовательница не указывает. Из письма Тургенева Вяземскому от 11 ноября 1836 года следует, что «перевод почти всех ватиканских прежних рукописей, коими пользовался Карамзин», отправленный из Парижа в Москву, затерялся. «Другой копии, — заключает Тургенев, — у меня нет, и, следовательно, потеря невозвратная» (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. С. 358).

⁵¹ Акты исторические, относящиеся к России... Т. 1. С. XIII.

⁵² Перечень рецензий см.: Мокроусова М. Б. А. И. Тургенев — собиратель источников по истории России. С. 41.

⁵³ Александр Иванович Тургенев в его письмах 1827–1845 гг. С. 350. Гелертер (от нем. der Gelehrte) — ученый.

⁵⁴ Русский вестник. 1842. № 2. Разд. III. С. 112.

⁵⁵ Проскурина В. Ю. Неизданные письма А. И. Тургенева. С. 338.

пользу в историческом отношении» (Ед. хр. ст. 2000_{bis}). Вердикт императора был таков: «...не издавая в свет <...> хранить <...> в Государственном архиве, при Министерстве иностранных дел учрежденном» (Там же).

Казалось, точка была поставлена, однако вновь пришел на выручку Сербинович. Как редактор «Журнала Министерства народного просвещения», он извещал Тургенева 7 декабря 1842 года: «Теперь думаю напечатать <...> обозрение сведений, заключающихся в сделанных вами выписках из парижских архивов о Петре Великом. Статья эта приготовлена Борисом Михайловичем, который свидетельствует вам глубочайшее почтение...» (Ед. хр. ст. 1077. Л. 10). Имеется в виду известный литератор Б. М. Федоров;⁵⁶ именно ему принадлежит заслуга составления трех «Обзоров» документов тургеневской коллекции, которые увидели свет еще при жизни самого собирателя.⁵⁷ Жанр «обозрения» был выбран ввиду высочайшего запрета на публикацию; материалом в основном послужил «Обзор», составленный Сербиновичем в 1837 году. Следует отметить, что Тургенев очень ценил «Журнал Министерства народного просвещения», считая его лучшим в России ученым журналом.

Официальная служба Александра Ивановича в Почтовом департаменте продолжалась недолго. Из-за надвигавшейся слепоты Голицын неоднократно просился в отставку, но получил ее только 1 мая 1842 года. Он уехал в Крым, в свое имение Гаспра, где незадолго до того возвел замок.⁵⁸ Отставка Голицына означала и отставку Тургенева, ибо ни при каком ином начальнике он не желал служить. Напоследок князь не преминул устроить судьбы своих подчиненных. Тургеневу он, наконец, испросил чин тайного советника и пенсию: «...он представлял Государю, — сообщал Александр Иванович Жуковскому 19 января 1842 года, — о лицах его ведомства, и так как я просил его давно об увольнении меня от двора, а Государь давно уже хотел уволить меня от данного мне поручения, то, дав чин в отставку, дал мне и пенсию 6 т. р. (следовательно, из 13.500 — лишился я 7.500 руб. ежегодно). <...> Сим прекращается и служба, и вся русская жизнь моя, буду готовиться к будущей» (Ед. хр. ст. 4714. Л. 36).

Высочайший указ об увольнении «по расстроенному здоровью вовсе от службы» последовал 13 декабря 1841 года (Ед. хр. ст. 1102. Л. 68), о чем князь тотчас известил Тургенева. В ответ он направил Голицыну письмо — не последнее, но, несомненно, прощальное. Проникнутое религиозно-мистическими настроениями, оно отражало весь спектр чувств, привязанностей, интересов, которые роднили Тургенева с князем. Приведем это письмо, датированное 1 (13) января 1842 года, по сохранившемуся чер-

⁵⁶ Как и Сербинович, Федоров принадлежал к кругу молодых друзей и помощников Карамзина; с 1818 года был чиновником Департамента духовных дел, а в 1821–1823 годах — секретарем Тургенева, директора этого департамента. Почти в каждом письме Сербиновича — новости от Федорова, изъявления благодарности, преданности и т. п.

⁵⁷ Федоров Б. М. 1) Обзорение известий о России в век Петра Великого, извлеченных А. И. Тургеневым из разных актов и донесений французских посланников и агентов при русском дворе // Журнал Министерства народного просвещения. 1843. Т. 37. С. 1–24, 145–183; 2) Обзорение известий о России в царствование Екатерины I... // Там же. 1844. Ч. 41. С. 17–38; 3) Обзорение известий о замечательнейших лицах в царствование Петра I и Екатерины I... // Там же. С. 85–129. После смерти Тургенева были изданы: донесения французского посла маркиза де ла Шетарди (*Пекарский П. П.* Маркиз де ла Шетарди в России. 1740–1742. СПб., 1862); письма Екатерины II к гр. И. Г. Чернышеву (Русский архив. 1871. № 9); записки Г. С. Винского (Там же. 1877. № 1–2). С именем Тургенева принято связывать издание дипломатической переписки XVIII века, впервые появившейся в свет по-французски (*La cour de la Russie il y a cent ans: 1725–1783.* Berlin; Paris; Londres, 1858), затем по-русски (СПб., 1907), а ныне переизданной (*Тургенев А. И.* Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005). Между тем Мильчина и Осповат высказали «серьезные сомнения» в авторстве этой книги (*Мильчина В., Осповат А.* Много шума из ничего. С. 146). Как сообщает В. И. Саитов, обнаруженный Тургеневым в Гаагском архиве «отчет первых официальных голландских посланников в России» опубликован А. Х. Беком в 24-м томе «Сборника Императорского Русского исторического общества» в 1878 году (*Батюшков К. Н.* Соч. / Со статьей Л. Н. Майкова и прим. В. И. Саитова. СПб., 1887. Т. 1. Кн. 2. С. 368).

⁵⁸ Подробно о последних годах жизни Голицына см.: *Кондаков Ю. Е.* Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин. СПб., 2014. С. 267–277.

новику с некоторыми сокращениями: «Вчера получил я секретное письмо ваше от 13 декабря о моей отставке, о чине, о пенсии. Ходатайство ваше тронуло меня до слез; перечитываю последние слова ваши, <...> кои останутся моим лучшим утешением. „В последний раз“ и я на письме благодарю вас за то, что вы меня — невинного перед Отчеством, если не перед Богом, защищали, сохраняли до последних минут вашей государственной деятельности <...>. Надежда моя давно не на людей; и к вам прибегал я по вере в Него. Бог внушал мне и мою доверенность к вам и вашему сердцу — отеческие обо мне попечения. <...> умоляю вас и в самом уединении, в беседе с единым Богом любить Его и служить Ему в людях до последнего великого часа, который <...> отнимет вас от них и передаст в лоно Отчее, куда мои и многих других молитвы пойдут за вами или предварят вас. Не оставляйте сырых и бедных, не отрывайте их от вашего любящего христианского сердца. Не лишайте себя этого единственного по вере блага, да будет последним движением вашим — милостыня, последним взором — утешение других, последним вздохом — молитва за них и за себя. <...> Одна любовь говорит во мне; одна любовь этими слезами умоляет и благодарит вас; не о себе, а вас за вас прошу. — Испытайте меня, укажите мне дело, и совершу его; но довершите и вы весь подвиг ваш, не отнимайте у себя ни одного доброго дела, ни одного чувства, ни одной мысли во благо других, а особливо братьев наших, бедных и сырых <...>».

Говорить ли вам о себе и о своем будущем, ныне без земного покровителя оставшемся. Буду продолжать жить у могилы одного брата и в семействе другого, жить не без труда, хотя труд сей и не будет уже охраняем вами <...>. Вероятно, Архив Московский также будет уже закрыт для меня, но соберу в памяти моей и в бумагах отца — достойное воспоминание если не потомства, то семейства и немногих. Желал бы умереть в Москве, где родился, но жить розно и долго — без семейства и без братской могилы не могу. <...>

Не жалею о том, что у меня отнято, и благодарен за то, что мне оставлено. <...> Занятия мои будут по-прежнему иметь главною целию — пособлять слабость ума сведениями и <ответами> других. Пусть смерть застанет меня готовящимся для жизни в обществе, в России. Одна минута деятельности может осветить бесплодную жизнь. Готовься и будь достоин — остальное Богу! <...>

Желал бы напечатать здесь (в Париже. — Н. Х.) неизданные доселе глубокие христианские мысли Сен-Мартена и его примечательную и наставительную переписку с другом его, но не знаю еще, как приступить к делу.⁵⁹ <...>

Прижимая со слезами руку вашу к моему сердцу, душою в молитве о вас, с вечною признательностью и с искреннейшею любовью и почтением пребуду вашим покорнейшим слугою А. Т.»⁶⁰

Голицын скончался в своем имении Гаспра 22 ноября 1844 года и был похоронен в балаклавском Георгиевском монастыре. Тургенев пережил своего покровителя всего на один год. Он умер, как того и желал, в Москве. Последним его движением была — милостыня, последним взором — утешение других. Следуя побуждению сердца, он раздавал милостыню каторжникам, отправлявшимся по этапу; простудился и вскоре, 3 декабря 1845 года, скончался.

⁵⁹ Имеется в виду переписка Л. К. де Сен-Мартена, французского мистика, с Н. А. Кирхбергером, бароном фон Либистроф, швейцарским теологом. «Пухлый том» их переписки, подготовленный к печати Ж.-Б. Генсом, учеником Сен-Мартена, Тургенев приобрел в 1840 году, о чем сообщал Шеллингу (см.: Из переписки Ф. В. Й. Шеллинга и А. И. Тургенева / Подг. текста, пер. с нем. и прим. П. Резвых // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 193–194); рукопись ныне хранится в архиве (Ед. хр. ст. 2064). Тургенев не успел осуществить свой план; переписка была издана позднее (La correspondance inédite de L. C. de Saint-Martin et Kirchberger... Paris, 1862). Культ духовного учителя мартинистов Тургенев воспринял от отца и был верен ему на протяжении всей жизни; имя Сен-Мартена фигурирует в его переписке с Голицыным. Портреты Сен-Мартена, Кирхбергера и С. Волконской украшали его комнату в Париже, о чем он сообщал Жуковскому 19 января 1842 года (Ед. хр. ст. 4714. Л. 37 об.).

⁶⁰ Ед. хр. ст. 1076. Л. 70–71 об.

ПИСЬМА И. А. ГОНЧАРОВА В ЭПИСТОЛЯРНО-ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Эпистолярный, являющийся важным биографическим и историко-литературным документом, может быть рассмотрен и в ином ключе: в качестве художественной составляющей, существующей в тесной взаимосвязи с основной писательской деятельностью.¹ В этом понимании он может быть проанализирован как «эпистолярный конвой»² творческого процесса. Актуализация представления о писательском эпистолярии как особом явлении, находящемся на границе повседневной жизни и литературно-художественной среды³ и, соответственно, занимающем «промежуточное» положение⁴ (т. е. письмо не самостоятельная художественная форма, но в определенные моменты историко-литературного процесса может рассматриваться как факт литературы), открывает новые возможности для его анализа, в том числе и для поиска типологических параллелей в предшествующем эпистолярно-литературном контексте. Стоит отметить, что эпистолярный И. А. Гончаров практически не сравнивался с письмами его предшественников, чаще особенности поэтики писем романиста объясняются исследователями через призму психологии и творчества автора. В. А. Недзвецкий, выделяя в работе Гончарова два этапа: подготовительный (создание зарисовок) и собственно созидательный (период работы над романами), справедливо заметил, что именно письма были наиболее удобной формой для фиксирования беглых наблюдений, «этюдов» характеров, необходимых писателю для последующей работы, в переписке замечен талант Гончарова-очеркиста.⁵ По мнению Е. И. Шевчуговой, свойства личности Гончарова (противоречивость, загадочность) непосредственно определяют склонность писателя к разного уровня мистификациям в реальном (поведенческом) и эпистолярном текстах.⁶ Всего исследователь выделяет три уровня мистификации: 1) прямые отсылки к именам собственных литературных героев; 2) представление одного из героев в качестве реального лица; 3) представление себя через образ одного из героев.⁷

В более широком понимании все перечисленные Е. И. Шевчуговой мистификации можно рассматривать как частные случаи писательской автореминисценции особого рода: в классической трактовке именно эпистолярный является «творческой лабораторией»,⁸ экспериментальным полем, где отрабатываются формулировки, образы и стилистические приемы, находящие затем свое применение в писательской практике, но в случае Гончарова иногда само творчество можно воспринимать как «за-

¹ На связь «бытовой» и «литературной» составляющей писем обращают внимание исследователи, придерживающиеся биографического подхода в их изучении: так, например, А. М. Березкин, анализируя на материале писем становление творческой личности Н. А. Некрасова, определяет их как эпистолярную прозу, тем самым подчеркивая художественное значение переписки (Березкин А. М. Эпистолярная проза Н. А. Некрасова // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 1998. Т. 14. Кн. 1. Письма 1840–1855. С. 5–25).

² Диброва Е. И. Эпистолярный конвой // Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А. А. Реформатского. М., 2004. С. 383.

³ См. об этом подробнее работы Ю. Н. Тынянова «Литературный факт» (1924) и «О литературной эволюции» (1927).

⁴ Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности. М., 1987. С. 56.

⁵ Недзвецкий В. А. Эпистолярный жанр в творчестве и в жизни Гончарова // Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2017. Т. 15. С. 5. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

⁶ Шевчугова Е. И. Образ И. А. Гончарова в эпистолярной литературе: проблема мистификаций писателя // Литература как игра и мистификация: Материалы Шестых междунар. науч. чтений «Калуга на литературной карте России». Калуга, 2018. С. 50.

⁷ Там же. С. 50–52.

⁸ См. прим. 5.

готовку», откуда романист берет готовые формулы для собственных писем. Такие творческие «ретроспективы» в эпистолярной (а не наоборот) объясняются отчасти тем, что сохранившиеся письма не охватывают полностью начальный этап гончаровского творчества. Вне обзора остаются первые анонимные произведения романиста и повести «Лихая болезнь» (1838), «Счастливая ошибка» (1839), «Иван Савич Поджабрин» (1842). Практически никак не находит в письмах раннего периода отражение «Обыкновенная история», опубликованная в 1847 году.

Однако и для позднейшего творчества Гончарова характерно постоянное возвращение к готовым сюжетам и образам, их дальнейшее развитие в последующих литературных опытах (как происходит это с образом Тяжеленко⁹) или обыгрывание устойчивых образных ассоциаций в письмах. Такая ситуация типична, например, для ранних, так называемых «семейных повестей» Гончарова, размещаемых им в рукописном альманахе «Подснежник». Круг близких лиц — готовых прототипов для героев повестей — в творческо-игровой атмосфере литературного салона Майковых в конечном итоге «срастался» со своим литературным воплощением, иронически обыгрываемые странности и привычки приобретали гиперболизированный вид и становились источником полупутливых намеков, рассеянных в письмах этого периода, как, например, «зловещие признаки» болезни Зуровых-Майковых — «беспрестанная зевота» и «тоска» (1, 36). См., например, письмо Ю. Д. Ефремовой от 20 августа 1849 года: «Или сидите у себя в комнате, то понюхивая цветы, то лениво перебирая клавиши или зевая за книгой? Грустите ли прозаически, что денег нет, или поэтически, что *напрасно была нам молодость дана?*» (15, 83). Реминисценция «зевоты», впрочем, выходит за рамки гончаровского творчества и имеет также пушкинский контекст,¹⁰ что косвенно подтверждается прямой цитатой из «Евгения Онегина» («напрасно была нам молодость дана»), включенной Гончаровым в приведенный отрывок.

Отчасти реминисцентна и сама традиция бытовой дружеской переписки, складывающейся между членами кружка. Ее закрытость, предназначенность для узкого круга адресатов порождала особый тип письма, ориентированный на устную дружескую беседу. Как замечает У. М. Тодд, к концу XVIII века тема дружбы стала одной из главных в русской литературе, а сентиментализм с его интересом к личности был плодородной почвой для культа дружбы, реализовав его художественные возможности.¹¹ Использование слов с семантикой разговора свойственно эпистолярной Н. М. Карамзина, который считается некоторыми исследователями исходной точкой в развитии жанра «дружеского письма».¹² На примере его писем можно проследить, как моделируется ситуация «живого» разговора. Иллюзия непосредственного контакта возникает благодаря описанию видимых для собеседника действий: «умолкаю»,¹³ «Не умничаю, а говорю искренно»,¹⁴ «Становлюсь на колени и винюсь в вине неумышленной».¹⁵ Типологически близкий прием встречается в эпистолярной И. А. Гончарова, адресованном близкому кругу лиц: «Я пошутил, говорю Вам...» (15, 113), «Дайте мне руку, обе — целую их с обеих сторон» (15, 152).

⁹ «В нем в зачаточном виде представлены многие характерные черты излюбленного героя Гончарова. Под его чудовищной апатией и леностью скрываются острый ум и наблюдательность; у него, как и у Обломова, „добро“ и сострадательное сердце <...> его образ показан в тех же сочувственных тонах, как и образ Обломова» (Энгельгардт Б. М. Неизданная повесть И. А. Гончарова «Лихая болезнь» // Звезда. 1936. № 1. С. 233; цит. по: 1, 634).

¹⁰ А. А. Фаустов возводит зевоту Зуровых к пушкинским «Сценам из Фауста» — подробнее об этом см.: Фаустов А. А. «И всяк зевает да живет...» (к симптоматике гончаровской «Лихой болезни») // Русская литература. 2003. № 2. С. 80–93.

¹¹ Тодд У. М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. СПб., 1994. С. 38.

¹² Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 265–266; Степанов Н. Л. Дружеское письмо начала XIX века // Русская проза. Л., 1926. С. 66–67.

¹³ Карамзин Н. М. Полн. собр. соч.: В 18 т. М., 2009. Т. 18. Письма. С. 12.

¹⁴ Там же. С. 23.

¹⁵ Там же. С. 81.

Имитация дружеского разговора сообщала письмам свободную от правил риторики композицию, внешне лишенную логической связанности. Н. М. Карамзин подчеркивает особую искренность и исповедальность такой структуры: «...спешу после нашего разговора, излить на бумагу некоторые мысли (не думая ни о красноречии, ни о строгом логическом порядке). Как мы говорим с Богом и совестью, хочу говорить с Вами».¹⁶ Наиболее последовательное развитие прием свободной композиции, построенной на ассоциативной взаимосвязи идей,¹⁷ получил среди сторонников карамзинского направления в литературе, в том числе в кругу арзамасцев, искавших доступную форму общения, позволявшую отказаться от тождества графическая форма — авторитетность.¹⁸ Письмо дополнялось большим количеством «случайно» брошенных деталей, словно перерастая изначально задуманный адресантом объем: «...твое письмо мне точно и мне дает мысль, что ты должен бы писать свои *воспоминания*, — пишет П. А. Вяземский А. И. Тургеневу (13 августа 1824 года), — <...> Ты такой обжора, что глотаешь мысли свои и чувства; шутки в сторону: ты редко договариваешь».¹⁹ Практически такая же особенность (свободно разрастаться) присуща и большинству дружеских писем И. А. Гончарова и иронично осознается самим писателем как «порок» болтливости: «...я, — замечает романист в письме к А. А. Краевскому от 13 декабря 1875 года, — не умею писать коротко: непременно расплывусь!»;²⁰ «Я нарочно выбрал такой маленький формат бумаги, чтобы перо мое, не разыгралось и не ввергло меня в пучину моего порока — болтливости!»²¹

В редком случае основой дружеского письма могло быть одно господствующее чувство или тема. Письма традиционно строились на сочетании нескольких литературных приемов, им свойственна «паратактическая структура», где «темы <...> следуют одна за другой в немотивированной внешне последовательности».²² В качестве образца подобной эпистолярной композиции можно привести письмо А. С. Пушкина А. А. Бестужеву от 30 ноября 1825 года: «Я очень обрадовался письму твоему, мой милый, я думал уже, что ты на меня дуешься — радуюсь и твоим занятиям. Изучение новейших языков должно в наше время заменить латинский и греческий — таков дух века и его требования. Ты — да, кажется, Вяземский — один из наших литераторов — учатся; все прочие разучаются. Жаль! высокий пример Карамзина должен был их образумить. Ты едешь в Москву; поговори там с Вяземским об журнале; он сам чувствует в нем необходимость, — а дело было бы чудно-хорошо».²³ По замечанию У. Тодда, Пушкин «разделяет энтузиазм Бестужева в изучении современных языков», затем «обращает <...> мысль к Вяземскому, который не имел классического образования <...> Следующее звено — Карамзин, чью прозу, как и прозу Вяземского Пушкин ставил высоко».²⁴ Письма схожей структуры есть у И. А. Гончарова. Так, например, в письме Ю. Д. Ефремовой от 25 октября 1847 года, рассказывая о творческом кризисе, Гончаров сообщает: «...ношу с собой везде томящую меня скуку, ко всякому труду, особенно литературному». Следом переходит к суждению общего плана: «Вы говорите, что у нас талантливые люди пишут мало, а бездарные много...». Как бы подтверждая высказанную Ефремовой идею, романист обращается к авторитету Белинского: «...и Белинский точь-в-точь этими словами твердит то же самое, а талантливым людям всё нейдет: не пишут, бестии!» Мысль о талантливых современниках заставляет вспомнить подающего надежды Дудышкина: «Ст<епан> Сем<енович> Дудышкин на-

¹⁶ Там же. С. 9.

¹⁷ Тодд У. М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. С. 143.

¹⁸ Лотман Ю. М. К функции устной речи в культурном быту пушкинской эпохи // Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 794.

¹⁹ «Арзамас». Сб.: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 391.

²⁰ Мазон А. А. Материалы для биографии и характеристики И. А. Гончарова // Русская старина. 1912. Т. 150. С. 505.

²¹ Иванов К. Е. Неизданные письма И. А. Гончарова // И. А. Гончаров. Новые материалы о жизни и творчестве писателя. Ульяновск, 1976. С. 159 (письмо В. В. Салову 31 июня 1887 года).

²² Тодд У. М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. С. 133, 140.

²³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 13. Переписка, 1815–1827. С. 244.

²⁴ Тодд У. М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. С. 144.

чинает входить в моду: умные и дельные его статьи в „Отечественных“ записках<ах>“ и частью в „Современнике>“ замечены и расхвалены всеми умными и дельными людьми». Последнее подталкивает писателя к воспоминанию о недавней смерти Валериана Майкова, одаренного критика, а потому следующий абзац письма полностью посвящен семье Майковых: «Над Майковыми время оказывает свое благодетельное влияние, то есть острота страдания притупилась...» (15, 71).

В начале статьи мы упоминали один из типов мистификации в эпистолярной И. А. Гончарова: самопрезентации через образы собственных героев (наиболее часто используется Обломов, однако в корреспонденции симбирским родственникам можно проследить «адуевский» контекст). Совокупность ключевых черт этого образного ряда формирует авторскую маску умеренности, иронии, флегмы, присутствующую и в творчестве, и в переписке романиста. Еще в двух сохранившихся коллективных письмах 1842 года Гончаров шуточно описывает себя как ленивца-сибарита: «Вы спрашиваете, любезн<ый> друг Аполлон, толстею ли я? да: мои занятия всё те же, то есть я толстею, ленюсь и скучаю, как и прежде, и по обыкновению показываю вид, что замышляю что-то важное; некоторые верят, а других, более опытных, увы! не надуешь» (15, 44); «Если не узнаете меня по почерку, то подписуюсь: Гончаров, иначе принц де Лень» (15, 50). Противоречивость характера писателя (близкие знакомые Гончарова свидетельствуют, что он был эмоциональной, живой и деятельной натурой) наводит исследователей на мысль, что «маска» являлась «реализацией стратегии „маскировки“, „защиты“ от окружающих, способом рефлексии собственного чувства».²⁵ Но нельзя не учитывать, что первоначальной причиной возникновения художественной «маски» могло быть также следование традициям поведения членов литературного кружка. В кругу Майковых, как и в обществе арзамасцев,²⁶ а также других светских кружках подобного типа приветствовалась особая, ролевая форма поведения, получившая отражение в письмах его участников.²⁷ Одним из ее идейных образцов могла послужить развитая салонная культура Франции эпохи рококо и Просвещения. Ряд шуточных обществ французской аристократии культивировал галиматью и тайные языки, вел пародийные протоколы собраний, наделял участников забавными прозвищами и титулами. Особо выделяется «Орден рыцарей Лантюрелю», где среди прочих членов числились и русские участники: А. С. Строганов и великий князь Павел Петрович.²⁸ О существовании Ордена было также известно Н. М. Карамзину, о его распаде сообщает писателю в Париже Аббат Н., раздаватель милостыни при французском посольстве.²⁹

В отличие от европейцев, участники русских светских салонов начала XIX века практически не затрагивали острые политические вопросы, не вступали в полемику с научными школами и академиями, их приоритетными целями были литературные опыты, совершенствование письменной культуры общения. К этому стоит добавить, что подобного рода «кружки» не являлись профессиональными объединениями литераторов, а занимали промежуточное положение между светским обществом

²⁵ Пинженина Е. И. Автор и герой в художественном мире И. А. Гончарова: структура текста и типология характеров. Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2011. С. 78.

²⁶ См. об этом: Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 57.

²⁷ Полное перечисление аллегорических прозвищ участников кружка Майковых можно найти в коллективном письме (И. А. Гончаров, Ю. Д. Гусятникова (Ефремова), Вл. Н. и К. А. Майковы, Я. А. Щеткин) к А. Н. и Н. А. Майковым от начала октября 1842 года: «Мы хотим вести хронику всех замечательных событий в нашем союзе, который не ограничивается одною империею цветов — институтом, но заключает в себе и королевство Трузосонию, и Царство жемчужины дам Пеля, и вольный город Юнию, и острова, где растет трын-трава, то есть остров Труда, остр<ов> Беспокойного движения, остр<ов> Комплиментов, остр<ов> Марса, город Сибарис (не тот, который ты, может быть, увидишь при Тарантинском заливе; нет! у нас есть свой, доморощенный) и др.» (15, 45). Их подробную расшифровку см.: Гродецкая А. Г. Проза И. А. Гончарова: 1830–1860-е (биографика, контекст, поэтика). Дис. ... доктора филол. наук. СПб., 2016. С. 50–53.

²⁸ Подробнее об этом см.: Лотман Ю. М. К функции устной речи в культурном быту пушкинской эпохи. С. 801–802.

²⁹ Карамзин Н. М. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 226.

и узконаправленными литературными организациями.³⁰ В этом смысле переименование не было простым следованием европейским образцам или пародированием чиновничье-бюрократических традиций³¹ и не воспринималось только как маркер доверенности, близости. Получая прозвище, обычно не использовавшееся за пределами салона, участник автоматически определял свою творческую, коммуникативную роль в сообществе. Как правило, эти шуточные нарицания имели литературное происхождение. Членам Арзамаса давались прозвища, заимствованные из баллад В. А. Жуковского. «Северной Коринной» прозвал П. И. Шаликов владелицу московского салона (1824–1829) З. А. Волконскую, подразумевая «романтические» события ее биографии, схожие с переломными моментами героини романа Ж. де Сталь-Гольштейн «Коринна, или Италия», а также то, что свой писательский талант княжна впервые обнаружила в Италии. «Попечителем Мотыльков» называли С. Д. Пономареву, хозяйку «Содружества друзей просвещения» (1795–1824), характеризуя ее как натуру грациозно-притягательную, подвижную и переменчивую, с легкостью менявшую поклонников и творческие амплуа,³² т. е. метафорически наделяя всеми теми свойствами, что закрепились за образом мотылька в рамках элегической школы. Ср., например:

Так виляет по цветочкам
Златокрылый мотылек;
Лишь к цветку — прильнул к листочкам,
Полетел — забыл цветок...³³

Маска ленивого сибарита-философа, используемая Гончаровым, также имеет литературные корни. В ее основе лежит образный ряд, тематически связанный с философией Эпикура, получившей распространение в русской поэзии вначале в предромантическую эпоху благодаря переводам и подражаниям из Анакреонта, а затем вновь обретшей популярность среди романтиков первой трети XIX века, что дает некоторым исследователям возможность говорить об отдельной разновидности русского романтизма начала XIX века — эпикурейском романтизме.³⁴ Качественное отличие эпикурейства этой эпохи от русской подражательной анакреонтики, на наш взгляд, заключается в том, что романтики не заимствовали в чистом виде тематику античной поэзии, а интерпретировали ее в соответствии с собственными потребностями. Гедонистические мотивы осмысливались в новом, не характерном для них контексте: например, лень могла приобретать эстетическое, творческое наполнение, противопоставляться лени бытовой, связанной с официальными служебными обязанностями, как это происходит в раннем творчестве К. Н. Батюшкова. В письме к В. А. Жуковскому от июня 1812 года Батюшков сообщает: «поэт, чудаки и лентяи — одно и то же».³⁵ В стихотворении «Мои пенаты» (1811–1812) он также называет поэтов «философами-ленивцами». «Лень стихотворна»³⁶ в эстетической системе Батюшкова выступает синонимом внутренней свободы, непринужденности и катализатором творческого процесса («Без лени я писал бы еще хуже или не писал бы ничего»³⁷).

³⁰ Подробнее об этом см.: Шведова О. С. Что в имени тебе моем: светские роли и литературные прозвища в аспекте салонной культуры // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения — 2014): В 2 ч. СПб., 2015. Ч. 1. Книжное дело. Культурология. Лингвистика. С. 87–88.

³¹ Например, традиций «Беседы любителей русского слова» или Российской Академии.

³² О. С. Шведова объясняет закрепившееся за С. Д. Пономаревой прозвище не только психологическими особенностями ее личности, но и рассматривает его как часть поведенческой стратегии, позволявшей привлекать в салон новые лица. Подробнее об этом см.: Там же. С. 88–89.

³³ Жуковский В. А. Песня («Счастлив тот, кому забавы...») // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 1. Стихотворения 1797–1814 годов. С. 138.

³⁴ См. об этом: Пашкуров А. Н. Русский эпикурейский романтизм: мировоззрение, мотивы, поэтика // Учен. зап. Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Казань, 2018. Т. 160. № 1. С. 66–77.

³⁵ Батюшков К. Н. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 220.

³⁶ Там же. С. 174 (письмо Н. И. Гнедичу от 29 мая 1811 года).

³⁷ Там же. С. 220 (письмо В. А. Жуковскому, июнь 1812 года). Подробнее о поэтической лени см.: Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. Элегическая школа. СПб., 1994. С. 97.

Различает два вида лени — бытовую и поэтическую — также Гончаров: обе писатель упоминает в письме к Ю. Д. Ефремовой от 20 августа 1849 года: «Здесь (в Симбирске. — Е. Ф.) я окончательно постиг поэзию лени, и это — единственная поэзия, которой буду верен до гроба, если только нищета не заставит меня приняться за лом и лопату. <...> Вспомнить не могу, что надо ехать туда (в Петербург. — Е. Ф.), опять приняться за хождение на службу, за обычную тоску и лень. Какая разница между здешнею и петербургскою ленью!» (15, 84). С эпикуреизмом в узком понимании этого слова (процесс получения наслаждения) сравнивает Гончаров в переписке более позднего периода творчество, однако в качестве основы для такого сравнения используется уже не образная, эстетическая составляющая (эквивалент внутренней свободы, независимости), а фактологическая (удовольствие не духовно, а чувственно, является следствием естественных физиологических процессов): «Лень, обломовщина и эпикуреизм едва ли на третью долю помешали мне делать свое дело. Да позвольте: ведь творчество — своего рода эпикуреизм; наслаждения искусства суть тоже чувственные наслаждения — как Вы ни оспаривайте: творчество — это высшее раздражение нервной системы, охмеление мозга и напряженное состояние всего организма, следовательно — лениться почти нельзя, тем более что с успехом связано торжество самолюбия, многие материальные выгоды и т. п.».³⁸

Разумеется, Гончаров не первый писатель, использовавший маску сибарита-философа в эпистолярной литературе. Схожий образ ленивого скучающего эпикурейца, «несчастливого царкосельского пустынного»,³⁹ напоминающего героя начального периода поэзии К. Н. Батюшкова (до 1812 года), мы встречаем, например, в одном из ранних дошедших до нас писем А. С. Пушкина (П. А. Вяземскому от 27 марта 1816 года). Впоследствии Пушкин, однако, отказывается от этой литературной условности. Гончаров же на протяжении длительного периода остается верен избранному образу. Литературная игра с течением времени охватывает все более широкую аудиторию корреспондентов, приобретая с точки зрения писателя неконтролируемый характер: «...частью благодаря этим письмам, а частью моим сочинениям, со мною и надо мною начали делать какие-то мистификации, шутки! Например, разные господа и госпожи играли со мной роли из моих романов, то Ольги, то Наденьки, то Веры, ставя меня в роль героев — Адуева, Обломова, Райского и прочих!»⁴⁰

Образы своих произведений Гончаров использует также для емкой типологической характеристики близких ему лиц. Например, тип мечтателя-идеалиста Адуева-младшего «примеряет» писатель на собственного племянника: «Старушка! Сегодня пожаловал ко мне г-н Адуев».⁴¹ Агафьей Матвеевной называет Гончаров заботливую С. А. Никитенку.⁴² Отчасти этот прием можно рассматривать как вариативное продолжение традиции салонного общения, автоматически перенесенной с круга непрофессиональных литераторов на круг родственников и близких друзей (ранее мы уже упоминали, что его участники наделялись прозвищами, имеющими литературное происхождение). Хотя, возможно, это одно из частных проявлений эпического мышления романиста, стремящегося в индивидуальном увидеть родовое, в части — целое, что неоднократно отмечалось многими исследователями его творчества.⁴³ Нечто подобное среди предшественников Гончарова зафиксировано в творчестве Жуковского И. Ю. Венициным.⁴⁴ Речь идет о черновом фрагменте «Прочь отсель, меланхолия»,

³⁸ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избр. письма. С. 332–333 (письмо С. А. Никитенко от 8/20 июня 1860 года).

³⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 2.

⁴⁰ Гончаров И. А. Необыкновенная история (Истинные события) // Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. С. 267.

⁴¹ Лит. наследство. Т. 102. С. 385 (письмо Ек. П. Майковой, август–ноябрь 1858 года).

⁴² Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избр. письма. С. 379 (письмо М. М. Стасюлевичу, <30 мая 1868 г.>).

⁴³ См. об этом, например: Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л., 1962. С. 216–218.

⁴⁴ Здесь и далее см.: Веницкий И. Ю. Русская «меланхолическая школа» конца XVIII — начала XIX веков и В. А. Жуковский. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. С. 15.

написанном в феврале–марте 1833 года и являющемся началом перевода поэмы Джона Мильтона «L'allegro», открывающей диптих о радости и меланхолии («L'allegro» и «Il Penseroso»). Карандашная запись на обложке тетради подтверждает, что Жуковским задумывался, но так и не был осуществлен перевод обеих поэм, которые представляли собой два противоположных мироощущения, ассоциирующихся у поэта с сестрами Протасовыми — веселой Александрой (Аллегррой — как называл ее сам Жуковский в молодости) и грустной Марией (Пенсорозо).

По-настоящему уникальным выглядит использование Гончаровым собственных творческих образов в качестве действующих лиц, вводимых в эпистолярный. Если в вышеприведенном случае мы имеем дело с типизацией реальных лиц, то здесь наблюдаем процесс строго противоположный: задуманный в общих чертах литературный тип обретает максимальную индивидуальность, свое конкретное «физическое» воплощение в тексте письма. Творчество становится частью повседневного бытописания, а переписка фикционализируется, приравнивается к литературному экспромту, разворачивающемуся на глазах читателя. Прием развертывания, «вочеловечивания» женского образа можно проследить на примере хрестоматийно известного отрывка из письма И. И. Лъховскому от 15 (27) июля 1857 года: «...узнайте, что я занят <...> женщиной <...> нужды нет, что мне 45 лет, а сильно занят Ольгой Ильинской (только не графией). Едва выпью свои три кружки и избегаю весь Мариенбад с шести до девяти часов, едва мимоходом напьюсь чаю, как беру сигару — и к ней: сижу в ее комнате, иду в парк, забираюсь в уединенные аллеи, не надышусь, не нагляжусь. У меня есть соперник: он хотя и моложе меня, но неповоротливее, и я надеюсь их скоро развести. Тогда уеду с ней во Франкфурт, потом в Швейцарию или прямо в Париж, не знаю: все будет зависеть от того, овладею я ею или нет. Если овладею, то в одно время приедем и в Петербург: Вы увидите ее и решите, стоит ли она того страстного внимания, с каким я вожусь с нею, или это так, бесцветная, бледная женщина, которая сияет лучами только для моих влюбленных глаз? Тогда, может быть, и я разочаруюсь и кину ее».⁴⁵ Только доведя интригу до кульминации, Гончаров признается Лъховскому, что Ольга Ильинская — героиня его нового романа: «...я счастлив — от девяти часов до трех — чего же больше. Женщина эта — мое же создание, писанное конечно...».⁴⁶

Мистификацию подобного уровня можно обнаружить в творчестве Пушкина. Речь о идет о следующих строках «Бахчисарайского фонтана»:

И по дворцу летучей тенью
Мелькала дева предо мной!..
<...>
Я помню столь же милый взгляд
И красоту еще земную,
Все думы сердца к ней летят,
Об ней в изгнании тоскую —
[Безумец!] полно! перестань,
Не оживляй тоски напрасной,
Мятежным снам любви несчастной
Заплачена тобою дань —
Опомнись; долго ль, узник томный,
Тебе оковы лобызать
И в свете лирою нескромной
Свое безумство разглашать?⁴⁷

Образ летучей тени девицы наводит поэта на воспоминание о будто бы реальной, земной «несчастной любви». Важно уточнить, о какой «земной красоте» пишет Пушкин, имеет ли он в виду реальную женщину или предлагает читателю своего рода ли-

⁴⁵ Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 281–282.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 4. Поэмы, 1817–1824. С. 170–171.

тературную игру. В отличие от Гончарова, выстраивающего мистификацию исключительно в эпистолярной, Пушкин начинает развивать тему любви к таинственной незнакомке в поэме и продолжает в переписке с Л. С. Пушкиным, А. А. Дельвигом и А. А. Бестужевым.⁴⁸ Реконструкция творческой истории поэмы, представленная в комментированном издании Д. М. Бетеа, показывает, что так называемые «ламентации „безумца“» появились еще в редакции 1822 года, а весной 1823 приобрели почти законченный вид.⁴⁹ Собираясь отсылать «Бахчисарайский фонтан» Вяземскому для публикации, 25 августа 1823 года Пушкин пишет брату, что прочитал поэму В. И. Туманскому, а также сообщил тому, что «не желал бы ее напечатать, потому что многие места относятся к одной женщине», в которую поэт якобы был «очень долго и очень глупо влюблен»,⁵⁰ а потому прежде вынужден «выпустить» из нее «любовный бред».⁵¹ Эта фраза Туманским была воспринята как откровение, о чем иронично упоминает Пушкин в продолжении того же письма: «Туманский принял это за сердечную доверенность и посвящает меня в Шаликовы — помогите!»⁵² В переписке же с друзьями поэт активно продолжает развивать легенду о тайной возлюбленной. Через два месяца, 4 ноября 1823 года, пересылая «Фонтан» П. А. Вяземскому, Пушкин сообщает: «Я выбросил то, что цензура выбросила б и без меня, и то, что не хотел выставить перед публикою».⁵³ В письме к Бестужеву от 8 февраля 1824 года объясняет, что, составляя план «Бахчисарайского фонтана», «суетверно перекладывал в стихи рассказ молодой женщины».⁵⁴ Высказывая тому же адресату недовольство от публикации в «Полярной звезде» последних трех строф элегии «Редет облаков летучая гряда...», в письме от 29 июня 1824 года поэт объединяет образы неназванной героини элегии с предметом своей «несчастной любви» в «Бахчисарайском фонтане»: «Бог тебя простит! но ты осрамил меня в нынешней Звезде — напечатав 3 последние стиха моей Элегии; черт знает меня написать еще к стати о Бахч<исарайском> фонт<ане> какие-то чувствительные строчки и припомнить тут же элегическую мою красавицу. Вообрази мое отчаяние, когда увидел их напечатанными — журнал может попасть в ее руки. Что ж она подумает [обо мне], видя с какой охотой беседую об ней с одним из п<етер>б<ург>ских моих приятелей. Обязана ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгариным — что проклятая Элегия доставлена тебе чорт знает кем — и что никто не виноват. Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я более, чем мнениями всех журналов на свете и всей нашей публики».⁵⁵ Наконец, в 1826 году в «Северных цветах» был напечатан «Отрывок из письма к Д.» (датируется серединой декабря 1824 — началом 1825 года), дающий указание на конкретное лицо рассказчицы легенды о бахчисарайском фонтане: «К* поэтически описывала мне его, называя *la fontaine des larmes*».⁵⁶

С тех пор убежденность в тайной страсти Пушкина стала практически всеобщей, а поиски ее объекта оказались темой для многих исследований как частного, так и академического характера. Тем не менее Б. В. Томашевский заметил, что в черновиках «Отрывка из письма к Д.» рассказчиком легенды была не женщина, а мужчина и фраза читалась следующим образом: «К* поэтически описал мне его, называя *le fontaine*

⁴⁸ Подробнее об этом см.: Пушкин А. С. Соч.: Комментированное издание. М., 2007. С. 279–283.

⁴⁹ Там же. С. 264.

⁵⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 66.

⁵¹ См. в том же письме: «Так и быть, я Вяземскому пришло *Фонтан* — выпустив любовный бред — а жал!» (Там же. С. 68).

⁵² Там же. Петр Иванович Шаликов (1768–1852) — писатель-сентименталист, чья чувствительность часто была предметом карикатур и пародий в дружеской переписке Пушкина. Посвящение «в Шаликовы» в данном случае также имеет иронический контекст: очевидно, превращая имя собственное в нарицательное, Пушкин подчеркивает подражательный характер его творчества.

⁵³ Там же. С. 73.

⁵⁴ Там же. С. 88.

⁵⁵ Там же. С. 100–101.

⁵⁶ Там же. Т. 8. С. 438.

des larmes». ⁵⁷ Это говорит о том, что, несмотря на настойчивые поиски исследователями прототипа таинственной незнакомки (в частности, назывались имена сестер Раевских, их компаньонки, Е. А. Карамзиной, М. А. Голицыной, С. С. Киселовой (Потоцкой), Н. В. Кочубей (Строгановой)), «утаенная любовь» поэта скорее эфемерна, чем реальна. Кажется возможным предположить, что любовная мистификация Пушкина и Гончарова находится в одной плоскости и является развитием романтического клише утаенной страсти, в основе которого лежит канонизированная литературная биография (Петрарка, Байрон), однако имеет разную смысловую нагруженность. Сложность и последовательность выстраивания женского образа у Пушкина заставляет согласиться с мнением Ю. М. Лотмана, предположившего, что в мистификации «таинственной страсти» следует видеть литературное задание, стремление ориентировать читателя «на определенный тип восприятия». ⁵⁸ Гончаров, очень скоро осознавший адресату письма в фиктивности собственного увлечения, скорее предпринимает попытку шутивого пародирования высокого романтического контекста, насыщенного событиями и переживаниями на фоне повседневного течения жизни. ⁵⁹ «едва выпью <...> и избегаю», «не надышусь, не нагложусь», «волнение мое доходит до бешенства: так и в молодости не было со мной. Я едва могу сидеть на месте, меряю комнату большими шагами, голова кипит». ⁶⁰ В таком ключе мельком упоминаемый писателем «молодой соперник» также предстает иронически обыгрываемым штампом романтической любовной интриги.

В иной манере происходит у Гончарова развертывание образа Райского в письме М. М. Стасюлевичу от 7 (19) мая <1868 года>: «И я и Райский оба кланяемся и благодарим Вас за память, почтеннейший и любезнейший Михайло Матвеевич. Он несколько смущен названием „вампира“ и сближением его с положением арестанта, хотя и сознается, что это справедливо. Он бодрится, охорашивается, притопывает ногой, бравивирует, скрывая тем свою старость, которой дождался в заключении. А сам хромает на обе ноги, чувствует, что давно утратил всякий образ, и даже некогда модный пиджак его обратился в Тришкин кафтан. Словом — он неудачник вполне, а Вы тащите его на свет! Какой он вампир и куда ему сосать кровь, когда его давно высосали самого!» ⁶¹ Несомненно, что герой «Обрыва», обретая вторую жизнь за пределами еще не оконченного романа, вписывается в реальный ход событий, даже переживает определенную возрастную эволюцию, но при этом остается двойствен: он уже не часть литературного произведения, но и не реальное лицо. Реальность его условна — адресату он уже знаком в качестве персонажа «Обрыва». Отношения с ним будто выстраиваются по схеме «Евгения Онегина». Он «добрый приятель», фиктивность существования которого не подвержена сомнению, но присутствие его в фактологическом контексте переписки заставляет задуматься над достоверностью последней, как и в случае с Ольгой Ильинской, подключается литературный регистр, письмо приобретает характер художественного экспромта.

Подводя итог всего вышесказанного, хочется еще раз отметить, что эпистолярный Гончаров не представляется замкнутым явлением, объясняемым исключительно психологическими особенностями его автора. Благодаря тому, что сам писатель осознает близость собственных писем и творчества (вспоминание о пробуждении литературного призвания связывается романистом со «страстью писать», «особенно письма» ⁶²), открывается возможность их анализа как в контексте его произведений (автореминисценции), так и в рамках историко-литературного процесса и литератур-

⁵⁷ Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1. С. 501.

⁵⁸ Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. Л., 1982. С. 70.

⁵⁹ Несмотря на тяготение к пародированию и критическому осмыслению романтической школы, оформившемуся у Гончарова в 1840-е годы, он «навсегда сохранил определенную связь с романтизмом», «широко воспользовался романтической патетикой и экспрессией в стиле» (Пруцков Н. А. Мастерство Гончарова-романиста. С. 7).

⁶⁰ Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 282.

⁶¹ Там же. С. 373.

⁶² Гончаров И. А. Необыкновенная история. С. 263.

ных канонов. Отчетливо пока можно говорить только о типологических параллелях с рядом литературных традиций эпохи: салонной переписки, дружеского литературного письма, романтической мистификации. Открытым для будущих исследований остается вопрос о прямом влиянии на эпистолярный Гончарова писем отдельных авторов, в первую очередь Пушкина,⁶³ к биографии которого романист проявлял глубокий и пристальный интерес.

⁶³ По мнению Недзведского, разительным отличием гончаровского эпистолярного пушкинского является «установка на *эпичность* изображения» (15, 10).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-87-92

© О. Л. Фетисенко

«НУЖНО ТОЛЬКО ВЫЖДАТЬ ВРЕМЯ»: К. Н. ЛЕОНТЬЕВ И Э.-М. ДЕ ВОГЮЭ

Сюжет, о котором пойдет речь, был намечен более десяти лет назад в одной из редакционных статей Полного собрания сочинений и писем К. Н. Леонтьева¹ в виде иллюстрации к теме прижизненной неизвестности русского мыслителя на Западе, но, как выяснилось значительно позднее, в сообщении о заботах дипломата К. А. Губастова, связанных с «продвижением» книги его близкого друга, не доставало важнейшего заключительного звена. Наш рассказ как бы обрывался на полуслове, и вызвано это было очень простой причиной: на тот момент хранящиеся в Государственном литературном музее письма Губастова к Леонтьеву еще не были прочитаны полностью. Теперь весь хорошо сохранившийся обширный эпистолярный комплекс подготовлен к публикации в полном объеме, и многие сначала не вполне ясные сюжеты обретают завершенность, в том числе и эпизод, которому посвящена эта статья.

Зиму 1866/1867 годов К. Н. Леонтьев — тогда секретарь адрианопольского консульства — проводит в Константинополе. В русском посольстве у него уже с 1864 года было много друзей, а среди недавнего пополнения он встречает молодого человека, с которым подружится на всю жизнь. Это его тезка Константин Губастов,² выпускник Учебного отделения восточных языков,³ приехавший на Босфор как стажер (тогда это называлось «студент посольства»). Впоследствии он сделает хорошую карьеру — до поста товарища министра иностранных дел. В 1867 году Леонтьев побывает в Константинополе еще один раз перед отъездом на службу вице-консулом в Тульче, а самое

¹ [Фетисенко О. Л.]. О сборнике «Восток, Россия и Славянство» // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подг. текста и комм. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2009. Т. 8. Кн. 2. С. 810–813. Далее ссылки на Полное собрание сочинений Леонтьева приводятся в тексте сокращенно, с указанием в скобках номера тома, книги и страницы.

² О Константине Аркадьевиче Губастове (1845–1919), дипломате, коллекционере, генеалоге, мемуаристе, см.: *Лукомский В. К. А. Губастов <Некролог>* // Вестник литературы. 1919. № 5. С. 13; Российский дипломат К. А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» / Публ. В. Б. Хлебниковой // Славяноведение. 1997. № 5. С. 35–51; Письма К. А. Губастова к Б. В. Никольскому (1898, 1908–1911) / Публ. О. Л. Фетисенко // Христианство и русская литература. СПб., 2012. Сб. 7. С. 250–273. См. также воспоминания Губастова о Леонтьеве: *Губастов К. А. Из личных воспоминаний о К. Н. Леонтьеве* // Памяти Константина Николаевича Леонтьева: Литературный сб. СПб., 1911. С. 185–234.

³ См.: *Жуков К. А. Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в 60-е годы 19 века (по неопубликованным мемуарам К. А. Губастова)* // Россия и арабский мир: к 200-летию... Шейха ат-Тантави (1810–1861): Материалы конференции. СПб., 2010. С. 92–93.

долгое его пребывание здесь относится к осени 1872-го — весне 1874 года. В этот последний период он и познакомился с секретарем французского посольства (с 1871-го) виконтом Эженом-Мельхиором де Вогюз (1848–1910),⁴ проявлявшим уже тогда большой интерес к России и русской культуре, и успел посвятить его, как выясняется из позднейшего письма Губастова, в свои «мысли и воззрения».⁵ Губастов в том же 1872 году вернулся в Константинополь после нескольких лет службы в Петербурге, теперь он был уже вторым секретарем посольства. Из эпистолярных документов следующего десятилетия видно, что все трое сохранили память об этом знакомстве и что Леонтьев и Вогюз какое-то время следили за творчеством друг друга. Вот почему имя виконта, ставшего в 1880-е годы одним из самых читаемых французских критиков и очеркистов, и всплывает в письмах Губастова, когда заходит речь о необходимости сделать имя Леонтьева известным европейскому читателю.

Надо сказать, что друзья Леонтьева в ответ на его постоянные сетования на прервренности «литературной судьбы» неоднократно советовали прибегнуть к некоторой «саморекламе», послать то или иное свое издание различным французским знаменитостям. Например, О. А. Новикова (та самая, которую в Англии прозвали «депутатом от России») снабжала Леонтьева адресами то слависта Луи Леже (1843–1923),⁶ то Анатоля Леруа-Больё (1842–1912), погрузившегося в изучение «Империи царей».⁷ На первое предложение Леонтьев ответит: «Благодарю Вас за французск<ого> критика. — Я пошлю ему просто собрание моих Греческих повестей».⁸ — Без письма под бандеролью» (11, 2, 490), а обращение ко второму автору вызовет у него больший интерес. В письме к Т. И. Филиппову от 10–14 февраля 1883 года говорится о намерении послать Леруа-Больё свои статьи по Восточному вопросу «с анонимным письмом», «пусть гневается» (12, 1, 29). Снисходительным пренебрежением он встречал восторги Губастова по поводу статей того же Леруа или, например, Поля Жане (Губастов видел сходство некоторых их идей с леонтьевскими и по этому случаю восклицал: «Великий Вы предвещатель!...» (12, 1, 528)).

С чем же связано столь явное нежелание Леонтьева сделать хоть шаг в сторону «русско-французского альянса»? Неужели младшие современники, с которыми ему настойчиво предлагали войти в общение сочувствующие лица, все как один представлялись ему антипатичными «средними европейцами» и ненавистными «буржуа»? Нелюбовь Леонтьева к современной Франции (сочетавшаяся с высочайшим пиететом по отношению к французской старине) хорошо известна. Но причина, как нам кажется, заключалась в другом: на его позицию в вопросах «саморекламы» повлиял давний негативный опыт. В 1867 году Леонтьев послал Просперу Мериме в переводе на французский роман «В своем краю» и повесть «Исповедь мужа» (см.: 11, 1, 248–249, 631–632) и был встречен своего рода брезгливым недоумением. Мериме даже поинтересовался у Тургенева, правду ли пишет Леонтьев, что пользовался его литературным покровительством, а в «Исповедь мужа» и вовсе вчитываться не стал, сказав, что не симпатизирует рога носцам, «даже добровольным».⁹ Леонтьев тогда ответил довольно дерзким по тону письмом, которое Мериме так прокомментировал Тургеневу: «Его непоколебимая уверенность в собственных талантах показалась

⁴ Из множества работ о французском «пропагандисте» русской культуры выделим наиболее близкие нашей теме: *Вогюз Э.-М.* Письма к русским литераторам / Публ. П. Р. Заборова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С. 203–216; *Заборов П. Р.* <Предисловие> // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010. С. 499–503. Из новейших работ можно указать статьи Е. Д. Гальцевой, А. И. Гичкиной, В. П. Трыкова.

⁵ [Фетисенко О. Л.]. О сборнике «Восток, Россия и Славянство». С. 811.

⁶ 1 (13) октября 1882 года она писала из Лондона: «Напишите ему, что сами выберете: он обещался мне упомянуть вас в своих статьях» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 193. Л. 28).

⁷ «Адрес М<onsieur>е Anatole Leroy Beaulieu / 69. Rue Pigalle. Paris» (записка 1883 года; цит. по: 12, 1, 460). В данном случае Новикова напоминала адрес с тем, чтобы Леонтьев послал в Париж свои последние статьи — цикл «Письма о Восточных делах».

⁸ «Собрание греческих повестей» — это трехтомное издание 1876 года «Из жизни христиан в Турции».

⁹ *Mérimée P.* Correspondence générale. Toulouse, 1959. P. 500.

мне чисто французской. Он вышел из школы Саламбо».¹⁰ Урок оказался неизгладимым из памяти.

В 1885 году вышел первый том собрания лучших статей Леонтьева — «Восток, Россия и Славянство». Губастов, в то время генеральный консул в Вене, взял на себя, как делал уже и раньше, распространение книги и в Австрии, и в окрестных странах. Занимался этим он, конечно, не как профессиональный «агент». Нет, он просто предлагал знакомым приобрести у него книгу, а кому-то и дарил ее. И сколько ни намекал Леонтьев в письмах на то, что следует позаботиться прежде всего о рецензиях, о некотором «шуме» в газетах (это нужно было для того, чтобы книга лучше расходилась на родине), он либо отмалчивался, либо объяснял, что идеи Леонтьева будут неприятны и для австрийцев, и для западных славян. Однако мысль, перешагнув этап газетной критики, обратиться выше — к одному из ведущих авторов «*Revue des deux Mondes*»,¹¹ Э.-М. де Вогию, напомнить ему о старом знакомстве (кстати, у Губастова оно могло продолжаться и в России, когда виконт был секретарем французского посольства в Петербурге) принадлежала не Леонтьеву, а именно Губастову. Послать «Графу Мельхиору» книгу «при любезно-остроумном письме» он советовал Леонтьеву 26 июня 1885 года, уверяя, что Вогию — тот самый человек, «который, если захочет, в состоянии познакомить Францию, а через нее и всю Европу» с его «оригинальными воззрениями» (цит. по: 8, 2, 810). В качестве сильного аргумента он приводил известную статью Вогию о Толстом:¹² до нее Толстого «едва знали в Европе», а после — его романы «только и раскупаются», а «прочие сочинения <...> переводятся взапуски» (8, 2, 811).

Леонтьева этот аргумент не убедил. Французский критик, доказывая, он, всегда интересуется только теми, кто уже признан на родине, не стремится «открыть» новый талант: «...Вогию никого из наших не „открыл“».¹³ Но главное — Леонтьев не хотел выступать в роли просителя: «...писать ему письмо — это выше сил моих! — Самое большое, что я могу сделать — это просто послать ему книгу; даже без надписи; — да и то в сентябре, когда уже *здесь* хоть немного будет видно, как *она у нас* принята» (12, 1, 116). Однако в том же письме он подсказал Губастову возможный выход — подарить книгу «от себя», и тот с радостью откликнулся (в письме от 30 июля), объясняя, что не предлагал своего посредничества только потому, что критику гораздо приятнее получить книгу от самого автора: «...Вогию, получив книгу от Вас, был бы более польщен присылкой и принял бы за дело с большею охотой». Он считал приемлемым даже «пустить в ход и лукавство»: «...начну с того, что скажу ему, что Вы обратились к моему посредству лишь по случаю незнания его местонахождения, а то Вы бы сочли за

¹⁰ Ibid. P. 549; цит. по переводу Д. В. Соловьева: *Леонтьев К. Н.* Избр. письма. СПб., 1993. С. 50. Любопытно, что указание на родство мировоззрений Леонтьева и Г. Флобера (с той лишь разницей, что первый в итоге «сделался христианином») содержится в статье Ю. С. Карцова, в конце 1870-х годов тесно общавшегося с Леонтьевым (см.: Памяти Константина Николаевича Леонтьева. С. 246–251).

¹¹ Леонтьев с детства читал этот журнал и даже в самые трудные свои годы, когда и где только мог, обращался к нему — в домашних библиотеках друзей, в цензурном комитете и т. д. Это видно по многочисленным явным и скрытым отсылкам к материалам «*Revue...*» в его статьях и романах начиная с 1860 года. Есть такие отсылки и к работам Вогию.

¹² Губастов подразумевал статью: *Vogüé E.-M.* Les Écrivains russes contemporains. Le comte Léon Tolstoï // *Revue des deux Mondes*. 1884. Т. 64. 15 juil. P. 264–301.

¹³ Леонтьев в пример приводил не замеченных французским критиком писательниц Кохановскую и Марко Вовчок, которых считал «гораздо выше Тургенев» (12, 1, 116), а также «не открытую» Вогию книгу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Губастов в ответном письме возражал так: «...замечу в ответ на Ваш упрек Вогию, что он не познакомил европейскую публику с Кохановскою — он положительно не мог бы этого сделать. Вся прелесть Кохановской в удивительной оригинальной форме и в необыкновенной выразительности и оригинальности речи, а потому рассказы ее абсолютно непередаваемы, скажу более, их просто даже вслух читать трудно или нужно быть изумительным чтецом, до того неожиданны переходы у нее и оригинально все строение фразы. Как же при этом условии может передать Вогию испытываемое им (и нами) — допустив, что как эстетик он понял и оценил прелесть рассказов Кохановской — наслаждение публике, которая никогда не познакомится с самим произведением восхваляемого автора» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 94–94 об.).

удовольствие сделать это непосредственно и выразили бы ему дань Вашего почтения к трудам его по русской литературе...» (8, 2, 812).

Последняя деталь возмутила Леонтьева. В письме от 9 августа он заклинал Губастова оставить свой план («*Не хочу я к нему и прямо и косвенно обращаться. — Я обращаюсь только к тем, в которых я уверен, и то всё к русским людям*» (12, 1, 133)). Но интересно, что Леонтьев отвергает не само обращение к Вогюэ, а лишь обращение от его имени, упоминание о его собственной заинтересованности в отзыве. Ср.: «...*остав<ь>те ваш план, не пишите Вогюэ, что я Вас просил передать ему* и т. п. <...> Умоляю Вас, не пишите ничего от меня г-ну Вогюэ; Господи Иисусе! Да кто же Вам мешает просто от себя послать ему книгу, как вещь, положим, любопытную, как „признак времени“ <...> не унижайте Вашего старого и большого друга перед иностранцами. — Другое дело когда Вы *от себя* рекомендуете; другое дело самому автору перед ними „мерсикать ножкой“ <...> Я очень желаю, чтоб издание разошлось; внимание иностранцев мне было бы очень выгодно для *успеха дела* <...> но *мерсиканьем* даже и перед Вогюэ (к<ото>рого я отчасти ценю) — я купить этого успеха положительно не желаю» (12, 1, 133–134).

Леонтьев знал, что у Губастова нет лишнего экземпляра книги, и «не расслышал» его просьбы прислать несколько («не для платонической раздачи, а для ознакомления европейских публицистов с Вашими воззрениями»¹⁴). Но его друг не отступил перед препятствием: попросил свою сестру, живущую в России, купить сборник и выслать ему. Отыскалась книга, как выяснилось потом, «не без труда», ее пришлось выписывать из Москвы.

В следующий раз Губастов написал Леонтьеву уже только тогда, когда получил письмо от Вогюэ. Его любезно-ироничный ответ пришел в Вену 31 октября по юлианскому календарю (Вогюэ был в отъезде, а письмо и посылка Губастова ожидали его в Париже), письмо же к Леонтьеву датировано 1 ноября 1885 года. Губастов не пересказал, а полностью процитировал на языке оригинала всю ту часть письма, которая посвящена Леонтьеву. Константин Аркадьевич был очень аккуратным человеком, его цитированию можно верить и рассматривать этот фрагмент как единственный источник для неизвестного письма французского критика, что особенно интересно, относящегося как раз к периоду завершения работы над самой знаменитой его книгой «*Le roman russe*» (она выйдет в 1886 году).

Являясь ценным материалом для характеристики русско-французских литературных связей тех лет, это письмо любопытно и по содержащимся в нем штрихам к портрету сорокалетнего Леонтьева, только что вернувшегося со Святой Горы Афон в мир, Леонтьева, как видим, оставшегося в памяти европейского дипломата и литератора. Прочитаем текст Вогюэ в той рамке, в какой он предстал перед Леонтьевым, т. е. «внутри» письма его друга:

«Дорогой мой Константин Николаевич,

Не без труда удалось мне получить экземпляр Вашего „Сборника“, который послан был мною Вогюэ. Сестра¹⁵ искала его тщетно во всех книжных магазинах Петербурга и должна была его выписать. Вчера получил я ответ от Вогюэ. Вот он в извлечении:

„Je trouve à Paris, au retour d’une petite absence, Votre lettre et le volume de M-r Léontieff. J’en ai gardé le plus excellent souvenir, et je le vois encore nous lirant une nouvelle de sa composition chez les Mourousi,¹⁶ il y a quelques dix ans; nous autres pacifiques occidentaux, nous l’accusons alors d’agiter les populations du Balcan avec une chemise

¹⁴ Там же. Л. 97.

¹⁵ Любовь Аркадьевна Суслова (урожд. Губастова).

¹⁶ Имеется в виду князь Александр Константинович Мурузи (1842–1900), сотрудник русского посольства в Константинополе, впоследствии генеральный консул в Каире. Он был сыном старшего драгомана константинопольского посольства К. Мурузи (1819–1886) и представительницы одного из знатнейших византийских родов Пульхерии Кантакузин (1824–1844); его жена Амалия Павловна, урожд. Зизиния, тоже происходила из древнего рода. Владелец известного дома на Литейном проспекте в Петербурге приходились им близкой родней.

rouge légendaire, qu'il n'a peut-être jamais portée. Depuis lors, j'ai rencontré plus d'une fois ses travaux dans les journaux de Moscou, et je crois connaître déjà son article sur l'Athos.¹⁷ Je sais lire avec bien de l'intérêt ceux qu'il a réunis dans son 1-er volume. Je ne demande pas mieux que d'en parler dans la «Revue», mais il faut seulement que j'achève avant ma tâche, qui consiste à faire l'histoire de Votre littérature d'imagination dans ses chefsd'œuvre poétiques et romanesques. J'ai encore quelques chapitres devant moi avant d'édifier le livre auquel ils doivent concourir. Vous trouverez un dans la prochaine Revue sur Gogol,¹⁸ Pouschkin¹⁹ m'attend la suite, et M-r Léontieff est trop bon patriote pour vouloir retarder l'hommage que je dois à ses grandes devanciers. Quant à une traduction des articles de Votre ami, je Vous dirai qu'on s'arrache ici chez les éditeurs tout ce qui est roman ou nouvelle de Tolstoy et de Dostoievsky, mais notre légèreté proverbiale n'a pas encore mordu aux travaux sérieux de la science russe. Ce la viendra. Il faut seulement laisser faire le temps».²⁰

Судите теперь сами виконта».²¹

Упомянутая здесь «повесть» Леонтьева — это, несомненно, начало романа «Одиссей Полихрониадес», который он параллельно с историософской книгой «Византизм и Славянство» писал на о. Халки. Оба произведения читались посольским друзьям и, как теперь становится ясно, не только им. Красная шелковая рубашка навыпуск — еще с конца 1860-х годов неременная деталь костюма Леонтьева, которой он любил дразнить европейских коллег.²²

¹⁷ Речь идет о статье «Панславизм на Афоне», впервые опубликованной в «Русском вестнике» под псевдонимом «Н. Константинов» (1873. № 104. С. 650–702) и вошедшей в первый том сборника «Восток, Россия и Славянство» (М., 1885. С. 45–106); см. также: 7, 1, 210–267; варианты и комм.: 7, 2, 344–350, 614–642. Вогюэ прочел эту статью в отдельном издании на французском языке (*Constantinow N. Le Panslavisme au Mont-Athos. Constantinople, 1873*), которое вышло даже раньше русской журнальной публикации (см.: 7, 2, 614; 10, 1, 610). После появления статьи в «Русском вестнике» турецкое посольство подготовило, как сказали бы позднее, «для служебного использования», еще один перевод на французский и прислало его в свою столицу (см. об этом: 6, 2, 9). Этот «официальный» перевод Леонтьеву «доверительно» показал грек-фанариот и турецкий дипломат Иоаннис Фотиадес-бей (1820–1892).

¹⁸ Здесь подразумевается статья из цикла «Современные русские писатели»: *Vogüé E.-M. Les Écrivains russes contemporains. Nicolas Gogol // Revue des deux Mondes. 1885. Т. 72. 15 nov. P. 241–279.*

¹⁹ Статью о Пушкине для журнала Вогюэ тогда дописывать не стал. Он сразу превратил ее в одну из глав книги «Le roman russe».

²⁰ «В Париже, вернувшись после небольшого отсутствия, я нахожу Ваше письмо и том г-на Леонтьева. Я сохранил о нем самое приятное воспоминание, и у меня снова перед глазами, как он, лет десять тому назад, читает нам у Мурузи одну из повестей своего сочинения; как мы, разные мирные западники, обвиняем его в том, что он будоражит народы Балкан легендарной красной рубашкой, которую он, возможно, никогда не носил. С тех пор я не раз встречал его труды в московских газетах, и, полагая, мне уже знакома его статья об Афоне. Я с интересом прочту то, что он собрал в своем первом томе. Я с огромным удовольствием поговорю об этом в „Revue“, но мне только нужно закончить свое дело — историю вашей художественной литературы в ее поэтических и романых шедеврах. Мне еще осталось несколько глав, прежде чем создать книгу, коей они должны содействовать. Одну из них Вы приоткроете в ближайшем номере, о Гоголе, Пушкин ждет меня в следующем, и г. Леонтьев слишком хороший патриот, чтобы желать откладывания почести, которую я должен воздать его знаменитым предшественникам. Что до перевода статей Вашего друга, я сказал Вам, что здесь все, что является романом или повестью Толстого или Достоевского, издаются с руками отрываю, но наше вошедшее в пословицу легкомыслие еще не раскусило серьезных трудов русской науки. Это придет. Нужно только выждать время» (*фр.*; перевод мой. — О. Ф.).

²¹ ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 98–99.

²² «...С европейскими Консулами он был в самых сухих служебных отношениях; не мог мириться с мыслью, что с визитом к ним надо идти в их европейском платье, а не в шелковой рубашке навыпуск; всем им это высказывал в полу-шуточной, в полу-озлобленной форме; и чуть ли даже не принимал некоторых из них у себя в доме — не переодеваясь в европейское платье. — Он достигал своей цели — ни один Консул не бывал у него иначе как с официальным визитом...» (*Леонтьева М. В. Янина; цит. по: 6, 2, 89*). См. об этом также в очерке «Майноские старожилы» (6, 1, 515).

Если Леонтьев и улыбнулся некоторой теплоте тона своего давнего константинопольского знакомого и его внимательной памяти, то «практическое приложение» письма оказалось для него нулевым, и он даже не стал, отвечая другу, как-то комментировать присланный текст, а Губастов, в свою очередь, не напоминал ему об этом. Точно так же, без отклика, оставил Губастов сообщение Леонтьева в письме от 4 апреля 1889 года о том, что тот отправил в Париж свою новую работу («Национальная политика как орудие всемирной революции»): «Я послал свою брошюру в Редакцию „Revue des 2 Mondes“ *Вогюэ*; с надписью; но, *конечно*, без письма» (12, 2, 244). А в более позднем послании Губастова, от 11 августа 1890 года, обнаруживается новое упоминание о виконте: «Мне недавно передавал один товарищ, видевший Вогюэ, что по уверению этого последнего наиболее в наст<оящее> время распространенная и пользующаяся наибольшим уважением среди французской молодежи философия... чья бы Вы думали? — Гр<афа> Льва Толстого!.. Очень странно. Не правда ли?»²³

Следует сказать еще, что Вогюэ и его дядю, у которого виконт и был секретарем, Губастов назовет в своих неизданных мемуарах среди тех иностранных дипломатов, с которыми постоянно общалась посольская молодежь (а с ними — как мы теперь видим — и Леонтьев).²⁴ Возникает даже вопрос: не вызвана ли поездка виконта в 1874 году на Афон красноречивыми рассказами Леонтьева о Святой Горе? Обратим внимание на то, что в письме к Губастову он упоминает именно «статью об Афоне». И наконец, еще одно любопытное биографическое совпадение: в 1889 году и Леонтьев, и Вогюэ были приглашены кн. Д. Н. Цертелевым к сотрудничеству в журнале «Русское обозрение» (он начнет выходить в Москве в 1890-м). Вогюэ продолжил печататься там и при новом редакторе, которым стал в 1892 году один из ближайших учеников Леонтьева Анатолий Александров. Вскоре на страницах журнала появились, правда с купюрами, письма Леонтьева к Губастову, а это могло дать первооткрывателю «l'âme russe» повод еще раз вспомнить своего константинопольского собеседника в «легендарной красной рубашке».

²³ ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 37.

²⁴ ИРЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 75 об. — 76.

DOI: 10.31860-0131-6095-2021-2-92-104

© Н. Л. Васильев, © Д. Н. Жаткин

НЕИЗВЕСТНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭПИГРАММА П. А. ВЯЗЕМСКОГО В АРХИВЕ Я. К. ГРОТА*

Обширное поэтическое наследие П. А. Вяземского в полной мере еще не учтено, хотя и заметно дополняется в последнее время новыми фактами его творческой деятельности, архивными материалами.¹ В данном случае мы ставим задачу ввести в на-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-04-00069а «Неопубликованные, анонимные и малоизвестные произведения П. А. Вяземского (библиография, текстология, поэтика)».

¹ См.: Панов С. И. Из литературной почты «Арзамаса» // Литературный факт. 2016. № 1/2. С. 183–184, 189, 195; Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. 1) Словарь поэтического языка П. А. Вяземского (с приложением малоизвестных и непубликовавшихся его стихотворений). М., 2015. С. 383–405; 2) Франкоязычное сатирическое стихотворение П. А. Вяземского о Крымской войне // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. VIII: Сб. науч. трудов. М., 2017. С. 217–223; 3) К вопросу об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» («Вот, в воинственном азарте, воевода Пальмерстон...») // Русская литература. 2017. № 1. С. 133–145; 4) Новые архивные данные об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» (1854) // Литературный факт. 2018. № 9. С. 282–293; 5) К вопросу об авторстве аноним-

учный оборот и прокомментировать еще одно непечатавшееся произведение поэта, сохранившееся в архиве академика Я. К. Грота.

1

Выдающийся филолог, автор разноплановых лингвистических и литературоведческих трудов, выпускник Царскосельского лицея Я. К. Грот (1812–1893) был знаком с Вяземским, переписывался с ним в 1840–1870-х годах,² а также имел непосредственное отношение к изданию «Полного собрания сочинений» Вяземского,³ особенно к подготовке первого из поэтических томов⁴ и обсуждению автобиографической статьи, открывавшей собрание произведений писателя, о чем говорил ему в феврале 1877 года, приложив копию своего отзыва: «С живейшим интересом, чуть не в один присест, прочел я автобиографическое предисловие князя Петра Андреевича. Нахожу, что оно и оригинально и прекрасно. Таково останется оно, если в нем и ничего не изменять; но так как оно сообщается нам вероятно для того, чтобы узнать наше мнение о нем в подробностях, то я выскажу те немногие замечания, которые приходили мне на мысль при чтении его».⁵

5/17 апреля 1877 года Вяземский отвечал Гроту из Гомбурга (Bad Homburg vor der Höhe): «Ваш отзыв о моем *введении* мне очень приятен и лестен»; «Не умею исправлять себя. Охотнее и скорее напишу пять новых листов, нежели переправлю один. Да и переправка написанного — ведь это почти то же, что *une photographie retouchée*. Эта работа мне не по нутру. Впрочем, постараюсь сделать все что могу. Во всяком случае будьте моим ходатаем и защитником пред потомством».⁶

Незадолго до этого Грот встречался с Вяземским в Германии, о чем известно из того же письма последнего: «Обещал я прислать Вам мой *Цветок*,⁷ прочитанный Вам в Гомбурге. Но не могу отыскать его ни в памяти, ни в бумагах своих. Еще доказательство, что пишу для писания».⁸

Можно заключить, что у Грота имелись автографы и копии стихотворений Вяземского, полученные им через эпистолярные и личные контакты с писателем. По словам сына академика, «Я. К. Грот состоял <...> в разное время в письменных сношениях с кн. Вяземским как по поводу интересовавших их обоих историко-литературных воспоминаний или современных литературных вопросов и явлений, так и при взаимном обмене их своими произведениями пера».⁹

В свою очередь, К. Я. Грот (1853–1934) опубликовал два неизвестных произведения Вяземского, обозначенных поэтом в качестве шутильной циклизации «Мои выходки (то есть стихи, которые я выхаживаю в прогулках моих)»:¹⁰ «Под этим

ного стихотворения «Кто кому нужнее?» («Итак, не сказка уже это...») // Русская литература. 2019. № 3. С. 92–103; 6) Поэтическое наследие П. А. Вяземского // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 3. С. 123–133; *Рейтблат* А. И. Забытое свидетельство об авторстве стихотворения «На нынешнюю войну» // Русская литература. 2019. № 3. С. 240–241.

² См., в частности: К автобиографии кн. П. А. Вяземского (Отзывы о ней Я. К. Грота и самого князя П. А.) / Сообщил К. Я. Грот // Старина и новизна. 1909. Кн. 13. С. 27–36; Из переписки Я. К. Грота с кн. П. А. Вяземским / Сообщил К. Я. Грот // Там же. 1915. Кн. 19. С. 1–14.

³ *Вяземский* П. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. / <Под ред. Н. П. Барсукова, А. Ф. Бычкова, Я. К. Грота>; изд. С. Д. Шереметева. СПб., 1878–1896.

⁴ Там же. Т. 3. Стихотворения. Ч. 1. 1808–1827 / Под ред. Ф. Н. Берга, с участием А. Ф. Бычкова и Я. К. Грота. СПб., 1880.

⁵ К автобиографии кн. П. А. Вяземского. С. 28.

⁶ Там же. С. 30, 32.

⁷ «Цветок» («Зачем не увядаем мы...») — из 10-частного цикла «Из собрания стихотворений: Хандра с проблемками» (1875–1876). См.: *Вяземский* П. А. Полн. собр. соч. Т. 12. Стихотворения. Ч. 4. 1863–1877. С. 517–518.

⁸ К автобиографии кн. П. А. Вяземского. С. 32.

⁹ Из переписки Я. К. Грота с кн. П. А. Вяземским. С. 1.

¹⁰ Их отголосок прослеживается и в архиве Вяземского: «Мои выходки» («Вопрос себе позволю дерзкой: / Кто Пуцикович? Кто Мещерской? / <...>» (1877) — два варианта шутильного сти-

заглавием на листке, присланном к Я. К. Гроту при одном из писем, записаны князем П. А. четыре маленьких стихотворения, из которых два <...> были напечатаны в собрании сочинений князя <...>. Но 1-ое и 4-ое не имеются там, а потому и печатаются нами здесь».¹¹

Приведем эти тексты, поскольку они не воспроизводились с момента их публикации, хотя дополняют психологическими нюансами целостное впечатление от поздней лирики Вяземского, высказанное в письме Грота в конце марта 1874 года по поводу сборника «Складчина»:¹²

I.

На радость я уж стар, на скорбь еще я молод:
И поздней осени и заморозков холод
Не остудили слез, которым счета нет,
Не порвали всех струн, в которых есть ответ
На каждую печаль сродни с душой моею:
Еще могу страдать и плакать я умею.

IV.

МОЖЕТ И ДОЛЖЕН

Еще дней несколько — пожалуй — два-три года,
Ведь годы те же дни, снесет и их волной;
Но час уж не далек: свое возьмет природа,
И что земля дала вновь примется землей.

От смерти, знаю я, увы! не щит — и младость:
И с ветки молодой срывает цвет она,
В то время, как его приветствует и радость,
И солнце первое, и первая весна.

Смерть не разборчива: как часто старец хилой
Переживает тех, которых зрел рассвет,
И сам едва живой, пред раннюю могилу
Хоронит в ней, кем жил и все чего уж нет.

(И пламень молодой)
И молодой огонь угаснуть рано может,
Но светлым будущим он мог еще владеть:
Ждать старцу нечего и век его уж прожит.
Не то, что *может*, нет, он *должен* умереть.¹³

2

Как видим, поэт в конце жизни щедро делился с корреспондентом всеми проявлениями своего гражданско-лирического темперамента, в том числе интимными элегическими медитациями. Тем не менее Я. К. Грот, имея отношение к подготовке Полного

хотворения по поводу сотрудников петербургского еженедельника «Гражданин»), что является еще одним свидетельством литературно-публицистической активности писателя в 1870-е годы. См.: РГАЛИ. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 1. Ед. хр. 1140. Л. 125, 126 об.

¹¹ К автобиографии кн. П. А. Вяземского. С. 35.

¹² «Вчера вечером я в своем семейном кругу начал чтение этого сборника Вашими стихотворениями <...>. Как ни привыкли мы к Вашему таланту, а тут <...> мы были просто изумлены свежестью, богатством поэзии, которая так и бьет ключом из каждого слова, и самородною прелестью свободного, мастерского стиха» (Из переписки Я. К. Грота с кн. П. А. Вяземским. С. 8–9).

¹³ К автобиографии кн. П. А. Вяземского. С. 36.

собрания стихотворений Вяземского (по существу, посмертного, так как остальные тома лирики князя вышли в 1880, 1887 и 1896 годах), не включил туда и следующую эпиграмму поэта, чутко реагировавшего, даже за пределами России, на отечественную журналистику и публицистику:

Хотя демократизм и к нам уж затесался,
Но всё ж наследственный порядок мы храним:
Белинский сгоряча объелся Полевым
И Незнакомцем опростался.

Кн. Вяземский. 1872¹⁴

Эпиграмма задевала многих, и прежде всего — влиятельного литератора А. С. Суворина (1834–1912),¹⁵ о котором позже С. А. Венгеров сообщал в биографической справке: «Широкую известность С<уворин> приобрел во второй половине 60-х годов, когда он под псевдонимом *Незнакомец* стал писать в „С<анкт>-П<етер>б<ургские> вед<омости>“ воскресный фельетон («Недельные очерки и картинки»). Крупное значение в газетном деле этому фельетону впервые дал блестящий талант С<уворина>, соединявший в себе тонкое остроумие с искренностью чувства и умением к каждому предмету подойти со стороны его общественного значения. С<уворин> расширил рамки воскресного фельетона, введя в него обсуждение самых различных сторон современной государственной, общественной и литературной жизни. Это были лучшие опыты русского политического памфлета, не стеснявшиеся нападать очень резко на отдельных лиц, но вместе с тем только на общественную сторону их деятельности. Самые сильные удары С<уворин> наносил представителям реакционной журналистики — Каткову, Скарятину, кн. Мещерскому и др. По своим убеждениям С<уворин> был умеренно-либеральный западник <...>. Это сближало его, между прочим, с „Вестником Европы“, где он в 1869–1872 гг. помещал заметки о новых книгах и ряд критических и др. статей <...>. Огромный успех фельетонов Незнакомца сделал его имя ненавистным в известных кругах, и когда в 1874 г. В. Ф. Корш и его редакция были устранены от „С<анкт>-Петер<бургских> Вед<омостей>“ <...>, то одним из главных к тому мотивов были выставлены фельетоны С<уворина>».¹⁶

А. С. Суворин являлся сыном крестьянина-однодворца из Воронежской губернии, участника Бородинского сражения, получившего после отставки чин капитана вместе с потомственным дворянским достоинством; мать писателя происходила из среды сельского духовенства, но «осталась век неграмотной».¹⁷ Демократическое и одновременно провинциальное происхождение, наряду с большой журнальной активностью и успехом у читателей, связывало имя этого журналиста в сознании Вяземского с Н. А. Полевым и В. Г. Белинским.

Последнего Вяземский явно недолго любил, с неизменной резкостью вспоминая о нем в эпоху шестидесятников: «За что ж ваш гнев меня безжалостно похерил? / А вот за что: назло поклонникам иным, / Всем лжепророкам я не верю и не верил, / И поклоненье их <им?> мне кажется смешным. // Так что ж? Белинский ваш, хоть будь сто раз Белинский, / Весь русский журнализм нельзя ж за ним признать. / Вольно ж вам, рекрутам его, под лад воинский, / При имени его на вытяжке стоять» («Меня „за ненависть к журналам“ судят строго...», 1861); «Смешон и жалок не Белинский, / Да и к тому ж покойник он, / А по пословице латинской, / Грешно тревожить мертвых сон. // Как мы живого не читали, / Когда, Бог знает из чего, / Журналы толстые

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 88 (Я. К. Грот). Оп. 2. № 40. Л. 1 (архивная единица имеет следующую помету: «Копия. Подпись рукою Я. К. Грота»).

¹⁵ См. о нем, в частности: *Динерштейн Е. А., Рейтблат А. И.* Суворин Алексей Сергеевич // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь.* М.; СПб., 2019. Т. 6. С. 110–117.

¹⁶ *Энциклопедический словарь:* В 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1901. Т. XXXIа. С. 894–895.

¹⁷ См., в частности: *Глинский Б. Б.* Алексей Сергеевич Суворин: Биографический очерк. СПб., 1912. С. 4–7.

трещали / Под плодовитостью его, — // Так мертвого в забвенье тихом / Оставить рады были б мы, / Не поминая злом и лихом / Его журнальной кутерьмы. // Но к удивленью, вдруг он ожил, / Иль им поднятый пустозвон, / И мертвый он себя помножил / На замогильный легион. // Не в хладный гроб, в кощунстве диком, / Пришла охота нам стрелять, — / А в птиц ночных, засевших с криком / На гробе тризну совершать» («De mortuis aut nihil, aut bene», 1862?); «Своим пером тупым и бурным / Белинский, как девятый вал, / Искандером¹⁸ литературным / Во время оно бушевал. // Теперь за ним с огнем воинским / Искандер сам на бой предстал / И политическим Белинским / Рассудок ломит наповал» («Своим пером тупым и бурным...», 1864).¹⁹

Особенно примечательно в этом плане стихотворение Вяземского «Когда Карамзина не стало...», впервые опубликованное в сборнике поэта «В дороге и дома» (М., 1862. С. 320–323). Здесь в более пространной форме изложена та же историко-литературная трактовка становления отечественной словесности, что и в эпиграмме на Незнакомца: «Когда Карамзина не стало, / Надолго умер Карамзин; / Наследников нашлось немало, / Но из законных — ни один. // <...> // Не стало Пушкина; перуном / Разбитый, лавр его завял — / И не расцвел в побеге юном; / Из пепла феникс не восстал. // Белинский умер; Жив Белинский! / Его не пресекаем род; / Замрет, но в силе исполинской / Он тут же даст сторичный плод. // Уж многих нет давно; они же, / Белинские, рождаются вновь; / Умом хоть первого пониже, / Но та же удал, та же кровь. // В угаре вечном и в задоре, / Они пьянеют от чернил / И пьяным по колена море, / А выплыть на берег нет сил. // Как в балаганах под Новинским / Есть каждый свой крикун-фигляр, / Везде на память о Белинском / Есть свой бессменный тарабар. // <...> // В сей век огромного размера / Огромностей не перечсть; / В любом журнале для примера / Извольте справку вы навесь. // Приняв в обычай прибаутку, / Там взапуски спешат упечь / И Грибоедовскую шутку / И Скалозуба склад и речь. // <...> // Теперь пошел порядок новый — / И в воду старые концы! / Челом поникнуть мы готовы / Пред вами, новые дельцы. // Вы образцы ума и слога! / Но все же, как водилось встарь, / Хотя взгляните, ради Бога, / В Академический словарь...».²⁰

О Н. А. Полевом, с которым Вяземский тесно сотрудничал в 1820-х годах в «Московском телеграфе», поэт публично упоминал главным образом в начале 1830-х годов с такой же неприязнью, например: «Как спорить с Полевым, когда сей критик чуткий / Рассудит, охая, что я тяжел на шутки? / Быть может... Тяжела ль иль нет моя рука, / Вернее знают всех про то его бока» (1833).²¹

В формальном плане в эпиграмме обращает на себя внимание, в частности, лексема *демократизм*, ранее в поэзии Вяземского не встречавшаяся, что примечательно в аспекте расширения представлений о его лексиконе, чуткости писателя к языковым новациям второй половины XIX века.²² Впервые это идеологическое понятие фиксируется в словаре А. Д. Михельсона «30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык» (М., 1866).²³ По данным Национального корпуса русского языка, в поэзии указанное слово было использовано до Вяземского в памфлете В. П. Буренина «Песнь о Педифиле и Педемахе», направленном против педагогических идей М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева: «Пресса здравая есть признак / Здравой жизни; что ж в статьях / Русской прессы обретают / Педифил и Педемах? // Порицание порядка, / Непочтительность к властям, / Недостаток уваженья / К греко-римским словарям. // Вредный дух демократизма / И глумление — о страх! — / Над мужами, коих имя / Педифил

¹⁸ А. И. Герцен.

¹⁹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 11. Стихотворения. Ч. 3. 1853–1862. С. 370, 443; Т. 12. С. 166–167.

²⁰ Цит. по: Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 439–441.

²¹ Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века) / Вступ. статья М. И. Гиллельсона, сост. и прим. М. И. Гиллельсона и К. А. Кумпан; подг. текста К. А. Кумпан. Л., 1988. С. 225–226.

²² См.: Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Словарь поэтического языка П. А. Вяземского... С. 31.

²³ См. об этом: Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. М.; СПб., 2006. Т. 4. С. 663.

и Педемах»,²⁴ позже оно попало в поле зрения и В. В. Маяковского: «Демократизмы, / гуманизмы — / идут и идут / за измами измы» («150 000 000», 1919–1920).²⁵ Употребление этого слова в прозаических сочинениях обнаруживается гораздо ранее — в статье К. Д. Ушинского «О народности в общественном воспитании» (1856): «Особенно восстают американцы против нововведений из Германии, и педагогика их до сих пор носит более английский характер, хотя сильно измененный *демократизмом*».²⁶ Не прошли мимо этого неологизма в 1860-х годах и Ф. М. Достоевский, А. А. Фет, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Ф. Писемский, К. Н. Леонтьев, Н. С. Лесков, А. И. Герцен, Н. Я. Данилевский и др. Особенно созвучно Вяземскому высказывание Фета: «Как выражение сознательной косности, veto литератора еще не оскорбляло бы нравственного чувства; но оно возмутительно своим притоком — струею *демократизма*, в самом циническом значении этого слова» («Из деревни», 1863).²⁷ Заметим, что одновременно с актуально-злободневным акцентированием данного концепта Вяземским в подтексте эпиграммы виртуально присутствует знаменитый пушкинский поэтический образ: «...Что геральдического льва / *Демократическим* копытом / У нас лягает и осел: / Дух века вот куда зашел!» («Езерский», ч. IX, 1832).

Еще одна примечательная лексическая деталь эпиграммы Вяземского — просторечный глагол *затесаться*, употребленный Вяземским ранее по отношению к Ф. В. Булгарину: «Свинья в театр когда-то затесалась / И хрюкает себе, — кому хвалу, / Кому хулу <...>» («Крыловская хавронья», 1845).²⁸ Преемственно это стихотворение связано не только с басней И. А. Крылова «Свинья» (1811), где фигурирует *Хавронья*,²⁹ но и с пушкинской эпиграммой на М. Т. Каченовского «Хаврониос! ругатель закоснелый...» (1821).³⁰ Любопытно, что инвективу Вяземского когда-то косвенно поддержал именно В. Г. Белинский — в статье «Несколько слов о фельетонисте „Северной пчелы“ и „Хавронье“» (Отечественные записки. 1845. № 6): «Ему (фельетонисту. — Н. В., Д. Ж.) почему-то очень не понравилась напечатанная в „Отечественных записках“ басня „Хавронья“».³¹ О вкусах спорить нечего! Он нашел крайне неприличными слова: *грязная щетина, запах и вонь*. И об этом не спорим. Кому не известно, что и басня Крылова „Свинья“, в блаженной памяти доброе старое время, показалась неприличною и что в провинциальном обществе даже теперь, по свидетельству Гоголя, дамы, вместо того, чтоб сказать: *стакан воняет*, говорят: *стакан дурно ведет себя*...».³²

Колоритный просторечный глагол *опростаться* («освободиться от содержимого, опорожниться») Вяземским до этого не использовался, что тоже следует учесть, говоря о стилистическом спектре его поэтического языка и отдаленных реминисценций. Указанная лексема встречается, однако, в сатирическом трактате Я. Б. Княжнина, высмеивающего графоманию: «О, ужас!.. толщиной он <племянник-поэт. — Н. В., Д. Ж.>

²⁴ *Выборгский пустынный*. Гражданско-поэтические отголоски. I. Песнь о Педифиле и Педемахе // Отечественные записки. 1871. № 6. Отд. П. С. 409. См. также: Поэты «Искры»: В 2 т. / Вступ. заметка, сост., подг. текста и прим. И. Г. Ямпольского. Л., 1987. Т. 2. С. 332, 418 (прим.). Курсив наш. — Н. В., Д. Ж.

²⁵ *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 2. С. 157. Курсив наш. — Н. В., Д. Ж.

²⁶ *Ушинский К. Д.* Собр. соч.: [В 11 т.]. М.; Л., 1948. Т. 2. С. 119. Курсив наш. — Н. В., Д. Ж.

²⁷ *Фет А. А.* Соч. и письма: В 20 т. СПб., 2007. Т. 4. С. 184. Курсив наш. — Н. В., Д. Ж.

²⁸ Отечественные записки. 1845. № 4. С. 328 (с подписью ***). См.: также: *Вяземский П. А.* 1) Полн. собр. соч. Т. 4. Стихотворения. Ч. 2. 1828–1852. С. 293; 2) Стихотворения / Сост., подг. текста и прим. К. А. Кумпан. Л., 1986. С. 280, 505 (прим.).

²⁹ «Не дай Бог никого сравнением мне обидеть! / Но как же критика Хавроньей не назвать, / Который, что ни станет разбирать, / Имеет дар одно худое видеть?»

³⁰ См. также: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2016. Т. 2. Кн. 2. С. 28, 587–589 (прим.).

³¹ См.: *Ф. Б.* [Булгарин Ф. В.]. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1845. 12 мая. № 106. С. 422.

³² *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: [В 13 т.]. М., 1955. Т. 9. С. 140. В примечании В. С. Спирidonова (при участии Ф. Я. Приймы) к высказыванию критика о восприятии басни в «доброе старое время» отмечается: «„Натуральностью“ этой басни возмущался М. Т. Каченовский в своей рецензии на „Новые басни“ Крылова („Вестник Европы“ 1812, № 4, стр. 303–311)» (с. 732).

с Проптера³³ казался, / Но спичкой стал, когда от драмы *опростался*. / <...> / Тиран сей, пользуясь моим остолбенением, / Чтоб умертвить меня тетради толстой чтеньем, / В кафтану петлю мне свой перст загнул, как крюк, / И средства тем лишил избегнуть лютых мук» («От дяди стихотворца Рифмоскрыпа», 1787).³⁴

Пуантой эпиграммы Вяземского является скатологический троп «реинкарнации» знаковой литературной фигуры, восходящий к сатире Вольтера «Le pauvre diable»³⁵ и актуализованный, в частности, в произведениях наиболее близких Вяземскому по духу русских поэтов, причем в сходных контекстных условиях, ср.: «Нахальство, Аристарх, таланту не замена; / Я буду всё поэт, тебе наперекор! / А ты — останешься всё тот же крохобор, / Плюгавый выполозок из <гузна> Дефонтена» (И. И. Дмитриев «Ответ», 1806);³⁶ «Бессмертной рукой раздавленный зоил, / Позорного клейма ты вновь не заслужил, / Бесчестью твоему нужна ли перемена? / Наш Тацит на тебя захочет ли взглянуть? / Уймись — и прежним ты стихом доволен будь: / *Плюгавый выполозок из гузна Дефонтена*» (А. С. Пушкин «<На Каченовского>», 1818).³⁷

Менее очевидна и небесспорна каламбурная аттракция третьей строки эпиграммы (Белинский *сгоряча обжелся Полевым*) с общеславянским по происхождению выражением *белены обжелся*,³⁸ усиливаемая остроумной корреляцией с понятием *поле* как местом произрастания дикого ядовитого растения, название которого в свою очередь этимологически может восходить к греко-латинскому аналогу *hyoscyamus* «свиные бобы»,³⁹ что для читателей XIX века, знакомых с классическими языками, было не столь уж далеким от понимания...

3

В историко-литературном плане следует учесть, что переписка Вяземского с Гротом продолжалась почти 30 лет.⁴⁰ Заочное общение корреспондентов началось по инициативе младшего из них, чтобы сгладить неловкость от критических замечаний в адрес автора вышедшей монографии «Фон-Визин» (СПб., 1848), вызвавшей полемику в России (А. Д. Галахов, С. П. Шевырев, Я. К. Грот и др.), в частности по поводу оценки Вяземским *литературных авторитетов* XIX века.⁴¹ Своеобразным посредником между ними был П. А. Плетнев, о чем Грот говорит Вяземскому в первом письме: «Посылая к Петру Александровичу статью мою о Вашем „Фон-Визине“, я не смел просить его показать ее Вам. Но Вы не только прочли ее; Вы, по его желанию, указали в ней и некоторые промахи, которыми я непременно воспользуюсь

³³ «Известный аглинский купец своею чрезвычайною толщиною» (прим. Я. Б. Княжнина).

³⁴ Княжнин Я. Б. Избр. произведения / Вступ. статья, подг. текста и прим. Л. И. Кулаковой. Л., 1961. С. 666. Курсив наш. — Н. В., Д. Ж.

³⁵ *Vermisseau né du cu de Des Fontaines* (Ничтожный червь из зада Дефонтена, *фр.*). См.: *Voltaire. Le pauvre diable*. Paris, 1758. P. 10.

³⁶ Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подг. текста и прим. Г. П. Макогоненко. Л., 1967. С. 357, 461 (прим.). См. также: Велижев М. Б. И. И. Дмитриев и Вольтер. О механизмах формирования «двойной идентичности» литератора в начале XIX века // *Русская литература*. 2017. № 3. С. 170–183.

³⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 29, 525–528 (прим.).

³⁸ См.: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. *Русская фразеология: Историко-этимологический словарь*. М., 2005. С. 47.

³⁹ «...латинизированное греч. название растения *‘υοσκιάκος*, которое образовано от *hys* (*‘υς*, *суз* — свинья) и *kuamos* (*κύακος* — боб). Название дано Диоскоридом, т. к. было известно, что свиньи, поедавшие белену, заболевали» (Светличная Е. И., Толок И. А. *Этимологический словарь латинских ботанических названий лекарственных растений: Учеб. пособие*. Харьков, 2003. С. 127). См. также: *Латинско-русский лексикон* с полным объяснением всех свойств и значений каждого латинского слова и с показанием собственных имен, до древней географии и мифологии относящихся / Сост. И. Кронеберг: В 2 ч. М., 1834. Ч. 1. Стб. 838.

⁴⁰ См.: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1788. Письма Грота Якова Карловича Вяземскому Петру Андреевичу. С пометками П. А. Вяземского. 1 декабря 1848 — 3 ноября 1878 (39 п., 56 л.).

⁴¹ См.: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 318–319.

сколько могу. Примите, князь, мою искреннейшую признательность за внимание Ваше к моему труду».⁴²

В скором времени (предположительно на дружеской встрече по случаю женитьбы П. А. Плетнева) Вяземский и Грот были представлены друг другу. В связи с этим Грот обращался во втором письме к Вяземскому 22 февраля 1849 года, напоминая об услышанном из уст самого князя новом творческом замысле: «...одна из причин, останавливающих Вас приняться за биографию Карамзина, есть необходимость рассмотреть и исторический труд его», — побуждая корреспондента хотя бы написать «несколько отрывочных рассказов и мыслей об этом исполнении русского слова».⁴³

Следующее письмо Грота к Вяземскому датировано 2 марта 1861 года и вызвано юбилейными торжествами по случаю 50-летия литературной деятельности князя.⁴⁴ Дальнейшие эпистолярные контакты со стороны Грота инициировались исследовательским интересом академика к «Арзамасу» (1864), комментированием упоминаний малоизвестных лиц в готовящемся издании писем Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, известием о смерти П. А. Плетнева в Париже и его похоронах (1866), намерением опубликовать свидетельство поэта о смерти А. С. Пушкина: «...было ли где-нибудь напечатано Ваше письмо к Булгакову о последних днях Пушкина? У меня есть список с этого письма, и если оно напечатано не было, то не позволите ли Вы мне тиснуть его?» (1874).⁴⁵

Сохранились также некоторые ответные письма Вяземского с 1864 по 1877 год.⁴⁶ Часть из них (14 ноября 1869; 1874; 5/17 апреля, 18/30 мая, 4/16 июня 1877) была введена в научный оборот и прокомментирована сыном академика — К. Я. Гротом.⁴⁷ Последний так оценивал взаимный интерес корреспондентов: «Отец мой, высоко чтивший не только чудный поэтический дар кн. П. А., но и его просвещенный и тонкий литературный вкус, его глубокое чутье и такт, не говоря уже об остроумии и блеске в суждениях о старых и новых вопросах и событиях нашей литературной и научной деятельности, спешил всегда делиться с ним своими трудами и изысканиями, а он, с присущими ему пониманием и душевной отзывчивостью, платил Я. К. таким же искренним вниманием и сочувствием, в которых сказывались и глубокое его уважение к деятельности и личности покойного академика, и лестная оценка его ученых и литературных трудов».⁴⁸

В 1854 году, в самый разгар пропагандистской кампании в связи с Крымской войной, Я. К. Грот опубликовал в «Северной пчеле» статью «Россия и Англия», посвященную двум провидческим стихотворениям А. С. Хомякова («Остров» и «России», 1836/1844; 1839),⁴⁹ — что звучало в унисон анонимно напечатанным там же патристическим стихотворениям Вяземского, написанным, однако, в иной стилистике. Заканчивая статью, Грот писал о Хомякове: «К этим стихам прибавлять нечего: они так полно, так красноречиво выражают все, что теперь на душе каждого русского, особенно после той торжественной минуты, когда мы, в Высочайшем Манифесте от 11-го апреля, услышали с Престола многозначительные слова, столь глубоко отозвавшиеся во всех сердцах, которые бьются любовью к Монарху и к отечеству, слова, разоблачившие перед вселенной коварную политику наших западных врагов». Этот факт мог также психологически способствовать их духовному сближению.

⁴² РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1788. Л. 1.

⁴³ Там же. Л. 3–3 об.

⁴⁴ Там же. Л. 5.

⁴⁵ Там же. Л. 33 об. См. также: Из переписки Я. К. Грота с кн. П. А. Вяземским. С. 4–7.

⁴⁶ СФ АРАН. Ф. 137 (Я. К. Грот). Оп. 3. № 210 (69 л.). К сожалению, указанные материалы сейчас недоступны для исследователей в связи с переездом архива в другое здание. Часть писем Вяземского в 1874 году из Гомбурга к Гроту напечатал сын академика. См.: Из переписки Я. К. Грота с кн. П. А. Вяземским. С. 5–6, 10–12.

⁴⁷ К автобиографии кн. П. А. Вяземского; Из переписки Я. К. Грота с кн. П. А. Вяземским.

⁴⁸ Из переписки Я. К. Грота с кн. П. А. Вяземским. С. 1.

⁴⁹ Грот Я. Россия и Англия // Северная пчела. 1854. 20 апр. № 87. С. 575–576. См.: Хомяков А. С. Стихотворения и драмы / Вступ. статья, подг. текста и прим. Б. Ф. Егорова. Л., 1969. С. 106–107, 110–112, 556–558 (прим.). См. также: Науменко В. Г. Из неслучайных газетных опытов Я. К. Грота: «Россия и Англия. 1854» // Обсерватория культуры. 2013. № 3. С. 123–125.

Грот был в числе выступавших на юбилейном чествовании писателя 2 марта 1861 года, организованном Отделением русского языка и словесности Академии наук в Петербурге. В отчетном академическом издании сообщалось: «Собрание гостей, из которых многие, привлекаемые занимательностью приветствий и разговоров <...> уже давно сходились в небольшие кружки, незаметно из большой конференции-залы перешли в малую. <...> Здесь виновник праздника, теснее и еще дружелюбнее поминутно окружаемый расхаживавшими товарищами и друзьями, по-прежнему оставался предметом общего внимания и участия. Со всею искренностью каждому хотелось еще раз заявить ему свое уважение и выразить душевную мысль. *Яков Карлович Грот* в это время обратился к нему со следующей речью: <...>». ⁵⁰

Встречались они и позже, о чем вспоминал сам Вяземский (см. выше); да и Грот в письме к нему 22 февраля 1874 года напоминал: «...Карамзин только в 1816 г. ездил в Петербург, и Пушкин, будучи в Лицее, не мог прежде видеть его. Мне нужно в точности знать, кто тогда сопровождал историографа. Сколько мне помнится, я слышал от Вас, что это были: Вы, Вас. Пушкин и Жуковский». ⁵¹

Несомненно, что возраставший научный авторитет Грота и его внимание к литературной истории, особенно к Карамзину и Пушкину, вызывали симпатию у Вяземского и делали первого отчасти конфиденентом князя в оценках прошлой и текущей словесности. Этим можно обосновать посылаемые Вяземским время от времени Гроту стихи, не рассчитанные на публичность. В письме к нему от 2 (14) апреля 1874 года из Гомбурга Вяземский благодарил корреспондента за информацию о выходе сборника «Складчина», где были помещены, в том числе, его стихотворения и «Отметки при чтении похвального слова Екатерине II, написанного Карамзиным» вместе с доброжелательным отзывом Грота о творчестве Вяземского и, не исключено, издательским гонораром: «Любезным письмом Вашим Вы к празднику поднесли мне такое милое красное яичко, что *вкушая* его, кажется, и сам краснел и от удовольствия и скромности. Если и стереть с него несколько лишних красок, которые Вы, в добрый час, придали ему вообще по хорошему и благоволятельному расположению Вашему и в особенности по благорасположению ко мне, то и тогда будет с меня довольно для насыщения авторского честолюбия моего. Во всяком случае много дорожу Вашим судом и отзывом. Стало быть на старости моей я не совсем ударил лицом в грязь и не постыдил памяти моих усопших учителей, образцов, товарищей. Верю Вам, хотя повторяю, с некоторым вычетом. Не перевожу на старые ассигнации то, что Вы щедро пожаловали мне серебром и золотом. Вы и сами несколько принадлежите старому курсу. И после Плетнева и Тютчева, не говоря уж о прежде почивших и всюду православных, Вы один остаетесь, хотя и гораздо младшим, но все же сверстником моим по школе и по преданиям. Других ныне судей не признаю и ни в грош не ставлю суда и приговоров их». ⁵² В том же году Грот, сообщая С. И. Пономареву о выходе «Складчины», писал: «Но перл этого сборника — целый ряд стихотворений князя Вяземского, блещущих красотою поэзии, силою оригинальной мысли и легкостью стиха. По поводу их я возобновил с ним переписку. Кстати, составленный Вами список всех стихотворений его передан был мне им самим перед отъездом его за границу». ⁵³

В последние годы жизни Вяземский явно воспринимал Грота как одного из своих литературных душеприказчиков (наряду с Н. П. Барсуковым и С. Д. Шереметевым); так, 4 (16) июня 1877 года он писал ему: «Охотно и с большим удовольствием предоставляю в распоряжение Ваше присланные Вам стихи мои». ⁵⁴

⁵⁰ Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя Петра Андреевича Вяземского. СПб., 1861. С. 45–49. См. также: Князь П. А. Вяземский. I. Речь на юбилее князя Вяземского // Грот Я. К. Труды: В 5 т. СПб., 1901. Т. 3. Очерки из истории русской литературы. С. 320–322.

⁵¹ Из переписки Я. К. Грота с кн. П. А. Вяземским. С. 4.

⁵² Там же. С. 10–11.

⁵³ Там же. С. 14.

⁵⁴ К автобиографии кн. П. А. Вяземского. С. 34.

4

В архиве самого Вяземского сохранился еще один раздраженный отклик на журнальный процесс второй половины XIX века, в частности на статьи того же А. С. Суворина:

ЗАМЕТКИ

I

За пошлость их грешно журналам нам пенять.
Их пошлость есть расчет, плод мудрости житейской:
Лакейской публике и должно угождать
Литературою лакейской.

II

Напрасно силится прослыть он *незнакомцем*:
Знакомой школы он так и глядит питомцем.
Речь грубо-пошлая и площадная брань,
Под фирмой грамоты безграмотность приличий —
Всё это плевелы литературной дичи,
Журнальных омутов вся эта вонь и дрянь,
Они до тошноты, до скорби, до истомы
Давно знакомы нам и чересчур знакомы.⁵⁵

К этому времени относится набросок статьи Вяземского о русской критике,⁵⁶ лишь частично опубликованный в виде заметки «По поводу статьи о Полевом и Белинском» (1868),⁵⁷ где содержится реплика в связи со статьей, помещенной в газете «Русский», в которой печатался сам поэт.⁵⁸ В оставшейся в архивном виде собственноручной приписке Вяземского к рукописи этой заметки есть, например, такие важные для понимания данной темы суждения: «Лично не знал я Белинского и мало читывал его. Но я знал Полевого. Это почти одно и то же, один содержится в другом. Как в Полевом был уже Белинский, так в Белинском был еще Полевой»; «Полевой и Белинский, как французские эмигранты, ничему не научились, но, по несчастью, и не забыли ничего из того, что схватили урывками, тревожно кидаясь на книги, которые они не вполне уразумели и не до конца дочитали».⁵⁹

Примечательно, что на полях одной из книг 12-томного собрания «Сочинений» Белинского (М., 1859–1862) Вяземский записал: «Полевой роди Белинского, Белинский роди легион».⁶⁰

Возможный шифровальный ключ к эпиграммам Вяземского на Суворина или же их отголоски выявляются в недатированном письме поэта к Гроту в 1874 году — как имплицитная сословно-эстетическая реакция на демократическое происхождение Полевого, Белинского и Суворина: «Письма моего к Булгакову не помню, и было ли оно напечатано — не знаю. Спросите Барсукова, а если успеете, Бартенева. Во всяком случае, если Вам угодно, печатайте его. В статье Анненкова⁶¹ есть неверности и много провинциального, как у многих из наших литературо-публицистов (курсив наш. —

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 889. Л. 37 об. (список рукой неизвестного лица).

⁵⁶ См.: Там же. Ед. хр. 963. Л. 3–4 (О Полевом и Белинском). 1860–1870-е годы. Автограф.

⁵⁷ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 181–182.

⁵⁸ Кулжинский И. В. Полевой и Белинский (из рукописи литературных воспоминаний) // Русский. 1868. № 114–116. С. 87–95.

⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 3 об. — 4 об. Подразумевается популярное высказывание французского адмирала де Пана (de Panat) из его письма к журналисту Малле дю Пану (1896) о роялистах, ставшее вновь популярным в 1851 году — после публикации переписки последнего.

⁶⁰ См. об этом: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. С. 291.

⁶¹ См.: Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху // Вестник Европы. 1873. № 11–12; 1874. № 1–2 (отд. изд.: СПб., 1874).

Н. В., Д. Ж.). Видно, когда говорят они о так называемом высшем обществе — впрочем и в самом деле *высшем*, — что говорят они по слухам, и что это общество для них *terra incognita*». ⁶²

В непечатавшихся набросках о литературном процессе 1840-х годов Вяземский, однако, осторожно заметил: «Впрочем, надобно признаться: критика никогда не была у нас в цветущем положении. Одно преимущество прежнего времени перед нашим то, что ею мало занимались. В старое время творили, а не разбирали; можно сказать решительно — за исключением книги Шевырева о древней словесности⁶³ — что у нас не только ни одна литературная эпоха критически не разобрана как следует, но не оценены окончательно ни один писатель, ни одно творение. Были редкие попытки, но полного труда по этой части нет. На единого Карамзина Жуковский как журналист написал несколько критических статей, но, так сказать, мимоходом. Был в начале нынешнего столетия издатель журнала „Московский Меркурий“ Макаров, который выказал способность хорошего критика. Но он умер так рано, что поданные им надежды не успели созреть. Один Мерзляков был у нас сильным критиком в строгом значении этого слова. Жаль, что он не был предан своему призванию, и жаль, что критические труды его не собраны. Он разобрал некоторые из важнейших творений наших старых писателей, и разборы его могли бы обратить на себя внимание читателей». ⁶⁴ Отсюда тоже видны литературные приоритеты поэта, выдающие некоторую сословно-корпоративную детерминированность.

О симпатиях Суворина к *демократизму* в лице Н. Г. Чернышевского и Н. А. Некрасова Вяземский мог узнать и от своего зятя — министра внутренних дел Российской империи П. А. Валуева. ⁶⁵

5

Что же конкретно спровоцировало Вяземского в 1872 году на резкий выпад против Суворина? Можно предположить, что одним из психологических триггеров этого шага были безапелляционные суждения критика в одной из статей о дорогих поэту именах, где вскользь, в бестактном тоне, упоминалось и о самом князе и, наоборот, с большим уважением на трех страницах — о Белинском: «О Пушкине у нас в последнее время стали появляться мнения, сияющие повалить его окончательно не только как человека, но и как писателя. Нам кажется, что следовало бы принимать больше к сведению обстоятельства, в которые он был поставлен <...> Между тем, если б захотел он, то выход из такого положения не представил бы для него значительных препятствий и он так же спокойно мог бы петь, как пел Жуковский, этот счастливейший из всех русских поэтов, на жизненном небе которого не прошло ни единого мрачного облачка, если не считать за таковое насмешку над ним князя Шаховского, представившего его в комедии своей „Урок кокеткам, или Липецкие воды“ в лице поэта Фиалкина; но и тут, как говорит сам Жуковский: „Друзья за меня заступились.“⁶⁶ Дашков написал жестокое письмо к новому Аристофану; Блудов написал презабавную сатиру, а Вяземскому сделался понос⁶⁷ эпиграммами...“⁶⁸. <...> Жуковский был ярким представителем искусства для искусства <...> Гармонию стиха и поэтические образы Жу-

⁶² Из переписки Я. К. Грота с кн. П. А. Вяземским. С. 7.

⁶³ Вероятно, имеется в виду книга «Обозрение русской словесности в XIII веке» (СПб., 1854).

⁶⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1082 (О современном состоянии литературы и критики). Статьи. Отрывки. (1840-е гг.). Автограф. 10 л.

⁶⁵ См. также: Динерштейн Е. Публицист «крайних убеждений»: Путь А. С. Суворина к «Новому времени» // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 6. С. 238–274.

⁶⁶ В оригинале: *вступились*.

⁶⁷ В оригинале: *п*.

⁶⁸ Из письма Жуковского к А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг) от 10–13 ноября 1815 года, см.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2019. Т. 15. Письма 1795–1817-х годов. С. 414.

ковский ставил выше всего <...> Таковы факты из истории русской литературы, которые мелькают пред глазами при перелистывании второго тома „Галлерей“. Этот том можно принять за „Ад“ Данте: на каждом шагу встречаются души, изнывающие в муках <...> в истории русской литературы во всяком случае имя Белинского займет одно из первых мест, наряду с именами Пушкина, Гоголя и Лермонтова».⁶⁹

Между тем в сочинениях Суворина можно найти парадоксальные упоминания имен Вяземского и Белинского в одном контексте, как единомышленников, комплиментарные суждения о Вяземском и весьма сдержанные оценки Белинского, например в статье „Горе от ума“ и его истолкователи» (1886): «Таковыми придирками и таким „лезгинским“ остроумием занимался <М.> Дмитриев, и они, разумеется, находили себе сочувствие не только в староверах, кружок которых редел и редел, но и среди многих либералов: последним не нравились в комедии некоторые места и намеки, которые они могли принять на свой счет, и это недовольство либералов длится до сих пор, благодаря в значительной степени тому, что оно нашло себе таких сильных выразителей, как Белинский и князь Вяземский <...> У нас многие верят, что до Белинского едва ли кто произнес о литературе правдивое слово, что он первый все определил, разместил и увековечил. История русской литературы так мало у нас разработана, что подобные мнения принимаются у нас на веру, без всякой проверки, и Белинский царит, хотя пора бы анализировать этого критика и указать на те промахи и даже нелепости, которых достаточно в 12 томах его произведений <...> Князь Вяземский отличался большим критическим тактом и в своем кругу играл роль авторитета настолько значительную, что даже Пушкин ему несколько подчинялся. Мнение князя Вяземского цитирует Галахов в своей „Ист. р. слов.“, и потому на них мы остановимся еще далее; теперь же ограничимся тем, что он говорит о Чацком. В своей книге о Фонвизине он хвалит „благородство правил“ Чацкого, но „способность проповедовать“ его „утомительна“. „Ум, каков Чацкого, не есть завидный, ни для себя, ни для других. В этом главный порок автора, что посреди глупцов разного свойства вывел он одного умного человека, да и то бешеного и скучного (?). Мольеров Альцест (в «Мизантропе»), в сравнении с Чацким, настоящий Филинт, образец терпимости. Пушкин прекрасно характеризовал сие творение, сказав: *Чацкий совсем не умный человек, но Грибоедов очень умен*“...».⁷⁰

Однако по мере обретения печатного авторитета и уже после смерти князя Суворин отзывался о Вяземском менее почтительно, например: «Князь Вяземский посвятил комедии Грибоедова три странички в своем „Фонвизине“, вышедшем в 1848 г. (5 том «Полного собрания сочин. кн. Вяземского»⁷¹). <...> Уж это предисловие ничего не обещает хорошего, ибо от него веет фальшью. Кто беспристрастен, тот не предвзывает о своем беспристрастии, как о некоторой милости или снисходительности, да еще к такому гениальному писателю, как Грибоедов; наконец, можно быть беспристрастным и выражать ложные мнения; он „глубже и сильнее многих был поражен“ смертью Грибоедова, но если это так, почему же он не оставил какого-то следа этого своего чувства ни в журналистике, в которой принимал участие в момент смерти Грибоедова, ни в своих стихотворениях, из которых столь многие обязаны разным „случаям“, „на смерть“ и т. п., ни в своей „Записной книжке“, куда вносилось так много всяких мелочей, слухов, впечатлений? Почему это так случилось? Грибоедов мог заключить, по мнению самого же князя Вяземского, что „умеренность“ последнего „сбивалась на недоброжелательство“, что были „сплетни“, разводившие их. Не играло ли роль в этом молчании князя о Грибоедове именно это „недоброжелательство“? Не сказалось ли оно и в его критике 1848 года,⁷² почти двадцать лет после смерти Грибоедова? Во всяком случае, князь Вяземский повторил в своей критике *отчасти Белинского* (курсив

⁶⁹ С.-н. А. [Суворин А.]. Судьбы русских литераторов. [Рец. на кн.:] *Портретная галлерея русских деятелей*. Издание А. Мюнстера. Том второй. Сто биографий. СПб., 1869 // Вестник Европы. 1870. Кн. 1. С. 491, 493, 495.

⁷⁰ Новое время. 1886. 3, 15, 22 янв. Цит. по: Суворин А. Россия превыше всего / Сост., предисловие и комм. Ю. В. Климакова; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2012. С. 429, 433.

⁷¹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 5.

⁷² Время выхода книги Вяземского о Д. И. Фонвизине.

наш. — Н. В., Д. Ж.), отчасти М. Дмитриева, этого родоначальника всех нелепостей о нашей превосходной комедии <...> Мы говорили уже о ложной характеристике Чацкого, сделанной князем Вяземским, и не возвращаемся к ней более <...> О „небрежности стихов, доведенной до непростительного своеволия“, мог говорить только человек, придающий значение какой-то „правильности“, не страшившийся, очевидно, ни от условных общепринятых форм и лиц французской комедии, ни от условного языка ее. Доказательство этого мы найдем в самых сочинениях князя Вяземского, который постоянно охраняет немножко староватый слог и староватые литературные приемы и, очевидно, щеголял этим архаизмом, как щеголяют некоторые баре старым покроем платья. Впрочем, мнения князя Вяземского так спутаны и так противоречивы, что можно только удивляться тому, что, напр<имер>, г. Галахов принимает некоторые из них за нечто неоспоримое». ⁷³ Как видим, Суворин — случайно или нет? — припомнил Вяземскому эпиграмматические выпады, вероятно ставшие ему известными.

6

Очень соблазнительно было бы, как в прежние времена, вспомнить об отрицательном отношении к публицистике Суворина со стороны В. И. Ленина, ⁷⁴ что отразилось, в частности, в ленинской «Искре»: «...изыскать средство проучить беззастенчивого публициста, да так проучить, чтобы впредь не повадно было этой правительственной рептилии». ⁷⁵ Однако князь Вяземский вряд ли бы, объективно говоря, стал союзником социал-демократов. Его эпigramмы на Суворина парадоксально выделяют младшего современника среди других мыслителей второй половины XIX века, делая ему честь не только весьма избирательным вниманием, но и лестным сравнением с двумя яркими литературными фигурами предшественников.

⁷³ Суворин А. Россия превыше всего. С. 464–467.

⁷⁴ См. его статью «Карьера» (1912). См., например: В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1969. С. 258–259.

⁷⁵ Цит. по: Искра. № 1–52. Декабрь 1900 — ноябрь 1903: [В 7 вып.] / Полный текст под ред. и с предисловием П. Лепешинского. Л., 1925. Вып. 1. № 1–7. С. 44.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-104-133

© К. А. Кумпан

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ — УЧЕНИК ТРЕТЬЕЙ ГИМНАЗИИ (ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА) ЧАСТЬ 2*

Учителя

В плане второй песни поэмы «Старинные октавы» имеется пункт: «Учителя. Лимониус. Кесслер. Бюрик. Семенников». ¹ Трем первым преподавателям («классикам») в поэме посвящены специальные строфы, а последний педагог в поэме не упомянут, и, по всей видимости, не случайно.

* Первую часть статьи см.: Русская литература. 2021. № 1. С. 124–144. Выражаю искреннюю благодарность Е. Л. Ермолаевой за ряд ценных указаний.

¹ ИРЛИ. № 24270. Л. 61. Оpubл. в прим. к поэме, см.: Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., прим. и подг. текста К. А. Кумпан. СПб., 2000. С. 876. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы.

Петр Петрович Семенников (1838–1900) начал преподавать в третьей гимназии с лета 1872 года. Судя по его личному делу, у него не сложились отношения с директором Лемониусом, и под предлогом «нервного недомогания» он в 1881 году вынужден был уволиться.²

Мережковскому Семенников преподавал математику с 1 по 6 класс включительно. Петр Петрович был общим любимцем гимназистов. Кроме того, что он прекрасно и очень внятно излагал свой предмет, он еще был просветителем, инициатором частного библиотечного дела в Петербурге, основателем нескольких городских библиотек для чтения (очень хорошо подобранных, созданных, чтобы облегчить людям «нахождение необходимых им пособий»),³ учредителем библиографического общества и автором библиографических и историко-литературных работ. Известно доверительное и благодарственное письмо к нему И. Ф. Анненского.⁴

«Мы уважали его, как чрезвычайно добросовестного преподавателя. Но особенно любили и ценили его за воспитательные беседы, которые он от времени до времени вел с воспитанниками старших классов в часы уроков, если то позволяло своевременное прохождение курса. Беседы велись на нравственные и житейские темы и заставляли юношей задумываться над многими житейскими вопросами», — вспоминает В. Г. Дружинин.⁵

Однако в окончательном тексте поэмы П. П. Семенникову не нашлось места. В созданный поэтом образ гимназии как бездушной казенной темницы он не вписывался.

Лемониус

Первым из учителей и в плане, и в тексте поэмы воссоздан образ директора и «грециста»:

XLVI

Лимониус, директор, глух и стар,
Софокла нам читал и Одиссею,
Нас усыплять имея редкий дар;
Но до сих пор пред ним благоговей,
Лишь вспомню, с крепким запахом сигар,
Я вицмундир перед скамьей моею
И тонкий пух седых его волос,
И в голубых очках багровый нос.

XLVII

Урок по спрятанной в рукав бумажке,
Бывало, всякий бойко отвечал.

² В «Прошении об увольнении» П. П. Семенников писал: «...те мои качества, которые, по моему убеждению, составляют главное и, может быть, единственное мое достоинство, являются в глазах Вашего Превосходительства существенными недостатками» (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 334. Л. 46). После увольнения из третьей гимназии Семенников преподавал в гимназии и реальном училище Я. Г. Гуревича (1887–1895); его сын, Владимир Петрович Семенников (1885–1936), был известным специалистом по русской литературе и книжному делу XVIII века. Архив отца и сына см.: ИРЛИ. Ф. 275.

³ Дружинин В. Г. Гимназические годы И. А. Шляпкина // За сто лет (Петербургская б. третья гимназия): Воспоминания, статьи и материалы / Сост. Н. А. Соколов. Пг., 1923. С. 104.

⁴ Анненский И. Ф. Письма: В 2 т. / Сост. и комм. А. И. Червякова. СПб., 2007. Т. 1. 1869–1905. С. 125–136. Семенников снабжал Анненского нужными ему книгами, а поэт и специалист по античной литературе посылал ему библиографические справки по публикациям новых работ «классиков».

⁵ Дружинин В. Г. Гимназические годы И. А. Шляпкина. С. 104. См. здесь же рассказ о том, как его выпуск (1879 год) по окончании учебы устроил неофициальное и трогательное чествование Семенникова как любимого преподавателя и лучший ученик произнес речь, а класс «поднес ему на память серебряный подстаканник на блюде, на котором были выгравированы фамилии всего выпуска».

При нем играли в карты мы и в шашки:
 Нам добродушный немец все прощал;
 Но вдруг за белый воротник рубашки
 Неформенной, за галстук он кричал
 С нежданным пылом ярости безмерной
 И тем внушал нам трепет суеверный.

(с. 565–566)

Настоящая фамилия директора была Лемониус. Лимониусом прозвали его гимназисты, которые почти всем учителям и воспитателям давали клички, а директора еще «изображали графически <...>: рисовался лимон, рядом с рисунком с правой стороны ставилась буква „и“ и затем изображался ус».⁶ В годы обучения Мережковского Лемониус имел небольшую педагогическую нагрузку: преподавал греческий язык только в старших классах.

Вильгельм (Василий) Христианович Лемониус (1817–1903) происходил из петербургских немцев. Судя по формулярному списку отца, хранящемуся в личном деле директора,⁷ Христиан Лемониус был в какой-то мере коллегой отца Мережковского, служа в той же Придворной Его Величества конторе, но только значительно раньше и рангом ниже: в 1830-е годы он исполнял должность бухгалтера и казначея конторы и, в отличие от Сергея Ивановича (тайного советника), дослужился только до надворного.

В. Х. Лемониус в 1837 году золотым медалистом закончил третью гимназию, потом историко-филологический факультет Петербургского университета со степенью кандидата (1841) и как лучший студент был отправлен для продолжения классического образования в Берлинский университет. В возрасте 26 лет (в начале 1844 года) был определен старшим учителем латинского языка в свою родную третью гимназию, а затем в ней же получил должность старшего учителя греческого (с 1850 года). Одновременно он занимал еще несколько должностей: как латинист и заместитель директора в училище при лютеранской церкви Святой Анны с 1845 года,⁸ а также получил вакансию лектора латинского языка в Императорской медико-хирургической академии,⁹ сдав экзамен на магистра греческой и римской словесности при Петербургском университете¹⁰ (1850). Тройная педагогическая нагрузка, видимо, объяснялась особым рвением Лемониуса о классическом образовании,¹¹ поскольку учителей древних языков в России тогда не хватало. И только заняв пост директора (29 января 1859 года), он отказался от многолетней преподавательской практики в трех учебных заведениях одновременно. Лемониус заслуженно пользовался непререкаемым научным и педагогическим авторитетом среди коллег и чиновников Министерства просвещения. О том, что он смолоду не щадил себя, свидетельствует тот факт, что уже в 1845 году Лемониус начал страдать «геморроидальным заболеванием»¹² и «по Высочайшей воле» был отправлен на Карлсбадские минеральные воды на излечение. В 1866 году ему было «Высочайше поручено» провести проверку образования в женских гимназиях императрицы Марии,¹³ а в 1870–1871 годах он был привлечен к разработке нового устава классиче-

⁶ Опфель В. А. Классическое образование и 3-я С.-Петербургская классическая гимназия // За сто лет. С. 137.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 216. Л. 8–20. О Лемониусе также см.: Смышляева В. П. Российские филологи-классики XIX века. «Германовское» направление: материалы для биографического словаря. СПб., 2015. С. 261–262.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 216. Л. 43–45, 62–65.

⁹ Там же. Л. 67–70, 73.

¹⁰ Там же. Л. 71–72.

¹¹ В отличие от многих учителей, которым приходилось нести большую педагогическую нагрузку ради куска хлеба, Лемониус до назначения его директором имел на руках только одного сына, остальные шестеро детей: четыре дочери и два сына — родились уже после того, как он занял пост директора гимназии (Там же. Л. 220), т. е. прекратил преподавать по совместительству.

¹² См. медицинскую справку: Там же. Л. 30.

¹³ Там же. Л. 125.

ских гимназий¹⁴ в Комиссию по реформе средней школы под эгидой гр. С. Г. Строганова, предпринятой гр. Д. А. Толстым. В начале 1871 года Лемониус был откомандирован в Берлин для знакомства с высшим женским образованием в Германии;¹⁵ с этого же года состоял членом Ученого комитета Министерства народного просвещения, принимая участие во многих педагогических начинаниях: в разработке программ, в составлении новых учебников по латинскому и греческому языкам, в реформе женского среднего и высшего образования (деятельно работал в Комиссии по вопросу об учреждении в России высших женских курсов), а также в организации реальных училищ, училищ для обучения слепых детей и т. д.¹⁶ С 30 ноября 1896 года Именным высочайшим указом Лемониус был назначен членом Совета министров народного просвещения с чином тайного советника.¹⁷

Портрет директора нарисован в поэме хоть и несколько шаржировано, но точно. Таким запомнился он и выпускникам гимназии: «В мое время это был уже глубокий старик. Довольно высокого роста, прямой, как палка, с совершенно белыми, длиноватыми волосами, окаймляющими изрядную лысину, с гладко выбритым подбородком и усами, с белоснежными баками, с синева-красным большим носом, при очках, весь пропахнувший сигарным дымом, с пожелтевшими от курения сигар пальцами...» — вспоминал директор В. А. Оппель, закончивший третью гимназию на восемь лет позже Мережковского.¹⁸

И почти таким же предстает Лемониус в мемуарах учившегося на год позже Мережковского Б. К. Ордина: «Главным лицом в древнем мире 3-й гимназии был ее директор Вильгельм Христианович Лемониус, — личность, несомненно, вполне историческая, но вместе с тем как бы мифическая и легендарная. Несмотря на темно-синие очки, темно-синий вицмундир и табачный дух, исходивший от его платья и от большого клетчатого носового платка (он был одним из последних могокан, нюхавших еще табак), для многих гимназистов моего времени в нем сочетались черты если не древнего героя, то чего-то сказочного. Для многих он обладал божественными, по Гомеру, чертами: он был как будто <...> „вечно несокрушимый“, и он, казалось, обладал некоторыми свойствами вечности:¹⁹ я и мои сверстники знали и слышали от старших, от наших дядей и отцов, что не было времени, когда бы в 3-й гимназии не было Лемониуса <...>. Лемониус, казалось, как какой-то библейский Мельхиседек, пребывал вовеки». ²⁰

Итак, когда Мережковский поступил в третью гимназию, Лемониус уже 16 лет директорствовал и более 30 лет вел древние языки. В начале своей педагогической деятельности он, судя по мемуарам выпускника гимназии К. К. Сент-Илера, учившегося на 30 лет раньше Мережковского, был «превосходным преподавателем». Ученик с благодарностью вспоминает, что под руководством Лемониуса его третий класс «сильно продвинулся» в греческом: был пройден «весь элементарный курс грамматики», а кроме того, ученики «довольно много переводили из Корнелия Непота. Нас научили готовиться к переводам, отыскивать слова в лексиконе, разбирать латинский текст по частям предложения, отыскивать главные и придаточные предложения и т. д.». ²¹

Однако во времена Мережковского Лемониус являл собой тип «человека в футляре» и, как вспоминал Н. Я. Чистович, будучи «классически образованным», едва ли понимал и интересовался «чем-нибудь вне своего классически монотонного

¹⁴ Там же. Л. 143–144.

¹⁵ Там же. Л. 147–149.

¹⁶ Там же. Л. 153, 155 и др.

¹⁷ Там же. Л. 326.

¹⁸ Оппель В. А. Классическое образование и 3-я С.-Петербургская классическая гимназия. С. 138.

¹⁹ Эта характеристика корреспондирует с процитированным стихом поэмы: «Но до сих пор пред ним благоговею».

²⁰ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии // За сто лет. С. 115.

²¹ Из воспоминаний К. К. Сент-Илера // Там же. С. 40.

существования».²² «Немало потрудившийся на своем веку В. Х. Лемониус бесспорно долгие годы был как бы знаменем классицизма. Но в годы прохождения мною <...> курса гимназии он уже ничего нового в преподавание не вносил», — вспоминал Б. К. Ордин.²³

Говоря об авторах, которых Лемониус разбирал на уроках греческого языка («Софокла нам читал и Одиссею»), Мережковский допускает неточность. Действительно, на уроках греческого у Лемониуса читали Софокла и Гомера, но не «Одиссею», а «Илиаду». Пользуясь рукописной программой по греческому и экзаменационными листами, можно уточнить эти курсы. В седьмом классе Мережковский проходил под руководством Лемониуса «Илиаду» (начиная с первой песни), а в восьмом трагедию Софокла «Филоктет».²⁴ Об этом свидетельствуют и вопросы по греческому языку на выпускном экзамене — у Мережковского в экзаменационном листе в качестве первого вопроса записано: «П. VII 91–120».²⁵

Обстановка на уроках и манера преподавания Лемониуса передана Мережковским точно. Она запечатлена и в мемуарах воспитанников, обучавшихся с ним по одной программе: «В VII классе, т. е. предпоследнем, он читал с нами „Илиаду“ Гомера, а в VIII классе „Филоктета“ Софокла. Чтение состояло в том, что вызывавшиеся по алфавиту воспитанники читали последовательно по десятку стихов и переводили. Любители, к числу которых принадлежал я, обыкновенно выручали товарищей, отрицательно относившихся к классикам. Это делалось тем проще, что Лемониус <...> никак не мог выучиться разбирать нас, и потому бывали и нередко случаи, что я, например, переводил Гомера за хронически игнорировавшего его моего товарища, Сергея Рябинкина».²⁶

Методу занятий у Лемониуса вспоминали еще несколько учеников. Так, например, предстает она в воспоминаниях Н. Я. Чистовича: «Он читал нам исключительно Гомера. Уроки заключались в том, что мы ему переводили отрывок из Одиссеи или Илиады, а он нам объяснял особенности ионического диалекта, на котором написаны эти произведения, и объяснял значение прочитанного по примечаниям к читаемому тексту. А так как у некоторых из нас было то же самое издание, то мы отлично видели, что все свои сообщаемые знания он почерпал из этих примечаний. Человек он был добрый, никому зла не делал, но и пользы мы от него не чувствовали».²⁷

И через девять лет, как явствует из воспоминаний В. А. Оппеля, Лемониус оставался столь же добродушно-нетребовательным на уроках: «Давая уроки, он никогда не пользовался кафедрой. Он садился на стул перед средней из переднего ряда парт, раскладывал большое издание Гомера с примечаниями и таким образом проводил свой час, спрашивая заданное. Гимназисты отлично учитывали его мирное настроение: процветали подстрочники, уроки готовились, следовательно, самым примитивным образом. Был удовлетворен Лемониус, были удовлетворены гимназисты. Уроки шли мирно и безмятежно».²⁸

В связи с разбором Лемониусом трагедии «Филоктет» Б. К. Ордину запомнились некоторые комические моменты: «В VIII классе „Филоктет“ Софокла дал нам, рядом с тем возвышенным интересом, который представляет собою знакомство с высокими греческими трагиками, ряд веселых настроений и эпизодов. Прежде всего, Лемо-

²² Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича // Там же. С. 96.

²³ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 116.

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 23.

²⁵ Там же. № 2306. Л. 25. На экзаменах по латыни и греческому требовалось читать à livre ouvert фрагменты из изучаемого в гимназии произведения, но не те, что разбирались на уроках.

²⁶ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 116. Рябинкин Сергей Николаевич (1867–1901) — в будущем юрист и чиновник Министерства путей сообщения (см.: Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники. 1823–1918 гг.: Историко-биографический справочник / Сост. Б. В. Федоров. СПб., 2011. С. 378).

²⁷ Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича. С. 96.

²⁸ Оппель В. А. Классическое образование и 3-я С.-Петербургская классическая гимназия. С. 138.

ниус, в 1850 году написавший на латинском языке диссертацию: „De parasceniis. Dissertatio philologica et archaeologica“,²⁹ считал себя знатоком греческой сцены и читал нам вступительную лекцию об устройстве древнегреческого театра. Не обладая умением хорошо чертить, он на классной доске мелом довольно плачевно изображал план театра, причем гимназисты забавлялись как неудачно проводимыми им линиями, так и несоответственными названиями, которые он давал чертимому. Так он вписывал в круг (напоминавший неудачный блин) „куб“ (вместо квадрата), проводил „касающую“ вместо „касательной“ и т. п. Бурное сочувствие страдальческим воплям Филоктета вызывали смачно читавшиеся Лемониусом восклицания: „παππαπαπα“ (ст. 754³⁰), „παπαῖ, φεῦ“³¹, „ἀττάται“ (ст. 785–790),³² и радостно улыбались лица, когда Филоктет в последних стихах (1454) упоминает: „Νύμφαι ἐνυδροὶ Λεϊμωνιάδες“ („Нимфы, живущие в воде, луговые« «Леймониады»),³³ в которых приветствовали родственниц Лемониуса.³⁴

В качестве постскриптума следует отметить, что эмоциональное чтение Лемониусом трагедии Софокла, как и его лекции о древнегреческом театре, которые, наверняка, слушал в подобном исполнении в последнем классе гимназии и Мережковский (учившийся на год раньше мемуариста), вряд ли можно характеризовать стихом «Нас усыплять имея редкий дар». И лекции, и разбор трагедии могли заразить поэта «возвышенным интересом, который представляет собою знакомство с высокими греческими трагиками» (по словам того же мемуариста): напомним, что в университете Мережковский записался на курс по Софоклу к крупнейшему грецисту, в частности специалисту по древнегреческому театру П. В. Никитину,³⁵ а через несколько лет стал известен именно как вдохновенный переводчик трех трагедий Софокла («Эдип-царь», «Антигона» и «Эдип в Колоне»). Впрочем, в какой мере этому способствовал курс Лемониуса, сказать трудно.

И наконец, некоторых коррективов требует фраза «С нежданным пылом ярости безмерной...» и т. д. Эти стихи о «разносах», которые директор устраивал ученикам «за белый воротник рубашки неформенной» или «за галстук», плохо согласуются с образом благодушного Лемониуса.

Ученики в своих воспоминаниях подчеркивали, что Лемониус «был человек чрезвычайной доброты; он прекрасно относился к воспитанникам. Его за это ценили гимназисты, что бывает редко; обыкновенно оценка педагогов производится гораздо позднее, в зрелом возрасте. Но к Лемониусу <...> все относились с почтением. Впоследствии мы узнали, что он пользовался большим уважением педагогов за то, что, не щадя себя, при всяких нападениях на них со стороны Округа и даже Министерства, всячески их защищал и отстаивал <...>. Был даже случай, когда он подал в отставку, заступаясь за педагога своей гимназии, и таким способом спас его. Надо заметить, что почитали его и пансионеры, которые, как живущие в гимназии, всегда строже судили свое начальство. Кроме пребывания в гимназии во время занятий и уроков в старших классах, Лемониус посещал часто вечерние занятия пансионеров, причем одет был уже не в вицмундире, а в простой домашней куртке. Он обходил столы, за которыми занимались

²⁹ «О параскениях: Диссертация филологическая и археологическая» (лат.). Параскений в античном театре — строение, которое примыкало к сцене (постройке для переодевания актеров) справа и слева; использовалось для хранения театрального реквизита.

³⁰ См. ст. 745: «ἀπαπαπαπαῖ, παπαπαπαπαπαπαῖ» и ст. 754: «παπαπαπαπαῖ» (παπαῖ — ах! увы!).

³¹ См. ст. 792: «Φεῦ, παπαῖ».

³² См. ст. 790: «Ἐχέτε τὸ πρᾶγμα μὴ φύγετε μηδαιῖ / Ἀττάται» (ἀττάται — ах! ох! (восклицание, выражающее боль)). Имеются в виду стихи из «Эписодия второго» с жалобами Филоктета на боль в ужаленной змеей ноге.

³³ Точнее: «Νύμφαι τ' ἐνυδροὶ λεϊμωνιάδες». Стихи в финале трагедии, в которых Филоктет, покидающий остров Лемнос, произносит молитву земле и местным богам острова, в том числе и луговым нимфам.

³⁴ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 116–117.

³⁵ См. квитанции с записями на эти лекции в студенческом деле Д. С. Мережковского (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. № 23357. Л. 76).

воспитанники, присматривался к работам их, вступал с ними в беседы, был всегда ласков».³⁶ Это же отмечал и другой мемуарист: «В общем В. Х. Лемониус был очень благодушен и <...> почти никогда не пушил нас и хронически повторял прилежно учившимся воспитанникам, отвечавшим ему и за себя, и за плохих: „Очень хорошо!“».³⁷

Таким образом, Лемониуса не боялись, он не унижал учеников, хотя, действительно, будучи человеком формации «шестидесятников», недолюбливал франтов, и тот же Ордин вспоминал: «Директор Лемониус как-то при мне за элегантную куртку с металлическими пуговицами сделал замечание благообразному Баумгарту,³⁸ назвав его „Какой-то Адонис!“».³⁹ Однако ни крика, ни «ярости безмерной» никто из учеников от Лемониуса не слышал. Мережковский явно сгустил краски. Вероятно, поэт в образе директора гимназии дал некий собирательный образ воспитателей и наставников, многими из которых «изящный покрой и металлические пуговицы, не говоря уж от воротника до груди, строго преследовались».⁴⁰

Кесслер

Вслед за Лемониусом в тексте поэмы (как и в плане) дан образ латиниста Кесслера; он единственный из педагогов удостоен в поэме высокой оценки:

XLVIII

Честнейший немец Кесслер — латинист,
Заросший волосами, бородатый,
На вид угрюм, но сердцем добр и чист, —
Как древние Катоны, Цинциннаты
И Сцеволы; большой идеалист,
Из года в год, отчаяньем объятый,
Всем существом грамматику любя,
Он нас терзал и не жалел себя.

XLIX

Ответов ждал со страхом и томленьем,
Краснея сам, смущаясь и дрожа:
Ему казалась личным оскорбленьем
Неправильная форма падежа,
Ему глагол с неверным удареньем
Из наших уст был как удар ножа.
Земному чуждый, пламенный фанатик,
Писал он ряд учений грамматик.

(с. 566)

Сравнения Кесслера с образцами римской доблести, стойкости и скромности были кратко повторены в черновом варианте «Автобиографической заметки»: «Мне казалось, что благородный, честный, прямой и простой, он сам похож на древнего римлянина».⁴¹ Эти характеристики латиниста совпадают не только с отзывами выпускников, но и с характеристиками в его личном деле.⁴²

³⁶ Дружинин В. Г. Гимназические годы И. А. Шляпкина. С. 101.

³⁷ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 117.

³⁸ Речь идет о Михаиле Николаевиче Баумгарте (1865–?), сыне генерала, в будущем чиновнике особых поручений (см.: Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники. С. 72).

³⁹ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 120.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ ИРЛИ. № 24384. Л. 7.

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 170. О Кесслере см. также: Смышляева В. П. Российские филологи-классики XIX века. «Германовское» направление. С. 204–205.

Эрнест Эрнестович Кесслер (1842–1896) происходил из остзейских немцев («Честнейший немец»); он кончил в 1863 году историко-филологический факультет Дерптского университета, потом как казенный стипендиат педагогические курсы и был командирован в частный пансионат г. Биркенру в Лифляндии (1864–1865), а после получения степени кандидата (в Дерптском университете в 1865 году) был переведен учителем латинского языка в классическую Могилевскую гимназию, совмещая педагогическую работу с работой классного наставника и библиотекаря. Оттуда в 1873 году Кесслер был перемещен в третью петербургскую гимназию. С 1879 года он также преподавал латинский язык в гимназии Ф. Ф. Бычкова по найму,⁴³ а с 1893 года значился преподавателем Историко-филологического института.⁴⁴ В третьей гимназии он прослужил до самой смерти и, как сказано в одном из документов личного дела, скончался «почти при исполнении своих обязанностей» «из-за переутомления, от напряженных и усиленных занятий» (см. в приложенном к делу свидетельстве врача: умер от остановки сердца).⁴⁵ После 20-летней выслуги лет (в 1883 году) он был оставлен на должности латиниста еще на пять лет (до 1889 года), потом еще, а в 1894 — снова на тот же срок.⁴⁶ В его личном деле сохранилось три письма директора Лемониуса управляющему Петербургским учебным округом с прекрасными характеристиками Кесслера. В первом, от 1 января 1878 года, в связи с предложением дать ему звание заслуженного преподавателя (несмотря на стаж, который был меньше, чем у некоторых других преподавателей гимназии), Лемониус писал: «Принимая во внимание отлично-полезную и усердную службу преподавателя латинского языка <...>, обратившего на себя внимание и ученым трудом своим, удостоенным Петровской премии, и усматривая, что и вообще на учебной службе он находится уже почти 18 лет (с января 1864 года), я считаю справедливым представить ему вполне заслуженное им означенное звание...». И далее директор указывал, что Кесслер превосходит многих учителей «по учебно-воспитательной деятельности, как составитель учебной книги, которая приносит пользу учащимся и за стенами 3 СПб. гимназии».⁴⁷ Во втором прошении (1889), настаивая на вторичном «оставлении» латиниста в гимназии, директор писал: «Зная г. Кесслера по отзывам самых компетентных в этом деле лиц как человека, отличающегося педагогическими и нравственными качествами, и из предоставленного им в Филологическое общество учебно-литературного труда, лично убедившись в положительности филологических его познаний, я покорнейше прошу Ваше превосходительство <...> утвердить г. Кесслера в должности преподавателя латинского языка в высших классах 3 СПб. гимназии».⁴⁸ Настаивая на этой своей просьбе в следующем «прошении», Лемониус писал: «Г. Кесслер, за время пребывания в гимназии, своими педагогическими способностями снискал уважение как учащихся, так равно и товарищей и, можно сказать, служит украшением гимназии».⁴⁹ А в последнем «прошении», составленном уже после смерти учителя, ходатайствуя о пенсии его вдове,⁵⁰ Лемониус прибегает к высокой патетике, называя Кесслера «образцом представителей педагогики, успешным поднять свой предмет на необычайно высокий уровень, подавая своим сотрудникам пример высшей исправности, честности и добросовестности», и утверждает, что Кесслер «приобрел у своих учеников непоколебимый авторитет и глубокое уважение».⁵¹

Отзывы учеников подтверждают слова директора.

⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 170. Л. 68–71. Позже (с 1883 года) гимназия Ф. Ф. Бычкова стала гимназией Я. Г. Гуревича.

⁴⁴ Там же. Л. 86. Смышляева указывает, что Кесслер преподавал не в Историко-филологическом институте, а в гимназии при нем, но документы личного дела это не подтверждают.

⁴⁵ Там же. Л. 102 об.

⁴⁶ Там же. Л. 6–6 об.

⁴⁷ Там же. Л. 58–58 об., 60–61.

⁴⁸ Там же. Л. 8–8 об.

⁴⁹ Там же. Л. 84.

⁵⁰ В прошении, в частности, указано, что вдова имеет на руках трех малолетних детей, причем один ребенок — инвалид.

⁵¹ Там же. Л. 102–102 об.

«Латинский язык преподавал Э. Э. Кесслер, автор прекрасного руководства к изучению латинского синтаксиса, преподаватель Историко-филологического института, где студенты ценили его и любили, как и гимназисты, за обширные знания и за справедливое отношение к ученикам, несмотря на большую строгость и требовательность в отношении к его предмету, — вспоминал В. Г. Дружинин. — Он особенно как-то умел прививать знание предмета и внушать к нему интерес и любовь даже среди гимназистов, которые потом в университете избирали себе специальностью естественные науки. И эта любовь оставалась на всю жизнь, чему можно привести многочисленные примеры. При этих условиях знание латинского языка было выдающееся среди других гимназий. Кесслер достигал не только умения переводить и понимать прочитанное из автора, но и пересказывать собственными словами на языке подлинника».⁵²

Наиболее развернутая характеристика Кесслера встречается в воспоминаниях Бориса Ордина, здесь же нарисован его портрет, совпадающий с обликом латиниста в поэме «Старинные октавы»: «Но первым из *dei maiores*, своего рода Зевсом, или Юпитером, на преподавательском Олимпе гимназии моего времени был самый выдающийся преподаватель 3-й гимназии — знаменитый в наших глазах латинист — Эрнест Эрнестович Кесслер. Небольшого роста, широкоплечий, с умным лицом, обрамленным довольно густыми темными волосами, с большим умным лбом и строгими, иногда на мгновение вспыхивавшими остроумием или насмешкою глазами, обыкновенно серьезно смотревшими сквозь большие золотые очки, Э. Э. Кесслер одним своим обликом производил на учеников самое дисциплинирующее влияние.

Его урока ждали с трепетом, иногда с замиранием сердца; но этот трепет проистекал вовсе не от страха перед суровостью или строгостью, а был естественным явлением: природное достоинство, большие знания, вследствие этого большой авторитет преподавателя были вне сомнения. Он знал свой предмет великолепно. Известны его грамматика, синтаксис и особо изданные и обработанные для русских гимназистов старших классов „*Radke's Materialien*“, ⁵³ т. е. особо избранные и составленные по Цицерону и другим классикам русские статьи, полные всяких грамматических и синтаксических трудностей, для перевода на латинский язык. На уроках Э. Э. Кесслера не бывало ни шума, ни глупой возни, ни пререканий. С момента, когда дежурный по классу шепотом сообщал: „Кесслер идет!“ — все замолкало и приходило в порядок. Он входил в класс, легким движением глаз и головы приветствовал вытянувшихся для его встречи учеников, садился на кафедру, пробегал журнал, в котором делал установленные пометки, и сейчас же принимался за урок, который у него шел постоянно на напряженном темпе, при сосредоточенном внимании большинства класса. Языков не распускали, а „*favebant linguīs*“, ⁵⁴ т. е. говорил только один отвечающий, а все прочие молчали. <...> Получить от него похвалу или пятерку было лестно и приятно. Какой смех и оживление охватывало класс, когда Э. Э. Кесслер, никогда не травивший и не преследовавший пристрастно учеников, со свойственным ему юмором, по необходимости, изобличал учеников в их незнании или нерадивости. В общем, латинским языком занимались усердно, и большинство шло удовлетворительно».⁵⁵

Кесслер начал преподавать у Дмитрия Мережковского латынь с четвертого класса, а в старших классах был наставником выпуска.⁵⁶ Из текстов, которые читались на уроках по латыни в программе третьей гимназии,⁵⁷ указаны следующие:

⁵² Далее в своих воспоминаниях Дружинин рассказывает об инциденте с шуточной поэмой записного классного поэта, которая называлась «Война гимназистов с чертями за освобождение Кесслера из ада»; поэма попала в руки к латинисту, но не только не вызвала нареканий (несмотря на то, что переписывалась автором на его уроке), а доставила «большое развлечение» ему и другим учителям гимназии (Дружинин В. Г. Гимназические годы И. А. Шляпкина. С. 103–104).

⁵³ См. ниже пояснение к стиху: «Писал он ряд ученийших грамматик».

⁵⁴ «Хранили благоговейное молчание» (лат.). Переделка крылатого выражения «*favete linguīs*», восходящего к ритуальной фразе, которой сопровождалось жертвоприношение у римлян.

⁵⁵ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 119.

⁵⁶ См. его подпись классного наставника в экзаменационной ведомости за седьмой класс (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 2305. Л. 39).

⁵⁷ Там же. № 5089. Л. 19 об. — 20 об.

4 класс

Чтение Юлия Цезаря *De bello Gallico* VII кн. Прочтено будет около 70 глав.⁵⁸

Как подготовка к чтению Овидия, будут сообщены главнейшие правила латинской просодии. 1 урок.

В примечаниях к чтению Цезаря будут сообщаемы географические, исторические и особенно стилистические сведения. От учеников будет требоваться отчет в содержании отдельных глав писателя и, по возможности, по-латыни.⁵⁹

5 класс

Sallustius. *De bello Jugurthino* <liber>.

Ovidius. Отрывки.⁶⁰

6 класс

Vergil. *Aen* <eis> I.⁶¹

Cicero *pro Archia poëta*.⁶²

7 класс

Vergil IX, X.⁶³

Livius II C. 176 qq.⁶⁴

8 класс

Cicero *de officiis*.⁶⁵

Horatius. *Carmina* (в 1 полугодие).⁶⁶

Horatius. *Satirae et epistolae* (во 2 полугодие).⁶⁷

Мережковский в средних классах занимался по латыни усердно, а в четвертом классе (с приходом Кесслера) по устному экзамену получил столь редкую у латиниста пятерку.⁶⁸ В четвертом, пятом и шестом классах он учился на среднюю четверку, однако в старших, видимо увлекшись другими предметами и собственным творчеством, скатился на тройку. В аттестате за общий курс обучения на педагогическом

⁵⁸ В тетради с черновыми упражнениями по разным предметам Мережковского-пятиклассника имеется изложение третьей книги «Записок о Гальской войне» под заглавием «Битва Цезаря с Венетами» (ИРЛИ. № 24360а. Л. 28–34 об.).

⁵⁹ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5058. Л. 24 об. — 25.

⁶⁰ Перечень текстов, которые разбирались на уроках латыни в пятом классе см. в первой части статьи (Русская литература. 2021. № 1. С. 135).

⁶¹ Вергилий «Энеида», кн. I.

⁶² Возможно, были использованы издания: 1) Речи Цицерона за поэта А. Архия / Объяснил Ю. Френкель. 3-е изд., доп. М., 1877 (текст на латинском языке); 2) Речи за поэта А. Архия и за Кв. Лиария. Текст на латинском языке, подстрочный пер. и словарь для учащихся без помощи учителя / Сост. М. Д. Гофман. Одесса, 1875.

⁶³ Вергилий «Энеида», кн. IX и X.

⁶⁴ Имеется в виду вторая книга «Истории от основания города» («Ab Urbe condita») Тита Ливия.

⁶⁵ Политический трактат Цицерона «Об обязанностях».

⁶⁶ Какие именно оды Горация проходили на уроках Кесслера, установить не удалось.

⁶⁷ Какие сатиры и послания Горация читались на уроках Кесслера, установить не удалось. Чтобы дополнить список текстов по латыни, изучавшихся в третьей гимназии, добавим, что у Кеммерлинга в третьем классе читалось сочинение Корнелия Непота «О знаменитых мужах» («De viris illustribus») и указывалось, что в примечаниях к чтению Непота «будут сообщаемы географические, исторические и особенно стилистические сведения» (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 19). Отметим, что биографию Аристиды из этой книги Мережковский в четвертом классе пересказывал в качестве изложения на уроках словесности (см. список сочинений Мережковского ниже).

⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 2301. Л. 87.

совете ему была выставлена тройка, но на выпускном экзамене он получил у Кесслера четверку.⁶⁹

Следует отметить одну немаловажную деталь. В стихах поэмы Кесслер предстает как «фанатик» грамматики, тогда как выпускники гимназии подчеркивали, что «в старших классах, благодаря, может быть, всего более Кесслеру, некоторые из нас полюбили древних классиков и познакомились с античным миром».⁷⁰ Об интересе Мережковского к изучаемой на уроках Кесслера латинской поэзии свидетельствуют его гимназические переводы из Овидия⁷¹ и Горация.⁷²

В последнем стихе фрагмента поэмы, посвященного этому выдающемуся латинисту («Писал он ряд ученийших грамматик...»), речь идет о следующих составленных Кесслером учебниках и пособиях:

1) Упражнения в переводе с русского на латинский с примечаниями для высшего класса гимназий по Radke's Materialien zum Uebersetzen ins Lateinische / Обработали Э. Кесслер и Вл. Краузе. СПб., 1881.

2) Краткая грамматика латинского языка. СПб., 1878 (книга продолжала многократно переиздаваться вплоть до 1917 года).

3) Синтаксис латинского языка. СПб., 1874 (книга продолжала многократно переиздаваться с дополнениями и исправлениями автора до 1888 года. Была отмечена премией Петра Великого).

Бюрик

Этот учитель под слегка искаженной фамилией «Бюрик» фигурирует и в упомянутом выше плане, и во второй песне поэмы:

L

Читал Платона Бюрик — не педант,
Напротив, весельчак, но злейший в мире,
Весь белый, бритый, выхолненный фронт,
В обрызганном духами вицмундире;
К жестоким шуткам он имел талант:
Того, кто знал урок, оставив в мире,
Он робкого лентяя выбирал
И долго с ним, как с мышью кот, играл.

LI

Несчастный мальчик, с мнимою отвагой,
К доске, уже бледнея, подходил;

⁶⁹ Аттестат из студенческого дела Мережковского см. ниже.

⁷⁰ Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича. С. 94.

⁷¹ К переложениям и подражаниям, связанным с чтением и разбором «Метаморфоз» Овидия на занятиях Кесслера в пятом классе, относятся три поэтических текста Мережковского, касающиеся изложения мифа о Фаэтоне во второй книге этой поэмы: первый — стихотворение под заглавием «Климена и Элиады» (ИРЛИ. № 24271. Л. 118 об. — 119), которое можно соотнести со стихами 333–366 указанной книги; второй — под заглавием «Горесть Климены» (ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 4. № 234. Л. 35 об.) — являющийся сокращенной переработкой первого стихотворения (соотносится со стихами 333–339); третий — стихотворный перевод начала второй книги (стихи 1–11; ИРЛИ. № 24271. Л. 92 об.).

⁷² Известен стихотворный перевод знаменитой восемнадцатой оды Горация из второй книги (Carmina II, 18), сделанный Мережковским в последнем классе гимназии и вскоре опубликованный под заглавием «Из Горация» (Иностранная литература. 1883. № 7. С. 354–356); позже он был включен в первый сборник (см.: Мережковский Д. С. Стихотворения (1883–1887). СПб., 1888. С. 245–247). Поэт слушал также курс по Горацию в 8-м семестре в университете у В. И. Модестова, о чем свидетельствует сохранившаяся в студенческом деле квитанция об оплате курса (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. № 23357. Л. 76). Среди бумаг Мережковского сохранился перевод еще одной, десятой, оды Горация из той же второй книги («Дни твои пройдут вереницей ясной...» — ИРЛИ. № 24209. Л. 1).

Тот одобрял его, шутил с беднягой
И понемногу в дебри заводил,
Не торопясь; но покрывались влагой
Глаза его, он медленно цедил
Слова сквозь зубы и в дремоте сладкой
Ласкал тихонько подбородок гладкий.

ЛП

Как выступал на лбу ученика
Холодный пот, с улыбкой сладострастной
Следил, и мухой в лапках паука
Тот бился все еще в борьбе напрасной:
Томила жертву смертная тоска;
«Скорей бы нуль!» — мечтал уже несчастный,
В схоластике блуждая без руля,
А смерти нет, и нет ему нуля!

(с. 566–567)

Герман (Георгий Васильевич) Бюриг (1848 — после 1901) — из остзейских немцев, сын коллежского советника, уроженец города Пернова (ныне г. Пярну); выпускник историко-филологического факультета Дерптского университета 1870 года. В августе 1874 года он был допущен к должности преподавателя греческого языка в третьей гимназии.⁷³ Из его личного дела следует, что он каждые вакансии проводил в Лифляндии или других городах Остзейских губерний.⁷⁴ В 1877 году «вступает в законный брак с Людмилой Эрнестовною Кесслер»⁷⁵ (по всей видимости, сестрою Кесслера). С 1884 года значится также воспитателем приготовительного класса Училища правоведения, где ему исходатайствовали пожалование орденом Анны 2-й степени (1891) и в день Священной Коронации — орденом Владимира 3-й степени (1896).⁷⁶ По его личному делу видно, что в третьей гимназии он никак особенно себя не проявил. Можно предположить, что он был знаком с Кесслером еще по Дерптскому университету и что именно Кесслер предложил его кандидатуру Лемониусу на освободившуюся вакантную должность учителя греческого языка. Засилье в гимназии среди преподавателей древних языков немцев во многом объяснялось тем, что возникшую после введения толстовской классической системы потребность гимназий в «классиках» русские университеты удовлетворить не могли. Поэтому охотно приглашались специалисты из немецких университетов или выпускники Дерптского, где читали профессора Лейпцигского университета и «классиков» готовили по немецкой системе, в частности, там было две «древне-классических» кафедры.

Из авторов, которые разбирались на уроках греческого языка у Бюрига, Мережковский ошибочно называет Платона («Читал Платона Бюрик...»). Однако диалоги Платона в гимназических программах этих лет не значатся.⁷⁷ Бюриг «читал» у Мережковского в шестом классе первую книгу Ксенофонта «Меморабии» («Воспоминания о Сократе»)⁷⁸ и XIV и XV песни «Одиссеи» Гомера (первое полугодие), «Разговоры в царстве мертвых» Лукиана и следующие песни «Одиссеи» (второе полугодие). В седьмом классе он читал с учениками VI и VII книги «Истории» Геродота, а в восьмом

⁷³ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 42. Л. 2, 4–6.

⁷⁴ Там же. Л. 19–27, 30–31, 34, 39–40.

⁷⁵ Там же. Л. 28–29.

⁷⁶ Там же. Л. 54, 58.

⁷⁷ По воспоминаниям В. Д. Набокова, также учившегося в третьей гимназии, но на 10 лет позже Мережковского, он в седьмом классе проходил на уроках греческого Платона (*Набоков В. Д.* Петербургская гимназия сорок лет тому назад. Страничка воспоминаний // *За сто лет.* С. 128).

⁷⁸ Возможно, текст читался и разбирался по изд.: *Xenophontis. Memorabilia* / Текст со словом сост. для гимназий Я. Кремером. М., 1870 (2-е изд. — 1876).

классе — «Олинфские речи» Демосфена (в первом полугодии) и вторую книгу «Истории» Фукидида (во втором).⁷⁹ Платон появился в стихе, возможно, не потому, что хорошо «ложился» в ямбическую строку, но потому, что чтение бесед Сократа в изложении Ксенофонта (в «Меморабилиях»), в связи с аберрацией памяти, запомнилось Мережковскому как чтение бесед Сократа в диалогах Платона. Курс по Платону Мережковский слушал в университете.⁸⁰

Гимназисты не любили Бюрига за фанаберию (с привкусом русофобии) и кичливость: «Из близких к начальству лиц нужно упомянуть еще Германа Васильевича Бюрига, учителя греческого языка, не пользовавшегося у нас любовью и относившегося к нам с высокомерным презрением культурного тевтона к дикарям. Когда ему задавали вопрос, он говорил: „Что за необразованные вопросы, точно из деревни“». ⁸¹

Эти же качества подчеркивает в нем и Мережковский.

Внешний облик Бюрига тоже передан в поэме точно. Вот как его описывает Борис Ордин: «Говоря о „греках“, упомяну о преподавателе в старших классах, Германе Васильевиче Бюриге. Он был всегда важен, напыщен, хорошо выбрит и одет в хороший виц-фрак, а его серые, холодно глядевшие через очки, глаза хронически выражали презрение к этим „русским“ гимназистам, поведение которых он часто называл „довольно подлым“ („Gemeine Behandlung“). <...> он был <...> весьма надут, придавал себе вид какого-то бюрократа высокого ранга, но познания его ограничивались умением пользоваться примечаниями хороших немецких изданий. Когда я приобрел Геродота того самого издания <...>, которое было у Бюрига, я оказался постигшим всю эллинскую премудрость. Гимназисты, отлично понимая пустую надутость Бюрига, с удовольствием читали строки, в которых надутость и чванство остроумно высмеиваются Лукианом Самосатским в его знаменитых „Разговорах мертвых“ („Διάλογοι τῶν νεκρῶν”⁸²), и по-своему реагировали на эти черты Бюрига. Их забавляло дурачить надутого балта <...> и они всячески изощрялись, придумывая разные хитрости». ⁸³ Надменность и неучтивость по отношению к ученикам старших классов, «ошибочно принимаемые за требовательность и строгость», вызывали у гимназистов неприятие преподавателя и не располагали их к его предмету.

Следует заметить, что при общей нелюбви учеников к «греку» никто из мемуаристов не обвинял Бюрига в изощренном издевательстве над слабыми учениками. Мы имеем в виду стих «*К жестоким шуткам он имел талант...*» и следующие. Более того, в книге «До университета» А. Ярош, который, по свидетельству выпускников гимназии, очень точно описал Бюрига в своем романе,⁸⁴ подчеркивал: «Можно с уверенностью сказать, что он никогда не делал никому зла с удовольствием, из любви к искусству. Но он был груб по своей природе и, привыкнув с молодых лет видеть в своих учениках врагов, стремящихся его обмануть, он направил все свои педагогические способности на то, чтобы так или иначе победить своих врагов, и достигал это грубостью и излишней строгостью». ⁸⁵

Итак, в отличие от латыни, с преподавателями по греческому Мережковскому не очень повезло. Ни «страшный» Кеммерлинг, ни усыпляющий чтением Гомера Лемониус, ни заносчивый Бюриг не могли пробудить в учениках любви к греческому языку. И Мережковский, вслед за другими воспитанниками третьей гимназии, учивши-

⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 22 об. — 23. «Олинфские речи» достались Мережковскому и на выпускном экзамене по греческому (см. ниже). Возможно, текст читался и разбирался по изданию: Demosthenis orations philippicae quattuor (Olynthiacae III, Philippica I). Текст со словарем сост. для гимназий Я. Кремером. М., 1873 (2-е изд. — 1875).

⁸⁰ О чем свидетельствует сохранившаяся в студенческом деле квитанция об оплате курса по Платону у В. К. Ернштедта в 7-м семестре (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. № 23357. Л. 75).

⁸¹ Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича. С. 97.

⁸² Имеется в виду «Νεκρικοί διάλογοι».

⁸³ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 118.

⁸⁴ Бюриг, «великолепно охарактеризованный и описанный в книжке А. Яроша „До университета“» (Страхович В. Листки из воспоминаний // За сто лет. С. 144); здесь Бюриг фигурирует под именем «Бирег» (см.: Ярош А. До университета. Из истории средней школы. СПб., 1905).

⁸⁵ Там же. С. 44–45.

мися у этих «грецистов», мог сказать, что «бедный греческий язык, как и читаемые на нем писатели», остались ему «чуждыми почти совершенно», и, «поступив на филологический факультет», он должен был «учиться по-гречески сызнова».⁸⁶

По греческому языку Мережковский почти во всех классах (кроме четвертого) имел тройку, а в шестом классе и тройку с минусом,⁸⁷ что косвенно свидетельствует об отсутствии интереса в гимназические годы к этому предмету.

Попов

Имени Попова нет среди списка учителей в плане второй песни «Старинных октав». Предполагавшийся рассказ об учителе математики в младших классах (Семенникове) в окончательном тексте поэмы был заменен на характеристику учителя математики в старших классах. С этим персонажем связан самый драматический эпизод в поэме, относящийся к гимназической жизни героя:

LII

Но в старших классах алгебры учитель
Был хуже немцев — русский буквоед,
Попов, родной казенщины блюститель;
Храня военной выправки завет,
Незловивый старательный мучитель,
Он страшен был душе моей, как бред...
В лице — подобье бледной мертвой маски —
Мерцали хитрые свиные глазки.

LIV

В нем было все противно: глупый нос
И на челе торжественном и плоском
Начальственная важность, цвет волос,
Прилизанных и редких, с желтым лоском;
Он — неуклюж, горбат, и хром, и кос —
Казался жалким странным недоноском.
Всегда покорен и застенчив, раз
Я дерзким бунтом удивил наш класс.

LV

Мне от Попова слушать надоело —
«Ровней держитесь, выпрямите грудь!»
Я на скамью — неслыханное дело —
Сел, опершись локтем, чтоб отдохнуть,
И пуговиц, ему ответив смело,
На сюртуке дерзнул не застегнуть;
Он закричал, но я решил упрямо:
Умру, не застегну, не сяду прямо!

LVI

Лимониус с инспектором пришли,
И сторожа меня на новоселье
В сырой, холодный карцер повели
И заперли на ключ в позорной келье, —
Жилище крыс, но там, во тьме, в пыли,
Я чувствовал нежданное веселье:

⁸⁶ Из воспоминаний Вик. П. Острогорского // За сто лет. С. 77.

⁸⁷ См. список отметок Мережковского за 1–4 классы в первой части статьи (Русская литература. 2021. № 1. С. 140–141); отметки за старшие классы см. ниже.

Подвижником себя воображал
И в лихорадке сладостной дрожал.

(с. 567–568)

И далее идут цитированные нами в первой части статьи строфы со значимым для Мережковского середины 1890-х годов размышлением о бунтарском начале в душе героя-ребенка и о демоническом и божественном началах в человеческой душе:

LVII

Как жаждал сердцем правды я и мщенья!
Не все ль равно за что восстать — за мир
И все его обиды и мученья
Или за право расстегнуть мундир?
Тебя познал я, демон возмущенья:
Утратив сердца прежний детский мир,
Я чувствовал, — хотя был бунт напрасен, —
Что ты, Злой Дух, мой темный Бог — прекрасен!

LVIII

Тебе остался верен я с тех пор,
И, соблазненный ангелом суровым,
Не покорясь, всю жизнь веду я спор
Из-за несчастных пуговиц с Поповым:
Душа безумно рвется на простор.
За то, что я к мирам стремился новым,
За то, что рабства я терпеть не мог, —
Меня казнил Лимониус и Бог.

(с. 568)

Попов Владимир Алексеевич (1844–1911) — преподаватель математики в третьей гимназии. После окончания математического отделения в Петербургском университете (1866) преподавал в Могилевской, а потом в Псковской гимназиях. В начале 1882 года перешел в третью петербургскую гимназию на место покинувшего ее Семенникова.⁸⁸

Таким образом, Попов, действительно, вел у Мережковского уроки «в старших классах», но всего полтора года: во втором полугодии седьмого (с января по май 1882 года) и в обоих полугодиях восьмого класса (1882/1883 учебного года). Преподавал он не одну «алгебру», а сразу пять дисциплин: в седьмом классе — алгебру, тригонометрию и физику, а в восьмом, кроме того, еще и повторный курс геометрии и математическую географию.

Нарисованный Мережковским портрет, судя по воспоминаниям выпускников гимназии, очень точен. Вот каким рисует внешний облик «математика» Борис Ордин: «Небольшого роста, с рыжеватыми волосами, расчесанными на две стороны, с пробормом посередине, как носят старые женщины, с рыжеватою же бородкою и в очках, оправленных в золото, над несколько лоснившимся, красноватым, толстым носом, он был человек порядка, педантически исполнявший все обязанности преподавательской должности, — всегда аккуратный, всегда в виц-фраке казенного синего цвета. Несколько сутуловатый, с серыми, как-то сухо и „формально“ смотревшими глазами, слегка картавивший, он напоминал собою не то духовную особу — такие бывают викарные архиереи или иеромонахи-казначей — не то пожилую особу женского пола. Гимназисты уверяли, что прическу его прилизывала корова сперва на одну, а потом на другую сторону, — а странная его походка — он шел, приседая на каждом шагу, точно на шарнирах, — вызвала весьма верное, по впечатлению, прозвище, присвоенное ему

⁸⁸ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 303.

гимназистами: „Шило в“, — некоторой части тела. Вздрагивание при каждом шаге, действительно, вызывало представление о том, что какое-то острие при каждом шаге причиняло ему укол». ⁸⁹

Не только фигура, но и уроки Попова, особенно физика, носили подчас курьезный характер. Преподавание собственно математических дисциплин шло «правильно и систематично», «хоть и без огня и таланта, „шаблонно и рутинно“»: «...задавалось „отсюда досюда“ пройти по учебнику и затем шло опрашивание учеников; кроме того, были классные работы — решение задач — „ex tempore“». ⁹⁰ Но математическую географию он, по свидетельству учеников, знал плохо, ⁹¹ а уроки физики часто сопровождалось ученическими дразнилками и розыгрышами: «Объясняя устройство батареи из элементов Лекланше, он чертил цепь их на классной доске и, по мере нанесения элементов на доску, повторял: „уголь с углем, цинк с цинком, уголь с углем, цинк с цинком“... <...> такие его однотонные декламации, при том что он стоял спиной к классу, вызывали веселое настроение класса, хором повторявшего за ним в каданс упомянутые слова. Он сердился и прекращал черчение. Объясняя какое-то химическое явление, он употреблял такую пышную фразу: „соединяется с телом белым, именуемым в общежитии мелом“. Легко себе представить, как увеселялись по этому случаю гимназисты».

«Необычайным „Spectacle Gala“ бывал день „демонстрации физических опытов“, — продолжает тот же мемуарист. — Из физического кабинета приносились разные приборы. Главный интерес традиционно вызывали электрическая машина, из которой через цепь воспитанников пробегала коловшая каждого искра, которая заставляла прыгать бузиновые шарики, а особенно „обыкновенный“ и „воздушный“ насосы. Для последнего заранее излавливалась сторожем жертва — крыса, а для первого приносилось ведро воды. В. А. Попов серьезнейшим образом отдавался объяснениям на приборах разных вопросов пройденного курса, а гимназисты полны были желаний самых школьнических. Воспитанники, „изучавшие“ пневматический насос и губившие безжалостно крысу, так „действовали“, что Попов, опасаясь за целостность прибора, взволнованно кричал: „Уопнет! Уопнет!“ («Лопнет, лопнет»). Между тем компания, „изучавшая“ пожарный насос, увлекалась до того, что скоро класс превращался в озеро, со стен текли ручьи и, по необходимости, среди крика, хохота, негодующих возгласов Попова, „демонстрация“ кончалась за невозможностью стоять на залитом водою полу». ⁹²

Этой комической фигуре «математика», на уроках которого дисциплина явно «хромала» (как и он сам), никак не соответствует созданный в поэме образ «блюстителя» порядка, требующего от старшеклассников военной выправки. Мемуаристы отмечали, что с воспитанниками Попов «был очень вежлив, но сух и холоден». ⁹³ Следует также иметь в виду, что учитель имел право записать провинившегося ученика в журнал, но наказания осуществляли классные наставники (напомню, что наставником у Мережковского был Кесслер). Что касается Лемониуса, то, рассказывая о карцерах, мемуаристы подчеркивали, что директор сам никогда никого не наказывал, пугалом для воспитанников-пансионеров были немцы-наставники (в пансионе) и инспектор. ⁹⁴ Фраза «казнил Лимониус», даже фигурально выражаясь, далека от истины.

⁸⁹ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 122.

⁹⁰ Там же. С. 122–123. Впрочем, были ученики, которые положительно оценивали педагогическую методику Попова. Например, будущий профессор медицины признавался: «Говорят, он не хватал звезд с неба... Может быть, это и так, но <...> объяснения выходили наглядными, вразумительными и воспринимаемыми» (Оппель В. А. Классическое образование и 3-я С.-Петербургская классическая гимназия. С. 138).

⁹¹ «Говорили, что В. А. Попов, преподаватель космографии, далее тридцатой страницы учебника сам не знает» (Страхович В. Листки из воспоминаний. С. 141). Математическая география, которая была в программах, представляла собой один из разделов космографии.

⁹² Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 123.

⁹³ Там же.

⁹⁴ См.: Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича. С. 91. В 1881 году инспектором третьей гимназии был назначен Александр Федорович Крутков (р. 1844), с 1872 года преподаватель греческого языка в третьей гимназии (см. его личное дело: ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 193. Л. 2–3, 39).

Кроме того, в карцер сажали учеников, совершивших серьезный проступок. И в основном это касалось младших воспитанников, наказание карцером юношей старших классов применялось в исключительных случаях (не застегнутые пуговицы на мундире к таковым не относились), тем более, когда речь шла о «приходящих» учениках. Отметим, кстати, что в эпизоде с карцером лирический герой совсем не выглядит юношей семнадцати-восемнадцати лет, а именно столько было Мережковскому, когда в гимназию пришел Попов. Ну и наконец, кажется странным, что инцидент с карцером, один из наиболее значимых гимназических эпизодов в поэме, отсутствует в плане второй песни, где автор по памяти перечисляет самые важные события детства и юности.

Все это заставляет усомниться в реальности описанного в поэме события. Сомнения подтверждает сохранившийся в фондах третьей гимназии «Кондуитный журнал» за 1881–1884 годы, фиксирующий все проступки и наказания учеников и за те полтора года (1882–1883), которые Мережковский учился у Попова. В кондуите имени Мережковского не встречается.⁹⁵

Заметим, что карцер (и не один) в гимназии был.⁹⁶ По воспоминаниям Н. Я. Чистовича, карцер «было первое, что поразило» его «детскую душу», когда в первый же день его пребывания в гимназии инспектор «вызвал самого маленького из учеников Бриггера и объявил ему, что он должен идти в карцер и просидеть в нем целый день. В чем была вина бедного Бриггера, я так и не узнал».⁹⁷ Можно предположить, что Мережковский также бывал свидетелем «расправы» над маленькими пансионерами, мог представлять себя на их месте. Но образ героя-бунтаря и процитированное размышление о демоническом и божественном началах в человеческой душе необходимы были для обозначения важной для Мережковского этого периода темы Христа и Антихриста. К реальной биографии Мережковского-старшеклассника рассказанный эпизод не имел никакого отношения.⁹⁸

Следуя композиции предыдущих главок, укажем, что по предметам В. А. Попова Мережковский имел в среднем отметку между тройкой и четверкой. На выпускном экзамене по письменной и устной математике Мережковский получил четверки, а по физике и математической географии — тройки (см. отметки ниже).

В «Старинных октавах» упоминается также законоучитель, которому дана обобщенно-отрицательная характеристика:

⁹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 2344. Вообще, наказание карцером встречается в кондуите крайне редко. Так сурово могли наказать воспитанника за крайне неблагоприятные поступки: за курение, за обман, за приставание к барышне на улице (Л. 3, 4, 10). Однако такие провинности, как уход с уроков, дерзкий тон по отношению к учителю, даже бои подушками, вследствие чего оказались выбиты стекла в спальне пансионеров (Л. 2), карцером, судя по записям в кондуите, не наказывались. Чаще всего практиковались для пансионеров оставление после уроков, лишение обеда или ужина, запрещение прогулок и игр во дворе, а самым суровым наказанием было запрещение на выходные дни вернуться домой.

⁹⁶ См. их описание: «Карцеры были у нас двоякие: 4 темных в верхнем этаже и 4 светлых в нижнем. Карцеры были маленькие. Темные карцеры были устроены в проходной комнате между коридором, в который выходили классы, и клозетом. У этой комнаты часть была отделена деревянной стеной, и отгороженная часть была разделена поперечными перегородками на 4 стойла, или конуры, в которых были лишь маленькие скамейки, на которых можно было только сидеть, но нельзя было лежать. Стена, отделявшая карцер от проходной комнаты, имела 4 запирающихся двери и не доходила до потолка, а на высоте выше человеческого роста переходила в деревянную решетку, через которую только и мог проходить слабый свет в карцер, а так как сама передняя комната была без окон, погруженная в постоянный полумрак, то и в карцере было совсем темно. Сидеть в этих темных карцерах считалось самым серьезным наказанием. В нижнем этаже было тоже 4 карцера, но те были светлые, и заключенные могли в них читать» (Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича. С. 91).

⁹⁷ Там же. С. 92.

⁹⁸ Отметим, что описанный Мережковским инцидент как факт реальной биографии повторяли все биографы писателя (см. литературу вопроса в первой части статьи: Русская литература. 2021. № 1. С. 124, прим. 1 и 2).

LIX

В те дни уж я томился у преддверья
Сомнений горьких, и когда наш поп,
Находчивый и полный лицемерья,
Доказывал, наморщив умный лоб,
Чтоб истребить в нас плевелы неверья,
Научною теорией потоп
Иль логикой — существование Бога, —
Рождалась в сердце вещая тревога.

(с. 568–569)

Далее настоятель гимназической церкви упоминается в связи с рассказом о внутренних переживаниях и мучительных религиозных сомнениях героя перед исповедью в младших классах.⁹⁹

Речь идет о преподавателе Закона Божия священнике Константине Ивановиче Ветвеницком (1845–1920), который одновременно был и настоятелем гимназической церкви.¹⁰⁰ Он не был строг и требователен, и, судя по ведомостям, почти все ученики получали у него и в году, и на экзаменах хорошие отметки. Мережковский имел почти одни пятерки. Выпускники в своих воспоминаниях не фиксировали на нем внимания, только Борис Ордин вскользь дал ему характеристику как человеку «добрейшему, но не имевшему большого веса в глазах гимназистов».¹⁰¹

Понятно, что резко негативная оценка законоучителя относится к области авто-рефлексии уже зрелого поэта, а образ лирического героя поэмы «Старинные октавы» с чертами свободолюбивого бунтарства и мучительными религиозными сомнениями не был тождествен реальному Мережковскому-гимназисту. Это подтверждает и знакомство с его гимназическим творчеством, в котором нашла отражение наивная детская вера, зиждущаяся на религиозной ортодоксии и православной церковности, то есть вера, не прошедшая через «горнило сомнения», как и в целом казенно-патриотические настроения его стихотворений, посвященных покушению и убийству государя императора (здесь сказалось семейное воспитание).¹⁰²

Гимназические реалии в «Старинных октавах» этим исчерпываются. Но, чтобы наиболее полно раскрыть заявленную тему статьи, следует обратиться к фактам гимназической жизни Мережковского, оставшимся за рамками поэмы.

В «Автобиографической заметке», говоря о начале своего творчества, Мережковский вскользь называет имя учителя русского языка: «Лет 13-ти начал писать стихи. Помню две первые строчки первого стихотворения:

Сбежали тучи с небосвода,
И засияла в нем лазурь.

Это было подражание „Бахчисарайскому фонтану“. Тогда же написал первую критическую статью, классное сочинение на „Слово о полку Игореве“, за которое учитель

⁹⁹ Говение и причащение в гимназических церквях были введены с 1875 года. Так что рассказ о сомнениях и покаяниях в грехах героя поэмы перед первой исповедью относится к первому классу.

¹⁰⁰ См. его личное дело: ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 62. По некоторым сведениям, позже, будучи священником при Главном управлении уделов, он крестил В. В. Набокова (подробнее о нем см.: <http://zelenogorsk-spb.cerkov.ru/lyudi-v-istorii-xrama>; дата обращения: 31.01.2021).

¹⁰¹ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 120.

¹⁰² Мы имеем в виду такие стихотворения, как «Москва» (ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 4. № 234. Л. 12–12 об.), «О Русь-страдалица, о наша мать святая...» (ИРЛИ. № 24271. Л. 135 об. — 136) и «Плач народа по Освободителе» (Там же. № 24269. Л. 153 об. — 154 об.). Текст последнего стихотворения имеет помету позднего Мережковского: «Мерзость. Как я мог написать?! Впрочем, мальчишка».

русского языка Мохначев очень хвалил меня и поставил пятерку. Я чувствовал такую авторскую гордость, которой потом уже никогда не испытывал». ¹⁰³

Как нам представляется, этот учитель сыграл существенную роль в гимназической жизни Мережковского-старшеклассника.

Мохначев

Александр Дмитриевич Мохначев (1840–1912) выпустился из третьей гимназии в 1858 году. По окончании историко-филологического факультета Петербургского университета (1862) и написания кандидатского сочинения с отличием (1864) ¹⁰⁴ он был определен преподавателем русской словесности, церковнославянского языка и французского языка в Архангельскую гимназию (1864–1870), а 3 января 1870 года перешел сверхштатным учителем русской словесности в свою третью гимназию. ¹⁰⁵ Мохначев, как можно предположить, нуждался (к 1870 году имел уже троих детей) ¹⁰⁶ и параллельно преподавал по найму в приготовительных классах Николаевского кавалерийского училища (1870–1873). ¹⁰⁷ 16 сентября 1871 года он был переведен в штат третьей гимназии преподавателем русского языка, а 30 января 1878 года перемещен преподавателем русской словесности на освободившееся вакантное место (после смерти преподавателя Н. Е. Вестенрика ¹⁰⁸). С 1879 года занимал также должность классного наставника и секретаря педагогического совета третьей гимназии. 12 марта 1886 года был назначен окружным инспектором Петербургского учебного округа. ¹⁰⁹

Еще одно упоминание учителя словесности встречается позже в записной книжке Мережковского от августа 1891 года: «На днях я встретил моего гимназического учителя, которого не видел уже десять лет. Я помню его в гимназии еще совсем молодым человеком, помню, с каким пафосом читал он нам либеральные монологи Чацкого». ¹¹⁰ Итак, Мохначев запомнился Мережковскому как молодой преподаватель, исполненный либерального пафоса, знакомящий учеников на уроках словесности с произведением, которое в министерских программах словесности не рекомендовалось.

Эту краткую оценку «словесника» дополняют воспоминания бывших воспитанников гимназии, которые называли А. Д. Мохначева наряду с такими преподавателями, как Э. Э. Кесслер и Я. Г. Гуревич, одним из самых талантливых и уважаемых учителей гимназии, умевших «увлечь и воспламенить» ¹¹¹ своим предметом класс.

О том, что уроки Мохначева «доставляли» ученикам «истинное наслаждение», вспоминал Н. Я. Чистович: «Программа того времени была такова, что главное внимание уделялось лишь старой русской литературе и до современных писателей, как Некрасов, Достоевский, Тургенев, Гончаров, и не доходит. Надо было иметь большой талант, чтобы при таких условиях сделать свои уроки интересными. И Мохначев достиг

¹⁰³ Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века: 1890–1910 / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. С. 290. Отметим ряд неточностей в этом фрагменте из автобиографии: 1) «Слово о полку Игореве» изучали в старших классах (см. программу далее); 2) первое стихотворение Мережковского было другим («Когда поэта вдохновение...»), и оно датируется «1879. Весною» (ИРЛИ. № 24272. Л. 25 об.), т. е. начинающему поэту, действительно, не было 14 лет. О гимназическом творчестве Мережковского см. в нашей статье «...Ряд сборников его поэзии кажутся стройными вежами пройденного им пути» (Мережковский Д. С. Собр. соч.: В 20 т. М., 2021. Т. 1. Ч. 1. Стихотворения и поэмы — в печати).

¹⁰⁴ См. его диплом в личном деле: ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 257. Л. 12.

¹⁰⁵ Там же. Л. 1.

¹⁰⁶ См. его формулярный список из Архангельской гимназии с указанием семейного положения: Там же. Л. 8–11, 79.

¹⁰⁷ Там же. Л. 18.

¹⁰⁸ Николай Егорович Вестенрик (1835–1877), по всей видимости, вел у Мережковского русский язык в двух младших классах. См. его личное дело: ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 61.

¹⁰⁹ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 257. Л. 80.

¹¹⁰ Мережковский Д. С. Записная книжка 1891 г. / Публ. М. Ю. Кореневой // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 349.

¹¹¹ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 122.

этого». ¹¹² Судя по всему, в старших классах он вел занятия в виде лекций, которые, по воспоминаниям В. Г. Дружинина, «слушались с большим увлечением». «Заметив в воспитаннике склонность к своему предмету или вообще к чтению», Мохначев «открывал ему доступ к фундаментальной гимназической библиотеке, в то время хорошо обставленной. На уроках <...> показывали факсимиле древних памятников письма по изданиям Общества любителей древней письменности, которые имелись в библиотеке, так как гимназия получала их по подписке». ¹¹³

Если Чистович и Дружинин рассказывают о заинтересовавших их лекциях Мохначева по древнерусской литературе, то Борису Ордину запомнились уроки по новой русской литературе. В его воспоминаниях Мохначев предстает как лишенный казенщины и педантизма, любящий свой предмет и предпочитавший знакомить учеников с произведениями сверх гимназической программы: «Талантливым и начитанным в русской словесности был преподаватель русской литературы Александр Дмитриевич Мохначев, бывший позднее окружным инспектором С.-Петербургского учебного округа. Высокого роста, с умным и смелым, часто насмешливым, по отношению к ученикам выражением лица и карих глаз, слегка коверкавший букву „Л“ — он восхищал воспитанников своим мастерским чтением русских классиков. Он часто опаздывал на уроки и нередко, предпочитая чтение хорошего автора слушанию плохих ответов, сдавался на наши просьбы и читал нам отрывки, то из Гоголя, то из Тургенева и других — вызывая восторженный смех класса...». ¹¹⁴ Следует иметь в виду, что, судя по министерским программам того времени, изучение творчества писателей-современников было из них исключено, отечественная литература заканчивалась вступлением в пушкинский период. ¹¹⁵

Можно попытаться реконструировать отношения между Мохначевым и Мережковским по некоторым косвенным сведениям и свидетельствам соучеников.

Мохначев принадлежал к 31-му выпуску учеников, окончивших гимназию в 1858 году. Он учился в одном классе с будущим известным педагогом В. П. Острогорским, ¹¹⁶ оставившим свои воспоминания о времени обучения. В эти годы учителем словесности в третьей гимназии был молодой педагог В. Я. Стоюнин, образ которого и его манера общения с учениками оставили в памяти выпускников неизгладимое впечатление. Мохначев, вероятно, мог сказать, вслед за Острогорским, что «его светлая личность» повлияла на выбор педагогического призвания и служила ему «идеалом учителя и человека». ¹¹⁷

Вот как описывает методику преподавания Стоюнина Острогорский: «Кроме изучения стихов и прозаических отрывков, с четвертого же класса начались очень заинтересовавшие нас небольшие самостоятельные сочинения, которые, обыкновенно, тут же прочитывались и обсуждались сообща в классе, под руководством преподавателя, причем к обсуждению призывался весь класс; сам же преподаватель только направлял нас, указывал погрешности и помогал их исправлению. И что особенно нравилось нам, 14–15-летним мальчикам — это то, что учитель обращался с нами как со взрослыми, никогда не смеялся над нашим невежеством. Так заинтересовались мы понемногу и книгой, стали присматриваться к самым способам выражения, начали инстинктивно чувствовать силу и красоту языка, а вместе с тем приучались разбирать самый строй сочинения, т. е. его тему, план, части. <...> Сочинения и их разбор в классе по-прежнему занимали самое видное место, и вот некоторые из нас осмелились представить на суд учителя свои стихотворные опыты. Не смеяясь над слабыми произведениями нашей школьной музыки, явно подражавшими изучаемым образцам, он серьезно останавливался на их форме и содержании, показывал всю трудность этой формы и ничтожность, бедность или надуманность наших поэтических вымыслов

¹¹² Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича. С. 95.

¹¹³ Дружинин В. Г. Гимназические годы И. А. Шляпкина. С. 103.

¹¹⁴ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 122.

¹¹⁵ См. ниже список произведений, изучавшихся в рамках министерской программы.

¹¹⁶ См.: Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники. С. 620.

¹¹⁷ Из воспоминаний Вик. П. Острогорского. С. 80.

с вымышленными же чувствами <...>. Всем этим воспитывался в нас литературный интерес — единственный, кажется, умственный интерес в гимназии...».¹¹⁸

Уроки словесности у Стоюнина строились на беседах о прочитанном произведении и домашних письменных работах над ними, которые потом разбирались учителем и классом на уроках.¹¹⁹ При этом он считал, что «начинать чтения и разборы удобней с произведений, близких <...> современности».¹²⁰

Если предположить, что Мохначев во многом следовал по стопам своего учителя, то фразу в «Автобиографической заметке» о похвалах сочинения перед всем классом можно прочитать как разбор домашнего сочинения Мережковского. Кроме того, как и его наставник, Мохначев пользовался свободой и самостоятельностью в выборе тем как для разборов и сочинений, так и для своих лекций. Но что особенно важно, Мохначев унаследовал от Стоюнина желание поощрять учеников к творчеству и устанавливать доверительные отношения с юными поэтами. Известно, что учитель словесности не только знал о том, что Мережковский пишет стихи, но и сделал его в старших классах своего рода школьной знаменитостью. «Очень громка была слава „золотого пера“, окружавшая Д. С. Мережковского, воспитанника LVI выпуска (1883 г.), — вспоминает Борис Ордин. — Он был одним из немногих, почти единственный успевший вызвать полное одобрение А. Д. Мохначева, который верно и скоро оценил его литературное дарование».¹²¹

Об этом же упоминает М. А. Ляцкий, первый биограф поэта. Ссылаясь на устные воспоминания соучеников Мережковского, он писал: «Товарищи по гимназии знали, что Мережковский пишет стихи, что у него их целые тетради, но сам он крайне неохотно распространялся о своем сочинительстве и только после настоятельных просьб соглашался читать свои произведения на ученических собраниях».¹²² Здесь же Ляцкий, со слов тех же выпускников, отмечает, что за Мережковским закрепились клички «поэт» и «мечтатель» и что в старших классах «он часто затевал споры с товарищами о какой-нибудь книге, о том или ином писателе, причем проявлял обширную начитанность, меткость и оригинальность суждений».¹²³ Все сказанное корректирует представление об абсолютном одиночестве Мережковского в гимназии, акцентированное в «Старинных октавах», так же как и утверждение, что своим образованием он «обязан только себе».¹²⁴

И если вернуться к упоминанию Мохначева в «Автобиографической заметке», то кажется неслучайным, что его имя появилось сразу после рассказа о начале поэтического творчества. Можно с уверенностью утверждать, что именно Мохначеву принадлежат критические замечания почти к каждому стихотворению на литографированном сборнике избранных ранних стихотворений Мережковского.¹²⁵ Следует иметь в виду, что семь стихотворных текстов, написанных в старших классах, были тогда же (в 1880 и 1881 годах) опубликованы в журнале «Живописное обозрение» и в литературном сборнике «Отклик», что могло быть известно Мохначеву.

Начало своего критического поприща Мережковский здесь возводит к удачному школьному сочинению. Правда, сочинений о «Слове о полку Игореве» среди сохранившихся ученических работ обнаружить не удалось, но представляется не лишним привести список отложившихся в архиве Мережковского гимназических сочинений и изложений по русской словесности. Как можно заметить, кроме изложений произведений русских классиков и сочинений (рассуждений) на заданную тему, в третьей гимна-

¹¹⁸ Там же. С. 82–83.

¹¹⁹ Стоюнин В. Я. Преподавание русской литературы. 5-е изд. СПб., 1898. С. 6.

¹²⁰ Там же. С. 10.

¹²¹ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 125.

¹²² Ляцкий М. А. Критико-биографический очерк // Мережковский Д. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. СПб., 1911. Т. 1. С. V.

¹²³ Там же.

¹²⁴ ИРЛИ. № 24384. Л. 13 (рукописный вариант «Автобиографической заметки»).

¹²⁵ Этот сборник был подарен Ф. Ф. Фидлеру и сохранился в его фонде: ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 4. № 234.

зии на уроках словесности предлагалось изложить эпизоды из сочинений, изучаемых на уроках древних языков или уроках истории.¹²⁶

Изложения третьего класса

Стихотворение Пушкина «Песнь о вещем Олеге»:

«Олег, вследствие предсказания кудесника расстается с конем» — *отметка «3»*.

«О том, как сбылось предсказание кудесника, данное Олегу» — *отметка «4+»*.¹²⁷

Баллада В. А. Жуковского «Ивиковы журавли»:

«Убийство Ивика» — *отметка «3+»*.

«Открытие преступления» — *отметка «4-» с пометой Мохначева: «Изложение хорошее — не хорошо, что много ошибок»*.¹²⁸

Изложение материала из русской истории («Куликовская битва»):

«События, предшествующие битве» — *отметка «4-»*.

«Битва и победа» — *правка и отметка отсутствуют*.¹²⁹

Сочинения четвертого класса

«Комната со стороны ее изящества», собственные рассуждения на указанную тему — *отметка «3+»*.¹³⁰

«Польза железа», собственные рассуждения на указанную тему — *правка и отметка отсутствуют*.¹³¹

«Аристид», изложение из сочинений по латинскому автору — *отметка «4=»*.¹³²

«Сравнение первой половины года со второй», собственное рассуждение на указанную тему — *отметка «3»*.¹³³

«Крестовые походы». Изложение материала из всеобщей истории — *правка и отметка отсутствуют*.¹³⁴

Сочинения пятого класса

«Разбор народной песни „Ах ты поле, мое поле“» — *правка и отметка отсутствуют*.¹³⁵

«Польза и удовольствие путешествия», сочинение на указанную тему — *отметка «4-»*.¹³⁶

«Сочинение Пушкина „Утопленник“». *Черновик*.¹³⁷

¹²⁶ В программе по словесности предлагались «разборы планов <...> произведений и изложение их содержания письменно и устно. <...> Составление рассуждений по выработанному в классе плану письменно и устно. <...> Письменное изложение переведенного в классах древних языков» (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 10–10 об.).

¹²⁷ Тетрадь для изложений Д. Мережковского, ученика 3 кл. <асса> приходящего 3-й г. <имназии>. 1878 г. // ИРЛИ. № 24360. Л. 2–4. Тексты с правкой учителя.

¹²⁸ Там же. Л. 4 об. — 7. Тексты с правкой учителя.

¹²⁹ Там же. Л. 8 об. — 12. Первый текст с правкой учителя.

¹³⁰ Тетрадь для изложений Д. Мережковского, ученика IV кл. <асса> приходящего 3-й СПГ. 1878/1879 г. // ИРЛИ. № 24360. Л. 22–23. Текст с правкой учителем ошибок и стиля.

¹³¹ Там же. Л. 23–25 об.

¹³² Там же. Л. 25 об. — 29 об. По всей видимости, это пересказ третьей главы первой части «О знаменитых иноземных полководцах» из сочинения Корнелия Непота, которую проходили в третьем классе на уроках латыни. Текст с правкой учителя.

¹³³ Там же. Л. 30–31. Текст с правкой учителя.

¹³⁴ Там же. Л. 32 об. — 39 об.

¹³⁵ Тетрадь для сочинений Д. Мережковского, ученика 5 кл. <асса> приходящего 3-й СПГ. <1879/1880 год> // ИРЛИ. № 24360. Л. 62–67 об. В общей тетради для черновых работ по всем предметам Мережковского-пятиклассника (ИРЛИ. № 24360а) на л. 37–37 об. переписан текст этой песни, а на л. 93 сверху для памяти записано: «Разбор „Ах ты поле мое поле!“ к четвергу 20 ноября <1879 года>».

¹³⁶ ИРЛИ. № 24360. Л. 68–72. Текст с многочисленной правкой учителя.

¹³⁷ Черновик в тетради: ИРЛИ. № 24360а. Л. 46–46 об., 48 об. — 52. На л. 34 об. в этой же тетради записано начало плана сочинения: «Обстоятельно изложить сочинение Пушкина

«Разбор синонимов „изобретение“ и „открытие“». *Черновик*.¹³⁸

Сочинения старшеклассника

«Значение Ломоносова как писателя на основании VIII оды». *Черновик*.¹³⁹

«Кантемир как сатирик» — *правка и отметка отсутствуют*.¹⁴⁰

«Взгляд Пушкина на свое поэтическое призвание» — *отметка «5»*.¹⁴¹

«План разбора стихотворения „Анчар“» — *правка и отметка отсутствуют*.¹⁴²

Сохранились также черновые записи под заглавием «Тартюф»,¹⁴³ вероятно, наброски к докладу на гимназическом «Мольеровском кружке», который собирался на квартире Мережковского.¹⁴⁴

Как видно, за изложения и сочинения писатель в третьем, четвертом и пятом классах получает тройки и четверки, но эти баллы говорят не о качестве сочинения, а о низкой грамотности будущего поэта.

Напомним, что Мохначев начинает вести у Мережковского уроки с третьего класса. И если в первом и втором классах Мережковский по русскому языку имел тройки,¹⁴⁵ то с приходом Мохначева в третьем, четвертом, пятом и шестом у него — общий балл и экзаменационные отметки — четверки, а в двух последних классах Мережковский по русской словесности становится отличником.¹⁴⁶

Далее приведем список художественных произведений, которые по программе предлагались к изучению на уроках словесности в третьей гимназии. Правда, как мы видели, Мохначев не следовал педантично программе, читая и не входящие в программу произведения и разбирая произведения не в той последовательности, как было предусмотрено по программе. Например, изложение баллады «Ивиковы журавли» Мережковский писал в третьем классе, тогда как по программе эта баллада Жуковского должна была изучаться в шестом или восьмом классах¹⁴⁷ и т. д., а стихотворений Пушкина «Анчар» и «Песнь о вещем Олеге», как и народной песни «Ах ты поле, мое поле...», в программе нет.

„Утопленник“. Какое важное значение суда в государстве. Насколько несовершенен наш суд. Это занимало литературу, и вот Пуш<кин>. Сцену <так!> в крестьянской избе.

¹³⁸ Там же. Л. 69–70 об.

¹³⁹ ИРЛИ. № 24356. Л. 1–2 об. Судя по программе русского языка в 3-й гимназии «Оду на восшествие на престол Елизаветы Петровны» М. В. Ломоносова изучали в 7-м классе (см. ниже).

¹⁴⁰ ИРЛИ. № 24360. Л. 98–104. Судя по программе, 1-я сатира Кантемира разбиралась в 7-м классе (см. ниже). Однако Мережковский пишет сочинение по всем четырем (наиболее известным) сатирам, возможно, как внеклассное сочинение по предложению Мохначева.

¹⁴¹ ИРЛИ. № 24356. Л. 79–92 об. Сочинение переписано в отдельную тетрадь с надписью на обложке: «Мережковский. 1882 г.».

¹⁴² Стихотворение не входило в школьную программу. Писание планов — тезисов анализа («разборов») произведения широко практиковалось на уроках Мохначева.

¹⁴³ ИРЛИ. № 24358.

¹⁴⁴ «В последних классах гимназии я увлекся Мольером и составил из своих товарищей „мольеровский кружок“. Ни о какой политике у нас и речи не было, что не помешало мне получить однажды повестку из Третьего отделения. Нас всех пригласили в известное здание у Полицейского моста. Допрашивали и ни за что не хотели поверить, что мальчики лет 16–17-ти не занимались „свержением существующего строя“. Если меня не арестовали и не выслали — я этим обязан только положением отца. Мать сумела скрыть от него это происшествие» (Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века. С. 291). О том, что этот кружок собирался в квартире у Мережковских, см. в рукописном варианте «Автобиографической заметки» (ИРЛИ. № 24384. Л. 10).

¹⁴⁵ См. отметки Мережковского в младших классах в первой части статьи (Русская литература. 2021. № 1. С. 140–141).

¹⁴⁶ Отметки Мережковского за последние четыре класса см. ниже.

¹⁴⁷ В тексте программы иногда одно и то же произведение повторяется дважды в разных классах.

Фольклор:¹⁴⁸ «Былина об Илье Муромце» (6 класс) и «Песни калик перехожих» (7 класс).

Мировая литература: Отрывки из «Илиады» (6 класс), «Антигона» Софокла (7 класс), «Король Лир» Шекспира (7 класс), «К Мельпомене» Горация,¹⁴⁹ пер. Дмитриева (7 класс).

Древнерусская литература (в 7 классе): «Остромирово Евангелие», «Нестора летопись», «Домострой», «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве», отрывки из «Истории об Иоанне Грозном» Курбского <так!>.

Литература XVIII века:¹⁵⁰ «Недоросль» Фонвизина (6 класс), «1-я Сатира» Кантемира (7 или 8 класс), «Ода на восшествие на престол Елизаветы Петровны» Ломоносова (7 класс), «Видение Мурзы» Державина (7 класс), «Фелица» Державина (7 класс), «Бог» Державина (7 класс), «Памятник» Державина (6 или 7 классы), «Письма русского путешественника» (письмо из Твери, письмо от 9 августа 1789 года, письма из Парижа и Лондона 1790 года) и «История Государства Российского» Карамзина (8 класс).

Литература начала XIX века:

Жуковский: «Ивиковы журавли» (6 или 8 класс), «Опять ты здесь, мой благодатный Гений» (8 класс), «Рыцарь Тогенбург» (8 класс), «Светлана» (8 класс), «Торжество победителей» (8 класс), «Жалоба Цереры» (8 класс);

Пушкин: «Капитанская дочка» (6 класс), «Утопленник» (6 класс), «Пророк» (6 или 8 класс), «Борис Годунов» (7 или 8 класс), «Памятник» (8 класс), «Поэту» (8 класс), «Поэт и Чернь» (8 класс), «Эхо» (8 класс), «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (8 класс), «Опять на родине»¹⁵¹ (8 класс), «Безумных лет угасшее веселье...» (8 класс), «Евгений Онегин» (8 класс), «Руслан и Людмила» (8 класс);

Гоголь: «Старосветские помещики» (6 класс), «Ревизор» (7 или 8 класс), «Тарас Бульба» (8 класс), «Мертвые души» (8 класс);

Крылов: Басни (6 класс);

Лермонтов: «Пророк» (6 класс), «Песня о купце Калашникове» (8 класс), «Мцыри» (8 класс).

В заключение скажем два слова об уроках истории. Их вел у Мережковского знаменитый историк и педагог Я. Г. Гуревич. Он перешел в третью гимназию в 1875 году и был назначен преподавателем истории в старших классах, т. е. с пятого класса.¹⁵² Мережковский имел у него твердую четверку, а в последнем классе за вторую четверть даже пятерку.

Изучение истории в третьем и четвертом классах носило пропедевтический характер: в третьем классе изучалась история Древнего мира, а в четвертом — история русского и европейского Средневековья. С пятого класса началось углубленное изучение истории Древней Греции и Рима по учебнику самого Гуревича.¹⁵³ Дружинин вспоминал: «Его уроки проходили с большим интересом; он внушал желание расширять знания чтением пособий по своему предмету и нередко обращал уроки

¹⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 10 об. — 11 об. Списки художественных текстов в «программе» появляются начиная с 6-го класса. Мы komponуем их, нарушая композицию «программы», не по очередности классов, а по разделам словесности.

¹⁴⁹ Напомним, что «Илиада», трагедия Софокла «Филоктет» и оды Горация разбирались на уроках Лемониуса и Кесслера в 8-м классе.

¹⁵⁰ Кантемир и Ломоносов отнесены к курсу «Преобразовательная эпоха».

¹⁵¹ Так озаглавил В. А. Жуковский стихотворение Пушкина «Вновь я посетил...» (1835) в подготовленном им посмертном издании сочинений поэта.

¹⁵² См.: Дело Якова Гуревича // ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 110. Л. 2–4.

¹⁵³ Гуревич Я. Г. История Греции и Рима (Курс систематический). Применительно к примерной программе для VIII класса гимназий. СПб., 1876. Для пятиклассников Гуревич предлагал читать этот объемный учебник с небольшой адаптацией (см.: Программа преподавания по истории в третьей гимназии на оба полугодия 1877–1878 уч. г. // ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 26 об.).

в чтение выдающихся сочинений по истории».¹⁵⁴ Именно Гуревич, по воспоминаниям выпускников, привил им любовь к античному миру.¹⁵⁵

Чтобы получить представление о серьезности изучения истории в третьей гимназии, процитируем фрагмент из «Программы по истории» за шестой класс, где подробно перечислены темы: «Пройдено будет из всеобщей истории по руководству Рождественского¹⁵⁶ все, что относится к периоду реформации и реакции католицизма и к веку Людовика XIV; причем прочитаны будут некоторые статьи из исторической хрестоматии Гуревича¹⁵⁷ по новой истории, относящиеся к реформационному периоду и составленные по сочинениям Ранке,¹⁵⁸ Гейссера,¹⁵⁹ Прескотта,¹⁶⁰ Мотлея,¹⁶¹ Грина¹⁶² и Макколея,¹⁶³ и обращено будет особенное внимание на влияние черт родства и различия в личности и деятельности главных деятелей реформации: Лютера, Цвингли и Кальвина и в общем ходе реформационного движения в различных государствах Западной Европы. Средневековая история повторена будет в объеме руководства Рождественского.

Из отечественной истории пройден будет вновь очерк событий от Иоанна Грозного и до преемников Петра Великого, и повторен курс отечественной истории, пройденный в V классе по руководству Рождественского, т. е. до Иоанна Грозного. При этом прочитаны будут в классе параллельные отрывки из Карамзина и Соловьева, относящиеся к развитию характера Иоанна Грозного и к смутному времени, а также некоторые главы из первоначальных источников, относящихся к эпохе, предшествующей реформе Петра Великого, и к эпохе преобразований, а именно из соч. Котошихина,¹⁶⁴ Голикова,¹⁶⁵ из дневника Корба,¹⁶⁶ из заметок Бухгольца,¹⁶⁷ из переписки Петра Великого с Лейбницем¹⁶⁸ и т. п.»¹⁶⁹

¹⁵⁴ Дружинин В. Г. Гимназические годы И. А. Шляпкина. С. 104.

¹⁵⁵ Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича. С. 94.

¹⁵⁶ Рождественский С. Е. Отечественная история в связи с всеобщей (среднею и новою). Курс средних учебных заведений. 4-е изд., испр. СПб., 1876.

¹⁵⁷ Гуревич Я. Г. Историческая хрестоматия по новой и новейшей истории. Пособие для учащихся и преподавателей. СПб., 1876–1880. Т. 1–2. Здесь речь идет о второй части первого тома: «Период реформации и реакции католицизма».

¹⁵⁸ Ранке Леопольд фон (1795–1886) — немецкий историограф, основатель исторической школы, автор фундаментального трехтомного труда «Римские папы» (1834–1836), шеститомной «Истории Германии эпохи реставрации» (1839–1847), а также не доведенной до конца многотомной «Всеобщей истории» (1880–1886). В рукописи ошибочно: «Ганке».

¹⁵⁹ Гейссер Людвиг (1818–1867) — немецкий историк, автор четырехтомной «Истории реформации» (1868).

¹⁶⁰ Прескотт Уильям Хихлинг (1796–1859) — американский историк, автор монументальных работ по истории Испании XV–XVI веков.

¹⁶¹ В рукописи ошибочно: Матвея. Имеется в виду Мотли (Мотлей в произношении того времени) Джон Лотроп (John Lothrop Mothley, 1814–1877), американский историк, автор «Истории нидерландской революции и основания Республики соединенных провинций» (1874).

¹⁶² Грин Джон Ричард (1837–1883) — британский историк, автор популярной «Краткой истории английского народа» (1874).

¹⁶³ Макoley Томас Бабингтон (1800–1859) — британский государственный деятель и историк, автор пятитомной «Истории Англии», над которой работал всю жизнь; она охватывает период с 1688 по 1702 год.

¹⁶⁴ Имеется в виду сочинение Григория Карповича Котошихина (ум. 1667) «О России в царствование Алексея Михайловича» (1666–1667).

¹⁶⁵ Голиков Иван Иванович (1735–1801) — автор сочинения «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» (1788–1789).

¹⁶⁶ Корб Иоганн Георг (1672–1741) — немецкий дипломат, будучи в Московии во время начала царствования Петра, оставил дневник с описанием событий того времени, в том числе Стрелецкого бунта.

¹⁶⁷ Бухгольц Иван Дмитриевич (1671?–1741) — сподвижник Петра I, генерал-майор, один из первопроходцев Сибири и основатель Омской крепости. Имеются в виду его донесения из экспедиции.

¹⁶⁸ Имеется в виду издание: Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / [Авт. предисловия и изд.] В. И. Герье. СПб., 1873.

¹⁶⁹ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 26 об. — 27.

На уроках истории практиковались не только устные ответы, но и письменные изложения отдельных эпизодов истории и конспектирование целых исторических периодов и эпох, которые задавались в качестве домашних заданий. Часть таких изложений и конспектов по истории Древней Греции и Рима сохранилась в фонде Мережковского.¹⁷⁰

И наконец, приведем отметки Мережковского за четыре последних года обучения (с пятого по восьмой класс), а также ведомость его выпускных экзаменов и аттестат зрелости.

5-й класс¹⁷¹

Закон Божий	Русск. язык	Латынь	Греч.	Мат.	Истор.	Франц.	Нем.
4 1/4	4	4	3	4	3 3/4	3	4

Русск. язык	За год	4	Экзамен	4	Общая	4
Латынь	За год	3 1/2	Экзамен	4—	Общая	4
Греческий	За год	3 1/2	Экзамен	3	Общая	3
Математика	За год	3 1/2	Экзамен	4	Общая	4
Франц. яз.	За год	3	Экзамен	3	Общая	3
Нем. яз.	За год	4	Экзамен	—	Общая	4

6-й класс¹⁷²

	Зак. Бож.	Русск.	Лат.	Греч.	Мат.	Физика	История	Франц.	Нем.
1 срок	5	3+	4	3	4	4	4	3	4
2 срок	5	3+	4	3	4	3	4+	3	4
3 срок	5	3х ¹⁷³	4	3	3+	4	4+	3	4
4 срок	5	3х	4	3	3+	4	4	3	4
Средняя	5	3х	4	3	4	4	4	3	5

Экзаменационные отметки¹⁷⁴

Зак. Бож.	Русск.	Лат.	Греч.	Мат.	Физика	История	Франц.	Нем.
5	3+	4	3	4	4	4	3	4

¹⁷⁰ См.: «Подвиг Леонида» (ИРЛИ. № 24360. Л. 43–47) в отдельной тетради, подписанной: «Тетрадь для истории ученика IV класса, приходящий, 1879 год»; «Быт греков по Гомеру» (ИРЛИ. № 24351, черновой набросок); «История Древней Греции» (ИРЛИ. № 24360. Л. 118–132, отдельная тетрадь под заглавием: «Конспекты по истории»), текст, в котором кратко изложены исторические события, включающие архаический период, историю Спарты и Афин; «Битва Цезаря с венетами» (ИРЛИ. № 24360а. Л. 28–34 об.) — черновик сочинения, записанный Мережковским в общей тетради, относящейся к работе над домашними заданиями по всем предметам в 5-м классе. Первое сочинение подготовлено в качестве повторения программы третьего класса, где изучался краткий курс древней и средней истории по учебнику: *Беллярминов И. И.* Элементарный курс всеобщей и русской истории (Курс III и IV классов гражданских гимназий). 5-е изд., доп. СПб., 1875, или: 6-е изд. СПб., 1876. Три последних сочинения написаны в 5-м классе у Гуревича, где по новой программе предполагалось повторение и более углубленное, чем в третьем классе, изучение истории Древней Греции и Рима.

¹⁷¹ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 2300. Л. 68.

¹⁷² Журнал четвертных оценок учеников // Там же. № 1712. Л. 9 об. — 10.

¹⁷³ Значок указывает, что знания выше, чем удовлетворительные.

¹⁷⁴ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 2304. Л. 65.

Педагоги:

Закон Божий — Ветвеницкий, Русский язык — Мохначев, Латынь — Кесслер, Греческий — Бюриг, Математика + Физика — Семенников, История — Гуревич, Немецкий — Буш. Остальных подписей нет.

7-й класс¹⁷⁵

	Зак. Бож.	Русск.	Лат.	Греч.	Мат.	Физи- ка	Ист.	Геогр.	Франц.	Нем.
1 срок	5	4+	4	3	4	4	4	4	3+	4
2 срок	5	4+	3	3+	3	4	4	4	4–	4
3 срок	5	5	4	3–	3+	3	4	4	4	4
4 срок	5	5	3	3–	3+	3	4	4	4	5
Средняя	5	5	3	3–	3	4	4	4	5	5

Экзаменационные отметки¹⁷⁶

Зак. Бож.	Русск.	Лат.	Греч.	Мат.	Физика	Ист.	Геогр.	Франц.	Нем.
5	5 ¹⁷⁷	3	3	3	4	4	4	4	5

Педагоги:

Латынь — Кесслер, История — Гуревич, Французский — Вильд. Остальных подписей нет.

8-й класс¹⁷⁸

	Зак. Бож.	Слов.	Лат.	Греч.	Ал- геб.	Геом.	Ист.	Физ.+ Мат. геогр.	Геогр.	Фр.	Нем.
1 срок	5	5–	3+	3	3	3	4	3/4	3	4	4
2 срок	5	4	3+	3	3	3	5–	4/3	3	4	4+
3 срок	5	5–	4	3	3	3	4+	3/4	4	4–	3
4 срок	5	5	3	3	3	3	4	3	3	5	3
Средняя	5	5	3	3	3	3	4	3	3	5	3

Экзаменационные отметки¹⁷⁹

Зак. Бож.	Рус. Уст./ Письм.	Лат. Уст./ Письм.	Греч. Уст./ Письм.	Мат. Уст./ Письм.	Ист.	Геогр.	Лог.	Физ.+ мат. г.	Фр.	Нем.
	5/5	4/4	3/3	4/4						
5	5	4	3	4	4	3	4	3	5	3

¹⁷⁵ Журнал четвертных оценок учеников // Там же. № 1727. Л. 6 об. — 7.

¹⁷⁶ Там же. № 2305. Л. 39.

¹⁷⁷ Отметка выставлена Мохначевым красными чернилами.

¹⁷⁸ Журнал четвертных оценок учеников // Там же. № 1743. Л. 5 об. — 6.

¹⁷⁹ Там же. № 2306. Л. 17–17 об.

Экзаменационные отметки по выпускным испытаниям за 1882–1883¹⁸⁰

Вопросы	Отметка	Преподаватели
Закон Божий Сошествие Св. Духа. Христианство в Иерусалиме и Самарии. Понятия о катехизисе, об Откровении, о предании, о Книгах Нового и Ветхого Завета.	5 (отлично)	Протоиерей И. Яхонтов ¹⁸¹ Священник Ветвеницкий Законоуч. Конст. Голубков
Латынь Hor. Od. III, 3 ¹⁸²	4 (хорошо)	Кесслер Кеммерлинг Райман
Греческий Dem. Ol. B § 1 и 2 ¹⁸³ II. VII 91–120 ¹⁸⁴	3 (удовлетворительно)	Г. Бюриг Образцов
Математика Определение поверхности шара	4 (хорошо)	В. Попов
История Нашествие галлов на Рим Война с Тарентской республикой Регентство Бирона Правление Анны Леопольдовны Императрица Елизавета Петровна Плантагенеты в Англии Иоанн Безземельный Великая хартия	4 (хорошо)	Я. Гуревич

С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА

от

ТРЕТЬЕЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГИМНАЗИИ

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ¹⁸⁵Дан сей *Дмитрию Мережковскому*вероисповедания *православного*сыну *Тайного советника*

родившемуся 2-го Августа 1865 года

обучавшемуся 8 лет в 3-й С.-Петербургской Гимназии

и пробывшему в VIII классе 1 год, в том,

1) что на основании наблюдений за все время обучения его в 3-й С.-Петербургской Гимназии, поведение его вообще было *отличное*, исправность в посещении и приготовлении, прилежании *удовлетворительное* и любознательность *хорошая* и

2) что он обнаружил нижеследующие познания:

¹⁸⁰ Там же. Л. 21, 23, 25, 27, 29.

¹⁸¹ Яхонтов Иван Константинович (1819–1888) — протоиерей Никольского собора, помощник главного наблюдателя за преподаванием Закона Божия в учебных заведениях Министерства народного просвещения с 1878 года, духовный писатель и педагог, автор ряда книг, в том числе брошюры «Слово о поминовении Ф. М. Достоевского» (1881).

¹⁸² Horatius. Odes Lib. III. Carm. 3 (Третья песня из третьей книги «Од» Горация).

¹⁸³ Demosphen. Olynphius oration (Демосфен. Олинфские речи).

¹⁸⁴ Homer. Iliada. VII 91–120 (Гомер. Илиада. Песнь VII, ст. 91–120).

¹⁸⁵ Аттестат в студенческом деле Д. С. Мережковского: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. № 23357. Л. 44–44 об., 44 а. См. также копию аттестата: Там же. Ф. 439. Оп. 1. № 5313. Л. 14.

Предметы гимназического курса	Отметки, поставленные в Педагогическом Совете	Отметки, поставленные на испытании, происходившем 6 мая 1883 г.
Закон Божий	<i>пять (5)</i>	<i>пять (5)</i>
Русский язык и Словесность	<i>пять (5)</i>	<i>пять (5)</i>
Логика	<i>четыре (4)</i>	
Латинский язык	<i>три (3)</i>	<i>четыре (4)</i>
Греческий язык	<i>три (3)</i>	<i>три (3)</i>
Математика	<i>три (3)</i>	<i>четыре (4)</i>
Физика и Математическая география	<i>три (3)</i>	
Краткое естествоведение		
История	<i>четыре (4)</i>	<i>четыре (4)</i>
География	<i>три (3)</i>	
Французский язык	<i>пять (5)</i>	
Немецкий язык	<i>три (3)</i>	

На основании чего и выдан ему сей аттестат зрелости, предоставляющий ему все права, обозначенные в §§ 130–132 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 30 Июля 1871 года Устава Гимназий и Прогимназий.

С.-Петербург Мая 29 дня 1883 года

Директор В. Лемониус

Инспектор А. Крутков

Преподаватели:

*Почет. 3-й С.-Петербургской
гимназии <учитель>*

*Законоуч. и Свящ.
Математики и Физики
Математики
Латинского языка*

„-----“

Русского яз.

Истории

Греческого яз.

Русского яз.

Греческого яз.

Французского яз.

Немецкого яз.

Секретарь Совета

Я. Гуревич¹⁸⁶

К. Ветвеницкий

В. Попов

Г. Суслов

Э. Кесслер

Райман

А. Барбешев

В. Геннинг

А. Образцов

П. Ветвеницкий

Г. Бюриг

Г. Вильд

Э. Буш

А. Мохначев

Как можно видеть, в гимназических ведомостях зафиксированы вопросы, заданные Мережковскому на экзаменах. К сожалению, ряд экзаменационных листов не сохранился, например, нет листа с вопросами по словесности, французскому и немецкому языкам. Отметим, что на выпускных экзаменах в экзаменационных листах часто имеются подписи учителей, которые не преподавали у Мережковского, но присутствовали на его ответе. Кроме того, на выпускных экзаменах должны были присутствовать

¹⁸⁶ Я. Г. Гуревич возглавлял аттестационную комиссию.

и приглашенные преподаватели из других учебных заведений: перечень приглашенных на выпускные экзамены лучших университетских профессоров говорит об уровне и серьезности испытаний.¹⁸⁷

Мережковский готовился к экзаменам серьезно. В апрельском письме к С. Я. Надсону он писал: «Сегодня у нас в гимназии кончились классы. Буду готовиться к экзаменам по 8 часов в день. Вы, Семен Яковлевич, и вообразить себе не можете, какая египетская работа предстоит мне...».¹⁸⁸

¹⁸⁷ На экзамен латинского языка в экзаменационный совет был приглашен профессор римской словесности Петербургского университета Иосиф Антонович Шебор, на экзамен по математике знаменитый математик, в будущем академик, тогда профессор физико-математического факультета Петербургского университета Андрей Александрович Марков, на экзамен по истории профессор всеобщей истории и античности Петербургского университета Василий Васильевич Бауэр (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5313. Л. 5).

¹⁸⁸ Мережковский Д. С. Письма к С. Я. Надсону / Публ. А. В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 181.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-133-144

© Е. А. Глуховская

В. О. НИЛЕНДЕР В КРУГУ ПОЭТОВ «НЕО-ПУШКИНСКОЙ ШКОЛЫ»*

В рецензии на книгу Сергея Соловьева «Цветы и ладан» (1907) Борис Садовской отметил: «...все почти стихотворения г. Соловьева отличаются безупречною ясностью и чистотой стиля, — качества, доказывающие, что в деле словесного искусства поэт достиг высокого совершенства. По общему характеру своего теперешнего творчества г. Соловьев должен быть причислен к числу виднейших представителей нео-пушкинской школы».¹ Подробнее об особенностях «нео-пушкинской школы» рецензент не говорит, но авторское предисловие к книге позволяет сделать вывод, что речь идет о поэтической форме, идеале красоты и синтезе языческого (античного) и христианского начал.²

В предисловии к своей первой книге стихов «Позднее утро» (1909) Садовской уже упоминал не школу, а «нео-пушкинское течение» в современной поэзии, продолжающее традиции пушкинской эпохи: «Причисляя себя к поэтам пушкинской школы, я в то же время не могу отрицать известного влияния, оказанного на меня новейшей русской поэзией, поскольку она является продолжением и завершением того, что дал нам Пушкин. С этой стороны, минуя искусственные разновидности так называемого „декадентства“, которому Муза моя по природе всегда оставалась чуждой, я примыкаю

* Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 19-78-10012 «Писатель — критика — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX веков)».

¹ Садовской Б. [Рец. на:] Сергей Соловьев. Цветы и ладан. Первая книга стихов. М., 1907 // Русская мысль. 1907. № 6. Библиографический отд. С. 106–107.

² Соловьев С. Цветы и ладан. Первая книга стихов. М., 1907. С. 7–10. Идея синтеза, очевидно, восходит к первой символистской работе о Пушкине — статье Д. С. Мережковского, в которой автор говорит о поэте как творце, стремящемся объединять мировые антиномии (язычество–христианство, Запад–Восток, искусство–жизнь и т. д.) и гармонизировать их в творчестве: «...миросозерцание Пушкина, так же как всех истинных людей Возрождения, — например, Гете и Леонардо да Винчи, — шире нового мистицизма, шире язычества. Если Пушкин не примиряет этих двух начал, то он, по крайней мере, подготавливает возможность грядущего примирения»; «Поэзия Пушкина представляет собою редкое во всемирной литературе, а в русской единственное явление гармонического сочетания, равновесия двух начал» (Мережковский Д. С. А. С. Пушкин // Философские течения русской поэзии. СПб., 1896. С. 22, 44). К этому поэтическому идеалу и призывает Соловьев во вступительной статье к «Цветам и ладану».

ближе всего к нео-пушкинскому течению, во главе которого должен быть поставлен Брюсов. Основные черты моего творчества были бы намечены не с должной ясностью, если бы я забыл упомянуть имя Фета».³ Отрицая декадентство и утверждая свою связь с классической русской поэзией, воспринятой сквозь призму символистских опытов адаптации и интерпретации пушкинской традиции, Садовской выстраивает генеалогию «нео-пушкинского течения» — от Пушкина через Фета к Брюсову и поэтам «брюсовского круга» — Соловьеву и Садовскому.⁴

Другой литератор, включенный Садовским в «нео-пушкинское течение», — Юрий Сидоров, многообещающий поэт, скоропостижная смерть которого в январе 1909 года не дала раскрыться его таланту.⁵ При жизни Сидоров опубликовал всего несколько стихотворений, однако его посмертный сборник стихов, подготовленный Садовским, был благожелательно встречен критикой.⁶ Стихотворным текстам в сборнике Сидорова предшествовали три небольшие вступительные статьи — Белого, Садовского и Соловьева. В статьях последних двух представляется духовная и эстетическая эволюция Сидорова, ведущая к той же идее гармонического синтеза: «Призраки Египта и Византии, неизменно владея его мечтами, уже не насыщали, как прежде, испытующего ума: смутная потребность какого-то последнего синтеза неясно предчувствовалась его душой. <...> Поэтическим божеством Юрия был Пушкин», — писал Садовской.⁷ Со связи Сидорова и поэтов пушкинского круга начинается свой очерк и Соловьев: «...талант строгий, закала Пушкинской плеяды, особенно родственный Баратынскому».⁸ Столь ценимые Соловьевым строгость поэтической формы и синкретичность мировоззрения выделяются в качестве характерных черт творчества Сидорова: «В стихах его мы находим преимущественно чеканку формы, изящество, изображение романтического чувства. Одним из главных вопросов за последнее время был для Сидорова вопрос о судьбе Пушкина и Гоголя. <...> Гоголь являлся для него носителем христианского, аскетического начала, Пушкин — идеала языческого. Борьба Гоголя и Пушкина в современной поэзии явилась для проникнутого Мережковским сознания Сидорова чем-то вроде борьбы Христа и Антихриста. <...> После лета 1908 года Сидоров вернулся страстным пушкинианцем. Пушкин был для него уже не язычником, а солнечным богом, погибающим в борьбе с титанами мрака».⁹

Утверждение Садовского о появлении в рамках русского символизма новой литературной группы было небезосновательным: начинающих поэтов объединяли дружеские отношения и общие эстетические установки — противостояние разрушительному декадентству современности и ориентация на поэтическую традицию и культуру прошлых веков. Обращение к пушкинской эпохе, вероятно, было обусловлено консервативно-монархическими политическими предпочтениями Садовского и стало ответом на политический и литературный хаос пореволюционного времени. Свои представления о творчестве молодые литераторы развивали на вечерах в квартире Сергея Соловьева,¹⁰ вместе они предприняли попытку организовать собственный печатный

³ Садовской Б. Позднее утро: стихотворения Бориса Садовского. 1904–1908. М., 1909. С. 3. Работа над книгой была закончена в конце 1908 года.

⁴ О рецепции образа Пушкина у русских символистов см.: Минц З. Г. У истоков «символистского Пушкина» // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 146–149; *Paper-po I*. Пушкин в жизни человека Серебряного века // *Cultural Mythologies of Russian Modernism: from the Golden Age to the Silver Age*. Berkely; Los Angeles; Oxford, 1992. P. 19–51.

⁵ Подробнее о нем см.: Лавров А. В. Юрий Сидоров: на подступах к литературной жизни // Лавров А. В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 204–225.

⁶ Сидоров Ю. Стихотворения. М., 1909. При жизни Сидорова было опубликовано два его стихотворения («Новые варвары» и «Сновидец, ты миру послал откровенье...») в альманахе «Хризопрас» (Хризопрас: Художественно-литературный сборник издательства «Самоцвет». М., 1907. С. 27–28).

⁷ Садовской Б. Памяти друга // Сидоров Ю. Стихотворения. С. 14–15.

⁸ Соловьев С. Юрий Сидоров // Там же. С. 16.

⁹ Там же. С. 17–18.

¹⁰ Философ и богослов Николай Арсеньев, посещавший кружок в 1906–1907 годах, вспоминал: «Студентом 1 курса бывал я на интимных литературных вечеринках на квартире молодого

орган — издательство «Самоцвет», выпустившее единственный альманах «Хризопрас».¹¹ Исследователи, в частности А. В. Лавров, также отмечали стилистическую близость этих поэтов: «Отчетливо обозначаются в стихотворениях Сидорова „нео-классические“ тенденции, характерные и для одновременно рождавшихся поэтических опытов его друзей — Бориса Садовского и Сергея Соловьева, и для авторов, с которыми он не был лично связан (например, для петербуржца Юрия Верховского)».¹² Однако был еще один литератор, которого необходимо упомянуть в этом контексте. Садовской вспоминал: «Соловьев был моим товарищем по классическому отделению историко-филологического факультета. Вместе слушали мы курс латинской грамматики у А. А. Грушки и Петрония у М. М. Покровского, присоединялись к нам: третий классик, эллинист В. О. Нилендер и с философского отделения юный поэт Ю. А. Сидоров — оба случайные сотрудники „Весов“».¹³

Владимир Оттонович Нилендер (1883–1965)¹⁴ родился в Смоленске, где его дед после окончания Дерптского университета получил должность преподавателя древних языков в Мужской классической гимназии.¹⁵ Отец Нилендера Отто Августович также преподавал древние и современные языки в этой гимназии, а в 1894 году был назначен директором Рославльской мужской прогимназии, в которой и начал свое образование Владимир.¹⁶ Впрочем, не окончив 4-го класса, Нилендер перевелся

поэта Соловьева <...>. Собирались там его друзья и товарищи, также молодые поэты-символисты или начинающие ученые. <...> Вообще я преднамеренно тогда изолировался от окружающих волн столь модного тогда радикально-интеллигентского несимпатичного мне кликушества в стиле Леонида Андреева с его потугами на глубокомыслие, а также от не менее мне несимпатичного „оргиастического“ символизма. От первого кружок Соловьева был, впрочем, чист, а оргиастический символизм при личном общении тоже был в нем мало замечен. В нем ощущался истинный идеалистический порыв-борьба за право красоты. За права духа и религиозного начала против материалистического отрицания» (*Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. Frankfurt a/M., 1974. С. 64–66*).

¹¹ Осенью 1906 года группа студентов Московского университета решила издавать ежемесячный журнал. Садовской первоначально к этому замыслу отношения не имел и был привлечен к участию в качестве одного из авторов Сидоровым. Вскоре идея о выпуске студенческих сборников превратилась в амбициозный проект издательства с ежемесячными альманахами. Первым номером стал альманах «Хризопрас» (1907), однако продолжения не последовало. Подробнее об этом проекте см.: *Глуховская Е. А. Из истории литературной борьбы 1906–1907 годов: сборник «Хризопрас» // Русская литература. 2018. № 4. С. 97–104.*

¹² *Лавров А. В. Юрий Сидоров: на подступах к литературной жизни. С. 210.*

¹³ *Садовской Б. А. «Весы» (Воспоминания сотрудника) / Публ. Р. Д. Щербакова // Минувшее: Исторический альманах. М., 1993. Вып. 13. С. 33.*

¹⁴ Основные биографические сведения о нем см.: *Агеев А. Слышу умолкнувший звук // Край Смоленский. 1997. № 1–2. С. 22–27; Полтавская Л. В., Новиков Л. А. Нилендер Владимир Оттонович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 332–333; Рафаева А. В. Владимир Нилендер // Поэзия Московского университета от Ломоносова и до... М., 2010. Кн. 5. От Андрея Белого до Павла Флоренского. С. 221–225; Лотарева Д. Д. Незвестная автобиография В. О. Нилендера — ратника 2-го разряда, рядового 193-го пехотного запасного полка // Русская литература в историко-культурном контексте первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М., 2014. С. 841–842; Владимир Оттонович Нилендер. Автобиография / Подг. текста и комм. Д. Д. Лотаревой // Там же. С. 843–850.*

¹⁵ Август Львович Нилендер (1818–1887) — потомственный дворянин, статский советник; начал преподавать в Смоленской мужской гимназии с 1843 года (старший учитель латинского и греческого языков), в 1868 году был назначен инспектором, а в 1874 переведен в только что открывшуюся Рославльскую четырехклассную прогимназию. Был женат на Фридерике Герекке, имел троих детей: Отто (1848), Леопольда (умер в 1852 году в возрасте трех лет), Эмилию (1850). Автор учебника «Латинская грамматика, курс 1 и 2 для 3 и 4 классов, составленная старшим учителем Смоленской гимназии Нилендером» (М., 1862).

¹⁶ Отто Августович Нилендер (1848 — после 1917) — действительный статский советник (с 1905 года); от первого брака (жена — Наталья Васильевна, умерла в 1887 году) дети: Наталья (1882), Владимир (1883), Василий (1887); от второго брака — Елена (1894), Лев (1896). Василий Нилендер в 1906 году, после обучения в Смоленской классической мужской гимназии, поступил на физико-математическое отделение Московского университета, откуда в 1907 году перевелся в Киевский университет (подробнее см. в студенческом личном деле: ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 320.

в Морской кадетский корпус в Петербурге, однако, как позже он напишет в автобиографии, «встреча у известного поэта Случевского с Валерием Брюсовым решила мою судьбу: корпус стал невыносим; вскоре был исключен».¹⁷ В 1903 году Нилендер поступил на юридический факультет Московского университета, на следующий год перевелся на историко-филологический и сблизился с московскими литературными кругами.¹⁸ Нилендер был членом кружка «аргонавтов», печатал рецензии в журналах «Весы» и «Золотое Руно».¹⁹ В 1907 году в альманахе «Хризопрас» было опубликовано четыре стихотворения Нилендера и перепечатана рецензия из «Золотого Руна».²⁰ Нилендер входил в ближайший круг сотрудников книгоиздательства «Мусaget», где в серии «Орфей» вышла переведенная им книга «Гераклит Ефесский. Фрагменты» (1910).²¹ В этом издании было объявлено также о подготовке переводов «Гимны Орфея» (книга указывается в каталоге «Мусagета» за 1912 год) и «Ксенофан Колофонский. Фрагменты», которые, однако, так и не были опубликованы. С 1911 года Нилендер служил секретарем издательства Сабашниковых, где работал над «Собранием греческих лириков в переводе русских писателей» (в рамках серии «Памятники мировой литературы»). Это издание не состоялось, некоторые тексты из него Нилендер позже включил в книгу «Греческая литература: В избранных переводах» (1939).²² Со

Ед. хр. 1175). Елена Нилендер в 1912 году окончила Рославльскую женскую гимназию, с 1915 года преподавала немецкий язык в Рославльской учительской семинарии.

¹⁷ Цит. по: Владимир Оттонович Нилендер. Автобиография. С. 843. В 1903 году Нилендер сдал экзамены при Смоленской мужской гимназии и получил свидетельство о знании курса восьми классов по древним языкам.

¹⁸ См. личное дело студента В. О. Нилендера в архиве Московского Императорского университета: ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 325. Д. 1180а.

¹⁹ В «Весах» были напечатаны две рецензии Нилендера: *Нилендер <sic!> В.* [Рец. на:] Очерки по истории Германии в XIX веке. Том 1. Происхождение современной Германии. Перевод с немецкого В. Базарова и И. Степанова. Издание С. Скимунта. С.-Петербург. Ц. 2 р. // Весы. 1905. № 2. С. 64–65; *Нилендер В.* [Рец. на:] Театр Еврипида. Полный стихотворный перевод с греческого всех пьес и отрывков, дошедших до нас под этим именем, с двумя введениями, статьями об отдельных пьесах, объяснительным указателем и снимком с античного бюста Еврипида, И. Ф. Анненского. С.-Пб. т-во «Просвещение» // Весы. 1908. № 4. С. 51–53. В конце 1906 года две рецензии Нилендера также были опубликованы в «Золотом Руно»: *Нилендер В.* 1) [Рец. на:] Публий Овидий Назон. Песни любви (Amores). Перевод Я. Б. Издание Д. П. Ефимова. Москва, 1906. Ц. 1 р. // Золотое Руно. 1906. № 11–12. С. 155–156; 2) [Рец. на:] Гуго фон Гофмансталь. Драммы. Перевод Сергея Орловского. Москва. 1906. Ц. 1 рубль // Там же. С. 156.

²⁰ Стихотворения: «Иль в час, как меч красавца дня...» (с эпиграфом из Пушкина), «Три стихотворения» (I. «Вот летят лихие сани...», II. «На бледно-мраморные лица...», III. «Кони покорны в умелых руках...») (Хризопрас. С. 20–23). Заметим, что это единственные стихотворения Нилендера, которые были опубликованы при его жизни. Рецензия: *Нилендер В.* [Рец. на:] Публий Овидий Назон. Песни любви (Amores). Перевод Я. Б. // Хризопрас. С. 78–79.

²¹ Гераклит Ефесский. Фрагменты / Пер. [и предисловие] В. Нилендера. М., 1910. В рецензии на это издание С. Л. Франк невысоко оценил работу Нилендера («...переводчик настолько стремится сохранить обороты речи и расстановку слов оригинала, что как бы переводит не суждения, а слова; благодаря этому вместо перевода получается нечто непонятное»), отметив, что в предисловии к книге Нилендер подменяет «античного мыслителя каким-то утонченным символизмом, единомышленником современных мистиков-прагматиков» (Русская мысль. 1911. № 2. Критическое обозрение. С. 54). Об особенностях перевода Нилендера см.: *Гусева А.* Некоторые термины Гераклита в переводе В. О. Нилендера // VOX. Философский журнал. 2010. № 9 (<https://vox-journal.org/html/issues/vox9/141>). О взаимоотношениях Нилендера с Мариной Цветаевой и влиянии на ее творчество переводов Нилендера см.: *Стрельникова Н. Д.* М. Цветаева и В. Нилендер, переводчик Гераклита Ефесского // Русская литература. 1992. № 1. С. 160–170; *Политковская Л.* «Мудрец-филолог». Кто он? К биографии одного лирического героя Марины Цветаевой // Звезда. 1992. № 10. С. 173–179; *Войтехович Р. С.* К постановке проблемы «Цветаева и Гераклит» // Тр. по русской и славянской филологии: Литературоведение. Новая сер. Тарту, 2001. Вып. 4. С. 236–246.

²² Греческая литература: В избр. переводах / Сост. В. О. Нилендер. М., 1939. Подробнее о работе Нилендера в издательстве Сабашниковых см.: *Котрелев Н. В.* Материалы к истории серии «Памятники мировой литературы» издательства М. и С. Сабашниковых (Переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эсхила, Петрарки) // Книга в системе международных культурных связей: Сб. науч. трудов. М., 1990. С. 127–150; *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Переводы Вяч. Ивано-

второй половины 1910-х годов переводческая и научная деятельность становятся основными занятиями Нилендера: он продолжает работать над «Гимнами Орфея» и другими религиозными текстами, однако ничего из этого так и не увидело свет. Только в послереволюционные годы вышли две книги переводов: «Прометей прикованный» Эсхила (совместно с С. М. Соловьевым) и трагедии Софокла (совместно с С. В. Шервинским в издательстве «Academia», где Нилендер работал редактором).²³

Архивных материалов, связанных с Нилендером, сохранилось немного, в большинстве своем они относятся к поздним годам жизни.²⁴ Основным свидетельством его литературных исканий в первое десятилетие XX века являются письма к Борису Садовскому.²⁵ Корреспонденция охватывает период с 1905 по 1911 год, наиболее интенсивным было общение в 1905–1908 годах, когда оба литератора по ряду причин проводят много времени вне Москвы. Письма носят личный характер и посвящены преимущественно двум темам — университетской жизни и литературному творчеству. Эти документы позволяют проследить становление творческих взглядов Нилендера и выявить их общность с представителями «нео-пушкинского течения», Соловьевым²⁶ и Сидоровым в частности.

Нилендер и Садовской познакомились, вероятно, в 1903 году, когда оба стали студентами юридического факультета Московского университета.²⁷ Первое из сохранившихся писем датируется 4 января 1905 года, когда Садовской, уже постоянный сотрудник журнала «Весы», был вынужден уехать к родителям в Нижегородскую губернию, а Нилендер остался в Москве и начал знакомство с литературным миром.²⁸ Первое письмо представляет собой подробный отчет о жизни Нилендера, при этом насыщенная творческая деятельность молодого поэта проходит в обстановке революционных волнений первых месяцев 1905 года: «Вы спрашиваете, что нового в „Весах“? Нового для меня там много. Это во-первых — разные лица каждый вторник. Я еще не разобрался в них и поэтому больше наблюдаю. Что же касается до литературных новостей, то вышел альманах Гриф, где помещена Ваша поэма „Грядущий“». ²⁹ О ней

ва, предназначавшиеся для антологии «Греческие лирики в русских стихотворных переводах» Ф. Е. Корша и В. О. Нилендера // Русская литература. 2014. № 1. С. 178–206.

²³ Эсхил. Прометей прикованный: Трагедия / Пер. с греч. С. Соловьева и В. Нилендера; вступ. статьи А. В. Луначарского и С. М. Соловьева. Прометей освобожденный. М.; Л., 1927 (переизд. в 1948 году); Софокл. Трагедии: I / Пер. В. О. Нилендера и С. В. Шервинского; комм. В. О. Нилендер. М.; Л., 1936. Подробнее о работе Нилендера в послереволюционные годы см. в воспоминаниях А. Ф. Лосева: Мемуар А. Ф. Лосева о В. О. Нилендере / Публ. и комм. К. Ю. Лаппо-Данилевского // Созидаящая верность: К 90-летию А. А. Тахо-Годи. М., 2012. С. 283–294.

²⁴ ИМЛИ. Ф. 482; РГБ. Ф. 583. Среди документов Нилендера, относящихся к первым десятилетиям XX века, стоит отметить: РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 32 (письма Э. К. Метнеру); Ф. 25. Карт. 21. Ед. хр. 4 (письма А. Белому); Ф. 128. Оп. III. Карт. 18. Ед. хр. 29 (письма Н. Киселеву); Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 75 (письма Вяч. Иванову и В. Шварсалон).

²⁵ РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 148 (письма Нилендера Владимира Оттоновича <Садовскому Борису Александровичу>. Приложены стихотворения В. О. Нилендера и Ю. А. Сидорова). Всего 43 письма (63 листа). Далее ссылки на материалы этой единицы хранения приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера листа. Фрагменты писем печатаются в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением индивидуальных особенностей написания.

²⁶ О творческом пути Соловьева см.: Лавров А. В. «Продолжатель рода» — Сергей Соловьев // Лавров А. В. Русские символисты: этюды и разыскания. М., 2007. С. 371–394.

²⁷ Окончив Нижегородскую гимназию, Садовской в 1902 году стал студентом историко-филологического факультета Московского университета, однако уже на следующий год перевелся на юридический. В 1906 году Садовской вновь будет зачислен на историко-филологический факультет, классическое отделение.

²⁸ Садовской был приглашен Брюсовым в «Весы» практически с самого начала существования журнала. Подробнее об этом см.: Садовской Б. А. «Весы» (Воспоминания сотрудника). С. 7–53. Всего Садовским в «Весах» было опубликовано около семидесяти текстов.

²⁹ В феврале 1905 года вышел третий альманах книгоиздательства «Гриф», где была опубликована поэма Б. Садовского «Грядущий» (Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1905. С. 179–186). Брюсов в рецензии на альманах дал уничижительную характеристику поэме Садовского:

хотелось бы поговорить с Вами. Затем появился реформированный „Н<овый> Путь“, под заглавием „Вопросы Жизни“.³⁰ Он значительно отличается от прежнего Н<ового> Пути, и по совести сказать — тот мне больше нравился. Заметка моя будет помещена в ближайшем №, относительно Ваших узнаю у Вал. Яковл. <Брюсова. — Е. Г.> и напишу Вам немедленно.³¹ — Номер выйдет на днях. Видел рисунки для него Б. Мусатова.³² Занятия мои философией идут медленно. Я жду Вас, вдвоем будет легче заниматься. <...>

Вчера на Арбате у всех в глазах вздули двух студентов, а городской не пошевелился. Меня тоже усиленно зовут домой ввиду „тревожного времени“, но я — послал категорический отказ.

Я предпочитаю все-таки грязную Москву грязной провинции» (л. 1–2; письмо от 18 февраля 1905 года).

Представленные в последующих письмах рассуждения о современной литературе и собственном предназначении свидетельствуют, что Нилендер был внимательным читателем модернистских периодических изданий, и прежде всего журнала «Весы». На формирование взглядов Нилендера сильное влияние оказала полемика «весовцев» с «реалистами» в лице участников «Сборников товарищества „Знание“».³³ Сравнивая произведения символистов с творчеством Андреева и Горького, Нилендер пытается определить для себя природу символизма и задачи искусства: «Вот у Вас все возрастает энергия и работоспособность там в Нижнем. А у меня здесь в Москве полнейшая апатия и тоска. Я еще переживаю Sturm und Drangs <sic> Period — меня окружает пока еще хаотичное море мыслей и впечатлений. Работать невозможно, мысли летят и сосредоточиться нельзя. Когда прояснятся горизонты и откроются ли дали — не знаю. Одно несомненно: вопрос о чистом и тенденциозном искусстве — хочу ли я быть великолепным фотографом жизни или проповедником, или тем и другим вместе — вопрос, который меня занимает. Но о нем еще поговорим после, т. к. я хотел бы узнать Ваши взгляды: кем надо быть поэту? Ведь надо же проверить себя, прежде чем решиться. Мне кажется, что этот вопрос не чужд и вам. Если решить его, тогда все открыто, тогда всякое дерзновение (хотя бы и бесталанное) оправдано. Я же думаю, что цель не в новых словах и путях, а в новых методах воздействия на толпу. Первое скорее относится к области чаяний и ожиданий, второе есть сила воплощенная и могучая. Надо

«Поразительную нескладницу написал наш сотрудник Б. Садовской под названием поэмы „Грядущий“. Рецензии г. Садовского в „Весях“ выдаются скорее трезвостью мысли, ясностью изложения; изобразить бред, как попытался он в поэме, ему совсем не по силам» (Весы. 1905. № 3. С. 62).

³⁰ Религиозно-философский журнал «Новый Путь» выходил с 1902 года под редакцией П. П. Перцова и при идейном руководстве Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус. В феврале 1905 года было объявлено о замене его новым журналом — «Вопросы жизни» — во главе с редактором Н. О. Лосским. Предполагалось, что «Вопросы жизни» будут придерживаться того же направления, что и «Новый Путь», однако уже с первого номера стало ясно, что новое издание будет иметь яркую политическую направленность. Подробнее об этих журналах см.: *Корецкая И. В.* «Новый путь». «Вопросы жизни» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 179–233; *Колеров М. А.* «Вопросы Жизни»: история и содержание (1905) // Логос. Философско-литературный журнал. М., 1991. Вып. 2. С. 264–283.

³¹ Во втором номере «Весов» за 1905 год была опубликована рецензия Нилендера на книгу «Очерки по истории Германии в XIX веке» (см. прим. 19) и две рецензии Садовского: *Садовской Б. 1*) [Рец. на:] Вл. Розенберг и В. Якушкин. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Изд. М. и С. Сабашниковых. М. 1905. Цена 1 руб. // Весы. 1905. № 2. С. 52–54; 2) [Рец. на:] Арвид Эрнефельт. Три судьбы. Повесть. Перевод с финляндского. Москва. 1904. Ц. 60 к. // Там же. С. 62.

³² Обложка и виньетки второго номера «Весов» за 1905 год были выполнены В. Борисовым-Мусатовым. Кроме того, в номере были опубликованы ранее не издававшиеся рисунки художника («Гобелен», «В парке», «У беседки», «Художница», «Два этюда»).

³³ Подробнее об этом см.: *Лавров А. В., Максимов Д. Е.* Весы // Русская литература и журналистика начала XX века: 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1987. С. 89–93.

брать все краски, все цвета, все звуки. Отчасти все это нашло свое выражение в В<асилии> Фивейском Андреева³⁴ — не правда ли?

Наивный реализм в искусстве уже чужд нам (напр<имер>, Боборыкин). Романтизм Горького условен и тенденциозен. Однако из обоих сложился тот же Андреев.

След<овательно>, весь вопрос сводится к вопросу о том элементе, который должен доминировать над этими двумя. Это символизм. Какое же значение имеет он в нашем мире явлений? Есть ли символ способ постижения явлений или сама суть явления как „вещи в себе“? Мне кажется, что — второе.

Символизм, проводя параллель, есть такой химический препарат, который разлагает простые элементы в жизни на еще простейшие. Напр<имер>, гнев — явление, понятие общее. Художник разлагает его на простейшие элементы, и мы видим, что „ужасное“ имеет самую простую подкладку. Вспомните приписку Карамазова „и цыпленочка“ — это разве не ужас, не бездна, не тайна сладострастия.³⁵ Я думаю так: искусство не требует никакой этической оценки, оно идет ко всему — и эта любознательность его ведет все к новому и новому раскрытию тайн (нуменов), к переводу их в ряд феноменов (явлений), к разложению их на эмпирические факты. Вот мой взгляд» (л. 4–5 об.; письмо не датировано).

Прерванная на время переписка возобновилась в мае 1906 года. К этому времени в литературной жизни Москвы произошли важные события: с января начал выходить новый журнал — «Золотое Руно», среди сотрудников которого оказался Садовской.³⁶ По своему направлению, тематике и составу авторов «Золотое Руно» было очень близко «Весам», что вызвало недовольство Брюсова. Отстаивая первенство «Весов» в деле развития «нового искусства», Брюсов выступил с несколькими критическими статьями, указывая на несамостоятельность и вторичность «Золотого Руна», в результате чего завязалась журнальная полемика, доходившая порой до откровенной грубости и способствующая размежеванию в символистском лагере.³⁷ На этом фоне Нилендер сообщил Садовскому, что пережил мировоззренческий кризис, и в декларативной форме заявил об отказе от декадентства и современности. В своих поисках Нилендер решил обратиться к славянской народной культуре и к «мифотворчеству»: «За эти полгода каждый из нас жил особо. Вероятно, расположение обоих на шахматной доске сильно изменилось. Не знаю, что теперь делаете и какой опыт приобрели Вы — про себя могу сказать следующее.

Я окончательно преодолел себя — и ушел от дряблого декадентства (понимаемого в худшем смысле — не дерзновение, а манерничество). Поэтому пришлось отказаться и от всего, что было создано до марта этого года. Я рад — ибо вина искуплена — я понес грехи <sic!> за поклонение шаблонам — и теперь отказываюсь от них, чувствую в себе тот холодок, который сопутствует сознанию своей силы.

Вместе с тем я удалился от современности настолько, что, напр<имер>, поэзия Вал. Брюсова — в этой ее части — меня только восхищает, но я не реагирую на нее.

³⁴ Рассказ Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» был опубликован в «Сборнике товарищества „Знание“» за 1903 год (СПб., 1904. Кн. 1. С. 5–98).

³⁵ Цитата из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Им совершенно тоже известно, что у Федора Павловича конверт большой приготовлен, а в нем три тысячи запечатаны, под тремя печатями-с, обвязано ленточкою и надписано собственною их рукой: „Ангелу моему Грушеньке, если захочет прийти“, а потом, дня три спустя подписали еще: „и цыпленочку“. Так вот это-то и сомнительно-с» (*Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы* // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 248).

³⁶ В начале 1906 года в «Золотом Руно» было опубликовано три рецензии Садовского: Садовской Б. 1) А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Издание третье. С.-Петербург. 1906 // Золотое Руно. 1906. № 2. С. 126–127; 2) А. Ф. Кони. Очерки и воспоминания (Публичные чтения, речи, статьи и заметки). С.-Петербург. 1906 // Там же. № 3. С. 138–139; 3) И. Мандельштам. О характере гоголевского стиля. Глава из истории русского литературного языка. Гельсингфорс. Цена 2 р. 75 коп. // Там же. № 4. С. 109–110.

³⁷ Подробнее об истории создания «Золотого Руна» и его соперничестве с «Весами» см.: Лавров А. В. «Золотое Руно» // Лавров А. В. Русские символисты: Этюды и разыскания. С. 457–485.

Мне ближе что-то другое. Но что — я еще не знаю. Могу сказать только одно — насколько мне чужды все наши поэты! Все это прекрасно — но все это не волнует меня. Я еще не нашел себя, мысли мои летят скорее слов. Но они уже есть. — И это признал даже С. А. Соколов, который мне ответил большим письмом, где говорит: „во внутренних путях — Вы не схожи с Вяч. Ивановым, внешне Вы зависите от него“. Всем ясно, что я стою у мифотворчества в широком смысле слова, но не эллинского — у славянского. Это одна из моих главных тем: Блок («Балаган», «Петрушка», см. «Весы» № 5), Брюсов («Частушка») и некот<орые> др<угие>. Пути здесь еще свободны. Пусть это путь неблагодарный (см. Бальмона <sic!> — Золотое Руно — плохо), мне оно по душе.³⁸

Конечно, реализация теории требует уступок, компромиссов, перемещения перспективы, пропорционального увеличения ее. Все это очень сложно, работы предстоит много. Но об этом позже» (л. 10–10 об.).

Такой решительный разрыв с актуальным литературным процессом, вероятно, вызвал недоумение Садовского, поскольку в следующем письме Нилендеру пришлось уточнять свою позицию, поясняя, что он отказывается от участия в литературной борьбе: «Вы не совсем поняли, Борис, мои слова, что я ушел от современности. Конечно — я не могу быть ни членом какой-либо партии, ни активно работать. Но дело в том, что я чужд этим муравьям, которые по песчинке растаскивают старое здание. Слишком они величают грубую силу, невежество свое, слишком высоко о себе мыслят — а сами пошлейшим образом враждуют между собою же именно тогда, когда нельзя враждовать. Получается впечатление, что все эти партии выдают обществу векселя, по которым платят вместо 1 р<убля> — 10 к<опеек>. Все это отталкивает. Но сама современность меня волнует и зовет. Хочется узнать — как Вы пишете — претворить в себе эту жизнь. Далее мои желания не простираются. Что же касается мифотворчества — то оно не есть моя единственная цель. Но скорее — оно идет наряду и с другими исканиями. Тайна смерти, тайна любви — вот что стоит передо мною» (л. 12 об. — 13).

При этом интерес к современности у Нилендера соседствует с изучением народной поэзии и переводами древнегреческих текстов: «Между прочим, занимаюсь фольклором. Нашел новые образы, иное понимание природы, новые размеры — с греческим пиррихием — в русских песнях. Готовлю перевод Электры, около 500 стихов уже вчерне готовы. Стараюсь передать самый стиль трагедии, чего, насколько мне известно, никто еще не пытался сделать.³⁹

Относительно моей поэзии — должен сказать, что пишу я мало, но подолгу сижу над шлифовкой. Производительность моя напоминает Брюсовскую: два-три стихотворения в месяц. В сентябре познакомлю Вас со своими произведениями» (л. 13–13 об.).

³⁸ В пятом номере «Весов» был опубликован цикл стихотворений Блока «Тишина цветет» (Весы. 1906. № 5. С. 1–16). В «Золотом Руно» на протяжении первой половины 1906 года печатались стихотворения Бальмонта из цикла «Ожерелье»: Золотое Руно. 1906. № 1. С. 38–41; № 2. С. 40–42; № 4. С. 37–39; № 5. С. 23–25; № 6. С. 23–25.

³⁹ Ко времени написания письма были известны следующие переводы трагедии Софокла «Электра»: Электра, трагедия Софокла / Пер. и прим. Н. Котелова // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Т. 175. Отд. классической филологии. С. 89–162; Софокл. Электра / Введение, пер. и прим. И. М. Иванова. СПб., 1892 (Собрание римских и греческих классиков в русском переводе с примечаниями. Софокл. [Соч.]; вып. 2). Впоследствии большое распространение получил перевод Ф. Ф. Зелинского: Электра. Трагедия Софокла / Пер. Ф. Зелинского // Вестник Европы. 1912. Февраль. С. 25–59; Март. С. 3–36 (отд. отт.: Софокл. Электра. Трагедия / Пер. Ф. Ф. Зелинского. СПб., 1912); Софокл. Драмы / Пер., вступ. очерк Ф. Зелинского. М., 1914. Т. 1. Перевод Нилендера частично (стихи 1–119) включен в подготовленную им книгу «Греческая литература: В избранных переводах» (с. 252–255). Полный текст перевода Нилендера был опубликован значительно позднее в книге: Древнегреческая трагедия. М., 1956 (Школьная библиотека). Сопоставление русской тонической системы народного стиха с количественными метрическими размерами было проведено Ф. Е. Коршем: Корш Ф. Е. О русском народном стихосложении. I. Былины. СПб., 1897. Вып. 1. В начале 1940-х годов Нилендер защитил кандидатскую диссертацию, посвященную античной метрике («„Электра“ Софокла и ее метрика»). В фонде Нилендера в РГБ (Ф. 583) хранятся материалы незавершенной докторской диссертации «„Электра“ Софокла. Введение в сценическую поэтику древнеаттической трагедии».

Творческий кризис заставил Нилендера пересмотреть свое отношение и к мэтру русского символизма — Валерию Брюсову. Вместо непререкаемого авторитета и образца для подражания Брюсов начинает восприниматься как злой гений, в плену которого оказывается начинающий поэт. Выйти из-под влияния брюсовской поэзии, по мысли Нилендера, — единственный шанс обрести собственную индивидуальность: «Вот уже и месяц, как я переживаю некоторый кризис — настолько тягостный, что писать о чем-нибудь другом прямо нет сил. Знаете, Борис — Вы совершенно правы, я сделал шаг вперед, но это только чисто формальная сторона моей работы! Этого мало. Всякий поэт, по-моему, рано или поздно должен открыть свое лицо. Я тоже пытаюсь сделать это. Но раньше нужно освободиться от всех, кто силою своего таланта владеет моим воображением. Я говорю про Брюсова. Теперь, когда я стал опять писать, искать — этот маг всюду, на всех перекрестках шелестит своими одеждами.⁴⁰ И я куда не приду — знаю, что он тут был и ушел вперед. Идти за ним мучительно, да и пошло. Не знаю, чем окончится моя борьба с Брюсовым. Преодолею его — будет из меня поэт. Нет — останется лишь популяризатор великих идей. Хотя и сладко бороться с тем, кто безмерно сильнее тебя в данный момент — но далеко не сладко чувствовать разницу сил» (л. 19–19 об.; письмо от 18 июля 1906 года).

Следующее письмо датируется 4 марта 1907 года. В жизни Нилендера произошли события, которые на время заслонили размышления о творчестве. Из-за невнесения платы за обучение он был уволен из университета и вынужден уехать в Рославль, где его размеренная провинциальная жизнь была нарушена приездом Владислава Ходасевича. Товарищ Нилендера по университету, поэт, близкий к книгоиздательству «Гриф», Ходасевич в начале 1907 года переживал трудности в семейной жизни, нуждался в деньгах и, вероятно, по этим причинам был приглашен Нилендером погостить у его отца: «Гениальный Владислав живет со мною! Совершенно невозможно с ним заниматься. Этот человек совершенно не умеет себя держать. Он попросту — невоспитан. Обладает удивительной способностью расстраивать нервы. Его „гениальничание“ сменяется какою-то покровительственной игривостью, а последняя — нытьем или самовосхвалением. Признаться, все это необычайно надоело. Но что же делать? Человек без денег, без квартиры, без обеда! Никуда его не погонишь... Терпишь, потому что жалеешь, как жалеешь какого-нибудь сумасшедшего маниака... Ну да Бог с ним!» (л. 22).⁴¹

Другое важное событие в жизни Нилендера — бракоразводный процесс. Подробности его первого брака неизвестны, но, судя по письму Садовскому, который был приглашен шафером, решение жениться было спонтанным (см.: л. 61). В августе 1906 года Нилендер подал прошение на имя ректора о разрешении на брак с Софьей

⁴⁰ Магом, повелевающим всем миром, представил Брюсова А. Белый в стихотворении «В. Я. Брюсову» («Я в свисте временных потоков...», 1903), впоследствии вошедшем в книгу «Золото в лазури» под названием «Маг». Этот образ был повторен в стихотворении «Маг» («Упорный маг, постигший числа...», 1904). В последующих произведениях (например, роман «Огненный ангел») и житнетворческих практиках Брюсов активно развивал этот образ, что не осталось незамеченным современниками.

⁴¹ В одном из августовских писем история с Ходасевичем получает продолжение: «По моим уговорам отец послал ему телеграмму с предложением поступить к нему (т. е. отцу) в гимназию преподавателем русского яз<ыка>, истории и др<угих> пр<едметов>. Жалование более 150 р. в месяц, да еще какие-то занятия. Глуп будет Владислав, если откажется. Кстати — от него ни слуха, ни духа!» (л. 28 об.; письмо от 22 августа 1907 года). Однако Ходасевич этой возможностью не воспользовался: «Владислав прислал моему отцу глупый ответ: „Благодарю. Скоро напишу“. Он, очевидно, не понимает, что на деловую телеграмму отвечают немедленно. Рёге мой удивлен: сколько за 35 лет службы он не посылал телеграмм, но такой еще не получал» (л. 29 об.). Подробнее о жизни Ходасевича в этот период см.: Шубинский В. Владислав Ходасевич: чающий и говорящий. СПб., 2011. С. 122–128; Киссин С. (Муни). Легкое бремя: Стихи и проза; Переписка с В. Ф. Ходасевичем. М., 1999. С. 288–289. Комментаторы писем Н. Петровской В. Ходасевичу предполагают, что поэт крупно проигрался в карты и потому был вынужден уехать из Москвы (Из переписки Н. И. Петровской / Публ. Р. Л. Щербакова и Е. А. Муравьевой // Минувшее: Исторический альманах. М.: СПб., 1993. Вып. 14. С. 374).

Михайловной Ставской,⁴² а в марте 1907 года уже сообщал Садовскому: «...получил письмо от некоего „ходатая“ Филипченко — жена просит развода, но настаивает, чтобы вину я взял на себя. На развод я, конечно, согласен, но вину брать на себя не хочу. Так и ответил. Подождем, что будет дальше. Пока собираю некоторые справки и сведения для ведения дела» (л. 22 об.).⁴³

С весны 1907 года в письмах Нилендера начинает упоминаться имя Юрия Сидорова, с которым Садовской и Нилендер познакомились осенью 1906 года, когда Сидоров поступил в университет. Очень быстро Сидоров становится близким другом обоих и завсегдатаем литературных вечеров. Летом 1907 года Нилендер не без гордости пишет: «Что Юрий — писал ли ты или он (ему или тебе)? Я, кстати, с Юрием на „ты“». Очень рад буду видеть его» (л. 27; письмо от 15 августа 1907 года). С начала 1908 года Сидоров постоянно упоминается Нилендером, восхищение начинающим поэтом нарастает с каждым письмом: «Мне весьма прискорбно, но должен сознаться, что нет у меня ни одного стихотворения, которое я решил бы тебе прислать. Юрий написал 21 стихотворение и поэмы строк в 150! Черт Вас, милые мои, поberi! Затерли меня несчастного совсем!» (л. 48 об.). И далее: «Юрий идет громадными шагами вперед. Не узнаешь: очищение слога, точность и искренность — прямо не узнаешь» (л. 50). Общение с Сидоровым и Сергеем Соловьевым является важной частью литературного быта Нилендера: «У Шмеля <Соловьева. — Е. Г.> был на четверге, вижусь с ним почти ежедневно. Был и у Юрия, вижусь и с ним. Обоих их я люблю, откровенен с обоими» (л. 37; письмо от 10 февраля 1908 года).⁴⁴

На протяжении всего 1907 года Нилендер посещал литературные встречи, читал ведущие журналы, писал стихотворения и обсуждал их с Садовским. При этом в письмах отчетливо проявляются новые творческие приоритеты друзей: «Увлекаюсь Фетом. Как надо писать — „одним толчком согнать ладью живую с наглаженных отливами песком <sic!>“ — помнишь?»⁴⁵ Но разве все так пишут? А Пушкин порою! А Вал. Як. всегда?» (л. 28 об.; письмо от 22 августа 1907 года).

Все более очевидным к началу 1908 года становится интерес Нилендера к русской поэзии XIX века, чему немало способствует перевод с классического отделения на отделение русского языка и словесности: «Юрий <Сидоров. — Е. Г.> читает Мандельштама о Гоголе. Он этой книги не ругает, а по-моему — много в ней глупого.⁴⁶ Читаю Случевского, Веневитинова, Дельвига — словом, всех поэтов, которых не знаю или мало знаю.

Перевожу „Трахинянок“ Софокла. Пишу (О, Владислав!) реферат о „Слове“ для просеминария Шамбинаго.⁴⁷ — Я опять перешел на словесность. Причины —

⁴² ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 325. Д. 1180а. Л. 39. Ср. в «Воспоминаниях» А. Цветаевой: «У него (Нилендера. — Е. Г.) была жена, ее звали Софья. Это было после морского училища. Ее с ним нет. Они были счастливы. „Ах, это было ужасно...“ — говорит он, каким-то всплеском не замечая несходности двух своих фраз рядом, но мы понимаем единство (конечно, оно и есть — так...)» (Цветаева А. Воспоминания: В 2 т. / Подг. Ст. М. Айдиняном. М., 2008. Т. 1. 1898–1911. С. 503).

⁴³ Развод был оформлен 11 июня 1908 года «вследствие доказанного прелюбодеяния от вetchика», т. е. В. О. Нилендера (ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 325. Д. 1180а. Л. 35 об., 37–37 об.).

⁴⁴ О четвергах Соловьева см. прим. 10.

⁴⁵ Цитата из стихотворения А. А. Фета «Одним толчком согнать ладью живую...» (1887). Об увлечении Садовского поэзией Фета см.: Садовской Б. Записки (1881–1916) / Публ. С. В. Шумихина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1994. Т. 1. С. 106–183.

⁴⁶ Речь идет о книге И. Е. Мандельштама «О характере гоголевского стиля. Глава из истории русского литературного языка» (Гельсингфорс, 1902), рецензия Садовского на которую в 1906 году была опубликована в «Золотом Руне» (1906. № 4. С. 109–110). Критик упрекает автора в сухости филологических изысканий и бесцветности выводов и суждений, отмечая при этом, что язык Гоголя «особый цельный организм, создавшийся по собственным, живым законам», и во многом схож с языком представителей современного нового искусства, например А. Белого (Там же. С. 110).

⁴⁷ Сергей Константинович Шамбинаго (1871–1948) — приват-доцент, с 1914 года профессор; специализировался в области древнерусской литературы и фольклора. Подробнее о нем см.: Творогов О. В. Шамбинаго Сергей Константинович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 5. С. 214–216. Шамбинаго вел на историко-филологическом факультете

при свидании, если только хочешь, выясню» (л. 36–36 об.; письмо от 4 февраля 1908 года).

В этот период Нилендер одновременно изучает древнегреческую и древнерусскую литературу, что, вероятно, было обусловлено влиянием университетских штудий. В специфике его занятий отразилась также идея синтеза языческого (античного) и христианского начал, столь важная для Соловьева и Садовского: «Что я теперь делаю? Читаю всех наших поэтов. Перевожу Софокловых „Трахинянок“. С восторгом погружаюсь в Киевскую Русь — и благоговею перед Погодиным! Пишу сочинение, о древней русской лирике, о мифологии Киевской; готовлю реферат о „Слове“ для Шамбинаго; читаю французские книжечки. Зреют и стихи — но еще не пишу» (л. 38; письмо от 10 февраля 1908 года).

Прохождение университетского курса на нескольких отделениях представлялось Нилендеру обязательным условием успешного достижения искомого синтеза: «У Шмеля давно не был и не видел его с месяц, у Юрия тоже. Но последнего звал к себе, и мы (для меня по крайней мере) провели время интересно. Башковитый все же Юрий. Но... зачем он философ? Как будто хочет переходить в классики — это значит движение по всей линии. Один только Шмель, как дуб кряновистый, — недвижен.

Я все сижу дома и погружаюсь душою то в божественную Элладу, то в Святую Русь. А в промежутке читаю нашу новую литературу и журналы. Я так веду свои занятия: неделю — в Греции; неделю — на Руси. И сживаешься, и разнообразнее. Такой способ — наслаждение» (л. 40 об. — 41; письмо от 6 марта 1908 года).

Лето 1908 года Нилендер провел в имении Брюсовых Андреевка под Тарусой, куда был приглашен в качестве учителя для младшей сестры В. Я. Брюсова: «Живу я у Лидочки Брюсовой.⁴⁸ Занимаюсь с ней ежедневно и уже начал Платона. Девушка весьма способная; хотела бы поступить на классическое отделение. Весьма со мной мила и любезна. Кормит великолепно. Оброс бородою, так как Таруса в 10 верстах и туда не выберешься. Читаю Гоголя и Гомера день за днем. Стихи не пишутся; это все же лучше, чем писать, когда не пишется. Играю в крокет, но площадка скверна. В Тарусе навестил Ариэлли.⁴⁹ Он парень славный; какие у него книги и гравюры! Парень с большими сведениями и живой. Но стихотворно — неплоден, по-видимому. Подавлен

«Просеминарий по русской литературе: чтение, перевод и комментарий „Слова о полку Игореве“ и рефераты на темы, связанные с толкованием памятника» (см.: Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета в 1907–1908 акад. г. М., 1908. С. 25).

⁴⁸ Лидия Яковлевна Брюсова (1888–1964) впоследствии стала профессором химии, была замужем за другом Ходасевича С. В. Кисиньным (1885–1916, лит. псевдоним — Мун). Подробнее о ней см.: *Кисин С. (Мун). Легкое бремя*. С. 334–335.

⁴⁹ Псевдоним Анатолия Корнелиевича Виноградова (1888–1946) — писателя, переводчика, директора Румянцевского музея (1921–1924). Родители Виноградова имели дом в Тарусе, где семья обычно проводила лето. Там с Анатолием и его сестрой Ниной познакомились сестры Цветаевы. Подробнее об отношениях Виноградова и Цветаевых см.: *Цветаева А. 1) Воспоминания*. Т. 1. С. 440–443, 455–459; 2) Об очерке моей сестры Марины Цветаевой «Жених» 1933, Париж // *Южное сияние*. 2017. № 1 (21). С. 80–84; *Айдинян Ст.* Анатолий Виноградов и Цветаевы // Там же. С. 79–80. По воспоминаниям А. Цветаевой, именно Виноградов познакомил их с Нилендером: «Еще год назад мы встретили у Виноградовых друга Толи, о котором он и до того часто упоминал, как и о Серее Соловьеве, Владимира Оттоновича Нилендера, молодого филолога, папиного ученика» (*Цветаева А. Воспоминания*. Т. 1. С. 492). В 1906 году Виноградов поступил на естественный факультет Московского университета, в 1908-м перевелся на философское отделение историко-филологического. Был дружен с Садовским, Соловьевым и Сидоровым; под псевдонимом «Ариэлли» опубликовал стихотворение «Одолень-трава» в альманахе «Хризопрас» (*Хризопрас*. С. 7–8); был включен А. Белым в 1909 году в список будущих сотрудников книгоиздательства «Мусaget» (Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915. М., 2017. Т. 1. 1902–1909 / Вступ. статья А. В. Лаврова; подг. текста, комм. А. В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т. В. Павловой. С. 679). В 1913 году в «Мусагете» вышла книга «Ангелли» Ю. Словацкого в переводе Виноградова (*Словацкий Ю. Ангелли* / Пер. А. Виноградова. М., 1913). Подробнее о жизни и творчестве Виноградова в 1900–1910-е годы см.: *Айдинян Ст. А. Ранние годы Анатолия Виноградова (по архивным изысканиям)* // *Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...* М., 2011. Кн. 6 / Под ред. Н. Н. Перцовой. С. 130–151.

разными вопросами. О язвительности его книги не могу сказать. Думаю, впрочем, что напрасно смеялся над ним. Ариэлли далеко пойдет, если побольше будет работать над своими стихами, а не спорить о Мережковском или Гиппиус. В этом отношении он может быть поддержан лишь Юрием, но не мной.⁵⁰ Я желал бы всего попроще. И те вопросы — богословие — которые так их волнуют — мне мало понятны» (л. 46–46 об.; письмо от 1 июля 1908 года).⁵¹

Удаленность от центра литературной жизни, с одной стороны, и вынужденная близость к семье Брюсова с другой, вероятно, явились поводом для рефлексии. В конце этого письма Нилендер делает примечательный рисунок: на нем, подобно профилям декабристов с обложки «Полярной звезды» А. И. Герцена, в окружность вписаны профили Садовского (на первом плане), за ним Сидорова, Соловьева и Нилендера. Эти изображения сопровождаются подписями и указанием дат — 1906, 1907, 1908 — времени тесного общения студентов-литераторов. Рисунок Нилендера в шуточно-дружественной форме конституирует существование литературной группы, которая зародилась в университетских стенах и развилась в редакциях журналов, на вечерах и собраниях литературных обществ, в общении друг с другом. Иерархия в расположении поэтов на рисунке Нилендера отражала распределение ролей: идеолог и организатор Садовской на первом плане; следом за ним Сидоров — многообещающий талант, чье творчество должно было стать воплощением поэтических идеалов группы; затем Соловьев, первопроходец на путях «нео-пушкинианства»; и, наконец, скромный Нилендер, реализовывавший эстетические установки группы преимущественно в своих филологических занятиях и переводческой деятельности. Скоростипажная смерть Юрия Сидорова разрушила наметившийся было литературный союз. Последующие письма Нилендера, тяжело переживавшего смерть друга, посвящены в основном вопросам университетской и личной жизни, проблемы собственного поэтического творчества автор больше не затрагивает.

⁵⁰ На интерес Сидорова к «неохристианству» Мережковских указывал Садовской: «Увлечение идеями г. Мережковского, бывшего в то время одним из любимейших писателей Юрия, достигло тогда в нем наибольших пределов. На личности г. Мережковского были сосредоточены все надежды Юрия до самых последних месяцев его жизни. Надеждам этим суждено было окончиться глубоким разочарованием» (Садовской Б. Ледоход. Пг., 1916. С. 158).

⁵¹ Иллюстрацией этого периода жизни Нилендера могут служить фотографии из архива Брюсова, на которых Нилендер изображен в компании Брониславы Матвеевны Рунт, Евгении, Лидии и Надежды Брюсовых в Андреевке (РГБ. Ф. 386. Карт. 123. Ед. хр. 38).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-144-172

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ АМХЕРСТСКОГО АРХИВА МЕРЕЖКОВСКИХ 2. Н. А. БЕРДЯЕВ В «ДНЕВНИКАХ» Т. Н. ГИППИУС (1906–1908)*

(ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ © М. М. ПАВЛОВОЙ)

Из «дневников» 1906 года

9 марта. «<...> Вернулись от Вяч. Иванова.¹ Был Булгаков и Волжский. Приехали из Киева на несколько дней.² Волжский³ потолстел, порозовел и весел. С Булгаковым вместе все. Бердяев председательствовал.⁴ Беседа о соединении искусства с рели-

* Продолжение. Начало см.: Русская литература. 2020. № 4. С. 218–233. Недописанные и сокращенные слова, чтение которых не вызывает сомнений, раскрываются без оговорок, имена собственные, сокращенные в авторском тексте не единообразно, раскрываются.

гией. Довольно изрядное томление. А В. Иванов очень хорош своей серьезностью. Бердяев тоже не в грусти. Мы были: Ремизовы, Кузнецов, я и Ната.⁵ Народ был неинтересный».

13 марта. «<...> Бердяеву я написала ваш адрес. И что вы о нем пишете.⁶ И сказала, чтоб зашел. Потому что раньше хотел прийти. <...> По-моему, Бердяеву писать вам <следует> кратко, но жизненно, потрясать, а не улегчать его. Без отвлеченности и заострений ума. Именно это-то и облегчает его. С<ерафима> П<авловна> рассказывала о нем и о Л<идии> Юдифовне».

15 марта. «Бердяев ничего не ответил и не пришел».⁷

23 марта. «<...> Да. Бердяев никогда своего Я не теряет. Ужаса не испытывает от возможности провала. Оттого и спасенья незачем искать. Повторяю это для уяснения окончательного».

14 апреля. «<...> Бердяевскую статью⁸ Кар<таш>ов вслух читал <...>. А о Бердяеве — печально и то, что говорит, — он говорить не смеет. Это можно повторять только, как и свое тоже. За него оскорбительно, за этот фейерверк слов, от него идущий (Евангелие подчеркивает). Нельзя так собой упиваться».

15 апреля. «<...> Вечером была у Н<атальи> Ивановны.⁹ Были Успенский, О. Дымов,¹⁰ Котлярев<ск>ие,¹¹ Бердяевы, Рем<изо>вы, Ива<н>овы (всяк со своим помпончиком!¹²). Сначала сидела (рано пришла), чай пила. Потом пошла все. Немножко так поговорила с Мурашко¹³ (написал портрет Нат<альи> Ив<ановны>), потом с Вяч. Ив<ановым> насчет „Факелов“,¹⁴ потом ужинать пошли. Села рядом с А<лексеем> М<ихайловичем>. А Бердяев — напротив, рядом с нами заливалась Котляревская, стелилась, и гоготали два жирных, приказчичьего вида барина. Говорили про себя, смеясь, что они автоматы¹⁵ и что надо сделать, чтобы быть автоматом. (Идеала достичь.) Бердяев с интересом: „Значит, чтоб сделаться автоматом, надо сначала быть не автоматом?“ — „Да-а...“ (в недоумении). Среди ада нарочитого веселья (помнишь, ужин с Яворской¹⁶ у Нат<альи> Ив<ановны>?). Ал<ексей> Мих<айлович> воровал апельсины — своровал штук 8. Я ему помогала. А потом Бердяеву я предложила с ним чокнуться. (Он вообще был утихший, и как бы в заговоре против всех). „За них“ (за вас). Он кивнул. И серьезно чокнулись. Потом с Ал<ексеем> Мих<айловичем> и Берд<яевым> втроем тоже серьезно. А с С<ерафимой> П<авловной> — не надо — там у нас свое питье, соединение в настоящем, а не в будущем. Ал<ексей> Мих<айлович> предложил чокнуться за самое хорошее воспоминание. Говорю: должна знать — какое. Говорит: <за> З<инаиду> Ник<олаевну>. Ну, чокнулись. <...> Я пришла к заключению, что мужчине надо жениться (не обабиться), чтоб понять Наше. А Бердяев слишком „мужчина“».¹⁷

17 апреля. «Сегодня вот что. Утром я ходила писать Юдифовну. Бердяев уехал в Киев на неделю, мать провожать за границу.¹⁸ (Сестра¹⁹ приехала)».

6 мая. «<...> Вчера у Бердяева Сологуб звал меня, обещал книгу подарить, если приеду».²⁰

7 мая. «<...> повезла его <Карташева. — М. П.> к Бердяевым, чтоб сестру жены Бердяева увидел — понравилась она ему как-то (и он ей). А я ей и выявила. Она довольна. Там тоже скушно, но по-другому. Хуже, потому что притворяются много. Праздник „весны“. Все в березах. Барыня в зеленой „тармаламе“²¹ автоматически до ужаса принесла корзину с ландышами. А у букета ландышей записочка, со стихами о весне. Читали. И я с Карташовым. А сестра уж впилась в К<арташ>ова. Ы-ы-ы... Все-таки С<ерафима> П<авловна> напрасно туда ходит».

8 мая. «Сегодня я писала портрет Л<идии> Юд<ифовны>. Каждого из их семейства в отдельности с радостью принимаю (как легко было без Бердяева), а вместе не могу».

11 мая. «Сегодня вот что. Писала Юдифовну. Бердяев по утрам (с 12 — 2-х) все у себя сидит, газеты читает. И не вижу его. Да и что видеть? (я говорю по отношению к нам)».

12 мая. «Сегодня Л<идию> Юд<ифовну> писала. Сестре нравится. Бердяев говорит, что похожа. Только тон лица желтый, от дома на дворе вышел».

17 мая. «<...> Была у Л<идии> Юдифовны. Ремизовы обедали у Бердяева. Бердяев завтра придет вечером к нам».

18 мая. «<...> Спала после обеда. Пришел Бердяев. Кар<таш>ова не было дома. Сидел пока. Потом К<арташ>ов пришел. Пили чай. Кузн<ецов> молча сидел. Кар<таш>ов властно радостно с ним говорил, с нашей точки зрения. О революции и христианстве. И нарочно удерживался от „слов“. Бердяев и *это* понимает, что плоть стала словом. А „кушно“. Не сердись. Неподвижен. Ушел поздно».

2 июня. «<...> Бердяев одинок. Л<идии> Юдиф<овны> я портрет *писала*. И вынуживать в *это* время *забыла*. И вообще, видела ее часто, правда, она очень, видимо, хорошая, добрая и весну тогда, в сущности, трогательную устроила,²² — я ужасно презрительно, не имея на то права, к ней отнеслась. По-моему, С<ерафима> П<авловна> резко очень к ней относится, не за что».

11 августа.²³ «<...> Ал<ексей> Мих<айлович> встал и рассказал, что всю ночь он кошмарил. <...> слышал шепот, и ему снилось, что он входит в комнату и видит, что Ната сидит недвижно с неимоверно раскрытым ртом, а Кузнецов лежит на тахте и бормочет быстро несуществующие какие-то слова. Он стал орать, но никто его не слышал. Он разговорился и все говорил, что так жить нельзя, как люди живут, что кругом смерть идет, а никакой силой остановить нельзя, и вообще люди не доходят до конца и не смеют дерзнуть. И, может быть, потому, что думают: дерзну, а не выйдет? Что надо, хоть чертовский путь, но дойти до конца, и только *действием*. (При этом его дьявол — демон, а ангел — скука бескрылая). Нельзя жить в Бердяевской квартире.²⁴ *Хоть бы каким-нибудь действием мир обновить*».

19 сентября. «<...> Она <С. П. Ремизова. — М. П.> мне говорит, что Бердяев написал А<лексею> М<ихайловичу>, что написал книгу,²⁵ и хочет купить хуторок и поселиться там философским отшельником. Она в негодовании, а я даже не удивилась, потому что как-то ожидается это от Бердяева. <...> Кар<таш>ов говорил, что Бердяев есть продукт времени, жертва переходного возраста в истории, что он — вечно невоплощенная, отвлеченная мысль и никогда не смогущая воплотиться. (С<ерафима> П<авловна> уверяет, что он и не хочет воплотиться, или хочет, но без страдания). Я на К<арташ>ова напала, что в делах религии *мало* судить одним человеческим разумом. Дойдешь до тупика, безнадежности. Осуждение человека заранее. Он <Бердяев. — М. П.>, — Ка<рташ>ов говорит, — спасется, но не *тут*. Я говорила, что выход этот останется, конечно, но, кроме него, есть вера, которая дает выход из тупика <...>, пока у человека есть страдание, осудить до конца нельзя. К<арташ>ов ушел куда-то, я говорю С<ерафиме> П<авловне>, что я сама, в сущности, тут от Бердяева не могу ждать, но и осуждать, присуждать — не могу. К<арташ>ов говорит: отчего вы так с Бердяевым? Уж Эрн и Свенцицкий ближе,²⁶ потому что жизненное. А Бердяев книги будет писать — и будет прав и почтен потомством, но всемирного дела не сделает».

30 сентября. «<...> Бердяев приедет к 10 октября сюда».

14 октября. «<...> Бердяев приехал и ругался с Пирожковым из-за денег».²⁷

15 октября. «<...> Я думаю, что истина *постигается* жизнью и любовью, но освещается сознанием и разумом. Это идет вместе враз, и кажется, что одно *сознание*. Но вот — Бердяев — у него разъединено. Разум осветил то, что он постиг жизнью, раньше, а дальше не поведет, иссякнет».

19 октября. «<...> К<арташ>ов рассказал о Вяч. Иван<ове>. <...> Народу тьма — первая среда. Иваныха²⁸ в алом бархате. Об Эросе говорили.²⁹ <...> Там уж Бердяев председатель <...>. (Вяч. Иванов ужасался и огорчился, как Боря поносил христианство, с грязью мешал — К<арташ>ову говорил). А Бердяев много понимает, но помощи от него нет».

23 октября. «Был Евг. Ив<анов>.³⁰ Потом заходили Бердяевы — первый раз — но сказали, что меня нет дома: пойду к ним, а теперь не могла, даже тошнило, так голова болела».

29 октября. «Целый день я моталась. На урок,³¹ потом к Бердяевым — на минутку. Л<идия> Юд<ифовна> спала еще <в> 12½ ч<асов>, с Бердяевым немножко посидела. Говорили о вас немножко, вообще не очень ему обрадовалась. Потом пришла

Л<идия> Юдиф<овна> — мы с ней кофе попили. <...> Мне как-то Л<идия> Юд<ифовна> понравилась — добрая она очень и простая. Хорошая. Прошлой весной к ней у меня было хуже отношение, может быть».

2 ноября. «<...> О мистериях Вяч. Ив<анова> я ничего не знаю, и Бердяев, по моему, не участвовал нигде».³²

8 ноября. «<...> Сейчас Бердяев будет читать главу из новой книги, глава называется „Великий Инквизитор“.³³ Я и К<арташ>ов пойдем к Вяч. Иванову его слушать».

10 ноября: «Ездили с К<арташ>овым к Ивановым тогда — и напрасно, так как у них был пожар, кухня выгорела.³⁴ Повернулись — пошли к Ремизовым, они ведь очень близко.³⁵ (Это значит, третьего дня, в среду). Там были Бердяевы. То ли Бердяев выдохся, то ли дальше стал, то ли я ушла, то ли самой смутно было, — только казался ни к чему. С<ерафима> П<авловна> сидела молчаливая и нахмуренная внутренне, А<лексей> М<ихайлович> неистово приставал к К<арташ>ову с апокрифами (пишет об Иродиаде: читал),³⁶ я пользовалась, читала и смотрела „Весы“, кстати, прочла твой рассказ, который не читала раньше.³⁷ Уже в 1½ Бердяевы ушли».

14 ноября. «<...> Вечером были с К<арташ>овым в обществе.³⁸ И оба очистились. С К<арташ>ова слезла шелуха, безбезумности <так!> и засорения (он сказал: точно из глаз соринку языком вынули), от доклада, в котором он видел карикатуру на жизнь вне нашего специфич<еского> безумия.³⁹ <...> И потом, когда стал возражать, то заговорил о безумии и об основ<ании> христианства: о любви... тут ему не дали, кончить просил Введенский.⁴⁰ Бердяева я боюсь. Потому что он так все понимает (конечно, общее — и, думаю, уже недвижимое, оттого и страшное), но умом. И я соблазняюсь: значит, *живой-то принцип* входит же, помещается без воплощений, и даже без возможности (пока) воплотиться. Доклад был, конечно, ужасен, так что даже и возражать смешно было, если, конечно бы, *возражать*, как сделал Петров,⁴¹ возражая: Христос не поощрял пьянство (в Кане Галилейской), не поощрял нечистоплотности (омовения отменил), не одобрял ложь и т. д. и т. д. А докладчик доказать хотел, что Христианство ни к чему не нужно. Жизнь идет Сама по себе <так!>, а Христианство иногда тормозит даже, потому что приплетается зря. Мне понравилось, что он так резко сказал о несовместимости государства с христианством. Потому что не разорвав — не создашь нового. Но так как он урезал и вышутил христианство — то не потряс сердца попов правдой, а заставил их увидеть и восстать на неправду, т. е. встать за христианство.

А К<арташ>ов начал с того, что это разделение подчеркнул, но хорошо <бы> еще усилить, т. е., придавая серьезность, внося мистику в христианство — не уничтожить это разделение, а усилить. Бердяев говорил о том, что докладчик упоминает о теократии, а сам не знает, что это такое, потому что теперь нет на то указаний, и у докладчика самого. <...> А Бердяева боюсь. Зато Л<идию> Юдиф<овну> ценю за ее простоту и жизнь. Это две чашки весов. Весной наоборот было».

27 ноября. «<...> Пришли с лекции Бердяева.⁴² Были все мы. Видели вот кого: Л<идию> Юдиф<овну>, С<ерафиму> П<авловну>, Ал<ексея> Мих<айловича>, Чулкова, Розанова с Варв<арой> Дм<итриевной>, Нувеля, Анну Павловну.⁴³ Больше не припомню. <...> Вы, наверно, знаете тему — О Великом Инквизиторе Достоевского (*о 3х искушениях в мире*). Было поразительно, что он до таких тонкостей (например, скука, уныние — есть предощущение небытия) понимает, точно сам пережил. Народу было много. К<арташ>ов почувствовал в этой лекции, что не только вера бесовская одна. А что в нем *живое* есть *страдание*. И тут именно ясно почувствовалось, что стоять на таком острие — без черта не удержаться, висеть в пустоте. Говорит „мы“ — и не имеет ничего. Прищурила оба глаза — и показалось его лицо с белыми глазами и громадными губами, и из губ, не раскрытых, выставлялся длинный розовый язык. Барыня рядом со мной охала, оглядывалась беспомощно (я ей, улыбаясь, объяснила, что это нервное движение⁴⁴) и ушла-таки с лекции. Может быть, и меня вместе с ним испугалась. Ну вот. Ната, идя назад, сомневалась: а вдруг, говорит, и я Бердяев? Понимаю, а ничего не могу. Я говорю: я Бердяев. Понимаю, хочу, а ничего не могу. Димочка⁴⁵ думает, что он Бердяев. Кузнечик тоже и т. д.».

30 ноября. «<...> Пришел Бердяев к 8 часам. <...> Бердяев мечтает затеять Общество философское, как в Москве Соловьевское.⁴⁶ У Кар<таше>ва сидел Колачов.⁴⁷ Я говорила Бердяеву, что китов таких в Петербурге нет, которые бы загорелись этой идеей для ее воплощения. Хотя элементы в обществе теперь уже настойчиво повернулись в сторону религиозного сознания после остроты революции, что назрела потребность в обществе подобном, но нужны ревнители. Что в Москве есть. С презрением мне не верил. Пришел К<арташ>ов и, к моему удивлению, сказал то же. Бердяев увидел, что К<арташ>ов готов принимать деятельное участие в готовом обществе, но создавать не может <...>. Бердяев поедет в Москву 14 декабря — читать то же в Соловьевском обществе.⁴⁸ Вчера не молились. Сегодня тоже. Вчера устали. Сегодня из-за Бердяева».

14 декабря. «Сегодня мое рождение. Идем на лекцию Бердяева сегодня. Что он пишет? Отчего не написала, о чем ты пишешь С<ерафиме> П<авловне> и что она тебе?»

16 декабря. «14го вечером были с Карт<ашевым> и Кузн<ецовым> на лекции Бердяева.⁴⁹ Бердяев прислал 2 повестки: К<арташ>ову и мне, а К<арташ>ов дал Кузнецову. <...> Народу, как всегда на рефератах на подобную тему, — много, больше все женщины, курсистки. Вот тебе самое общее впечатление. Помнишь, Минский рассказывал, как он объяснял какой-то англичанке Меонизм.⁵⁰ Как та слушала долго, с ½ часа, внимательно; потом, *когда* кончил, говорит: штёе? Так было и тут, и недаром это ему. Проповедь, без основания, в форме реферата, без огня, на религиозную тему — не зажжет, хотя бы неразумным пока огнем, никого. А о таких вещах только отвлеченно рассуждать тоже своего рода как бы кощунство — уже для самого Бердяева. Получилось недоразумение: никто ничего не понял. Да и не нужно никому. Возражали не на тему, в слепоте. (Соллартинский⁵¹ <так!> говорил, между прочим, что ему кажется, что он на религиозно-философских собраниях.⁵²) И Бердяев уже после прений растолковывал, что он, собственно, он читал. А в это время медленно публика стала расходиться. Да, одиноко ему. Все-таки мы ближе всех были к нему из всех людей. Я думаю, он это понял. Даже так не поняли, что возражали ему, дескать, — ты вот мистику превозносишь, какие-то новые пути, — и все это вздор, а без Христа ничего не поделаешь... звонок! Пришел Бердяев. 7 ½ ч<асов>. Ушел. Я и думала, что он придет. Лекция его, — очевидно, неприятно подействовала, но не так, как я думала. То есть он пришел к заключению, что он, так же как Дмитрий, и в особенности ты, — не умеете обективировать ваши мысли. Что взять, например, тебя: ты, в сущности идеи в высшей степени обективные высказываешь чрезвычайно субъективно, и в обществе именно благодаря этому и не можешь говорить. Что его задача — написать книгу и сделать истину доступной, обективной. В этом он нашел свою задачу. <...> Нарочно перед уходом спросила его, как он теперь о „философском обществе“ думает; говорит, что: „Я думаю, в Москве это скорей пойдет! Ну, что же, кто здесь есть? Попы? Там люди другие...“ Едет в январе читать лекцию, если выгородят Соловьевское общество.⁵³ <...> Бердяева ценят по его основанию. За его ширину ценят, ум, ясность, понимание».

26 декабря. «Приходим домой: Л<идия> Юдиф<овна> с Бердяевым. К<арташ>ов один с ними был. Бердяев, говорит К<арташ>ов, заинтересовался статьей К<арташ>ова в „Веке“⁵⁴ по поводу Философова и обновленцев.⁵⁵ Когда мы пришли — они уже сидели за чаем. Я Юдифовну увела к себе, потому что еще раньше мы с К<арташ>овым условливались, чтоб он Бердяева выспросил поинтимнее. Я Юдифовну занимаю. И Ната пришла. А Бердяев с К<арташ>овым говорили о вас, об искусственности и т. д. Бердяев говорил, что боится монастыря.⁵⁶ „Хотят (вы) устраивать общину внутри, а связь с миром порывают, порывать — так порвется — не восстановишь“. Боится искусственности. Как решить вопрос о причастии? когда нужно к этому приступить?⁵⁷ Это он до меня с К<арташ>овым говорил. По-моему, его Л<идия> Юдиф<овна> одевает религиозностью, хочет его спасти. К<арташ>ов ему говорил, что надо *делать*, потому что головой так вопрос не решишь. Когда нельзя иначе — тогда делается само. Иерархии не нужно.

Когда они тут вдвоем при нас говорили — мы с ней говорили о другом, о Л<идии> Юдиф<овны> сестре⁵⁸ и т. д., то К<арташ>ов был сдержан, но все-таки было недос-

тойно ему говорить с Бердяевым, как бы с имеющим. Чувствовалось, что тут-то и для Бердяева было бы лучше, если бы К<арташ>ов более властно и *отдельно* себя с вами от него ставил. Вот тут-то уж, пожалуй, Булгаков бы был лучше: был бы *не* согласен, но адамантово основание, подлинная вера приближает без кощунства.

Ушли. Я это сказала К<арташ>ову. Он сказал, что ему с Бердяевым трудно было говорить, но он старался обесценить и себя в глазах Бердяева, то есть чтоб Бердяев не видел сам в К<арташ>ове отношения должного, большего, чем у самого Бердяева <...>.

К<арташ>ов мне говорил еще, что он не может иметь такое отношение, например, к семье, потому что для меня тут все (домашний очаг, своими средствами), а для него нет. Ему надо ширины: например, чтобы вы под насмешки шли, выявлялись бы, например, газету здесь, не за границей сборник⁵⁹ всем там Бердяевым, головной, чуждый, а здесь народную, что ли, газету, чтоб ясно было, что вас Церковь *родила* и что она вам мать, а не бежите от нее, как черт от ладана (это я говорю, не он). Но что вы уже не можете жить в ней, естественно-органически. Чтоб все видели, чтоб выявиться. Много тут Бердяев говорил тоже.

<...> Завтра хотим идти к Бердяевым. 30го — к Коммиссаржевской Блоковский „Балаганчик“ посмотреть».

30 декабря. «Сейчас были (на „Балаганчике“ Блока и „Чудо странника Антония“ Метерлинка) у Коммиссаржевской.⁶⁰ Старуха воскресала на сцене, страшная;⁶¹ в балаганчике люди были куклами. А в театре все тот же салон Иванова. Бердяев не знает, к кому пристроиться. Метнется к Сомову,⁶² Нувелю, Баксту,⁶³ ко мне. Ни к кому не пристать».

Из «дневников» 1907 года

3 января. «<...> Да, вчера Бердяев был. Я хотела, чтоб К<арташ>ов его по существу выспросил, а он устал и не мог. Бердяев находит, что вы с Белым напрасно вместе.⁶⁴ Что пора ему вырасти и утвердиться, пора уж не расходиться внезапно в самой сущности. Вчера было как-то с ним просто и свободно. Он раздражает, когда начинает разговор по существу и чувствуется, что ему важно равно говорить с Нувелем об этом или же с К<арташ>овым. Лишь бы выяснить или даже сказать, что он думает. Пойду к ним в субботу».

5 января. «Сейчас был сочельник и Суббота,⁶⁵ так как завтра идем к Бердяевым».

7 января. «<...> Вчера были с Натой у Бердяевых всех. У Ан<тона> Влад<имир>овича> (хочу избавиться от называния его всеми «К<арташ>ов», чтоб значительнее) была лихорадка, и он остался дома. У них никого не было, кроме нас. Мать⁶⁶ у нее приехала. Старая, сонная и беспросветная, толстая. Разливала чай. Странное сочетание? Мать, Ната, Л<идия> Юдифовна, я, Бердяев... Трудное. Не знаю, было бы, пожалуй, еще страннее, если бы был К<арташ>ов. Но мы с честью вышли из этого затруднения. Устроилось „легкое баловство“, в котором Ната, мать, Берд<яев>, Л<идия> Юдиф<овна> и я чувствовали удовлетворение от соединения. Это единственная почва была. Гадали, и орехи ели. Довольно подходяще выходило. Поджигали бумажки. Лидии Юдифовне какая-то любовь, потом вытащит свою <ногу?>, потом наследство, и гусь (на тени). Матери наследство, будешь есть, будешь пить, будешь душу веселить, мешки баба тащит и воду. Лень. — Нате — все то же, то же, что теперь, разочарование, оставь надежду навсегда — и вспомнит о тебе мертвец. Старик в очках и колпаке (на тени) по блюду: Николай, мужик; мысли мне: поеду далеко. Путешествие, но куда? ходит птичка весело по тропинке бедствий⁶⁷ и т. д. Подумай *лучше*, все не в ту сторону идем. На тени — черт лесной мохнатый, вроде Ремизова — целуется с жеманной шишигой⁶⁸ и двигались, так. Потом по блюду кикимора. Бердяеву все так себе: перелом, поездка далеко и достигнет цели, но с трудом. По блюду: мало, мало жизни... <так!> Бердяев обиделся, почему мало жизни у него.

Юдифовна села оракулом — Нате, что сомнений много, Бердяеву — что нужно решимости, а мне, забыла, кажется, что препятствий много. В общем, ничего, не натянуто. Нате было весело, потому что она явно видела, как Бердяев зыркает игриво глазами, стараясь посмешить, вообще почуял намек на свою сферу.

Я, собственно, рада, что мы с Натой были, мне одной было бы вовсе бессмысленно и дико. Неизвестно что».

11 января. «Завтра именины.⁶⁹ Вчера вечером был Бердяев. После звонка, перед тем как отпереть дверь, сказала, чтоб нянечка говорила, что у меня болит голова, что вообще я не здорова <...>. Нянечка сказала Бердяеву, что я не здорова, он прошел к К<арташ>ову: по делу, говорит. Ну, думаю, отлично: наконец-то они поговорят серьезно. Сижу. Читаю книжку, трудно сосредоточиваться, мысли разбегаются: книжка трудная, серьезная. Борюсь. Является К<арташ>ов: „Что с ним делать!! Не уходит. Враг он мой, я спал. В 4 ч<аса> встал, устал...“ — „А вы с ним не говорили?“ — „Какое там, так устал“».

16 января. «<...> Бердяев не видит в Евангелии „Голгофы“, ⁷⁰ спорит с Успенским, что сплошь радость. Без страдания он и останется граммофоном, радостно мотивчики наигрывать».

19 января. «<...> Бердяева была с матерью, портрет смотрели, матери понравился. Бердяев очень иной раз страшный бывает, граммофон. С Успенским прошлый раз на именинах сцепился,⁷¹ и все свое дует и сам упивается. Гнусно, что он вашим прежним духом питается и на нем возрастает, как гриб дождевик. Созреет да лопнет, и трухой рассыплется. Это я очень гнусно говорю, может быть, но ничего».

27 января. «<...> Я была у Вяч. Иванова⁷² с Ремизовыми, из нас одна. Бердяев читал „Декадентство и мистический реализм“.⁷³ Не понимаю, как он может опять здесь же о догматах, о религии, Христа поминать. <...> Гофман⁷⁴ и Вяч. Иванов возражали. Вяч. Ив. утверждал несоединимость искусства с религиозным действием и во имя сохранения искусства опять свое мифотворчество. <...> Бердяев доказывал свою правду, как заведенный, никому не нужную. Никто даже не понял сути, а решили, что он против декадентства в искусстве, и горой. Отчего люди так незрячи?»

14 февраля. «<...> О Бердяевском обществе разве не слышали? У него уже было собрание устроителей. Тернавцев, Ельчанинов,⁷⁵ Эрн и Свенцицкий, Успенский. Будет Булгаков, Дьяконова,⁷⁶ К<арташ>ова прислал, Розанов, Вяч. Иванов (чтоб не было обидно, если бы не позвал). Хотели сделать филиальное отделение московского Соловьевского общества,⁷⁷ но потом кто-то предложил назвать именем Достоевского. Булгаков приезжает в воскресенье 18го. Тернавцев был в восторге и говорил, что это именно то, чего он всегда и желал пламенно. Попов не будет. Потом конечно будут публика, общедоступные, открытые собрания — с платой, может быть. Вот погоди — выяснится скоро больше.

Однако из московских собирается общество-то!⁷⁸ <...>

Я была у Вяч. Иванова с Ремизовыми, из нас одна. Бердяев читал там, конечно. Тема была „Эрос“.⁷⁹ Все об этом с разных точек зрения. Бердяев с *христианской*. В этот вечер он заходил к нам во время обеда, в 8 часов. С<ерафима> Пав<ловна> убегала, и молила никого не принимать, К<арташ>ову тоже надо было заниматься, и ему сказали, что никого дома нет. Он сидел полчаса у К<арташ>ова в комнате, писал ему письмо. Потом мы сидели в столовой, трепетали, что войдет: „а, голубчики, вот вы где!“ Так ему и надо, что-то он очень противен со своим христианским эросом у Вяч. Иванова».

24 февраля. «<...> К<арташ>ов завтра пойдет к Бердяеву и узнает насчет общества. В понедельник я и Ната хотим идти Свенцицкого слушать. Лекция „по поводу“ Ибсена Бранда в братстве, что на Стремянной».⁸⁰

27 февраля. «<...> Пришли Бердяев и Булгаков к К<арташ>ову. Говорили отвлеченно, о религиозно-философских собраниях ничего».

3–5 марта. «<...> Во вторник был Бердяев вечером. К<арташ>ов его спрашивал о переписке его с Дм<итрием> Влад<имировичем>.⁸¹ Тот ему говорил, и К<арташ>ов был рад, что не он один протестует и что если вы его, К<арташ>ова (близкого в сущ-

ности вам), не слушаете, то, может быть, услышите Бердяева, по мыслям, по укладу жизненному милейшему, нежели К<арташ>ов. Я не присутствовала при их разговоре, потому что была занята, но вы ведь знаете, в чем дело сами.⁸²

К<арташ>ов считает, что так, как думает о многом Бердяев и он сам, — думает весь мир, и с такими вопросами не считается нельзя. Не буду повторять, как и что. Вы знаете сами. И письма К<арташ>ова к себе имеете.⁸³ И знаете, в чем я с ним согласна, в чем нет. Вашу слабость специфическую „Мережковскую“ тоже знаете. Я рада, когда люди не таят, а говорят. <...>

И я считаю, что Бердяев *законно* не может возбудить такого возмущения своими письмами, потому что, *привнося* (в кротости) нечто новое, он не трогает *Ценностей*, потому что он их не касается органически, он их не задевает. Часть его — частью правдой остается. <...> Бердяев возмущается, что от него требует (а он не понимает сам, чего же у него недостает?). Он считает, что он так же „действует“, ⁸⁴ как и вы, — школа еженедельных у вас⁸⁵ — религиозно-философских собраний у него. А действия иного нет ни у вас (только «личные переживания», опыт), ни у него одинаково. Нет! *Грех* людей любить мало, но *такой же грех* и любить их слишком много! *Рано* любить грех.

6 марта. «<...> К<арташ>ов просит только, чтоб его не проклинали и не считали его дальше Бердяева, и т. д., если он будет причащаться и т. д. Если надо — пусть, все равно *хочет* он *этого* или *уже делает* — то же самое. Меня сомнение берет: а как умирять? тогда что? Или все *должны* быть готовы для совершения или в *Церковь*, как же? Скорей бы, скорей, трудно уж очень быть. А я ведь в Церкви ревела тайно, у Исаакия,⁸⁶ как дети причащались, — завидовала».

18 марта. «<...> Сегодня вот только с Соней⁸⁷ расположились идти на собрание — Бердяев прислал записку, что градоначальник запретил: оказывается, он только *заявил* градоначальнику, явочным порядком. К<арташ>ов пошел к нему узнать подробности. Главное, мне за Соню обидно, ей очень Бердяева хотелось поглядеть. А в [пятницу] ее не было дома, когда он приходил, ко мне должна была прийти Поликсена, и я не появлялась даже, чтоб он не засиделся».

7 апреля. «<...> Вчера с ней <Н. А. Гиппиус. — М. П.> были у С<ерафимы> П<авловны>. Туда заходил на минутку Бердяев. На одну секундочку. Давно его не видала. Завтра будет р<елигиозно->ф<илософское> собрание в Екатерининском зале на Колюшениной.⁸⁸ Там выставочный комитет отдал зал даром. Вход по повесткам, которые будет контролировать полиция. Доклад Розанова все тот же, „Отчего падает христианство“.⁸⁹ Возражать будут Бердяев, Булгаков, священник Аггеев,⁹⁰ Аскольдов,⁹¹ Тернавцев, Карташов, священник Медведь.⁹² Повесток он разослал (Гофман⁹³ этим заведует) 250 штук, а зал вмещает 300 человек. Мы пойдем.⁹⁴

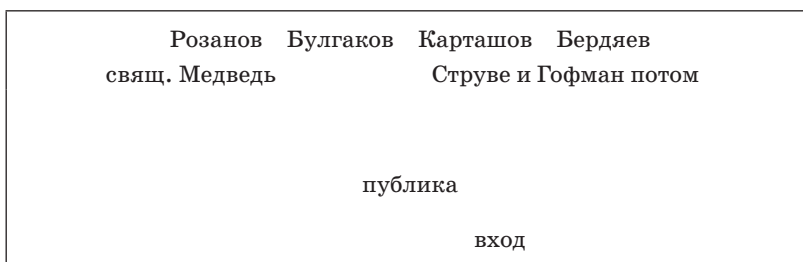
С<ерафима> Павловна рассказывала, что недавно был у нее Бердяев с Л<идией> Юдиф<овной>. При этом Л<идия> Юд<ифовна> завела с ней разговор. „Она с такого конца всегда заведет, не с того просто, как надо, что я ничего отвечать не могу. Молчу!“ (С<ерафима> П<авловна> говорит). А Л<идия> Юдиф<овна> ей говорит: „Я вот что думаю — теперь Новое Христианство, и вот нужно причащаться. И я могу сама причаститься. Ведь Мережк<овские> причащаются? Вот у Allegro на портрете Зинаида Николаевна — ведь это таинство евхаристии?⁹⁵ И Allegro молчала, когда я у нее спросила, причащается ли З<инаида> Н<иколаевна>?“ Бердяев с ней спорил, доказывал, что она не понимает преемственности (я со слов С<ерафимы> П<авловны>) и что он скорей пошел бы в старую церковь, чем так, как она говорит».

15 апреля. «<...> Главное мне о Бердяевском обществе, о собрании хочется рассказать подробнее, о том, каков дух. Это вам очень интересно. <...> Надо написать, что было в эту неделю, начиная с воскресенья, когда было 1ое религиозно-философское собрание,⁹⁶ и затем вкратце, что было.

Вот, в воскресенье было религиозно-философское собрание (или, вернее, философско-религиозное собрание). Дальше идут дни, когда никто не приходил, я готовилась к экзамену, в четверг — очень трудный и сложный — анатомия. <...> В среду меня звали Блоки, но я не пошла, потому что канун экзамена. В четверг, не успела я кончить, — Леонид Семенов,⁹⁷ потом незванный Абрамович⁹⁸ и Успенский, который

пришел к нам от Бердяева, у которого был на минутку и рассказывал, что неизвестно, оказалось, от кого зависит разрешение и утверждение [этих собраний] общества: от Синода — нет, и передали в министерство внутренних дел — ведомство иностранных исповеданий (!) <...>

Ну, наконец-то дошла до религиозно-философского собрания, хочу рассказать. Выставочная зала, парад, идут дамы, знакомые лица. Картины открыты,⁹⁹ такое впечатление, что Дягилев открыл выставку вечером,¹⁰⁰ а публика входит первый день по почетным билетам. Сейчас заиграет музыка. Вошли — впереди мать Блока¹⁰¹ с Блоком¹⁰² (Л<юбовь> Дм<итриевна> берет уроки у Мусиной¹⁰³ (играть на сцене учиться) и придет позже). Блок очень звал к нему в среду. Сказала об экзамене ему. Идем выше. Шервуд¹⁰⁴ с Кузнециком. Гофман отбирает повести. Allegro,¹⁰⁵ Ге,¹⁰⁶ Евг. Иванов, Поликсена (Кате¹⁰⁷ плохо, она сказала), Егоров,¹⁰⁸ Дядюшка,¹⁰⁹ Анна Павловна с внучкой, Успенский, Тернавцев, Бердяев в волнении носится, Ремизовы, Струве,¹¹⁰ священники кое-где в публике, Солляртинский и т. д. Сели во 2й ряд. К<арташ>ов пошел к столу, а я с Поликсеной. Сзади раздавалось щебетанье дам каких-то, так что уж принуждена была пересестись на другое место. Было инстинктивное впечатление, что будет читаться лекция, потому что стулья стояли так:

К<арташ>ов, а по бокам Булгаков с Бердяевым, сзади сцена — картины Богаевского,¹¹¹ под гобелены. Свету масса. Солляртинский головой стал мазать один портрет Мурашки, и я на перерыве принуждена была отодвигать весь ряд стульев. Егоров пьяный, злобный, потребовал, чтоб начинать, что все собрались, и Булгакова назначили председателем. Предложил не аплодировать. Егоров возмутился, говорит, что надо голосовать и сел с носом, когда вся зала приняла предложение. К<арташ>ов читал. Сначала говорил Бердяев по поводу некоторых мыслей (что Христос утешает челове<ество>, но не лечит), говорил вообще о позитивизме, о смерти и о коренном *лечении* челове<ества> — о победе над смертью. Вот и из этого всего видно было, что каждый поп радовался: „да, в Христе ничего, кроме жизни, — страдания нет, и Бердяев, безусловно, с нами“. Все на Розанова нападали.¹¹² Струве — что Розанов ошибается, мешая революцию в одну кучу с наукой, как бы упрекал, что он на неверном основании строит свои положения.¹¹³ Говорил и Столпнер,¹¹⁴ и попы.¹¹⁵ Много. Приблизительно знаете, что могут сказать. (Вы этот доклад-то Розанова знаете ли? я говорю, будто вы все знаете его).

И все оказались вместе против Розанова, с Бердяевым вместе. К<арташ>ов все же бросил кое-какую бомбочку. Говорил, что на Розанова все нападают, а он ставит вопрос верно и у нас подымает вопрос, который раньше никогда не вставал. О принятии жизни. Таким образом, попов тоже от Бердяева отделил, а то началась путаница. Жизнь, жизнь во Христе — против очевидности, Розанова возмущение праведное, хоть в данном случае и выражено младенчески. К<арташ>ов говорил свободно и ярко. Главное, как-то весело. Дядюшка под конец начал говорить, и не унять. Все записочки, радовался, что „продолжение Религиозно-философских собраний“. С пафосом говорил, но пришлось ему прекратить. Булгаков говорил, что Розанов вернулся в этом докладе к юношескому возрасту, и вспомнил, как он учился у Розанова,¹¹⁶ и тогда они сцепились в спорах. Православный Розанов и Писаревец Булгаков спорили так, что забыва-

ли урок. И как Булгаков говорил: „Наплевать на Пушкина, лишь бы мужик был сыт!“ И вдруг теперь искажается Розанов и превращается в 17-летнего мальчика».

18 апреля. «<...> А К<арташ>ов вчера у Бердяева был. Там был спор со Столпнером и другим жидом.¹¹⁷ Отвлеченный, о вере и познании. Так, не жгучий. Тернавцев был, пришел. Послушал. Махнул рукой и ушел».

24 апреля. «Утром Алехина.¹¹⁸ Потом Вальтер.¹¹⁹ С ним мы вышли. Пошли втроем снялись, 3 карточки. Оттуда к Бердяевым. Они вечером хотели к нам прийти. В пятницу собирается деловое собрание, К<арташ>ов пойдет. Ельчанинов вернулся. Будет опять собрание. А разрешение на общество, когда будет — неизвестно. Бердяев боится, что Успенский подгадил: в канцелярии Градоначальника чуть ни лекцию прочел о Соловьеве, о Логосе, о новом религиозном сознании и сказал, что на всякое движение у них будет отклик в обществе. Подозрительное впечатление весьма он произвел на них, по всей вероятности».

30 апреля. «<...> С<ерафима> П<авловна> пришла с тем, что если она поедет, с вами поссорится.¹²⁰ И говорит — не поеду. Мы с К<арташ>ов<ым> доказывали, что пусть она высорится, она много правды вам скажет. Но надо иметь право говорить и о слабостях. И тогда, если имеешь право — услышат и примут. Для этого надо иметь подлинное зерно любви. Она протестует против вашей слепоты по отношению к людям. Особенно Дм<итрия> Сер<геевича> (о Филос<офове> не знает). Что Бугаева так близко приняли,¹²¹ что Бердяев так тоже. Потом, что, например, сестре жены Бердяева¹²² говорите о нем все, она передает возмущенно ему и т. д. и т. п. На фоне *общего нелюбовного отношения* к людям — чрезмерный оптимизм по отношению людей, *высказывающих* (а может быть и не *имеющих* даже) *мысли*, которые вас интересуют, и не смотрите, что это могут быть одни мысли. Она протестует против этой „литературности“ и „литературной злобы“, „полемической“ — по отношению ко всем — и „литературного принятия“ людей (то есть легкомысленного), слегка касающихся этого, хотя бы и не имеющих еще. Пример у нее Бердяев, обезьяна его Гофман. И Лидия Юдифовна, которой он все говорит. Говорила, что она будет возмущаться, что Дм<итрий> ее не видит (а я говорю: и не ценит!). (Хотя последний раз *мне лично* Л<идия> Юдиф<овна> понравилась, она Бердяеву говорила, что человек всякую истину должен решить прежде для себя, а потом уже о ней говорить другим. А то не поверят. Спросят — как живешь? С<ерафима> П<авловна> говорит, что она намекала на вас, со слов сестры, которая говорила: «М<ережковск>ие упрекают Н<иколая> Ал<ександровича>, что он не живет как надо, а сами-то, живут, что ли?»).

13 мая. «Читала в „Веке“ Димочкину статью о Свенцицком.¹²³ Больно прямо, когда вижу, как сильнейшие дают оружие в руки противника. (Так же и К<арташ>ов с вами свои слабости обнажает, и вы с ним). Та же Бердяевщина, солидарность с ним только в „новом сознании“, и чувствуется пагубная литературность, а не живое сердце. Нельзя же так. Свое живое хранить в себе, а кидать людям одни слова. И о Михайле¹²⁴ <тон?> весь,¹²⁵ и о Булгакове, и об Эрне и Свенцицком.¹²⁶ — Ведь так о живых не говорят — так говорят или „критики“, или о мертвых, да еще и не в этом веке. Бердяев — вот дьявол,¹²⁷ бегите от него подальше. С<ерафима> Павл<овна> чует правду, бежит от него подальше, в ней дух подлинный есть. <...>

Лидия Юдиф. опоздала на 1 минуту на поезд. Бердяев орал на весь вокзал: 2 раза опаздывали. Уехали».¹²⁸

17 мая. «<...> ...Был у нас <Е. П.> Иванов: от Дм<итрия> письмо получил, говорит: Дм<итрий> С<ергеевич> пишет, чтоб я шел к Бердяеву. Иванова же Бердяев презирает, совершенно с полным презрением и к „писаниям“. Он и к Боре очень гадко относится.¹²⁹ Свысока, со своего „баринского“ полета. Умалиться ему надо. Юродства нет, ничем не пожертвовал. Едет в деревню, время рассчитано по минуткам. Читает, пишет, благополучный помещик по крови.¹³⁰ Он мне (Бердяев) очень не понравился последний раз. А особенно статья в „Веке“ неприемлемая.¹³¹ Цезаре-папизм! Папо-цезаризм!¹³² Опошлось, изъелось как червоточина это, например, сопоставление. А Димочка перезванивает с другой колокольни: Папо-цезаризм! Цезаре-папизм!¹³³

Милые, не сердитесь на меня. Мне очень самой неприятно о Бердяеве писать. С<ерафима> П<авловна> тоже повлияла: она его тоже чаще видит в жизни интимной».

6 июня. «Бердяевский вопрос. Я с тобой согласна, что запуталась: трудно мне и было, и есть. Но запуталась я не в „темпераментах“, как ты пишешь, а в живых людях, религиозных. Зима эта прошла для меня не даром: кое-что узнала ближе и глубже. Я научилась видеть, ценить и чувствовать правду Кар<таш>ова и С<ерафимы> П<авловн>ы больше, чем прежде. Открыла тоску по этой правде у Наты, и Нату оценила больше. Увидела то же и у Евг. Иванова и его оценила. И в себе узнала. А когда оценила близких (почувствовала, как незыблемое основание у себя), то оценила и у дальних: у Булгак<ова>, у Свенциц<кого>; еще дальше у Добролюбова,¹³⁴ у мальчика Семенова. (Потребность правды, готовность себя предать за правду). Когда это все стало ясно — увидела, что С<ерафима> П<авловна> права, у Бердяева этой правды нет.

И вот почему вы пугали слепотой, что требуете от него того, чего в нем сейчас еще нет, говорили ему об ответственности, которой он, словесник, и не ощущает и ее даже не может *пока* иметь. Вы зовете его к работе религиозной (если зовете работать вместе, а ведь *вы*-то не можете работать вне религии), когда он и не смеет еще быть с вами: основа, почва-то у вас не одна, как бы мысли его ни были тождественны с вами.

Вот и выходит: вы к нему с любовью, а он к вам же снисходит с покровительством. Вот и *грех* любить *религиозно* слишком того, кто этого не заслуживает. Он вас не понимает и своим прикосновением отравит живой источник: как Чулков делает со *словами* живыми,¹³⁵ так Бердяев сделает с *живым* делом. Он вам не друг, пока не религиозен.

Ваш лик искажается от вашей любви к пустоте. Искажается и пугает С<ерафиму> П<авловну> и всех религиозных людей: думается, значит, мало в вас живого прозрения в людей, мало в вас *религиозной* любви, *радости* к человеку, в котором есть *Любовь ко Христу* (пусть даже еще не воскресшему), и больше любви к человеку, в котором только *мысли* тождественны с вашими. Мысли о Воскресшем. <...>

Пусть С<ерафима> П<авловна> готова идти за кем угодно (хотя это преувеличено), пусть она слепая в новом сознании, но с ней работа не будет кощунством. А звать Бердяева не в светскую, литературную работу (ведь вы *уже* люди, а не литераторы) — кощунство, тут С<ерафима> П<авловна> права, и я с ней. Любви-то не полагайте в пустоту: не мечите бисер перед свиньями.¹³⁶ Не соглашайтесь с Булгаковым, Свенциц<ким>, хоть ни в чем,¹³⁷ кроме одного пункта, перед которым нужно преклониться: это их подлинная Любовь ко Христу. Тут им — любовь. Чувствуется, что они со Христом страдали, есть ощущение в мире греха, неблагополучия, Иовское страдание.¹³⁸ А у Бердяева нет жизни; нет крови и тяжеловесности. Я его сама видела».

22 сентября. «<...> Религиозно-философское общество разрешено, но так как Бердяев, кажется, не думает сюда вернуться,¹³⁹ то неизвестно еще <когда> собрания состоятся. (Карташов думает, что, кроме других соображений, может быть, даже после первого собрания просто-напросто они будут запрещены на основании охраны, как запрещена «Религия и жизнь»¹⁴⁰). А „другие соображения“ вот в чем. Собрания в глазах всех — есть продолжение прежних, составом своим подобны, но не имеют того духа, потому что время не то, — тогда они родились, теперь они создаются. Бердяев мог их затеять искренно (честь и слава ему за это), как не участвовавший в прежних. Он бы их и одушевил духом времени своего, дал бы им тон, отличный от прежних, более отвлеченный, литературно-философский — лекторский, так сказать. Разбил бы и попов, и Розанова изъяснил и поддержал. И Тернавцев и Карташов были бы деятельными участниками. Но устроителями они быть не могут; а между тем попы наводстрились, научились еще больше запутывать и вилять, потому что знают, с кем идти на сражение, силы рассчитывают. Унизят и все прежние собрания — дескать, вот оно новое сознание, защитит некому. Аскольдов проводил вопрос, прежде чем открывать общество, — нужно обсудить цели его и средства, и пути их достижения. Хотя Тернавцев находил, что это праздный вопрос (конечно праздный, если принимать эти собрания за продолжение прежних), но в действительности-то, пожалуй, Аскольдов прав. Потому что физиономия, действительно, другая. Теперь главная мысль о том, что лю-

дям нужно слушать, люди ищут. И думается, общество все не то же ли, что лекции или публичный диспут? Бердяев ввел людей от себя (Струве, Франк,¹⁴¹ еврей-философ, Гофман — «бердяевская обезьянка», с которым кроме Бердяева никто соединения не имеет). Остались, точно вставные зубы. Со стороны Бердяева очень странно, что он-то, сам устроитель, до такой степени, значит, отнесся несерьезно, легкомысленно, что не приехал, когда время открываться этому обществу. Карташов и Тернавцев написали ему письмо упрекающе (факты пишу, главным образом, со слов Карташова, потому что он же мне все рассказывает. Взгляд же имею свой с ним согласный во многом. Пишу от себя). Карташов так сомневается в успехе собраний, что думал даже сделать их закрытыми, чтоб друг перед другом выясниться, не перед публикой, и параллельно устроить публичные лекции, без прений, с комментариями к щекотливым рефератам».

27 сентября. «<...> Сейчас зашел К<арташ>ов. Он вчера был на собрании перед открытием Общества. Решили — К<арташ>ов настоял, и Тернавцев поддерживал, что собрания будут не публичные, а закрытые, по повесткам, в весьма ограниченном количестве, что выходит естественно, потому что насчитал приблизительно человек 70 знакомых, и с количеством разосланных 25 повесток и с 4–5 билетами, которые могут члены Совета раздавать. Аскольдов был в недоумении, почему Бердяеву такое значение придавать, точно сами без головы, и был удивлен, когда на вопрос — нужно ли открывать Общество, К<арташ>ов сказал, что нет. Это будет первое заседание».¹⁴²

3 октября. «<...> Вообще, впечатление поминок прежних Р. Ф. собраний.¹⁴³ Или разогреты объедки. (Это пока упоминали о том же, может быть, потом другой тон будет).¹⁴⁴ И уж пусть хоть какой тон, но только другой — так и то лучше. Может быть, будет и ничего. Еще нехорошее впечатление, что Кар<таш>ов как бы окончательно ослаб в силе своей и онемел, точно соли уж прежней в нем нет. Это как-то ложно кажется. А он не может сюда ничего дать искренно. Лепту вносит посильную.

То весеннее Бердяевское собрание¹⁴⁵ было, по-моему, своеобразнее, хотя и было сплошь фальшиво. Он все сделал напоказ. Назначил роли, распределил кому что сказать перед „публикой“, зал был — не то бал, не то выставка „Мир искусства“ с вечерней музыкой и шуршащими дамами. Такого бесславного собрания, откровенного и обнаженного, как это, — Бердяев бы не допустил; и оно¹⁴⁶ могло бы <быть> еще хуже. Но, может быть, для чего-то Бердяева было все-таки нужно, потому что Бердяев бы внес огонь, пусть какой-нибудь, во всяком случае огонь для Бердяева-то правильный. И может быть, *тон* собрания был бы другой, хоть не тронул бы прежнего, и то хорошо. А если бы и Бердяев призрака не победил — было бы еще хуже, потому что маска вместо лица страшнее, чем пустота».

13 октября. «<...> Завтра заседание р. ф. собрания. Сегодня с К<арташ>овым говорили, что даже редкие рефераты Бердяева в *Философском* обществе у Введенского¹⁴⁷ были праведнее, потому что бились сквозь известную среду, непрозрачную. А тут — ничего. И вот что мне делать. Читала я отрывочки из новой Бердяевской книги.¹⁴⁸ Забыла, где-то в начале — что-то об эпизоде со священником в Думе, кажется... И фраза: О, конечно, я не с мистической Церковью говорю¹⁴⁹ (что не приняты свящ., или в этом роде), а об исторической! Во-первых, точно *мистическая* может в себя принять „думское“, и затем что за легкость в тоне!

И как примириться с тем, что подобная хлестаковщина принесет плод? Просто душа не мирится. С<ерафима> Павловна другое, она за себя боится, за свое Главное, где-то близко, чтоб Б<ердя>ева не подпускать. А я или возмущаюсь объективно, безотносительно даже к себе и к нам (нас-то он не сдвинет, не боюсь я, как С<ерафима> П<авловна>»).

22 октября. «<...> Письмо Бердяева к К<арташеву> и Т<ернавцеву> следующее. Тон, в общем, не очень хороший, с позировкой, и будто он польщен несколько тем, что его как устроителя зовут, ищут. Уж слишком откровенно. (Но и это хорошо). О вас не хорошо. (К<арташ>ов ему еще отдельно написал, серьезнее, ответа нет). Пишет, что Л<идия> Юд<ифовна> больна, для Петербурга, и денег нет: едет дешево жить в Париж. Но это второе, говорит, а первое то, что я мучусь вопросом о причастии¹⁵⁰ и не

могу говорить больше (а книгу пишет). Вы уж без меня, и без меня найдется председатель (какое отношение, кинул на всех. А К<арташ>ов сейчас может «говорить»?). Я поеду к Мер<ежковск>им, буду с ними воевать¹⁵¹ (я забыла, что-то в этом роде), ну и т. д. Не поймешь. Успенскому письму не нравится, что все-таки словесное, говорит».

16 ноября. «<...> Я С<ерафиме> П<авловн>е сказала, что ты о Бердяеве мне написала. Не верит она ему. И К<арташ>ов. Я не знаю его так, как они, не чувю, но в этом верю больше им, чем вам. В смысле подлинности, вверенности правды в руки человека. У меня протест против его болтовни (какой у Дм<итрия> не было, извини). „О, конечно, я не говорю о Целом¹⁵² и т. д.“. Это все *ваши слова*, это все не его собственное, и вы свое в нем принимаете за его и радуетесь, как новой встрече. <...> Говорят, „глупы сердцем“ (как хорошо сказано!), умны головой. Когда она вам написала искреннее письмо — вы не поняли, в ответ ей грубо, не понявши, написали. И когда она то же самое, но глуше <так!> литературнее написала — поняли, а она бы за второе письмо гроша не дала. Что Кар<таш>ов вам труден, навязчив, непереносим — вы его терпите, а придет Бердяев, то же самое будет говорить вам и от вас требовать, *взявши от Карташова* же, вы его услышите, и будете восхвалять. (Кстати: Бердяев написал Кар<таш>ову письмо, что он эту зиму от него больше всех получил, хочет быть с ним единомысленным в том, что от старой Церкви отрываться нельзя — и что у вас есть декадентство в этом вопросе. Так что С<ерафима> П<авловна> будет, пожалуй, права, что Бердяев будет говорить с вами как бы от Карташева <так!>. Если так, то К<арташ>ов рад, что будет услышан).

К<арташ>ов ей говорил, что вы Бердяева принимаете просто как литературную силу, нисколько не обманываясь на его счет. Но С<ерафима> П<авловна> уверена, что он вам брат родной и что вы слепы и почва из-под ног исчезает, не на кого положиться. <...>

Я согласна с С<ерафимой> П<авловной> в том, что в вас — как и во всех нас — есть глупость сердечная. Вы людей „по слову их“ принимаете, по виду их, а не по сути. Обманываетесь в ценности. Я не в упрек, а констатирую факт. Это грех очень серьезный. Потому что жить по слову ведь нельзя. <...>

Вот еще что К<арташ>ов мне сказал: что Бугаев легкий человек, а у Бердяева масса разных соображений, почему ему быть в Париже, поэтому нельзя ставить их в сравнение с ним, что не приехал. <...>

Сер<афима> Пав<ловна> Вам написала, было, письмо (К<арташ>ов и К<узнец>ик читали, говорят, спокойное, трезвое, хорошее) о том, что она узнала Бер<д>яева еще больше, что едет он к вам из-за собст<венного> упоения собой, говорил о „новом религиозном сознании“ перед всеми; адвокатами, за обедом, гарцевал словами, любовался своими мыслями, как раньше блистал в провинции социал-демократом. Это с ее слов пишу».

13 декабря. «Р. Ф. общество было в Среду.¹⁵³ <...> Бердяевский доклад хороший.¹⁵⁴ Именно те возражения, даже в той форме. Форма — трезвость, уверенность, ясность и спокойствие. Мне бы хотелось еще это обострить, два пункта — о тлении — смерти (грех) и о личности. О личности бы еще тоньше и глубже. А последняя часть — это уже о царстве Духа, это уже не хочется говорить. Молчи! Молчи! Молчи! Но это, я думаю, он не мог не сказать, а то бы попы да миссионеры всего его в свои записали. Уж радовались началу, К<арташ>ов говорит. Хотя можно бы, я думаю, в этих двух пунктах попов побить (личность и грех).

Аскольдов возражал Розанову и Столпнеру¹⁵⁵ (на них за прошлое заседание) так, что все углы слизал, обсосал со всех сторон и выложил на ладошку — вот вам: это и все! И доволен — победил.

Тернавцев говорил¹⁵⁶ в поддельном пророческом *тоне* — *тон* миссионера-конокрада (он его сам так называл за лицо). Говорил, что аскеты, святые знали несказанную радость (где же тут возражение Розанову?!!) — об ней молчали, как все подлинно-религиозное молчит (если не пророчествует), что есть ужас гибели и радость спасения. И нужно причастие, а то все прах, сколько ни говори. И христианство — в причастии. Говорил так верное, но получилось фальшивое. Иванов Евг. очень его осуждает: гово-

рил, говорит уж очень сыто, по „букварному“. Он с ним букварь работал,¹⁵⁷ так Тернавцева изучил. А Солляртинский доволен, сияет. Самодовольный. Возражал — все о своей морали, что люди гнусные.¹⁵⁸ А Столпнер от Аскольдовских нападений на свою прежнюю речь защищался.¹⁵⁹ Хороша, говорит, святость, что не она людей возвышает, а люди ее портят (а Аскольдов говорил, что, дескать, люди христианство изгадили сами). Говорил: в Иудействе воскресение есть, а Христос был Богочеловек ведь, а не человек, значит, он и воскрес себе, а люди все равно умирают и умрут.¹⁶⁰ Еще Морозов¹⁶¹ говорил, социал-демократ, что, говорит, христианство между париями возросло, потому что им нечего в жизни было ждать, их поманили и они, невежественные и бедные, — пошли, а в сущности, высокие идеи ничего не стоят, раз они говорят: человек умирает — ничего, воскреснет! больной — ничего, зачтется, что терпит! Признание мерзостей. Суровый, брови сдвинуты, возмущается.

Дядюшка всех извел: все Розанова нахваливал. Все к нему да к нему. Не видит, что всем надоед, в пафосе. А Аскольдов улыбается беспомощно, с ямочками на щеках, глаза выпячивает и не смеет остановить. Хохоют все. Мы ушли, потому что потом кто-то неведомый <...>. В общем, прошлое собрание было живее. Васе¹⁶² очень Столпнер нравится и Розанов. А Бердяев, кажется, под сомнением. 2й частью Бердяев себе повредил — не хочется ему верить. Я со стороны опять смотрю».¹⁶³

Из «дневников» 1908 года

10 января. «<...> Ты Бердяеву ничего не говори о нас.¹⁶⁴ Ни о К<арташ>ове. Очень прошу. Судите вообще, а жизни не надо касаться. Вблизи Бердяев очень соблазняет, будто он „с нами“. А К<арташ>ова вы еще ощущаете как далекого, так вдруг и будете судить. Не судите, милые, перед лицом Бердяева. Только *вообще* можно, а не в частности...».

18 января. «<...> Бердяевым возмущается <Андрей Белый. — М. П.>, говорит, что он не имеет права писать о том, о чем пишете вы. И о декадентстве тоже».¹⁶⁵

17 февраля. «<...> С<ерафима> П<авловна> страшно боится, что ты Л<идии> Юд<ифовн>е и Берд<яев>у что-нибудь откроешь, как-нибудь по серьезному их примешь, а она их обоих знает. И о Бердяеве знает, о его непригодности в смысле зрелости его желаний и надежности. И у нее ощущение страшной незащищенности. Говорит, что, принимая их, вы с ней разрываете. Наверно, потому что она никогда внутренне верить <н>и Берд<яеву>, ни Л<идии> Юд<ифовне> не может. Такая твердость в ней мне нравится. <...>»

Я была очень усталая, потому что эти дни поздно ложилась. Трудно сидела на собрании.¹⁶⁶ Зачем их прекращать? Они затеяны Бердяевым и имеют свою ценность. Пафос бердяевский в них есть. А какое, ты думаешь, — может ли быть теперь какое-нибудь „общество“ — истинным? Если только оно не *говорильня*? Пафосу не время — надо тише. Чем философичнее, суше — тем правдивее нынче будет общество. Чем слова безобиднее употребляются. Ни слова не надо об Антихристе, о Христе и т. д. Целомудрие забыли.

Если бы Бердяев был — он бы спас, может быть, философским элементом, — привлек бы сюда кого-нибудь. А то вон уж Адрианов,¹⁶⁷ кажется, говорит: с тех пор, как с легкой руки Мережковского стали употреблять слова такие, как Антихрист, — просто себе, без ужаса и трепета, как прежде (то есть как обыденщину, как слово без души)...».

14 марта. «Среда. Р. Ф. собрание.¹⁶⁸ „Интересное“, а по-моему, по глубине говоря, разврат это общество и больше ничего. Невозможно, правда, тянуть канитель. Развращать подлежащее разврату. Пусть я не справедлива, потому что надо „учит<ыв>ать“ кое-какие достоинства, но *наплевать* мне в данный момент на все компромиссы, хоть с вами-то душу отвести, по существу. К<арташ>ов не говорил, — говорит, нет внутренних сил, хотя и хотелось сказать. И я хоть осуждаю в глаза (то есть надо бы), но по существу не одобряю, потому что нельзя активно поощрять такой разврат. Душа возмущается. Пусть Свенцицкий говорит с Тернавцевым, пусть Розанов с ними спорит, но

на людях, *теперь* невозможно. Всякое прикосновение с людьми — бесстыдно развратно. Бердяевщина делается популярною, всасывается во всех, — ну, как же не заткнуть уста Розанову при публике, которая сегодня идет слушать Розанова, завтра на лекцию о Санине¹⁶⁹ пойдет и будет думать, что идеалы у того и другого одни! Рожи, рожи, какие у многих. Пол! — книжку Свенцицкого конфисковали!¹⁷⁰ (он сам похвастал) — браво, аплодисменты! Как еще Тернавцеву не шикали, удивляюсь. Скуушно! <так> потому что болтовня голая, не то время, не та серьезность. Чулково-Бердяево-Гофманство заело людей. Никому не верю <...>».

15 марта.¹⁷¹ «В четверг пришла Сер<афима> Павловна, от тебя как раз письмо. О Юдиф<овне> ей ничего не читала, Боже сохрани. О сплетнях подлых ничего не говорила. И вообще ты меня как-то очень огорчила, что о С<ерафиме> П<авловн>е так пишешь по-мужичьи (прости). „Истерическая баба“. „Обе врут“. Это тебе издали так кажется, а у меня к Сер<афиме> П<авловн>е теперь подлинное и верное отношение. Я ее не защищаю и так, когда ты говоришь о ней — уж меня задеваешь. И за тебя как-то больно, и стыдно. <...> И Юдифовну с ней рядом я поставить не могу («обе врут»). В ней есть такая редкая прямота и правда, которая нам всем нужна, как основание. Чтоб не на песке все было. И слушать ее надо внимательно. И терпеливо. И кое в чем слушаться. <...> Так вот и знай: С<ерафиму> П<авловну> в обиду не дам, нельзя так ругаться, хотя и между прочим. Она не пишет, потому что чувствует в вас ненадежность; около Бердяева, может быть, говорит, они обо мне еще с Бердяевым будут говорить, и письмо читать. Им Бердяев нужнее меня. Говорит — отрекусь и прокляну, если они с Бердяевым соединятся. Не могу, говорит. Выше моих сил. Значит, в них нет настоящего. Это значит предательство, дьявольщина, соединятся с Бердяевым — предадут Главное. И я не могу тогда им верить. К<арташ>ов говорил, что вы теперь стали мудрее и утяжелились, что он чувствует и знает, а С<ерафима> П<авловна> не верит. Потому что Бердяев Вам близок. Надо же еще!: у Бенуа Ал<ексей> Мих<айлович> видел барина, который спросил его: как живете? — „Да Бог помогает“... — „Фу ты, и вы опять о Боге! В Париже там Бердяев да Л<идия> Юдиф<овна> все время о Св. Духе да о Церкви Троицы говорят, прямо ужас“. Каково С<ерафиме> П<авловн>е! <...> Ты Бердяева еще мало пакостила за словоизвержение, надо за разврат больше бить».

16 марта.¹⁷² «<...> Я лично не по отношению к вам и нам на Бердяева восстаю. Совершенно независимо от нас он меня доводит до последних ступеней возмущения, когда я вспомню его книгу развратную.¹⁷³ Именно развратную. (Дайте же и мне власть поругаться.) Я вижу, что кругом завивается „дух времени“, хулиганствующее настроение, люди развращаются, облегчаются, окрыляются как мыльные пузыри, ужас накатывается, что теряют *слезы* подлинные, а плачут мыльными пузырьками и о себе тоскуют, зачем они пузыри о себе только и плачут. Трагично и ужасно. Я возмущаюсь, что у вас тоже свои „Кузнечики“ — Бердяев, вами соблазненный, разумный „Кузнечик“¹⁷⁴ — любя его, надо гнать, а не ласкать. Гнать от себя как от заразы, гнать как собаку, как бы нам надо было давно Кузнечика выгнать ради него самого.¹⁷⁵ Чулков — „мистический анархизм“. Бердяев — „мистический реализм“. Ужас один. Я радуюсь, что вы лекцией его возмутились. Это тем же, моим возмущением. С вами надежно — мы „заговорщики“. У нас нутро воспротестует, если и ум склонит голову. И Лид<ию> Юдиф<овну> — гнать беспощадно. Пусть сами. <...> Зина Бердяева в статье ласково и нежно упрекает — и даже говорит „люблю“ и под влиянием симпатии (пусть головной, это еще хуже ошибка, больней будет потом) к нему — написала всю статью в аристократическом благородном тоне¹⁷⁶ — вы <обращаясь к Философову. — М. П.> о Бердяеве сегодня в „Нашей газете“ тоже очень хорошо, благородно.¹⁷⁷ А от других от всех клочья летят. Вы не очень уму верьте, нутру тоже верьте, это живая „плоть“-то и протестует против пузырьности, кошунственности и разврата, „игры“, „легкости“ с тем и в том, с чем нельзя играть. Вот, например, Зина о всех сборниках в „Весах“.¹⁷⁸ Ругает Л. Андреева „дурак, как все герои у него“.¹⁷⁹ И его со всеми. Не дам я Леониду Андреева. Много гнуса, и „Проклятие зверя“¹⁸⁰ гадость, а „Голод-Царь“¹⁸¹ (по рассказам) такая же мерзость, переход границы, как „Чудо Св. Антония“ на сцене.¹⁸² Но

у него есть ужас перед непобедимостью „Ы“¹⁸³. Вот он считается и не боится правды, этого ужаса.¹⁸⁴ Да, ужас, и старухи в „Жизни Человека“, и „Василий Фивейский“¹⁸⁵ — не меньше ужас, не меньше гадость, не меньше тягость. Где у Бердяева тягость? Что, кроме слов?

Я одна за книгу и за слова его так ненавижу. Пусть он совсем от нас уйдет, и вы его отринете — я его так же и вечно буду ненавидеть, как Чулкова, Гофмана. Возмущаюсь до глубины. И боюсь этого своего отношения. И чувствую недоброе. Страдание о себе, отчего я пузырь? И пускает пузыренок вместо слез.

Вы не думайте, что я осуждаю Бердяева, что он вечный пузырь. Я так не могу: ставить над человеком <так!> крест. Не ставлю никогда (спорила в этом насчет Бердяева и с С<ерафимой> П<авловной> и Ан<тоном> Влад<имировичем>, они меня ревновали к нему, что я за него). Может быть, и станет не пузырем — тогда я ему буду радоваться, и это вот сознание будущей радости Бердяеву как не пузырю дает мне свободу *сейчас* его ненавидеть какой-то праведной не личной ненавистью. Как я ненавижу, скажем, старого развратника, совращающего младенца. Мне кажется, что Бердяев развращает людей неискушенных, живых, которым грозит разродиться недоношенным ребенком, мертвым. Ужасная теперь атмосфера беспардонной развратности всеобщей: все ненастоящее, а „как бы“, и не отличишь „бриллианты Тэта“».¹⁸⁶

15 апреля. «Милая моя Зина, пожалуйста, ты ничего не говори Бердяеву из моих писем, ни о С<ерафиме> Павловне, ни о К<арташ>ове, ни обо мне. Встань на мое место, пойми мое беспокойство (потому что *никто* за другого не *поручится*) и исполни мою просьбу.

Я вот вспомнила Бердяева. Он <нрзб.>¹⁸⁷ что, переменялся? Какую-то он мне внушает ненадежность, „искренне-ненадежен“. Можно жалеть, может быть, любить, а не доверять, не раскрывать. Окрасится не так от него. Я тебе верила о нем, а теперь хочу и к себе прислушаться».

¹ 8 марта 1906 года состоялась очередная «среда» на Башне Вяч. Иванова, на которой было продолжено обсуждение темы предыдущего собрания (1 марта) — искусство будущего (см.: Шишкин А. Б. Симпозион на петербургской Башне в 1905–1906 гг. // Русские пиры. СПб., 1998. С. 50–51, 334–336; Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: документальные хроники. М., 2009. С. 172–174).

² В марте 1906 года С. Н. Булгаков и А. С. Глинка-Волжский на короткое время приезжали в Петербург (Булгаков преподавал в киевском Политехническом институте, из-за студенческих забастовок занятия были прекращены до сентября). В это время они готовили первые выпуски совместно редактируемой киевской газеты «Народ», визит на Башню отчасти был вызван переговорами о сотрудничестве с петербургскими авторами бывших «Вопросов жизни» (1905). О газете «Народ» см.: Колеров М. А. Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996. С. 198–224 (сер. «Исследования по истории русской мысли»; т. 1).

³ 13 марта 1906 года Глинка-Волжский, побывавший на квартире Мережковских в доме Мурузи, писал З. Гиппиус: «...Вас там никого нет, увы, квартира Ваша стала что-то вроде „Вишневого сада“, отданного-таки под дачи» (Amherst Center for Russian Culture (далее — *Amherst*, с указанием названия коллекции и шифра). Merezkhovsky's Papers. Box 2. Folder 47).

⁴ В 1905–1907 годах Бердяев выступал в роли председателя собраний (симпозионов) на Башне Вяч. Иванова, см. об этом в мемуарном очерке: Бердяев Н. А. Ивановские среды: Русская литература XX века, 1890–1910 / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1917. Т. 3. Кн. 8. С. 97–100.

⁵ Наталья Николаевна Гиппиус (1880–1963).

⁶ По-видимому, имеется в виду сообщение для Бердяева в письме Мережковских к Т. Гиппиус.

⁷ 19 марта 1906 года Карташев писал З. Гиппиус: «Бердяев приходил. Сегодня я заходил к нему, приносил книги из Публичной Библиотеки. Хочет изучать мистиков» (Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus / Comp. by T. Pachmuss. Munchen: Wilhelm Fink Verlag, 1972. P. 650).

⁸ О какой именно статье Бердяева идет речь, из контекста неясно: ближайшая по времени к дате письма статья, отвечающая характеристике, — «О новом религиозном сознании (Д. Мережковский)» (Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 147–188) — открывается эпиграфом из Иоанна (Иоан. 10: 30) и содержит цитаты и реминисценции из Нового Завета.

⁹ Манасейна Наталья Ивановна (Манасейна; 1869–1930) — детская писательница, вместе с П. С. Соловьевой издавала журнал для детей «Тропинка» (1906–1912) и вела издательство «Тропинки»; в журнале сотрудничали З. Гиппиус, Мережковский и Т. Гиппиус (в качестве иллюстратора), подробнее см.: Павлова М. М. Материалы к творческой биографии Т. Н. Гиппиус (по «дневникам» художницы 1906–1908 гг.). Статья 1 // Литературный факт. 2019. № 14. С. 109–144. Манасейна устраивала у себя журфикусы, на которых собирался близкий журналу круг литераторов и художников, преимущественно символистского направления.

¹⁰ Осип Дымов (наст. имя Иосиф Исидорович Перельман; 1878–1959) — прозаик, драматург. В письме к М. М. Замятиной от 12–15 апреля 1906 года Л. Д. Зиновьева-Аннибал рассказывала: «Было весело, даже после ужина пели: Соловьева дивным контральто в темноте без аккомпанементу русск<ие> песни и романсы, потом заставили меня, и я с эффектом и позорно распушенным голосом Habanera, но осветила меня, т. к. я была в красном хитоне с оранжевой палю. Эффект огромный, прямо фурор. <...> Комическая шутка вышла у Дымова. Он попросил позволение передразнить Вяч<есла>ва, читающего на Среде стихотворение. <...> Подражал В<ячесла>ву бесподобно, особенно в манерах...» (цит. по: Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. С. 186).

¹¹ Котляревский Нестор Александрович (1863–1925) — историк литературы, критик, профессор, ординарный академик (1909); сотрудничал в «Тропинке»; его жена — Вера Васильевна Пушкарёва-Котляревская (1870–1942) — актриса Александринского театра.

¹² Реминисценция из «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина (ср.: «À moi l'rom-rop»; «Ко мне, мой помпончик!» — гл. «Поклонение Мамоне и покаяние»).

¹³ Мурашко Александр Александрович (до 1891 года Крачковский; 1875–1919) — художник-портретист, передвижник, член Нового общества художников и Общества российских художников; друг Н. И. Манасейной и П. С. Соловьевой.

¹⁴ «Факелы» — альманах, выходивший под редакцией Г. Чулкова; орган последователей «мистического анархизма»; в 1906–1908 годах вышло три книги. Здесь речь идет о только что вышедшем из печати первом альманахе. 30 марта Зиновьева-Аннибал сообщила Замятиной: «Прервала <рассказ о событиях. — М. П.> для Чулкова: принес „Факелы“! Прелестная книжка. Вышло пока всего 400 экз. Бумаги не хватило. Отправляют все в провинцию. Только после Пасхи выяснится разрешение цензуры...» (цит. по: Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. С. 178).

¹⁵ Мотив автоматизма и автомата (куклы, механической игрушки) в «дневниках» Т. Гиппиус, возможно, восходит к эссе Е. П. Иванова «Автомат» (1906), которое было написано под впечатлением от посещения одной из «сред» Вяч. Иванова, а также к его новелле «Зеркало и автомат» (впервые: Александр Блок и Евгений Иванов: В 2 кн. СПб., 2017. Кн. 2: Воспоминания о Блоке. Статьи / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко. С. 455–465). В ряде работ Бердяева тема автомата осмысливается в контексте проблемы свободы личности, см., например, главу «Личность» в книге «О рабстве и свободе личности. Опыт персоналистической метафизики» (Париж: YMCA-Press, 1939; 2-е изд. — 1972; переизд. — М., 1995).

¹⁶ Яворская Лидия Борисовна (сценическая фамилия; урожд. фон Гюбенет, в первом браке кн. Барятинская, во втором Полок; 1971–1921) — ведущая актриса Малого (Суворинского) театра.

¹⁷ По мнению Бердяева, аскетизм, отрицание естественных взаимоотношений «полов» не свойственны человеческой природе, а к тому же противоречат идее освящения «плоти» в новой (Иоанновой) церкви, которая должна вместить всю полноту «пола»; об этом Бердяев полемизировал с «тройственным союзом», см., например, его письмо к Философам от 14 апреля 1907 года: «...я плохо ощущаю пресловутую проблему аскетизма, слишком я для этого растительный человек, слишком физиологична высшая точка моего духа» (Русская литература. 2020. № 4. С. 230).

¹⁸ Бердяева Алина Сергеевна (урожд. княжна Кудашева) — мать Н. А. Бердяева, происходила из знатного графского рода, правнучка гр. Викторины Потоцкой и Антония Людвиг Октавия Шуазель-Гуфье.

¹⁹ Сестра Л. Ю. Бердяевой Евгения Юдифовна Рапп (урожд. Трушева; 1875–1960) жила в Париже вместе с мужем Евгением Ивановичем Раппом (1875/1868–1946; юрист, член партии эсеров, подробнее о нем см.: Гиппиус З. Собр. соч.: В 15 т. М., 2019. Т. 16 (доп.). Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь и работа / Предисловие, подг. текста и комм. Р. А. Горюничского и А. И. Серкова. С. 440).

²⁰ Речь может идти об одном из двух изданий: *Сологуб Ф. 1) Политические сказочки*. СПб.: Шиповник, 1906; 2) *Книга сказок*. М.: Гриф, 1905.

²¹ Тармалама — пестрая плотная шелковая или полупелюшковая ткань.

²² См. запись от 7 мая 1906 года.

²³ В августе 1906 года С. П. и А. М. Ремизовы гостили на даче у сестер Гиппиус на станции Карташевская (по Варшавской железной дороге).

²⁴ Летом 1906 года Ремизовы переехали с 5-й Рождественской улицы на Кавалергардскую (д. 8, кв. 28) в новый дом А. Н. Пундика, где арендовали квартиру с августа 1906-го до июля 1907 года; перед тем около месяца они были вынуждены поселиться у Мережковских в доме Мурузи; возможно, рассматривался вариант переселения к Бердяевым, которые летом жили в имение Трушевых Бобаки (станция Люботин Харьковской губернии).

²⁵ Имеется в виду одна из книг: *Бердяев Н. А.* 1) Новое религиозное сознание и общественность. СПб.: М. В. Пирожков, 1907; 2) *Sub Specie Aeternitatis*: Опыты философские, социальные и литературные. СПб.: М. В. Пирожков, 1907 (составлена из статей Бердяева, опубликованных в сборниках и периодике в 1900–1906 годах).

²⁶ Речь идет о лидерах «Христианского братства борьбы» (далее — ХББ): Эрн Владимир Федорович (1882–1917) — религиозный мыслитель, историк философии, публицист; Свенцицкий Валентин Павлович (1879–1939) — писатель, церковный публицист. Карташев стремился к сближению с ХББ («христианскими политиками» во главе с С. Н. Булгаковым). Программы ХББ см.: В. Ф. Эрн: *pro et contra*. Личность и творчество Владимира Эрна в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Сост. А. А. Ермичев. СПб., 2006. С. 59–88; *Свенцицкий В. П., прот.* Собр. соч. М., 2010. Т. 2 / Сост., подг. текста и комм. С. В. Черткова. С. 3–160. Мережковские и Философов относились к сближению с ХББ сдержанно, см.: *Гиппиус З.* Без мира // *Весы*. 1907. № 1. С. 57–65; *Философов Д. В.* Церковь и революция // *Век*. 1907. № 18. 13 мая. С. 252–253, и др.

²⁷ В 1903–1908 годах М. В. Пирожков был постоянным издателем книг Бердяева (как и Мережковских).

²⁸ Имеется в виду Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал (урожд. Зиновьева, в первом браке Шварсалон, во втором Иванова; 1865–1907).

²⁹ В очерке «Ивановские среды» Н. Бердяев назвал собеседования об Эросе одной из центральных тем «башенных» симпозионов: «...речи о любви произносили столь различные люди, как сам хозяин Вячеслав Иванов, приехавший из Москвы Андрей Белый и изящный проф. Ф. Ф. Зелинский, и А. Луначарский, видевший в современном пролетариате перевоплощение античного Эроса...» (*Русская литература XX века. 1890–1910. Т. 3. Кн. 8. С. 97–98*).

³⁰ Иванов Евгений Павлович (1879–1942) — литератор, друг А. Блока, его корреспондент и автор воспоминаний о нем. История отношений Е. П. Иванова с Т. Н. Гиппиус запечатлена в записях и воспоминаниях Иванова о Блоке, см.: Александр Блок и Евгений Иванов. Кн. 2 (по указ.).

³¹ Т. Гиппиус давала частные уроки рисования; также в 1906/1907 учебном году преподавала рисунок в одном из женских учебных заведений Царского Села, предположительно в Женском училище духовного ведомства (здание на углу Московской и Дворцовой улиц, дом Ф. Оболенского), находившемся под покровительством царской семьи (основано Великой княжной Ольгой Николаевной в 1843 году), содержалось на средства Святейшего Синода.

³² По-видимому, речь идет о собраниях «Гафиза», первое состоялось на Башне 2 мая 1906 года (Бердяев был в костюме царя Соломона, описание вечера см.: *Кузмин М. А.* Дневник, 1905–1907 / Предисловие, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 140). Бердяев был постоянным участником вечеров гафизитов, которые были возобновлены в сезон 1907/1908 года. Подробнее см.: *Богомолов Н. А.* Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С. 67–98 (гл. «Петербургские гафизиты»); *Кузмин М.* Дневник 1934 года / Под ред., со вступ. статьей и прим. Г. А. Морева. СПб., 1998. С. 93, 98–99.

³³ Первая глава книги: *Бердяев Н. А.* Новое религиозное сознание и общественность. С. 1–32; впервые: *Вопросы философии и психологии*. 1907. Кн. 1 (86). С. 1–36.

³⁴ Событие нашло отражение в дневнике М. Кузмина, 9 ноября 1906 года он записал: «По городу говорят, что Ивановы сами устроили пожар, Городецкий сбежал от реферата, от седы, — вообще страшная ерунда» (*Кузмин М.* Дневник, 1905–1907. С. 260), см. также комментарий: «11 ноября 1906 г. Л. Д. Зиновьева-Аннибал сообщила М. М. Замятинной: „Вчера было событие у нас: в три часа загорелись чердаки, смежные с нашей квартирой, и огонь, необыкновенно могучий и прекрасный, ворвался цветным морем в кухню. <...> Среда не состоится. Интимнейший кружок, однако, собрался-таки у Званцовой“» (Там же. С. 493).

³⁵ Кавалергардская улица, где жили Ремизовы, проходит поблизости от Таврического сада и Башни Вяч. Иванова (Таврическая ул., 35, дом Дерна).

³⁶ Апокрифическое сказание «О безумии Иродиادیном, как на земле зародился вихрь» вошло в книгу Ремизова «Лимонарь сиречь: Луг духовный» (СПб.: Оры, 1907. С. 5–25).

³⁷ В 1906 году в журнале «Весы» были напечатаны два рассказа З. Гиппиус: в июньской книжке — «Не то. Ненужная история» (№ 6. С. 15–38), в отношениях героев рассказа просматриваются проекции на взаимоотношения Т. Гиппиус с Карташевым; в октябрьской книжке — рассказ «Мавруша» (№ 10. С. 11–16).

³⁸ Философское общество при историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, основанное в 1897 году по инициативе М. В. Безобразовой (при участии А. И. Введенского, В. С. Соловьева, Э. Л. Радлова и др.).

³⁹ Выделенный текст подчеркнут и обведен автором. Иронически, подразумевается: вне внутренней жизни общины (вне «Целого»).

⁴⁰ Введенский Александр Иванович 1856–1925) — философ-кантианец, профессор, в 1890–1913 годах заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского университета, возглавлял Философское общество.

⁴¹ Петров Григорий Спиридонович (1867/1868?–1925) — священник (в 1908 году лишен сана), проповедник, общественный деятель, публицист, депутат II Государственной Думы; один из инициаторов группы Ревнителю церковного обновления (группы «32-х» петербургских священников); см.: *Балакшина Ю. В.* Братство ревнителю церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907: документальная история и культурный контекст. М., 2015 (по указ.).

⁴² В хронике газеты «Речь» (1906. 26 нояб. (9 дек.). № 227. С. 5) сообщалось: «28-го ноября в зале Тенишевского училища Н. А. Бердяев прочтет лекцию „О великом инквизиторе Достоевском“ <так!>».

⁴³ Упоминаются: Георгий Иванович Чулков (1879–1939), Василий Васильевич Розанов (1856–1918) и его жена Варвара Дмитриевна Бутягина-Розанова (урожд. Руднева; ок. 1864–1923); Вальтер Федорович Нувель (1871–1949); Анна Павловна Философова (урожд. Дягилева; 1837–1912).

⁴⁴ Бердяев с детства страдал нервным тиком.

⁴⁵ Д. В. Философов.

⁴⁶ Московское религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева (1906–1918), далее — МРФО. Бердяев входил в группу членов-учредителей общества; подробнее см.: *Кейдан В.* На путях к граду земному // *Взыскующие града* / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. В. И. Кейдана. М., 1997. С. 18–21; *Носов А. А.* От «соловьевских обедов» — к религиозно-философскому обществу // *Вопросы философии*. 1999. № 6. С. 85–98.

⁴⁷ Колачев Владимир Яковлевич (1871–1916) — выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1895); с 1897 года — священник Петропавловского собора, с 1911 года пресвитер собора Зимнего дворца, с 1913 года — протоиерей; активный участник группы Ревнителю церковного обновления; см.: *Балакшина Ю. В.* Братство ревнителю церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников)... (по указ.). Визит Колачева к Карташеву, возможно, был вызван готовящейся публикацией письма в редакцию «Века» о выходе из еженедельника (Век. 1906. № 5. 10 дек.).

⁴⁸ Доклад Бердяева «Великий Инквизитор Достоевского» был намечен в МРФО на конец 1906 года, о чем С. Н. Булгаков сообщал в письме к А. С. Глинке-Волжскому (около 15 ноября 1906 года) (*Взыскующие града* / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. В. И. Кейдана. С. 113), позднее перенесен (Там же. С. 120).

⁴⁹ Сведений о лекции Бердяева, состоявшейся 14 декабря 1906 года, выявить не удалось. В хронике газеты «Страна», которая более или менее регулярно помещала информацию о публичных лекциях, сообщалось, например, о лекции С. Л. Франка «Фридрих Ницше и пробуждение индивидуализма», состоявшейся 15 декабря 1906 года в большой аудитории Соляного городка (Страна. 1906. 14 (27) дек. № 238. С. 4). 14 декабря Бердяев мог читать реферат «Великий инквизитор Достоевского», который в конце января был прочитан им в МРФО (опubl.: *Вопросы психологии и философии*. 1907. Т. 86 (январь–февраль). С. 1–36).

⁵⁰ Меонизм — метафизическая система Николая Максимовича Минского (наст. фам. Виленкин; 1856–1937), изложенная в его трактате «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни» (СПб., 1890; 2-е изд. — 1897), в более систематизированной форме в книге «Религия будущего. Философские разговоры» (СПб., 1905).

⁵¹ Сергей Александрович Соллертинский (1846–1920) — профессор по кафедре педагогики Санкт-Петербургской Духовной академии, доктор богословия (1899), священник, митрофорный протоиерей (с 1911 года), действительный член Религиозно-философского общества, участник прений.

⁵² Религиозно-философские собрания в Санкт-Петербурге (ноябрь 1901 — апрель 1903), организованные по инициативе Мережковских, Минского, Розанова, Тернавцева, Философова и др.; стенограммы собраний печатались в журнале «Новый Путь» (1903–1904); затем были опубликованы отдельным изданием, подготовленным В. В. Успенским: *Записки петербургских религиозно-философских собраний (1902–1903)*. СПб., 1906 (анонс В. В. Успенского см.: *Церковный вестник*. 1906. 29 июня. № 26. С. 858–859); *Записки Петербургских религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.)* / Ред., послесловие и краткие сведения об участниках дискуссий С. М. Половинкина. М., 2005. См. также: *Гиппиус З. 1*) Первая встреча (К истории Петербургских Религиозно-Философских Собраний 1901–1903 гг.) // *Гиппиус З.* Неизвестная проза: В 3 т. СПб., 2003. Т. 3. Арифметика любви / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. С. 358–373 (первые: Последние новости (Париж). 1931. 2 авг. № 3785. С. 2–3; 4 авг. № 3786. С. 3–4); 2) Перед запрещением (Зима 1902–1903 гг. СПб-ских Религиозно-Философских Собраний) // *Гиппи-*

ус З. Неизвестная проза. Т. 3. С. 373–390 (впервые: Последние новости (Париж). 1931. 2 окт. № 3845. С. 3; 13 окт. № 3856. С. 2; 23 окт. № 3866. С. 2–3).

⁵³ После чтения в МРФО реферата В. П. Свенцицкого «Террор и бессмертие», состоявшегося 5 декабря 1906 года, по распоряжению полиции заседания были приостановлены.

⁵⁴ «Век» — еженедельник религиозно-общественной жизни и политики, редактор-издатель — В. А. Никольский, при ближайшем участии А. В. Карташева и К. М. Аггеева; орган «Братства ревнителей церковного обновления»; выходил с 12 ноября 1906 года по 5 июля 1907 года; в декабре 1906-го Карташев вышел из редакции «Века» (см. его письмо в редакцию: Век. 1906. № 5. 10 дек.), но продолжал в нем печататься.

⁵⁵ См.: *Карташев А. К* полемике с Д. В. Философовым // Век. 1906. № 7. 24 дек. С. 85–86. Отклик на саркастический выпад Д. Философова в статье «Бунтующие институтки» (Товарищ. 1906. 8/21 дек. № 134. С. 2) в связи с выходом первого номера еженедельника «Век». В ерническом тоне Философов предлагал церковным либералам присоединиться к освободительному движению. Карташев порицал Философова за слишком «иронический и беспощадный» тон статьи, но всецело поддержал критику «обновленцев»: «Философов, Мережковский и Ко. — все мы люди одного отношения к христианству и церкви, недостаточно еще говорили о нем *urbi et orbi* и мало с откровенностью и прямоотой писали, потому что говорить об этом еще кое-где можно, но писать положительно негде. <...> то, что можно было бы сказать, не находит места ни в светской, ни в духовной печати. Только черносотенным „бурсакам“ из Колокола кажется, будто мы, сотрудничая в „жидовской прессе“, вполне отводим на этом душу. Нет, мы там можем лишь бросать туманные намеки на то главное, чем мы действительно боеем. Живем и горим, ибо все это невыразимо в слове без тщательных углублений в религиозную метафизику, в мистику религиозного опыта, в дебри богословия: материи — нетерпимые для позитивных политических газет. И приходится писать лишь с одной, общепонятной стороны, лишь намекая на другую, принципиальную, всему дающую смысл. Церковно же либеральная пресса, воображая себя широко терпимой, на самом деле фанатически ортодоксальная, когда дело коснется привычных основ христианства. Пересмотр их она не выносит» (*Карташев А. К* полемике с Д. В. Философовым. С. 85–86). В письме к Глинке-Волжскому от 14 декабря 1906 года Булгаков сообщал: «Читали ли Вы безвкусную и недобрую выходку Д<митрия> Вл<адимировича>, в которой совершенно определенно слышатся супруги Мережковские, против „Века“ и „институток“? Мне было больно читать, и эта отчужденность опять почувствовалась» (Взыскующие града / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. В. И. Кейдана. С. 120–121).

⁵⁶ Об этом же Бердяев писал З. Гиппиус 27 марта 1906 года: «...я с ужасом смотрю, чтобы Ваше религиозное развитие не пришло к церкви, из которой опять выходит и вся история, и вся культура, и плоть мира. Боюсь монастыря, боюсь аскетического отречения» (Письма Николая Бердяева / Публ. В. Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1990. Вып. 9. С. 297).

⁵⁷ 14 апреля 1907 года Бердяев писал Философovu: «В таинстве я почти физически нуждаюсь, и возможно даже, что я начну приобщение к таинствам в церкви» (Русская литература. 2020. № 4. С. 232); см. об этом же в письме от 22 апреля 1907 года (Письма Николая Бердяева / Публ. В. Аллоя. С. 307). В «дневниках» Т. Гиппиус спорам и разговорам о принятии таинств в «исторической» («Петровой») церкви отведено значительное место; Карташев, как и Бердяев, считал для себя противоестественным порывание евхаристического общения с Православной церковью.

⁵⁸ Е. Ю. Рапп, см. прим. 19.

⁵⁹ Карташев входил в круг приглашенных авторов несостоявшегося парижского сборника Мережковских и Философова под общим заглавием «Меч», по предварительному плану предполагалось издать две части: «Самодержавие и русская революция» и «Анархия и теократия». Опубликована была только первая — «Le Tsar et la Révolution» (Paris: Société du Mercure de France, 1907) — со статьями Мережковских и Философова. Подробнее см.: *Соболев А. Л.* Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 345–350; *Колеров М. А.* Не мир, но меч. С. 178–198; а также во вступительной статье в книге: *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д.* Царь и революция / Под ред. М. А. Колерова; вступ. статья М. М. Павловой; пер. с фр. О. В. Эдельман; подг. текста Н. В. Самовер. М., 1999. С. 13–22 (сер. «Исследования по истории русской мысли»; т. 4).

⁶⁰ 30 декабря 1906 года на сцене театра В. Ф. Комиссаржевской состоялась премьера пьесы А. Блока «Балаганчик» (постановка В. Э. Мейерхольда, декорации Н. Н. Сапунова, музыка М. А. Кузмина), в тот же вечер в театре шла пьеса М. Метерлинка «Чудо странника Антония» (оригинальное название: «Чудо святого Антония»). Подробнее о премьере «Балаганчика» см.: *Рудницкий К. Л.* Режиссер Мейерхольд. М., 1969. С. 88–95; Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. В. Н. Орлова. М., 1980. Т. 1. С. 424–426; Александр Блок: Новые материалы и исследования: В 5 кн. М., 1982. Кн. 3. С. 264–265 (Лит. наследство. Т. 92).

⁶¹ Персонаж пьесы «Чудо святого Антония» — госпожа Гортензия Ортанс, обладавшая несметным богатством; съехавшиеся на ее похороны наследники становятся свидетелями чуда — воскресения усопшей, которое совершает Антоний по молитве Виргинии — служанки Ортанс.

⁶² Сомов Константин Андреевич (1869–1939) — художник, участник объединения «Мир искусства».

⁶³ Бакст Лев Самойлович (наст. фам. Розенберг; 1866–1924) — живописец, график, театральный художник, участник объединения «Мир искусства», автор портрета З. Н. Гиппиус (1906). Об истории отношений см.: Теркель Е. А. «Вспоминать свое, бывшее или почти бывшее, — желанное...»: Письма Зинаиды Гиппиус Льву Баксту // Вестник истории, литературы, искусства. 2016. Т. 11. С. 416–433.

⁶⁴ С декабря 1906-го по февраль 1907 года А. Белый находился в Париже, постоянно виделся с Мережковскими. О взаимоотношениях Бердяева и Белого см.: Бойчук А. Г. Андрей Белый и Николай Бердяев: к истории диалога // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 1992. Т. 51. № 2. С. 18–35; Бердяев Н. А. Письма Андрею Белому / Предисловие, публ. и прим. А. Г. Бойчука // De Visu. 1993. № 2 (3). С. 12–23. См. также главку «Центральная станция» в главе 8: *Белый Андрей*. Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подг. А. В. Лавров. СПб., 2014. С. 492–484 (сер. «Литературные памятники»).

⁶⁵ Службы и совместные моления в младшем «гнезде» совершались по четвергам и субботам и соответственно назывались Четвергами и Субботами.

⁶⁶ Ирина Васильевна Трушева (1849–1939).

⁶⁷ Слова популярного в начале XX века анонимного куплета; процитированы в статье Бердяева «Преодоление декадентства» (впервые: Московский еженедельник. 1909. № 19. 16 мая), полный текст: «Ходит птичка весело / По тропинке бедствий, / Не предвидя от сего / Никаких последствий». О рецепции куплета в русской прозе конца XIX — начала XX века см.: Меррилл Дж. Стихотворные тексты и подтексты в пьесе Ф. Сологуба «Заложники жизни» // Предсимволизм — лики и отражения / Под ред. Е. А. Тахо-Годи. М., 2020. С. 363–364.

⁶⁸ В тексте рисунок пером: черт и шишига.

⁶⁹ Татьянин день, который праздновали 12 января по старому стилю.

⁷⁰ Ср. в письме Бердяева к Философову от 22 апреля 1907 года: «...никогда я не признаю, что божественное величие Христа — в Голгофе. Если бы я видел в Христе лишь героизм его страдания, то я бы поставил выше Его какого-нибудь античного мудреца, циника и эпикурейца. <...> Религиозного садизма я терпеть не могу, не верю в жестокого Бога и вижу религиозную жизнь только в благодати» (Письма Николая Бердяева / Публ. В. Аллоя. С. 315).

⁷¹ См. запись от 16 января 1907 года.

⁷² Речь идет об очередной «среде» на Башне Вяч. Иванова, которая состоялась 24 января 1907 года. Подробный рассказ о ней см.: Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т. Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов. М., 2004. С. 444–445.

⁷³ Доклад Н. Бердяева «Декадентство и мистический реализм» впервые опубли.: Русская мысль. 1907. № 6. С. 114–123; в книге Бердяева «Духовный кризис интеллигенции» (СПб., 1910).

⁷⁴ Гофман Модест Людвигович (1887–1959) — поэт, историк литературы, пушкинист, с 1907 года — секретарь издательства «Оры», друг дома Ивановых.

⁷⁵ Ельчанинов Александр Викторович (1881–1934) — церковный публицист, историк церкви, один из участников группы ХББ, в 1905 году секретарь МРФО, член редакции еженедельника «Век»; священник (с 1926 года).

⁷⁶ Дьяконов Александр Петрович (1873–1941) — историограф, историк первых веков христианства, магистр богословия (1909).

⁷⁷ 4 февраля 1907 года Карташев писал Философову: «Бердяев только что приехал из Москвы. Читал там реферат в Религиозно-Философском Обществе. Затекает открыть такое же и здесь. В субботу у него учредительное собрание» (Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus. P. 673).

⁷⁸ Участники совещания (Бердяев, Булгаков, Ельчанинов, Свенцицкий, Эрн) были членами-учредителями Московского Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева. Устав Санкт-Петербургского РФО был создан на основе Устава МРФО, о чем Карташев сказал в своем вступительном слове перед первым заседанием РФО 3 октября 1907 года (Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах: В 3 т. / Вступ. статья О. Т. Ермишина и О. А. Коростелева; подг. текста О. Т. Ермишина, О. В. Самоцветова, Л. В. Хачатурян; прим. О. Т. Ермишина, О. А. Коростелева, С. В. Мартыанова, О. В. Самоцветова, Л. В. Хачатурян; сост. хроники А. А. Ермичев; сост. аннотированного списка С. М. Половинкин. М., 2009. Т. 1. 1907–1909. С. 34).

⁷⁹ На «среде», состоявшейся 14 февраля 1907 года, М. А. Волошин читал реферат «Пути Эроса», в диспуте участвовали Бердяев и Вяч. Иванов; после диспута читали стихи, М. Кузмин играл на флейте, М. Сабашикова танцевала (*Купченко В. Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества*. СПб., 2002. С. 174); Кузмин читал дневник (*Кузмин М. Дневник: 1905–1907*. С. 322); подробнее о вечере см.: *Волошин М. Собр. соч.* М., 2008. Т. 6. Кн. 2.

Проза 1900–1927 / Под общей ред. В. П. Купченко и А. В. Лаврова, при участии Р. П. Хрулевой; сост., подг. текста А. В. Лаврова; комм. К. М. Азадовского, О. А. Бригадной, З. Д. Давыдова и др. С. 826–827 (комм.).

⁸⁰ Содержание лекции отражено в статье В. П. Свенцицкого «Религиозный смысл „Бранда“ Ибсена» (*Свенцицкий В. П., прот.* Собр. соч. Т. 2. С. 189–212). В январе–марте 1907 года Свенцицкий не раз выступал с докладами в заседаниях «Братства ревнителей церковного обновления» (на Стремянной ул., 19), 22 января он читал «Ценность личности с христианской точки зрения» (отчет см.: Церковное обновление. 1907. № 5 (4 февраля). С. 38–39); 2 марта — «О жизненной правде» (отчет и обзор прений: Там же. 1907. 11 марта. № 10. С. 78–79) и др. Интерес к проблематике «Бранда» отчасти был подогрет постановкой драмы Ибсена на сцене Московского художественного театра (премьера: 20 декабря 1906 года) и публикациями вокруг нее (Ельчанинов, например, писал: «Я не берусь исчерпать этой маленькой заметкой того неисчерпаемого количества тем и мыслей, которые заключаются в драме. Я отмечу здесь лишь то, что особенно поразило меня своей близостью к современности. Таких вопросов три: 1) Бог и жизнь, 2) Церковь и государство, 3) Истинный пастырь и народ» (*Ельчанинов А.* «Бранд» драма Ибсена // Век. 1907. № 3. 21 янв. С. 42–43).

⁸¹ См.: Письма Николая Бердяева / Публ. В. Аллоя. С. 294–325; Русская литература. 2020. № 4. С. 218–233.

⁸² Вероятно, речь идет о конфронтации Карташева с Мережковскими по вопросу принятия церковных таинств, см.: *Павлова М. М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 1 // Русская литература. 2017. № 3. С. 233, 237–238.

⁸³ См.: Письма А. В. Карташева к З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковскому и Д. В. Filosoффу // *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus*. P. 649–712; *Amherst. Merezkovsky's Papers*. Box 2. Folder 58; Box 6. Folder 21.

⁸⁴ См. письмо Бердяева к Filosoффу от 14 апреля 1907 года: Русская литература. 2020. № 4. С. 230–233.

⁸⁵ В письме к Т. Гиппиус от 29 декабря 1906 (8 января 1907) года Filosoффы сообщал: «У нас по субботам днем идиотские „приемы“. *Технически* они очень удобны. Дают нам право в остальные дни никого не принимать. Но морально они действуют угнетающе. Толпа ненужных людей» (*Павлова М. М.* Письмо Д. В. Filosoффа к Т. Н. Гиппиус (Из комментариев к письмам-дневникам Т. Н. Гиппиус 1906–1908 гг.) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 229–242).

⁸⁶ Имеется в виду Исаакиевский собор (преподобного Исаакия Далматского) — крупнейший православный храм Санкт-Петербурга.

⁸⁷ Клепинина Софья Александровна (урожд. Степанова; 1873–1922), кузина Гиппиус (сестра В. А. Степанова); жена архитектора Андрея Николаевича Клепинина; учительница.

⁸⁸ Ектерининский концертный зал для прихожан Шведской евангелическо-лютеранской церкви (Малая Конюшенная ул., д. 1) располагался во флигеле примыкающего к ней доходного дома на Малой Конюшенной улице (д. 3), окнами во двор церкви. В начале XX века зал использовался для организации концертов, выставок («Мир искусства» и др.), публичных лекций, литературных вечеров.

⁸⁹ Доклад «Отчего падает христианство» Розанов опубликовал в книге «Когда начальство ушло... 1905–1906 гг.» (СПб, 1910), под заглавием «Отчего левые побеждают центр и правых».

⁹⁰ Аггеев Константин Маркович (1868–1920) — священник, преподаватель Ларинской гимназии, Высших женских Бестужевских курсов, Александровского института; церковный публицист; один из лидеров «Братства ревнителей церковного обновления» (см.: *Балакшина Ю. В.* Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907 (по указ.); действительный член РФО; с апреля 1917 года председатель Учебного комитета при Св. Синоде, член Поместного Собора русской православной церкви.

⁹¹ Аскольдов Сергей Алексеевич (наст. фам. Алексеев; 1871–1945) — философ, сын философа А. А. Козлова, первый председатель (1908–1909) Петербургского РФО и один из его учредителей; вышел из Общества в декабре 1914 года; участвовал в работе Санкт-Петербургского (Петроградского) Философского общества при Санкт-Петербургском (Петроградском) университете.

⁹² Медведь Ярослав-Роман Иванович (1874–1937) — товарищ А. В. Карташева, окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию (1898), священник церкви св. Марии Магдалины при училище лекарских помощников, в октябре 1908 года назначен настоятелем Томашовской церкви Варшавской епархии; в том же году переведен в Севастополь настоятелем Свято-Владимирского адмиралтейского собора. В 1918 году — настоятель собора Василия Блаженного; в 1931 году арестован по обвинению в контрреволюционном заговоре, отбывал наказание в лагере в Кемь. В 2000 году причислен к лику священноисповедников. См. о нем: *Дамаскин (Орловский), игумен*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 2000. Кн. 4. С. 288–367.

⁹³ М. Л. Гофман, см. прим. 74.

⁹⁴ Примечание Т. Н. Гиппиус: «не состоялось то раньше, потому что нельзя в ученическом зале устраивать собрания, Бердяев сам виноват».

⁹⁵ Вероятно, речь идет о фотопортрете З. Н. Гиппиус в белом платье, ставшем своего рода визитной карточкой писательницы: Фотоателье «Отто Ренар». Москва. 1904 год (Литературный музей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. № 6443).

⁹⁶ Первое заседание РФО состоялось в воскресенье 8 апреля 1907 года. В печати сведения о дате заседания были противоречивы, газета «Речь» сообщала: «Религиозно-философское общество еще не легализовано. Была сделана попытка устроить собрание для выслушивания доклада В. В. Розанова „О причинах упадка христианства“, но собрание не было допущено градоначальником» (Речь. 1907. 8 апр. № 83). Через неделю об открытии РФО в рубрике «Религиозно-общественная хроника» писал еженедельник «Век»: «В недалеком будущем в Петербурге предстоит открытие „Религиозно-философского общества“, о котором в свое время сообщалось у нас. Одно из подготовительных заседаний состоялось 8 апреля. Оно происходило под председательством С. Н. Булгакова. Докладчиком выступил известный религиозный мыслитель В. В. Розанов с рефератом на тему „Отчего падает христианство“. В прениях приняли участие: Н. А. Бердяев, П. Б. Струве, С. А. Аскольдов, священ. К. Аггеев, священ. Я. И. Медведь, А. В. Карташев и др. <...> Скрытая мысль доклада В. В., скорее — вопрос об отношении христианства к жизни, — давно уже волнующий его, затенилась удивительно легкой аргументацией» (Век. 1907. № 15. 15 апр. С. 208–209). А. А. Ермичев, основываясь на сообщениях «Речи» и «Века», предполагает, что первое «пробное» заседание РФО состоялось между 8 и 15 апреля 1907 года (Ермичев А. А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): хроника заседаний. СПб., 2007. С. 15–16). В «дневниках» Т. Гиппиус дважды зафиксировано, что собрание состоялось в воскресенье 8 апреля, без официального разрешения (оно было получено осенью).

⁹⁷ Семенов Леонид Дмитриевич (Семенов-Тянь-Шанский; 1880–1917) — поэт, прозаик, внук ученого П. П. Семенова-Тянь-Шанского.

⁹⁸ Абрамович Дмитрий Иванович (1873–1955) — филолог, палеограф; соученик и ближайший товарищ Карташева по Санкт-Петербургской Духовной академии, по окончании в 1898 году занял должность доцента на кафедре русского и старославянского языков и истории русской литературы (его деятельностью руководил А. А. Шахматов). В 1909 году уволен Синодом по причине «неблагонадежности», впоследствии преподавал историю русской литературы и языка, церковнославянский язык и палеографию на Высших женских курсах; действительный член РФО. В 1910–1927 годах — сотрудник Отдела рукописей Публичной библиотеки; член-корреспондент АН РСФСР (1921); в 1927 году арестован, осужден, пять лет отбывал наказание в Соловецком лагере особого назначения. По освобождении преподавал в Смоленском педагогическом институте; после войны — профессор Вильнюсского университета (преподавал историю русского литературного языка). См.: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь / Ред. Ц. И. Грин, Г. В. Михеева, Л. А. Шилов и др. СПб., 1995. Т. 1. Императорская Публичная библиотека 1795–1917. С. 37–41.

⁹⁹ В Екатерининском зале в это время проходила открывшаяся в феврале 1907 года Четвертая выставка «Нового общества художников». Экспонировались полотна К. Ф. Богаевского, портрет Ф. И. Шаляпина в роли Демона кисти А. Я. Головина, картины А. В. Средина, Н. П. Крымова и др.; скульптуры Д. С. Стеллецкого и С. Т. Коненкова.

¹⁰⁰ Имеется в виду выставка художников «Мир искусства», открытая в Екатерининском зале в марте 1906 года Сергеем Павловичем Дягилевым (1872–1929). Т. Гиппиус была на открытии 9 марта, о чем писала в своих «дневниках» (*Amherst. Merezhkovsky's Papers. Box 2. Folder 20*). Выставка имела колоссальный успех и широкое, по большей части восторженное, освещение в прессе, см.: *Тароватый Н.* На выставке «Мир Искусства»: Впечатления // Золотое руно. 1906. № 3. С. 123–125; № 5. С. 72–74; *Сюннерберг К.* Выставка «Мира искусства» // Весы. 1906. № 3–4. С. 64–69; *Маковский С.* Художественные заметки. IV // Страна. 1906. 10 (23) марта. № 17. С. 5.

¹⁰¹ Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух (урожд. Бекетова, в первом браке Блок; 1860–1923).

¹⁰² В «Записных книжках» Блока за 1907 год запись о посещении первого заседания РФО 8 апреля отсутствует (*Блок А.* Записные книжки. 1901–1920 / Сост., подг. текста, предисловие и прим. Вл. Орлова. М., 1965; дневник Блока за 1907 год не сохранился).

¹⁰³ Озаровская Дарья Михайловна (урожд. Мусина-Пушкина, по сцене Мусина, в др. браках Глебова, Апушкина; 1873–1947) — актриса Александринского театра, жена режиссера Ю. Э. Озаровского. Л. Д. Блок брала у Мусиной уроки постановки голоса.

¹⁰⁴ Шервуд Леонид Владимирович (1871–1954) — скульптор, младший сын архитектора и скульптора В. О. Шервуда, брат скульптора и архитектора В. В. Шервуда, учился в Высшем художественном училище Академии художеств в мастерской В. А. Беклемишева, друг В. В. Кузнецова.

¹⁰⁵ Соловьева Поликсена Сергеевна (псевд. Allegro; 1867–1924) — поэтесса и детская писательница, редактор и издатель (совместно с Н. И. Манасеиной) журнала «Тропинка», сестра философа В. С. Соловьева; была близка с сестрами Гиппиус, см.: Письма З. Н. Гиппиус к П. С. Соловьевой / Вступ. статья, подг. текста и прим. О. А. Блиновой // Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. М., 2018. Кн. 1. С. 858–888 (Лит. наследство. Т. 106); *Гиппиус З. Н.* Поликсена Соловьева // Гиппиус З. Собр. соч. Т. 13. У нас в Париже. С. 410 (впервые: Возрождение. 1959. № 89. Май. С. 118–124).

¹⁰⁶ Ге Николай Петрович (1884–1920) — искусствовед, сотрудник журнала «Мир искусства»; внук художника Н. Н. Ге; друг Блока и Е. П. Иванова.

¹⁰⁷ Манасеина Екатерина Михайловна (Манассеина; 1889 — ок. 1955) — дочь Н. И. Манасеиной. В 1916 году окончила Драматические курсы петербургского императорского Театрального училища, в 1916–1918 годах выступала на сцене Александринского театра в эпизодических ролях и массовых сценах, участвовала в постановке «Маскарада» В. Э. Мейерхольда (1917).

¹⁰⁸ Егоров Ефим Александрович (1861–1935) — журналист, секретарь религиозно-философских собраний и редакции журнала «Новый Путь» (1903–1904).

¹⁰⁹ Предположительно, Василий (Вильгельм) Иванович Гиппиус (псевд. В. Герси; 1853–1918) — литератор, переводчик с итальянского (Данте, Петрарка и др.); чиновник Министерства внутренних дел, действительный статский советник; его сыновья (троюродные братья сестер Гиппиус): поэт-олимпиец Владимир (псевд. Вл. Бестужев, Вл. Нелединский; 1876–1941); Александр (псевд. Александр Надеждин, Г. Заронин; 1878–1942) — товарищ А. Блока в университетские годы; Василий (1890–1942) — переводчик, литературовед.

¹¹⁰ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) — экономист, философ, политический деятель, идеолог либерального консерватизма, один из основателей партии народной свободы (конституционно-демократической); с 1906 года редактор журнала «Русская мысль»; член Совета РФО, в 1914 году вышел из Совета в знак протеста против исключения В. В. Розанова.

¹¹¹ Богаевский Константин Федорович (1872–1943) — художник-пейзажист, в 1904 году вошел в Новое общество художников, участвовал в выставке 1907 года. В художественной хронике «Золотого руна» Конст. Эрберг назвал полотна Богаевского в числе наиболее интересных работ, представленных на выставке в Екатерининском зале (Золотое руно. 1907. № 3. С. 73).

¹¹² В прениях по докладу выступали: К. М. Аггеев, С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. В. Карташев, Б. Г. Столпнер, П. Б. Струве. См.: *Ермичев А. А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): хроника заседаний. С. 15–16.

¹¹³ Позднее Струве вспоминал: «Присутствовавшие на этом собрании С. Н. Булгаков и я возражали тогда же против этой, на наш взгляд, совершенно некритической идеализации материалистического радикализма 60-х годов, преподносимой рядом с довольно грубым высмеиванием христианства» (*Струве П. Б.* Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 273).

¹¹⁴ Столпнер Борис Григорьевич (1871–1967) — переводчик философской литературы (Г. Геффдинг, Э. Кассирер, Г. Гегель и др.), участник социал-демократического движения; сотрудник «Еврейской энциклопедии»; действительный член РФО с 1913 года. О личности Столпнера и его взаимоотношениях с Розановым (от близости до разрыва в 1914 году) см.: *Кацис Л. Б. Г.* Столпнер о еврействе // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1999 год / Под ред. М. А. Колерова. М., 1999. С. 259–269.

¹¹⁵ В прениях участвовали священники К. М. Аггеев и Я. И. Медведь, см. прим. 90, 92.

¹¹⁶ С. Н. Булгаков учился в Ливенской духовной семинарии, в 1889 году оставил ее и поступил в Елецкую гимназию, где в 1887–1891 годах преподавал В. В. Розанов (географию и историю). Во время прений Булгаков заметил, что в гимназии они стояли на противоположных позициях, Булгаков — последователь Д. И. Писарева, верил в науку и прогресс, Розанов защищал идеализм, а теперь поменялись местами (подробнее см.: *Ермичев А. А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): хроника заседаний. С. 16).

¹¹⁷ Возможно, имеется в виду философ Лев Шестов (наст. фам. Шварцман; 1866–1938), с которым Бердяев был дружен со времен киевской молодости.

¹¹⁸ Алехина Анна Васильевна (урожд. Кроль) — домашняя учительница, подруга Т. Гиппиус.

¹¹⁹ Вальтер фон Рейнгольд (R. von Walter; 1882–1965) — поэт, прозаик, искусствовед, переводчик; переводил на немецкий язык А. Блока, В. Брюсова, русских классиков XIX–XX веков; сотрудник берлинского издательства «Скифы»; сын пастора церкви Св. Екатерины в Санкт-Петербурге.

¹²⁰ Из «дневников» Т. Гиппиус следует, что в продолжение 1906–1907 годов С. П. Ремизова постоянно порывалась ехать в Париж к Мережковским для «разговоров» — выяснения их религиозно-общественной позиции и «программы» действий.

¹²¹ Андрей Белый был приобщен Мережковскими к «Главному» в январе 1905 года, о чем оставил запись в материалах к биографии, см.: *Белый Андрей.* Автобиографические своды:

Материалы к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лавров и Дж. Малмстад. М., 2016. С. 113–114 (Лит. наследство. Т. 105).

¹²² Е. Ю. Рапп, см. прим. 19.

¹²³ *Философов Д. В.* Церковь и революция // Век. 1907. № 18. 13 мая. С. 252–253. В статье дана оценка общественной позиции «Братства ревнителей церковного обновления» и ХББ — с леворадикальной позиции. В том же номере напечатан ответ В. П. Свенцицкого «О новом религиозном сознании. По поводу статьи Д. В. Философова». Чуть позднее в полемику включился Бердяев, опубликовавший статью «К вопросу об отношении христианства к общественности» (Век. 1907. № 24. 24 июня. С. 370–375).

¹²⁴ Еп. Михаил (Павел Васильевич Семенов; 1874–1916) — богослов, публицист, духовный писатель; с 1903 года приват-доцент Санкт-Петербургской духовной академии, по кафедре церковного права, архимандрит и экстраординарный профессор Московской духовной академии, активный участник религиозно-философских собраний (со стороны иерархии); в 1907 году перешел в старообрядчество, в 1908-м хиротонисан в епископа Канадского, в 1910 году запрещен в священнослужении старообрядческим Собором; глава группы «гогольские христиане», в основе его учения — возвращение к идеалам первого христианства (автор повести «На заре христианства», 1913). В мае 1911 года за радикальные высказывания был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В 1908–1912 годах занимал важное место в религиозно-общественных планах Мережковских. См. о нем: *Гиппиус З. Н.* Синяя книга // Гиппиус З. Н. Дневники: В 2 т. / Вступ. статья и сост. А. Н. Николокина. М., 1999. Т. 1. С. 429–431; см. также: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). Т. 3. 1914–1917 (по указ.).

¹²⁵ В статье «Церковь и революция» Философов в скептическом тоне очертил эволюцию о. Михаила: от церковника, который был специально выписан митрополитом Антонием (Вадковским) из провинции «громить» «еретиков» и «интеллигентов» на религиозно-философских собраниях — до архимандрита-общественника. В декабре 1906 года о. Михаил был отстранен Синодом от преподавания в Московской духовной академии за принадлежность к народно-социалистической партии и сочувствие религиозной общественности. В защиту о. Михаила выступил Карташев, см.: *Карташев А. 1*) Путаница церковного сознания // Страна. 1906. 12 (25) дек. № 236. С. 1–2; 19 дек. (1 янв.), № 242; 2) Безжизненность церкви // Там же. 1906. 19 дек. (1 янв. 1907). № 242. С. 2.

¹²⁶ В своей статье Философов фактически поставил на одну ступень умеренно-либеральных «обновленцев» и радикальных «христианских социалистов» (ХББ), заявив: «Пусть нам докажут, что последовательный социализм, или хотя бы даже „кадетизм“ совместимы с православием, и тогда не только „братство церковного обновления“, но и более радикальный „христианский союз“ (С. Булгакова, Эрн, Свенцицкого и др.) будут иметь почву под ногами, найдут целостное миросознание, приобретут единство действий. Пока же этого нет, „братство“ лишь любопытный „инцидент“, показывающий, насколько длинная ряса мешает стать... кадетом»; об органе «обновленцев» «Век»: «Это люди двойственной природы. С религиозной точки зрения — они православные, с общественной же — отнюдь нет. Откажутся ли они от общественности, оставшись православными, или откажутся от религиозности, став общественными, — мы тоже не знаем» (Там же. С. 253). Следом «Век» поместил статью В. Свенцицкого «О новом религиозном сознании (По поводу статьи Д. В. Философова)», в которой тот заявил: «Статья Д. В. Философова касается „Братства ревнителей церковного обновления“, но так как из нее ясно, что Д. В. Философов не делает никакой принципиальной разницы между обновленцами и „более радикальным христианским союзом Булгакова, Эрн, Свенцицкого и др.“, — то я в праве все сказанное по существу в отношении Братства относить и к себе. Очевидно, дело здесь не в том, что обновленцы объявляют себя кадетами, а мы социалистами, а в том, что и у тех, и у других, по г. Философову, политика органически не связана с религией, общественность внецерковна, так как не может иная общественность, кроме самодержавной, действительно, а не внешне стать христианской общественностью. Я не буду защищать Братство ревнителей. В оценке его деятельности у нас с г. Философовым много точек соприкосновения. Из других мотивов, но я также утверждаю, что это не более и не менее как „профессиональный союз“, что не нужно преувеличивать религиозного его значения, что либеральное христианство „полу-истина“, что либеральный священник не апостол новой, грядущей Церкви, но в лучшем случае искренний член партии народной свободы» (Там же. С. 253). На эти статьи откликнулся Бердяев: «И Философов, и Свенцицкий не удовлетворили меня, хотя я несравненно более единомыслен с первым, чем со вторым. Настроение обеих статей показалось мне нерелигиозным, более революционным, более человеческим, чем божеским» — и далее автор развивает этот тезис (*Бердяев Н.* К вопросу об отношении христианства к общественности // Век. 1907. № 24. 24 июня. С. 370).

¹²⁷ Примечание Т. Н. Гиппиус: «сообща любимый, так чувствуется, объективно».

¹²⁸ Речь идет об отъезде Бердяевых на лето в Люботин (Харьковской губернии), в имение Трушевых Бобаки.

¹²⁹ См. прим. 64.

¹³⁰ Бердяев происходил из дворянской семьи; отец — Александр Михайлович Бердяев (1837–1916), киевский уездный предводитель дворянства, председатель правления Киевского земельного банка; из потомственных военных (офицер-кавалергард, сын генерал-лейтенанта), мать — А. С. Бердяева (см. прим. 18); подробнее о семье и воспитании см.: *Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской биографии* / Сост., предисловие, подг. текстов и комм. А. В. Вадимова. М., 1991. С. 13–42 (гл. 1 «Истоки и происхождение. Я и мировая среда. Первые двигатели. Мир аристократический»).

¹³¹ Имеется в виду статья Бердяева «Нигилизм на религиозной почве» (Век. 1907. № 17. 6 мая. С. 231–233); позднее помещена в книгу: *Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции*. СПб., 1910. С. 201–208. Бердяев рассматривает Победоносцева как идеолога единства государственного абсолютизма и православия: «...искренний идеолог нашего исторического нигилизма, нигилистического отношения русской официальной Церкви и государства к жизни» (*Бердяев Н. Нигилизм на религиозной почве* // Век. 1907. № 17. 6 мая. С. 231).

¹³² Вероятно, имеется в виду пассаж Бердяева: «Папоцезаризм и цезаропапизм, папа — заместитель Христа и царь — заместитель Христа, одинаково выросли из безрелигиозного, атеистического отношения к земному человечеству, держатся на неверии в богочеловечество и богочеловечность исторических судеб, на неверии в то, что сам Христос будет царствовать на земле (хилиазм)» (Там же. С. 232).

¹³³ Тема, неоднократно поднимавшаяся Философовым в печати, получила оформление в статье «Царь-Папа» («Le Tsar Pape»); *Merejkovsky D., Hippus Z., Filosofov D. Le Tsar et la Révolution*. Paris: Société du Mercure de France, 1907. P. 17–85; *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция*. С. 63–102.

¹³⁴ Добролюбов Александр Михайлович (1876–1945) — поэт, религиозный проповедник. В апреле 1907 года Карташев встречался с Добролюбовым и обсуждал религиозную доктрину Мережковских, о чем имеются упоминания в «дневниках» (*Amherst. Merezhkovsky's Papers*. Box 2. Folder 31).

¹³⁵ Т. Гиппиус подразумевает философско-эстетическую теорию, изложенную Г. Чулковым в книге «О мистическом анархизме», со вступительной статьей Вяч. Иванова «О неприятии мира» (СПб.: Факелы, 1906), в которой вслед за Мережковскими видит вульгаризацию их идей; см. резко отрицательные (уничажительные) отклики на книгу Чулкова: *Крайний А. [Гиппиус З. Н.]. Иван Александрович — неудачник* // Весы. 1906. № 8. С. 48–51; *Философов Д. В. Мистический Анархизм: декадентство, общественность и мистический анархизм* // Золотое руно. 1906. № 10. С. 58–65; см. также: *Белый Андрей*. Георгий Чулков. «О мистическом анархизме» // Золотое руно. 1906. № 7. С. 174–175; 2) О проповедниках, гастрономах, мистических анархистах и т. д. // Золотое руно. 1907. № 1. С. 61–64; 3) На перевале. VII. Штемпелеванная калоша // Весы. 1907. № 5. С. 49–52, и др. См. также: *Бердяев Н. Бунт и покорность в психологии масс* // Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907–1909). СПб., 1910. С. 75–76 (впервые: Московский еженедельник. 1907. 18 дек. № 50).

¹³⁶ Фразеологизм, восходит к Новому Завету: Мф. 7: 6.

¹³⁷ Подразумевается аналитическая рецензия З. Гиппиус на сборник ХББ «Вопросы Религии» (М., 1906), в которой она доказывала, что заявившие об общности христианской позиции Свенцицкий (автор статьи «Христианское отношение к власти и насилию») и Булгаков (автор статьи «Церковь и социальный вопрос»), на самом деле, таковой не имеют (см.: *Гиппиус З. Без мира* // Весы. 1907. № 1. С. 57–65). В письме к Философову от 22 апреля 1907 года Бердяев критиковал Гиппиус за эту, по его мнению, умную, но несправедливую статью: «З. Н. противопоставляет антиобщественной религии Булгакова свою общественную религию, но ведь я знаю, что Булгаков общественник до мозга костей, а З. Н. никогда никакого отношения к общественности не имела» (Письма Николая Бердяева / Публ. В. Аллоя. С. 311).

¹³⁸ Иов многострадальный (Ветхий Завет. Книга Иова) упоминается в Новом Завете как пример твердости человека, страдающего безосновательно, по воле и проведению Господа. Пять фрагментов книги Иова прочитываются в богослужениях Страстной седмицы.

¹³⁹ См. прим. 128.

¹⁴⁰ «Религия и жизнь» — журнал христианско-либерального направления, редактор-издатель В. А. Говоров; выходил короткое время после «Века», закрытого в июле 1907 года; редакция распалась после публикации скандального романа Свенцицкого «Антихрист» (СПб., 1908), в котором он вывел своих друзей в сильно преувеличенных, гротескных тонах.

¹⁴¹ Франк Семен Львович (1877–1950) — философ, сотрудник журнала «Русская мысль», участвовал в сб. «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909); действительный член РФО; с 1912 года приват-доцент Санкт-Петербургского университета.

¹⁴² Первое официально разрешенное заседание РФО состоялось 3 октября 1907 года в зале Географического общества (Чернышев пер., д. 2) под председательством С. А. Аскольдова. Слушали доклад Аскольдова «О старом и новом религиозном сознании» (анти-Мережковский).

Перед докладом вступительную речь произнес Карташев. Стенограмму заседания (выступлений и прений) см.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). Т. 1. С. 34.

¹⁴³ См. прим. 52.

¹⁴⁴ Мнение об исторической преемственности РФО и религиозно-философских собраний, инициированных Мережковскими, высказывали многие, в том числе в прессе, однако частью Общества оно не разделялось, в том числе Карташевым, см. текст его вступительной речи: Там же. С. 34; и заметку: «В религиозно-философском обществе» (Речь. 1907. 5 (18) окт. № 235. С. 4).

¹⁴⁵ См. запись от 15 апреля 1907 года и прим. к ней.

¹⁴⁶ Примечание Т. Н. Гиппиус: «пока оно есть подобие тех, ваших».

¹⁴⁷ См. запись 14 ноября 1906 года и прим. 40.

¹⁴⁸ Речь идет о книге Бердяева «Новое религиозное сознание и общественность»; Фило-софов отозвался на этот сборник критической статьей «На распутье» (Товарищ. 1907. 17 апр. № 244. С. 3).

¹⁴⁹ Подразумевается фрагмент из второй главы («Государство»): «Лишь немногие священ-ники исполняют свой христианский долг, защищают народ и произносят религиозный суд над дикими насилиями реакционного правительства, окончательно потерявшего различие между добром и злом. Св. Синод выбрасывает за ограду церкви этих честных священников, понявших свою миссию не как чиновническую. О, конечно, не мистическая церковь Христова такова, да и кто знает ее истинные очертания» (Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. С. 41). Бердяев имеет в виду недавние события: в октябре 1906 года Синод лишил священни-ческого сана депутатов Государственной думы (от конституционно-демократической партии) отцов Н. В. Огнева и К. И. Афанасьева, которые высказались в пользу амнистии, против смерт-ной казни, участвовали в прениях по Белостокскому погрому; подробнее см.: *Карташев А.* Где голос церкви? // Страна. 1906. 3 (16) окт. № 176. С. 1.

¹⁵⁰ 22 апреля 1907 года Бердяев писал Философову: «В старой Церкви мы не можем полу-чить хлеба жизни, и когда я Вам писал, что иногда готов пойти в православную Церковь за пи-щей, то хотел этим только выразить свой голод и свое недоверие к искусственным, механиче-ским, вымученным опытам» (Письма Николая Бердяева / Публ. В. Аллоя. С. 307).

¹⁵¹ См. парижское письмо Бердяева к Философову от 15–18 марта 1908 года, которым он фактически разрывал отношения с Мережковскими и Философовым: Там же. С. 317–325.

¹⁵² «Целое» на языке Мережковских — основанная ими неохристианская община.

¹⁵³ Возможно, Т. Гиппиус ошибается, имея в виду среду 11 декабря 1907 года, по другим источникам, заседание РФО состоялось в четверг 12 декабря.

¹⁵⁴ В РФО Н. А. Бердяев читал доклад «Христос и мир: Ответ В. В. Розанову» — отклик на доклад Розанова «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира (По поводу статьи Д. С. Мережков-ского «Гоголь и о. Матвей»)), который состоялся 21 ноября 1907 года. Текст доклада Бердяева впервые в виде статьи опубликован рядом со статьей Розанова «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира» под общей рубрикой «Проблемы нового религиозного сознания»: Русская мысль. 1908. Кн. 1. С. 42–55; позднее в книге Бердяева «Духовный кризис интеллигенции. Статьи по об-щественной и религиозной психологии. 1908–1909 г.» (СПб., 1910). Стенограмму заседания см.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). Т. 1. С. 183–201, 636–637.

¹⁵⁵ Выступление Аскольдова в прениях и возражение Столпнера см.: Там же. С. 201–205, 214–217.

¹⁵⁶ Речь Тернавцева см.: Там же. С. 206–212.

¹⁵⁷ Имеется в виду книга, составленная при ближайшем участии В. В. Успенского: *Тер-навцев В. А.* Букварь для совместного обучения письму, русскому и старославянскому чтению и счету. СПб., 1906. Издание было подготовлено по поручению Синода, предназначалось для церковно-приходских школ (ежегодно переиздавалось вплоть до 1917 года).

¹⁵⁸ Текст выступления Соллертинского: Религиозно-философское общество в Санкт-Петер-бурге (Петрограде). Т. 1. С. 218–219.

¹⁵⁹ См.: Там же.

¹⁶⁰ Т. Гиппиус передает высказывание Аскольдова близко к тексту, см.: Там же. С. 202.

¹⁶¹ Морозов Михаил Владимирович (1868–1938) — журналист, литературный, художе-ственный и театральный критик; выступал с критикой петербургских богоискателей. Текст вы-ступления см.: Там же. С. 212–214.

¹⁶² Степанов Василий Александрович (1871/1873?–1920) — двоюродный брат сестер Гип-пиус по матери, горный инженер; видный деятель кадетской партии, депутат III и затем IV Госу-дарственной Думы; в марте–июле 1917 года товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства, с 19 мая — управляющий министерством; активный деятель Бело-го движения, участвовал в формировании Добровольческой армии, с 1920 года в эмиграции. См. о нем: Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 593–594 (автор ста-тьи: М. Голостениев); *Старцев В. И.* Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 92; *Серков А. И.* Рус-ское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 769–780.

¹⁶³ 16 декабря 1907 года Т. Гиппиус рассказывала об этом же заседании Мережковскому: «Бердяевский доклад читался на последнем собрании. В начале хорошо, <потому> <что> ясно, остро и спокойно. Так можно и живому возражать, не только словам. А дальше уже *страшно*: бесильно и стыдно, хочется сказать: „Молчи, молчи, молчи“. Или говори, что сам не знаешь, но вот-де чего душа человеческая *просит*. Вася был на собрании — говорил со мной. Во-первых, он верно сказал, что Бердяев возражал не на доклад, а ведь в этом докладе Розанов хитро спрятался, иезуитом этаким, кто его не знает — по этому докладу и не узнает. Бердяев же возражал Розанову вообще, зная его. Оттого и не в точку, не разбил; со стороны кажется, что он от слабости с ним не сразился. <Потому> <что> в этом докладе Розанов удивительно силен. Он нигде в нем не вскрывает и не показывает своих слабостей и своей узости. А Бердяев *против* узости протестует — очевидно и кажутся человеку новому все удары мимоидущими. <...> Последние слова о Духе, слова, живое мясо заедающие — по-моему, только и оправдываются желанием Бердяева отделиться» (*Amherst. Merezhkovsky's Papers. Box 4. Folder 23*).

¹⁶⁴ В это время Н. А. и Л. Ю. Бердяевы находились в Париже.

¹⁶⁵ Свое отношение к Бердяеву Андрей Белый высказал в статье «Каменная исповедь. По поводу статьи Н. А. Бердяева „К психологии революции“» (впервые: Образование. 1908. Кн. 8. С. 28–38): «...не до конца консерватор, не до конца радикал; ни направо, ни налево — ни туда, ни сюда; и *как будто* всюду: только *как будто*; *как будто* мистический реалист, а *как будто* и нет; *как будто* теократ, а *как будто* мирнообновленец; *как будто* говорит от лица нового религиозного сознания, а *как будто* и нет. <...> Словом *левое уступление с правым уклоном*» (цит. по: Н. А. Бердяев: pro et contra. Антология / Изд. подг. А. А. Ермичев. СПб., 2004. С. 195).

¹⁶⁶ 3 февраля 1908 года в РФО состоялся доклад В. Ф. Эрнэ «Идея христианского прогресса». Текст доклада в виде журнальной статьи под заглавием «Идея катастрофического прогресса» (опубл.: Русская мысль. 1909. Кн. 10. С. 142–159, затем в книге Эрнэ «Борьба за Логос» (М., 1911)). 14 февраля 1908 года в РФО слушали доклад В. П. Свенцицкого «Мировое значение аскетического христианства» (опубл.: Русская мысль. 1908. Кн. 5. С. 89–103). Тексты докладов и прений см.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). Т. 1. С. 218–244, 638–642.

¹⁶⁷ Адрианов Сергей Александрович (1871–1942) — литературный критик, публицист, историк литературы, переводчик; с 1905 года приват-доцент Санкт-Петербургского университета по кафедре русской словесности; преподавал в Женском институте; с 1909 года заведовал отделом критики в журнале «Вестник Европы». Здесь, возможно, приведена кулуарная реплика. Единственное развернутое выступление Адрианова (в прениях по докладу В. В. Розанова «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира», 21 ноября 1907 года) на тему аскетизма в христианстве апелляции к Мережковскому не содержало.

¹⁶⁸ 12 марта 1907 года в РФО слушался доклад В. В. Розанова «О христианском аскетизме», в котором он продолжил развивать тему, поднятую в докладе «Об Иисусе сладчайшем и горьких плодах мира». Впервые опубликован как ответ Свенцицкому под общей рубрикой «Проблема аскетизма» в журнале «Русская мысль» (1908. Кн. 5. С. 103–110). Текст доклада и прений см.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). Т. 1. С. 283–290, 643.

¹⁶⁹ «Санин» (1907) — скандальный роман Михаила Петровича Арцыбашева (1878–1927), снижавший репутацию порнографического, вызвал бурную полемику в критике и стал «модной» темой публичных лекций.

¹⁷⁰ Имеется в виду роман-исповедь В. Свенцицкого «Антихрист» (СПб., 1908), книга подверглась цензурному аресту, тираж был конфискован.

¹⁷¹ Фрагмент датируется по содержанию.

¹⁷² Письмо обращено к Д. В. Философову.

¹⁷³ Речь идет о книге Н. А. Бердяева «Новое религиозное сознание и общественность», в которой он развивает темы Мережковских и Философова: религия и мистика, социализм и христианство, анархия и теократия и др. (см., например, статьи в парижском сборнике «Le Tsar et la Révolution», 1907).

¹⁷⁴ «Домашнее» имя В. В. Кузнецова, в «дневниках» Т. Гиппиус часто характеризует его как бессознательного недоросля, случайно примкнувшего к их общине по причине влюбленности в Н. Гиппиус.

¹⁷⁵ Весной 1908 года Кузнецов женился на Л. Д. Бурлюк и оставил коммуны, подробнее см. в нашей публикации: Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т. Н. Гиппиус 1906–1908 годов.

¹⁷⁶ Речь идет о рецензии: *Гиппиус З. Н.* Из дневника журналиста. I. Декаденты и сознание // Русская мысль. 1908. № 2. С. 155–160; перепеч.: Н. А. Бердяев: Pro et contra. С. 182–186. Подразумеваются слова: «А Бердяева, при всей моей к нему любви и уважении, мне хочется упрекнуть за неосторожное обращение со словами» (*Гиппиус З. Н.* Из дневника журналиста. I. Декаденты и сознание // Русская мысль. 1908. № 2. С. 158).

¹⁷⁷ Статья Философова «Сиракузы» (Наша газета. 1908. 16 (29) марта. № 1. С. 2) была откликом на статью Бердяева «Больная Россия» (впервые: Слово. 1908. 23 февр. (7 марта). № 388. С. 2–3; перепеч.: *Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции*. СПб., 1910. С. 84–94), в которой он, подразумевая Мережковских, заявил: «...революционное беснование есть лишь обратная сторона беснования реакционного» (*Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции*. СПб., 1910. С. 90). Вероятно, Т. Гиппиус сочла статью Философова недостаточно жесткой, см.: «Один из первых поборников нео-марксизма в России объявляет, что вся Россия больна, одержима бесом. Революция и реакция — два одинаковых проявления этой болезни. <...> Великие слова „новое религиозное сознание“ и „религиозная общественность“, а потому сил нет смотреть, когда Бердяев играет ими, как мертвыми костяшками. Какая цена абсолютному идеалу, когда он ведет к самодовольному успокоению, к созерцанию чужих „ошибок“, к самому страшному бесу, бесу косности, серединности, плоскости. <...> Бердяев хочет „выместить и убрать“ Россию, но не уготовит ли он этим самым место для нового беса и семи злейших его?» и т. д. (Наша газета. 1908. 16 (29) марта. № 1. С. 2).

¹⁷⁸ Речь идет о статье З. Гиппиус «Реп» (Весы. 1908. № 2. С. 73–76), содержащей критический обзор литературно-художественных сборников и альманахов «Шиповник», «Земля», «Факелы», «Новое слово».

¹⁷⁹ Имеется в виду реплика Антона Крайнего в обзоре третьей книжки «Шиповника»: «Андреев и Андреев. Ни хуже, ни лучше. Та же риторика, та же мера антихудожественности... <...> и даже тот же глупый-преглупый герой, — обыкновенный андреевский дурак. Правда, в сборнике „Земля“ Андреев ухитрился написать еще хуже. „Проклятие Зверя“, кажется, не встречено особыми восторгами» (Весы. 1908. № 2. С. 73). З. Гиппиус не принимала творчество Л. Андреева и неизменно отзывалась о его произведениях резко критически, саркастически или уничижительно; см., например, ее статьи: «Человек и болото» (Весы. 1907. № 5. С. 53–56); «Братская могила» (Там же. № 7. С. 58–59) и др.

¹⁸⁰ Рассказ Л. Андреева «Проклятие зверя» (1908) напечатан в первой книге альманаха «Земля» (М., 1908).

¹⁸¹ Пьеса Л. Андреева «Царь Голод» (СПб.: Шиповник, 1908); по выходе из печати запрещена цензурой к постановке.

¹⁸² Пьеса М. Метерлинка «Чудо святого Антония» (1903) в сезон 1906/1907 года шла на сцене театра В. Ф. Комиссаржевской в постановке В. Э. Мейерхольда (под заглавием «Чудо странника Антония»). Т. Гиппиус была на представлении, см. запись от 30 декабря 1906 года.

¹⁸³ «Ы» — часто употребляемое Т. Гиппиус междометие, означающее бессилие перед каким-то событием или фактом.

¹⁸⁴ Возможно, пассаж был инициирован статьей Н. Минского «Леонид Андреев и Мережковский» (Наша газета. 1908. № 1. 16 (29) марта. С. 2–3), в которой тот защищает Андреева от несправедливой и грубой критики Мережковского, апеллируя к его статье «В обезьяньих лапах» (впервые: Русская мысль. 1908. Кн. 2. С. 75–98 (1-й паг.)) и др. См.: «Не поняв и не хотев понять трагедии Фивейского, Мережковский не понял и не хотел понять и всех других произведений Андреева. <...> Поистине, рукою Мережковского, когда он писал об Андрееве, водила мстительная или насмешливая судьба, и, говоря о вольном рабстве и сладчайшей тьме небытия, он, сам того не ведая, тончайшим образом определял ту непроглядную тьму и слепоту веры — не добродушно детской, а старчески разогретой, не просто мертвой, но напитанной трупным ядом, в которой Мережковский очутился в конце своих религиозных исканий и куда он считает своей священной миссией завлекать других» и т. п. Примечательна в этом контексте статья Философова «Рассказ о семи повешенных», напечатанная немногим позднее: Московский еженедельник. 1908. Июнь. № 23. С. 54–57 (перепеч.: *Философов Д. В. Слова и жизнь: Литературные споры новейшего времени (1901–1908)*. СПб., 1909. С. 105–109), в которой он неожиданно выступил в защиту Л. Андреева: «Новый рассказ весь пронизан лучами религиозного просветления. В нем нет отчаяния, пессимизма, жалких слов, вообще сентиментальности и жалости. <...> После рассказа Андреева в мире что-то изменилось, пусть на одну йоту, но изменилось. В мире стало больше любви, а зло мира стало еще нестерпимее. <...> Своим „литературным“ произведением Андреев с великой скорбью в душе совершил подлинное дело любви» (Там же. С. 108–109).

¹⁸⁵ Пьеса Л. Андреева «Жизнь Человека» (1907) впервые была поставлена на сцене театра В. Ф. Комиссаржевской в феврале 1907 года (реж. — В. Э. Мейерхольд).

¹⁸⁶ Бриллианты Тета — бижутерия, фальшивые драгоценности, которые выставлялись в витринах магазина Тета и Кепта на Невском проспекте.

¹⁸⁷ Слово вымарано чернилами.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-173-183

© С. Д. Титаренко

**ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ЯКОБ БЁМЕ
(ТЕОРИЯ РЕЛИГИОЗНОГО СИМВОЛИЗМА И АКТУАЛИЗАЦИЯ
НАСЛЕДИЯ НЕМЕЦКОГО МИСТИКА)**

Рецепция сочинений немецкого христианского мистика, мыслителя, теософогностика и мифотворца, основателя западноевропейской софиологии Якоба Бёме (Böhme, 1575–1624) в России относится к той области сравнительного литературоведения и философской компаративистики, которая требует пристального внимания, так как исследований на эту тему немного.¹ В статье Г. А. Тиме «„Святой отец Яков Бёмен“ (рецепция наследия немецкого мистика в России)» была поставлена задача конкретизации научной проблемы и рассмотрены явления русской культуры XVII — начала XX века как фокусы преломления «загадочных» идей Бёме (сектантство, масонство, романтизм, славянофильство, розенкрейцерство, религиозно-философское движение, символизм и др.). Тиме писала, что «без Бёме невозможно представить себе изучение русского барокко и русского символизма», хотя для исследования символизма это «отдельная и слишком большая тема, чтобы обратиться к ней подробно в обзорно-аналитической статье».² Имя Вячеслава Иванова ею только называется со ссылкой на его теорию «нисхождения в хаотическое»,³ что не бесспорно, но может быть созвучно учению «тевтонского философа» о мистической «Бездне» (Ungrund). Она выделила проблему дешифровки созданного Бёме тайного языка, порождающего «свое обозначение во внешнем»,⁴ что представляет наибольший интерес для нашего исследования.

Анализ «бёмовской» (или «барочной») составляющей русской культуры конца XIX — начала XX века важен для изучения русского символизма, так как философия Бёме как источник теории религиозного символизма Вяч. Иванова не исследовалась, анализировались лишь некоторые антропологические и софиологические идеи Бёме, отразившиеся в его творчестве.⁵ Рассмотрение этой темы даст возможность углубить представление об источниках религиозного символизма Иванова, выявить причины его обращения к сочинениям Бёме, проанализировать притягательные для него и его современников положения учения христианского мистика, которые были актуализированы в контексте религиозно-философских исканий рубежа веков.

Особый интерес к философии Бёме был присущ русским мыслителям, и прежде всего В. С. Соловьеву, Н. А. Бердяеву, С. Л. Франку, С. Н. Булгакову. Многих из них, как и некоторых символистов, привлекало его учение о мистической «Бездне», рождающей Бога; девственной Софии Премудрости как зеркале Бога; андрогинности

¹ См.: *Иванов Вяч. Вс.* Россия и гнозис // 500 лет гнозиса в России. Гностическая традиция в печатных и рукописных книгах. Амстердам, 1993. С. 12–21; *Козырев А. П.* Соловьев и Яков Бёме // Козырев А. П. Соловьев и гностики. М., 2007. С. 178–189; *Тиме Г. А.* «Святой отец Яков Бёмен» (рецепция наследия немецкого мистика в России) // Русская литература. 2011. № 4. С. 3–27; *Фокин И. Л.* Влияние радикального пиетизма конца XVII — начала XVIII столетий на распространение новой философии Якоба Бёме в Европе и в России // Религиоведение. 2016. № 4. С. 82–88; *Čiževskij D.* Jacob Boehme in Rußland // Evangelium und Osten. 1935. № 10. S. 175–184; № 11. S. 200–205; *Zdenek V. D.* The Influence of Jacob Boehme on Russian Religious Thought // Slavic Review. 1962. Vol. 21. № 1. P. 43–64; *Smith O.* The Russian Boehme // An Introduction to Jacob Boehme: Four Centuries of Thought and Reception. New York; London, 2014. P. 196–223.

² Тиме Г. А. «Святой отец Яков Бёмен»... С. 3, 22.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ См.: *Паперный В.* Вяч. Иванов: между Чернышевским и Бёме // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI (Новая серия). Тарту, 2008. С. 199–218; *Титаренко С. Д.* Поэма Вяч. Иванова «Младенчество»: символический язык автобиографического мифа // Вяч. Иванов: Pro et Contra. СПб., 2016. С. 351–368.

первочеловека Адама и Иисуса Христа; воплощенности Девы Софии в Деве Марии.⁶ Большой интерес вызывала натурфилософия и космофилософия Бёме, трактовка им происхождения зла и грехопадения человека, теологический язык его книг, «темный» и затрудненный для понимания. Сочинения Бёме в конце XIX — начале XX века многие знали и читали на немецком языке.⁷ Анализируя его учение, Бердяев в книге «Смысл творчества» ссылается на такие труды христианского мистика, как «De Signatura rerum, или О рождении и обозначении всех существ» (1622), «Mysterium magnum, или Изъяснение первой книги Моисея» (1623) и др.⁸ А. Н. Веселовский цитирует на немецком книгу Бёме «Auroga, или Утренняя заря в восхождении...» (1612) и др.⁹

Для рассмотрения теории символизма Вяч. Иванова принципиально важным является его программный манифест «Две стихии в современном символизме» (1908), идеи которого развиваются в статьях 1910-х годов «Заветы символизма» (1910), «Мысли о символизме» (1912) и др. Отсылки к учению Бёме содержатся в его статье «Две стихии в современном символизме», а также таких, как «Голубой цветок (конспект лекции)» (1909),¹⁰ «О Новалисе» (1913–1914),¹¹ «Simbolismo» (1936), «Лермонтов» (1947), посвященных анализу теории символа и философии романтизма и символизма. Упоминание имени мистика, известного своими неортодоксальными религиозными идеями, нуждается в объяснении, ведь утаивание идей его учения в связи с принадлежностью к христианской мистической, алхимической, гностико-каббалистической и масонско-розенкрейцерской традиции, как известно, было присуще многим, даже Ф. Шеллингу или В. С. Соловьеву.¹² Кроме того, по определению исследователей, учение Бёме отличается *теоцентризмом*, что затрудняет его восприятие. «В проблеме „бог-природа“, — как пишет А. Х. Горфункель, — его занимает прежде всего структура божества, раскрываемая в мире», то, «как Бог, будучи „сокровенным“, „вводит“ себя в „натуру“ через развитие внутренней диалектики божественной сущности в явлениях реальности, а „тварный мир“ рассматривается как „отпечаток“ мира духовного».¹³

Как христианский мыслитель, Бёме обобщил учения и толкования книг Ветхого и Нового Завета, Каббалы, неоплатоников и средневековых мистиков (Экхарта, Таулера, Вейгеля), современные ему идеи натурфилософии, астрологии, алхимии. Его сочинения распространялись в Европе в рукописных списках, изданиях, переложениях и переводах. Неортодоксальное христианское учение «тевтонского философа» получило большой резонанс в эзотерических движениях (масонстве, ро-

⁶ См., например: Булгаков С. Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. М., 1917. С. 162–175; Бердяев Н. А. Из этюдов о Якове Бёме. Этюд II. Учение о Софии и андрогине Я. Бёме и русские софиологические течения // Путь. 1930. № 20. С. 47–79; № 21. С. 34–62.

⁷ См.: Бурмистров К. Ю. В. Соловьев и европейский эзотеризм // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 2 (50). С. 61; Булгаков С. Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. С. 165–166.

⁸ См. комм. Л. В. Полякова в кн.: Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 545–547.

⁹ Веселовский А. Н. [Парацельс, Вейгель, Бёме] / Публ. Р. Ю. Данилевского // Веселовский А. Н. Избр. труды и письма. СПб., 1999. С. 198–199. Комм. Р. Ю. Данилевского см.: Там же. С. 205.

¹⁰ О датировке лекции, которая стала основой статьи, см.: Богомолов Н. А. Из предистории «Лиры Новалиса» Вяч. Иванова // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 2000. С. 204.

¹¹ Статья не публиковалась при жизни Вяч. Иванова, но написана предположительно в 1913–1914 годах при подготовке «Лиры Новалиса». См. ссылку на книгу В. М. Жирмунского «Немецкий романтизм и современная мистика» (СПб., 1914) в тексте статьи: Иванов Вяч. Собр. соч. / Под ред. Д. В. Иванова и О. А. Дешарт. Брюссель, 1974. Т. 4. С. 253; комм.: Там же. С. 738. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

¹² См. об этом: Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М., 1992. С. 109; Бурмистров К. Ю. В. Соловьев и европейский эзотеризм. С. 60–61.

¹³ Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1989. С. 336–337.

зенкрейцерстве, теософии, антропософии), которые были известны Вяч. Иванову в связи с близостью к представительнице теософского движения А. Р. Минцловой. Не случайно почитание немецкого мистика в России восходит к масонскому окружению Н. И. Новикова в XVIII веке и усиливается в начале XIX века в связи с романтическим движением. Его знаменитый труд «Christosophia, или Путь ко Христу» (1622–1624) был переведен и издан в России в 1815 году,¹⁴ в XIX веке публикуются и другие его книги.¹⁵

Язык сочинений философа, напоминающий средневековые мистические трактаты, характеризуется тем, что вводимые им образы и понятия, как считают исследователи, «повсюду имеют свои соответствия, которые Бёме называет *качествами* (Qualitäten)», поэтому рассматривать их нужно, «исходя из их *теологических* корней».¹⁶ Нужно также учитывать присущий мышлению мистика барочный семиозис.¹⁷ Как пишет С. М. Шаулов, если перевести язык сочинений Бёме на язык поэтики, то он «предстает как собрание вещей означающих», и это ведет к тому, что нужно не столько мыслить предметно, сколько переводить чувственное восприятие на язык «объекта в сознании», когда совпадают «трансцендентное и имманентное состояние».¹⁸

В статье «Две стихии в современном символизме» Иванов провозгласил единство религиозно-мистического и философско-эстетического опыта как основу теургической поэтики. Он писал, что «истинное символическое искусство прикасается к области религии, поскольку религия есть прежде всего чувствование связи всего сущего...».¹⁹ Обобщив христианские мистические традиции, Иванов создает теорию религиозного символизма, определяемого им как реалистический. «Это — символический реализм, имеющий целью создать предметы, безусловно соответствующие вещам божественным»,²⁰ — пояснял он, так как вводимое им понятие «реалистический» не соответствовало общепринятой терминологии. Он настаивает на идее средневекового реализма, сформировавшегося в русле христианства. Отсылки к философии Бёме сделаны им вместе с упоминанием других источников, имеющих отношение к эзотерической теории «соответствий»: «Самое имя „Соответствия“ (Correspondances), — писал Иванов, — встречается, как термин, знаменующий общение высших и низших миров по Якову Бёме и Сведенборгу...».²¹ В качестве примера он называет мистическую повесть О. де Бальзака «Серафита»²² и анализирует сонет Ш. Бодлера «Соответствия», который, по его мысли, воплощает канон *реалистического символизма* (средневековая эстетика, символизм Гете, романтизм) и *идеалистического* (античный канон, искусство парнасцев). При рассмотрении философии искусства реалистический и идеалистический символизм можно истолковать «как отражение

¹⁴ Бёме Я. Christosophia, или Путь ко Христу, в 9 кн., творение Иакова Бёме, прозванного тевтоническим философом / Пер. с нем. СПб., 1815.

¹⁵ См.: П-в С. Русские переводы Якоба Бёме // Библиографические записки. 1858. № 5. С. 129–137; 500 лет гнозиса в Европе. Гностическая традиция в печатных и рукописных книгах. С. 159–189.

¹⁶ Фокин И. Л. Учение о качествах и язык Якоба Бёме // Религиоведение. 2009. № 2. С. 92–93.

¹⁷ См.: Шаулов С. М. Семиотика мира в философии Якоба Бёме как онтологический фундамент поэтики барокко // Literary Calendar the Books of Days. 2009. № 4 (1). С. 37–50.

¹⁸ Там же. С. 37, 39–40.

¹⁹ Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме // Иванов Вяч. По звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы. СПб., 2018. Кн. 2. Примечания / Отв. ред. К. А. Кумпан. С. 166.

²⁰ Там же. С. 169–170.

²¹ Там же. С. 178.

²² О проекте издания перевода «Серафиты» Бальзака в издательстве «Мусaget» см.: Безродный М. Вячеслав Иванов и «Мусaget»: материалы и заметки к теме // Вячеслав Иванов и его время. Материалы VII Межд. симп. Вена, 1998 / Под ред. С. С. Аверинцева и др. Frankfurt a/M., 2002. С. 411. Ал. Чеботаревской был начат перевод, текст которого сохранился с правкой Иванова (ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 27). Иванов предлагал напечатать перевод в серии «Орфей», в которой в 1914 году вышла в свет книга Я. Бёме «Aurora, или Утренняя заря в восхождении».

неоплатонико-христианской (объективный символизм) и солипсистской (субъективный символизм) линий».²³

Анализ традиций французского символизма, учения Э. Сведенборга и мистических повестей Бальзака, который представлен в исследованиях и в научных комментариях к статье Иванова, дает возможность понять *философско-эстетические* (или синэстетические) источники его теории.²⁴ Безусловно, важен был опыт его мистической жизни, влияние А. Р. Минцловой и Р. Штейнера. Но необходимо учитывать, что Штейнер был интерпретатором учения Бёме, которое преломилось в его антропософских сочинениях. Он писал об открытии мистиком закона отражения «первосущества», когда Бог открывается в глубине вещей.²⁵ Выявляя многослойность источников теории Иванова, исследователи обращали также внимание на творчество Данте, Гете, поэзию немецкого романтизма.²⁶ Остается неясным такой источник, называемый в статье Иванова, как философия Бёме, ведь теоретик отстаивает реалистический символизм, который он связывает с религиозным творчеством. Реалистический символизм причастен, по его мысли, к «реальности абсолютной», достигаемой в движении мысли «a realibus ad reliora», в отличие от идеалистического, где символ есть «условный знак», выражающий субъективное самоопределение, и его пафос — иллюзионизм.²⁷ Как он пишет, поэт, вслед за Соловьевым, должен разуместь под теургической задачей выявление «сверхприродной реальности и высвобождение истинной красоты из-под грубых покровов вещества».²⁸

В 1914 году Вяч. Иванов принимал участие в издании в России в книгоиздательстве «Мусагет» перевода знаменитого труда Бёме — его книги «Aurora, или Утренняя заря в восхождении» («Aurora oder Morgenröte im Aufgang...», 1612). В предисловии были напечатаны переводы Иванова. Предисловие могло принадлежать А. Петровскому — переводчику книги Бёме. Оно могло стать и результатом совместной работы «мусагетовцев» при участии Петровского,²⁹ так как книгоиздательство было формой идейного сообщества, несмотря на разногласия.³⁰ Если переводы Иванова могли быть включены в уже написанное кем-то предисловие, то цитаты из его статьи «Две стихии в современном символизме» вряд ли. Здесь говорится: «Ведущим к Божеству самопознанием было для него углубленное познание Космоса, прозрение „нетленной порфи-

²³ См.: Бычков В. В., Маньковская Н. Б. Современный взгляд на эстетику символизма // Вестник славянских культур. 2018. Т. 50. С. 252.

²⁴ См.: Обатнин Г. В. Иванов-мистик (Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова) (1907–1919). М., 2000. С. 48–52; Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме // Иванов Вяч. По звездам. Т. 2. С. 363–365 (прим. Г. В. Обатнина, А. Л. Соболева).

²⁵ См.: Штейнер Р. Мистика на заре духовной жизни нового времени и ее отношение к современным мировоззрениям. М., 1917 (гл. «Валентин Вейгель и Яков Бёме»).

²⁶ См.: Davidson P. The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov: a Russian Symbolist's Perception of Dante. Cambridge; New York, 1989; Wachtel M. Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis and the Poetics of Vyacheslav Ivanov. Madison, 1994.

²⁷ Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме // Иванов Вяч. По звездам. Т. 1. С. 182.

²⁸ Там же. С. 188. Цитата содержит отсылку к поэме В. С. Соловьева «Три свидания». См.: Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 125.

²⁹ Отношение к трудам Бёме в предисловии выражается от лица сообщества: «Выпуская теперь в свет перевод *Утренней Зари*, мы можем, таким образом, чувствовать себя в русле лучших традиций той эпохи и в живой связи с оплодотворившими ее и не иссякшими поныне духовными силами» (Бёме Я. *Aurora*, или *Утренняя заря в восхождении* / Пер. А. Петровского. М.: Мусагет, 1914. С. VIII).

³⁰ О творческих связях Иванова и Петровского в 1910 году см.: Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 99–100, 102–103. В письме от 2 декабря 1910 года Петровский сообщал о чтении своего перевода с А. Белым и А. Р. Минцловой. См.: «Мой вечный спутник жизни». Переписка А. Белого и А. С. Петровского: Хроника дружбы / Вступ. статья, сост., комм. и подг. текста Дж. Малмстада. М., 2007. С. 115–116. С. Дурылин свидетельствовал, что на заседаниях «мусагетовцев» «несколько вечеров были посвящены чтению еще с рукописи новых переводов „Aurora“ Я. Бёме». См.: Дурылин С. Бодлэр в русском символизме / Публ. и комм. Г. В. Нефедьева // Книгоиздательство «Мусагет». История. Мифы. Результаты. Исследования и материалы / Сост. А. Резниченко. М., 2014. С. 284, 325.

ры за грубую корою вещества“; ясновидение в жизни природной законов жизни вечной и Божественной одевало для него видимый мир славой невидимой».³¹ Иванов в своей статье писал, что «поэт разоблачает реальную тайну природы, всецело живой и всецело основанной на сокровенных соответствиях, родствах и созвучиях того, что мертвенному неведению нашему мнится разделенным между собою и несогласным, случайно-близким и безжизненно-немым...».³² Немецкий философ определяется в предисловии как теософ-гностик и пророк «природы вещей», просветленных «печатью» присутствия Бога, что созвучно теории Иванова.

Показательно, что книга вышла в серии «Орфей», инициированной Ивановым. В наброске «Орфей», опубликованном в программном номере журнала «Труды и дни» за 1912 год, поясняя цель издания мистических религиозно-философских сочинений, Вяч. Иванов писал, что редколлегия журнала исходит «из допущения, что мистическое познание отчасти сообщаемо и что именно сообщаемость его осуществляет возможности символизма, как в искусстве, так и в умозрении».³³ Любое учение, как пишет он, рационализирует внутренний опыт. Но нужно знать «язык» учения, и тогда «быть может <...> мы найдем аналогии четкому образу художественного символа, а в процессе рационализации — аналогии процессу символизации».³⁴

Положение теории реалистического символизма Иванова близки идеям «тевтонского философа» о сигнагурах как невидимой божественной знаковости природного мира, которая отражает бытие Бога как «внутреннюю» реальность, прозреваемую «внутренним» зрением. В книге «Auroga...» Бёме писал: «Бог же, творец господствует во всех, подобно соку в целом дереве».³⁵ Слово «подобие» — один из вариантов понятия «соответствие» или «символ» в учении Бёме, где он указывает: «Поэтому нам надо брать подобия, когда мы хотим говорить о Боге».³⁶ В статье Иванова «Заветы символизма» говорилось, что отличительными признаками «символического художества» являются «сознательно выраженный художником параллелизм феноменального и ноуменального; гармонически найденное созвучие того, что искусство изображает, как действительность внешнюю (realia), и того, что она провидит во внешнем, как внутреннюю и высшую действительность (realiora); означенование соответствий и соотношений между явлением (оно же — «только подобие», «nur Gleichniß») и его умопостигаемой или мистически прозреваемой сущностью...» (II, 597).³⁷ Анализируя трактат Бёме «De Signatura Rerum», С. М. Шаулов пишет: «Внешняя природа», таким образом, «не только „язык“, которым „изъясняется“ Божество, но — *иносказание*, одновременно являющее и скрывающее величайшую тайну».³⁸

В своей рецензии на статью Иванова Эллис толковал ивановский принцип реалистического символизма *a realibus ad realiora* как теософский. Он писал, что это, «говоря языком теософии, есть переход от низшего физического идеала к астральному и ментальному» (Весы. 1909. № 8. С. 59). В русле теософского умозрения, близкого Бёме, принципы символизма, декларируемые Ивановым, понимала и Минцлова.³⁹

³¹ Бёме Я. Auroga, или Утренняя заря в восхождении. С. IX.

³² Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме // Иванов Вяч. По звездам. Т. 1. С. 177.

³³ Иванов Вяч. Орфей // Труды и дни. 1912. № 1. С. 60.

³⁴ Там же. С. 61.

³⁵ Бёме Я. Auroga, или Утренняя заря в восхождении. С. 4.

³⁶ Там же. С. 42.

³⁷ «Бёме сам „мыслил символами“ и уже в „Авроре“ употребил мифологему Gleichniß (подобие, символ) для обозначения и демонстрации *воплощений* единого сущего, из которого произошли все сущие» (Тиме Г. А. «Святой отец Яков Бемен»... С. 22).

³⁸ Шаулов С. М. «De Signatura Rerum» Якоба Бёме и основания поэтики барокко // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2009. № 3. С. 146.

³⁹ В письме от 26 июля 1909 года, после прочтения книги Иванова «По звездам» (1909), куда вошла статья «Две стихии в современном символизме», А. Р. Минцлова писала: «Растения, звери, камни — это символы, означенование иных миров, вселенных, к которым нет дороги больше, теперь, иначе как через эти знаки... <...> И вот по этим знакам и письмам, начертанным Рукою Бога во вселенной — лежит теперь Ваш путь...» (цит. по: Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 15).

Говоря об источниках европейского символизма, Д. Сегал пишет о том, что несмотря на модель французского символизма, ставшую определяющей для Европы и России, «теософия, а затем отпочковавшаяся от нее антропософия в большой степени повлияли на мировоззрение символизма и отдельных его представителей...».⁴⁰

Философия подобий Бёме могла заинтересовать Иванова как теоретика символизма и поэта по многим причинам. Одна из них — задача развития символизма на религиозно-философской основе. Другая — важность для него творчества предшественников и последователей «тевтонского философа». С именем Бёме была связана христианская неоплатоническая традиция Средневековья, философия Г. Гегеля, Ф. Шеллинга, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, И. Гердера, Ф. Баадера.⁴¹ Под влиянием его идей оказались Гете и немецкие романтики, и прежде всего Л. Тик, В. Вакенродер, Новалис.⁴² Философия Бёме оказала большое влияние на В. С. Соловьева, представителей русской религиозной мысли и поэтов-символистов, с которыми Иванов был близко знаком.⁴³ Она также оказалась в центре масонско-розенкрейцерского движения начала XX века.⁴⁴

О значимости трудов Бёме для В. С. Соловьева писали С. М. Соловьев и Е. Н. Трубецкой.⁴⁵ Сам философ считал, что становление современной религиозной философии находится в прямой связи с линией «Якоб Бёме, Сведенборг, Шеллинг».⁴⁶ В работе «Философские начала цельного знания» (1877) он выдвинул понятие *теургии* как единства «творчества, поглощенного мистикой», что образует «свободную теософию, или цельное знание».⁴⁷ Это определение, как свидетельствует А. П. Козырев, «восходит к понятию теософии (богомудрия) у Я. Бёме...».⁴⁸ В статье, посвященной мистицизму, Соловьев подчеркивал, что «совершенно независимо по существу сложилось гениальное учение Якова Бёме <...>. После Бёме наибольшее значение принадлежит Сведенборгу...».⁴⁹ Кроме того, аналогия с Бёме приводилась для оценки мистического гнозиса последовательницы Соловьева — А. Н. Шмидт. Например, Бердяев писал о публикации ее рукописей и писем к Соловьеву:⁵⁰ «Это — первая мистическая книга в России в строгом смысле этого слова, мистическая книга большого стиля, подобная творениям Бёме, Сведенборга, Сен-Мартена и других классиков мистики».⁵¹

Большой интерес представляют сочинения Бердяева «Философия свободы» (М., 1911) и «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (М., 1916), известные Ивано-

⁴⁰ Сегал Д. Русский и немецкий символизм в сравнительном освещении // Пути искусства. Символизм и европейская культура XX в. Материалы конференции (Иерусалим, 2003). М., 2008. С. 87.

⁴¹ См.: Фокин И. Л. *Philosophus Teutonicus. Якоб Бёме: возведение и путь немецкого идеализма*. СПб., 2019. С. 354–400.

⁴² См.: Жирмунский В. М. *Немецкий романтизм и современная мистика*. СПб., 1914. С. 38, 49–50, 84–85, 161, 163.

⁴³ А. Белый хотел написать «нечто вроде соединения „Заратустры и Беме“» (см.: Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915. М., 2017. Т. 2. 1910–1915 / Подг. текста А. В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т. В. Павловой. С. 428).

⁴⁴ См.: Богомолов Н. А. *Русская литература начала XX века и оккультизм*. С. 447–448.

⁴⁵ Соловьев С. М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 69; Трубецкой Е. Н. *Мирозерцание В. С. Соловьева: В 2 т. М., 1995. Т. 1. С. 56*. См. также: Соловьев В. С. *Эзотерические выписки и схемы 1870–1880-х гг. из папки «Бог есть все. Черновая разработка статьи об оккультизме»* / Подг. к публ. и комм. А. Л. Рычкова и К. Ю. Бурмистрова // Соловьевские исследования. 2019. Вып. 3 (63). С. 8–9.

⁴⁶ Соловьев В. С. *La Sophia* // Соловьев В. С. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000. Соч. Т. 2. 1875–1877 / Сост. А. П. Козырев, Н. В. Котрелев. С. 151.

⁴⁷ Соловьев В. С. *Философские начала цельного знания* // Там же. С. 214.

⁴⁸ См.: Там же. С. 370.

⁴⁹ Соловьев В. С. *Мистика и мистицизм* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1896. Т. XIX. С. 456.

⁵⁰ Из рукописей Анны Николаевны Шмидт: О будущности. Третий Завет. Из дневника. С письмами к ней Вл. Соловьева. М.: Путь, 1916.

⁵¹ Бердяев Н. А. *Повесть о небесном роде* // Русская мысль. 1916. № 3. С. 6.

ву, как и книга С. Н. Булгакова «Свет не вечерний» (М., 1917).⁵² В них мистический опыт созерцания природы в сочинениях Бёме понимается как основание свободного философствования. Рассматривая сочинения мистика, Бердяев писал, что «вся потрясающая натурфилософия Бёме <...> предполагает, что человек микрокосм и все свершающееся в человеке, свершается в космосе». ⁵³ Булгаков считал, что «как метафизик Бёме в качестве основной задачи ставит себе опирающуюся на мистический опыт „дедукцию“ Бога и мира: каким образом в Ничто возникает Бог...». ⁵⁴

Показательны также заметки других современников Иванова, например А. Н. Веселовского, посвященные немецким мистикам. Веселовский анализирует труды Бёме, указывая на их значимость для романтиков и для Шеллинга, который, по его мнению, заимствовал многие термины теософа. ⁵⁵ Его интересует, как и Иванова, проблема связи человека-творца с бытием Бога через искусство. «Единение с Богом», по мнению Веселовского, — одна из главных идей средневекового мистика В. Вейгеля — учителя Бёме, для которого было важно «внутреннее» зрение как способность понимать «внутреннее» слово. Именно этот принцип у Бёме стал основанием его философии природы. Веселовский приводит фрагмент сочинений Бёме: «Но когда дух мой вознесся к Богу, тогда Бог просветил меня своим Духом. Чувство, мысли и воля освятились; дух мой пробил ворота ада и достиг до сокровенной жизни божественной. Ни с чем нельзя сравнить это состояние духа, как разве с воскресением из мертвых; во всякой траве и былинке я видел Бога». ⁵⁶ Мистическое понимание мира немецким теософом, по мнению Веселовского, ведет к особой системе означивания, поэтому «небесное и земное у Бёме» <так!> перемешивается, самые отвлеченные мысли одеты в самые земные чувственные образы», а «внутреннее существо работает над тем, чтоб получить внешнее откровение». ⁵⁷

Теософия Бёме не могла приниматься Вяч. Ивановым за догмат веры. На заседании Религиозно-философского общества 24 ноября 1909 года, после доклада А. А. Каменской «Теософия и богостроительство», он говорил в прениях, что объединять все мистические учения в теософский синтез было бы заблуждением: «Например, беру учение Экхарта и Бёме, неоплатоников, герметиков, индийских мудрецов и т. д., — мы имеем перед собой разнообразные типы теософического мышления <...>, и, конечно, эти типы теософического мирозерцания между собой отнюдь не тождественны». ⁵⁸ Иванов отметил, что объединение их в некое единство сопряжено с опасностью сделать теософское общество новой церковью. Подобное предубеждение относительно идеи Бердяева сделать учение Бёме сверхмировоззрением он высказал и в переписке с Э. Р. Курциусом уже в 1940-е годы. ⁵⁹ Вместе с тем он указал на труды Бёме как источник теории религиозного символизма в статьях «Две стихии в современном символизме» и «Символизм».

Первая из них — это переработанная лекция, которая была прочитана Ивановым в Санкт-Петербургском литературном обществе 8 марта 1908 года, а также 25 и 30 марта в Москве под названием «Символизм и религиозное творчество». В ней, как уже было

⁵² См.: *Обатнин Г. В.* Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов: между Св. Писанием и поэзией: VIII Межд. конф. (28 окт. — 1 нояб. 2001, Рим). Салерно, 2002. Т. 2. С. 316 (№ 1246), 325 (№ 1474) (Europa Orientalis. 2002. Vol. XXI: 2).

⁵³ *Бердяев Н. А.* Смысл творчества. Опыт оправдания человека. С. 301.

⁵⁴ *Булгаков С. Н.* Свет не вечерний: созерцания и умозрения. С. 165.

⁵⁵ *Веселовский А. Н.* [Парацельс, Вейгель, Бёме]. С. 193–206.

⁵⁶ Там же. С. 198 (пер. А. Н. Веселовского).

⁵⁷ Там же. С. 200, 202.

⁵⁸ См.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. М., 2009. Т. 2. С. 38–40. В. В. Бородаевский в докладе «О религиозной правде К. Леонтьева» (28 февраля 1910 года) назвал Бёме величайшим мистиком христианского мира. В. Ф. Эрн отнес его философию к средневековому умозрению в докладе «Основной характер русской философской мысли» (22 ноября 1910 года): Там же. С. 97, 178.

⁵⁹ *Вахтель М.* Переписка Вячеслава Иванова с Э. Р. Курциусом // Текст и традиция: альманах. СПб., 2016. Вып. 4. С. 391.

указано выше, говорилось, что источники принципа соответствий коренятся в учении философов-мистиков Бёме и Сведенборга, а его художественное преломление вслед за ними нашло отражение в повестях Бальзака и сонете Бодлера «Соответствия». Вместе с тем в другой работе Иванова — «Символизм» («Simbolismo»), написанной для итальянского Энциклопедического словаря («Enciclopedia Italiana Istituto Giovanni Treccani») в 1936 году, им сделаны значительные уточнения. Здесь сказано, что источником этого типа символизма является не только творчество Гете и немецких романтиков, но и некие тайные учения, которые восходят к сочинениям Якова Бёме: «Не из Германии (как ни напрашивается такое предположение) старого Гете <...> было пересажено в духовную среду Бодлера (ставшее для него столь важным) понятие символа, и это несмотря на то, что некоторые идеи Шеллинга и братьев Шлегелей относительно символической природы искусства были не совсем безизвестны во Франции около 1830 г. <...> Слово символ часто встречается в литературе мистических сект, расцветшей в климате романтизма: о символах говорилось то по поводу так называемой „универсальной аналогии“ (понятие это было уже поэтически обработано Новалисом в «Учениках из Саиса»), то при рассмотрении инициативного откровения, переданного потомкам „per speculum in aenigmate“, под видом разных религий, мифологий, священных изображений» (II, 663). Сонет Бодлера, по его мнению, был предназначен поэтом «для того, чтобы сообщить некое эзотерическое учение», так как в нем ярко показано, что «символы никак не являются условными человеческими измышлениями; они выявляют во Вселенной, живой всецело, предмирные знаки, вчekanенные в сокровенную сущность вещей, и как бы тайный язык...» (II, 664). Иванов пишет: «И вот: эти самые мысли, в таких же терминах и образах встречаются изложенными в повестях Бальзака <...>; мысли эти восходят к видениям Сведенборга и к учению Якова Бёме в переработке Saint Martin» (Там же). Иванов не случайно указывает здесь на Луи де Сен-Мартена (1743–1803), известного в России как переводчика и популяризатора учения Бёме во Франции.⁶⁰ Заканчивая свою мысль, он пишет: «Теософические источники произведений великого романиста исчерпывающим образом исследованы в книге Е. Р. Курциуса — Бальзак» (II, 664).⁶¹

Один из важнейших источников распространения идей Бёме в России — философия немецкого романтизма и сочинения Новалиса. В конце 1900-х годов Иванов переводил сочинения Новалиса.⁶² Новалис, как пишут исследователи, находился под влиянием идей «тевтонского философа».⁶³ Ссылки на сочинения Бёме появляются у Иванова в статьях, посвященных творчеству Новалиса. Понятие «соответствия» также ассоциируется у него с открытиями Новалиса как продолжателя мистической традиции. В статье «Заветы символизма» он писал, что соответствия стали основой «мистического реализма или — по слову Новалиса — мирозерцанием магического идеализма» (II, 598–599).

Как уже было указано выше, Иванов снабдил предисловие к мусagetовскому изданию книги Бёме «Аурога, или Утренняя заря в восхождении» в 1914 году своим пере-

⁶⁰ В. С. Соловьев писал, что «Сен-Мартен в наиболее зрелых своих произведениях является только последователем Якова Бёме <так!>». См.: Соловьев В. С. Философские начала цельного знания. С. 308, прим. 45.

⁶¹ Речь идет о книге: Curtius E. R. Balzac. Bonn: Verlag von Friedrich Cohen, 1923. 543 S. Она была получена Ивановым от Курциуса в январе 1935 года (см.: Вахтель М. Переписка Вяч. Иванова с Э. Р. Курциусом. С. 406) и находится в Римском архиве Иванова. См.: http://www.v-ivanov.it/archiv/biblio_in_Roma/books_in_d/; дата обращения: 31.01.2021. Курциус писал: «Ставшего провозвестником учения Сведенборга Бальзак поставил рядом с Иоанном, Пифагором и Моисеем. Последним великим мистиком был Сен-Мартен. Однако он поместил Бёме выше Сведенборга». См.: Curtius E. R. Balzac. S. 319.

⁶² См.: Wachtel M. Russian Symbolism and Literary Tradition; Богомолов Н. А. Из предыстории «Лиры Новалиса» Вяч. Иванова. С. 203–210; Силард Л. Новалис и русская мысль начала XX века // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб., 2002. С. 136–147; Вахтель М. Дополнения к «Лире Новалиса» Вяч. Иванова // Русская литература. 2011. № 4. С. 61–66; Александров А. С. «Лира Новалиса» Вяч. Иванова: история создания, трансформация замысла, источники, проблемы эдизии // Reosiahag. 2017. № 14. С. 179–201.

⁶³ Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. С. 161–163.

водом надписи неизвестного автора («Dis ist der Schatte nur von dem Gefäss der Ehren...») под портретом немецкого философа: «Се тень честнейшего Сосуда откровений, / Ему же вверил Бог познание Естества. / С ним будет дольная стезя твоя права, / Коль Ангела родишь из огненных томлений».⁶⁴ Книга предваряется также ивановским переводом стихотворения Новалиса, посвященного Л. Тикю («An Tieck» («Ein Kind voll Wehmut und vol Treue...»)). Перевод назван «Яков Бёме».⁶⁵ Он был закончен 21 августа 1909 года и прочитан М. Кузмину, о чем сохранились свидетельства в «Дневнике» поэта (II, 793–794). В стихотворении воссозданы сцены мистического посвящения Бёме, который писал, что в видении ему открылись письмена таинственной Книги, и вспоминал об эпизоде встречи с неведомым пророком, возвестившим ему Истину. Интересно, что подобный символический эпизод с неким тайным исповедником, явившимся во сне и предрекшим судьбу поэта, нашел отражение в поэме Иванова «Младенчество» (1918).

Книга Бёме «Аурога, или Утренняя заря в восхождении» представляет несомненный интерес для понимания некоторых принципов религиозного символизма Иванова. Здесь излагается учение о символических подобиях, аналогиях или соответствиях: «Теперь заметь, что ознаменовал я этим подобием: сад этого дерева знаменует мир; почва — природу; ствол дерева — звезды; ветви — стихии; плоды, растущие на этом дереве, знаменуют людей; сок в дереве знаменует ясное Божество».⁶⁶ Но реалистический символизм заключается не только в наличии принципа соответствий, как в сонете Бодлера или повестях Бальзака, но и в «сокровенной жизни сущего», открытии Бога в явлениях природы, как считал теоретик символизма.⁶⁷ Во второй главе книги «Аурога...», названной «Наставление, как надо рассматривать божественное и природное существо», Бёме писал: «Подобно как дух человека господствует в целом теле, во всех жилах, и наполняет всего человека, так и Дух Святой наполняет всю природу, и есть сердце природы, и господствует в добром качестве во всех вещах».⁶⁸ Натурфилософская картина мира у Бёме основана на взаимосвязи первосущности (*реальнейшего*) и явления (*реального*). Бёме вводит понятие «внутреннее рождение», «внутренний человек», «внутреннее небо», связывая богопознание с процессами «узрения» Бога в душе человека, природе и в вещах окружающего мира. Он писал: «Но это только прообраз, или зрение Сына Божия в человеке, через что укрепляется и сохраняется вера: ибо в земном сосуде радость не может быть столь же велика, как в небесном, где действует совершенная сила Божия во всей полноте».⁶⁹

В статье «О Новалисе» Иванов указывает, что «Тик отказался от художественного творчества для мистического погружения в откровения Якова Бёме» (IV, 256). Цитируя статью Новалиса «Христианский мир, или Европа» (1799), он выделяет явления «вечного огня» в истории христианства: «...так было с Цинцендорфом, с Я. Беме» (IV, 257–258). Здесь же Иванов называет важные для анализа творчества поэта исследования, которые ему известны. Это раздел о немецком романтизме в «Истории западной литературы», написанный Ф. А. Брауном, где говорится о влиянии философии Бёме, и прежде всего его книги «Аурога...», на немецких романтиков,⁷⁰ и книга В. М. Жирмунского «Немецкий романтизм и современная мистика» (СПб., 1914). Восприятие Ивановым исследования Жирмунского рассматривалось Л. Силард, которая писала, что отход от идей Канта и влияние Новалиса обусловили построение «той концепции идеалистического (мистического) реализма и восхождения от реальности к высшей

⁶⁴ Бёме Я. Аурога, или Утренняя заря в восхождении. С. XI. Черновые варианты находятся в Римском архиве Вяч. Иванова (РАИ. Оп. 1. Карт. 4. Л. 15).

⁶⁵ Там же. С. XIII–XV.

⁶⁶ Там же. С. 4.

⁶⁷ Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме // Иванов Вяч. По звездам. Т. 1. С. 179.

⁶⁸ Бёме Я. Аурога, или Утренняя заря в восхождении. С. 33.

⁶⁹ Там же. С. 43.

⁷⁰ Браун Ф. А. Немецкий романтизм // История западной литературы (1800–1910) / Под ред. Ф. Д. Батюшкова. М., 1912. Т. 1. Кн. 1. С. 278.

реальности (*a realia ad realiora*), с которой мы встретимся у Вяч. Иванова». ⁷¹ Она также указывала на связь учения Бёме о Мировой Душе и его учения о «сигнатурах» с художественной философией Новалиса. ⁷²

Книга Жирмунского привлекла внимание не только Вяч. Иванова, но и А. Блока. Сохранился экземпляр с пометами, сделанными его рукой. ⁷³ Интерес к философии немецкого мистика преломился у него через творчество Гете, как пишет Г. А. Тиме. ⁷⁴ Пометы Блока, сделанные в книге Жирмунского, важны для анализа рецепции Бёме русскими символистами. Приведем лишь некоторые из них. Блок выделяет цитату из сочинения Бёме «О трех принципах Божественной сущности» отчеркиванием: «Заикаясь... должен я проповедывать о великой тайне, и не улучшает земного языка то, что я созерцаю в духе». ⁷⁵ Он также записывает на верхнем поле слово «unsäglich» — «„невыразимое“ (unsäglich, unaussprechlich)», ⁷⁶ обращает внимание на присущее романтикам «поэтическое чувство природы», которое «кристаллизовалось в сознании в виде мистической веры», когда, как писал Жирмунский, «вся природа одушевлена; все части ее — члены одного громадного тела; все гармонично в ней и связано», потому что «мы видим в ней единого вечного Бога». ⁷⁷ В следующем предложении: «На развитие этих идей оказал большое влияние Яков Бёмэ <так!>», — Блок подчеркнул имя философа и фразу: «Мистика Бёмэ чувственно конкретна. „Лучшее доказательство бытия Бога — это цветущий луг“». На полях он записал: «Влияние Бёмэ на Тика (и Новалиса)». ⁷⁸

В списке книг Иванова находилась также известная книга В. Виндельбанда «История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками» (Т. 1–2. СПб., 1902–1905), ⁷⁹ в первом томе большая глава посвящена немецким мистикам, среди которых вершинным явлением, как пишет автор, считается «система Якова Бёме». ⁸⁰ Книга сохранилась с пометами Блока в его личной библиотеке. ⁸¹ Можно выделить те маргиналии, которые связаны с пониманием языка природы у Бёме как отражения сотворения «всего мира» (Блок записал на полях: «Язык»). ⁸² Он также отчеркнул большой абзац, где говорится о поиске сокровенного Бога «в душе», когда «из откровения верующего духа» «надеялись постичь также и внешний мир». ⁸³ Интерес Блока направлен, как и у Иванова, на аспекты самопознания как поиска Бога в глубинах души и стремления познать мир из самого себя, из внутренней жизни.

Особенность натурфилософии Бёме — раскрытие сущности природы как «отпечатление» Бога, «живое соответствие» всего со всем, мистическое перерождение души человека как рождение «внутреннего» человека. Свойство реалистического символизма — прозревать «внутреннюю» реальность в мире реальном, как писал Иванов в статье «Символизм»: «Символизм реалистический ищет в вещах знак их онтологической ценности и связи, т. е. *realia in rebus*. Стремится посредством такого изображения мира привести того, к кому он обращается, а *realibus ad realiora*, осу-

⁷¹ Силард Л. Новалис и русская мысль начала XX века. С. 141.

⁷² Там же. С. 144–145.

⁷³ См.: Библиотека А. А. Блока. Описание: В 3 кн. / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской. Л., 1984. Кн. 1. С. 274–275. Цифровую копию экземпляра см. в разделе «Книги из библиотеки А. А. Блока» электронной библиотеки Пушкинского Дома: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/немецкий-романтизм-и-современная-мистика; дата обращения: 31.01.2021>.

⁷⁴ Тиме Г. А. Блок и немецкая культура // Русская литература. 2005. № 4. С. 204–208.

⁷⁵ Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. С. 33.

⁷⁶ Там же. С. 33 (пер. В. М. Жирмунского).

⁷⁷ Там же. С. 48–49.

⁷⁸ Там же. С. 49.

⁷⁹ См.: Обатнин Г. В. Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова. С. 304 (№ 882).

⁸⁰ Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. СПб., 1902. Т. 1. С. 85.

⁸¹ См.: Библиотека А. А. Блока. Кн. 1. С. 155–159.

⁸² Виндельбанд В. История новой философии... Т. 1. С. 89.

⁸³ Там же. С. 91.

ществуя таким образом по-своему анагогический завет средневековой эстетики» (II, 665).

В мистической философии Бёме можно выделить религиозно-философскую и теологическую топику (Бездна, Адам, Андрогин, София-Дева, Троица, Дух Святой и др.), соответствием которой является язык природы (небесных тел, стихий, явлений, растений, минералов, химических веществ, животных, человеческого тела, вещей).⁸⁴ Иванова привлекала идея Бёме о проявлении божественного (*realiora*) в мире реальности (*realia*), интересовала идея знаковости реального мира. В стихотворении «Знаки» из цикла «Песни из лабиринта» (1905) говорится: «Я видел ли в грезе сонной, / Младенцем, живой узор — / Сень тающей сети зеленой, / С ней жидкого золота спор?»; «И знаки светом пишет, / И тайну родную сулит» (II, 272). Некоторые просветляющие образы реальности, близкие натурфилософии Бёме, можно найти в поэме «Младенчество» (1918). Например, «живой родник» — это символ перехода и трансформации: «...в живой родник / Глядится новый мой двойник» (I, 254). Приведем лишь несколько примеров из книги «Aurora...»: «Бог есть сердце, или родник, природы, из него все происходит»; «Таким образом, свет в зное — живой родник, куда входит Дух Святой...»; «...ибо Отец не есть образ, который можно было бы с чем-нибудь сравнить, но Он — родник всех сил...»⁸⁵ Сложную систему ветхозаветных, гностико-герметических, каббалистически-алхимических образов, указывающих на учение Бёме о Троичности, содержит сонет Иванова «Внутреннее небо» (1915), в котором отражен процесс богопознания. В книге «Aurora...» есть глава «О сотворенном небе...», где говорится: «Ибо истинное небо повсюду, <...> когда дух твой постигает самое внутреннее рождение Божие...».⁸⁶

Таким образом, влияние учения Бёме на Иванова могло быть опосредованным, возникшим через чтение им сочинений последователей немецкого мистика, а могло быть непосредственным, на что указывает его активное участие в издании трудов Бёме, таких как книга «Aurora, или Утренняя звезда». Философия Бёме могла вызвать интерес теоретика русского символизма в связи с его учением о мире природном как «сигнатуре», притягательности идеи божественного означивания мира реальности, как у его последователя Новалиса, т. е. соприсутствием трансцендентного мира в имманентном. Символ в этой системе становится выражением тайны, а поэт — теургом, способным создавать универсум как органическую картину мира через аналогии: образы-подобия, образы-соответствия, образы-символы как «сигнатуры». Кроме того, безусловно, требует специального изучения проблема влияния сочинений Бёме не только на теорию религиозного символизма Иванова, как мы пытались показать, но и на его мифопоэтику, поэтический язык, язык натурфилософских символов и символов-понятий как метафизических образов. Исследование этой проблемы перспективно для изучения поэтического словаря Иванова, анализа и комментирования его сочинений, созданных им в 1900–1910-е годы, когда он находился под несомненным влиянием идей христианского мистика, получивших широкое распространение и актуализированных в кругу русских символистов и представителей религиозно-философского движения.

⁸⁴ Мистический язык соответствий Бёме иногда вызывал полемику теоретиков символизма. Например, А. Белый в статье «О символизме», публиковавшейся вслед за работой Вяч. Иванова «Мысли о символизме» в первом номере журнала «Труды и дни», выразил мнение о том, что «если я мистик по идейному своему содержанию, то довольствуйтесь заявлением: я стихи пишу не по формулам, взятым мной у Якова Бёме» (Труды и дни. 1912. № 1. С. 8). Вместе с тем философия Бёме, основанная на религиозном прозрении, содержала в себе мифотворческий потенциал и указывала на возможности перевода образа-символа в миф. Об этом писал Э. Метнер в главе «Миф, мистерия, символ и мистика» своей статьи «Wagneriana», указывая, что всякая подлинная метафизика, например, «Якова Бёме, Джордано Бруно, Плотина, Платона окажется, правда, с другого конца, но несравненно ближе к мифу...» (Там же. № 4–5. С. 29–30).

⁸⁵ Бёме Я. Aurora, или Утренняя заря в восхождении. С. 26, 42.

⁸⁶ Там же. С. 274.

«БЕСКОНЕЧНЫЙ КРУГ» БОРИСА БОЖНЕВА

Имя поэта Бориса Борисовича Божнева (1898–1969) уже давно потеряло статус «незаслуженно забытого» и вписано в современную культуру благодаря исследованиям и публикациям последних лет.¹ С момента выхода в свет двухтомного Собрания сочинений² интерес к его творчеству не ослабевает, сегодня поэт справедливо причислен к наиболее ярким представителям литературы «первой волны» русской эмиграции. Между тем портрет Божнева — художника и человека — продолжает находиться в ореоле полумифа. Какая-то символичная «неузнанность» сопутствует его посмертной судьбе, как она сопутствовала ему при жизни. Эту неузнанность или, по меткому определению Л. Флейшмана, «неуловимость»,³ — можно было бы назвать одним из главных парадоксов Бориса Божнева.

Поэтика Божнева балансирует между нонконформизмом авангарда и неоклассицизмом с опорой на высокий державинский стиль. Спор между архаистами и новаторами в его лирике получает одно из самых оригинальных и убедительных решений. Биография поэта парадоксальна и чем-то напоминает синусоиду: подчеркнутая публичность 1920-х годов, то и дело чередуемая с «устремлением к уединенности»,⁴ в послевоенные годы фактически завершилась затворничеством. Однако (и в этом еще один парадокс Божнева) внешние диссонансы его творческой судьбы — лишь подтверждение глубинной цельности личности.

Он оказался в Париже в 1919 году, но вместо высшего образования, которое надеялся получить молодой человек, его ждали безытность и скудный заработок переписчика нот. Эмигрантская отверженность не помешала Божневу стать одним из самых ярких представителей «героической» эпохи парижского авангарда: он близко сходится с художниками Х. С. Сутиным, К. А. Терешковичем, поэтами Б. Ю. Поплавским, А. С. Гингером, Г. С. Евангуловым, В. Я. Парнахом, М. В. Таловым, посещает лекции И. М. Зданевича («Всеучбище 41°»), активно участвует в становлении экспе-

¹ Неизвестный Божнев / Публ. Л. Флейшмана // Культура русского модернизма: Статьи, эссе и публикации. В приношение Владимиру Федоровичу Маркову / Под ред. Р. Вроона, Дж. Мальмстада. М., 1993. С. 102–108; Кубрик А. Молчание и зеркала // Литературное обозрение. 1996. № 2. С. 83–88; Устинов А., Поливанов К. На грани: Борис Божнев в 1930-е годы // From the Other Shore (Toronto). 2002. Vol. 2. С. 21–47; Федоров Ф. Божнев и Тютчев // Literatura rosyjska na drodze dwudziestego wieku / Pod redakcją naukową W. Skrudny. Warszawa: Wydawnictwo «Studia Rossica», 2003. S. 147–174 (Studia Rossica. XII); Устинов А. Борис Божнев до «Борьбы за несуществование» // Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана / Сост. и ред. А. Устинова. М., 2010. С. 273–290; Федоров Ф. Система парадигм в книге Б. Божнева «Борьба за несуществование» // Toronto Slavic Quarterly. 2010. № 34. С. 108–127; Конструкция преданности: Борис Божнев в письмах Александру Гингеру и Анне Присмановой / Публ., вступ. статья и комм. А. Устинова и В. Хазана // Там же. 2012. № 42. С. 164–250; Устинов А. Стихотворение, содержащее аллгорию, или последняя публикация Бориса Божнева // Там же. 2013. № 43. С. 137–148; Латышко О. В. Музыкальные формы в поэзии русского зарубежья первой волны (на примере лирики Б. Поплавского, Б. Божнева и Г. Голохвастова) // Вестник Московского гос. областного гуманитарного ин-та. Сер. «Филология, лингвистика и межкультурная коммуникация». 2013. № 2. С. 41–45; Мороз О. Особенности поэтики Бориса Божнева // http://newkarfagen.ru/load/oleg_moroz_osobennosti_poehtiki_borisa_bozhneva/1-1-0-146 (дата обращения: 31.01.2021).

² См.: Божнев Б. Собр. стихотворений: В 2 т. / Под ред. Л. Флейшмана. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1987–1989 (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 24). См. также: Божнев Б. 1) Борьба за несуществование. Собрание стихотворений / Сост., вступ. статья и комм. С. Ивановой. СПб., 1999; 2) Элегия эллическая: Избр. стихотворения / Сост. и вступ. статья Н. Мельникова. Томск, 2000.

³ Флейшман Л. О Борисе Божневе // Божнев Б. Собр. стихотворений. Т. 1. С. 14.

⁴ А. Б. [Бахрах А. В.]. [Рец. на: Божнев Б. Фонтан. Париж, 1927] // Дни. 1928. 5 февр. № 1320. С. 3.

риментальных проектов русского Парижа, выступает на вечерах известного артистического кафе «Хамелеон», входит в состав литературно-художественного кружка «Гатарапак» (1921–1922) и т. д. Характеризуя поэта тех лет, его исследователь и публикатор А. Б. Устинов заметит: «В этот период (1921–23 гг.) Божнев занимает лидирующее место на „Русском Монпарнасе“».⁵

Знаковым событием эпохи авангарда стал банкет, устроенный 24 ноября 1922 года Зданевичем и С. М. Ромовым в честь приезда в Париж В. В. Маяковского. На обед были приглашены М. Ф. Ларионов, Н. С. Гончарова, С. П. Дягилев, Т. Тцара, Ф. Леже и др. — цвет прогрессивной парижской культуры. В числе приглашенных значился и Божнев. На этой встрече зародилась идея объединить левые силы в искусстве по обе стороны границы, для чего была создана группа с символичным названием «Через» (1923–1924).⁶ Божнев не только вошел в ее состав, но стал одним из идеологов и наиболее заметных участников. 29 апреля 1923 года группой был организован его авторский вечер — с вступительной речью С. Ромова, докладом К. В. Мочульского «Слово о Борисе Божневе», выставкой картин (Р. и С. Делоне, Ф. Леже, Л. Сюрваж, К. А. Терешкович, В. С. Барт, Л. О. Воловик, Л. Д. Гудиашивили и др.), чтением стихов эмигрантских и французских поэтов (А. С. Гингер, Г. С. Евангулов, Б. Ю. Поплавский, В. С. Кемецкий, С. Арно, П. Элюар, П. Дермэ, Т. Тцара и др.).⁷ Все из перечисленных — ярчайшие представители литературно-художественного Парижа.

К концу 1930-х в биографии Божнева происходят перемены, авангардный активизм все больше вытесняется интровертной непроницаемостью. В 1939 году он вместе с женой Эллой Каминер переберется в Марсель и постепенно исчезнет из поля зрения друзей-парижан. Объективных причин здесь немало: прохладные рецензии эмигрантской критики на поэму «*Silentium sociologicum*» (1936), начало Второй мировой войны, страх за семью, необходимость постоянно искать укрытие для себя и жены-еврейки и т. д. В послевоенные годы его редкие публикации в повременной печати постепенно сходят на нет.⁸ Поэт настолько успешно обрывает связи со своим кругом, что слухи о нем обрастают всякого рода домыслами. Один из таких мифов мы находим в книге Г. П. Струве «Русская литература в изгнании»: «Была у него и настоящая патология, и не случайно, вероятно, кончил он в лечебнице для душевнобольных»,⁹ тот же апокриф переключался в автобиографию Н. Н. Берберовой «Курсив мой»: «Борис Божнев, один из замечательных поэтов моего поколения, сошедших на нет в тридцатых годах из-за тяжелой душевной болезни».¹⁰ Однако подобная «неточность» в случае с Божневым выглядит чуть ли не закономерной. Даже близкие друзья поэта имели смутное представление о его последних годах. Так, А. С. Гингер (многолетний корреспондент и союзник поэта по объединениям «Гатарапак» и «Через»), прослышав в 1961 году о смерти друга, пишет что-то вроде *in memoriam*, добросовестно перечисляя в письме В. Л. Корвину-Пиотровскому «почти все малотиражные и подписные издания»¹¹ божневской библиографии. Однако Божнев, пережив и Корвина-Пиотровского, и самого Гингера, уйдет из жизни 24 декабря 1969 года в Марселе после тяжелого гриппа и никак не в «лечебнице для душевнобольных».

⁵ Устинов А. Борис Божнев до «Борьбы за несуществование». С. 275.

⁶ Этому сюжету посвящено довольно много исследований, назовем лишь несколько: Катанян В. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. М., 1985. С. 235; Терехина В. Н. Заметки к парижским текстам Маяковского // Новые российские гуманитарные исследования. 2013. № 8. С. 13; Ливак Л., Устинов А. Литературный авангард русского Парижа: История. Хронология. Антология. Документы. М., 2014. С. 71–72, 195–196.

⁷ См. об этом: Последние новости. 1923. 29 апр. № 927; Юлиус А. Русский литературный Париж 20-х годов // Современник (Торонто). 1966. № 13. С. 89; Beyssac M. La vie culturelle de l'émigration russe en France: Chronique (1920–1930). Paris: Presses universitaires de France, 1971. P. 41–42; Ливак Л., Устинов А. Литературный авангард русского Парижа... С. 86–87.

⁸ См. об этом: Устинов А. Стихотворение, содержащее аллгорию, или последняя публикация Бориса Божнева. С. 137–148.

⁹ Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956. С. 163.

¹⁰ Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М., 1996. С. 257.

¹¹ См. об этом: Конструкция преданности: Борис Божнев в письмах Александру Гингеру и Анне Присмановой. С. 176–177.

Даже в годы наибольшей известности Божнева рецензии и отзывы о нем были отмечены досадными неточностями: от искажения фамилии (Сожнев в весьма жесткой рецензии на первый сборник стихов¹²) — до растиражированного исправления «погрешности» в названии той же книги, распространенного в литературе о Божневе и по сей день: «Борьба за несуществование». Заглавие отсылает к заключительному стихотворению. Достаточно привести из него начальные строки: «И есть борьба за несуществование, / За право несуществовать — борьба...», — чтобы убедиться в неуместности грамматической правки, которая диссонирует с размером стиха и спорит с авторским названием. «Борьба за несуществование» — именно так значится на обложке и титуле парижского издания 1925 года.

Попытка современников определить место Божнева в литературной панораме межвоенных лет еще при жизни поэта обернулась рядом разногласий и замешательств. Как участник радикальных литературных группировок, он по умолчанию причислялся к авангардистам. В то же время Нина Берберова считала, что «в его стихах перефразированы многие стихи Ходасевича»,¹³ а вердикт самого мэтра был еще категоричнее: «Несомненно даровит некий Божнев, но уж очень широко черпает из Ходасевича».¹⁴ В книге «Русская литература в изгнании» Божнев причислен к узкому кругу «формистов» (Корвин-Пиотровский, Гингер, А. С. Присманова) и одновременно — к обширному сообществу «парижских поэтов», на которое проецируется также «Парижская нота» Г. В. Адамовича.¹⁵ В итоге мы имеем портрет, сотканный из диссонансов, — настолько различны по своим идейным установкам группировки вокруг Ромова/Ильязда, Ходасевича, Адамовича и др. Однако ни один из литературных станов и ни одна из их программ не объясняют феномен Божнева, — он только условно со всеми, а в сущности, — всегда сам по себе (не в этом ли причина его органичного одиночества и безболезненной разлуки с эмигрантским литературным кругом?). «Он одинок во внешнем литературном мире», — заметит один из рецензентов еще в 1928 году.¹⁶

Поэтика Божнева вводит современников также в замешательство. «В его стихах есть и мысль, и пение, и цельность. <...> О недостатках не хочется писать — столь усладительны эти стихи...» — восхищался В. В. Набоков в отзыве на вторую книгу стихов «Фонтан. Восемнадцать стихотворений» (1927).¹⁷ Однако многие критики указывали как раз на недостатки. В рецензии на тот же «Фонтан» А. В. Бахрах писал о «холодке, от которого его восьмистишия слегка отдают бездушием»,¹⁸ А. Леонидов — о «безошибочности, холодности» и «разумом очерченной границе».¹⁹ Адамович, приветствовавший некогда «Борьбу...», так отреагировал на поэму «Silentium sociologicum» (1936): «Божнев — один из искусных эмигрантских стихотворцев, только искусство его какое-то архаическое, сухое, насквозь книжное, подчеркнуто литературное, никуда не ведущее», — не преминув в той же рецензии сказать о «взлетах» в поэме.²⁰ Создается впечатление, что эмигрантская критика вменяла поэту в вину не просчеты, а интеллект и филигранность. Рецепция тех лет создает ощутимый диссонанс: при многочисленных жестких выпадах современники называют Божнева «самым опытным и взыскательным»²¹

¹² Зноско-Боровский Е. А. Парижские поэты // Воля России. 1926. № 1. С. 159.

¹³ Ивелич [Берберова Н. Н.]. [Рец. на: Божнев Б. Борьба за несуществование. Париж., 1925] // Современные записки. 1925. № 24. С. 442.

¹⁴ Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 496 (письмо В. Ф. Ходасевича В. А. Фроману, декабрь 1925 года).

¹⁵ Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж; М., 1996. С. 222.

¹⁶ Леонидов А. [Рец. на: Божнев Б. Фонтан. Париж, 1927] // Воля России. 1928. № 6. С. 124.

¹⁷ Сирин В. [Набоков В. В.]. [Рец. на: Божнев Б. Фонтан. Париж, 1927] // Руль. 1928. 23 мая. № 2275. С. 4.

¹⁸ А. Б. [Бахрах А. В.]. [Рец. на: Божнев Б. Фонтан...]. С. 3.

¹⁹ Леонидов А. [Рец. на: Божнев Б. Фонтан...]. С. 124–125.

²⁰ Адамович Г. Стихи. [Рец. на:] Божнев Бор. Silentium sociologicum. Барт С. Душа в инока-зание. Мамченко В. Тяжелые птицы. Шаховская З. Дорога. Булич Вера. Маятник. Тауберг Ек. Одиночество. Савинков Лев. Аванпост. Светлов Н. Сторукая // Последние новости. 1936. 13 февр. № 5439. С. 2.

²¹ Адамович Г. <Ибсен. — Молодые поэты. — «Вор» Л. Леонова> // Звено. 1928. № 4. С. 191.

из начинающих парижских стихотворцев, «„мастером“ среди молодых парижских поэтов»,²² автором «достаточно зрелых, прочных и продуманных стихов»,²³ «одним из немногих настоящих поэтов младшего поколения»,²⁴ обладателем «подлинного поэтического голоса».²⁵ Последние слова — из той же прохладной рецензии Адамовича на «Silentium sociologicum». Эта парадоксальная амбивалентность, характерная для мэтра, отличает эмигрантскую оценку поэзии Божнева в целом.

Объединяет литературу о Божневе еще одно характерное суждение, ставшее со временем отдельным, если не ведущим направлением в рецепции его творчества. Касается оно не формы, а содержания, точнее — мировоззрения поэта. Обратимся к той же «Русской литературе в изгнании» как наиболее авторитетному эмигрантскому справочному изданию. Глеб Струве замечает: «Что-то общее с Гингером есть у Бориса Божнева <...>. Но у Божнева было больше цельности в неприятии мира. <...> Во всяком случае, в стихах его характерно отразился нигилизм, о котором придется говорить дальше в связи с парижской поэзией».²⁶ Точка зрения Струве — своего рода сублимация суждений современников о поэтической философии Божнева. Большую, если не решающую роль здесь сыграла его первая и, пожалуй, наиболее известная книга «Борьба за несуществование». Скандальную славу сборнику принесли стихи, где Божнев описывал изнанку Парижа, постельные сцены и онанизм, неприглядную физиологию болезни и смерти («Стою в уборной... прислонясь к стене...», «Пишу стихи при свете писсуара...», «Богобоязненный семит...» и т. д.). Рецензии тех лет пестрели возмущенными отзывами: «Липкое, противное мелкоблудие, скучное и неинтересное, а главное — противное и ненужное»,²⁷ «патологические отклонения»,²⁸ «грязная порнография», «грязное воображение», «бессильная, больная, безлика розановщина, писсуарная поэзия»...²⁹ Однако после «писсуарного» демарша Марселя Дюшана и его арт-объекта «Fontaine» (1917) таким ли уж беспрецедентным был эпатаж Божнева? Когда он воспевал «дурно пахнущий фонтан» общественной парижской уборной — что было цитатой, что аллюзией, а что сугубо авторским высказыванием?

Название второго поэтического сборника «Фонтан» (1927) резонировало с провокационными образами «Борьбы...». На деле это был поворот в сторону неоклассицизма и весьма искусный диалог с традицией, восходящей к державинскому «Водомету» и тютчевскому «Фонтану». «Необычайная сдержанность стиха»³⁰ и «чисто классическая прозрачность»³¹ книги были сразу отмечены эмигрантской критикой. «Его поэтический словарь намеренно носит следы архаизма, — замечал А. Бахрах. — Есть в нем что-то роднящее его с тютчевской линией поэзии... <...> Пантеистическая устремленность Божнева нашла свое отражение в образе фонтанных токов (теме, кстати сказать, весьма ответственной, ибо встречающейся у поэтов с слишком большими именами), и этот внешний фон он широко использовал».³² «...Игре фонтана, „стройному полету воды“ и „меланхолической дуге“ ее ниспадения посвящена эта прохладная книга, — писал в рецензии Набоков. — <...> Открываешь наугад, читаешь: „Смотря на хлопоты фонтана лениво возлежит Восток“, — и радуешься».³³ «Уместна и хороша некоторая „старинность“ и в архитектонике, и в подборе слов... Хорош и пленителен для слуха непрерывающийся глуховатый голос, слышимый почти во всех стихах», —

²² Леонидов А. [Рец. на: Божнев Б. Фонтан...]. С. 125.

²³ Ивелич [Берберова Н. Н.]. [Рец. на: Божнев Б. Борьба за несуществование...]. С. 442.

²⁴ Леонидов А. [Рец. на: Божнев Б. Фонтан...]. С. 125.

²⁵ Адамович Г. Стихи. С. 2.

²⁶ Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж; М., 1996. С. 117.

²⁷ М. Г. [Ганфман М. И.]. [Рец. на: Божнев Б. Борьба за несуществование. Париж, 1925] // Сегодня. 1925. 6 июня. С. 5.

²⁸ Терапиано Ю. Парижские молодые поэты // Своими путями. 1926. № 12/13. С. 45.

²⁹ Зноско-Боровский Е. Парижские поэты. С. 159.

³⁰ Слоним М. Молодые писатели за рубежом // Там же. 1929. № 10/11. С. 111.

³¹ Леонидов А. [Рец. на: Божнев Б. Фонтан...]. С. 124.

³² А. Б. [Бахрах А. В.]. [Рец. на: Божнев Б. Фонтан...]. С. 3.

³³ Сирин В. [Набоков В. В.]. Три книги стихов // Руль. 1925. 23 мая. № 2275. С. 4.

подчеркивал Георгий Раевский (Г. А. Оцуп).³⁴ Однако восхищенные отзывы и кардинальная смена божневского нарратива не меняют генеральную линию рецепции его творчества. В итоговой «Русской литературе в изгнании» он прочно прописан в статусе поэта-нигилиста. Через много лет после героической эпохи авангарда Бахрах вспоминал о Божневе с некоторым сожалением как о растроченном таланте, завершив очерк вердиктом: «Французской литературе хорошо знакома группа поэтов, получивших прозвище „проклятых“. Будь Божнев французом, он, несомненно, был бы причислен именно к этой группе».³⁵ Очевидно, что не авангардное фрондерство и не писуарный эпатаж создали столь прочный образ. Или, точнее, не только они.

О самобытной этиологии божневского «нигилизма» можно судить как раз по иной части рецензий на «Борьбу...», как правило, — сочувственных. Адамович, один из тех, кто в целом положительно откликнулся на сборник, писал так: «...книга его, как всякая книга, написанная умело и искренно, открывает читателю новый мир. Мир этот очень печален и убог. Вячеслав Иванов назвал, кажется, последователей Анненского „скупыми нищими“ жизни. Эти слова применимы к Божневу. Есть люди, со страстной бережливостью охраняющие свои воспоминания, свои скудные надежды, короткие проблески счастья. Они тщеславны и неуверенны, робки и заносчивы. Они дорожат своим крошечным „кусочком жизни“ и ни на что не согласны променять его. Им отвратителен весь внешний мир, он им чужд и враждебен. Такова тема Божнева».³⁶ Так же в унисон Адамовичу со скрытой отсылкой на Вячеслава Иванова («пафос неприятия мира»³⁷) интерпретирует «Борьбу...» Нина Берберова: «Для Божнева неприятие мира не исчерпывается строфами о дурной погоде и неудачной любви. „Борьба за несуществование“ — для него почти мировоззрение, несмотря на то, что в жизни ему знакомы и „ликование“, и „радость“, и любовь, и дружба. Но этой жизни он не хочет, искусственно, быть может, видит в ней — и любит видеть: „падаль“, „гной“, „прогнивающую землю“ и „безобразную зарю“».³⁸ Берберова имеет в виду следующее стихотворение:

И с омерзением приемлю,
И с отвращением смотрю
На прогнивающую землю
И безобразную зарю,

И небо пухнет надо мной,
И падаль чувствую дыханьем,
А утренний прозрачный гной
Мне отравляет обонянье. <...>³⁹

Перечисляя атрибуты божневского неприятия мира и отсылая к самому «идиосинкразийному» стихотворению в книге, рецензент убедительно закрепляет за поэтом репутацию певца распада. Здесь мы имеем дело с весьма парадоксальной парадигмой эмигрантской критики, которая увидела в отрицании движущую силу лирики Божнева. Между тем устойчивое суждение, что автору «Борьбы...» «отвратителен весь внешний мир», сегодня требует критической перепроверки. При последовательном чтении сборника трудно не заметить, что стихам «энтропийным» по количеству в «Борьбе...» соравны стихи, исполненные этико-теологического приятия мира, такие как «Я осудил себя единоголосно...», «Через струны железные лиры...», «В четвертом этаже играют Баха...» и др.

³⁴ Раевский Г. [Оцуп Г. А.]. [Рец. на: Божнев Б. Фонтан...] // Возрождение. 1928. 5 янв. № 947. С. 3.

³⁵ Бахрах А. Вспоминая Божнева // Бахрах А. По памяти, по записям. Paris: La Presse Libre, 1980. С. 160.

³⁶ Адамович Г. <Максим Горький о Леониде Андрееве. — Стихи кн. А. И. Одоевского. — В. Диксон и Б. Божнев> // Звено. 1925. 23 февр. № 108. С. 2.

³⁷ См.: Иванов В. И. Идея неприятия мира // Иванов В. И. Собр. соч. СПб., 2018. [Т. 1]. Кн. 1. По звездам: Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы. С. 91.

³⁸ Ивелич [Берберова Н. Н.]. [Рец. на: Божнев Б. Борьба за несуществование...]. С. 442.

³⁹ Божнев Б. Собр. стихотворений. Т. 1. С. 87.

«Пантеистическая устремленность» полноправно заявила о себе еще в первой книге стихов, однако была редуцирована в отзывах большинства современников. Эту «специфику прочтения» можно было бы отнести все к тем же «диссонансам» судьбы Божнева. Между тем феномен негативной интерпретации первой книги стихов заслуживает отдельного внимания. Во-первых, потому что определил на долгие годы рецепцию творчества поэта. А во-вторых, потому что отчасти был спровоцирован самим же автором книги и, видимо, не случайно. Речь не только об авангардной игре, всевозможных обманных ходах и ребусах (есть и это), но также о многомерной метафизике «Борьбы...», в том числе метафизике «несуществования», которая очевидно сопротивляется одномоментной разгадке.

Большую роль в том, как был воспринят сборник, сыграло его название. Не случайно Нина Берберова сошла заголовок программным («„Борьба за несуществование“ — для него почти мировоззрение»), как и Александр Бахрах («По странному капризу своему первому стихотворному сборнику он дал почти программное заглавие»⁴⁰), а Георгий Адамович даже раскритиковал за чрезмерную манифестарность («Это слишком надуманно и сложно, слишком отвлеченно и программно»⁴¹). В парадоксальном оксюморе многие современники увидели не формальную игру слов, а ключ к философии Божнева. Однако это глубоко верное, в сущности, прочтение оборачивается очередной «абберацией». Если понимать название строго «программно», оно теряет пластичность и переходит в статику аксиомы: «борьба за несуществование» буквально и есть декларативный процесс умирания, воля к небытию. А такое прочтение вступает в конфликт с жизнеутверждающей парадигмой книги.

«Программную» интерпретацию первого поэтического сборника разделяют и некоторые современные исследователи и публикаторы: «бескомпромиссное нигилистическое отрицание земного бытия»,⁴² «эсхатологичность мышления лирического героя, неприятие мира»,⁴³ «аромат бодлеровских цветов зла»⁴⁴ и т. д. Иная интерпретация «Борьбы...» прослеживается в статьях О. Н. Мороза и Ф. П. Федорова, справедливо отметивших общую «непрочитанность»⁴⁵ творчества Божнева, как и его первой книги стихов, которая «была прочитана весьма поверхностно, перелистана, не более того».⁴⁶ Вместе с тем оба исследователя вплотную подошли к изучению религиозно-онтологической парадигмы божневского мира и обратили пристальное внимание на композиционную организацию книги. Мороз рассматривает художественную структуру «Борьбы...» как феномен «срединности», равновесия и колебания «между крайними точками бытия» (знаковым здесь выступает стихотворение «Не трогайте мои весы...»); Федоров — как единство «трех органично связанных сфер» — «христианско-художественной», «сферы иронии, парадоксов и сарказмов» («срединное пространство») и закрепленной в XX веке за авангардом «сферы абсолютного низа».⁴⁷

В композиционном анализе Мороза и Федорова «Борьба...» предстает как строго организованное пространство. В этом плане оба исследования стали прорывом в литературе о Божневе. Понимание поэтом книги стихов как онтологического целого вполне отвечало тенденциям начала века. Однако в случае Божнева весьма показательно его персональное отношение к книге как к произведению искусства, в том числе его авторское «книгопечатание». В поздний период он сам создавал рукотворные раритеты, используя в оформлении штучных экземпляров старинные переплеты, авторские рисунки и виньетки, цветную и нотную бумагу, прибегая к нестандартным форматам

⁴⁰ Бахрах А. Вспоминая Божнева. С. 157.

⁴¹ Адамович Г. [Максим Горький о Леониде Андрееве...]. С. 2.

⁴² Мельников Н. Эпоха Божнева // Божнев Б. Элегия эллическая. С. 7.

⁴³ Злочевская А. В. Божнев Борис Борисович // <http://www.philol.msu.ru/~modern/index.php?page=1167> (дата обращения: 31.01.2021).

⁴⁴ Евтушенко Е. Печатавший стихи на нотной бумаге // <http://www.newizv.ru/news/2007-11-09/79486> (дата обращения: 31.01.2021).

⁴⁵ Мороз О. Особенности поэтики Бориса Божнева.

⁴⁶ Федоров Ф. Система парадигм в книге Б. Божнева «Борьба за несуществование». С. 113.

⁴⁷ Там же. С. 113, 117, 119.

нотных изданий и т. д.⁴⁸ Здесь также стоило бы вспомнить о высокой музыкальной культуре поэта. Божнев был не просто переписчиком нот, но тонким ценителем музыки, другом Б. Ф. Шлецера и С. С. Прокофьева (им же он посвящает стихи в «Борьбе...») и, наконец, автором поэтических произведений «смежного» жанра, где ключом к пониманию текста выступает строго организованная музыкальная форма («Оратория для дождя, мужского голоса и тумана», 1939; «Фуга светлых следов», 1947 и т. д.). Все вышесказанное — суть подтверждение особого взгляда Божнева на каждую свою книгу как на отдельное и целостное произведение.

Между тем вопрос — почему сборнику с его многомерной и сбалансированной архитектурой было дано столь провокационное «нигилистическое» название — остается до сих пор без внятного ответа. Применяя все тот же «срединный» код, по-своему на него отвечает Мороз, однако приходит к традиционному «нигилистическому» заключению: «В сущности, жизнь человека не что иное, как преодоление препятствий, борьба, в конце которой, как предполагается самой логикой жизни, должна быть одержана некая победа. <...> Между тем Божнев считал, что итогом борьбы человека с препятствиями является не победа над ними, знаменующая торжество жизни, но его смерть».⁴⁹ Федоров оставляет вопрос открытым, замечая, однако, что «пространство книги замкнуто в круге несуществования», а само заглавие служит ее «главным тезисом».⁵⁰

Здесь мы подходим вплотную к проблеме названия поэтического сборника. Судя по прижизненным публикациям, Божнев предпочитал в составе отдельного издания оставлять стихи «безымянными».⁵¹ Таким образом, заголовок на титуле и обложке брал на себя роль объединяющей метафоры, — резонируя с каждым стихотворением, обеспечивал семантическое единство поэтического корпуса. Эту характерную черту прижизненных изданий Божнева можно было бы условно назвать феноменом «стяженности». В целом в творчестве Божнева просматривается стремление именно к такой «стяженности», выстраиванию в стихотворении (цикле стихов, поэтическом сборнике) неделимого художественного пространства.⁵² При этом с каждой новой книгой все больше в свои права входит монотематизм. Во второй книге стихов «Фонтан» (1927) ритмическое единство (четырёхстопный ямб) подкреплено плавно перетекающей из одного стихотворения в другое темой воды, в «*Silentium sociologicum*» (1936) — темой поэтического созидания и молчания, в «Саннодержавии. Четверостишиях о снеге» (1939), — общей темой снега и т. д.

«Жанровая перспектива» творчества Божнева также стремится к «стяженности»: от сборника стихов — к поэтическому циклу, изданному под одной обложкой, и далее — к поэме. В сущности, сборник из восемнадцати стихотворений «Фонтан» не что иное, как целостный поэтический цикл (не случайно о книге как о «замкнутом цикле» писал Георгий Раевский⁵³). Последовавшая за «Фонтаном» недооцененная современниками поэма «*Silentium sociologicum*» сегодня может рассматриваться как одна из вершин творчества Божнева. Ткань поэмы словно «прошита» повторами одних и тех же строк и строф, создавая эффект наваждения, движения волны с наплывом и откатом. Сам Божнев в письме к Прокофьеву от 26 декабря 1936 года скажет о построении поэмы «по совершенно симфоническому канону».⁵⁴ В то же время «*Silentium sociologicum*», как оригинальный опыт одновременности нескольких парадигм, предугадывала форму фуги, — новый ме-

⁴⁸ См. об этом: Флейшман Л. О Борисе Божневе. С. 16. См. также: Божнев Б. Собр. стихотворений. Т. 2. С. 282–294 (прим.).

⁴⁹ Мороз О. Особенности поэтики Бориса Божнева.

⁵⁰ Федоров Ф. Система парадигм в книге Б. Божнева «Борьба за несуществование». С. 109.

⁵¹ Названия можно найти у отдельных стихотворений, помещенных в двухтомнике в раздел «Несобранное и неопубликованное».

⁵² А. Б. Устинов говорит о «принципе герметичности» поэзии Божнева, имея в виду отчасти схожую особенность божневской поэтики, а именно «замкнутость его поисков и намеренное самоограничение в выборе поэтических средств» (Устинов А. Борис Божнев до «Борьбы за несуществование». С. 281).

⁵³ Раевский Г. [Оцуп Г. А.]. [Рец. на: Божнев Б. Фонтан. Париж, 1927]. С. 3.

⁵⁴ Цит. по: Устинов А., Поливанов К. На грани: Борис Божнев в 1930-е годы. С. 44.

тажанр в поэзии Божнева.⁵⁵ «Перебегание» (повторяемость) одних и тех же строф в пределах небольшой поэмы создает ритмическое, смысловое и фонетическое единство, схожее с пространством равномерно темперированного строя.⁵⁶ К приему возвратных повторов строк и строф (полифонической одновременности голосов) поэт будет позже прибегать неоднократно («Альфы с пеною омеги. Двадцать семь стихотворений», 1936; «Элегия эллическая», 1940; «Фуга светлых следов», 1947 и т. д.). Опубликованная в 1939-м мизерным тиражом в 10 авторских экземпляров книга стихотворений «Утешенность разрушения» являет собой отдельное и неразрывное повествование: каждое восьмистишие логически связано с предыдущим и последующим единым размером и сюжетом, тема в прямом смысле слова «бежит» от стихотворения к стихотворению; перед нами последовательное описание одного дня, его метаморфоз в зависимости от времени суток, настроения лирического героя и смены погоды (солнечный свет, дождь, ветер, гроза). Это всецело «стяженный» дискурс с классическим единством времени, действия и места.

Вернемся к первой книге и к заключительному стихотворению, где идет речь о борьбе за несуществование. Приведем его полностью:

И есть борьба за несуществование,
За право несуществовать — борьба...
О, неживое, мертвое название,
О, неживая, мертвая судьба.

Существование слабым не под силу,
И вот — борьба, чтоб несуществовать...
Я побежден... Меня не подкосило
На непохолодевшую кровать.⁵⁷

Божнев завершает сборник монологом о смерти. Мортальная тема поддерживается монотонным воспроизведением слов: *несуществование/несуществовать, неживое/неживая, мертвое/мертвая*. Медитативный, навязчивый повтор напоминает отчасти персеверацию. Однако даже намеренная персеверация (прием, излюбленный в том числе в литературе абсурда) не сводима всецело к автоматизму и требует ответного сосредоточения, а в идеале рассчитана на развитие темы в *другом*.⁵⁸ Между тем художественное пространство стиха выходит далеко за пределы феномена персеверации. Формально негативная коннотация каждой строки всецело утверждает «ничто», небытие прочно закреплено даже визуально — в обход грамматики, но в полном согласии с приемами риторики убеждающим рефреном: «несуществование» / «несуществовать» / «несуществовать». Частица «не» по инерции пишется слитно и с существительным, и с глаголом. Вряд ли эту грамматическую «стяженность» можно списать на эдиционную погрешность. «Несуществование» у Божнева — целостный онтологический акт.

⁵⁵ См. об этом также: Кубрик А. Молчание и зеркала. С. 85; Латышко О. В. Музыкальные формы в поэзии русского зарубежья первой волны (на примере лирики Б. Поплавского, Б. Божнева и Г. Голохвастова). С. 43.

⁵⁶ Здесь приведем лишь два примера полифонического «перебегания» темы. В виде вариации:

Испепелил огонь ее очей
Свою же власть, свои ступени трона —
У Хроноса украв его детей,
Она не знает, что такое Хронос.

(Божнев Б. *Silentium sociologicum*.
Париж, 1936. С. 5).

Испепелил огонь ее очей
Свою любовь, своих страстей законы —
У Хроноса украв его детей,
Она не знала, что такое Хронос...

(Там же. С. 7).

Или точного воспроизведения строфы: «Твое перо в немеющих перстах / Уж заглушает Бытия запястья, / И нечто есть, что не упало в прах, / Хотя лежит во прахе сладострастье» (см.: Там же. С. 9 и 11).

⁵⁷ Божнев Б. Собр. стихотворений. Т. 1. С. 104.

⁵⁸ См., например, об этом: Мартынов В. И. Книга Перемен. М., 2016.

В итоге читателю нужно совершить ментальное усилие, чтобы преодолеть инерцию отрицания и понять, что происходит с лирическим героем на самом деле. Последние две строки не только отменяют смерть, но полностью переворачивают семантическую перспективу стиха, запуская ее «в обратном порядке»: если лирический герой побежден, то значит, он существует, если он существует, то значит, он не слаб и т. д.

Перед нами не просто механический повтор, а явление куда более сложное и напоминающее кенотический акт, который свершается и в нарративе, и с лирическим «я». В первом четверостишии небытие дано в прогрессии (несуществование — неживое — мертвое). Через лексический повтор истончается ткань стихотворения, оно теряет развитие и останавливается наподобие маятника. Восьмистишие «соумирает» вместе с лирическим героем — с тем, чтобы снова начать движение за пределами зримого текста. При этом идея «истощения» (кенозиса) на пороге возрождения — проведена в двух четверостишиях в полной мере. Ту же «стяженность» описывает, например, в «Софиологии смерти» С. Н. Булгаков: «Смерти противоположно бессмертие, оно ей предшествует и ею предполагается как предусловие».⁵⁹

Стихотворение «И есть борьба за несуществование...» даже вне многомерного контекста поэтического сборника можно отнести к лучшим образцам философской лирики русского зарубежья. Здесь, однако, стоит вернуться к феномену «стяженности» художественного мира Божнева. Это призывает читателя рассмотреть через призму «борьбы за несуществование» весь сборник, а также свести воедино его зачин и финал — первое и последнее стихотворение. Обратимся к первому:

Уж был в тумане облик Отчий,
Предсмертная пронзила дрожь,
Когда раскрыл великий зодчий
Свой мудрый и простой чертеж.

Он снова спас меня от смерти,
Благой и благосклонный друг,
И точным циркулем он чертит
Мой тесный бесконечный круг,

И я, ликующий безмерно,
Вошел и, встав в своем кругу,
Смотрю на этот контур древний —
На плоскость, хорду и дугу.

Сменяя смертное томленье
На крепкий труд великих дней, —
Не нас, не нас страшит паденье
И грохот мировых камней.

И я, начавши созиданье,
Его продолжу средь высот,
И тяжкое земное зданье
Свой купол к небу вознесет.

О, будь не милостив, но строже,
И дай свой замысел постичь —
Для будущей храмины Божьей
Я — первый праведный кирпич.⁶⁰

Фактически зачин книги стихов «Борьба за несуществование» продолжает траекторию финала: от смерти — до полного восстановления бытия, жизнеутверждающей

⁵⁹ Булгаков Сергей, *прот.* Софиология смерти // Вестник РХД. 1978. № 127. С. 20.

⁶⁰ Божнев Б. Собр. стихотворений. Т. 1. С. 27–28.

смены «смертного томленья» на «труд великих дней». Замкнутая траектория всецело поддержана образом Создателя-геометра, который строит здание Вселенной и творит при помощи небесного циркуля («...когда Он проводил круговую черту по лицу бездны...»; Пр. 8: 27), а также лирическим «я», находящимся в центре персонального «бесконечного круга».

Книга стихов «Борьба за несуществование» — это строго продуманное поэтическое целое с несколькими «радиусами», которые взаимно повторяют друг друга от «бесконечного круга» зачина с фактурными геометрическими образами и кенотического «кругового» цикла последнего стиха — до «мета-круга» композиции сборника как «стяженного» единства — от сотворения мира до кенозиса. Композиция книги создает зеркальную симметрию, угадывая в перспективе «круговую форму» в творчестве Божнева.⁶¹

Название поэтического сборника играет весьма нетривиальную роль, намеренно отсылая к финалу с его скрытым допущением бессмертия. Здесь уместно привести слова одного из набоковских героев, который сравнивает два типа названия книги: одно — «просто этикетка», другое же «просвечивает сквозь книгу, как водяной знак, — оно рождается вместе с книгой; автор настолько привыкает к нему за годы, пока растет стопка исписанных страниц, что оно становится частью всего и целого».⁶² «Борьба за несуществование» — своего рода водяной знак, просвечивающий от первой до последней страницы книги (или зеркально — от последней — до первой) через единую траекторию жизненного круга падений и взлетов.

Образ, мотив и композиционный прием «бесконечного круга» мы наблюдаем во многих произведениях Божнева, его поэтических сборниках, циклах и поэмах. Свой земной круг совершает поток воды в книге стихов «Фонтан», вторя тютчевскому канону и в то же время споря с ним. Если у Тютчева фонтан «пылью огнецветной ниспасть на землю осужден», то у Божнева, ниспадая, водяной поток снова поднимается от центра земли к центру неба:

Полету бурному внемли!
Фонтан закованно-свободный
Для круга пыльного земли
Есть центр отрадный и холодный,

И то взлетает напрямик
Струей стремительно-единой,
То падает и через миг
Вновь рвется в неба середину.⁶³

Поэтический сборник «Альфы с пеною омеги» (1936) подчеркнуто отсылает к христианской символике, априорному единству начала и конца. Здесь уместно вспомнить Климента Александрийского, который дополняет изречение из Откровения Иоанна Богослова образом круга: «Он представляет собой круг всех сил, скрученных и соединенных в одно. Вот причина, почему Логос именуется Альфой и Омегой, поскольку только в нем конец оказывается вместе с тем и началом, а завершившись, снова становится новым началом, нигде не претерпевая разрыва».⁶⁴

⁶¹ См. об этом: «Изображение круга в музыкальной композиции эпохи барокко преследовало несколько целей. Круг служил знаком завершения, окончания, исчерпания композиции, пределом выстроенного музыкального космоса. Мелодические фигуры круга или двух обычно зеркально симметричных полукружий, завершенных, как правило, унисоном, — знаменовали законченность, единство. Эти фигуры используются во многих инструментальных сочинениях И. С. Баха» (Лобанова М. Западноевропейское музыкальное барокко: проблемы эстетики и поэтики. М., 1994. С. 125).

⁶² Набоков В. Просвечивающие предметы // Набоков В. Романы / Пер. с англ.; сост. и вступ. статья А. Долинина. М., 1991. С. 375.

⁶³ Божнев Б. Собр. стихотворений. Т. 1. С. 114.

⁶⁴ Климент Александрийский. Строматы: В 3 т. / Подг. текста, пер., предисловие и комм. Е. В. Афонасина. СПб., 2003. Т. 2. Кн. 4–5. С. 115.

Земной круг совершает день в книге стихотворений «Утешенность разрушения». Сборник с «энтропийным» названием является всецело гимном бытию: восьмистишия выстраивают единую панораму почти осязаемого в своей бытийной красоте пейзажа. Вместе с тем с «угасанием» дня в одной из последних строф встает вопрос о бессмертии, как и вопрос о переходе в «ничто»:

День отошел торжественно-простой...
Он был как все — велик, как все — ничтожен...
И под его бессмертной чертой
Нет ничего и быть уже не может...⁶⁵

Одновременностью бессмертия и смерти, творчества и молчания завершается поэма «*Silentium sociologicum*»:

Закон струны перстами преступив,
Нигде себе ты не найдешь возмездья,
И душу, словно кровь ее, пролив,
Постигнешь ты — душа твоя созвездье,

В котором есть бессмертия звезда...
Трудись, ликуй и трепещи, убийца,
Пока в могиле не совет гнезда
Молчания вознесшаяся птица...⁶⁶

Взаимообусловленность бессмертия и смерти — одна из ключевых тем в поэзии Божнева. Она не только не сводима к «нигилизму» или «неприятию мира», но создает многозначные парадигмы и имеет крайне обширный литературный, философский и богословский контекст.

Так же подчеркнуто полифонична «Борьба за несуществование» — книга стихов, в названии которой скрыта кенотическая идея финала, а в композиции «запечатана» мысль о возможном бессмертии. Однако разговор о бессмертии Божнев намеренно усложняет, выстраивая далеко не линейный путь и не обещая очевидных и поверхностных откровений.

⁶⁵ Божнев Б. Собр. стихотворений. Т. 2. С. 59.

⁶⁶ Там же. Т. 1. С. 154.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-194-210

© Д. В. Токарев

«HÖLDERLIN ДАСТ ОБЪЯСНЕНИЕ»: ПОЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ФРИДРИХА ГЁЛЬДЕРЛИНА И ЕЕ РЕЦЕПЦИЯ БОРИСОМ ПОПЛАВСКИМ*

За несколько дней до своей преждевременной смерти, наступившей 9 октября 1935 года в Париже, Борис Поплавский пишет философский текст «О субстанциональности личности», в котором рассуждает о том, что индивидуальность личности не сводится лишь к субъективному в ней; напротив, истинной индивидуальностью человек

* Статья является расширенным и доработанным вариантом доклада на международной конференции «Фридрих Гёльдерлин и идея Европы в литературах Германии, Франции, США и России в XIX–XX веках» (СПбГУ, 2015).

обладает лишь в момент коммуникации с другими, с миром и космосом. Эту коммуникацию Поплавский называет «личной дружеской жизнью», а реализует она себя в той сфере, которая носит название «Рай и Царство друзей».¹ Этими словами, написанными 5 октября, и завершается данный текст и, по стечению обстоятельств, жизнь Поплавского. Однако в его поэтической философии уход из жизни был всегда лишь переходом в другую сферу, сферу Абсолюта, сферу Целого, которая связывается со сферой Индивидуального с помощью главного медиума — музыки. В этой же статье Поплавский недвусмысленно указывает и на то, какая именно музыка выполняет эту роль — это музыка Моцарта, Бетховена, Шуберта, Шумана, Вагнера, в основании которой лежит немецкий идеализм Шеллинга, Гегеля и Николая Гартмана.

Эта музыка «смерти и небытия» подготавливает рождение новой музыки, называемой Поплавским «панхристианской» (т. е. музыкой «воскресшего о Христе Пана») и которая должна соединить в себе «бессмертие» и «солнечный жар»; они «трагически разлучены в предыдущем союзе, ибо солнечный жар в нем есть пол и, следственно, смерть, а бессмертие есть аскетизм, стоицизм и раньше всего холод высот» (3, 452). Приблизился к такой музыке, по утверждению Поплавского, один лишь Бах. Музыка Баха, хронологически предшествуя «музыке немецкого идеализма», намечает в то же время пути ее преодоления за счет соединения мрачной «германской мистики» с языческим оптимизмом.

Как бы ни были спорны эти соображения, очевидно одно: у Поплавского динамика личностного развития находит свою параллель в диалектическом движении музыки от чисто «орнаментальной», «песенной» музыки (тезис) к немецкой «идеалистической» музыке (антитезис) и затем к их синтетическому соединению в музыке будущего, «третьей музыке». Актуальных примеров этой последней музыки Поплавский не дает, что понятно, ибо речь пока идет лишь о ее становлении. Сходным образом и понятие личности как гипертрофированной индивидуальности, которую автор статьи находит у «супериндивидуалистических» народов, таких, как голландцы, шведы, англичане, французы (унаследовавшие ее, как можно предположить, от греков и римлян), уравнивается тенденцией к растворению личности в Абсолюте у немецких идеалистов (прежде всего, Шеллинга),² чтобы породить новое понимание человека как личности, которая реализует себя в утверждении иной личности как Абсолюта. Символически умирая в Другом, человек возрождается как новая личность, обогащенная общением с «друзьями», т. е. с теми, кто также способен преодолеть свою единичность, подверженную смерти, в окрашенном в эротические тона акте дружеского общения. Недаром Поплавский в своей статье говорит об «огненном зеркале либидо», трактуя его скорее в духе К. Г. Юнга, чем З. Фрейда, как психическую, а не сексуальную энергию. «Царство друзей» и есть тот «рай», в котором звучит «третья музыка».

О том, насколько сильно занимал Поплавского в его последний год концепт дружбы, свидетельствуют и заключительные строки романа «Домой с небес», законченного 15 сентября 1935 года. Вновь, как и в статье, писатель ставит точку после слов «рай друзей».³ В других работах мы пытались проанализировать концовку романа через призму того влияния, которое на Поплавского оказал посещавшийся им в 1934–1935 годах знаменитый впоследствии гегелевский семинар Александра Кожева, длившийся с 1933 по 1939 год в парижской Практической школе высших исследований (Ecole pratique des hautes études, EPHE) и посвященный дешифровке «Феноменологии духа». Там же была сформулирована и догадка о том, что реальным аналогом такого «райского

¹ Поплавский Б. Ю. Собр. соч.: В 3 т. / Сост. А. Н. Богословского и Е. Менегальдо. М., 2009. Т. 3. С. 454. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы. Статья «О субстанциональности личности» была впервые опубликована в книге «Из дневников, 1928–1935» (Париж, 1938).

² А также у французских «декадентов», тех, кто чувствителен к «просвечиванию имперсонального небытия сквозь жизнь» (3, 451), а именно К. Дебюсси, М. Равеля, К. Сен-Санса.

³ См.: «— Ну ладно, ладно... Но, значит, опять друзья...

— Да, Аполлон, снова в раю друзей...» (2, 430).

дружеского сообщества» могла быть группа слушателей Кожева, среди которых были в эти годы Ж. Батай, Ж. Лакан, М. Мерло-Понти, Р. Кено.⁴

При этом было понятно, что семинар Кожева мог быть лишь одной из возможных моделей, в ряду которых важное место занимала, несмотря на временную удаленность от событий середины 1930-х годов, группа авангардных поэтов, объединившихся в первой половине предыдущего десятилетия вокруг харизматичной фигуры Ильи Зданевича. Фикциональной проекцией этой группы можно считать неформальное сообщество эмигрантов, описанное в первом романе Поплавского «Аполлон Безобразов» (1926–1932).⁵ Однако только в 1930-е годы концепт сообщества начинает отливаться в его текстах в уже знакомые нам формы: «Царство друзей», «рай друзей» или же — «Республика Солнца».

Последнее словосочетание встречается собственно лишь в воспоминаниях друга Поплавского Николая Татищева, который взял на себя труд записывать их разговоры во время долгих прогулок по Парижу. Именно здесь мы находим и имя того, чья личность и творчество оказываются настолько притягательными для Поплавского в эти годы, что он советует Татищеву напрямую обратиться за разъяснениями к конкретному тексту этого человека. Его имя — Фридрих Гёльдерлин. Итак, Поплавский говорит своему другу: «Республика Солнца. Не хочу или не могу быть моральным или вежливым со всеми. А только с теми, которыми восхищаюсь. Пусть внутри цивилизации невидимо существует Республика Солнца, граждане коей, связанные между собой исключительно одним восхищением,⁶ свободно уничтожат между собой всякое зло (это так легко, когда благоговеешь). Относительно остальных (внешний круг) морали не существует, и всякое зло позволено. <...> Если тебе не все понятно — Hölderlin даст объяснение. Прочти у него „Ночь спустилась“. Реальна только Республика Солнца или „рай друзей“, остальное нас не касается...».⁷

Примем на веру заявление Татищева, что его записи относятся к первой половине 1930-х годов. К этому времени имя Гёльдерлина мало что говорило русскому читателю, а переводы его произведений были наперечет.⁸ За исключением Марины Цветае-

⁴ См.: Токарев Д. В. 1) «Гегель труден, но лучше, то есть ближе, не напишешь»: романы Бориса Поплавского как «гегелевский текст» русской литературы // Новое литературное обозрение. 2019. № 2 (156). С. 41–59; 2) Les auditeurs russes «inaperçus» (Gordin, Tarr, Poplavskij) du séminaire hégélien d'Alexandre Kojève à l'Ecole pratique des hautes études, 1933–1939 // Revue des études slaves. 2017. Т. 88. № 3. Р. 495–514; 3) In «the Paradise of Friends»: Boris Poplavskii's Novel, *Homeward from Heaven*, in the Light of Alexandre Kojève's Seminar on Hegel // Slavonic and East European Review. 2018. Vol. 96. № 2. Р. 181–207.

⁵ См.: Tokarev D. Escape from Utopia: The Metamorphoses of Utopian Dreams in the Russian Avant-Garde in Exile (Il'ya Zdanevich, Boris Poplavskii) // Utopia: The Avant-Garde, Modernism and (Im)Possible Life / Ed. by D. Ayers, B. Hjartarson, T. Huttunen, H. Veivo. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2015. P. 397–410 (European Avant-Garde and Modernism Studies. Vol. 4).

⁶ Слово «восхищение» часто встречается в текстах Поплавского и обозначает, как правило, не эмоцию, а мистическое чувство экстаза, перенесения (похищения) в горние сферы, которое во французском языке передается словом «ravisement». Тереза, главная героиня романа «Аполлон Безобразов», неоднократно испытывает «восхищения». В дневниковой записи 1932 года Поплавский неточно цитирует «Второе послание к коринфянам» апостола Павла: «Я увидел Бога и был восхищен до третьего неба» (3, 311). Ср.: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю — в теле или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2Кор. 12: 2–3). Добавим, что Илья Зданевич опубликовал в 1930 году в Париже роман «Восхищение» (во французском переводе — «Le Ravisement», 1987), на который Поплавский написал рецензию (Числа. 1930. № 2–3. С. 258–259).

⁷ Татищев Н. Синяя тетрадь // Татищев Н. Письмо в Россию. Париж, 1972. С. 154.

⁸ По-видимому, первый опубликованный перевод под названием «На родине» (неполный перевод элегии «Скиталец») принадлежит Н. И. Познякову (Пантеон литературы. 1888. Сентябрь. С. 33; был включен в его поэтический сборник «В лучшие годы» (СПб., 1896)). В 1916 году в издательстве «Зерна» в Москве вышел сборник стихов Михаила Цетлина (Амари) «Глухие слова». В разделе переводов были опубликованы шесть стихотворений Гёльдерлина («К Паркам», «Душа приятное в сей жизни уж вкусила...», «Увесили вы берег...» («Середина жизни»), «Вечерняя фантазия», «Прощанье (Диотиме)», «В молодые годы я так был утру рад...»). См. об этом: Орлицкий Ю. Б. Стих

вой, увлеченной его творчеством,⁹ русские поэты оказались на периферии того мощного движения «в сторону Гёльдерлина»,¹⁰ которое так ярко проявило себя в немецкой (Р. М. Рильке, С. Георге, Г. Гейм, Г. Тракль) и, в несколько меньшей степени, во французской поэзии 1910–1930-х годов.

Какие источники могли быть в руках Поплавского? Проще всего предположить, что он был знаком с творчеством Гёльдерлина посредством французских переводов,¹¹ доступных ему в парижской библиотеке Святой Женевьевы, завсегдатаем которой он являлся. Первый во Франции сборник стихотворных переводов из Гёльдерлина вышел в 1930 году трудами поэта Пьера Жана Жува (Jouve; при участии Пьера Клоссовски (Klossowski)),¹² чей интерес к психоанализу, с одной стороны, и мистике, с другой, сыграл определяющую роль в его интерпретации Гёльдерлина как преимущественно «безумного поэта», интерпретации, влияние которой демонстрировали и более поздние переводы.¹³ В том же году переводчик Жозеф Делаж (Delage) выпустил в двух томах перевод романа «Гиперион, или Отшельник в Греции»,¹⁴ а годом ранее вышел перевод драмы «Смерть Эмпедокла»,¹⁵ выполненный Андре Бабелом (Babelon).¹⁶

Интерес к «безумию» Гёльдерлина и у Жува, и у последующих экзегетов выходит, разумеется, за рамки патографии; напротив, делается (по следам Норберта фон Хеллинграта (Hellingrath), стоявшего у истоков первого научно-критического собрания сочинений поэта, первый том которого вышел в 1913 году) решительная попытка вписать позднее, отмеченное болезнью наследие Гёльдерлина в общую перспективу его поэтической и философской мысли. Характерным образом, Бернар Гротюйзен (Groethuysen), предпославший переводам Жува небольшое предисловие, пишет в нем, что Гёльдерлин был на самом деле мудрецом, таким, каким «бывают безумцы и дети. Ребенок много знает, но знает не так, как мы».¹⁷

Гротюйзен¹⁸ был, по-видимому, вовлечен в издательский проект Хеллинграта, который вплоть до начала мировой войны был лектором в Высшей нормальной школе

Фридриха Гёльдерлина в оригинале и в русском переводе // Фридрих Гёльдерлин и идея Европы / Под ред. С. Л. Фокина. СПб., 2017. С. 96–114. В Советской России в 1931 году в издательстве «Academia» вышел трудами Я. Э. Голосовкера перевод трагедии «Смерть Эмпедокла». Предисловие к нему написал А. В. Луначарский (см. далее). В РГАЛИ находится машинописная правленая рукопись (185 л.) перевода романа «Гиперион», над которым Голосовкер работал в первой половине 1930-х годов (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 9. Ед. хр. 1301). В 1961 году он опубликовал статью «Поэтика и эстетика Гёльдерлина» (Вестник истории мировой культуры. 1961. № 6. С. 163–176). См. также неизданный в свое время доклад А. И. Неусыхина (1942) «Тютчев и Гёльдерлин»: Федор Иванович Тютчев: В 2 кн. М., 1989. Кн. 2. С. 542–547 (Лит. наследство; т. 97). Неусыхин был автором статьи о Гёльдерлине в «Большой советской энциклопедии» (БСЭ. Т. 15. М., 1929. Стлб. 94–95).

⁹ Наиболее полная характеристика Гёльдерлина, данная Цветаевой, содержится в ее письме к М. Горькому от 8 октября 1927 года (см.: Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Т. 7. С. 195).

¹⁰ См. скорее подтверждающую этот тезис статью о гёльдерлиновских претекстах у Пастернака: Жолковский А. Откуда эта Диотима? (Заметки о «Лете» Пастернака) // Eternity's Hostage. Selected Papers from the Stanford International Conference on Boris Pasternak, May, 2004. In Honor of Evgeny Pasternak and Elena Pasternak / Ed. by L. Fleishman. Stanford, 2006. Part 1. P. 239–261 (Stanford Slavic Studies. Vol. 31).

¹¹ См.: Kalinowski I. Une histoire de la reception de Hölderlin en France (1925–1967), thèse de doctorat, Université Paris 12, 1999.

¹² Poèmes de la Folie de Hölderlin / Trad. de P. J. Jouve avec la collaboration de P. Klossowski. Paris: Fourcade, 1930.

¹³ Например, переводы Гюстава Ру (Roud, 1942), Максима Александра (Alexandre, 1942) и Женевьев Бьянки (Bianquis, 1943).

¹⁴ Hölderlin F. Hypérion ou l'Ermite en Grèce: In 2 vol. / Trad. de J. Delage. Paris; Neuchâtel: Victor Attinger, 1930.

¹⁵ В дневниковой записи 1932 года Поплавский упоминает Эмпедокла, упавшего в «объятия центрального огня» (З, 428).

¹⁶ Hölderlin F. La Mort d'Empédocle / Trad. et introduction d'A. Babelon. Paris: Gallimard, 1929.

¹⁷ Groethuysen B. Avant-propos // Poèmes de la Folie de Hölderlin. P. 15.

¹⁸ Отметим, что он был рожден от русской матери, чье имя транскрибируют как Olga Groloff. См.: Grosse Kracht K. Zwischen Berlin und Paris: Bernard Groethuysen (1880–1946). Tübingen: Niemeyer, 2002.

в Париже. Именно Гротюйзену, специалисту по философии Гегеля и Ницше, мы обязаны самыми первыми переводами Гёльдерлина на французский, а также обстоятельной статьей, опубликованной в 1925 году.¹⁹

Трактовка Гротюйзена самым непосредственным образом повлияла на такого важнейшего писателя и мыслителя второй половины XX века, как Морис Бланшо, посвятившего Гёльдерлина несколько работ. В эссе «Безумие par excellence» (1951),²⁰ которое спустя два года станет предисловием к французскому переводу книги Карла Ясперса «Стриндберг и Ван Гог»,²¹ он с благодарностью вспоминает об издании, подготовленном Жувом и Гротюйзенем.²²

Отметим, что немецкое издание труда Ясперса, вышедшее в 1922 году, вполне могло быть доступным Поплавскому, так же, как и беллетризированная биография Гёльдерлина, вошедшая в цикл Стефана Цвейга «Борьба с безумием: Гёльдерлин, Клейст, Ницше» («Der Kampf mit dem Dämon. Hölderlin — Kleist — Nietzsche», 1925).²³

Интересовал ли Поплавского собственно шизофренический аспект творчества Гёльдерлина?²⁴ На этот вопрос нет ясного ответа; можно лишь отметить, что сам Поплавский неоднократно посещал парижскую психиатрическую больницу Святой Анны, видимо опасаясь за свою психическую стабильность. В 1932 году он говорит о «сумасшествии, которое носит в себе» (3, 309) и консультируется с доктором Евгением Минковским (Minkowski), русско-еврейским эмигрантом, основоположником так называемой феноменологической психиатрии (3, 464).

Очевидно в то же время, что речь здесь скорее идет о невротических проявлениях, о «припадках» (3, 459), нежели о серьезных психических нарушениях. Можно было бы сказать, что Поплавского занимает не столько патология поэтического безумия, сколько пограничная ситуация, в которой оказывается поэт-визионер, чье тело (а не только душа) буквально физически откликается на контакт с предстоящими ему, в акте интеллигибельного созерцания, образами. В дневниковой записи от 22 марта 1929 года, в которой подробно формулируется *ars poetica* Поплавского, он отмечает: «Души чувствуют иногда, что вот что-то с ними происходит, что они переживают на углах что-то бесконечно-ценное, но что именно — сказать не могут; причем иногда с силой *физического* припадка происходят некие состояния особого содержательного волнения, бесконечно-сладостного» (3, 420; курсив мой. — Д. Т.).

Находясь в этом состоянии «содержательного волнения», которое одновременно и предшествует впечатлению и является его продуктом, поэт вдруг начинает порождать слова, причем они сами складываются в строчки, как будто помимо воли того, кто их порождает. «И иногда вдруг слагается первая строчка, т. е. с каким-то особенным распевом сами собой располагаются слова, причем они становятся как бы магическим сигналом к воспоминаниям; как иногда в музыкальной фразе запечатлевается целая

¹⁹ Hölderlin F. Poèmes suivis d'une documentation sur la folie de Hölderlin réunie par B. Groethuysen // Commerce: Cahiers trimestriels. 1925 (Automne). Cahier V. P. 169–207. См.: Rand R. Groethuysen et Hölderlin (Hypothèse) // Poésie. 2008. № 3 (125). P. 9–22. Параллельно Гротюйзен опубликовал подборку своих переводов, сопроводив их статьей, в журнале: La Nouvelle Revue Française. 1925 (Novembre). № 146. P. 50–79.

²⁰ См. также «„Священное“ слово Гёльдерлина» («La parole „sacrée“ de Hölderlin», сб. «Обречено огню» («La Part du feu», 1949)) и «Путь Гёльдерлина» («L'Itinéraire de Hölderlin», сб. «Пространство литературы» («L'Espace littéraire», 1955)).

²¹ Оригинал книги под названием «Strindberg und van Gogh. Versuch einer pathographischen Analyse unter vergleichender Heranziehung von Swedenborg und Hölderlin» вышел в Лейпциге в 1922 году.

²² См.: Kuzma J. D. Maurice Blanchot and Psychoanalysis. Leyden, 2019. P. 62–64; Hart K. Blanchot's Hölderlin // The Poesis of Peace: Narratives, Cultures, and Philosophies / Ed. by K.-G. Giesen, C. Kersten, L. Škof. London: Routledge, 2017. P. 151–175.

²³ Первой серьезной философской работой о Гёльдерлине является, по-видимому, статья Вильгельма Виндельбанда «О Фридрихе Гёльдерлине и его судьбе» («Über Friedrich Hölderlin und sein Geschick», 1878). Вошла в его книгу «Прелюдии» («Präludien», 1884). Рус. пер.: Виндельбанд В. Прелюдии: Философские статьи и речи / Пер. с нем. и вступ. статья С. Л. Франка. СПб., 1903.

²⁴ Об этом аспекте творчества Гёльдерлина см., например: Иоффе Д. Психотическое у Гёльдерлина в контекстах России и Европы // Фридрих Гёльдерлин и идея Европы. С. 144–171.

какая-нибудь мертвая весна, или, для меня, в запахе мандариновой кожуры — целое Рождество в снегах, в России; или же все мое довоенное детство в вальсе из „Веселой вдовы“» (там же).

Поэтическая деятельность, таким образом, оказывается комплексом сложных переживаний, сотканых из чувственно постигаемых образов и образов памяти, которые лежат в основе содержательного волнения. Однако это волнение «активируется» именно наблюдаемыми здесь и сейчас образами. Комментаторы подметили, что у Поплавского есть определенный набор таких образов, к которым он обращается наиболее часто. Среди них образы ангела, башни, корабля («Титаника»), пустынных городских улиц. Но ключевое место в поэтическом воображении Поплавского занимает, без сомнения, образ флага, давший название единственному вышедшему при жизни поэта сборнику его стихов (1931).

Неудивительно, что он появляется и в уже цитированной выше записи: «Нет, некое ощущение тех дней — вот что совершенно неповторимо, и некое совершенно особенное чувство каких-то давно прошедших праздников, когда как-то особенно развевались флаги и особенно сиреневел теплый асфальт. Теперь так же на больших шестах, медленно развеваясь, мечтают флаги, и лоснится асфальт, но ощущение этого всего совсем другое» (3, 419).

Хотя память поэта оказывается неспособной воспроизвести «ощущение тех дней», у него в то же время есть воспоминание об ушедшем ощущении, иначе как бы он мог утверждать, что новое ощущение не похоже на старое. «Содержательное волнение» рождается как раз из этого «зазора» между восприятием и представлением, чувствами и памятью; оно является тем «тихим», «мистически-эмоциональным», музыкальным состоянием, погружение в которое есть форма познания.

Почему образ флага так важен именно в контексте восприятия Поплавским Гёльдерлина? Воздерживаясь от однозначных суждений, предположим с осторожностью, что семантический ореол, который окружает этот образ у русского поэта, мог сформироваться в «диалоге» со смысловым субстратом одного из самых известных стихотворений Гёльдерлина — «Половина жизни» («Hälfte des Lebens»; переводится также как «Середина жизни»). Написанное, по-видимому, в 1800 году и переработанное в 1803-м, оно было напечатано впервые в 1804 году в составе «Песен ночи» («Nachtgesänge»). Ясперс приводит его в своей книге, сопровождая комментариями Вильгельма Дильтея²⁵ и сравнивая его в свою очередь с картинами Ван Гога. Дильтей, в частности, отмечает, что «это венец последней эпохи Гёльдерлина; свершается судьба, которая вела все его поэтическое развитие к полному освобождению внутреннего ритма чувств от стихотворных метрических форм, однако последний шаг в этом развитии был сделан им на пороге безумия».²⁶

Впервые на русский язык стихотворение было переведено Михаилом Цетлиным (Амари) в 1916 году, затем Анатолием Луначарским в 1929-м. Последний перевод более близок к оригиналу, так как в нем делается попытка сохранить то, что Дильтей называет «собственной независимостью и энергией» «отдельных картин»,²⁷ достигаемой прежде всего за счет использования исключительно глаголов настоящего времени. Вот перевод на тот момент уже бывшего наркома просвещения:

В желтых цветах висит,
Пестрея шиповником,
В озере берег.
И милый лебедь,
Пьян поцелуем,

Mit gelben Birnen hängt
Und voll mit wilden Rosen
Das Land in den See,
Ihr holden Schwäne,
Und trunken von Küssen

²⁵ Книга Дильтея «Переживание и поэзия: Лессинг, Гёте, Новалис, Гёльдерлин» («Das Erlebnis und die Dichtung. Lessing, Goethe, Novalis, Hölderlin») вышла в 1906 году.

²⁶ Цит. по: Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог: Опыт сравнительного патографического анализа с привлечением случаев Сведенборга и Гёльдерлина. СПб., 1999. С. 160.

²⁷ Там же.

Голову клонит
В священно-трезвую воду.

Горе мне, горе, где же найду я
Горькой зимою цвет? Где найду
Солнечный луч
И тени земли?
Стены стоят
Хладны и немые.
Стонет ветер,
И дребезжат флюгера.²⁸

Tunkt ihr das Haupt
Ins heilignüchterne Wasser.

Weh mir, wo nehm'ich, wenn
Es Winter ist, die Blumen, und wo
Den Sonnenschein,
Und Schatten der Erde?
Die Mauern stehn
Sprachlos und kalt, im Winde
Klirren die Fahnen.²⁹

Луначарский прямо называет стихотворение «полубезумным», хотя и не поясняет, в чем его неконвенциональность с точки зрения «разумного» творчества. Свой перевод он представил в рамках доклада под характерным названием «Социологические и патологические факторы в истории искусства», прочитанного в Комакадемии 31 октября 1929 года.³⁰ Мы еще вернемся к этому тексту, пока же отметим, что заключительные строчки стихотворения «im Winde Klirren die Fahnen» Луначарский переводит как «стонет ветер, и дребезжат флюгера». По-немецки флюгер — «Wetterfahne», а собственно слово «Fahne» обозначает «флаг», «знамя», хотя, как указывает, например, современный Гёльдерлину словарь Иоганна Кристофа Аделунга (первое изд. — 1774–1786), «Fahne» может употребляться и для обозначения «флюгера», но, как гласит ремарка, в «фигуративном смысле».³¹ Как бы там ни было, двусмысленность этой конструкции, которая кажется нам не случайной, не могла не обратить на себя внимание переводчиков. Поскольку глагол «klirren» переводится как «бряцать», «звенеть», «дребезжать», понятно, что переводчики, и Луначарский в том числе, обычно стараются избегать странных конструкций типа «дребезжат флаги», либо заменяя флаги на флюгера,³² либо оставляя флаги, но меняя при этом глагол на более подходящий. Примером второго решения служит строчка из перевода Амари «под ветром треплются флаги». Интересно, что среди первых переводчиков стихотворения на французский лишь Максим Александр сохраняет «флаги» (drapeaux), в то время как Женеви́ев Бьянки предпочитает «флюгера» (girouettes), а Жув вообще использует слово «вывески» (enseignes).

Если допустить, что Поплавский знал немецкий оригинал (а также и перевод Амари), его должна была привлечь необычная конструкция, которая придает флагу (допустим, что речь идет все-таки о нем) несвойственные ему звуковые качества: флаг звенит, дребезжит, как будто обладая какой-то иной, «жесткой» материальностью. Как

²⁸ Луначарский А. Социологические и патологические факторы в истории искусства // Вестник Коммунистической академии. 1930. № 37/38. С. 69.

²⁹ Hölderlin F. Sämtliche Werke und Briefe. Leipzig: Insel Verlag, 1922. Bd 1 (Gedichte). P. 369.

³⁰ Помимо стенограммы, опубликованной в «Вестнике Коммунистической академии», см. также: Луначарский А. Социология и патология в истории литературы (Фридрих Гёльдерлин, конспект доклада) // Литературный критик. 1935. № 12. С. 48–81. В предисловии к «Смерти Эм-педокла» (см. выше) Луначарский отсылает к своему докладу.

³¹ «Die Fahne: 3. Figürlich. 1) Das bewegliche, an einer Stange befindliche Blech auf den Thürmen und Häusern, den Strich des Windes anzuzeigen; die Thurmfahne, KirCHFahne, Wetterfahne, Windfahne u. s. f.» (Adelung J. Ch. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart // https://lexika.digitale-sammlungen.de/adelung/lemma/bsb00009132_1_0_73; дата обращения: 31.01.2021). Немецкие комментаторы в целом сходятся в том, что здесь нужно читать «Wetterfahnen», так как речь идет о стенах дома. См., например: Eibl K. Der Blick hinter den Spiegel Sinnbild und gedankliche Bewegung in Hölderlins «Hälfte des Lebens» // Jahrbuch der deutschen Schillergesellschaft. 1983. Т. 27. С. 222–235. Возможно, речь идет о флюгере в форме флажка. Благодарю Георга Витте за его комментарии по данному вопросу.

³² Так делает, например, Сергей Аверинцев, используя к тому же глагол «скрежетать». При этом множественное число «die Fahnen» превращается у него во «флюгер» в единственном числе. См.: Гёльдерлин Ф. Соч. / Пер. с нем., сост. и вступ. статья А. Дейча; комм. Г. Ратгауза. М., 1969. С. 153.

нам уже приходилось отмечать, звон у Поплавского является одним из важных концептов, который может рассматриваться в контексте немецкой идеалистической философии.³³ При этом флаги у него не звенят и не дребезжат, а ведут себя вполне «понятно» (качаются, грустят и т. п.): хотя встречаются и конструкции типа «блещет флаг» или «флаги кричали». Здесь скорее важно другое: и у Гёльдерлина, и у Поплавского флаги становятся тем образом, который как бы концентрирует в себе множество других образов. Так, в стихотворении «Половина жизни» финальный образ «звонящих» на ветру флагов замыкает череду образов, раскрывающих тему оцепенения, безмолвия, зимнего холода.

У Поплавского образ флага пронизывает вообще все поэтическое творчество, от ранних стихов сборника «Флаги» до текстов сборника «Снежный час» (например, стихотворение «Флаги спускаются», 1931), в которых ожидаемым образом тема зимнего холода выходит на первый план. Основная функция образа флага в том, чтобы связать воедино визуальную составляющую творческого акта, чрезвычайно важную для Поплавского, которому необходимо прежде всего увидеть объект (а флаг особенно «бросается в глаза» как за счет своей раскраски, так и за счет постоянного движения), и те внутренние процессы, которые происходят в сознании поэта и которые связаны прежде всего с ощущением времени и работой памяти (в движении флаг меняет все время свою форму, оставаясь при этом неизменным).

О «торжестве презенса» в поздней, «безумной» лирике Гёльдерлина писали многие комментаторы,³⁴ но и в «Половине жизни» мы наблюдаем похожий эффект: это касается и первой строфы, которая по идее воспроизводит *прошлое* ощущение поэта от красоты лебедей в озере, и второй строфы, в которой идиллической картине противопоставляется безрадостный зимний пейзаж. Обе эти картины существуют как будто одновременно, вне временной развертки: поэт видит сейчас озеро с лебедями и одновременно он видит безмолвные стены. Именно в поэтическом тексте два одновременных события (событие созерцания озера здесь и сейчас и проецируемое в будущее событие вслушивания в «звонящий флаг»; либо актуальное событие вслушивания и, соответственно, событие воспоминания утраченного идиллического пейзажа) соединяются в одно. Время застывает, лебеди вечно клонят свои головы в озеро, а стены застыли в безмолвном холоде оцепенения. Лишь один предмет кажется находящимся в движении — это «звонящие на ветру» флаги. Но это движение лишь подчеркивает общую оцепенелость.

Похожий эффект создается и в стихотворении Поплавского «Целый день в холодном, грязном саване...» (причем без использования презенса):

Целый день в холодном, грязном саване
Спал мечтатель, позабыв о мире.
Утром было состязанье в плаванье,
Трубачи играли на буксире,

Потные гребцы кричали с лодок,
Шумно люди хлопали с мостов,
И в порыве ветра на свободу
Флаги рвались с окон и шестов.

³³ Подробнее об этом см.: Токарев Д. В. «Между Индией и Гегелем»: творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе. М., 2011. С. 41–42.

³⁴ По наблюдению Р. Якобсона в статье 1976 года, «позднейшие поэтические монологи Гёльдерлина исключают всякий намек на сам акт речи и его момент, на действительных участников общения. Табуированное имя отправителя решительно вытеснено Скарданелли; адресат стиха и судьба рукописи, помеченной возможно удаленной датой, становятся совершенно безразличны для автора. Грамматические времена текста ограничиваются немаркированным настоящим временем. Это „торжество презенса“ как бы отменяет временную последовательность, открывая „в каждом времени года полноту круговорота времен“» (Якобсон Р. Взгляд на «Вид» Гёльдерлина / Пер. с нем. О. Я. Седаковой // Якобсон Р. Работы по поэтике / Сост. М. Л. Гаспарова. М., 1987. С. 379).

Как и на картинах Джорджо де Кирико, творчество которого было ценимо Поплавским,³⁵ два события — праздник с его динамикой и абсолютный покой, в котором пребывает мечтатель, — кажутся не связанными друг с другом, хотя и соположенными. Теодор Адорно отметил бы, что Поплавский использует здесь, как и Гёльдерлин в «Половине жизни», паратактические конструкции, устраняя формальные средства связи (союзы и т. п.) между частями сложного предложения.³⁶ Весь антураж праздника, в том числе и рвущиеся в небо флаги, находится вне поля зрения мечтателя, который существует как бы вне времени и движения. Но в конце стихотворения происходит совмещение двух пластов:

И устав от пестроты и лени,
Возвратились по домам без ног
В час, когда в больном оцепенении
Встал мечтатель и раскрыл окно.

(1, 226)

Флаг, рвущийся с окна, становится событием жизни мечтателя. Таким образом, он является тем символическим объектом, который позволяет передать ощущение *динамического стазиса*, движения внутри покоя.

Возможность снятия границы между актуальным и вспоминаемым, тематизированное в стихотворении Гёльдерлина, чрезвычайно занимает и Поплавского: как мы помним из его цитированной выше дневниковой записи, флаг у него непосредственно участвует в процессе реактивации прошлого, которое достигается в процессе интенсивного припоминания. Представляется, что особое пристрастие поэта к этому объекту объясняется тем, что именно флаг («рвущийся» куда-то) дает возможность — за счет своих физических характеристик (не обладая глубиной, он, подобно живописному полотну, порождает иллюзию глубины) — «перекодировать» образы пространства в образы времени.

Привилегированной сферой этой перекодировки является поэтическое творчество, в котором визуальные образы вовлекаются в музыкальную в своей основе словесную стихию. Именно здесь происходит «встреча» поэтического субъекта с другими субъектами, которые, как формулирует Поплавский в статье «О субстанциональности личности», и образуют райское «Царство друзей». Образы индивидуальной памяти (Поплавский называет их «персональный снежный ком» (3, 454)), актуализированные в акте атемпорального, «вечно настоящего» восприятия (например, созерцания флага), проецируются в область «имперсонального», внеличного, формируемую образами памяти других субъектов, «друзей». Личное, как пишет Поплавский, раскрывается по-настоящему только в этом процессе «обмена» между теми, кто является гражданами «Республики Солнца», невидимо существующей внутри цивилизации. Рай находится не за пределами, а внутри мира, он ему имманентен, а не трансцендентен.

Ключ к пониманию того, что же такое «Республика Солнца», находится, если верить воспоминаниям Татищева, в элегии Гёльдерлина «Ночь спустилась». Именно к ней отсылает своего друга Поплавский. Татищев никак не оговаривает, что речь на самом деле идет о первой строфе элегии «Хлеб и вино» («Brot und Wein»; 1800–1804), которая была опубликована отдельно под названием «Ночь» («Die Nacht») в 1806 году. Она была впервые переведена на русский Луначарским, огласившем ее в ходе своего доклада со следующим предувещанием: «Перевод этого отрывка легче было сделать, — объясняет свой выбор критик, — ибо это единственный из гимнов, напи-

³⁵ См.: Токарев Д. В. Метафизика образа: Борис Поплавский и Джорджо Де Кирико // *Sub specie tolerantiae: Памяти В. А. Туниманова*. СПб., 2008. С. 494–503.

³⁶ См.: Adorno Th. W. Parataxe: sur les derniers poèmes de Hölderlin / Trad. fr. de S. Muller // Hölderlin F. Hymnes, élégies et autres poèmes / Ed. par Ph. Lacoue-Labarthe; trad. par A. Guerne. Paris, 1983. P. 161 (статья впервые опубликована в 1963 году). Адорно распространяет принцип паратаксиста на все позднее творчество Гёльдерлина, в том числе и на «Хлеб и вино» (см. ниже).

санный перемежающимся гекзаметром и пентаметром. Называется он „Ночь“. Это удивительное произведение, передающее в лирической форме социальное настроение автора:

Город уснул и затих; безлюдны ущелия улиц,
Лишь иногда экипаж в факельных блесках промчит.
Сытые злобами дня от развлечений и сделок,
Люди идут по домам, прибыль и убыль учтя.
Дома уют. На рынке нет ни плодов, ни букетов;
Он не гремит ремеслом, хочет покоя и он.
Только где-то в саду звучат гармоничные струны:
Может быть, песня любви, а может быть, кто одинок.
Вспомнил о счастье былом, о юности. Мерно фонтаны
Свежие плещут в ночи, в травах бегут ручейки;
В воздухе темном поет вполголоса звон колокольный;
Сторож, считая часы, выкрикнул где-то число.
Вот пронеслось, словно вздох, ветра в деревьях движенье.
Стой! показался двойник нашей планеты — луна.
Крадучись всходит она и мечтательно шепчется с ночью,
Звезды сверкают вокруг, дела ей нет до людей.
Странная светит луна, одинокая странница неба,
И на горы легла великолепно печаль».³⁷

Вот как звучит текст Гёльдерлина:

Rings um ruhet die Stadt; still wird die erleuchtete Gasse,
Und, mit Fackeln geschmückt, rauschen die Wagen hinweg.
Satt gehn heim von Freuden des Tags zu ruhen die Menschen,
Und Gewinn und Verlust wäget ein sinniges Haupt
Wohlfrieden zu Haus; leer steht von Trauben und Blumen,
Und von Werken der Hand ruht der geschäftige Markt.
Aber das Saitenspiel tönt fern aus Gärten; vielleicht, daß
Dort ein Liebendes spielt oder ein einsamer Mann
Ferner Freunde gedenkt und der Jugendzeit; und die Brunnen
Immerquellend und frisch rauschen an duftendem Beet.
Still in dämmriger Luft ertönen geläutete Glocken,
Und der Stunden gedenk ruft ein Wächter die Zahl.
Jetzt auch kommt ein Wehn und regt die Gipfel des Hains auf,
Sieh! und das Schattenbild unserer Erde, der Mond,
Kommet geheim nun auch; die Schwärmerische, die Nacht kommt,
Voll mit Sternen und wohl wenig bekümmert um uns,
Glänzt die Erstaunende dort, die Fremdlingin unter den Menschen,
Über Gebirgshöhn traurig und prächtig herauf».³⁸

Оставим на совести Луначарского идеологически ангажированный *tour de force*, который он допускает, относя элегию, с одной стороны, к «периоду уже явной шизофрении», а с другой, трактуя ее как выражение «социального настроения автора».³⁹

³⁷ Луначарский А. Социологические и патологические факторы в истории искусства. С. 68–69.

³⁸ Hölderlin F. *Sämtliche Werke und Briefe*. Bd 1. P. 303–304.

³⁹ Возможен, правда, и другой вариант: Луначарский не подозревает, что «Ночь» — это первая часть «Хлеба и вина», иначе чем можно объяснить тот факт, что он, с одной стороны, постулирует принципиальную неперевоодимость поздних «гимнов» («Хлеб и вино», «Альпы», «Рейн»), а с другой, тут же читает перевод «одного из отрывков того времени, когда написаны были гимны», т. е. «Ночь» (Луначарский А. Социологические и патологические факторы в истории искусства. С. 68).

Довольно свободно обращается с текстом и Татищев, когда публикует — в конце статьи «Синяя тетрадь», в основу которой кладет записи разговоров с Поплавским, — свой перевод того, что он называет «отрывком „Ночь спустилась“»:

Ночь спустилась. Чи-то тени полегли среди деревьев.
Звезды жают их, как пчелы. Но явился новый вестник.
Он держал зажженный факел, как ночной искатель кладов.
Лишь немногие очнулись, и, обрадованы светом,
Засветились души пленных, загорелись жизнью лица.
Но Титаны снова дремлют, усмехаясь сновиденью.
Цербер, глаз не раскрывая, пьет из чаши. Длится ночь.⁴⁰

На самом деле, данный текст является контаминацией стихов из первой строфы — «die Schwärmerische, die Nacht kommt, / Voll mit Sternen und wohl wenig bekümmert um uns» — и окончания девятой, последней строфы «Хлеба и вина»:

Aber indessen kommt als Fackelschwinger des Höchsten
Sohn, der Syrier, unter die Schatten herab.
Selige Weise sehns; ein Lächeln aus der gefangnen
Seele leuchtet, dem Licht tauet ihr Auge noch auf.
Sanfter träumet und schläft in Armen der Erde der Titan,
Selbst der neidische, selbst Cerberus trinket und schläft.⁴¹

Понятно, что «перевод» этот относится не к 1930-м годам, хотя Татищев и вписывает его в контекст разговоров с Поплавским о «Республике Солнца». Здесь уместно вспомнить о том, что в статье 1947 года «Поэт в изгнании» Татищев пишет буквально следующее: «У Поплавского было духовное родство с ранними немецкими романтиками догетевского периода, особенно, мне кажется, с Гёльдерлином, о котором он, не знаю, слышал ли».⁴² Что же получается: спустя 12 лет после смерти друга Татищев сомневается, что тот знал Гёльдерлина, а в 1972 году, когда публикует «Синюю тетрадь», уже с определенностью утверждает, что они обсуждали творчество немецкого поэта во время своих прогулок по Парижу? Ситуация запутывается еще больше, когда мы обнаруживаем, что в обеих публикациях Татищев цитирует одни и те же записи из «Синей тетради»,⁴³ причем в более поздней он оговаривается, что нашел тетрадь «вчера» в подвале дома своего сына. Отметим также и тот факт, что к 200-летию Гёльдерлина Татищев пишет о нем статью, которую включает в книгу «Письмо в Россию».

Итак, зная ту легкость, с которой Татищев черпал в доставшихся ему бумагах поэта материал для своих статей, выдавая при этом мысли Поплавского за свои собственные,⁴⁴ нельзя ли предположить, что и отсылки к Гёльдерлину в так называе-

⁴⁰ Татищев Н. Синяя тетрадь. С. 154.

⁴¹ Hölderlin F. Sämtliche Werke und Briefe. Bd 1. P. 311.

⁴² Цит. по: Татищев Н. Поэт в изгнании // Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников / Сост. Л. Аллен, О. Гриз. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 107. Впервые: Новый журнал (Нью-Йорк). 1947. № 15. С. 199–207.

⁴³ Так, статья 1947 года заканчивается цитатой из разговора с Поплавским: «Было время, когда я видел себя на солнце. А потом — совсем перестал видеть, и во всем был один Ты» (Татищев Н. Поэт в изгнании // Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников. С. 108). Она же приводится и в публикации 1972 года.

⁴⁴ Например, в статье «Гийом Аполлинер — поэт грустного веселья» Татищев без стеснения занимается плагиатом из дневников Поплавского, отрывки из которого (о состоянии «содержательного волнения») мы приводили выше. Это тем более удивительно, что эти цитаты содержатся в опубликованных Татищевым в 1938 году выдержках из дневников Поплавского. Ср. у Татищева: «„Восковые фигуры за зеркальными окнами“ чувствуют иногда, что вот что-то с ними происходит, точно наступил праздник, и они переживают что-то бесконечно-ценное, но что именно — сказать не могут. Причем иногда с силой физического припадка приходят к неким состояниям особого содержательного волнения, бесконечно сладостного... И тогда у поэта вдруг слагается первая строчка, которая потом может занять и не первое место, а чаще в середине, иногда в конце стихотворения, то есть с каким-то особенным распевом сами собой располагаются слова. При

мых «Разговорах с Поплавским» оказываются лишь позднейшими вставками и что на самом деле поэт и не слышал, как, собственно, и предполагает Татищев в 1947 году, о своем немецком собрате?

Вопрос закономерный, однако на него следует все-таки ответить отрицательно. Во-первых, интерес Поплавского к литературным новинкам, вышедшим на французском языке, не подлежит сомнению. Вряд ли мимо него мог пройти ставший настоящим событием сборник, подготовленный Жувом, Клоссовски и Гротюйзенем.

Во-вторых, Поплавский, внимательный читатель Гегеля со второй половины 1920-х годов и впоследствии «усердный слушатель» гегелевского семинара Кожева, мог почерпнуть информацию о том, кто, вместе с Шеллингом, был университетским другом философа, из книги Жана Валя (Wahl) «Несчастное сознание в философии Гегеля» («Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel», 1929), многие пассажи которой посвящены Гёльдерлину.

В-третьих, не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что в Советской России Луначарский и особенно Голосовкер готовят в это время почву для литературной канонизации Гёльдерлина в России.

В-четвертых, как мы пытались показать, ключевой для Поплавского образ флага (флагов) обретает особый смысл в контексте творчества немецкого поэта.

Наконец, самыми главными аргументами в пользу того, что Гёльдерлин «даст объяснение», могут служить два обстоятельства: первое — это то, что в сборнике «Снежный час» есть стихотворение, которое мы считаем вольным переложением первой строфы «Хлеба и вина»; второе — тот факт, что концепт «царства друзей» или «Республики Солнца» действительно оказывается связанным с фигурой Гёльдерлина и той идеей духовного сообщества, которая занимает его со времен знакомства с Гегелем⁴⁵ и которая принимает конкретные очертания в романе «Гиперион», где описывается группа «друзей», борющихся за освобождение Греции от турецкого ига.

Остановимся прежде всего на первом из этих аргументов. В своих комментариях к собранию сочинений Поплавского Элен Менегальдо обращает внимание (З, 620), что образы, схожие с теми, которые актуализирует Татищев в своем переводе последних строк «Хлеба и вина», можно найти, например, в стихотворении Поплавского «Люди несут огонь» (сб. «Снежный час»):

Люди несут огонь.
Ветер дует, огонь задувая.
Люди огонь прижимают к груди.
Огонь потух.

Страшно смотреть из окон:
Спит под снегом земля неживая.
Кратко вдали, впереди
Вскрикнул петух.

Страшно во тьме без окон!..

Вечер спускается.
Кружится снег на порфире.
Кашляют тише и тише.
Скрывают свет.

этом они становятся как бы „магическим стеклом“ Евгения Онегина, как иногда в одной музыкальной фразе запечатлевается целая какая-нибудь мертвая весна в Далмации или целое Рождество в снегах в России» (Татищев Н. Письмо в Россию. С. 217–218).

⁴⁵ В 1794 году Гёльдерлин пишет Гегелю: «Дорогой брат, уверен, что ты иногда все же вспоминаешь обо мне с той поры, как мы расстались — расстались с нашим паролем на устах. Царство Божие — по этому паролю мы, кажется, всегда узнаем друг друга» (цит. по: Жеребин А. И. Роман Гёльдерлина «Гиперион» и утопия «Третьего царства» в европейской культуре // Фридрих Гёльдерлин и идея Европы. С. 25).

Пир прекращается.
Званные плачут на пире.
Падает время из ниши —
Никого нет.

Звезды... Сиянье судьбы.
Почему мы огонь потушили?
Почему мы играли с огнем,
Шутя со смертью?

Пали во тьму без борьбы.
Почему Вы погибнуть спешили,
Разве Вам лучше в аду ледяном?
Кричу: ответьте...

Нет, только холод и страх.

(1, 278–279)

В самом деле, атмосфера сумерек («вечер спускается» / у Гёльдерлина «die Nacht kommt»), ветреной погоды («ветер дует» / «Jetzt auch kommt ein Wehn»), опустевшего рынка («пир прекращается» / «leer steht von Trauben und Blumen, / Und von Werken der Hand ruht der geschäftige Markt»), дополненная образами звезд («Звезды... Сиянье судьбы»; «Voll mit Sternen») и людей, несущих огонь («Und, mit Fackeln geschmückt, rauschen die Wagen hinweg»), сближает этот текст Поплавского и элегию Гёльдерлина. Типичный для русского поэта зимний контекст («спит под снегом земля неживая»; «кружится снег на порфире») еще больше «кристаллизует» эти образы, лишая их при-сущего стихотворению Гёльдерлина идиллического настроения.

В высшей степени характерно, что эта атмосфера пустынных пространств воссоздается и в другом стихотворении сборника «Снежный час», зачин которого почти буквально повторяет начало «Хлеба и вина» («Rings um ruhet die Stadt»):

Город тихо шумит. Осень смотрится в белое небо.
Скоро в сумерках снег упадет, будет желто и тихо.
Газ зажжется в пустых переулках, где много спокойного снега, —
Там останутся наши шаги под зеленым сиянием газа.
Будут мертвы каналы, бесконечно пустынно холодные доки,
Только солнце, огромное, зимнее солнце, совсем без лучей,
Будет тихо смотреть и молчать — все закроют глаза,
Будут кроткие вздохи,
Все заснет в изумрудном молчании газа ночей.
Будет так хорошо опуститься на снег
Или, вдруг обернувшись, вернуться, следы оставляя.
Высоко над заводом вороны во тьме полетят на ночлег.
Будет холодно, мокро в ногах. Будет не о чем думать, гуляя.
Боже мой, как все было, какие огромные горы вдали, —
Повернуться смотреть, бесконечно молчать и обдумать.
Тихо белые шапки наденут ночные цари фонари,
Все будет царственно хрупко и так смертно, что страшно и думать.

(1, 256)

Если образность стихотворения вполне корреспондирует с другими произведениями сборника, то его формальное строение совершенно исключительно. Как отмечает Ю. Б. Орлицкий, оно написано стихом, близким к гетероморфному, которое «можно классифицировать как вольный анапест с преобладанием длинной строки, однако в тексте есть ряд важных отступлений. Стопность колеблется от четырех до семи; в начале стихотворения рифма носит нерегулярный характер, однако последние восемь

строк — рифмованные; две строки имеют цезуры и слоговые наращения. Наконец, последняя строка — не анапест, а дактиль, причем она длиннее остальных (включает семь стоп) и разделена цезурой на два полустишия. Это стихотворение носит переходный характер, его можно рассматривать как робкий вариант гетероморфности, другими проявлениями которой в стихах этого времени является вольность, холостые строки и астрофические строфы».⁴⁶

Более или менее ориентируясь на размер, которым написана элегия Гёльдерлина, Поплавский, как и в стихотворении «Люди несут огонь», переключает регистр с идиллически-спокойного на тревожно-тоскливый: пустые, засыпанные снегом переулки, мертвые каналы, холодные доки, вся эта атмосфера упадка и оцепенения наследует элегии, доводя до пароксизма уже заложенную в ней негативную семантику. Характерно, что похожим образом поступает и Луначарский, когда переводит «still wird die erleuchtete Gasse» как «безлюдны ущелия улиц», акцентируя тем самым внимание на пугающей бездонности городских пространств и вписывая их в горный контекст, который появляется только в последней строке первой строфы: «Über Gebirgshöhn traurig und prächtig herauf». Отметим, что строка Поплавского «Боже мой, как все было, какие огромные горы вдали», которая неожиданным образом углубляет перспективу, выдвигая образ портового города на первый план, за которым открывается второй, «горный» план, с очевидностью демонстрирует, что «Город тихо шумит...» действительно написан под впечатлением от элегии «Хлеб и вино», во всяком случае от ее первой строфы.

«Ночное сообщество» — так назвала свою статью, посвященную идее неформального сообщества у Гегеля, Гёльдерлина и современных русских поэтов, А. В. Глазова. Сопоставляя стихотворение Гегеля «Элевсин», посвященное Гёльдерлину, и «Хлеб и вино», исследовательница приходит к мысли, что «тогда как ночь в истории духа у Гегеля — время заверченного труда и вкушения плодов, когда дух достигает высшей сосредоточенности и самопознания, у Гёльдерлина ночь — время опустошения, когда дух не сосредоточен, а, напротив, блуждает в темноте без ориентиров и наполняется памятью не столько о жизни, сколько о смерти».⁴⁷

Однако это блуждание не равнозначно хаотическому перемещению, скорее это извилистый путь инициации в некое тайное знание, причем это знание вырабатывается не одним человеком, а тайным сообществом, состоящим из таких, на первый взгляд никак не связанных друг с другом, индивидуумов. Глазова пишет: «Гёльдерлину важно указать на то, что и ночью, во времена бессонницы и смущения духа, один смущенный и заблуждающийся способен тем не менее обращаться к другому смущенному и заблуждающемуся. Таким образом, в скучные времена, когда позитивное, „дневное“ сообщество, объединенное общей религией, невозможно, возможно „ночное“ сообщество тех, кто объединен только верой в нечто нерушимо-человеческое. При этом каждый из них вынужден „обходиться без товарищей“, то есть каждый в своем ночном сознании одинок. Однако то нерушимое, которое их объединяет, продолжает действовать подспудно».⁴⁸

В стихотворении «Город тихо шумит...» медитативное настроение, раскрывающее себя не в сфере эмоций, а в сфере рефлексии («бесконечно молчать и обдумать»), возникает в ходе прогулки по ночному городу, пространство которого «расчерчено» «нашими шагами». Индивидуальный опыт одинокого поэта находит свой *raison d'être* в коллективном опыте «всех закрывших глаза» («все закроют глаза, / Будут кроткие вздохи»).

Идея сообщества занимает Поплавского уже в его первом романе «Аполлон Безобразов», где описывается группа друзей, поселившихся в заброшенном особняке на окраине Парижа. Характерным модусом существования этого сообщества является парадоксальное соединение противоположных понятий: его члены часами гуляют по

⁴⁶ Орлицкий Ю. Б. Свободный стих в творчестве Бориса Поплавского // Русская литература. 2014. № 1. С. 87.

⁴⁷ Глазова А. Ночное сообщество // Новое литературное обозрение. 2016. № 3. С. 244.

⁴⁸ Там же. С. 245–246.

Парижу и в то же время вырабатывают собственную систему находиться в неподвижности, а коммуникация у них имеет скорее невербальную природу: «Казалось, какое-то особенное мистическое светило стояло над нами. Впоследствии мне передавали, что о нас говорили, о каждом — как об „одном из тех“, в публичных местах насмешливо ждали нашего появления, но мы ничего не замечали» (2, 153).

Этим мистическим светилom может быть как черное солнце меланхолии (как у Жерара де Нерваля, повлиявшего на Поплавского⁴⁹), так и двойник Земли — луна из элегии Гёльдерлина («und das Schattenbild unserer Erde, der Mond, / Kommet geheim nun auch»). Заметим, однако, что само сообщество, хотя и имеет признаки эсхатологической секты, таковой не является; оно скорее предлагает альтернативу мистическому пути, сосредотачивая свои усилия на выработке нового языка, который по определению будет поэтическим.⁵⁰

Известно, какую важную роль в творчестве Поплавского играет фигура «неведомого», потенциального читателя, «собеседника»,⁵¹ к которому обращается поэт, символическим жестом отправляя свое произведение, как бутылку в океан,⁵² в свободное плавание. Приведем лишь одну цитату из статьи «Среди сомнений и очевидностей» (1932): «Не для себя и не для публики пишут. Пишут для друзей. Искусство есть частное письмо, посылаемое наудачу неведомым друзьям, и как бы протест против разлуки любящих в пространстве и во времени» (3, 112).

Пишут для друзей, но и друзья создаются в процессе и посредством письма. Иными словами, друзья являются не только и не столько частью реального мира (когда в конце романа «Домой с небес» герой возвращается из своих трансцендентальных блужданий в сферу земного, он вновь оказывается в «раю друзей»), сколько фикциональными фигурами, эту реальность формирующими. В этом смысле интенция Поплавского вполне сопоставима с тем, что делает Гегель в стихотворении «Элевсин», когда связывает *поэтическое* как тайну с *коллективным* как формой ее раскрытия: «Спекулятивный смысл гегелевской поэзии в том, как онтологическая критика языка сочетается с осознанием коллективности, — отмечает Иван Болдырев. — Именно такое сочетание объясняет, почему в „Элевсине“ столько говорится о тайне, ее воздействиях, о запретах и их формах. Тайну невозможно объективировать, ее нельзя передать: как и стихотворение, будь оно прочитано или нет, она не вещь, она — становление, неопределенность перехода, чья реальность есть нечто социальное, чье осуществление предполагает интеракцию. Диалектическое выходит на сцену вместе с сообществом и как сообщество».⁵³

При этом раскрытие тайны не подразумевает ее уничтожения; как поясняет Болдырев, «для Гегеля, как и для Бенямина, истина не есть некое обнаружение, „унич-

⁴⁹ См.: Токарев Д. В. В поисках «центрального огня»: Борис Поплавский и Жерар де Нерваль // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России — взгляд из зарубежья. СПб., 2011. С. 454–470.

⁵⁰ Прообразом такой группы может, по-видимому, служить коллектив авторов журнала «Атенеум», издававшегося братьями Шлегелями. Как отмечает Е. В. Петровская, «именно этот коллектив, основанный на принципах братского единства знаний и талантов, предполагающий возможность коллективного, а значит — анонимного писательства, без преувеличения выступает „первой «авангардной» группой в истории“. И описывается он Фридрихом Шлегелем, его главным вдохновителем, в качестве тайного общества, но никак не „школы“» (Петровская Е. Безымянные сообщества. М., 2012. С. 16–17).

⁵¹ См. статью О. Мандельштама «О собеседнике» (1913; вошла в сб. «О поэзии», 1928). См. также попытку сопоставить концепт праздности у Гёльдерлина и Мандельштама: Магун А. Поэтика революционного времени: Гёльдерлин и Мандельштам // Новое литературное обозрение. 2003. № 63. С. 39–58.

⁵² См.: Токарев Д. В. 1) «Бутылка в море»: Б. Поплавский и А. де Виньи // Западный сборник: В честь 80-летия Петра Романовича Заборова. СПб., 2011. С. 365–376; 2) «L'art est une lettre personnelle»: le discours autobiographique dans la fiction et les journaux intimes de Boris Poplavskij // Modernités russes. Lyon, 2016. № 16. La poétique autobiographique à l'Age d'argent et au-delà. P. 185–204.

⁵³ Болдырев И. А. Тайна и сообщество: место истории в «Элевсине» // Новое литературное обозрение. 2016. № 3. С. 237.

тожающее тайну, это откровение, соразмерное тайне“. Ее нельзя зафиксировать в какой-то фразе, сообщить, она — само свершение стихотворной речи, язык, сообщающий о самом себе». ⁵⁴

Исследователь здесь цитирует слова из статьи Бенямина «„Избирательное сродство“ Гете». Характерно, что к данной работе Бенямина обращается и Глазова, анализируя структуру поэтической речи у Гёльдерлина в контексте его интереса к древнегреческой трагедии и проблемам ее перевода на немецкий язык. Тезис Бенямина о том, что прерывание ритма ⁵⁵ в произведении есть некая трансцендентная этому произведению «невыразимая сила» (*die ausdruckslose Gewalt*), которая освобождает поэтическую речь от технических ограничений, налагаемых искусством, иллюстрируется исследовательницей на примере как раз «Половины жизни». В этом стихотворении резкий переход от образов природы (груши, розы и т. п.) к созданным человеком объектам (стены, флаги-флюгера) происходит в последних трех строках. По мысли Глазовой, этот переход и есть та «невыразимая сила», которая вторгается в произведение и фиксирует поворот в сознании поэта, связанный с его «переключением» с греческого идеала на современное ему немецкое «отечество», которое понимается как часть европейского, «гесперийского» мира: «„Невыразимая сила“ — цезура между поэтическим „священным пафосом“ и трезвой тональностью — разделяет стихотворение так, что поворот в сознании и в речи поэта делает его способным разделить свои слова и настроение: это способность, которой обладают европейцы-гесперийцы, но которой не владеют греки. Ближе всего к обладанию этой способностью подходит герой трагедии, когда он умолкает, осознав свою судьбу и вместе с ней свою индивидуальность». ⁵⁶

Похожая связь между идеей становления нового и «работой умолкания» (Глазова) прослеживается и у Поплавского. Так, в известной статье «О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции» (1930) он ставит возможность вызревания нового отечества, новой России в зависимость от одномоментного «прерывания речи»: «Может быть, Париж — Ноев Ковчег для будущей России. Зерно будущей ее мистической жизни, Малый Свет, который появляется на самой высокой вершине души и длится не больше половины одного *Ave*. И действительно, в пять часов утра в дешевом кафе, когда все сплетни рассказаны и все покрыты позором и папиросным пеплом, когда все друг другу совершенно отвратительно и так, так больно, что даже плакать не хочется, они вдруг чувствуют себя на заре „какой-то новой жизни“» (3, 47–48).

Разница между поколениями эмигрантских «отцов» и «сыновей» как раз и состоит в том, что первые не могут остановиться в своем ностальгическом «плаче по России», которую они надеются возродить в прежнем виде, в то время как вторые закладывают, может быть, незаметно для себя самих основы того будущего отечества, которое и будет взыскуемым ими «раем друзей» и «Республикой Солнца», «Малым Светом». Понятно, что такое отечество, как и Германия-Гесперия Гёльдерлина, является плодом не политического, но поэтического усилия, направленного при этом не на эйфорическое производство речи, а скорее на ее «приостановку», «прерывание». Ведь как замечает Бенямин о Гете (но в той части работы, где цитирует «Примечания к „Эдипу“» Гёльдерлина ⁵⁷), «невыразимая сила», превращающая произведение во «фрагмент реального мира» (*Fragmente der wahren Welt*), проявляется тогда, когда

⁵⁴ Там же. С. 235.

⁵⁵ Гёльдерлин использует этот термин (*gegenrhythmische Unterbrechung*) в своих комментариях к Софоклу.

⁵⁶ Глазова А. Греческая и европейская половины в «Половине жизни» Фридриха Гёльдерлина // Фридрих Гёльдерлин и идея Европы. С. 61.

⁵⁷ Бенямин пишет в 1914–1915 годах работу «Два стихотворения Ф. Гёльдерлина» («Zwei Gedichte von Friedrich Hölderlin»). Она будет опубликована только в 1955 году. В знаменитом эссе Бенямина «Задача переводчика» («Die Aufgabe des Übersetzers», 1923) говорится, что в переводах Гёльдерлина из Софокла и Пиндара «смысл попадает из одной пропасти в другую, пока не возникает опасность, что он вовсе потеряется в бездонных глубинах языка» (Бенямин В. Озарения / Пер. Н. М. Берновской, Ю. А. Данилова, С. А. Ромашко. М., 2000. С. 56).

«нечто помимо самого поэта попадает в его речь» («etwas jenseits des Dichters ins Wort fällt»),⁵⁸

Когда Поплавский постулирует в своем тексте «О субстанциональности личности», с которого мы начали наш разбор, что главное в человеке — это имперсональная основа его личности (человек как «теплое, мягкое, восковое зеркало, отражающее, воплощающее что угодно», — 3, 453), не толкует ли он о чем-то схожем? В поэтической перспективе «что угодно» — это и есть то «нечто», что попадает в речь поэта из речи других, вневременных «друзей»: Гомера, Пиндара и Софокла у Гёльдерлина; Тютчева, Рембо, Розанова⁵⁹ и того же Гёльдерлина у Поплавского.

Как указывает М. Хайдеггер, ссылаясь на «Хлеб и вино», «только после обретения опыта чужого и овладения своим — в историческом единстве их сущности, — только тогда становятся зрелыми плоды Гесперий».⁶⁰ Действительно, «хлеб и вино» — это те субстанции, в которых соединяются, как собственно и говорит Поплавский в статье «О субстанциональности личности», «солнечный жар» греческих празднеств и «холод высот» мрачной христианской мистики. Этот синтез Пана (Диониса) и Христа и лежит в основе райского «Царства друзей».⁶¹ Во всяком случае, именно так хотелось думать Поплавскому осенью 1935 года.

⁵⁸ Мы предпочитаем воспользоваться здесь переводом А. Глазовой. В переводе Н. М. Берновской фраза звучит так: «...нечто находящееся по ту сторону поэта переживает ход произведений» (*Беньямин В.* «Избирательное сродство» Гете // Беньямин В. Озарения. С. 106).

⁵⁹ «Ибо как часто мечтал я быть другом Тютчева, Рембо или Розанова», — пишет Поплавский в статье «Среди сомнений и очевидностей» (3, 112).

⁶⁰ *Хайдеггер М.* «Воспоминание» // Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гёльдерлина / Пер. с нем. Г. Ноткина. СПб., 2003. С. 239 (статья впервые опубликована в 1943 году).

⁶¹ См.: «Последняя строфа элегии («Хлеб и вино». — Д. Т.) воспевае Диониса как примирителя, который обеспечивает единство разделенного, Верхнего и Нижнего, Света и Тьмы. В этом качестве миротворца он приравнивается к Христу, к „Сыну Всевышнего“, который в ночь мира после угасания греческого дня спускается во мрак с „факелом“» (*Гвардини Р.* Гёльдерлин. Картина мира и боговдохновенность / Пер. с нем. А. В. Перцева. СПб., 2015. С. 393; работа опубликована в 1939 году).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-210-214

© К. С. Корконосенко

РУССКИЕ ПЕРСОНАЖИ В ТВОРЧЕСТВЕ РАМОНА ДЕЛЬ ВАЛЬЕ-ИНКЛАНА

Когда исследователи русско-испанских взаимосвязей обращаются к творчеству Рамона дель Валье-Инклана (1866–1936), в первую очередь пишут о связи его трилогии о Карлистской войне в Испании¹ с «Войной и миром» Л. Н. Толстого. Об этом порусски писали такие авторы, как И. А. Тертерян, З. И. Плавский, В. Е. Багно.²

Но в позднем творчестве Валье-Инклана есть как минимум два произведения, где представлены русские персонажи, которые интересны автору именно как русские; больше того, они описаны как реально существовавшие исторические деятели, в свое время побывавшие в Испании. Об их появлении в творчестве испанского писателя

¹ «La guerra carlista»: «Los cruzados de la Causa» (1908); «El resplandor de la hoguera» (1909); «Gerifaltes de antaño» (1909).

² См.: *Тертерян И. А.* Испытание историей. М., 1973. С. 168–173; *Плавский З. И.* Испанская литература XIX–XX веков. М., 1982. С. 79–81; *Багно В. Е.* Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. Л., 1982. С. 138. См. также: *Корконосенко К. С.* Толстой, Достоевский и «поколение 98 года» в Испании // Толстой или Достоевский? Идеино-эстетические искания в литературах Востока и Запада. СПб., 2003. С. 134–136.

коротко упоминает в своей книге «Испытание историей» И. А. Тертерян.³ А вот на вопрос, как зовут этих русских, ответить сложнее.

Дело в том, что роман «Выигрыш шпаг» («Baza de espadas»), третий из цикла «Арена иберийского цирка» («El ruedo ibérico»), не был завершен, но отдельные его фрагменты при жизни автора публиковались в испанской периодике.

В ноябре 1929 года Валье-Инклан напечатал в журнальной серии «Роман сего дня» («La novela de hoy») произведение под заглавием «Otra castiza de Samaria (Estampas Isabelinas)» — на русский язык это можно перевести как «Еще одна истинная самаритянка (Зарисовки времен королевы Изабеллы)». ⁴ А в июле 1932 года в нескольких номерах газеты «Эль Соль» был помещен другой вариант, «Открытое море» («Alta mar»). Он же был посчитан окончательным и при книжной публикации «Выигрыша шпаг» в 1958 году.

В обоих вариантах (которые можно воспринимать как отдельную часть большого романа, входящего в задуманный Валье-Инкланом романский цикл) русский персонаж играет ключевую роль, вокруг него строится действие, писатель несколько раз дает его портрет, его характеризуют другие персонажи романа, он участвует в беседах и произносит речи — вот только зовут его по-разному. В «Самаритянке» это Петр Кропоткин, а в «Открытом море» — Михаил Бакунин.

Валье-Инклан хотел сделать героем своего романа об испанской революции 1868 года русского революционера, анархиста, хорошо известного в Испании, оказавшего влияние на формирование испанского анархизма — и для него не имело принципиального значения, кого именно выбрать: на эту роль в романе с одинаковым успехом годились оба. Так же нерелевантно было и то обстоятельство, что в 1868 году ни Кропоткин, ни Бакунин в Испании не появлялись (Бакунин в Испании никогда не бывал, а Кропоткин провел там полтора месяца только в 1877 году).

Речь, в сущности, идет об одной и той же фигуре-символе;⁵ высокий рост и густая борода протагонистов дали Валье-Инклану возможность описывать своего русского героя одними и теми же словами. Ср., например:

Otra castiza de Samaria	Alta mar
El príncipe Pedro Kropotkin iluminaba el nuevo alojamiento con su ancha sonrisa barbuda, de apóstol eslavo. Los ojos, en una mirada clara, de una jovialidad campesina, no mostraban asombro, y su expresión podía ser de amorosa confianza en la caridad de los hombres. ⁶	El Maestro iluminaba el nuevo alojamiento con su ancha sonrisa barbuda de apóstol eslavo. Los ojos claros, de una jovialidad campesina, no mostraban asombro, y su expresión podía ser de amorosa confianza en la caridad de los hombres. ⁷
Князь Петр Кропоткин озарял свое новое жилище широкой бородатой улыбкой славянского апостола. Во взгляде его ясных глаз, исполненных крестьянской жизнера-	Мастер озарял свое новое жилище широкой бородатой улыбкой славянского апостола. В его ясных глазах, исполненных крестьянской жизнерадостности, не было

³ «Валье-Инклан придерживается точной исторической конкретности — недаром портрет Бакунина и сопровождающих его анархистских эмиссаров кажется подсказанным статьей Энгельса „Бакунисты за работой“»; «...весь эпизод с бакунистами, вся возвышенная фразеология и историческая безответственность Бакунина, сектантский фанатизм его сподвижников, их беспечность и практическая неприспособленность просветлены образом Фермина Сальвочеа» (Тертерян И. А. Испытание историей. С. 212, 213).

⁴ Иллюстрации к этому изданию выполнил знаменитый художник и график Рамон Пуйоль Роман (1907–1981). Портрет Петра Кропоткина см.: Valle-Inclán R. del. Otra castiza de Samaria (Estampas Isabelinas) // La novela de hoy (Madrid). 1929. № 392 (15 de noviembre). P. 30.

⁵ «Масштаб, который приобретает в романе фигура Бакунина, можно посчитать метафорическим отражением колоссальной популярности бакунинских идей в Испании» (Schiavo L. Sobre la génesis de *El ruedo ibérico*: «Otra castiza de Samaria» // Nueva revista de filología hispánica. 1976. № 25. P. 307). Здесь и далее перевод мой. — К. К.

⁶ Valle-Inclán R. del. Otra castiza de Samaria (Estampas Isabelinas). P. 10.

⁷ Valle-Inclán R. del. Baza de espadas. Barcelona, 1958. P. 102. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы.

достности, не было никакого удивления, лицо его как будто выражало любовную уверенность в людском добросердечии.	никакого удивления, лицо его как будто выражало любовную уверенность в людском добросердечии.
La ancha y barbuda sonrisa del Maestro, la frente calva, morena, luminosa, los claros ojos inocentes como dos berzas, producían una emoción religiosa en el compañero Salvochea. ⁸	La ancha y barbuda sonrisa, la frente calva, los claros ojos, inocentes como dos berzas, producían una emoción religiosa en el Compañero Salvochea (p. 103).
Широкая бородатая улыбка Мастера, его смуглый блестящий лоб, ошарашенный взгляд его ясных наивных глаз — все пробуждало в товарище Сальвочеа религиозный восторг.	Эта широкая бородатая улыбка, этот блестящий лоб, ошарашенный взгляд этих ясных наивных глаз — все пробуждало в Товарище Сальвочеа религиозный восторг.

Поэтому в дальнейшем я буду вести речь о едином персонаже, русском анархисте, которого пылкие сторонники (вслед за более скептическим автором) называют Мастер или Апостол. Все действие этой части романа происходит на корабле, вышедшем из Кадиса и находящемся в открытом море; Апостол отправляется в лондонскую ссылку, почти не имея денег. На корабле, волею автора, собрались революционеры и авантюристы самого разного толка — многие из них тоже имеют реальных прототипов, но их характеры и жизненные обстоятельства переосмыслены Валье-Инкланом; с ними русский анархист и ведет свои беседы. В «Открытом море» таких разговоров больше, чем в «Самаритянке» — просто потому, что этот позднейший вариант объемнее, хотя и написан на основе предыдущего; Бакунин даже произносит речи, в которых угадываются фрагменты из его работ. В «Открытом море» есть, например, такой эпизод: Бакунин улыбается в бороду, потому что слова капитана корабля, старого анархиста, о борьбе с индивидуальной моралью как будто повторяют его собственные формулировки из «Революционного катехизиса».

Первую характеристику русскому дает его восторженный поклонник, знаменитый анархист Фермин Сальвочеа (исторический Сальвочеа на рубеже веков переводил и публиковал статьи Кропоткина в газете города Кадис «Эль Сосиализмо» («El Socialismo»)). Фермин сразу же называет своего товарища Апостолом народа, и в дальнейшем религиозная доминанта в образе русского анархиста будет утверждаться последовательно и даже несколько назойливо.

В «Самаритянке» слова «апостол» и «апостольский» используются пять раз по отношению к Кропоткину и еще один раз так характеризуется Сальвочеа, который по сути и является апостолом Апостола. Иногда «апостол» пишется с прописной буквы, иногда со строчной — системы в этом нет. В «Открытом море», где Бакунин появляется чаще, — соотношение двадцать один к одному. Самого Фермина Сальвочеа другие персонажи часто называют святым, но при этом уточняют: «святой без желчи» — т. е. безобидный, незлобивый, беззащитный. Валье-Инклан подхватывает титулование Фермина — но временами, ситуативно, пользуется им в сниженно-ироническом ключе.

Конечно же, испанский писатель не первым назвал Бакунина апостолом; это определение закрепилось за русским анархистом и в русской, и в европейских национальных традициях. В статье 1906 года, посвященной Бакунину, «апостолом анархии» его назвал, например, Александр Блок.⁹ Каким же апостолом является двуликий герой Валье-Инклана? За исключением простого «апостол» или «бородатый апостол» он именуется:

- апостол народа;
- славянский апостол (это больше относится к внешности);
- апостол анархистской религии;
- апостол социальной революции;
- апостол мировой революции.

Последняя характеристика чаще употребляется в ироническом ключе: «Апостол мировой революции поднес палец к губам: — Потише. Здесь нас слишком хорошо

⁸ Valle-Inclán R. *del*. Otra castiza de Samaria. P. 12.

⁹ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2003. Т. 7. С. 40.

слышно» (р. 122); «Суматоха, поднятая троицей конспираторов, разбудила апостола мировой революции, который хорошенько угостился из бутылки с коньяком и устроил себе сиесту, уронив голову на стол» (р. 160); «Революционеры слушали апостола мировой революции. Отблески пламенеющего пунша искажали лица собравшихся и беззубый рот бородатого великана, который наставлял:

— Шведы используют черешневую водку, а мы здесь заменили ее ямайским ромом. Вместо рома мы могли бы взять орухо, он больше напоминает кирш. Как бы то ни было, надеюсь, что на вкус будет неплохо» (р. 185).

В «Самаритянке» Кропоткин назван «романским святым»; в той же фразе «Открытого моря» он — «романтический святой». По-испански разница в одной букве («románico» и «romántico»); повторение эпитета «романский» в другом фрагменте «Открытого моря» позволяет вести речь об опечатке. Русский анархист для Валье-Инклана — все-таки романский, крестьянский великан с детским сознанием, наивным и утопическим (все эти черты тоже прямо заявлены в обоих текстах).

Фермин Сальвочеа называет его Святым Павлом; однажды в тексте упоминаются его «густые брови евангелиста»; в другом эпизоде приверженцы Апостола завели в дальнем конце коридора «революционную литанию» (р. 108).

Русский анархист случайно именуется Мастером — в контексте романа это его масонское звание. Причем среди революционеров он не единственный масон; масонские треугольники и тайные обряды встречаются в тексте неоднократно: «Затем князь Кропоткин открыл дверь остальным и все скрепили братские обязательства объятьями, охваченные тайным восторгом посвященных в ритуал Треугольника» (р. 107). Даже попойка революционеров проходит в соответствии с обрядом: «Когда пламя на поверхности потухло, бородатый великан наполнил рюмки и собраты воздали должное шведскому пуншу, приветствуя друг друга символическим масонским ритуалом» (р. 185).

В отличие от «Самаритянки», в более позднем тексте рядом с Апостолом на корабле находится еще один русский персонаж — его полное имя *Arsenio Petrovich Gleboff*, однако сам Бакунин, направляющийся в Лондон, предпочитает называть его *Boy*. Глебов представляет собой совершенно иную ипостась русского революционера: «В столовую заглянул хмурый тщедушный растрепанный парнишка с подозрительными глазами под насупленными бровями цвета охры — лицо было как калмыцкая маска» (р. 86).

В коротком фрагменте «Открытое море» слово «mozalbate» (его можно перевести как «парнишка») употребляется шесть раз, и всегда применительно к Глебову. А калмыком Валье-Инклан называет его чаще, чем по фамилии или по прозвищу — двадцать один раз.

Авторитетная исследовательница творчества Валье-Инклана Леда Скъяво установила, что прототипом Глебова в «Открытом море» является знаменитый революционер-активист Сергей Геннадьевич Нечаев, за полвека до написания «Выигрыша шпага» послуживший прототипом Петра Верховенского в романе Достоевского «Бесы».¹⁰ В 1868 году Нечаеву был 21 год и он еще не успел эмигрировать из России. Широко известен его фотопортрет этого периода.¹¹

Испанский автор ничего не пишет о бороде Боя, но можно предположить, что ему была знакома и другая фотография,¹² по которой было сделано следующее описание: «Калмыцкая маска приобрела выражение яростной жестокости, рот искривился саркастической усмешкой, спутанные волосы цвета бычьей кожи падали ему на лоб и лезли в глаза, которые от этого слегка косили» (р. 79).

Именно этот персонаж вводит мотив детскости сознания Бакунина и первым говорит о необходимости его опекать и делать за него грязную работу: «Мастер — это гигантский ребенок, и все мы, кто его любит, хоть как-то ему помогаем, когда пачкаем руки в крови, устраняя тернии с его пути. Как бы вы обращались с ребенком? Мастер — ребенок, и он нуждается в опекунах» (р. 78).

¹⁰ Schiavo L. Sobre la génesis de *El ruedo ibérico*: «Otra castiza de Samaria». P. 305.

¹¹ См., например: Лурье Ф. М. Нечаев: Созидатель разрушения. М., 2001. Фото на обложке и на с. 3.

¹² См., например: Там же. С. 160.

В сюжете «Открытого моря» Бой не играет существенной роли, но Валье-Инклан уделяет много внимания его калмыцкой внешности и противоречивому характеру; по-видимому, писателя интересовал сам по себе тип жестокого революционера: «Арсений Петрович Глебов, этот неказистый парнишка со сверкающими глазами, порывистый в движениях, обладал душою отравленной и героической. То был маньяк всемирного разрушения, необычайно аскетичный в привычках, жестокий к самому себе и к другим; интриган в силу своих убеждений, строптивец в силу темперамента, способный переносить величайшие лишения, питаться черствыми корками и спать на камне — этот человек абсолютного отрицания и кальвинистской сухости любил и ненавидел Учителя» (р. 79).

Подтверждением тому, что Валье-Инклан ориентировался на реально существовавшего Нечаева, создателя «Катехизиса революционера», служит буквальное повторение в романе характеристики, которую Бакунин дал Нечаеву в известном письме к Альфреду Таландые. «Апостол мировой революции» у Валье-Инклана только говорит по-испански (а не пишет по-французски) и переставляет местами предложения, но в целом мы имеем дело с переводом строк Бакунина на испанский язык: «Когда надо служить тому, что он называется делом, он не колеблется и не останавливается ни перед чем и показывается так же беспощадным к себе, как и ко всем другим. Вот главное качество, которое привлекло меня и долго побуждало меня искать его сообщества... Это фанатик, преданный, но в то же время фанатик очень опасный и сообщничество с которым может быть только гибелью для всех... способ действия его отвратительный. <...> Во имя дела он должен завладеть вашей личностью, без вашего ведома. Для этого он будет вас шпионить и постарается овладеть всеми вашими секретами и для этого, в вашем отсутствии, оставшись один в вашей комнате, он откроет все ваши ящики, прочтает всю вашу корреспонденцию, и когда какое-либо письмо покажется ему интересным, т. е. компрометирующим с какой бы то ни было точки, для вас или одного из ваших друзей, он его украдет и спрячет старательно, как документ против вас или вашего друга. <...> Если вы его представите вашему приятелю, первую его заботу станет посеять между вами несогласие, дразни, интриги, — словом, посорить вас. Если ваш приятель имеет жену, дочь, — он постарается ее соблазнить, сделать ей дитя, чтобы вырвать ее из пределов официальной морали и чтобы бросить ее в вынужденный революционный протест против общества».¹³

Отношения с Боем помогают высветить и другие качества Бакунина: его добродушие, совестливость, непоследовательность, склонность к самообману и всепрощению. Сразу же по произнесении этой инвективы (привнесенной в ткань романа извне и поэтому, как представляется, избыточной) Апостол раскаивается в своих словах и чувствует внутреннюю потребность примириться с Боем: «Мастер в шутку потянул его за вихры. Этот голубоглазый великан даже не сознавал, насколько комично его поведение: неспособный долго злиться, непостоянный и противоречивый, он чувствовал смутные угрызения совести за резкость суждений о своем ученике. Выплеснув всю желчь своего гнева, он снова убеждал себя, что любит Боя. Учитель прикрывал свои сомнения, таская его за волосы» (р. 86).

Рамон Мария дель Валье-Инклан умер в 1936 году, не успев завершить, связать в единое целое свою масштабную эпопею. Русские персонажи появляются только в одном из написанных эпизодов «Арены иберийского цирка», хотя тема анархизма, в его испанском, во многом бакунинском изводе,¹⁴ возникает и в других частях «Арены». Сопоставительное чтение показывает, что текст эпизода на корабле между публикацией «Самаритянки» и «Открытого моря» подвергся не только расширению, но и серьезной стилистической правке, и мы не знаем, какими бы предстали русские революционеры, если бы Валье-Инклан закончил свой романский цикл. Зато нам известно, какими писатель видел их в 1929 и 1932 годах.

¹³ Письмо М. Бакунина к А. Таландые (24 июля 1870) / Пер. с фр. М. П. Драгоманова // Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896. С. 393–395.

¹⁴ Исторический обзор см.: Федоров А. Ю. М. А. Бакунин и становление анархизма в Испании // Человек из трех столетий (Прямухинские чтения — 2014, международная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения М. А. Бакунина). М., 2015. С. 359–381.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-215-218

© О. А. Лекманов

О СТИХОТВОРЕНИИ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА «ЧЕРНОЗЕМ»*

Чернозем

Переуважена, перечерна, вся в холе,
Вся в холках маленьких, вся воздух и призор,
Вся рассыпаясь, вся образуя хор, —
Комочки влажные моей земли и воли...

В дни ранней пахоты черна до синевы,
И безоружная в ней зиждется работа —
Тысячехолмие распаханной молвы:
Знать, безокружное в окружности есть что-то.

И все-таки земля — проруха и обух.
Не умолить ее, как в ноги ей ни бухай, —
Гниющей флейтою настраживает слух,
Кларнетом утренним зазывает ухо...

Как на лемех приятен жирный пласт,
Как степь лежит в апрельском провороте!
Ну, здравствуй, чернозем: будь мужествен, глазаст...
Черноречивое молчание в работе.

Апрель 1935¹

Согласно воспоминаниям Н. Я. Мандельштам, «вокруг „Чернозема“» «группировались» «все стихи» начального воронежского периода поэта.² Бросающаяся в глаза особенность стихотворения — в каждой строфе образы, связанные с землей, последовательно воплощаются через образы, связанные со звуками (речи или музыки), и через это, очевидно, с искусством и уже — с поэзией. В первой строфе земля образует хор; во второй — предстает в виде «распаханной молвы»; в третьей — в виде «гниющей флейты» и «кларнета»; четвертая, финальная строфа завершается упоминанием о «черноречивом молчании».

Как можно описать связь чернозема и поэзии в стихотворении? В чем она, по Мандельштаму, состоит? На эти два вопроса, как кажется, помогает ответить авторская оценка стихотворения, зафиксированная в письме его воронежского друга С. Б. Рудакова к жене: «„Чернозем“ — вещь реакционная: акмеистическая строфика с обновленной инструментровкой, вещь из „Камня“, источники — „Адмиралтейство“ etc.».³

Не затрагивая сейчас переключек «Чернозема» со стихотворением Мандельштама «Адмиралтейство» (о них в свое время интересно писал В. В. Мусатов),⁴ напомним, что первое издание книги поэта «Камень» (1913) завершается поэтическим манифестом акмеизма, стихотворением «Notre Dame» (1912), которое венчается такой строфой:

* Благодарю Р. Г. Лейбова, Д. М. Магомедову, А. С. Немзера и К. М. Поливанова за ценные замечания, высказанные при обсуждении этой работы.

¹ Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2009. Т. 1. С. 199.

² Мандельштам Н. Я. Комментарий к стихам 1930–1937 гг. // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж, 1990. С. 250.

³ О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О. Э. Мандельштаме. СПб., 1997. С. 57.

⁴ Мусатов В. В. Лирика Осипа Мандельштама. Киев, 2000. С. 458–459.

Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,
Я изучал твои чудовищные ребра,
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам...⁵

В стихотворениях периода «Камня» Мандельштам «создавал прекрасное» из слов как из камней (отсюда и название его первой книги). В Воронеже он собрался строить свою новую поэзию из слов как из «комочков влажных» «чернозема». Иначе говоря, перед нами манифест «нового акмеизма», в котором камень как строительный материал заменяется землей.

Исследователи уже писали, в том числе и в связи с «Черноземом», о тех значениях образа *земли*, которые актуализировались для Мандельштама в воронежской ссылке.⁶ Попробуем теперь рассмотреть, как поэт столкнул эти значения в разбираемом стихотворении при помощи «акмеистической строфики».

Если в «Notre Dame» две четные строфы были противопоставлены нечетным, знаком чего служил противительный союз «но» в зачине четных строф, в «Черноземе» третья строфа противопоставлена первой, второй и четвертой через конструкцию «И все-таки...» в начале этой строфы.

В первой, второй и четвертой строфах люди объединяются на земле для созидательного коллективного труда. А в третьей строфе сконцентрированы мотивы, связанные с темой беды, смерти и, соответственно, могильной земли. В первом стихе третьей строфы свернуты две зловещие идиомы — «И на старуху бывает *проруха*» и «как *обухом* по голове»;⁷ во втором стихе земля предстает в своей неумолимой, грозной ипостаси; в третьем и четвертом стихах возникает прямо намекающий на могилу мотив гниения, а также мотив холода («зазябливает»);⁸ Не подразумевается ли в этих двух стихах похоронный оркестр?

Впрочем, благодаря словосочетанию «гниющей флейтой»⁹ даже устойчивый мотив разложения в земле, как представляется, превращается у Мандельштама в едва ли не позитивный, ведь из этого могильного гниения рождается музыка. Выразительную параллель (не подтекст!) к этому комплексу мотивов (рождение, которое невозможно без смерти и погребения, рождение, буквально вырастающее из смерти) содержат два стиха о смерти и возрождении *зерна* из знаменитого стихотворения Владислава Ходасевича «Путем зерна» (1917):

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.¹⁰

У Ходасевича дальше следует проекция пути зерна в земле на судьбу самого поэта:

Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.¹¹

⁵ Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 62.

⁶ См.: Baines J. Mandelstam's later poetry. Cambridge, 1976. P. 112–115; Никитина Т. Формирование мифологемы «чернозем» в лирике О. Мандельштама 1908–1925 гг. // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры. Тюмень, 2001. Вып. 5. С. 106–110; Гаспаров Б. М. Севооборот поэтического дыхания: Мандельштам в Воронеже, 1934–1937 // Новое литературное обозрение. 2003. № 63. С. 28–30.

⁷ Не названные, но как бы подразумевающиеся в этом стихе «старуха» и «топор», вероятно, указывают на роман Достоевского «Преступление и наказание», тема которого — воскресение личности после ее духовной смерти — соотносится с темой «Чернозема». Обратим внимание на то обстоятельство, что сцена с поцелуем «грязной земли» — одна из важнейших в романе Достоевского.

⁸ Ср.: Мусатов В. В. Лирика Осипа Мандельштама. С. 460.

⁹ Можно предположить, что упоминание о «флейте» в «Черноземе» должно было напомнить внимательному читателю о шекспировском «Гамлете». Тема «Гамлетовские мотивы у Мандельштама» еще ждет своего исследователя.

¹⁰ Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 2009. Т. 1. С. 85.

¹¹ Там же.

Учитывая ситуацию Мандельштама апреля 1935 года (написание в 1933 году антисталинского стихотворения — арест — ожидание расстрела — мягкая ссылка с возможностью продолжать писать), наверное, биографическую проекцию будет уместно сделать и для возникающего в «Черноземе» и некоторых других воронежских стихотворениях соотношения мотивов погребения и возрождения из земли. Отметим, что тема воскрешения прямо обозначается в первом стихе отпочковавшегося от «Чернозема» мандельштамовского стихотворения, написанного в том же апреле 1935 года:

Я должен жить, хотя я дважды умер,
А город от воды ополоумел:
Как он хорош, как весел, как скуласт,
Как на лемех приятен жирный пласт,
Как степь лежит в апрельском провороте,
А небо, небо — твой Буонаротти...¹²

Возможно, что именно с темой смерти, совмещенной с темой рождения и воскрешения, связано упоминание о «земле и воле» в последнем стихе первой строфы. Еще Наталья Штемпель увидела здесь обыгрывание названия тайного революционного общества, чей съезд собрался в 1879 году в Воронеже.¹³ С одной стороны, в деятельности «Земли и воли» принимал активное участие и присутствовал на съезде в Воронеже А. И. Желябов — один из организаторов убийства Александра II, казненный за это в 1881 году, в том самом месяце, которым датирован «Чернозем». С другой стороны, главное политическое требование «Земли и воли» заключалось в передаче всей земли крестьянам в равных долях. То есть созидание и смерть, смерть ради созидания на земле были тесно увязаны в сознании членов организации. Отметим также, что при распаде «Земли и воли» в том же 1879 году было образовано тайное общество «Черный передел», чье название значимо перекликается с названием и ключевыми мотивами разбираемого стихотворения Мандельштама.

В заключение скажем несколько слов про «обновленную инструментовку» «Чернозема», что даст нам возможность прояснить ряд конкретных образов этого стихотворения. Обращает на себя внимание обилие окказионализмов, которые встречаются последовательно, в каждой строфе, причем построены все эти окказионализмы по «хлебниковской модели». Именно Велимир Хлебников когда-то конструировал свои окказионализмы, объединяя в одно новое слово два похожие звучащих и уже существовавших до этого в языке и добиваясь тем самым обогащения значений слов и экономии средств языка (вместо двух слов можно употребить одно). В статье «Наша основа» (1919) Хлебников иллюстрировал рассказ о своем способе строительства окказионализмов следующими примерами: «Если мы имеем пару таких слов, как *двор* и *твор*, и знаем о слове *дворяне*, мы можем построить слово *творяне* — творцы жизни. Или, если мы знаем слово *землероб*, мы можем создать слово *временахарь*, *временароб*, т. е. назвать прямым словом людей, так же возделывающих свое время, как земледелец свою почву».¹⁴

Кажется очевидным, что в стихотворении «Чернозем» Мандельштам пошел как раз по этому пути. В первой строфе определения *переуважена* и *перечерна* сложены из слов *перепажана* + *уважена* + *унавожена* и *перепажана* + *черна*. Во второй строфе пространственная характеристика *тысячехолмие* не просто превращает в одно слово два (*тысяча холмов*), но, вероятно, вбирает в себя временную характеристику *тысячелетие*.¹⁵ В финале строфы эпитет *безокружное* складывается из употребленных в этой же строфе слов *безоружная* и *окружность*, а также, по-видимому, эпитета

¹² Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 198.

¹³ Штемпель Н. Мандельштам в Воронеже // Новый мир. 1987. № 10. С. 207.

¹⁴ Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 626.

¹⁵ Ср. в позднейшем стихотворении Мандельштама «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» (1937): «Все млаожаое его *тысячелетье*» (Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 309).

безграничное. В третьей строфе глагол *настраживает* складывается из глаголов *настраивает* + *настораживает*, а глагол *заябливает* — из глагола *зябнуть* + существительное *зяблик* (кларнет играет зябким утром и звучит для уха, как песня зяблика) + существительное *зябь* (вспаханное поле). И наконец, в финальной, четвертой строфе стихотворения существительное *поворот* сложено из глагола *провернуть* + существительное *поворот*, а эпитет *черноречивое* образуется из освежения стертой метафоры *красноречивое молчание*, приложенной к перепаживанию *чернозема*.

Таким образом, акмеизм в разбираемом стихотворении сращивается с футуризмом, а происходит это сращение на плодородной воронежской почве.¹⁶

¹⁶ Отметим, что именно в воронежском журнале «Сирена» при посредничестве самого футуристического из акмеистов поэта — Владимира Нарбута в 1919 году был опубликован манифест Мандельштама «Утро акмеизма».

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-218-228

© Е. Е. Вахненко

ОЧЕРКИ IN MEMORIAM В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ А. М. РЕМИЗОВА: НОВОНАЙДЕННОЕ «ПОСЛАНИЕ» ПАРИЖСКОМУ НЕКРОПОЛЮ*

Тема памяти в творчестве Ремизова является смыслообразующим началом художественного повествования, в котором авторское «Я» максимально объективировано, а жизненный опыт представлен в контексте исторических и культурных событий. Она позволяет выделить в наследии писателя ряд произведений, по формальным признакам относящихся к литературной публицистике поминального характера, условно соответствующих жанру некролога и надгробного слова, а по сути, являющихся законченными художественными произведениями, разновидностью автобиографической прозы. В этих текстах субъективное начало превалирует над фактографическим, документальным описанием вех жизненного пути адресатов; они созданы в свободной манере (творческая рефлексия, размышления автора о литературе, рассуждения о личностном потенциале ушедших «спутников», ярко выраженное лирическое начало) и значительно отличаются от традиционных некрологов, в которых содержание обусловлено формой и ключевой идеей — донести до читателя весть о смерти человека, кратко и объективно осветить этапы биографии, определить его роль в социальной и культурной жизни.

Некролог и надгробное слово¹ как жанры официального дискурса ориентированы, прежде всего, на публичную демонстрацию скорби, но при этом не лишены субъективной эмоциональной окраски. Поскольку произведения Ремизова, соответствующие литературно-публицистической форме *In memoriam*, не поддаются строгой соотнесенности с традиционными мемориальными жанрами (насыщены глубоко личными переживаниями, размышлениями, оценками, лирическими отступлениями), для их описания в работе используются следующие определения: «памятное слово» (в значении речь, обращение), текст памяти и «мемориальный» очерк. Такие произведения, связанные с личной памятью, в творческом наследии Ремизова имеют осо-

* Публикация выполнена при поддержке РНФ (проект № 20-18-00007).

¹ Жанр траурной речи представлен Ремизовым надгробным словом, произнесенным на похоронах С. П. Ремизовой-Довгелло в мае 1943 года. См.: Грачева А. М. Алексей Ремизов: <Надгробное слово на похоронах С. П. Ремизовой-Довгелло> // Скрещения судеб / Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen. A Festschrift for Fedor B. Poljakov. Berlin et al., 2019. С. 545–549.

бый вариант структурно-смыслового образования и восходят к конкретным образцам литературной и культурной традиции.

В первые годы вхождения в литературу, в вологодский период (1902–1903), писатель обращается к жанру шуточного «некролога». Несомненно, эти ранние эксперименты, по форме и содержанию напоминающие зарисовки из жизни вологодских ссыльных, не лишены жанровых признаков мемориального текста: отображается личность «покойного» в границах жизненного пути или событий, его определяющих; прощальные слова, обращенные к «усопшему». Однако в шуточных «некрологах», которые имеют жизнеутверждающий характер, Ремизов не скорбит об «ушедших» и не говорит об утрате, он акцентирует внимание на творческом потенциале современников, идее витальности, утверждая полноту и свободу их мировой экспансии и самореализации.² Изображая своих «спутников» в нелепых бытовых ситуациях и нередко нарушающими общепринятый порядок эксцентричным поведением, он представляет не портрет личности, а условный эстетический образ, созданный художественным сознанием. Природа этих текстов, основанных на игре и пародировании,³ отчетливо соотносится с сатирическим философским жанровым образованием, которое М. М. Бахтин обозначил термином «мениппея»,⁴ что нашло отражение и в других «мемориальных» текстах Ремизова — «подорожиях».

В название жанрового образования «подорожие» Ремизов вложил особенный смысл, оперируя значениями, закрепленными за словом «подорожная» («бумага, дающая право на проезд в определенном направлении»),⁵ фольклорной формой напутственного заговора и заупокойной молитвы в православной церковной традиции:⁶ «Всякий отбывший срок ссылки, в канун отъезда устраивал прощальный вечер, я заготавливал это „подорожие“, по-старому сказать подорожие, напутствие, некролог <...> Некрологи я писал на листе в виде свитка с закорючками и завитками».⁷ С этого ракурса «подорожия» в контексте игровой действительности можно рассматривать как пародию на обрядовую традицию произнесения траурных речей умершим. В этих произведениях отношение автора к субъекту повествования отличается от коммуникативной ситуации в тексте поминального характера: скорбные слова о трагической утрате заменяются шуточной инвективой, жизнеутверждающей речью, наполненной словами благодарности и напутствием к новому этапу жизни. И в шуточных «некрологах», и в «подорожиях» Ремизов раскрывает идею витальности, сопротивления и преодоления смерти, духовного перерождения, понимания и осмысления человеком собственного бытия.

Примером художественного «мемориального» текста, в котором Ремизов развил эту идею, является мемуарная книга «Кукха. Розановы письма» (1923). В повествовании неопровержимость жизненных фактов и событий ставится под сомнение, авторская мысль обретает иной социально-философский ракурс — преодоление смерти,⁸

² См. шуточные «некрологи» П. Е. Щеголеву, И. А. Давыдову, Н. М. Ионову, Н. К. Мукалову, И. А. Неклепаеву, З. В. Александровой, которые Ремизов включил в цикл «Подорожие»: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень / Подг. текста, комм., послесловие А. М. Грачевой, О. П. Раевской-Хьюз.

³ Подробнее см.: Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001; Ремизов А. М. Академик Павел Елисеевич Щеголев, 1901–1903 / Вступ. заметка, публ. и прим. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 186–191.

⁴ Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2002. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х–1970-х годов. С. 128–135.

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2006. Т. 3. С. 189–190.

⁶ Подробнее см.: Обатнина Е. Р. «Золотое подорожие» А. М. Ремизова: Текст и контекст // Русская литература. 2007. № 4. С. 89–107.

⁷ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8. С. 485.

⁸ А. Данилевский отметил инверсивный характер повествования, основанный на игре и пародировании, соотнес жанровую природу произведения с мениппеей. См.: Данилевский А. Из комментариев к «Кукхе» А. М. Ремизова // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*: Проблемы русской литературы и культуры / Под ред. Л. Бюклинг и П. Песонена. Helsinki, 1992. С. 100 (*Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*; vol. 3).

сохранение памяти о В. В. Розанове как о самоцельной и самодостаточной личности через серию бытовых зарисовок, анекдотических ситуаций, фрагментов писем и воспоминаний в контексте жизненного пути Ремизова, биографических реалий и духовного опыта.⁹ Открывает книгу послание Розанову — обращение к умершему, что подтверждает авторскую идею торжества жизни, победы над смертью, сохранения духовной связи с соотечественником как с живым: «Это я вам, Василий Васильевич, эту Кукху —».¹⁰

Первые отклики на смерть современников были написаны Ремизовым в 1918–1919 годах как фрагменты воспоминаний о жизни в революционном Петрограде и включены в роман-хронику «Взвихренная Русь» (1927): «Первая смерть»¹¹ (памятное слово о докторе медицины А. Д. Нюренберге) и «Три могилы» (о докторе С. М. Поггенполе, литераторах Ф. И. Щёколдине, В. В. Розанове).¹² От ранних опытов в жанре шуточного «некролога» в ремизовских откликах на кончину современников сохранился принцип субъективной психологической зарисовки: образ ушедшего представлен автором сквозь призму яркого воспоминания о ситуации, пережитой совместно и раскрывшей человека как уникальную личность. Ремизов включил эти тексты в ткань автобиографического повествования, реконструировал отдельные бытовые эпизоды, сделал их частью рассказа о восприятии переломных событий, вехами своего жизненного пути.

В эмиграции тексты памяти, посвященные умершим «спутникам», приобрели жанровую определенность: «А теперь я пишу не „некрологи“, а память пишу усопшим».¹³ «Мемориальные» очерки создавались Ремизовым в свободной форме: основанные на рассказах-воспоминаниях о встречах с современниками, они содержат признаки других жанров: эссе (субъективная концепция действительности, экзистенциальная рефлексия автора, повествование о личных исканиях, собственном духовном опыте, наличие двух смысловых центров — образа автора и образа героя, максимально сближающихся в повествовании), художественного очерка (обращение к реальным событиям, которые связаны с социальной, культурной жизнью и историей), элегии (минорная интонация, мотивы смерти, угасания, увядания, медитативность повествования). Но определяющим принципом, позволяющим отнести эти произведения к жанру «памятного слова», является прямая соотнесенность со смертью конкретного человека, что сближает их с некрологом и надгробной речью, официальными откликами на уход человека из жизни. Наиболее близким к жанру «памятного слова» становится авторское определение «встреча», которое Ремизов использовал в названии рассказа-воспоминания «Встреча (П. Н. Милюков)»; оно нашло отражение в заглавии автобиографического повествования «Встречи. Петербургский буерак» (1981), данным владельцем парижского издательства «LEV».¹⁴ В этой книге воспоминаний собраны литературные очерки, рассказы об ушедших знакомых и живых «спутниках» писателя, память о которых была особенно значима для него и определяла специфику мировосприятия.

Очерки *In memoriam* имеют в творческом наследии Ремизова разную эмоциональную окрашенность и содержательную наполненность. Поскольку в основу текстов по-

⁹ О поэтике книги и специфике авторской позиции см.: *Обатнина Е.* Вариации памяти (Творческая история «Кукхи» и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове) // Ремизов. А. М. Кукха: Розановы письма / Сост., подг. текста, статья, комм. Е. Р. Обатниной. СПб., 2011. С. 231–319 (сер. «Литературные памятники»).

¹⁰ Там же. С. 5.

¹¹ Впервые некролог как часть цикла художественных зарисовок опубликован под заголовком «Из „Временника“: Доктор Нюренберг» (Почта вечерняя. 1918. 18 апр. № 8. С. 4), после напечатан в берлинском литературном ежемесячнике «Эпопея» (1922. № 2. С. 81–83) в составе цикла «Всеобщее восстание. Временник» под названием «Первая смерть».

¹² Отклик опубликован в журнале «Записки мечтателей» (1919. № 1. С. 71–72).

¹³ Ремизов А. М. Кукха: Розановы письма. С. 197.

¹⁴ Подробнее см. комментарии к истории текста «Петербургский буерак»: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10. Петербургский буерак / Подг. текста, статья, указатель, комм. А. М. Грачевой, О. А. Линдеберг. С. 463–465.

ложено авторское «Я», то именно оно определяет особенный модус восприятия и ракурс изображения: от личной жизни человека, его внутреннего мира и специфики понимания действительности до истории литературной эпохи.

Несомненно, все «памятные слова» создавались Ремизовым как художественные произведения. Об этом свидетельствует кропотливая редакторская работа над текстом, прежде всего, его стилистическая правка и поиск подходящего заглавия, которое отражает концепцию произведения.

Так, на смерть поэта В. В. Диксона Ремизов откликнулся двумя очерками, датированными 18 и 19 декабря 1929 года. Черновая редакция под названием «В. В. Диксон» является проникновенным прощальным словом о человеке, близком по духу и образу мыслей, текстом глубоко личного содержания, окрашенным переживанием трагической судьбы поэта, предвидения и предчувствия его неизбежного ухода: «Никак не могу примириться с вашей смертью. Знаю, там вам лучше. — Знаю, что смерть <—> рождение в новую жизнь и переход в эту жизнь для вас <—> избавление от всей душевной муки, какая легла на вашу долю. И вот все-таки я, не могу я свыкнуться. Наши занятия шли параллельно: вы мне рассказывали о кельтах, потом о Византии, и теперь мне не с кем отвести эту мою нетерпеливую все успеть душу. Но еще, не кельты и Византия, но это мое: я вам верил. Я всегда думал, мало ли чей случай, вы не оставите. И вот теперь опять в пустоте. Я знал, что ваши дни сочтены, и в вас было много того духа, и таким назначен краткий срок. Это я не знаю своего прихода, я сказал себе: когда вы сидели, как вы вошли, и сели вечером,> словом, я подумал — вестник, с опущенными крыльями. Тысячу раз я обманывался, но на этот раз я не ошибся. Я знал, что вы помрете — но так как я не доверял себе — я молчал: в день получения от вас письма, что вы решили делать операцию: я видел, как я выношу новый гроб. И потом, когда подал и> известие и все оказалось благоприятно; вижу опять какие-то вас выносят. С вашей смертью начнется и у нас новая жизнь. Я знал это, но все-таки если бы можно было определить срок. Гадая, очень трудно все, а какая грядет трудная жизнь без вас».¹⁵

Второй «мемориальный» очерк, опубликованный под заголовком «Этот камушек. Памяти Владимира Диксона» в парижской газете «Последние новости» (1929. 22 дек. № 3196), в черновых редакциях имеет несколько названий: «Жалостное сердце. Памяти В. В. Диксона», «Камушек — памяти Владимира Васильевича Диксона —», «Этот камушек — Памяти Владимира Васильевича Диксона — † 17.12.29». Ремизов представил современника как человека глубоко и тонко чувствующего, избранника, которому было дано «жалостное сердце», наполненное мудростью и состраданием. С Диксоном Ремизова сближает и память о русском севере, Вологде и Сольвычегодске (Диксон родился в с. Сорново Нижегородской губернии), как о значимом отрезке жизненного пути, связанном с обретением будущим поэтом духовного опыта, знаний о русской культуре. Об этом он скажет в стихотворении 1927 года: «Если в глухой вологодской деревне / Свечка горит пред иконой святой — / Не от тебя ли, сильной и древней, / Веру мы приняли, свет и покой?»¹⁶ Камушек Ремизова — символ неразрывной связи с русской землей, страдания и нелегкой судьбы («У всякого есть свой камушек <...> свое тяжелое и горькое — беда, свое невыносимое — доля...»¹⁷), как горсть родной земли, брошенной в могилу: «Мой бедный брат — сторона небывалая! — вот камушек — он с белых берегов Двины, сбереженный из красноречивого Сольвычегодска — за вашу любовь к России, за ваше измучившееся жалостью сердце и за вашу пламень перед высоким духом неподдельным, открывшимся в вашем сердце — это вам — этот камушек — мое последнее».¹⁸

¹⁵ Amherst Center for Russian Culture. The A. Remizov and S. Dovgello-Remizova Papers. Box 11. Folder 13. P. 1a. Текст воспроизводится впервые, сообщен Е. Р. Обатниной.

¹⁶ Ремизов А. М. Владимир Диксон. 1900–1929 // Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2018. Т. 14. Звезда надзвездная / Под ред. А. М. Грачевой; подг. текста, статья, указатель, комм. А. д'Амелия, В. Н. Быстрова, Н. Ю. Грыкаловой, О. А. Линдеберг. С. 289.

¹⁷ Ремизов А. М. Камушек // Там же. С. 130.

¹⁸ Ремизов А. М. Этот камушек. Памяти Владимира Диксона // Там же. С. 284.

Лирические интонации, исповедальность, эмоциональный накал ремизовского обращения как продолжение разговора при жизни выделяют эти высокохудожественные произведения из ряда общепринятых поминальных текстов.

Ярким примером такого очерка является отклик писателя на смерть А. А. Блока «Из огненной России (Памяти Блока)», датированный 7 ноября 1921 года.¹⁹ «Памятное слово» насыщено реминисценциями, отсылками к реалиям петроградской действительности, авторскими откровениями: «А знаете, это я теперь узнал за границей, что для русского писателя тут, пожалуй, еще тяжче, и писать не то что невозможно, а просто нечего: ведь только в России и совершается что-то, а тут — для русского-то — пустыня».²⁰ Смерть Блока совпала для Ремизова с днем, когда он пересекал государственную границу, и стала значимым этапом, знаменующим окончание существенно-го отрезка жизненного и творческого пути. Личность поэта и его литературная судьба передана автором в сопряжении с собственной жизнью и воспринята с позиций индивидуального переживания. Поэтому слово о Блоке — это своего рода исповедальный текст, духовное откровение: «Из разных краев, разными дорогами проходили мы до жизни и в жизни, по крови разные — мне достались озера и волшебные алтайские звезды, зачаровавшие необозримые русские степи, вам же скандинавские скалы, северное небо и океан, и недаром выпала вам на долю вихревая песня взбаламученной вздыбившейся России, а мне — погребальная над краснозвонной отошедшей Русью <...> Судьба с первой встречи свела нас в жизни и до последних дней. И в решающий час по запылавшим дорогам и бездорожью России через вой и вихрь прозвучали наши два голоса России —

на новую страдную жизнь
и на вечную память».²¹

Лейтмотивом в текстах памяти звучит мысль о беспредельности духа, сверхсознании, возвысившемся над земным и ограниченным, о постижении тайны мира и человека: «Бедный Александр Александрович! <...> Счастлив ли дух ваш? Хотя на мгновение вы обрадовались там — вы радовались за гранью этой жизни, этой бушующей лировой ночи? Или вам еще предстоит встреча — счастливые дни? <...> А звезда его — трепет сердца слова его, как оно билось, трепет сердца Лермонтова и Некрасова — звезда его незакатна. И в ночи над простором русской земли, над степью и лесом, я вижу, горит».²² «Николай Александрович, вы слышите? <...> Но ведь это все создано „безумием“, вы говорите, и там, за этим там, не все „в порядке“, совсем не „как надо“, иначе не было бы ни земли, ни звезд и никаких законов, а один бы Дух Божий носился над бездной бесформенной, как мечта».²³ Такой подход сближает «памятные слова» Ремизова с жанром видений в средневековой литературной традиции: автор в состоянии максимального духовного напряжения как сновидец или ясновидец постигает явления запредельного мира, открывает читателю истины трансцендентного бытия.

В «памятных словах», обращенных к Диксону, Блоку, Бердяеву, отмечается духовная близость Ремизова с современниками, глубинные личные отношения, тождество мироощущения и миропонимания.

Еще одной разновидностью «мемориальных» очерков можно назвать тексты, которые Ремизов выстраивает как сложное сюжетно-композиционное единство, в котором лирические отступления, отличающиеся высокой образностью и поэтичностью, сны и видения перемежаются с характеристикой личности современника и описанием знаковых событий его жизни в контексте культурной и литературной истории эпохи. В 1926 году Ремизов в письме Л. Шестову определил специфику такого типа очерков:

¹⁹ Впервые текст опубликован в газете «Последние новости» (1921. 2 дек. № 500. С. 2–3), в 1922 году воспроизведен в изданиях: «Голос России» (8 янв. № 860. С. 3–4), «Звено» (№ 1. С. 8–16), «Художественная мысль» (10–22 апр. № 9. С. 12–15), в 1927 году включен автором в книгу «Взвихренная Русь» под заголовком «К звездам: Памяти А. А. Блока».

²⁰ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 324.

²¹ Там же. С. 328.

²² Там же. С. 323–324, 332.

²³ Ремизов А. М. Николай Александрович Бердяев // Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8. С. 495.

«Сейчас пишу для благонамерен<ного>²⁴ (если он будет № 3) некролог Добронравову <...> Это не некролог, а итог с 1905–1914 о русской прозе».²⁵ Задачей «памятных слов», посвященных Н. Евреину, Л. Шестову, Е. Замятину, И. Болдыреву-Шкотту, Я. Гребенщикову, В. Лурье, Л. Добронравову, является отражение личности современников в русле эпохи, определение их места, значения во времени как сохранение культурного единства, памяти поколения.

Например, содержанием некролога «Стоять — негасимую свечу: Памяти Евгения Ивановича Замятина. 1884–1937» становятся размышления о литературе и уникальности творческой натуры младшего современника: «„Стоять — негасимую свечу“, так в старину о канонниках, читают псалтырь, так мне сказалося о Замятине, о его словесной работе. Только Андрей Белый так сознательно строил свою прозу, а положил „начал“ Гоголь — первый Флобер в русской литературе, а за Гоголем, за Марлинским, Слепцов... <...> Замятин учил прозе, и не один из современных писателей обязан его науке. Замятин незаменимый педагог, и если матерьял оказался неблагодарным, не его вина».²⁶

В тексте «Памяти Льва Шестова» (1938) Ремизов вводит характерную для собственного автобиографического повествования тему размышления над смыслом бытия человека в контексте рассуждения о трактате Шестова «Апофеоз беспочвенности». Писатель неслучайно апеллирует к работе философа и развивает тему познания человеком мира, лишённого системности и логики, которую обозначил в ранней статье «По поводу книги Л. Шестова „Апофеоз Беспочвенности“».²⁷ Идея поиска выхода из мира объективной определенности, догматичности является неотъемлемой частью ремизовского мироощущения, она созвучна теме бунта человека против размеренности, рациональности существования, которую поднимает философ в трактате: «Шестовское „безумие“ — „апофеоз беспочвенности“ был вызов именно этой мировой бездушной машинности, этому подлинно бесчувственному идолу, „логизирующему сухарю“, для которого горячее человеческое сердце с его безграничной волей и чудесами — сапогом! —: „дважды два четыре!“».²⁸ Мысль об иррациональной природе «подпольного» человека, стремящегося отстоять свою свободную волю вопреки логически упорядоченной действительности, обозначенная еще в творчестве Достоевского («Записки из подполья», 1864), была развита Ремизовым в романах «Пруд» (1905), «Часы» (1908), повестях «Крестовые сестры» (1910), «Пятая язва» (1912), и в мемориальном тексте отразилась в другой смысловой направленности — обреченности человека на страдания в мире математической размеренности, «тупой „разумности“ и холодной „расчетливости“ <...> без слуха к живой трепещущей жизни».²⁹ Мировоззрение Шестова, его истокование природы человека нашли отклик в творческом сознании писателя: лейтмотивом в произведении Ремизова проходит тема поиска жизненного пути. Ремизов воспринимает философа как духовно близкую натуру, отмечает совпадение взглядов на мир, понимание друг друга с полуслова: «Во всех моих „комедиях“ Шестов играл неизменно главную роль...»; «Рыбак рыбака видит издалека!»; «Мне с моим взбалмошным миром без конца и без начала, Шестов пришлось на руку, легко

²⁴ «Благонамеренный» — журнал русской литературной культуры, издававшийся в Брюсселе кн. Д. А. Шаховским в 1926 году (вышло две книги). Третья часть этого журнала не увидела свет. Подробнее см.: Шаховской И. Биография юности: Установление единства. Paris, 1977.

²⁵ Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 2. С. 156. Очерк «„Заветы“. Памяти Леонида Михайловича Добронравова. 1887 — † 26.5.1926» впервые опубликован в журнале «Версты» (1927. № 2. С. 122–128).

²⁶ Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10. С. 301, 305.

²⁷ См.: Вопросы жизни. 1905. № 7. Отд. I. С. 204. Рецензия включена в книгу «Крашенные рыла: Театр и книга» (Берлин, 1922. С. 124–126).

²⁸ Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 9. Учитель музыки: Каторжная идиллия / Подг. текста, статья, комм. А. д'Амелия, А. М. Грачевой. С. 434.

²⁹ Там же. С. 433–434. См. также: Сёке К. «Апофеоз беспочвенности»: Лев Шестов и Алексей Ремизов: Точки соприкосновения двух типов художественного мышления в русской литературе XX века // Dissertationes Slavicae. 1982. № 15. С. 105–120.

и свободно я мог отводить свою душу на всех путях ее „безобразия“. И моим „фантазиям“ Шестов верил, доверчиво принимая и самое „несообразное“». ³⁰

В очерке «Савинков. — *Le tueur de lions* —» образ революционера, товарища по вологодской ссылке, представлен Ремизовым как размышление об исключительном и уникальном феномене — титаническом, волевом характере современника, роковой обреченности, избранничестве и предопределенности его судьбы. Здесь нет указаний на вехи жизненного пути и поворотные исторические события, которые сформировали личность политического деятеля: «Явление Савинкова роковое. Он должен был и не мог не совершить того дела, которое ему было назначено и для которого он родился <...> Суд над Савинковым был его судом над собой. То созидание — то во имя, которым двигалось его разрушение, осуществлялось, но для полного осуществления требовало последнего действия — устранения того тирана, который вызвал его к жизни». ³¹ В подзаголовке текста Ремизов назвал Савинкова «*Le tueur de lions*» (убийца льва), где лев олицетворяет сущность революционера-исполина, призванного, завершив дело, истребить себя. Оценивая личность современника, он отметил неспособность Савинкова к свободному самовыражению, его преданность революционному делу и подчиненность цели, «борьбе и победе — для которой он родился»: «Я смотрел на Савинкова всегда, как на революционера <...> И эта односторонность — ведь он мог и в литературных делах спрашивать меня о чем угодно — сказывалась на моем чувстве: при всем моем признании его, как человека огромной воли, непростого и неслучайного, я не чувствовал с ним той свободы и легкости, я как-то сжимался». ³²

В отдельных очерках 1930–1950-х годов, посвященных памяти Л. Добронравова, Я. Гребенщикова, С. Лурье, И. Болдырева-Шкотта, Ремизов практически отошел от эмоционально-лирического повествования и размышлений. В этом ряду особенно выделяется некролог «П. Е. Щеголев, 1877–1931» ³³ — единственный текст, который написан в строгом следовании жанровому канону: автор представил жизненный и творческий путь литератора, отметил его роль в собственной судьбе. Сжатость, лаконичность, сухость повествования, небольшой объем произведения обусловлены наличием шуточного вологодского «некролога» 1903 года, в котором в экспрессивном пародийном ключе дана психологическая и социальная характеристика личности Щеголева.

Текст памяти в наследии Ремизова также представлен эссе, которые создавались по прошествии нескольких лет после ухода соотечественников из жизни и были приурочены к юбилейным датам: «„Воистину“. Памяти В. В. Розанова: К 70-й годовщине со дня рожд. 3.5 / 20.4 1856 (†1919) — 1926» (1926), ³⁴ «Десять лет: Памяти А. А. Блока» (1931), ³⁵ «Шалапину: Заветное и последнее» (1938), ³⁶ «Алексей Максимович Пешков — Максим Горький (1868–1936)» (1955). ³⁷ В них Ремизов осмыслил художественный опыт, определил значимость «спутников» в своей писательской судьбе. Очерки лишены сюжетного единства: автор фиксирует фрагменты воспоминаний о творческих исканиях современников, посредством ассоциаций связывает их с размышлениями о литературе, эпизодами повседневной жизни. В повествование включены сны, диалоги, которые концентрируют внимание читателя на индивидуальности автора, специфике его памяти.

Во всех очерках *In memoriam* личность Ремизова раскрывается через отражения в современниках, в их жизненном и творческом бытии, а жизнь других находит отклик

³⁰ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 433–434.

³¹ Там же. Т. 8. С. 500, 501.

³² Там же. С. 502.

³³ Опубликовано в газете «Последние новости» (1931. 29 янв. № 3599. С. 3).

³⁴ Версты. 1926. № 1. С. 82–86.

³⁵ Последние новости. 1931. 6 авг. № 3788. С. 3.

³⁶ Там же. 1938. 17 апр. № 6231. С. 2. Текст опубликован и под заголовком «Магия слов: Памяти Шалапина» (Там же. 1940. 15 апр. № 6958. С. 2; Новое русское слово. 1940. 22 авг. № 10058. С. 3).

³⁷ Грани. 1955. № 25. С. 121–124.

в его душе и судьбе как факт автобиографии: «Все я и без меня никого нет. Да иначе и невозможно: писатель описывает только свой мир и ничей другой, и этот мир — его чувства и его страсть».³⁸ Тексты памяти Ремизов включил в книги «Петербургский буерак», «Иверень. Загогулины моей памяти» и «Учитель музыки: Каторжная идиллия», сделал их составной частью рассказа о себе как о литературной личности, вписал в парадигму автобиографической прозы.

В жанре «памятного слова» написан и новонайденный текст Ремизова — отклик на кончину Абрама Юрьевича Доброго (1867–1936), видного киевского экономиста, банкира, промышленника, члена российского правления общества сахарозаводчиков в предреволюционной России. В годы эмиграции Добрый практически устранился от активной финансовой и организаторской работы (ограничился участием в управленииграничными отделениями банка), председательствовал в Комитете помощи русским евреям в Париже, занимался благотворительностью, неоднократно оказывал материальную поддержку общественным и политическим деятелям, журналистам, художникам и литераторам, покупая предметы искусства, книги, спонсируя издательские проекты. Похоронили внезапно скончавшегося Доброго 8 сентября 1936 года на кладбище Пер-Лашез в Париже. В числе деятелей искусства, экономики и политики, родственников и друзей, представителей еврейской общины, пришедших проводить покойного, были и супруги Ремизовы.

В автобиографическом произведении «Мышкина дудочка» Ремизов упоминает о Добром как об известном в эмигрантских кругах благотворителе, а также о его сестре Доре Юрьевне Доброй.³⁹ Писатель познакомился с А. Ю. Добрым по протекции Л. И. Шестова в конце января 1924 года, когда Ремизов искал спонсора для постановки пьесы «Бесовское действо» на французском языке в театре Ж. Питоева.⁴⁰ И хотя Добрый откликнулся на просьбу Ремизова 1000 франками, спектакль, который был практически подготовлен, не состоялся. Повторно за финансовой помощью писатель обратился к меценату осенью 1935 года, и снова его прошение не осталось без ответа.⁴¹ С Добрым Ремизов неоднократно встречался в Париже на литературных вечерах, авторских чтениях, собраниях ценителей русской культуры; с семьей финансиста он поддерживал деловые отношения,⁴² но за поддержкой к родственникам после его смерти в условиях острой материальной нужды долгое время не решался обратиться,

³⁸ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 437.

³⁹ Там же. Т. 10. С. 117, 122, 138, 139.

⁴⁰ См. письмо Л. Шестова М. Эйдингону от 18 февраля 1924 года (Исцеление для неисцелимых. Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйтингона / Сост. и подг. текста В. Хазана и Е. Ильиной. М., 2014. С. 29), а также письмо А. Ремизова Л. Шестову от 31 января 1924 года (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1993. № 4. С. 149). Пьеса Ремизова «Бесовское действо над неким мужем, а также прение живота со смертью» (1908) в 1917 году была переведена Ж. Питоевым и его супругой на французский язык, опубликована в женевском издании (*L'office des diables* / Trad. M. et M-me G. Pitoëff et de M-me J. Bücher // *La Revue de Genève*. 1922. Novembre. № 29. P. 561–593). Перевод был включен в сборник «Où finit l'escalier: Récits de la quatrième dimension. Contes et legends» (Paris, 1947). В 1922 году Питоев собирался вновь обратиться к пьесе Ремизова: «Я не совсем доволен своим переводом и думаю для постановки Действа переработать его» (см. письмо Ремизову: Amherst Center for Russian Culture. The A. Remizov and S. Dovgello-Remizova Papers. Box 2. Folder 5. P. 285; сообщено Е. Р. Обатниной). Однако ни перевод, ни постановка так и не увидели свет. В 1919 году Питоев также планировал перевести, а после поставить «Трагедию о Иуде принце Искаротском» (1909) Ремизова на французской сцене, но и эта постановка не состоялась. См.: Театр Жоржа Питоева: статьи, выступления, интервью, письма: Сб. М., 2005. С. 225.

⁴¹ См.: А. М. Ремизов и Л. И. Шестов: Из переписки писателя и философа (1933–1938) / Publ., comm. et notes de K. Ruzhinskaite // *Revue des Études Slaves*. 2013. T. 84. Fasc. 1/2. P. 292, 293.

⁴² В архиве Центра русской культуры Амхерст-Колледжа сохранились письма 1924–1935 годов Д. Ю. Доброй и Л. Г. Доброй, супруги мецената и его помощницы в благотворительных делах, дочери известного юриста и ученого Г. М. Бараца, сочинения которого были предложены Ремизову для ознакомления (см. письмо 1927 года: Amherst Center for Russian Culture. The A. Remizov and S. Dovgello-Remizova Papers. Box 21. Folder 6; сообщено Е. Р. Обатниной).

о чем писал художнице Б. А. Лазаревой, супруге философа А. М. Лазарева, в феврале 1938 года: «...У меня осталось только что в кармане — не польстится и карманщик. И долги, долги за все. В прежнее время написал бы Абраму Юрьевичу. Не знаю, как быть; боюсь обращаться к Любове Ермановне <так!> и к Доре Юрьевне, боюсь, что это чересчур будет...».⁴³ Однако в июле 1939 года Ремизовы все же получили от Л. Г. Доброй 300 франков на поездку к морю для лечения.⁴⁴

До настоящего времени очерк находился вне поля зрения исследователей. Его первая и единственная публикация состоялась в сборнике «Памяти Абрама Юрьевича Доброго», который был собран и издан друзьями мецената в 1939 году и в котором Ремизов принял участие наряду с другими представителями русской культурной элиты (А. Н. Бенуа, А. В. Румановым, Б. Д. Григорьевым, А. М. Лазаревым), экономистами, промышленниками и политическими деятелями (П. Н. Милоковым, Г. Б. Слиозберг-ом, Я. Л. Тейтелем, И. П. Демидовым, Д. Л. Гликбергом, Г. Н. Логачевым, П. Н. Апостолом). Сборник, выпущенный малым тиражом усилиями друзей Доброго, открывался биографией мецената; в него вошли надгробные речи, некрологи, выдержки из корреспонденции частных лиц, официальные письма обществ и организаций. Некоторые отклики, впервые опубликованные в сентябре 1936 года в парижских газетах «Последние новости», «Иллюстрированная Россия» и в декабре 1938 года во «Временнике Общества друзей русской книги»,⁴⁵ воспроизводились повторно. В тексте Ремизова, как и в статьях Бенуа, Григорьева, Апостола Добрый представлен знатоком отечественной литературы, истинным ценителем искусства, художественно одаренной натурой, изменившей в сознании современников устойчивый образ банкира и благотворителя. По свидетельству Бенуа, Добрый обладал развитым художественным вкусом, коллекционировал работы русских живописцев (Н. Альтмана, Б. Григорьева, Л. Бакста, С. Чехонина, Ю. Анненкова и др.) и в 1930-е годы планировал «сформировать здесь на чужбине подбор, если и не строго систематический, то все же отличающийся известной полнотой, картин и рисунков русских мастеров».⁴⁶

Над очерком Ремизов работал, пока собирался и компоновался сборник памяти Доброго. В американском архиве писателя сохранились черновые варианты рукописи, которые свидетельствуют о неоднократном обращении к тексту, его стилистической правке.⁴⁷ Первая часть «памятного слова», которая в печатном варианте отделена знаком астериска от созданного продолжения, является, несомненно, откликом на внезапную кончину Доброго в сентябре 1936 года. Представляя его как личность, Ремизов определяет основное качество натуры — «внутренний» слух, тонкое чувствование искусства, образа, слова, глубинного зрения, видения души человека.

Вторая часть текста написана в 1939 году как воспоминание о духовно близком человеке, раскрывающее процесс осознания смерти современника с течением лет и сохранения памяти о нем. В жанровом отношении ее можно назвать элегией в прозе, завершенным художественным произведением, в котором рельефно проявляются признаки, характерные для сентиментально-романтической элегии: лиризм как доминанта воспоминания об ушедшем, медитативный настрой, отчетливо звучащие мотивы пустоты и тоски по прошлому (у Ремизова — забвения, «изглаживания, вычеркивания»), размышления о смерти и бренности жизни; отмечается движение от внешнего плана к изображению внутреннего мира автора, который отчасти соот-

⁴³ «Je vous embrasse de tout cœur» (Письма А. М. Ремизова и С. П. Ремизовой-Довгелло к А. М. и Б. А. Лазаревым) / Вступ. заметка и комм. В. Хазана // «Усердный толкователь шестовской беспочвенности» Адольф Маркович Лазарев. Письма и статьи о Льве Шестове. М., 2019. С. 174.

⁴⁴ Там же. С. 177–178.

⁴⁵ Это издание Добрый материально поддерживал и состоял участником открытых заседаний Общества.

⁴⁶ Бенуа А. [Некролог А. М. Доброму] // Памяти Абрама Юрьевича Доброго. Париж, 1939. С. 59.

⁴⁷ Amherst Center for Russian Culture. The A. Remizov and S. Dovgello-Remizova Papers. Box 11. Folder 13. P. 16–23; сообщено Е. Р. Обатиной.

носится с лирическим героем. Традиционные элегические мотивы увядания, опустошения души, мимолетности существования в тексте Ремизова находят отражение в мыслях о смирении, покорности, молчаливом согласии с «жестоким общим порядком», размеренностью жизни.

«Мемуарный» очерк о Добром Ремизов не включил ни в одно из мемуарно-автобиографических повествований, в его художественном наследии он остался одиночным откликом, прощальным словом о человеке, образ которого писатель сохранил в своем «памятном свитке имен».

Текст публикуется в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением индивидуальных особенностей написания отдельных слов, по изданию: Памяти Абрама Юрьевича Доброго. Париж: Кружок друзей А. Ю. Доброго, 1939.

Автор выражает благодарность И. С. Кукую и Е. Р. Обатниной за помощь в подготовке настоящей публикации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Алексей Ремизов <«Памятное слово» А. Ю. Доброму>

Похоронили Абрама Юрьевича Доброго. Трудно было на кладбище, все в гору и в гору по неровной, камнем замощенной дороге, навстречу ветер порывом из высоко шумящих деревьев, каменные памятники стеной в бесконечность — Пер-Лашез. Земля — сколько на совок ее подцепилось, — только <так!> и есть. Заглянул — глубоко, а для меня, с моими глазами, как в пропасть, вижу, черная с серебром крышка гроба, и это все, что осталось! — осторожно я сбросил землю с совка и слышал: мои черные песчинки упали и тихо легли в черном, но живом слое последней осязательной человеческой памяти. Хотелось сказать — одно бы слово: «прощайте» или что-то напомнить и заключить круг чувств благодарностью и пожеланием «спасибо». И со словами не сказанными, но со вспыхнувшей мыслью, отошел, уступая место.

За наши парижские годы, а им счет потеряешь, не временной, а через край наполненностью тревогой и огорчением, встреча сблизила нас общей любовью и восхищением перед человеческим гением, развивающимся и не тускнеющим, и первое: картины — могу смотреть на любимые и никогда не насмотреться: молча проходили мы по комнатам, останавливались, стояли, как вкопанные, смотрели в который раз. И еще соединила любовь к книге: я могу вслух часами читать Лескова, Гоголя, Толстого, Достоевского — разве можно утомиться, читая не навязанное, а необходимое, как чистый воздух, и я знаю, что можно и слушать часами, не уставая.

Есть слух сердца, и слух — ухо, и без них не почувствовать и не понять слова. А слух сердца — это культура, не всем дано и не от всякого требуешь. Глухие сердцем — с ними, как в пустыне: на «юмор» и «вымысел» они ответят со всей черствостью своим суровым: «не понимаю».

Нас связал наш общий слух. И редко с кем мне было так легко разговаривать: я видел подхватывающий взгляд и улыбку, а в улыбке сказывалось больше всяких слов. Дар и счастье человека в этом «слышать».

Оставаться только в «черном теле» житейской расчетливости не то, что заскучать, а просто описать можно. И в чем наш пропад, как не в том ли, что вот «забывает жизнь», ее ежечасная, ежеминутная мысль — арифметическая! — и уж не играет на мыслях, не смеется на душе, гложешь и немеешь. И в наших разговорах — на мою повторяемую жалобу о пропаде, на мое обращенное к судьбе или, как хотите, к тому грозному и непреклонному, под давящим глазом которого встречаешь мучительный рассвет, а в долгие ночи немую тьму окна, я всегда видел и всегда чувствовал желание как-то поправить, освободить хотя бы на время, от спускающейся заживо тяжелой железной крышки — а про это как мне не помнить и эта моя память, это она согрела черные крупинки твердой земли, упавшей без слов на крышку гроба.

С несказанными словами я отошел от могилы. Но если и не сказал — эти мои написанные слова, они все равно, как и пронесшиеся во мгновение мысли, *там* слышны по-своему, я в это верю...

*

Три года — срок; пять — вечность. Все забывается. И это изглаживание, как вычеркивание из памятного свитка имен, удел и, видно, удача человеческого произрастания: или разорвалась бы душа, не только надорвалось бы сердце. Так оно бывает вообще, к тому оно и идет.

Но есть, и еще есть и, конечно, невольное наперекор этому вообще — вторжение в природное освященное благоразумие неуместного и резкого, нарушающего «порядок и ход вещей»: вдруг схватываешься о потерянном безвозвратно.

Такое чувство я испытываю и испытывал не раз за эти годы: нет Абрама Юрьевича!

У каждого из нас есть целый ряд мелочей и очень домашних — и это не вопросы жизни и смерти, но без этих будничных подробностей нет разнообразия и полноты жизни — цвета, наливающегося до звука, и звука, выкрашивающегося в цвет. Я не могу себе представить дня без чтения — без этих таинственных встреч в веках, я не могу не рисовать, не могу не отметить какого-нибудь слова, мысли и, конечно, сна — но ведь все это осуществимо при неперменном условии: я сижу дома. А по-другому — все перевернется, а уже про «сон» зря ждать. Должно быть, мне отпущено очень мало сил. Выгоняясь на люди, в приемные, я чую. Но кому, в сущности, до этих моих «капризов»? И когда я, как сейчас, раздумывая о своей несуразной жизни, говорю — и вот мой голос из ночи: «ведь я что-то могу и мог бы гораздо больше, но только оставьте мне мои „капризы“, я понимаю, все это не „по-человечески“, но таким я вышел в свет!!» И слышу, часы тикают. И вдруг схватываюсь: вот кто это понимал и понял бы сейчас меня — это Абрам Юрьевич.

Я продолжаю жизнь в «общем порядке». Как и все живущие по-человечески, выхожу на люди... И кто установил это подлинное и притом не караемое ни в каких законодательствах, смертоубийство: этот справедливейший жестокий «общий порядок»? Чтобы как-то все-таки быть на свете, для урыва, не больше, я покоряюсь. Но это мое согласие, и это мое молчание, и эта моя покорность — и что это все значит, без всяких объяснений понимал Абрам Юрьевич.

Мне его нельзя забыть и никакие сроки не изгладят моей горячей памяти и благодарной.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-228-232

© М. В. Рождественская

ИЗ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО КОММЕНТАРИЯ К ПОСЛЕДНЕМУ ГОДУ ЖИЗНИ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

В семейном архиве поэта В. А. Рождественского сохранилось два письма к нему Игоря Северянина, датируемые июнем и июлем 1941 года, и одно письмо гражданской жены И. Северянина Веры Борисовны Коренди, написанное под его диктовку и датированное 1956 годом. Письма Северянина Рождественскому были отправлены в Ленинград из поселка Усть-Нарва в Эстонии, где поэт тогда жил. Одно из них с купюрами было опубликовано во вступительной статье Рождественского к сборнику стихотворений Северянина,¹ вышедшей уже после смерти ее автора. Полностью оно было опубли-

¹ Северянин И. Стихотворения / Вступ. статья Вс. Рождественского. Л., 1978. С. 36–37 (Библиотека поэта. Малая сер. 3-е изд.).

ковано вместе с предыдущим письмом Северянина в 1986 году.² Письмо В. Б. Коренди, которое дополняет эту переписку уже после смерти поэта, ранее не публиковалось.

Уехав в 1918 году из России в эмиграцию в Эстонию и оказавшись отрезанным от родины, Северянин не считал себя эмигрантом в полном смысле слова, о чем он не раз упоминал в письмах и в стихах: «Нет, я не беженец, и я не эмигрант / <...> Мне не в чем каяться, Россия, пред тобой: / Не предавал тебя ни мыслью, ни душой».³ Блистательный «Король Поэтов» 1918 года спустя двадцать с лишним лет снял с себя маску салонного поэта, которая так завораживала когда-то его читателей. Несмотря на то, что в Эстонии за время эмиграции были изданы семнадцать сборников его стихов и прозы, Северянин в конце жизни оказался не только в трудном материальном положении. Он страдал от физических недугов, но более всего — от отсутствия читательского внимания после головокружительного успеха в России. Рождественский в упомянутой вступительной статье к сборнику стихотворений писал: «С годами и самый характер его поэтики претерпел значительные изменения. Стихи этого последнего периода отличаются от того, что писалось раньше. Стихи стали естественнее, проще, реже встречались в них неоправданные словесные новшества <...> Доминантой его лирики становятся воспоминания о прошлом, что вполне естественно для человека, оторгнутого от родины и остро ощущающего свое литературное и общественное одиночество...». И далее: «Пишет Игорь Северянин теперь главным образом „для себя“, уже не рассчитывая на широкий публичный резонанс, да и тощие его сборники выходят мизерными тиражами и преимущественно в местных малозначительных издательствах. Лирика его носит свободный, почти импровизационный характер, что придает ей оттенок непосредственности».⁴

В 1940 году Эстония была присоединена к СССР, и у Северянина возникает надежда на возвращение в Россию. Об этом он сообщает Рождественскому, с которым не был лично знаком, но его творчество, тем не менее, высоко ценил. Заочное знакомство двух поэтов было связано с готовящейся еще до войны публикацией стихов Северянина в ленинградском альманахе, редактировавшемся Рождественским: «Весною 1941 года, — писал он, — издательство писателей в Ленинграде получило от него (Северянина. — М. Р.) несколько сонетов о русских композиторах, которые решено было поместить в одном из альманахов. Мне как редактору сборника выпало на долю известить об этом автора, а издательство одновременно перевело ему и гонорар. В ответ было получено взволнованное письмо, где поэт „со слезами на глазах“ благодарит за помощь в его крайне тяжелом материальном положении, а главное, за то, что его „еще помнят на родине“. Мне он прислал небольшой свой сборник „Адриатика“ (1932) с дарственной надписью — книгу, которой суждено было стать для него последней».⁵

Однако в силу роковых обстоятельств издание это не было осуществлено — Издательство писателей в Ленинграде, в котором должен был выйти альманах, сгорело в результате бомбежки города в начале Великой Отечественной войны. В связи с предполагаемой публикацией стихов Северянина Рождественский в целях «проходимости» в советском издании стихотворений эмигрантского, а потому, с официальной точки зрения, подозрительного поэта, редактировал два его стихотворения — «Чайковский» и «Красная страна». Стихотворение «Чайковский» ранее вошло в книгу Северянина «Медальоны»,⁶ посвященную композиторам Римскому-Корсакову, Бизе, Григу, Верди. Стихотворение же «Красная страна» было новым. О стремлении Северянина «вписаться» в литературную жизнь Советского Союза и тем самым обеспечить

² Письма Игоря Северянина // О Всеволоде Рождественском: Воспоминания. Письма. Документы / Сост. В. Б. Азаров, Н. В. Рождественская. Л., 1986. С. 126–128.

³ Северянин И. Наболевшее // Северянин И. Стихотворения. С. 432.

⁴ Там же. С. 30–33.

⁵ Там же. С. 35–36. Речь идет об издании: Северянин И. Адриатика. Лирика. Издание автора. Нарва, 1932. Сборник сохранился в семейном архиве Вс. Рождественского с дарственной надписью: «Последний экземпляр, случайно сохраненный, поэту милому и светлому дарю: Всеволоду Рождественскому — Игорь Северянин. Усть-Нарова, 17.VI.41».

⁶ Северянин И. Медальоны. Белград, 1934.

себе возвращение на родину и возможность публиковаться в советских изданиях, о помощи ему в этом деле Г. А. Шенгели⁷ писали Е. Куранда и С. Гаркави.⁸ Авторы статьи комментируют редакторскую правку, произведенную Рождественским в стихотворении Северянина «Красная страна». Эта правка, по их замечанию, отражена в тексте данного стихотворения, хранящемся в архиве советского писателя С. А. Семёнова (1893–1942) в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: «И сам текст, и его редакторская правка, — пишут они, — редкий пример процесса работы над поэтическим текстом, направленной на углубление в нем риторического пафоса». Куранда и Гаркави считают правку Рождественского «редакторской неудачей», связанной с тем, что тот не только пытался убрать неприемлемую для советской печати религиозную окраску стихотворения, но и «не учел гендерную специфику „Красной страны“, создав из нее риторически-бессмысленного монстра — страну-воина».⁹ Стихотворение от редактуры, может быть, потеряло, однако стоит уточнить, что образ «страна-воин» — это своеобразное клише, известное еще из древнерусских источников (гендерная персонификация народа или племени: «литва», «татарва», «мордва» и др. при описании нападения на Русь или войны), оно не было придумано Рождественским, а находилось в полном соответствии с советской милитаристской лексикой предвоенных лет. Правка Рождественским «Красной страны» прочитывается как раз в том идеологическом контексте, который описан исследователями, — это желание автора стать если не «своим» поэтом, то по возможности близким советской литературной жизни. Как видно из первого письма Северянина, редакторскую правку Рождественского он полностью принял и благодарил за нее.

Главная цель писем Северянина — это просьба о помощи вернуться в Ленинград и в Советский Союз. Они проливают дополнительный свет на последние месяцы жизни поэта, страдающего и физически, и морально вдали от России и от своего читателя. Причем из них видно, насколько поэт был действительно далек от суровой советской реальности конца 1930-х — начала 1940-х годов.

Первое письмо сохранилось без конверта, написано рукою В. Б. Коренди, так как писать самому Северянину было, скорее всего, физически трудно. Это ответ на письмо Рождественского как редактора, и потому тон письма еще вполне официален. «Что касается „Чайковского“, — пишет Северянин, — Вам, конечно, виднее, т. к. откровенно говоря, я, живя в глуши Эстонии, очень отстал за последние годы от Нового Сияния».¹⁰ Поправки, внесённые в „Красную страну“, *нахожу и для себя вполне приемлемыми, и благодарю за бережное и чуткое отношение к русскому языку* (курсив мой. — М. Р.).¹¹

Судьба письма Рождественского, на которое ответил Северянин, нам не известна.

Второе письмо, также без конверта и также написанное рукою Коренди, датируется 20 июля 1941 года.¹² Автор обращается к Рождественскому уже как к близкому человеку: «Светлый Всеволод Александрович!» Он страдает от тяжелой болезни, о чем пишет подробно: «...получив Ваше <...> правдивое и глубинное письмо, я буквально в те же дни жестоко разболелся, и болезнь сердца заставила меня лежать почти без движения бесчисленное количество дней». И далее: «Деньги давно кончились, достать, даже занять, — здесь негде. Продаем вещи за гроши...». Он умоляет Рождественского помочь ему выехать в Ленинград и достать машину для переезда, поскольку может передвигаться только лежа, даже попросить ее «у тов. Жданова», добавляя: «...он, как я слышал, отзывчивый и сердечный человек!» Северянин надеется на личное знакомство с Рождественским в Ленинграде, благодарит его за присланную «милую книжеч-

⁷ Георгий Аркадьевич Шенгели (1894–1956) в 1933–1941 годах был редактором отдела творчества народов СССР и секции «Западных классиков» Гослитиздата.

⁸ Куранда Е., Гаркави С. Стихотворения Игоря Северянина 1939–1941 годов: К вопросу текстологии и истории публикации // Toronto Slavic Quarterly. 2010. № 34 (Fall). С. 189–202. См.: http://sites.utoronto.ca/tsq/34/tsq34_kuranda_and_garkavi.pdf; дата обращения: 31.01.2021.

⁹ Там же. С. 197.

¹⁰ Видимо, Северянин так символически назвал Советскую Россию.

¹¹ Письма Игоря Северянина. С. 127.

¹² Северянин И. Стихотворения. С. 36–37.

ку» стихов и сообщает, что в ответ послал ему свою «Адриатику». Это письмо подписано самим Северяниным. Письмо душераздирающее по отчаянию и душевной боли. Рождественский, если бы только это было в его силах, постарался бы помочь больному поэту. Но Северянин, как видно из его письма, совсем не представлял себе обстановку, которая сложилась в Ленинграде и в его окрестностях летом 1941 года, в первые дни и недели войны. Не мог он знать и того, что Рождественский не обладал никакими официальными полномочиями, да и собственной машины у него никогда не было. Обратиться ему с этой просьбой «к тов. Жданову» было, конечно, нереально. Вскоре в июле 1941 года войска Вермахта вошли в советскую Эстонию, и помочь старому поэту при всем желании было уже невозможно. О какой его «милой книжечке», подаренной Северянину, идет речь в письме, не совсем ясно. Это мог быть один из поэтических сборников Рождественского, изданных до 1941 года, например, об «Избранных стихах» 1936 года или «Земном сердце» 1933 года.¹³ В конце июля сам Рождественский ушел в Народное ополчение, почти все военные годы в качестве военного корреспондента воевал на Ленинградском, Карельском, Волховском фронтах. И даже если бы Северянину удалось вернуться тогда в СССР, вряд ли судьба его сложилась так, как он предполагал. Власть наверняка не пощадила бы его.

Письмо В. Б. Коренди, написанное ею через 15 лет после смерти мужа, касается вопроса о переводах Северяниным эстонской поэзии.

В конце 1940-х и особенно в 1950-х годах по решению Отдела культуры ЦК КПСС и Союза писателей СССР начинается активная работа московских и ленинградских поэтов над переводами поэзии так называемых братских республик. Составляются обширные антологии украинской, белорусской поэзии, поэзии поэтов советской Прибалтики — литовской, латышской, эстонской, среднеазиатских и кавказских республик. Возобновляются прерванные войной литературные связи и поездки на места. В Москве в эти годы проходят декады национальных литератур. Эта работа входила в политическую программу создания советской культуры в рамках идеи «дружбы народов» с целью познакомить российского читателя с национальными литературами. И, что немаловажно, давала возможность материальной поддержки в трудные для личного творчества годы многим поэтам, в том числе и Рождественскому, чье искусство поэтического перевода высоко ценилось литературной общественностью.

На конверте письма Коренди написан адрес: «Ленинград, Литейный д. 33 кв. 40. Всеволоду Александровичу Рождественскому». Обратный адрес: «Вера Борисовна Коренди. ЭССР Таллинн Ярве. Ул. Ярве д. 50 кв. 9». На лицевой стороне конверта на штампе видны цифры 17, на оборотной стороне цифры 56, т. е. 1956 год. По этому адресу в Ленинграде на Литейном проспекте семья Вс. Рождественского жила до зимы 1949 года, когда переехала в дом на канале Грибоедова, 9, в так называемую писательскую надстройку, в бывшую квартиру В. А. Каверина.¹⁴ Коренди пишет Рождественскому, используя обращение к нему покойного мужа:

«Светлый Всеволод Александрович! Посылаю Вам после посещения Москвы по совету тов. А. П. Рябининой¹⁵ переводы Игоря Северянина эстонских поэтов. Глубоко верю, что Вы оцените их, как друг, ученик Северянина Г. А. Шенгели, с которым в Таллине восторгались его творчеством, посещая вечера его памяти... А я до сих пор храню Вашу маленькую книжечку стихов,¹⁶ посланную покойному мужу, с такой трогательной надписью „с надеждой видеть на берегах Невы“... Может быть, помните и меня? Мы познакомились с Вами у Г. А. Шенгели в отеле „Палас“ в 1946 году, в Таллине. Жду Вашего ответа. Может быть, послать Вам „Избранное“ Северянина.¹⁷ Это

¹³ *Рождественский Вс.* 1) Избр. стихи. Л.: Художественная литература, 1936; 2) *Земное сердце. Книга лирики. 1929–1932.* Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.

¹⁴ О жителе этого дома см.: «Дом под крышей звездной...» Канал Грибоедова 9. Сб. / Авторы-сост. М. С. Инге-Вечтомова, А. Д. Семкин, Е. В. Сочивко. СПб., 2017.

¹⁵ Рябинина Александра Петровна (1897–1977) — заведующая Отделом литературы народов СССР Гослитиздата (Государственного литературного издательства).

¹⁶ См. прим. 13.

¹⁷ О каком именно издании идет речь, из письма неясно.

посоветовал мне Гослитиздат Москвы, с которым я почти уже в соглашении. Кроме того, у меня есть 6 книг „Колокола собора чувств“,¹⁸ а также портреты его. Всё это приобретено Гослитмузеем Москвы. Может быть, послать и Вам? Крепко жму Вашу руку и жду ответа. Уваж<ающая> Вас Вера Борисовна Коренди. ЭССР, Таллин ул. Ярве д. 50 кв. 9. 17-VI-56».

Итак, письма двух лично не встречавшихся поэтов, Северянина и Рождественского, дополняют сведения о нелегких бытовых условиях последних недель жизни бывшего «Короля Поэтов». Одновременно они дают представление о наивности и непонимании им серьезности надвигающейся эпохи. Из письма вдовы Северянина В. Б. Коренди видно ее стремление хотя бы посмертно исполнить желание мужа публиковаться на родине и включить его имя в современную советскую литературную жизнь, хотя бы в роли поэта-переводчика.

¹⁸ *Северянин И.* Колокола собора чувств: автобиографический роман в 3 частях. Тарту: Изд-во Вадим Бергман, 1925 (роман в стихах). В личной библиотеке Рождественского книга Северянина «Колокола собора чувств» не была обнаружена.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-232-240

© С. Н. Полторак, © А. В. Зотова

ОНА СОЗДАЛА ДАНИИЛА ГРАНИНА

Мировая культура знает тысячи примеров, когда мужчины добиваются небывалых высот в различных сферах деятельности: в науке, политике, искусстве, литературе. При этом крайне редко обращается внимание на то обстоятельство, что своими успехами они часто обязаны женщинам — своим секретарям, советникам, соратникам, женам. Пример тому — многолетняя помощь писателю Д. А. Гранину в творчестве со стороны его жены Риммы Михайловны (Ревекки Менделевны) Майоровой.

К сожалению, литературы о ней практически нет, не считая редких упоминаний.¹ Биографические сведения о Р. М. Майоровой удалось обнаружить в Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО), поскольку в годы Великой Отечественной войны Римма Михайловна вместе с Кировским заводом была эвакуирована в г. Челябинск, где с января 1942 года трудилась в техническом отделе завода инженером-технологом по загрузке оборудования.² 31 января 1943 года заседание бюро Челябинского обкома ВЛКСМ приняло решение о назначении Майоровой секретарем Тракторозаводского райкома комсомола г. Челябинска.³ По существу, Римма Михайловна возглавила крупную комсомольскую организацию, костяк которой составляли члены ВЛКСМ, прибывшие в Челябинск из Ленинграда вместе с другими сотрудниками Кировского завода.

Из анкеты-биографии Майоровой, хранящейся в архивном фонде, известно, что она родилась в 1918 году в небольшом городке Велиже в Смоленской области. В 1933-м приехала в Ленинград и поступила в Инженерно-экономический институт. Окончив его в 1938 году, Римма Михайловна стала работать на прославленном Кировском заводе инженером в одном из механических цехов. В 1939-м она была избрана комсоргом механического цеха № 7, а спустя год, в сентябре 1940-го, вошла в состав комитета ВЛКСМ Кировского завода.⁴

¹ *Войтинская О. С.* Даниил Гранин: Очерк творчества. М., 1966.

² Личное дело Ревекки Менделевны Майоровой // Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 485. Оп. 2. Д. 1469. Связка (коробка) 30. Л. 162.

³ Там же. Л. 159.

⁴ Там же. Л. 162.

Вероятно, именно в комитете комсомола Кировского завода состоялось ее знакомство с будущим мужем Даниилом Александровичем Германом (впоследствии — писателем Даниилом Граниным), который, придя на завод после окончания Ленинградского индустриального института, также был членом комитета ВЛКСМ этого предприятия.

Точных данных о том, когда Майорова и Герман (Гранин) создали семью, пока найти не удалось. Имеющиеся сведения довольно противоречивы. Майорова в автобиографии, датированной 1 августа 1942 года, писала: «Муж — Герман Даниил Александрович, работал на Кировском заводе в качестве инженера-электрика энерголаборатории. В настоящее время на Ленинградском фронте комиссар танковой рем. базы — член партии».⁵ Сам же Герман в своем заявлении-анкете, заполненном собственноручно 15 ноября 1944 года при устройстве на работу в «Ленэнерго», в графе «семейное положение» отмечал: «холост». Причем слово «холост» в этом документе им было указано четырежды.⁶ Что бы ни было записано в архивных документах, на практике с осени 1944 года Майорова и Герман жили единой семьей.

В то же время в архивах сохранилось немало источников, содержание которых убеждает в том, что супруга писателя сыграла колоссальную роль в его становлении и развитии как литератора. Рядом с ней он прошел путь от начинающего писателя до всемирной знаменитости.

Творчество писателя Гранина, столетие которого отмечалось в 2019 году, широко известно. Однако мало кто знает, что своим успехом Даниил Александрович во многом обязан своей жене, с которой он прожил 60 лет. У авторов этой статьи нет сомнений в том, что знаменитый писатель не смог бы добиться всемирного признания, если бы рядом с ним не было его верной помощницы — жены.

На протяжении многих десятилетий писатель не впускал в свою жизнь не только посторонних, но и многих хорошо знакомых людей. Публичная личность, знаменитый писатель и деятель культуры, он тщательно скрывал свою семейную жизнь, поскольку считал, что на всеобщее обозрение ее выставлять не следует.

Со своей будущей женой Риммой Майоровой молодой инженер Даниил Герман (в будущем — Гранин) познакомился, как уже отмечалось, незадолго до войны на Кировском заводе в Ленинграде.⁷ Именно туда в августе 1940 года он был направлен по распределению после окончания Ленинградского индустриального института.⁸ Война их разлучила. Майорова уехала в Челябинск,⁹ где работала секретарем райкома комсомола, а Герман воевал под Ленинградом, защищая блокированный город.¹⁰ Вскоре после полного снятия блокады Ленинграда ситуация изменилась. Гранин позже об этом писал так: «В начале 1944 года Римма вернулась в Ленинград. Рожать. Поселилась в нашей комнате. Квартира была пуста. Еще не съехались эвакуированные жильцы и фронтовики. Римма нашла печника, поставила плиту в нашем тесном пенале. Кухня далеко по коридору. Она боялась ходить туда, там хозяйничали крысы. Они первые после блокады реэвакуировались в город. Почуяв съестное, они прогрызли дыру в нашу комнату. Она заткнула дыру осколками бутылки.

Дрова для плиты покупала на Кузнечном рынке. Это за два километра. Дрова продавали вязанками. Купит вязанку и везет ее на трамвае домой. Спешит. Маринка там лежит одна. Привезет и тащит эту вязанку дров на пятый этаж. Греет кашу для дочки.

Меня демобилизовали в конце 1944 года. Приезжаю, застаю вот эту картину».¹¹

С ноября 1944 года Гранин, демобилизовавшись, работал в «Ленэнерго», пытаясь в свободное время заниматься литературным творчеством. Позже он вспоминал: «Я писал как бы тайком от себя. Назло себе. По ночам. Я не пытался улучшить свой

⁵ Там же.

⁶ Архив ПАО «Ленэнерго». Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 2.

⁷ Войтинская О. С. Даниил Гранин. С. 6.

⁸ Архив университета Петра Великого. Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 14.

⁹ Войтинская О. С. Даниил Гранин. С. 6.

¹⁰ Ленинградские писатели-фронтовики: Автобиографии, биографии, книги. Л., 1985. С. 115–116.

¹¹ Гранин Д. А. Мой лейтенант. М., 2012. С. 239.

язык, стиль, постигнуть тайны мастерства, мне просто нравилось писать, это было чистое, ничем не замутненное наслаждение графомана. Я корил себя, как за порок, пряча свои рукописи от всех. Жена мирилась с этим. У одних мужья играют в карты, другие пьют, мой чего-то пишет, пусть переберется».¹²

В 1949 году Герману необычайно повезло: ему было предложено вместе с семьей отправиться в долгосрочную командировку в Италию. Жена поначалу горячо поддерживала решение мужа уехать на заработки за границу, понимая, что семью в близкой перспективе ожидают достаток и новые интересные впечатления. Но Даниил Александрович в то время уже был основательно увлечен литературным творчеством. Конечно, ничто не предвещало триумфа романа «Искатели», работа над которым только-только началась, но оставлять писательский труд «на общественных началах» молодому автору не хотелось. Наступил момент, когда руководство потребовало четкого ответа: готова ли семья отправиться в загранкомандировку или нет. Многие годы спустя Гранин вспоминал: «Италия избавляла от всех проблем, избавляла от очередей и плесени, от возни с дровами и с печкой, она позволяла покинуть этот напуганный, пришибленный „ленинградским делом“ город и уехать от арестов в неведомую новую нашу жизнь; было сладко, что мы возьмем с собой, что оставим здесь. Я-то думал о своем — я думал о рукописи, есть ли смысл везти ее с собой, что с ней там будет. Посреди ночи, уже под утро, Римма разбудила меня: „Знаешь, я передумала, — сказала она, — все-таки тебе надо закончить роман“».¹³ Из воспоминаний ясно, что в ситуации, которая могла изменить всю последующую жизнь Даниила Александровича, решающее слово было за его женой. Не прими она решение отказаться от командировки мужа в Италию, скорее всего, он не состоялся бы как классик отечественной литературы.

В 1949–1952 годах Герман учился в аспирантуре Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина и одновременно преподавал в том же вузе историю техники.¹⁴ Но литературное творчество все больше захватывало его. В 1952 году он оставил преподавательскую работу и аспирантуру, полностью переключившись на литературный труд. Его авторитет как писателя быстро укреплялся. В 1954 году Гранин стал секретарем Ленинградского отделения Союза писателей СССР.¹⁵

Попав в водоворот творческих и организаторских забот, Гранин полностью отошел от повседневных дел. Римма Михайловна взяла на себя все домашние хлопоты. Ходила за покупками в магазин, готовила вкусную еду, поскольку муж, хотя и не был чревоугодником, поест любил и толк в еде знал. Она взвалила на себя все труды, связанные с учебой дочери в школе. И, кроме того, изо дня в день помогала супругу вести обширную переписку с читателями, издателями, журналистами, редакциями. Корреспонденция увеличивалась с каждым днем. Фактически Римма Михайловна стала квалифицированным секретарем своего мужа, чем снимала с него колоссальную часть технической нагрузки, высвобождая время для творчества.

Жизнь писателя — прежде всего обычная человеческая жизнь: встречи с родственниками, друзьями, коллегами по писательскому цеху, размышления о пережитом и о том, что еще только предстоит пережить. Римма Михайловна органично вписалась в новую писательскую жизнь. Сохранился семейный альбом с фотографиями 1950–1960-х годов, на которых Даниил Александрович и его супруга почти всегда вместе среди близких им людей. Многие фотографии сопровождались шутливыми подписями и пояснениями, а подчас и рисунками, которые, судя по всему, были сделаны как Граниным, так и Майоровой.¹⁶

¹² Гранин Д. А. Все было не совсем так. М., 2010. С. 223.

¹³ Гранин Д. А. Причуды моей памяти. М., 2008. С. 431.

¹⁴ Личный архив С. Н. Полторака. Личное дело капитана Германа Даниила Александровича. Л. 10.

¹⁵ Русские советские писатели-прозаики: Биобиблиографический указатель: [В 7 т.]. Л., 1959. Т. 1. С. 571.

¹⁶ Альбом с фотографиями Д. А. Гранина и Р. М. Майоровой, его жены, индивидуальными и в группах с родственниками, друзьями и знакомыми. С шутливыми пояснительными надписями и рисунками // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 6. Д. 704. Л. 1–93.

В 1950–1960-е годы у многих писателей пишущие машинки были не всегда. Правда, у Гранина машинка была. Свои произведения он поначалу писал от руки. Римма Михайловна аккуратно их перепечатывала.

Судя по всему, она неплохо владела немецким языком, что позволяло ей брать на себя значительную часть заочного общения с немецкими и австрийскими издателями. Сотрудники литературных журналов и издательств Германской Демократической Республики одними из первых иностранцев обратили внимание на творчество молодого ленинградского писателя. Они выступили инициаторами активного сотрудничества, что крайне заинтересовало Гранина. Но поскольку немецкий язык он знал в рамках программы технического вуза, письма зарубежным партнерам подготавливала его жена. Алгоритм действий, как правило, был таким. Римма Михайловна получала на почте иностранную корреспонденцию, знакомилась с ее содержанием, подчеркивала карандашом главные мысли, а потом подробно пересказывала их мужу. Он чаще всего свой ответ не диктовал, а просто высказывал собственные суждения, которые супруга четко формулировала в письменной форме. Сохранились многочисленные черновики писем, подготовленных Майоровой, с правкой, сделанной рукой Гранина. В архиве имеется черновик послания Гранина редактору Мюллеру-Клауду Вернеру, написанный рукой Риммы Михайловны.¹⁷

Во многом благодаря усилиям Майоровой произведения Гранина уже в начале 1950-х годов узнали за рубежом. Как известно, первой крупной пробой пера стала повесть «Победа инженера Корсакова», вышедшая в свет в Советском Союзе в 1950 году. Уже год спустя эту книгу, которую, вероятно, было бы справедливым считать своеобразными набросками будущего романа «Искатели», издали в Будапеште.¹⁸ Именно венгерские, а не немецкие, как утверждают некоторые исследователи, читатели первыми из стран социалистического содружества ознакомились с произведениями Даниила Гранина. Вслед за повестью «Победа инженера Корсакова» в Венгрии вышла из печати, быть может, самая романтическая работа писателя — повесть «Ярослав Домбровский».¹⁹ Мало кто знает, что это произведение было не только «интеллектуальным долгостроем», наброски которого были сделаны еще в довоенные годы, но и работой, которая чуть не изменила творческое амплуа писателя. Гранин в частной беседе с авторами этой статьи как-то признался, что в юности мечтал стать историком. Во многом из-за этого он был увлечен исторической литературой. Особенно его восхищали произведения Ольги Форш. В первые послевоенные годы у Гранина были планы писать на исторические темы. Но повесть «Ярослав Домбровский», хотя и имела успех, все же не стала определяющей в выборе писателем своей будущей литературной стези. Именно Майорова убедила его в том, что историческая проблематика при всей своей привлекательности не сулит творческих перспектив. Зная Гранина еще с довоенных лет по совместной работе на Кировском заводе, она понимала, что в Данииле Александровиче мирно уживаются два дарования: талант инженера-политехника и редкое умение ярко и самобытно излагать на бумаге свои мысли. Она обратила внимание мужа на то, что свои технические знания он мог бы использовать в литературном творчестве. То было, как сказали бы теперь, его конкурентное преимущество. Никто из широчайшего круга советских писателей в послевоенные годы не смог бы состязаться с ним в понимании технических и нравственных проблем, которые возникали в инженерной и научной среде советской интеллигенции. Так что Римма Михайловна стала для своего супруга не только музой и соратницей, но и человеком, кардинально повлиявшим на выбор талантливым молодым писателем главного направления своей творческой деятельности.

К ГДР у семьи Гранина все же сложилось особое отношение. В значительной мере на это повлияло то, что писатель прошел всю войну, и немцы были для него не только бывшими противниками, но и нацией-загадкой. Он, вероятно, до конца своих

¹⁷ Письмо Мюллера-Клауда Вернера, редактора. Черновик ответа Д. А. Гранина (рукою жены) // Там же. Оп. 5. Д. 368. Л. 1–9.

¹⁸ *Granyin D. A. Korszakov mérnök győzelme*. Budapest, 1951.

¹⁹ *Granyin D. A. Jaroslav Dombrowski*. Budapest, 1953.

дней не мог понять, как у этого великого народа смогло соседствовать в их ментальности богатство национальной культуры и приятие идей национал-социализма. Возможно, в силу этого любопытства Гранин с особым интересом стремился к сотрудничеству с издательствами Германской Демократической Республики. В этом деле помощь Риммы Михайловны была огромна. Благодаря ей уже в 1958 году в Берлине впервые был опубликован роман «Искатели».²⁰ Это произведение настолько полюбили немецким читателям, что в 1961-м оно было вновь переиздано в Берлине.²¹ На рубеже 1950–1960-х годов имя молодого ленинградского писателя стало в социалистической Германии хорошо известным. В 1963-м при активном участии Майоровой в переписке с немецкими издателями в ГДР был издан новый роман Гранина «Иду на грозу».²²

На творчество Даниила Александровича обратили внимание не только в социалистических странах. Например, французские издатели раньше многих предложили ему сотрудничество. Римма Михайловна во многом способствовала тому, что в 1956 году французские читатели получили возможность ознакомиться с произведениями восходящей звезды советской литературы.²³ Но если повесть о Ярославле Домбровском представляла интерес для французов, поскольку значительная часть повествования была связана с Парижем, то издание 1958 года явилось очевидным признанием таланта советского писателя.²⁴ Никто не задумывался тогда над тем, что без участия жены прозаика его повести и рассказы вряд ли оказались бы изданы во Франции. На французские издания произведений Гранина практически сразу обратили внимание представители издательств Бельгии и Португалии. Книги, вышедшие в Париже, появились в Королевской библиотеке Бельгии и в ведущих библиотеках Лиссабона.²⁵ Бельгийцы настолько заинтересовались произведениями Гранина, что местные издатели со временем стали выпускать его труды на нидерландском языке.²⁶

В самом начале своего творческого пути молодой писатель был замечен едва ли не во всех европейских странах. Так, в 1957 году в Норвегии вышел из печати его роман «Искатели»,²⁷ который очень хорошо был встречен не только читателями, но и критиками. Таким образом, Римма Михайловна опосредованно способствовала тому, что о творчестве ее мужа узнали во многих странах Европы, не относившихся к государствам социалистического содружества. Именно тогда, в конце 1950-х годов, Майорова в значительной мере заложила основы читательского интереса к его произведениям в странах как Западной, так и Восточной Европы.

Вероятно, будущим исследователям еще предстоит оценить вклад Майоровой в пропаганду произведений Гранина. Во многом благодаря ей книги писателя стали знакомы не только европейским читателям, но и читателям Кубы²⁸ и Японии.²⁹

Почти все коллеги-иностранцы рассматривали Гранина и Майорову как единое целое. Например, чехословацкий историк литературы, писатель, большой знаток творчества Ф. М. Достоевского Франтишек Каутман в своих письмах обращался всегда к ним обоим.³⁰ Писательница и переводчица Дени Лили адресовала свою переписку

²⁰ Granin D. A. Bahnbrecher: Roman / Aus d. Russ. übers. von E. Margolis. Berlin, 1958.

²¹ Granin D. A. Bahnbrecher: Roman / [Aus d. Russ. übers. von E. Margolis]. Berlin, 1961.

²² Granin D. A. Zählung des Himmels: Roman / [Aus d. Russ. übertr. u. leicht gekürzt von Karl-Eugen Wädekin]. Stuttgart, 1963.

²³ Granin D. A. Dombrowsky / Traduit du russe par G. Arout. Paris, 1956.

²⁴ Granin D. A. Les Chercheurs / Roman traduit du russe par P. Kolodkine. Paris, 1958.

²⁵ Granin D. A. La pluie sur la ville: récits et nouvelles / Traduit du russe. Paris, 1978.

²⁶ Adamovich A., Granin D. Leningrad: belegerde stad 1941–1944. Berchem, 1993.

²⁷ Granin D. A. De som søker / Oversetter I. Pettersen. Oslo, 1957.

²⁸ Granin D. A. La brecha en el muro. La Habana, 1978.

²⁹ グラーニン 著. 偉大な生物学者の伝説 (現代のロシア文学; 第2期 第7巻) / 佐藤祥子 訳. ブープル. 群像社, 1992 (Гранин Д. А. Зубр); Аレーш-Адамович, Даниэль-Грауэнин 著. 一九四一→一九四四年のレニングラードドキュメント / 宮下トモ子 ほか訳. 封鎖・飢餓・人間. 下新時代社, 1986 (Адамович А., Гранин Д. А. Блокадная книга).

³⁰ «Картина». Роман. Ч. 1. Т. 3. Машинопись // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 3. Д. 31. Л. 1.

не только Даниилу Александровичу, но и Римме Михайловне.³¹ Им обоим одновременно писала и переводчица Зигрид Фишер,³² восточногерманские издатели Леонард Кошута и Шарлотта Вассер.³³

Анализ этой корреспонденции убеждает в том, что зарубежные переводчики, издатели, критики и писатели видели в Гранине и Майоровой не только мужа и жену, но и прочный творческий союз.

Не секрет, что Гранин обладал удивительной способностью чувствовать потребности общества в высоких нравственных ориентирах. Чаще всего такие ориентиры виделись ему в лице выдающихся отечественных ученых и их учеников. К выбору таких персоналий писателя всегда вела особая дорога, не похожая на те, по которым он шел прежде. В середине 1960-х годов Даниил Александрович очень заинтересовался жизнью и творчеством академика Н. И. Вавилова. Писатель накопил огромный объем информации об этом выдающемся деятеле советской науки. Процесс накопления был разнообразным. Что-то об ученом Гранин находил сам, какие-то данные присылали коллеги-писатели, такие, например, как М. А. Поповский, но многие сведения были получены благодаря усилиям Риммы Михайловны. Так, Майорова подготовила для мужа краткую справку об аспиранте Вавилова — Бахтееве, которую в дальнейшем Даниил Александрович использовал в своей работе.³⁴

Нередко коллеги Гранина, зная о роли, которую играла Римма Михайловна в деятельности мужа, свои деловые письма обращали непосредственно к ней. Так поступал, например, известный литературовед А. Е. Горелов,³⁵ крупный знаток творчества Ф. И. Тютчева, А. В. Сухова-Кобылина, И. А. Бунина.

Творческие запросы Гранина были очень разнообразными. Он превосходно знал отечественную и зарубежную живопись, часто размышлял о восприятии художниками окружающего мира. В частности, многие ценители искусства по праву считали Даниила Александровича одним из лучших специалистов в области исследования отечественного авангарда. Нет сомнения в том, что в живописи хорошо разбиралась и Римма Михайловна. Оба они состояли в переписке с Евдокией Николаевной Филоновой — сестрой художника П. Н. Филонова.³⁶

Семье Гранина приходилось общаться не только с профессиональными деятелями литературы и искусства, но и с начинающими писателями и многочисленной читательской аудиторией. Эта часть гранинских контактов обычно нуждалась в простой человеческой поддержке, одобрении, дружеском совете. Римма Михайловна за время литературного труда своего мужа настолько прониклась его делами и заботами, что во многом, вероятно, даже мыслила как ее супруг. Возможно, поэтому она брала на себя эпистолярное общение с теми людьми, для которых был важен сам факт гранинского участия в их жизни.

Даниил Александрович лично читал все без исключения письма, приходившие на его адрес. Но в общении с сотнями земляков и иностранцев Римма Михайловна была тем связующим звеном, которое подчас становилось уже не передаточным, а было самостоятельным явлением в отношениях между людьми.³⁷ Никто из читателей

³¹ Письмо Дени Лили, писательницы и переводчицы, Гранину Д. А. и Римме Михайловне, его жене // Там же. Д. 151. Л. 1–9.

³² Письмо Фишер Зигрид, переводчицы, Гранину Д. А. и Римме Михайловне, его жене // Там же. Д. 134. Л. 1–46.

³³ Письмо Кошута Леонарда и Вассер Шарлотты, издателей (ГДР), Гранину Д. А. и Римме Михайловне, его жене. С приложением фотографий. На русск. и нем. яз. // Там же. Д. 119. Л. 1–86.

³⁴ Выписки из следственного дела академика Н. И. Вавилова, сделанные писателем М. А. Поповским. С приложением заметок Р. Майоровой, жены Д. А. Гранина, об аспиранте Н. И. Вавилова Бахтееве. Автограф Р. Майоровой. Машинопись // Там же. Оп. 5. Д. 529. Л. 1–54.

³⁵ Письма Горелова Анатолия Ефимовича, литературоведа (г. Луга; Дом творчества писателей «Малеевка», Московская обл.), Д. А. Гранину. Одно из писем адресовано Р. М. Майоровой, жене Д. А. Гранина // Там же. Оп. 6. Д. 207. Л. 1–5.

³⁶ Письмо Глебовой Евдокии Николаевны, сестры художника П. Н. Филонова, Гранину Д. А. и Римме Михайловне, его жене // Там же. Оп. 3. Д. 179. Л. 1–2.

³⁷ Письмо Сахарова Геннадия, начинающего писателя, Римме Михайловне, жене Д. А. Гранина (Минск) // Там же. Оп. 5. Д. 218. Л. 1–20.

и почитателей гранинского таланта никогда не был обделен вниманием. В ЦГАЛИ Санкт-Петербурга отложилось немало документов, например писем студентам, которые от начала до конца были написаны рукой жены писателя. Остается лишь догадываться, составлялись ли они под диктовку Даниила Александровича, или текст готовила сама Римма Михайловна, но нет сомнения в том, что ни одна строчка не была отправлена адресату без участия мужа. Архивы сохранили многочисленные черновики, написанные женой Гранина, но чистовики всегда перепечатывались Риммой Михайловной на машинке, а внизу стояла запоминающаяся размашистая подпись Даниила Александровича.³⁸

Известно, что писатель время от времени занимался литературными переводами книг полюбившихся ему авторов. Однажды, побывав в творческой командировке в Молдавии, он ближе ознакомился с произведениями писателя И. К. Чобану. Особое впечатление на Гранина произвел его рассказ «Чужак», который, естественно, был написан на молдавском языке и так и просился быть переведенным на русский язык. Даниил Александрович с интересом взялся за подготовку литературного перевода. Перевод оказался удачным, и рассказ в начале 1978 года был опубликован в журнале «Нева». Благодаря той публикации Чобану стал хорошо известен многим советским читателям. Но в тени остался труд Риммы Михайловны, которая основательно поработала над переводом мужа.³⁹

Следует заметить, что многие писательские жены в разные времена были достойными соратницами своих мужей. Среди современников Гранина и Майоровой были и другие писательские жены, ставшие надежной опорой для своих мужей. Один из самых ярких примеров — Марина Николаевна Чуковская — жена писателя Н. К. Чуковского, сына знаменитого К. И. Чуковского. Она была не только помощницей своего мужа, но и талантливым переводчиком. Марину Николаевну и ее мужа Николая Корнеевича связывали добрые дружеские отношения с семьей Гранина. Случалось, например, что, когда Марина Николаевна отправляла деловое письмо Даниилу Александровичу, она прикладывала к нему отдельную записку, адресованную его жене.⁴⁰

Вольно или невольно Римма Михайловна глубоко проникалась жизнью и заботами мужа. Это касалось не только его творчества, но и многочисленных общечеловеческих связей. Нередко случалось, что литературное и дружеское начала сливались воедино. Так было, в частности, когда Гранин в середине 1980-х годов занимался сбором материала для своей в будущем знаменитой повести «Зубр». Как известно, прототипом главного героя произведения стал выдающийся ученый-биолог, генетик Н. В. Тимофеев-Ресовский. Семья писателя на протяжении ряда лет общалась с семьей этого яркого исследователя. Если сложившиеся в результате общения впечатления о Тимофееве-Ресовском Даниил Александрович изложил в своем произведении, то Римма Михайловна написала о них скромные и никому пока не известные воспоминания, которые продолжают храниться в архивных фондах.⁴¹ Эти воспоминания — убедительное подтверждение того, что образ, созданный талантом Гранина, многократно осмысливался и обсуждался в рамках семьи — замечательного творческого союза писателя и его супруги.

Поскольку Гранин был не только видным писателем, но и крупным общественным деятелем, Римме Михайловне доводилось на протяжении длительного времени, особенно в 1980–1990-е годы, помогать мужу в развитии контактов с крупными чиновниками, ведавшими институтами культуры, а также с деятелями театра, кино, телевидения и учреждений искусств. По поручению мужа, например, Майорова готовила от его имени письма на русском и немецком языках, адресованные заместителю мини-

³⁸ См., например: Письмо Седовой Натальи, студентки ЛГУ (Ленинград). Черновик ответа Д. А. Гранина, рукою жены писателя, Л. 1 об. // Там же. Д. 220. Л. 1–2.

³⁹ Там же. Оп. 4. Д. 55. Л. 1–32.

⁴⁰ Письмо Чуковской Марины Николаевны, переводчика, жены Н. К. Чуковского, писателя (Москва), Д. А. Гранину. С приложением записки Майоровой Римме Михайловне, жене Д. А. Гранина // Там же. Оп. 6. Д. 450. Л. 1–2.

⁴¹ Воспоминания о Н. В. Тимофееве-Ресовском Р. М. Майоровой, жены Д. А. Гранина; О. И. Патрушевой, биолога; О. А. Цингера, художника // Там же. Д. 21. Л. 1–41.

стра культуры ГДР Клаусу Хёпке.⁴² Она составляла письма — ответ Гранина на обращения к нему секретаря секции литературы и культуры языка Академии искусств ГДР Вольфганга Кольхаазе.⁴³ Да и с самим президентом Академии искусств ГДР Манфредом Веквертом советский писатель общался во многом благодаря письмам, подготовленным Риммой Михайловной.⁴⁴ Жена писала от имени Гранина и известному немецкому театральному деятелю Герте Байнеман.⁴⁵

Как известно, судьба главной героини документальной повести «Клавдия Вилор», за которую писатель позже был удостоен Государственной премии СССР, вызвала у него едва ли не нервное потрясение. Стойкость советской женщины, пережившей унижения нацистского плена, выстоявшей в борьбе не только с врагом, но и со своими страхами не выдержат истязания, привела его вместе с женой к размышлениям о судьбе женщины вообще, о ее трагической роли в период военных невзгод. Римма Михайловна в ходе работы Гранина над повестью жила мыслями и переживаниями мужа. Так же, как и он, Римма Михайловна общалась с героиней повести, а после ее кончины с ее дочерью Н. Покровской.⁴⁶

С годами Майорова начала отходить от главного дела своей жизни — помощи Гранину в его писательском труде. В конце 1990-х — начале 2000-х годов все больше сказывались болезни. Под тяжестью лет все труднее становилось брать на себя организаторские заботы: переписку с издательствами и редакциями журналов, общение с деятелями культуры. Но Римма Михайловна, несмотря на частые недомогания, продолжала оставаться верным другом и советчиком маститого писателя. Феномен Гранина известен: и после 90 лет он продолжал активно работать, будучи, пожалуй, самым «возрастным» писателем не только в России, но и в мире. И хотя Майорова в последние годы своей жизни уже не могла активно помогать мужу в организации его публикаций как в нашей стране, так и за рубежом, она оставалась ближайшим другом Даниила Александровича, который видел в ней мудрого советчика и просто любимую женщину. Задел, сделанный Риммой Михайловной многие десятилетия назад в налаживании связей между Граниным и издателями разных стран, продолжал работать. В частности, в Великобритании в 2007 году на английском языке был опубликован пронзительный труд Гранина и А. М. Адамовича «Блокадная книга».⁴⁷

Возможно, самым страшным жизненным событием для Гранина стала кончина жены в 2004 году. Сам писатель спустя годы об этом с горечью размышлял: «Смерть жены после многолетнего брака — это потрясение. Считаются все устои, все привычки. Прежде всего, обнаруживается пустота. Пустое место за ужином. Кресло, где она сидела — пустое. Ни в одной комнате ее нет. По привычке торопился домой, она там одна-одинешенька, ждет. Вошел, понимание, что никто не ждет. Несу домой новость, не терпится рассказать, никого нет. Каждый раз забываю, что ее нет».

Платяной шкаф. Там всегда было тесно от ее кофточек, блузок, юбок. Мы их раздали. Покачиваются пустые плечики. Мне надо узнать, когда к нам приезжал Роберт Фрост, какие стихи он читал. Спросить не у кого, она была единственная, кто помнил. Все больше и больше вещей, которые она знала, а я не знаю, не помню и уже не узнать, кругом посторонние люди. Набирается целый материк безответного, того, что мне уже никогда не выяснить. Кругом необитаемый мир».⁴⁸

⁴² Хёпке Клаус, заместитель министра культуры. На нем. и русск. яз. Копии писем Д. А. Гранина Клаусу, лл. 1, 5 (рукою жены) // Там же. Оп. 5. Д. 381. Лл. 1–17.

⁴³ Кольхаазе Вольфганг, секретарь секции литературы и культуры языка Академии искусств. Черновики ответов Д. А. Гранина, Лл. 2 (рукою жены), Лл. 8 // Там же. Д. 357. Лл. 1–10.

⁴⁴ Векверта Манфреда, президента Академии искусства ГДР. На нем. и русск. яз. Черновик ответа Д. А. Гранина (рукою жены), Лл. 2 // Там же. Д. 345. Лл. 1–3.

⁴⁵ Байнемана Герта, театрального деятеля. На нем. и русск. яз. Черновик ответа Д. А. Гранина (рукою жены), Лл. 4 // Там же. Д. 340. Лл. 1–4.

⁴⁶ Письмо Р. М. Граниной, жены Д. А. Гранина, Покровской Нелли, дочери К. Д. Вилор, героини повести Д. А. Гранина «Клавдия Вилор» // Там же. Оп. 4. Д. 424. Лл. 1.

⁴⁷ Adamovich A., Granin D. Leningrad under siege: first-hand accounts of the ordeal / Translated by C. Burstall & V. Kissel'nikov. Barnsley, 2007.

⁴⁸ Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 454–455.

Сейчас Римма Михайловна и Даниил Александрович — вновь рядом. Они покоятся на кладбище поселка Комарово в Ленинградской области.

Майорова удивительным образом сочетала в себе несочетаемое. Она была яркой личностью, оставаясь при этом в тени славы своего прославленного супруга. Она была настолько внутренне интересна и привлекательна, что с ней общались и дружили многие женщины — знаменитости своего времени. Среди них, например, выдающаяся советская легкоатлетка, бегунья на короткие дистанции, четырехкратная чемпионка Европы Мария Леонтьевна Иткина.⁴⁹

Римма Михайловна не только умела брать на себя заботу о быте Даниила Александровича, его трудах, но и сопереживала всем трудностям, а порой и опасностям, которые сопровождали деятельность гордого писателя, не умевшего кланяться начальству. Она вместе с мужем глубоко погружалась в проблемы, возникавшие у Даниила Александровича в процессе его творчества.

Изучая роль Майоровой в деятельности Гранина, мы приходим к твердому убеждению: без ее участия и поддержки писатель никогда не достиг бы своих литературных высот.

⁴⁹ Письмо Иткиной Марии, спортсменки, Гранину Д. А. и Римме Михайловне, его жене // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 3. Д. 191. Л. 1.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-240-251

© Я. В. Нагорная

СВЯТОЧНЫЕ ОБХОДЫ ДВОРОВ В ПОМОРЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ ПУШКИНСКОГО ДОМА)*

Зимние Святки (период между Рождественским сочельником и кануном Крещения), как один из наиболее развитых обрядовых комплексов праздничного календаря поморов, не раз являлись предметом специального исследования.¹ Несмотря на длительную историю изучения, мы до сих пор не располагаем работами обобщающего характера, в которых сравнивались бы календарные праздничные комплексы различных регионов Поморья.

Данная статья является попыткой отчасти восполнить этот пробел и проанализировать традицию святочных обходов домов на Зимнем и Летнем берегах Белого моря на основе полевых данных, собранных участниками фольклорно-археографических экспедиций ИРЛИ РАН в Поморье в период с 1970-х² до 2019 года.³

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 17-78-20194 «Фольклор Белого моря в современных записях: исследования и тексты».

¹ Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. М., 2009; Конкка А. П. Календарные обряды карел XIX — начала XX в. // Финно-угры и соседи. Проблемы межнациональных контактов на территории Балтийского и Баренц-регионов. СПб., 2002. С. 218–249; Ковыригина Ю. И. Материалы по календарной традиции Карельского берега Белого моря // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография. Петрозаводск, 2010. С. 154–200; Самойлова Е. Практики «дарообмена» в ритуальной культуре поморской деревни нач. XX — нач. XXI вв. // Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера «Рябининские чтения 2011». Петрозаводск, 2011. С. 160–163.

² В экспедициях 1975–1976 годов на Зимний, Летний и Онежский берега Белого моря принимали участие сотрудники ИРЛИ РАН П. С. Выходцев, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, А. Н. Мартынова, Г. В. Матвеев, В. А. Смирнов, А. Д. Троицкая, Н. И. Хомчук.

³ В состав экспедиций на Терский, Зимний и Летний берега Белого моря входили Д. В. Агафонова, А. Ю. Балакин, А. Б. Бильдюг, А. И. Васкул, М. Н. Власова, Н. Г. Комелина, Г. Н. Мех-

Повсеместно в интересующих нас регионах обходы домов во время Святков были представлены христославлениями, обходом колядовщиков и походами ряженных, различающимися по составу участников, производимым ими действиям и целям визита. Половозрастной состав группы мог варьироваться: только девочки (девушки) или только мальчики (юноши), намного реже — смешанные группы, при этом в каждую группу собирались по возрасту: дети, подростки, молодежь.

В рамках суточного времени можно выделить утренние обходы, в них участвовали дети или подростки, и ночные (вечерние), в которых были задействованы преимущественно взрослые исполнители. По вечерам дома могли посещать ряженные, чье появление в дневных обрядовых обходах запрещалось.

Христославления. Вплоть до середины 1930-х годов утром Рождества, по другим рассказам — накануне, дети, в основном школьники, объединившись в группы по трое или пятеро — на Зимнем, до десяти человек — на Летнем берегу, бегали по домам «славить».

Обычно славильщики стучались в дом, спрашивая разрешения зайти внутрь, говорили: «Хозяин и хозяйка, с Рождеством Христовым! Разрешите Христа прославить» или «Благословите Христа прославить». Если хозяева разрешали, то ватага ребятишек⁴ проходила в дом, чтобы исполнить христославие — песнопение, повествующее о сущности праздника Рождества, в основе которого лежит тропарь «Рождество Твое, Христе Боже наш», бытовавший в народной среде с небольшими изменениями. Кондак Рождества Христова «Дева днесь Пресущественного рождает...», судя по нашим записям, исполнялся гораздо реже. Оба произведения могли объединяться в одно и заканчиваться словами «С праздником!».⁵ В среде поморов текст тропаря до сих пор хорошо сохранился еще и потому, что включен в молитвенники, которые есть теперь почти в каждом доме.

В обряд христославления на обоих берегах включались также песни с духовным содержанием, канты, стихи-рацеи, на что уже указывали Т. А. Бернштам и В. А. Лапин.⁶ В ходе экспедиции ИРЛИ 1976 года на Летний берег Белого моря, помимо тропаря и кондака, были зафиксированы канты на тему рождества Иисуса Христа («Радость сердце наполняет», «Христос рождается, славите»)⁷. Традиция исполнения «рождественских стихов» во время святочного обхода дворов была зафиксирована и в других районах Архангельской области.

В 1940–1950-х годах школьникам строго запрещалось присутствовать на любых религиозных празднествах. В отличие от Терского, на Летнем и Зимнем берегах этот запрет действовал сильнее, провинившихся учеников могли серьезно наказать. Поскольку в силу идеологических причин дети перестали участвовать в обряде христославления, на Зимнем берегу вместо них по домам стали ходить старушки.⁸ На Летнем берегу подобная замена не фиксировалась.

нецова, Я. В. Нагорная, С. В. Подрезова, А. Радеке, А. И. Функ и др. В статье использованы материалы собирателей Д. В. Агафоновой, А. Ю. Балакина, А. И. Васкул, Н. Г. Комелиной, Г. Н. Мехнецовой, Я. В. Нагорной и С. В. Подрезовой.

⁴ В. М. Субботин, уроженец д. Зимняя Золотица, отмечал, что колядки пели маленькие дети, которые еще не ходили в школу, а христославление — ребята побольше, объясняя это тем, что у христославления текст большой, а колядки маленькие и, соответственно, легкие для запоминания.

⁵ Подобные тексты в большом количестве записывали участники экспедиции ИРЛИ в Приморский р-н Архангельской обл. летом 1976 года, см., например: ИРЛИ. Р. V. Колл. 266. П. 8. № 46.

⁶ Бернштам Т. А., Лапин В. А. Винограде — песня и обряд / Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. С. 248.

⁷ ИРЛИ. Р. V. Колл. 266. П. 8. № 43, 46.

⁸ В литературе описаны подобные случаи на материале Пинежского района и других областей России, см., например: Розов А. Н. Русское рождественское христославление (материалы и исследования) // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 1999. Т. 30. С. 50; Добровольская В. Е. Святочные обходы дворов в Судогодском районе Владимирской области. См.: <https://www.culture.ru/objects/2402/svyatochnie-obhodi-dvorov-v-sudogodskom-rayone-vladimirskoy-oblasti>; дата обращения: 25.12.2020. Имеющихся у нас сведений об участии взрослых и стариков в зимних обходах дворов недостаточно для того, чтобы подтвердить наблюдение Бернштам о том, что в исполнении обряда святочных обходов участвовали все половозрастные группы селения, от детей до стариков (Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. С. 163).

В д. Верхняя Зимняя Золотица нами был записан рассказ Марии Георгиевны Поповой о своей родственнице Анне Дмитриевне, которая ходила по домам славить Христа и пропевала длинную песню на Евангельский сюжет про избиение Вифлеемских младенцев: «„Пречистая Дева Мария Спасителя нам родила“. Это очень длинный, она приходила, ее ждали в каждом доме, и вот она этот стих пела. Там как младенцев этих убивали за Христа. Вот в том смысле. „Одиннадцать тысяч младенцев избивенных, но не могли добраться до Христа“. Но там так прямо не помню больше ничего, отдельные слова, а помню, как она пела. Это еще в детстве было».⁹ Можно предположить, что речь идет о духовном стихе «О Христовом рождении» («Мати Дева Пречистая Христа Бога породила...»), известном по записям из различных регионов страны.¹⁰

Два произведения на этот сюжет были зафиксированы в Карельском поморье летом 1909 года А. В. Марковым и один в 1911-м И. М. Дуровым. Запись 1911 года, сделанная от двух девочек из д. Гридино, имела концовку:

Мы вам рацею читали,
Христа проздравляли.
Вам, хозяин, хозяйшка, с праздником проздравляем.¹¹

Духовный стих, исполненный каликой А. Г. Поповым из д. Бабино в 1909 году, заканчивается приказом Ирода-царя убить четырнадцать тысяч младенцев, за этим следует фраза из христославия: «Мы славим тебя, Христе Боже наш».¹²

Приведенные примеры дают основание предполагать, что духовный стих «Мати Дева Пречистая Христа Бога породила...» мог входить в репертуар христославов из разных регионов Поморья.

В д. Уна на Летнем берегу маленькие дети вместо трудных для запоминания песен-слав исполняли «Вьюника» («Унчика»), рождественскую песенку, бытовавшую в России почти повсеместно, в том числе в Архангельской области и на Карельском берегу. Песня возникла в среде польских школяров¹³ и попала в Россию через Белоруссию и Украину (см.: Приложение. № 1). Ознакомившись с публикациями современных краеведов,¹⁴ местные жители стали связывать появление образа Унчика (Юльчика) на русской почве с влиянием скандинавского фольклора.

В рассматриваемом регионе было широко распространено христославие с элементами колядования. Тексты обоих жанров могли исполняться либо в контаминации, либо следовать друг за другом. Евдокию Ефимовну Агееву из д. Яреньга ребята, собиравшиеся славить Христа, брали с собой, потому что она знала «стишок» «Не морозь, не морозь, хоть козульку брось...», выученный вместе с бабушкой и отцом.

В экспедиционных записях, сделанных на Летнем берегу, встречалась также лаконичная рождественская песенка, сходная с колядкой на уровне отдельных формул и мотивов, получившая распространение во второй половине XIX века,¹⁵ начинавшаяся со славления, за которым следовала просьба о вознаграждении: «Славите, славите, вы меня не знаете...» (см.: Приложение. № 2).

⁹ Архив экспедиции ИРЛИ на Зимний берег Белого моря в 2010 году. Записано от М. Г. Поповой, д. Зимняя Золотица. Здесь и далее курсив в цитатах наш. — Я. Н.

¹⁰ Варианты: *Варенцов В. Г.* Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 45–46; Русские народные песни, собранные П. Киреевским. М., 1848. Ч. 1. Русские народные стихи. № 15; Смоленский этнографический сборник / Сост. В. Н. Добровольский. М., 1903. Ч. 4. С. 677; Духовные стихи / Сообщил Яков Ильинский // Живая старина. 1898. Вып. 3 и 4. Отд. 4. С. 485; *Сперанский М. Н.* Духовные стихи из Курской губернии // Этнографическое обозрение. 1901. № 3, 9, и др.

¹¹ Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / Подг. изд. С. Н. Азбелева, Ю. И. Марченко. СПб., 2002. № 288.

¹² Там же. № 317.

¹³ Подробнее см.: *Костюхин Е. А.* Христианские мотивы в восточнославянском детском фольклоре // Антропология религиозности. СПб., 1998. С. 147–171.

¹⁴ См., например: Секреты поморского Рождества // Северный рабочий. 2011. № 2 (<http://nworker.ru/2019/01/11/20930.html>; дата обращения: 12.12.2020).

¹⁵ *Розов А. Н.* Русское рождественское христославие. С. 48.

Вывод С. И. Дмитриевой о том, что на Русском Севере новогодние колядки заменились разными песнями, преимущественно свадебными,¹⁶ нашими записями не подтверждается.

В деревнях Яреньга (Летний берег), Зимняя Золотица и Майда (Зимний берег) были записаны варианты песни «Снеги на землю падали, перепадавали» (см.: Приложение. № 3–5), имеющие разную концовку, № 3 и № 5 исполнялись как колядка, № 4 — как славление.¹⁷ Варианты текста известны на Русском Севере со второй половины XIX века, и, по мнению А. Н. Розова, он появился в старообрядческой среде. В Поморье в начале XX века это песнопение в контаминации с колядкой было зафиксировано И. М. Дуровым в с. Сумпосад на Карельском берегу.¹⁸ Варианты песни есть среди материалов, собранных Н. И. Хомчук и В. В. Коргузаловым в 1976 году. Жительница д. Нижняя Зимняя Золотица¹⁹ Е. Д. Голубина в 2001 году исполнила песню «Снеги на землю падали, перепадавали» участникам экспедиции Поморского государственного университета.

Собранные нами описания того, как жители Летнего и Зимнего берегов готовились к славлению, весьма скудны и практически идентичны. Как правило, подготовка начиналась задолго до самого праздника и заключалась в изготовлении рождественской звезды, при необходимости — ее ремонте, а также разучивании текстов. Дети репетировали христославия дома в семье с родителями или старшими родственниками, которые заботились о том, чтобы дети пели правильно. Анну Афанасьевну Пахолову из д. Зимняя Золотица славить Христа учили дедушка и бабушка: «Бывало на Рождество дедушка, сидишь на печке, холодно, на печке сидишь, дедушка: славьте Рождество. Вот и учат, если неправильно, опять поправляет, бабушка, правда».²⁰ Подобная традиция существовала и в соседних с Архангельском деревнях, «христославные песни разучивали вместе с родителями, старшими братьями и сестрами и к празднику их хорошо запоминали».²¹

Обычно христославы носили с собой простой, неукрашенный крест, сделанный из тонких палок, скрепленных друг с другом. В Нижней Зимней Золотице юноши ходили со звездой на длинном шесте. К решетку или другому круглому предмету прибивались «лучики» — треугольнички из реек. Девушки ходили по домам отдельно от парней и звезду, как правило, не носили. Все славильщики обязательно брали с собой мешок или корзиночку для угощения, которое подавали хозяева дома.

Благодарили за христославление чаще всего пряниками-козулями («козулька, четыре ножки, две рожки»), которые пеклись в большом количестве специально к Рождеству, и другими изделиями из теста, маленькими пирожками, шаньгами,²² на Зимнем берегу — преимущественно калачами. Современные поморы уже не связывают этот обычай с характерным для русских (и шире — для славян) поверьем²³ о том, что обилие даров сулит благополучие жителям дома, но на уровне поведения эта традиция сохраняется до сих пор. Колядовщикам и христославам на Летнем берегу подают печенье и конфеты, которые покупают для этого случая.

¹⁶ Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988. С. 16.

¹⁷ См.: Розов А. Н. Русское рождественское христославие. С. 51.

¹⁸ Духовные стихи Русского Севера / Сост. В. П. Кузнецова, сост. нот. прил. Г. В. Лобкова, М. Н. Шейченко. Петрозаводск, 2015. С. 137.

¹⁹ Дранникова Н. В. Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы V Междунар. школы молодого фольклориста (6–8 июня 2001 г.). Архангельск, 2002. С. 83–92.

²⁰ Архив экспедиции ИРЛИ на Зимний берег Белого моря в 2010 году.

²¹ Цит. по: Розов А. Н. Русское рождественское христославие. С. 45.

²² Помимо козуль на Русском Севере существовал еще один вид обрядового печенья — шаньги, круглые, среднего размера пироги, которые пекли во время многих праздников, в том числе на Новый год. См.: Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. С. 20.

²³ Подробнее см.: Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М., 1982. С. 136–149.

Полученные пряники, как правило, сразу не ели, хранили в красном углу рядом с иконами, через год их отдавали детям или скормливали скотине, чтобы животные не болели. Вообще ритуальную выпечку сами хозяева никогда не ели, она предназначалась исключительно для одаривания.

Детство большинства наших собеседников пришлось на голодные военные и послевоенные годы, в этот период угощение для детей стало более чем скромным, вплоть до сухарей, но козули считались непременным атрибутом Рождества. Они пеклись из ржаной муки, потом обливались кипятком для того, чтобы пряник был гладким, и могли быть разной формы, но большинство наших собеседников говорили, что пряники пеклись в форме оленей. Традиция печь оленей для мальчиков и тетерок (птичек) для девочек, как это принято в деревнях на Терском берегу, на Зимнем и Летнем берегах исследователями не отмечена.

Анна Афанасьевна Пахолова из д. Нижняя Зимняя Золотица рассказывала, что козули изготовлялись еще и в форме человечков, всадников на оленьей упряжке.²⁴ Галина Андреевна Карельская из д. Летняя Золотица вспоминала, что ее бабушка, родом из карел, пекла на Рождество козули самой разной формы: «Конь, потом сани с оглоблями, сани, еще карета, и в карете сидит дедушка. И вот такие она нам посылала из Пушлахты. Ой, до чего красивые, целый мешочек, вот она отправит, мы расставим: конь там был и верблюд, как будто формы, вот она такие делала козули красивые, а мы не умеем».²⁵

По мере забвения традиции славильщики стали посещать исключительно дворы родных и близких друзей, т. е. дома, где их гарантированно ждут и подадут угощение. Судя по рассказам наших собеседников, в д. Летняя Золотица в конце 1930-х — начале 1940-х годов дети ходили «славить» только к родным, и весь обряд заключался лишь в том, что славильщики и хозяева поздравляли друг друга с праздником, затем обменивались козулями, как крашеными яйцами на Пасху. Традиция особого одаривания родственников существовала в различных регионах Русского Севера. С. И. Дмитриева писала, что в деревнях Холмогорского и Мезенского районов славильщикам подавали в основном сушки и калачи, «реже — козули, предназначавшиеся обычно для родственников».²⁶ На Карельском берегу Белого моря родственникам давали большее, по сравнению с другими, количество денег или угощения. Практика взаимного обмена козулями в других регионах исследователями не отмечена.

Походы ряженных. «Панья». Наиболее явные различия в святочных традициях Зимнего и Летнего берегов мы находим в описаниях походов ряженных. Общераспространенным было деление святочных вечеров на «святые» и «страшные», наступающие перед Крещением. Соответственно времени прихода ряженных разделяли на «чистых» и «нечистых», для последних было несколько обозначений: «шулюкуны», «чуликуны», «шуликины», «шуликены» (Зимний берег), «шуликины» и «страшные» (Летний). Особого именованья для «чистых» ряженных на Зимнем берегу не сохранилось, до нас дошло более позднее — «маскерованные». В деревнях Летнего берега их до сих пор зовут «паньюшками» («пайнушками»), в этой местности существовал еще один термин «наряжные», обозначавший ряженных в «старушек», «девушек» или медведя.

В «святые» вечера на Летнем берегу от дома к дому ходили «паньюшки» — девушки или женщины, одетые в красивые полушубки, сарафаны или штофные юбки. В деревнях Лопшеньга, Нёнокса, Сюзьма и Летний Наволок во время походов ряженные «паньюшками» исполняли хороводную песню с балладным сюжетом «Панья» (см.: Приложение. № 6), собиратели отмечали, что эту же песню могли петь и на святочных вечорках от Введения до Крещения.

Песня известна только по записям, сделанным в этих деревнях, за пределами Летнего берега не встречается. Исполняемые варианты отличаются по напеву и текстам:

²⁴ Архив экспедиции ИРЛИ на Зимний берег Белого моря в 2010 году.

²⁵ Архив экспедиции ИРЛИ на Летний берег Белого моря в 2019 году.

²⁶ Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. С. 19.

в ненюкшанском варианте «мрачная по распеvu, зловещая баллада, здесь <в Лопшеньге. — Я. Н.> протяжная безмятежная».²⁷

Впервые баллада «Панья» была записана О. Э. Озаровской от хора солеваров в посаде Нёнокса на Летнем берегу Белого моря в 1915 году и была опубликована в книге «Пятиречье». Д. М. Балашов считал, что эта баллада польского происхождения близка по сюжету к балладе «Гибель пана» и восходит к началу XVII века. Поморы переняли ее от поляков, которые во время Смутного времени осели в д. Нёнокса²⁸ и впоследствии смешались с местным населением.²⁹

Никто из наших собеседников 1930–1950-х годов рождения исполнения этой песни уже не застал. До нашего времени дошли только отрывочные воспоминания о том, что для «хождения паньей» в прежние времена использовали приданое матерей и бабушек, ни в каких других случаях эту одежду не надевали, берегли именно для Святков. В Лопшеньге «паньюшек» могло быть несколько, но это всегда были девушки, в описаниях наряда всячески подчеркивалась его красота и пышность юбок у сарафанов. В Летнем Наволоке «паньями» рядились девушки, женщины и мужчины:

«— В Новый год по деревне идут да поют, наряжены-то идут и поют. Наперед хороши, в хороши наряды наряжались. Это уже сарафаны длинные такие... красиво наряжались».

В. В. Коргузалов: А панья была мужчина или женщина?

— А все наряжались, и мужчины, и женщины. Мужчины в женско одевались, а женщины в мусько одевались».³⁰

Образ «паньи» встречается в хороводных песнях, описаниях святочных походов ряженных, загадках и поговорках далеко за пределами изучаемого региона. В. И. Чичеров, анализируя сборник В. Магницкого «Песни крестьян села Беловолжского, Чебоксарского уезда, Казанской губернии»,³¹ замечал, что песня «Ехал пан, ехал пан — пан сронил шляпу, панья отказывается поднять», называемая святочной, опубликована в том же сборнике как хороводная.³² В шестой и седьмой тома «Великорусских народных песен» А. И. Соболевского включены несколько хороводных про панью из Пермской губернии, например «Панушко по двору гуляет»³³ и «У пана, у пана, у панских ворот, ту четыре паньи пляшут, возыгрывают...».³⁴

В книге «Народная культура Поморья» Т. А. Бернштам подробно описан обычай «водить барина», существовавший в селе Нижмозеро на Онежском берегу. «„Барин“ одевался в военный мундир Петровской эпохи, а его спутник — „панья“ — в одежду невесты; их свиту составляли соответствующие для названных представлений действующие лица. Ряженные ходили по вечеринкам под песни...».³⁵

В. А. Альбинский, К. А. Шумов, изучавшие святочную обрядность в Камско-Вишерском междуречье, привели описание трех святочных действий с участием этого персонажа. Во время святочных посиделок «паньи» одевались так, чтобы юбка у сарафана

²⁷ ИРЛИ. Р. V. Колл. 266. П. 8. № 47. Л. 1 (запись Н. И. Хомчук).

²⁸ Свидетельством существования поселения поляков на Летнем берегу являются разрушенная в 1942 году Церковь Св. Климента папы Римского (XVI век) и окружавшее ее кладбище, на котором О. Э. Озаровская видела могильные плиты с «латинскими надписями» (Озаровская О. Э. Пятиречье. Л., 1931. С. 17).

²⁹ Подробнее см.: Народные баллады / Вступ. статья, подг. текста и прим. Д. М. Балашова; общ. ред. А. М. Астаховой. М.; Л., 1963. С. 388.

³⁰ ИРЛИ. Р. V. Колл. 266. П. 8. № 21. Л. 2 (А. П. Репина, д. Летний Наволок; запись Н. И. Хомчук, В. В. Коргузалова, П. С. Выходцева, В. А. Смирнова).

³¹ Магницкий В. Песни крестьян села Беловолжского, Чебоксарского уезда, Казанской губернии. Казань, 1877.

³² Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков (Очерки по истории народных верований). М., 1957. С. 173.

³³ Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. СПб., 1902. Т. VI. С. 288–289.

³⁴ Там же. Т. VII. С. 83–84 (2-й паг.).

³⁵ Цит. по: Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. С. 167.

была как можно пышнее, плясали под гармошку или песни. Эти же «паньи» могли наряжаться и старухами, подкладывая под одежду большую «грудь».³⁶

Анализ святочного персонажа «панья» в русской традиции заслуживает отдельного исследования, в рамках данной статьи ограничимся лишь несколькими замечаниями общего характера. Было бы логично связать образ красивой нарядной «паньи» с поморскими куклами-«панками»,³⁷ тем более что Лопшеньга вплоть до начала XX века была одним из крупнейших центров изготовления этих игрушек. Лопшеньгские «панки» отличались от изделий других деревень большей детализацией черт лица и элементов одежды, с точки зрения современного человека, большей красотой кукол. Исследователи единодушны в том, что северные куклы-«панки» генетически связаны с «панями»³⁸ и «стоят в одном ряду с образами почитаемых предков».³⁹

На основе имеющихся сведений напрямую соотнести «панов», кукол-«панок»⁴⁰ и святочный персонаж не представляется возможным. Записи походов ряженных на Летнем берегу, сделанные в XIX — начале XX века, до нас не дошли, по материалам 1970-х годов, относящимся к периоду затухания традиции, суть «хождения паньей» заключалась лишь в том, чтобы нарядиться в красивые старинные наряды и пройти по деревне, пропевая одноименную песню. Для решения этого сложного вопроса необходимо привлечение этнолингвистических сведений о происхождении названия деревянных игрушек и самого слова «пань».

Даже если предположить, что на каком-то этапе развития обрядности образы были связаны, это никак не объясняет появление святочной «паньи» в других регионах, где куклы-«панки» и предания о «панах» не зафиксированы. Слово «панья» распространено во многих русских диалектах.

В «Словаре русских народных говоров» к словам «панья» и «паньюшка» приведены следующие значения: «Панья. 1. Госпожа, замужняя женщина. 2. Девушка, девочка. 3. Полная, представительная женщина. 4. Кукла.

Паньюшка. Девушка, барышня».⁴¹

В языке поморов слово также было многозначным: «Панья. 1. Барыня, жена пана. 2. Расфуфырившаяся, разодевшаяся в широкие растрюбистые и длинные одежды».⁴²

Опираясь на эти словарные толкования, святочный персонаж «паньюшка» можно интерпретировать и как носителя идеи социальной инверсии (представителя иного, высшего сословия: барыня, жена пана), и как красивую, наряженную в широкие юбки или сарафаны женщину.⁴³

³⁶ Альбинский В. А., Шумов К. Э. Святочные игры Камско-Вишерского междуречья // Русский фольклор. Л., 1991. Т. 26. Проблемы текстологии фольклора. С. 180.

³⁷ «„Панки“ — объемные, схематично выполненные из цельного куска дерева человеческие фигурки, напоминающие круглый или огранный столбик, балясину с шарообразной головой и плоским лицом» (Бабаянц Г. Н. Поморские куклы-«панки» // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 105).

³⁸ «Паны, пань, панки в фольклоре — разбойники; иноземцы-грабители; помещики; предки-первонаселенники; мифические великаны; курганы (см.: Власова М. Н. Энциклопедия русских суеверий. СПб., 2008. С. 358–387). Среди материалов экспедиций ИРЛИ на Летний берег Белого моря преданий и быличек о панах и панских курганах нет.

³⁹ См.: Криничная Н. А. Историко-этнографическая основа преданий о «панах» // Советская этнография. 1980. № 1. С. 117–124.

⁴⁰ На Терском берегу словом «панья» обозначали любую деревянную куклу, см.: Словарь русских народных говоров Карелии и сопредельных территорий / Ред. А. С. Герд. СПб., 1999. Вып. 4. С. 391.

⁴¹ Словарь русских народных говоров / Ред. Ф. П. Сороколетов. Л., 1990. Вып. 25. С. 202.

⁴² Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011. С. 287. В дополнение к первому значению заметим, что в описанной Т. А. Бернштам игре «водить барина» панья выступает парой, невестой барина; в Нёноксе «пан» и «панья» ходят по деревне вместе.

⁴³ Ср. описание обычая, существовавшего в Лоухском районе Республики Карелия: «Ходили толсты так и песни пели, вот говорят, оделась как панья толста» (Словарь русских народных говоров Карелии и сопредельных территорий. С. 391).

В XVII веке, после появления на Летнем берегу поляков, принесших с собой элементы своей традиционной культуры, в народном сознании баллада «Панья» объединилась с одноименным святочным образом и прочно связалась с календарной обрядностью. Традиция изображения представителей соседних народов известна в различных регионах страны: на Карельском берегу рядились в «цыган», на Зимнем берегу надевали ненецкие малицы, в других регионах Русского Севера одевались в «лопарей». Поскольку мы не располагаем развернутыми описаниями слов и действий, совершаемых «паньей», не знаем, был ли изначально элемент пародирования речи или поведения полячек, то отнести ее к группе ряженных, называемой «иностранцы», невозможно.

Сейчас, в XXI веке, «хождение паньюшками» в д. Лопшеньга, Пушлахта, Летняя Золотица объединяет в себе походы ряженных, христославов и колядовщиков: девочки-школьницы обходят дворы односельчан с «колядками», песенками, разученными из печатных источников. Как правило, участники специально наряжались: накидывали платки на голову, мажут губы и щеки яркой косметикой, повязывают длинные фартуки, кто-то из ряженных берет в руку «Рождественскую звезду». В Летней Золотице «паньюшки» надевают сарафаны и платки, а лица закрывают масками.⁴⁴

В завершение обзора системы персонажей ряженья на Летнем берегу отметим и другие образы «чистых» ряженных: «старушки-нищенки», «старик со старухой», «медведи» (атрибутом выступал тулуп, вывернутый наизнанку) и «девушки». Поскольку наши собеседники были только наблюдателями и сами в «медведя» и «старушек» не рядились, их воспоминания о святочных персонажах весьма отрывочны. «Девушки» небольшими группами ходили по домам и за исполнение песен получали вознаграждение, позднее этот образ слился с «паньюшками».

На Зимнем берегу в «святые» вечера с шести до десяти часов ряженные сначала водили хороводы по улице, а потом заходили в дома, где живут молодые девушки,⁴⁵ и если хозяева их пускали, то устраивали «свадьбу». «Молодых» жениха и невесту (либо одного пола, либо невеста — мужчина, а жених — женщина) венчал «поп». Приходили также «ненцы» в национальной одежде, «специалисты»: кузнецы (мужчины с молотами) и ряженные, изображавшие поморов во время зверобойного промысла (маскированные приносили с собой лодки, сети, надевали на себя соответствующую одежду). Сохранились немногочисленные рассказы о приходах «прых» (женщин с прятками).⁴⁶ Наряжались также «девушками», юноши надевали красивые платья и платки из бабушкиного сундука или одежду старших сестер. «Девушки» заходили в избу и весело плясали, но вели себя так, чтобы хозяева не могли узнать визитеров:

«— Бывало мы как раз Святки-то в Верхней, к ним были в колхозе... не знаю, что мы делали, так вот, жили там. Там так о-о-о-о сколько народу. То со свадьбой придут,

⁴⁴ В домашнем архиве Галины Андреевны Карельской из д. Летняя Золотица хранится фотография «паньюшек», на которой женщины деревни сфотографированы в масках Деда Мороза, Санта Клауса и Микки-Мауса.

⁴⁵ Э. Г. Бородин-Морозова, которая жила в д. Нижняя Зимняя Золотица во время Великой Отечественной войны, писала о Святках 1945 года в полевом дневнике: «После „обрядни“, когда накормят на ночь скотину, подоят коров, наколют дров и вообще, шуликины собираются по три-пять человек и ходят „на огонек“. В старину, когда ходили маскированными „настоящие люди“, они ходили преимущественно к девкам, а теперь в те дома, где пускают. <...> В избе много гостей, кто пришел с вязаньем, кто и так. Через каждые пятнадцать-двадцать минут кто-нибудь вваливается в избу. Вначале ребята-парнички напяливают на себя современное праздничное платье матери, окутывают голову платком, лицо завешивают другим платком. Большинство сжимают платок у лица в кулак и глядят на нас в эту щелку, но мы их лица не видели. Парни пляшут вприсядку, по их адресу отпускают шутки, они отмалчиваются, чтобы не узнали» (ИРЛИ. Р. V. Колл. 146. Архив Э. Г. Бородин-Морозовой в настоящий момент проходит научно-техническую обработку).

⁴⁶ Упоминание прях как персонажей ряжения нам встретилось только на Зимнем берегу. Строгий запрет на прядение в Святки известен у многих славянских народов. По поверьям, распространенным в Архангельской и Тобольской областях, а также у карел, прядущих могли преследовать нечистые духи «шуликуны». См.: *Власова М. Н.* Энциклопедия русских суеверий. С. 563; *Конкка А. П.* Календарные обряды карел XIX — начала XX в. С. 244.

с гармошкой, то придут — кузница. Углей возьмут, натопчут — мойте пол. А пол-то тогда некрашенный, шоркали, так.⁴⁷

— А как это — приходили свадьбой на Рождество?

— Не знаю, и жених, и невеста, и поп, и венчают все, и поют... И с прялками ходили пряли, и...

— А невеста-то — женщина или мужчина?

— Женщина, а и мужики наряжаются.

— Прямо в свадебный наряд одевались? С повязкой?

— Да, с повязкой. Теперь уж ни повязок нигде нет... <...>

— А вот свадьба, которая шутейная на Рождество, отличалась от обычной свадьбы, или они все повторяли, как обычная бывает?

— Да повторяли они и так и не так, по-разному. Шутили...⁴⁸

Обращает на себя внимание различие в речевом поведении ряженных на Зимнем и Летнем берегах. На Зимнем берегу основное стремление «маскированных» — остаться неузнанными, для этого молодежь и взрослые, «чистые» и «нечистые» персонажи закрывали лицо платком, марлей или отрезом ткани, во время своего прихода не издавали никаких звуков. Информанты объясняли ритуальное молчание ряженных желанием сохранить тайну своего появления. По словам местных жителей, на Летнем берегу лицо закрывали намного реже, но проговаривали слова и пели песни значительно чаще, чем на Зимнем, даже «шуликуны» не оставались бессловесными, они произносили («мололи») невнятные речи.

В рассказах наших собеседников представления о ритуальном обходе домов ряжеными смыкаются с воспоминаниями о походах ряженных во время святочных посиделок.⁴⁹ Ряженные заходили в дома, где устраивались посиделки для девушек: «Девушки сидели за столами, в такие дни, праздничные. В Рождество и Крещение просто сидели и так, сидели за столом, в карты играли. Приходили с музыкой, с гармонью, плясали все вместе в больших комнатах, а в такие рабочие дни, в Святки, когда маскированные ходили, то там девушки сидели, что-нибудь там рукодельничали. Вышивали, вязали кружево, все такое. За столами».⁵⁰

На брачную, «свадебную направленность» святочных игрищ указывали многие исследователи,⁵¹ Святки в Поморье являлись вторым, после весенне-летних гуляний, периодом общественных смотрин невесты, здесь происходило обрядовое «посвящение» молодежи брачного возраста в «женихи» и «невесты».

К числу шуточных свадебных обрядов С. И. Дмитриева относит обычай молодежи «припевать» невест женихам с помощью «Виноградий»⁵² (песен с припевом «виноградье красно-зеленое»), Т. А. Бернштам и Л. Н. Виноградова считают обходы дворов с исполнением «Виноградий» дифференцированным типом колядования, отличительной чертой которого является опевание всех членов семьи. Различали «Виноградье» «холостое», «семейное», «девье», «парню», «бездетное» и др.⁵³ Обычай исполнять «Виноградья» во время Святки не фиксировался в Поморье уже со второй

⁴⁷ Обычай проказ именно ряжеными, как на Карельском берегу Белого моря (см.: *Ковыриши-на Ю. И.* Материалы по календарной традиции Карельского берега Белого моря. С. 167), в исследуемом регионе нами не зафиксирован. В рассказах большинства собеседников святочные проказы никак не связаны с походами ряженных.

⁴⁸ Архив экспедиции ИРЛИ на Зимний берег Белого моря в 2010 году. Записано от А. А. Пахоловой, д. Нижняя Зимняя Золотица.

⁴⁹ Подробнее см.: *Ивлева Л. М.* Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994. С. 113–114.

⁵⁰ Архив экспедиции ИРЛИ на Зимний берег Белого моря в 2010 году. Записано от М. Г. Поповой, М. А. Попова, д. Верхняя Зимняя Золотица.

⁵¹ *Бернштам Т. А.* Народная культура Поморья. С. 380–382; *Конка А. П.* Календарные обряды карел XIX — начала XX в. С. 239.

⁵² Подробнее см.: *Дмитриева С. И.* Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. С. 26.

⁵³ *Бернштам Т. А., Лапин В. А.* Виноградье — песня и обряд. С. 239–364; *Виноградова Л. Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. С. 28–30.

половины XX века, записанные нами песни с этим куплетом относились исключительно к свадебному обряду.

В «страшные» вечера перед Крещением на Летнем и на Зимнем берегах по улицам деревень ходили «шуликуны».⁵⁴ Повсеместно наиболее распространенной формой ряженья в «шуликунов» было накидывание на лицо материи, как правило, это называлось «маска»,⁵⁵ и выворачивание ветхих тулупов или старых шуб наизнанку. Ряженные надевали потрепанные меховые шапки, перевязанные ветхой материей в четырех местах так, чтобы торчали узлы. В отличие от «чистых» ряженных, которых пускали во все дома, «шуликунов» могли выгнать из избы, потому что они своим видом пугали маленьких детей.

И. А. Разумова и Н. В. Дранникова, изучавшие особенности восприятия «нечистой силы» в Архангельской области, отмечали противоречивость в описании их облика: «Шуликуны представлялись людьми маленького роста в металлических шапках или высокими и худыми. Впоследствии шуликунами стали называть святочных ряженных (Поморье, Мезенский и Приморский районы)».⁵⁶

Святки завершались 19 января по новому стилю в день Крещения, когда «шуликуны» загонялись в Иордань. Как это происходило раньше, сейчас уже никто не знает, в народной памяти гораздо лучше сохранились рассказы о том, как люди «купались» в проруби и ходили за святой водой.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют сделать глубокие выводы о различиях в святочной обрядности на Зимнем и Летнем берегах, тема нуждается в дальнейшем изучении. Следующий этап работы невозможен без привлечения этнолингвистических и этнографических данных, большего количества архивных документов, а также сбора полевых материалов с подробными вопросами о репертуаре христославов и персонажах ряженья.

Ниже приводятся тексты, зафиксированные на Летнем и Зимнем берегах Белого моря участниками экспедиций ИРЛИ 1975–2012 годов, № 1–5 представляют собой расшифровки аудиоматериалов (FA DF 894 Audio; FA DF 898-A005-001; запись Д. В. Агафоновой, А. Ю. Балакина, А. И. Васкул, Н. Г. Комелиной, Г. Н. Мехнецовой, Я. В. Нагорной и С. В. Подрезовой); № 6 публикуется по перебеленной полевой записи (ИРЛИ. Р. V. Колл. 266. П. 8. № 47. Л. 1–2; запись Н. И. Хомчук, В. В. Коргузалова, П. С. Выходцева, В. А. Смирнова).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

Маленький вьюнчик сел на стульчик,
В дудочку играет, Христа прославляет.
Хозяин да хозяйшка,
С праздничком, с именинничком.

(зап. от М. П. Терещенко, д. Яреньга)

2

Славите, славите,
Вы меня не знаете.

⁵⁴ Шуликун — нечистый дух, водяной, ряженный. В поверьях Архангельской области «объединяет черты святочного ряженного, нечистого, „железнодорожного еретика“ и существа, напоминающего бабу-ягу» (Власова М. Н. Энциклопедия русских суеверий. С. 562).

⁵⁵ Сведениями об использовании на Летнем и Зимнем берегах традиционных масок, деревянных или из толстой бумаги, как на Карельском берегу, мы не располагаем.

⁵⁶ Дранникова Н. В., Разумова И. А. Локальные особенности восприятия нечистой силы (Архангельская область) // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 2010. С. 269.

Я наелся творогу,
Больше славить не могу.
Дайте мне конфетку,
Побегу я к дедку.

(зап. от А. А. Калининой, д. Яреньга)

3

Снеги на землю падали, перепадывали.
Пресвятая Божья Мария
К Богу в церковь заходила,
Богу дары приносила,
Священников искала.
Наше Рождество, Святое Рождество.
Прикатилось оно
К господину под окно.
Господин, вставай,
Госпожу поднимай
И мне подавай
Пирог да шаньгу,
Козульку, маслица чечульку.
Хозяин с хозяйшкой,
С праздничком, с Рождеством Христовым.

(зап. от А. И. Серухиной, д. Яреньга)

4

Снежки на землю падали, перепадывали,
Сам Иисус Христос,
Пресвятая Мать Мария
По Божиим церквям ходила,
Свечи, ладаны сбирала,
Проповедничкам сказала:
— Проповеднички, проповедуйте,
Что про книгу, про письмо,
Про Христово Рождество.
А Христово Рождество всему миру празднество.
С праздником, с Рождеством Христовым!

(зап. от М. Г. Поповой, д. Зимняя Золотица)

5

Снежки падали, падали,
Перепадывали.
Там Иисус Христос и Свята Мати Мария
По божницам там ходила.
Свечи-ладаны сбирала,
Попроведничкам сказала.
Попроведнички, вы уж сбегайте, проповедайте
Как про книжку, про письмо,
Про Христово Рождество.
Покатилось Рождество
К господину под окно.
Ты вставай, господин,
Да буди госпожу.
Все кровати сукецовой,
За подушки, за пуховой.

Колобок да калачок,
Ты катись ко мне в мешок.

(зап. от Ф. Ф. Бурковой, д. Майда)

6

Запоходила да запоходила мла...
Ой, да младая панья
По своим же да по своим же да ной...
Ой, по новым сеням
По частым-мелким, по частым-мелким пе...
Ой, по переходам.
До окошечка, до окошечка,
Ой, пания ли доходила
До косишшата, до косишшата,
Ой пания ли доступала.
Из окошечка, из окошечка,
Ой, пания ли да смотрела,
Из косишшата, из косишшата
Ой, пания ли да глядела:
Вот там из поля, вот там из поля бы...
Ой, да было в поли
С широкого, из широкого из...
Ой да, из роздолья
Там едут (ы), вот там едут князи,
Ой, князи ли да бояра.
Все купцы-гости, все купцы-то гости,
Ой, гости ли да торговли
(Уж) вы видали ли вы видали ли мла...
Ой, да молодого пана?
Моего же да моего же да пре...
Ой, да прежнего мужа
Как один-от князь, как один-от князь слой...
Ой, да слово молвит:
— Мы видом пана, мы видом пана
Ой да, не видали.
Как второй-от князь, как второй-от князь слой...
Ой да, слово молвит:
— Мы слыхом пана, мы слыхом пана
Ой, да не слыхали.
Как третьей-от князь, как третьей-от князь слой...
Ой да, слово молвит:
— Уж мы видели, уж мы видели мла...
Ой, да молодого пана.
Моего же да, моего же да пре...
Ой, да прежнего мужа.
Его добрый конь, его добрый конь пой...
Ой, да в поле рышшот
Копытом землю, копытом землю вый...
Ой, да вырывает.

(зап. от А. С. Федотовой, Д. П. Павловской,
Е. З. Ярыгиной, М. К. Корельской,
З. П. Петровой, В. Н. Петровой, <К. И. Петровой>,
К. С. Пирожниковой, Т. А. Павловской,
<О. К. Павловской>, М. И. Майзеровой,
д. Лопшеньга)

ЗАМЕТКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-252-253

© А. В. Романова

ЕФРЕМ БАРЫШЕВ И ВАЛЬТЕР СКОТТ ИЗ КОММЕНТАРИЯ К НЕКРОЛОГУ И. А. ГОНЧАРОВА «Е. Е. БАРЫШЕВ»

Ефрем Ефремович Барышев (1812–1881, также подписывался и назывался друзьями Барышовым) — поэт, автор романсов, переводчик.¹ В некрологе, посвященном другу, Гончаров писал: «...вся жизнь Барышова, смолоду, в течение каких-нибудь сорока или пятидесяти лет, была посвящена литературе...».² Далее он говорил о переводах Барышева, сделанных после переезда в Петербург: «Зная основательно иностранные языки, он занял место переводчика в одном из департаментов министерства финансов,³ и в то же время сделался одним из скромных, неизвестных публике тружеников в литературе, имя которым легион. Он переводил и компилировал статьи в политических обозрениях для газет, между прочим, участвовал в составлении ученого библиографического отдела в „Отечественных записках“, под редакцию А. А. Краевского и С. С. Дудышкина. Но втихомолку, про себя, и кажется, только для одного себя, он платил дань

старой привязанности к изящным произведениям литературы. Отказавшись от самостоятельной авторской деятельности, он обратился к переводам».⁴

В ходе работы над комментарием к этим словам писателя удалось дополнить краткое упоминание в словарной статье о том, что Барышев, параллельно сочинению собственных стихов и романсов, серьезно занимался переводами еще до переезда в Петербург. Вместе со старшим братом Иваном Ефремовичем⁵ он переводил Вальтера Скотта для А. А. Краевского.

Краевский, как известно, публиковал переводы английских романов не только в «Отечественных записках». В середине сороковых годов он частично осуществил отдельное издание серии романов Вальтера Скотта. Вышли четыре тома: сначала том 15 «Квентин Дорвард» (1845), затем том 3 «Антикварий» (1845),⁶ том 6 «Эйвенго» (1846)⁷ и том 2 «Гей-Меннринг, или Астролог» (1846).

В 1844–1845 годах Барышев вместе со старшим братом сделал для Краевского перевод «Приключений Нигеля» (в современном переводе «Приключения Найджела»; англ. «The Fortunes of Nigel»). Сохранилось письмо 1846 года, раскрывающее подробности этой работы:

«Милостивый государь

Андрей Александрович,

Я, вместе с братом, перевел „The Fortunes of Nigel“. Григорий Филиппович <Голо-

¹ См. о нем: *Охотин Н. Г.* Барышев Ефрем Ефремович // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь.* М., 1989. Т. 1. С. 168–169.

² Порядок. 1881. № 284. 15 (27) окт. С. 4. Подпись: Н. Н. Некролог в собрании сочинений до сих пор не включался.

³ Печатных сведений о гражданской службе Барышева в Петербурге с 1846 по 1876 год, кроме как в некрологе, нет, и только в 1877–1881 годах он присутствует в «Адрес-календарях...» в должности переводчика Департамента таможенных сборов. О хлопотах по устройству Барышева в департамент Гончаров упомянул в письмах к брату Н. А. Гончарову 30 июня 1858 года (см.: *Звезда.* 1945. № 7. С. 144–145) и к И. И. Льховскому 1 (13) августа 1858 года (см.: *Литературный архив.* Л., 1951. Т. 3. С. 131–139). После двухлетних розысканий автору удалось найти подтверждение словам Гончарова. В документах Департамента внешней торговли (переименованного в Департамент таможенных сборов в 1864 году) оказалась единственная запись: в «Списке чиновников», который велся с 1854 года, числится переводчик по канцелярии надворный советник Е. Е. Барышов, вступивший в должность 1 июня 1856 года (РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 862. Л. 19 об.).

⁴ Порядок. 1881. № 284. 15 (27) окт. С. 4.

⁵ Барышев И. Е. (1808?–1884) был ровесником Н. А. Гончарова, старшего брата романиста. Все четверо учились в московском Коммерческом училище, а затем в Московском университете. И. Е. Барышев окончил медицинский факультет.

⁶ Перевод Г. Ф. Головачева и И. Е. Барышева. См. письма И. Е. Барышева Краевскому 1 октября 1844 года: «...„Антикварий“ готов...» (РНБ. Ф. 391. Ед. хр. 287. Л. 20) и 27 августа 1845 года: «Если Вас не затруднит это, то я бы желал получить остальные деньги <...> за Антиквария, в котором моего перевода одиннадцать листов» (Там же. Л. 29 об. — 30).

⁷ Перевод Г. Ф. Головачева и И. Е. Барышева (см. ниже).

вачев. — А. Р. >, вербуя нас в переводчики, уверял, что мы получим половину денег вскоре после окончания перевода. Перевод послан к вам в августе, теперь май. Прошло 9 месяцев, а денег все нет. Смилуйтесь, Андрей Александрович. — Смею надеяться, что вы довольны переводом — он сделан добросовестно. Может быть, собственные имена требуют поправки; но они собьют с толку всякого. Лорда Гленварлоха мы назвали Нигелем, потому что он шотландец. Вообще хлопот было много — половина романа написана по-шотландски. К счастью, у меня есть знакомый шотландец; помогал и немецкий перевод, но в нем нашлись пропуски, особенно в местах трудных.

Пишу сам, потому что Григорий Филиппович отказывается повторять несколько раз одно и то же. Извините, Андрей Александрович, что мое письмо так незанимательно. Поступаю вопреки благоразумию — не занимает тот, кто не имеет надобности в деньгах, а я, ей-ей, имею большую надобность. Пусть же это откровенное признание будет моим ходатаем.

Остаюсь глубоко-уважающий вас
Е. Барышов.

Р. S. — Может быть, вы поместите ответ в письме к Головачеву. Если же вам угодно написать прямо ко мне, то вот мой адрес: Ефрему Ефремовичу Барышову, на Стоженке,⁸ в приходе Воскресенья Нового, в доме пономаря Смирнова».⁹

Упомянутый в письме Г. Ф. Головачев (1818–1880)¹⁰ — переводчик, журналист, многолетний сотрудник «Отечественных записок», составлявший статьи о немецкой и английской литературе; его романс «Вдохнешь ли ты, когда любви священной...» положен на музыку А. К. Варламовым; в 1865 году — редактор журнала «Детское чтение». Закончил одновременно с Е. Е. Барышевым и И. А. Гончаровым словесное отделение Московского универси-

⁸ Так в тексте. Современный топоним — Остоженка. Ср., например, близкие по времени (15 октября и 21 ноября 1837 года) письма В. Г. Белинского к М. А. Бакунину, в которых адрес обозначен так: «...на Стоженке, в приходе Воскресенья, в Савеловском переулке...» (*Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: [В 13 т.]. М., 1956. Т. 11. С. 184, 223*).

⁹ РНБ. Ф. 391. Ед. хр. 181. Л. 1–1 об.

¹⁰ Не отражен в словаре «Русские писатели».

тета, также был утвержден действительным студентом,¹¹ оставил воспоминания о М. Ю. Лермонтове.¹² Обстоятельства, сопутствовавшие переводу «Приключений Нигеля», выясняются из писем Головачева Краевскому. 13 июня 1844 года Головачев рекомендовал Краевскому, искавшему переводчиков для предполагаемого издания серии «Романы Вальтера Скотта», Барышева, но, судя по отсылке к переводу книги Робертсона,¹³ не Ефрема, а его старшего брата.¹⁴ Иван упоминается в дальнейшем в письмах как «товарищ», с которым вместе Головачев перевел «Айвенго» (письмо 16 апреля 1845 года: «Если вы так обязательны, что хотите уплатить половину за Айвенго, то я буду Вам очень благодарен, потому что товарищ мой по переводу все справляется, скоро ли придут деньги»).¹⁵ Роман «Приключения Нигеля» был готов к 12 июня 1845 года — «окончен переводом и переписывается»¹⁶ — и послан Краевскому 27 августа: «Вместе с этим письмом я отправляю к Вам перевод „Приключений Нигеля“; переводил его не я, но, сколько я мог заключить, перевод сделан верно и добросовестно; если Вы найдете его хорошим, то переводчику можно будет поручить и другой роман».¹⁷

К сожалению, перевод не сохранился. После выхода четырех томов издание оказалось убыточным, и распорядители — редактор Краевский, издатель М. Д. Ольхин и типограф К. И. Жернаков — отказались продолжать его.¹⁸

¹¹ Речи, произнесенные в торжественном собрании Московского университета... Июля 5 дня 1834 года. М., 1834. С. 86.

¹² См. о нем в статье М. И. Гиллельсона: Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 116.

¹³ Робертсон У. История государственного императора Карла V, с описанием устройства гражданских обществ в Европе, от разрушения Римской империи до начала шестнадцатого столетия: В 4 т. / Соч. В. Робертсона, д-ра богословия, ректора Эдинбургского ун-та, историографа Шотландии; пер. с англ. Ивана Барышова. М., 1839.

¹⁴ РНБ. Ф. 391. Ед. хр. 287. Л. 8 об. — 9.

¹⁵ Там же. Л. 24 об.

¹⁶ Там же. Л. 26.

¹⁷ Там же. Л. 29–29 об.

¹⁸ Подробно об издании см.: Долинин А. А. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М., 1988. С. 264–273.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-254-255

© Е. И. Орлова

РУССКАЯ КРИТИКА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ*

Книга Б. Ф. Егорова о русской критике выпущена в серии «Антология мысли», и это символично: не только герои книги — русские критики XVIII — начала XX века, — но и сам автор уже давно и по праву считается классиком культурологии, истории русской литературы и неразрывно связанной с ней истории журналистики.

Егоров начинает с самой трудной, как он и сам признается, проблемы: это национальное своеобразие русской критики. Трудности здесь двоякого рода. С одной стороны, чтобы не быть голословным, нужно знать не только русскую, но и критику других национальных литератур, точно представляя себе литературное и эстетическое развитие как минимум европейских стран. С другой стороны, сам исследователь «принадлежит к определенной национальной культуре, находится внутри ее, поэтому невольно точка зрения человека этой культуры отражается в анализе» (с. 4). Славянофилы, пишет Егоров, ставили именно это себе в заслугу, но автор данной книги, как мы видим, позволить себе такого не может. И приведя краткий, но емкий обзор литературы западных ученых о русской критике, он характеризует ее на широком материале движения самой истории России. Конечно, в центре исследования — русский XIX век: именно в это время русская литература, собственно, и входит в контекст мировой, становится ее частью, причем самой заметной.

Но, вчитываясь в спокойный, объективный, не избилующий превосходными степенями стиль автора, все же не перестаешь удивляться, как возможно было в 1981 году первое издание книги Егорова. Например, как бы невзначай он пишет о том, что на протяжении XIX века в России «по крайней мере трижды создавались такие исторические условия, когда многие слои образованного общества, да иногда и простого народа, заражались иллюзией *национального единства*, всеобщей сплоченности вокруг общих интересов <...> Интересно, однако, что иллюзии развеивались от события к событию, и следующая эпоха остав-

ляла в лагере опьяненных иллюзией все меньше и меньше приверженцев» (с. 11). А вместе с тем радикализм, вероятно заложенный в русском менталитете, проявил себя и в литературной критике, тем более, по извечным российским условиям, теснейшим образом связанной с общественной мыслью. Когда журналистика называлась и была «срочной словесностью», а литература (и вместе с ней печатные временные издания) — едва ли не единственной трибуной («кафедрой», как сказал Гоголь о театре), которая порой оказывалась шаткой, поскольку журнал мог быть в любую минуту закрыт, — тогда критика становилась частью не только литературы, но и публицистики. Вот как пишет об особенностях русского мышления Егоров: «...все русские революционеры домарксистского периода, от Радищева и декабристов до народников включительно, верили, что, за исключением крайне узкой правящей верхушки и отдельных отщепенцев в средних и низших слоях общества, нация в целом заинтересована в радикальных преобразованиях, то есть что существуют общенациональные цели и интересы» (с. 11).

Но тем более, добавим мы, так верили и марксисты, кому радикализм был свойствен еще в большей мере.

Здесь интересно слово «верили», и неслучайно автор книги его произносит. Речь идет именно не о целостном донатауном, а потом научном (как видели себя марксисты) мышлении, не об объективном взгляде на русскую историю и современность каждого из деятелей русской критики и общественной мысли, — а о «вере». Она же здесь означает такое представление, которое кажется единственно верным, не допускает инакомыслия, исключает самокритику, становится всеопределяющим. В то же время словом «верили» Егоров ненавязчиво дает понять и свое нынешнее отношение к этим взглядам, к самому типу мышления. Верили — значит полагали незыблемым, не подлежащим даже малейшему сомнению.

Но конечно же, развитие критики определяется далеко не только историческими условиями и движением общественной мысли. Есть, бесспорно, и имманентные законы самой литературы, эстетического сознания эпохи. И жанры, композиция критического выступ-

* Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры, композиция, стиль. 2-е изд., испр. М.: Юрайт, 2019. 231 с.

ления, стиль подчиняются в первую очередь именно им. Так, Карамзину и сентиментализму критика и более позднего времени обязана личностным, субъективным началом. Генеалогию мышления Белинского Егоров видит в романтическом сознании. Вообще в отношении к Белинскому автор книги далек от обеих крайностей, проявившихся в XXI веке и особенно громко заявивших о себе в связи с 200-летием Белинского. Одна — продолжающаяся апология, почти обожествление великого критика. Другая — попытка его же развенчания, упреки в том, что неистовость «Виссариона» передавалась последующим поколениям и принесла много вреда, обернувшись нетерпимостью к инакомыслию, однозначностью оценок и многими другими бедами. Но, скажем мы в скобках, влияние Белинского или кого-либо еще было невозможно в такой сфере, как литературное творчество, не будь в самих пишущих этих же черт, пусть и в зародыше. Невозможно *чуждое* влияние! Вероятно, и неистовость, т. е. прямолинейность, радикализм в сочетании с утопическими чертами мышления присущи русскому менталитету в целом, — а Белинский «всего лишь» наиболее яркий его носитель... «Страстный экстремизм русских» (с. 16) в полной мере выявился в Белинском, но и не в нем

одном. «Русская критика предпочитала называть вещи своими именами; если воспользоваться образами пушкинской эпиграммы, она говорила о недруге: „Козел в очках, плюгавый клеветник“, в то время как на Западе было принято уничижать иносказательно...» (с. 16).

Исходя из всего этого автор и строит свою картину жанровой системы русской критики, исследует композицию и стиль произведений каждого жанра. Как пример назовем главы «Диалог и литературная параллель как жанры», «Образ повествователя. „Я“ и „Мы“».

Автор доводит свое исследование до ранней марксистской критики, воспринявшей, как можно подумать, в большей степени традиции Добролюбова, чем даже Чернышевского — «даже» оттого (добавим мы от себя), что Чернышевский все же был автором первой диссертации, основанной на материалистической эстетике. И все его противоречия (классовый подход, попытки социологического анализа) марксистская критика, и не только ранняя, восприняла как бы бессознательно, усугубила и в результате явила российский вариант марксизма, довольно далеко отстоящий от европейского, или истинного. Плачевные последствия всего этого сказывались на протяжении почти всего XX века. Но это уже другой сюжет.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-255-257

© А. М. Грачева

ИТАЛИЯ В РУССКИХ СУДЬБАХ КОНЦА XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА*

Русская революция 1917 года и последовавшая за ней Гражданская война привели к массовому исходу подданных бывшей Российской империи в эмиграцию и возникновению на территории государств, расположенных в разных частях света, и прежде всего в Европе, — «России в изгнании». Рассмотрение граней этого феномена является предметом научных исследований, разнообразных по тематике и избранным аспектам изучения. И в этом плане неопределимое значение имеют справочные и энциклопедические издания, которые предоставляют ученому базовые сведения по интересующим его проблемам и конкретным персоналиям.¹

* Русское присутствие в Италии в первой половине XX века. Энциклопедия / Ред.-сост. Антонелла д'Амелия, Даниела Рицци. М.: РОССПЭН, 2019. 864 с.

¹ См., например: Русские в Праге. 1918–1928 / Ред.-сост. С. П. Постников. Прага, 1928; Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. Писатели Русского Зарубежья / Гл. ред. А. Н. Николюкин. М., 1997;

В XIX веке русские художники, писатели, богатые аристократы и промышленники, наконец, больные легочными заболеваниями воспринимали Италию как колыбель искусства, как источник вдохновения и край чудесного исцеления. Именно они в основной массе составляли контингент русских в стране, но имели возможность периодически ездить домой, а также окончательно вернуться на Родину. Иная ситуация сложилась в XX веке после революции 1917 года.²

Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. Периодика и литературные центры / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2000; Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. Книжки / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2002; Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008–2010. Т. 1–3.

² В связи с темой «русские в Италии» нельзя не отметить исключительно богатое по

На фоне известных и давно исследуемых русских диаспор, существовавших во Франции, Германии, Чехословацкой Республике, Китае в период с начала XX века до начала Второй мировой войны (1939), русская диаспора того же времени в Италии во многом оставалась «белым пятном», некоей *terra incognita*. Восполнить существовавший научный пробел стало задачей масштабного проекта группы итальянских исследователей под руководством профессоров Антонеллы д'Амелия и Даниелы Рицци. Он был реализован в течение 2005–2013 годов учеными университетов Салерно, Венеции, Милана, Пизы, университета Мачераты и Третьего римского университета. Первоначальный план собрать сведения о русской эмиграции первой волны в Италии в дальнейшем был расширен за счет включения данных обо всех выходящих из России, а также об организациях, учреждениях и местах, составлявших «итальянскую Россию» первой половины XX века.

Основой работы стали исследования в архивах Италии. Наиболее обширный пласт сведений сохранился в Центральном государственном архиве в Риме и в Историко-дипломатическом архиве Министерства иностранных дел. Были обследованы архивохранилища России (РГАЛИ, ЦГИА, РНБ ОР, ГТГ ОР, ИМЛИ РАН), архивы Франции, Швейцарии и Америки. Тотально просмотрены печатные источники (газеты, журналы, воспоминания, переписка etc.). Собранный материал стал фундаментом статей, составивших электронную базу данных, которая в свою очередь явилась основой для подготовки капитального научного труда «Русское присутствие в Италии в первой половине XX века».

Энциклопедию открывает статья «От составителей», в которой рассказана история проекта, изложена методика работы с архивными источниками, даны сведения о структуре словарной статьи, а также определены принципы формирования Словника персоналий. Для авторов принципом отбора стало включение в состав Словника данных обо всех подданных бывшей Российской империи, сведения о которых сохранились в итальянских архивах, в печати и в других источниках (документах, переписке, данных итальянских некрополей). При обнаружении отсутствия в Энциклопедии той или иной персоналии надо учитывать позицию составителей, согласно которой «не учитывались многочисленные представители русской культуры, оказавшиеся в Италии проездом или жившие в ней непродолжительное время, даже в тех случаях, когда Италия стала важным этапом их жизненного и творческого

пути» (с. 4). Возможно, что с такой позицией составителей связано отсутствие в справочном издании имени А. А. Блока.

Эксклюзивной особенностью Энциклопедии является открывающее ее значительное по объему и содержанию «Введение». Фактически это полноценное научное исследование, в котором в концентрированном виде представлена целостная картина истории русской диаспоры в Италии за указанный хронологический период. Далее следуют необходимые позиции справочника: «Сокращения», «Список архивов», «Условные обозначения источников».

Основной статейный состав Энциклопедии насчитывает 1082 персональных статьи, посвященные русским, жившим в Италии еще до 1917 года, эмигрантам Первой волны, советским гражданам, посещавшим или работавшим в Италии в 1920–1930-е годы, а также итальянским ученым-славистам, посвятившим жизнь исследованию русской литературы. Достоинством Энциклопедии является, по возможности, тотальный принцип отбора лиц, которым посвящены персональные статьи. Наряду с известными политическими, военными, общественными деятелями, знаменитыми представителями русской культуры (статьи о Л. Н. Андрееве, К. Ф. Богаевском, В. П. Зубове, Д. С. Мережковском, Г. В. Плеханове, Ф. И. Шаляпине etc.) в Энциклопедии даны сведения о значительном числе людей, память о которых впервые «воскрешают» авторы настоящего справочного издания. Названы их профессии, выявлены контакты с теми или иными организациями русской диаспоры. В этом плане Энциклопедия имеет фундаментальное значение для дальнейших исследований. Также исключительно ценны введенные персональные сведения о родственниках лица, которому посвящена данная статья, с указанием, по возможности, дат их жизни и смерти. Это выгодно отличает настоящее издание от сходных с ним по типу справочников, где таких сведений зачастую нет даже о жене/муже титульного персонажа. В Энциклопедию также включены 64 статьи о «русско-итальянском пространстве»: русских колониях на территории Италии (в Лигурии, Риме, Милане, Неаполе, Тоскане, на Капри и в Сорренто), политических партиях (младороссах, Национально-трудовом союзе русского поколения, Российском монархическом союзе), дипломатических и военных представительствах и объединениях, библиотеках, журналах, театрах, комитетах, обществах etc. В том числе есть статьи о примечательных в истории «русской Италии» архитектурных памятниках, таких как, например, «Палаццо Волкофф» (Венеция), «Палаццо Строганов» (Флоренция), «Вилла Штрал-Ферн», «Вилла Квитка», «Вилла Амабелек» (Рим) etc. Издание богато иллюстрировано, в основном впервые публикуемыми материалами из собраний итальянских музеев и архивов.

В заключение отметим, что Энциклопедия в настоящее время является и еще долгое время будет представлять собой неоценимый

материалу недавно вышедшее тысячестраничное издание «Венеция в русской поэзии: Опыт антологии. 1888–1972» (М., 2019), подготовленное Р. Д. Тищенко и А. С. Соболевым, содержащее ценный научный комментарий, а также весьма значимый очерк последнего из соавторов «Венеция: Исторический путеводитель» (с. 25–184).

научный источник для исследования всесторонних взаимосвязей России и Италии в первой половине XX века. Это издание также можно читать и как увлекательную историческую книгу, в которой кропотливыми усилиями итальянских ученых воссозданы драмати-

ческие перипетии человеческих судеб. Появление данного уникального труда впервые позволяет полномасштабно представить картину взаимовлияния и взаимообогащения итальянской и русской культур на фоне трагических событий мировой истории XX века.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-257-259

© К. Ю. Лаппо-Данилевский

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ЕГО НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЕ ИЗДАТЕЛИ*

Выпущенный издательством «Peter Lang» в 2019 году том, о котором пойдет речь, — еще одна веха в осуществлении масштабного проекта Майкла Вахтеля, в течение многих лет собирающего и публикующего по архивным подлинникам сочинения и письма поэта-символиста Вячеслава Иванова на немецком языке, а также все, что документирует его живую связь с миром немецкой культуры. Точку отсчета задала книга 1995 года, содержавшая переписку Вячеслава Иванова с Мартином Бубером, Эрнстом Робертом Курциусом, Берндтом фон Хейзелером, Хансом Вейнингером и Эрихом Мюллером-Ганглофом, а также ряд произведений на немецком языке (как поэтических, так и прозаических).¹ В 2016 году Майклом Вахтелем совместно с Кристианом Вильдбергом был впервые опубликован немецкий текст бакинской диссертации Вяч. Иванова «Дионис и прадиионисийство».² В его основу положен перевод Кетэ Розенберг, исправленный и отредактированный автором (эта работа, впрочем, до конца доведена не была).

Новое издание, подготовленное Майклом Вахтелем совместно с Филиппом Глейснером

при участии Владимира Янцена, документирует историю взаимоотношений русского поэта-символиста с его швейцарскими и немецкими издателями в течение почти двадцати лет (с 1928 по 1949 год). В ней Вахтель возвращается к жанру «хроники в письмах», столь удавшемуся ему в книге 1995 года, — с тем лишь отличием, что в изложение вовлечено куда большее количество корреспондентов, а письма самого Вячеслава Иванова сравнительно немногочисленны и, на первый взгляд, даже оттеснены на периферию. Так, первое письмо поэта (к Оскару Зибеку от 28 сентября 1931 года) находим на с. 137 книги; ему предшествует обильный эпистолярный других лиц, обсуждающих возможность публикации сочинений Иванова на немецком языке в издательстве «Я. К. Б. Моор (Пауль Зибек)». Именно здесь в 1927 году вышел немецкий перевод книги Н. А. Бердяева «Смысл творчества», сделанный Рейнгольдом фон Вальтером,³ в связи с чем многие в эмигрантской среде надеялись, что Зибек решится на публикацию сочинений и других русских философов.⁴

В предисловии к книге Вахтель обращает наше внимание на то, что инициатива сближения с миром немецких издательств примечательным образом принадлежала отнюдь не Иванову, а ценителям его литературного таланта. Здесь в первую очередь следует назвать Федора Степуна, чья судьба в эмиграции сложилась весьма благополучно. Покинув Советскую Россию осенью 1922 года, он благодаря поддержке своих друзей довольно быстро интегрировался в немецкую академическую

* Vjačeslav Ivanov und seine deutschsprachigen Verleger / Hrsg. von Michael Wachtel und Philip Gleissner; unter Mitwirkung von Vladimir Janzen. Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien: Peter Lang, 2019. 374 S., 22 Abb. (Russian Culture in Europe; vol. 14).

¹ Ivanov, Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlaß / Hrsg. von M. Wachtel. Mainz, 1995. Отдельные сюжеты рассматривались Вахтелем в журнальных публикациях, из которых в данном контексте нельзя не указать на следующие: *Вахтель М.* 1) Die Korrespondenz zwischen Vjačeslav Ivanov und Karl Krumbacher // Zeitschrift für Slawistik. 1992. № 3. P. 330–342; 2) Вячеслав Иванов и журнал «Hochland» // Europa Orientalis. 2002. Vol. XXI. № 2. P. 61–104.

² *Ivanov V. Dionysos und die vordionysischen Kulte* / Hrsg. von M. Wachtel und Ch. Wildberg. Tübingen, 2012. Выходные данные русского варианта книги: *Иванов Вяч. Дионис и прадиионисийство*. Баку, 1923.

³ *Berdiajew N. Der Sinn des Schaffens. Versuch einer Rechtfertigung des Menschen, aus dem Russischen von Reinhold von Walter*. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1927.

⁴ Так, Н. Н. Бубнов (Nicolaj von Bubnoff; 1880–1962) в конце 1920-х годов предлагал Зибеку свою помощь при переводе сочинений С. Л. Франка, Н. О. Лосского и Л. П. Карсавина для их дальнейшего напечатания. Этот сюжет также довольно подробно документирован в рассматриваемой книге.

жизнь. В 1926 году Степун стал профессором социологии в Дрезденском техническом университете, что дало ему, помимо прочего, возможность способствовать популяризации русской литературы и философии в Германии. Его лекции в университете пользовались успехом, он нередко выступал публично, поэтому у него появляется немало знакомых и почитателей в самых различных кругах немецкого общества.

Первую, наиболее обширную часть книги «Вячеслав Иванов и его немецкоязычные издатель», озаглавленную «Переписка с издательством „Я. К. Б. Моор (Пауль Зибек)“», можно без преувеличения назвать летописью осуществления далеко идущих планов, которые исходили от Степуна и реализацию которых брали на себя его ученики и более молодые друзья. Данный раздел книги — увлекательный документальный рассказ о возникновении двух книг Иванова на немецком языке: «Русская идея» (1930) и «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» (1932).⁵

Из переписки, что ведется этой группой единомышленников и между собой, и с сотрудниками издательства «Я. К. Б. Моор (Пауль Зибек)», вырисовывается симпатичный круг общения Степуна. В первую очередь следует упомянуть Мартина Каубиша (1888–1941), поэта и автора нескольких литературно-философских статей, который в письме к Зибеку от 30 июня 1928 года впервые заводит речь об издании книги Иванова о Достоевском на немецком языке. Это письмо многое и многих приводит в движение — Степун вскоре пересылает Зибеку «Русскую идею» в переводе Евсея Давидовича Шора (1891–1974), обосновавшегося в 1923 году в Германии после выезда из Советской России. И Шор и сам вступает в длительную переписку с издательством, которое весьма настороженно реагирует на его многочисленные инициативы. В отличие от своего отца Д. С. Шора, замечательного музыканта и сиониста по убеждениям, окончательно эмигрировавшего в 1927 году в Палестину, для Е. Д. Шора духовной родиной была русская философия; свое призвание он видел в том, чтобы ей самоотверженно служить, популяризируя сочинения ее лучших представителей в Германии.⁶

⁵ *Iwanow W.* 1) Die russische Idee / Übersetzt und mit einer Einleitung versehen von J. Schor. Tübingen: Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1930 (Philosophie und Geschichte: Eine Sammlung von Vorträgen und Schriften aus dem Gebiet der Philosophie und Geschichte; № 26); 2) Dostojewskij. Tragödie — Mythos — Mystik / Autorisierte Übersetzung von Alexander Kresling. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1932.

⁶ Впервые важнейшие черты личности Е. Д. Шора и связи его семьи с Ивановым были очерчены в публикации: *Сегал Д.* Вячеслав Иванов и семья Шор (по материалам рукописного отдела Национальной и Университетской

Значительную поддержку Степуну и его единомышленникам оказал швейцарец Фриц Либ (1892–1970), теолог и знаток русской философии и культуры, ибо именно он в глазах Зибекса обладал необходимой компетенцией для того, чтобы непредвзято оценить достоинства того или иного русского сочинения. Именно отзыв Либса положил конец колебаниям Зибекса, и тот опубликовал «Русскую идею» Иванова; Либ также всячески поддержал издание книги о Достоевском.

Вторая часть книги «Переписка с издательством Бенно Швабе» содержит материалы, детально документирующие участие Вячеслава Иванова в подготовке немецкого издания его книги «Дионис и прадиионисийство» (они уже были предварительно рассмотрены во вступительной статье Вахтеля к изданию 2012 года).⁷ Начало этому проекту положило письмо Эрвина Ландау (1904–2001)⁸ к Иванову от 15 мая 1936 года. Он по совету Степуна и Бубнова обратился к поэту от имени базельского издательства «Benno Schwabe & Co» с предложением опубликовать «Диониса и прадиионисийство» на немецком языке. Взаимные обязательства закрепил договор, заключенный с Ивановым 17 января 1937 года. Перевод был поручен Кетэ Розенберг (1883–1961), близкой к кругам русской эмиграции кузине жены Томаса Манна. Представленный ею текст подвергся интенсивнейшей авторской переработке, и Иванов на много лет погрузился в кропотливый труд — с одной стороны, не имея возможности завершить его разом, с другой, не считая

Библиотеки в Иерусалиме) // *Cahiers du Monde russe.* 1994. Vol. XXXV (1–2). Janvier–Juin. P. 330–352. В данном контексте следует также упомянуть: *Сегал Д., Сегал (Рудник) Н.* 1) Начало эмиграции: переписка Е. Д. Шора с Ф. А. Степуном и Вячеславом Ивановым // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Междунар. симпозиума, Вена 1998 / Ред. С. Аверинцев, Р. Циглер. Frankfurt a/M. et al., 2003. С. 457–545; 2) «Ну, а по существу я Ваш неоплатный должник»: фрагменты переписки В. И. Иванова с Е. Д. Шором // *Символ.* 2008. № 53/54. С. 338–403. Наиболее обстоятельной биографией Шора в настоящий момент является введение В. И. Хазана к книге: *Russian Philosophy in Exile and Eretz-Israel / V. Khazan and V. Janzen (eds.).* Jerusalem, 2019. Part 1. Nikolai Berdyaev and Yehoshua Shor: A Correspondence between Two Corners (1927–1946). P. 51–164.

⁷ *Ivanov V.* Dionysos und die vordionysischen Kulte.

⁸ В 1930 году Эрвин Ландау совместно с Вольфгангом Фроммелем основал берлинское издательство «Die Runde». Оба они были вынуждены покинуть Германию после того, как издательство прекратило существование к середине 1930-х годов из-за прихода к власти национал-социалистов. В нем германист Алессандро Пеллегрини, близкий знакомый Вячеслава Иванова, напечатал монографию о Стефане Георге (1934).

допустимым отдать в печать несовершенный текст. Бенно Швабе, уже выплативший Иванову значительную часть гонорара и измученный бесконечными проволочками, в конце концов обратился за помощью в Швейцарское посольство в Риме, которое 30 сентября 1942 года направило поэту требование скорейшего исполнения давно просроченных обязательств. К слову сказать, Иванов до последних дней жизни продолжал трудиться над рукописью и, как явствует из ряда документов, был искренне огорчен тем, что не сдержал слова.

Заключительная третья часть «Рецензии на произведения Вяч. Иванова на немецком языке» содержит два отзыва на «Русскую идею» (Эмилия Метнера и Фридриха Мукермана) и пять на книгу о Достоевском (Ханса Барта, Ханса Фельза, Фреда Хёнша⁹ и Альфреда Бёма) — все они были опубликованы в немецкоязычных журналах вскоре после выхода книг Вячеслава Иванова в свет. В приложении приведена переписка Иванова с Бёмом (пять писем 1932–1937 годов); в них, помимо рецензии последнего, обсуждаются планы возможного сотрудничества в связи с изучением творчества Достоевского.

Итак, перед нами тщательно продуманное и заботливо выстроенное издание, документирующее историю трех немецкоязычных книг Иванова от самого зарождения замыслов до их осуществления. В ней сведены воедино материалы из одиннадцати архивов, хранящиеся в Австрии, Германии, Израиле, Италии, Швейцарии, США и Чехии. Рассмотренная хроника в письмах, изредка перемежаемых издательскими документами, детально представляет все перипетии реализации трех проектов (обстоятельства возникновения переводов, корректурные недоразумения, напряженность, возникавшая порой в связи с начислением гонораров, и проч.), а в двух случаях, когда книги были изданы, также и их рецепцию. На судьбах всех героев книги в той или иной степени сказались

сумерки сгущавшейся в 1930-е годы «европейской ночи» — одни из них (Шор, Розенберг, Ландау) были вынуждены эмигрировать из Германии, другие, оставаясь в этой стране, не могли не считаться с новыми порядками, навязываемыми обществу национал-социалистами. При этом все они, несмотря на различие мировоззрений, судеб и характеров, были едины в верности своим убеждениям и гуманистическим первоосновам европейской культуры, а потому их стойкость и верность избранным императивам не может не вызывать нашего глубокого уважения. К числу достоинств книги надо отнести ее иллюстративный ряд — во вклеенном отдельном блоке читатель находит фотопортреты корреспондентов, благодаря чему их голоса начинают звучать более явственно; здесь же воспроизведены факсимиле некоторых рукописей и титульных листов книг. Подробные индексы облегчают пользование томом.

В заключение отмечу следующий парадокс: хотя книга посвящена русскому поэту и его творческим замыслам, воплощенным первоначально на родном языке, в сущности она «развернута» к немецкоязычному читателю, ибо и вступительная статья, и подавляющее число материалов даются в ней по-немецки; когда же какой-то текст приводится по-русски, в оригинале, то ниже дается его немецкий перевод. И еще один парадокс: хотя том, освещающий внешнюю историю трех издательских проектов, читается с неизменным интересом, но самые увлекательные страницы в нем — это те, на которых раздается голос Иванова, приближающий нас к внутреннему миру его произведений. Это письма к Зибеку от 4 и 24 декабря 1931 года, в которых поэт комментирует подзаголовки названия книги о Достоевском, письма к Каубишу от 21 декабря 1931 года и от 30 июля 1932 года, где Иванов высказывается о сочинениях своего корреспондента, а также письма к Фреду Хёншу и Бёму, в которых идет речь об их рецензиях на книгу о Достоевском. Это, вне всяких сомнений, замечательные пополнения эпистолярного корпуса Вячеслава Иванова.

⁹ Фредом Хёншем было написано и опубликовано две рецензии.

ХРОНИКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-260-265

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЧТЕНИЯ К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Н. ПУТИЛОВА И К. В. ЧИСТОВА»

В Санкт-Петербурге 14–16 ноября 2019 года Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН совместно была проведена юбилейная конференция «Чтения к 100-летию со дня рождения Б. Н. Путилова и К. В. Чистова». Выступило 93 докладчика из России, Беларуси, Эстонии, Латвии, Франции и США.

На конференции были представлены следующие панели: «Научное наследие Б. Н. Путилова и К. В. Чистова в современной этнографии и фольклористике», «История науки и научных теорий», «Традиционная культура и ее современные трансформации», «Полевые исследования: история коллекций и публикаций», «Методология современной этнографии и фольклористики», «Антропология религии», «Антропология и фольклор советской повседневности», «Городские исследования в антропологии и фольклористике», «Проблемы современной этномусикологии и теории стиха», «Фольклор и литература: проблемы взаимодействия», «Сюжеты, мотивы, поэтика».

В настоящей хронике мы подробнее остановимся на секциях и отдельных докладах по проблемам фольклористики.

На пленарном заседании вступительные слова сказали Юрий Кириллович Чистов (Санкт-Петербург, МАЭ) и директор Пушкинского Дома Валентин Вадимович Головин, прозвучали доклады А. А. Панченко (Санкт-Петербург) и И. И. Земцовского (США), посвященные вопросам теории и истории фольклористики.

А. А. Панченко представил теоретические взгляды К. В. Чистова и Б. Н. Путилова на природу фольклора, вписал их научное наследие в контекст советской и мировой науки. Докладчик пришел к выводу, что «эти ученые, пытавшиеся каким-то образом примирить поздние советские дискурсы о фольклоре с более современными критическими дебатами, в наибольшей степени способствовали тому, что аналитическая рефлексия в постсоветской фольклористике постепенно вытесняет догматический эссенциализм».

И. И. Земцовский в докладе «Парадокс Б. Н. Путилова и теория фольклора» утверждал, что «развитие „русской школы“ с ее исклю-

чительным вниманием к сказителю и сказительству парадоксально сочеталось у Б. Н. Путилова с признанием того, что фольклор способен на самотворчество, на самоорганизацию и потому как бы не нуждается в человеке, но „без человека ему этого не сделать“».

Секцию «Научное наследие Б. Н. Путилова и К. В. Чистова в современной этнографии и фольклористике» открыл доклад З. Д. Джапуа (Республика Абхазия) «Вопросы жанровой классификации фольклора в работах Б. Н. Путилова и К. В. Чистова в свете нового осмысления предметного поля фольклористики». Жанровое деление фольклорных произведений по традиционной схеме противоречило специфике фольклора, поэтому в постсоветском пространстве целесообразно менять подходы относительно жанровых классификаций национальных фольклорных традиций. Основываясь на современном понимании фольклора, Путилов считал возможным разделить все многочисленные фольклорные жанры на три группы. При этом к первой группе он отнес жанры, которые рассказываются, ко второй — жанры, которые пропеваются, к третьей — речевые жанры.

В. И. Еремина (Санкт-Петербург) сделала доклад «Художественная природа эпического творчества в трактовке Б. Н. Путилова».

Сообщение «О дарственных надписях отечественных и зарубежных ученых на книгах в библиотеке Б. Н. Путилова» представил А. Н. Розов (Санкт-Петербург). В библиотеке Б. Н. Путилова в отделе русского фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) имеется немало книг с автографами авторов. Это книги специалистов в разных областях гуманитарных наук: Н. К. Гудзия, М. К. Азадовского, В. Я. Проппа, А. М. Астаховой, В. И. Чичерова, Д. С. Лихачева, В. И. Малышева, Л. А. Дмитриева, Э. В. Померанцевой, К. В. Чистова, В. Е. Гусева, Н. П. Колпаковой, П. Динеева и мн. др. Одни дарственные надписи сухи и лаконичны, другие, например Н. П. Колпаковой, весьма остроумны. Анализ этих надписей позволил обрисовать круг неформального дружественного общения Путилова и его научные связи.

В докладе «К истории изданий „Сборника Кирши Данилова“ во второй половине XX века» Я. В. Нагорная (Санкт-Петербург) рассмо-

трела издания 1953–1977 годов, подготовленные М. К. Азадовским, Б. Н. Путиловым и А. П. Евгеньевой, и на их примере — историю становления принципов текстологической работы в середине XX века.

М. Н. Власова (Санкт-Петербург) в докладе «Вклад Б. Н. Путилова в изучение русской несказочной прозы» проанализировала теоретические взгляды Б. Н. Путилова, который постулировал типовой характер русских мифологических рассказов (быличек), закономерную повторяемость их сюжетов и мотивов, имеющих параллели в общеславянском (и не только) сюжетном фонде. Особое внимание исследователь уделил своеобразной поэтике и внетекстовым связям этой категории народной прозы.

Секция «Традиционная культура и ее современные трансформации» включала в себя как этнографические доклады, так и сообщения, посвященные фольклорной проблематике. Городские праздники и ритуалы, а также дигитализация знания исполнителя стали предметом рассмотрения в докладах Т. Б. Щепанской (Санкт-Петербург), И. В. Козловой (Москва), М. Г. Матлина (Ульяновск), Е. И. Лешкевич (Белоруссия). Романтизации русской традиционной культуры посвящен доклад М. Л. Бережновой (Омск).

В выступлении В. В. Трубицыной (Новокузнецк) «Репертуар сельских певческих ансамблей: коллективная память о фольклоре и массовая культура (на материале Топкинского и Новокузнецкого районов Кемеровской области)» говорилось о том, что такие коллективы являются единственным островом певческой культуры в современной деревне и представляют собой сплав современной авторской «народной» песни, песен советской эпохи и традиционного песенного фольклора. В докладе продемонстрирован процесс поглощения массовой культурой памяти о фольклоре.

К. М. Королев (Санкт-Петербург) обратился к теме «Новая жизнь персонажей русского фольклора в массовой культуре» и проанализировал нынешние трансформации русского фольклора в пространстве массовой культуры.

В секции «Полевые исследования: история коллекций и публикаций» прозвучали доклады, посвященные отдельным экспедициям, коллекциям и вопросам теории «поля».

В докладе Т. С. Каневой (Сыктывкар) «Столетие полевых фольклористических исследований на средней Печоре: сравнительный обзор источников» была изложена история собирания фольклора в Усть-Цилемском районе Республики Коми (быв. Архангельская губ.) начиная с 1901 года. Столетняя история отражает формы и подходы к выявлению фольклорного материала в XX веке: открытие локального центра как эпического очага, повторные записи былии, а также фиксация произведений других жанров профильными экспедициями академических учреждений и Фольклорной комиссией Союза композиторов РСФСР, сбор материалов представителями

«журналистской фольклористики», вузовской «стихийной» (без участия специалистов) и вузовской профессиональной фольклористики, учеными-нефольклористами, а также местными краеведами.

С. В. Березницкий (Санкт-Петербург) сделал доклад «Фольклорные материалы Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг.». Руководитель экспедиции Б. А. Куфтин был сторонником кратковременного, но эффективного полевого исследования, проводимого специалистом, имеющим профессиональное образование в сфере этнографии. В экспедиции Куфтин и другие участники (Б. А. Васильев, В. К. Штененко-Куфтина) собрали уникальные сведения о культуре орочей, удэгейцев, нивхов и иных коренных народов амурсахалинского региона. В их полевых дневниках прослеживается четкая структура фиксирования этнографического и фольклорного материала: жилищ, транспорта, комплекса одежды и обуви, пищи, утвари, орудий труда, орнамента, процесса воспитания детей, обрядов жизненного цикла, промысловых ритуалов, культовой скульптуры, шаманства. Соответствующие разделы насыщены этнической терминологией, разнообразными фольклорными текстами.

В докладе Н. В. Покатиловой (Якутск) «К типологическому открытию „устной культуры“ от Г. В. Ксенофонтова до А. А. Саввина: первый экспедиционный проект академического Института языка и культуры при Совнаркоме Якутской АССР (1937–1938 годы) в аспекте пограничья этнографии и фольклористики» был сделан вывод, что в полевой практике А. А. Саввина были задействованы сходные с методологией Г. В. Ксенофонтова принципы работы, о чем свидетельствует коллекция культурных артефактов, собранная им уже в первую — Вилюйскую — экспедицию.

Доклад Н. Г. Комелиной (Санкт-Петербург) «„Поле“ в фольклористике: от истории понятия до собственного опыта „поля“» был посвящен истории термина «поле» в отечественной фольклористике.

В секции «История науки и научных теорий» были сделаны доклады, объединенные кругом близких вопросов: теории этноса (А. Г. Новожиллов (Санкт-Петербург), Д. В. Верховцева и С. С. Петряшина (Санкт-Петербург)), истории отечественной этнографии (Д. А. Москвина (Санкт-Петербург) и Б. Е. Винер (Санкт-Петербург)). Проекту карты хозяйственного освоения территории Кольского полуострова было посвящено выступление К. Я. Коткина (Мурманск), вопросы районирования в этнологии на примере Белорусского Подвинья рассмотрены в сообщении В. Е. Овсейчика (Беларусь), этнографические материалы в «Словаре русских народных говоров» представлены в презентации С. А. Мызникова (Москва). Т. Кенцис (Латвия) рассказал об «изобретении» Советской Латвии, О. М. Фишман (Санкт-Петербург) — о проекте «Экспедиция Музея человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937–1938)». М. П. Момзикова

(Санкт-Петербург) сделала доклад об этнических категоризациях и жанровых классификациях фольклора, изложенных в трудах этнографа Б. О. Долгих.

Остановимся на отдельных выступлениях подробнее.

Доклад А. Н. Власова (Санкт-Петербург) «Краеведы первой половины XX века и советский авангард (К проблеме смены научных парадигм в российской культуре)» был посвящен выяснению концептуальных подходов к анализу фольклорно-этнографического материала.

Ю. Е. Березкин (Санкт-Петербург) в выступлении «Является ли фольклористика исторической дисциплиной» положительно ответил на поставленный в названии своего выступления вопрос. Возросшая в 1970-е годы популярность фольклористики к 1990-м годам утратилась. Причины этого в неблагоприятном развитии мировой фольклористики после Первой мировой войны. С. Томпсон, создатель фольклорных указателей, не интересовался историей и сделал все от него зависящее, чтобы вытеснить из фольклористики историческую проблематику. В качестве отрасли гуманитарного знания фольклористика может существовать в любых формах. Но в качестве науки она должна быть исторической дисциплиной.

М. Л. Лурье (Санкт-Петербург) в докладе «Забытая дискуссия: полемика о современном фольклоре в советской фольклористике 1950–1960-х гг.» рассматривает научный спор о современном фольклоре, который начался в 1950-е годы на волне критики проекта советского эпоса и продолжился до второй половины 1960-х годов. Фольклористы этого периода стремились достичь компромисса между традиционалистским и модернистским пониманием фольклора.

В докладе Е. Е. Левкиевской (Москва) «Опыт реконструкции палеофольклора: от „основного мифа“ к московской этнолингвистике» рассматривались два различных подхода к реконструкции древнейших слоев славянской традиционной культуры, которые повлияли на развитие фольклористики, хотя методологическая база обоих лежит в области лингвистики. Речь шла об опыте реконструкции праславянской мифологии в работах В. В. Иванова и В. Н. Топорова и исследователей их круга, с одной стороны, и, с другой, об усилиях в том же направлении, предпринятых Московской этнолингвистической школой Н. И. Толстого.

С. В. Подрезова (Санкт-Петербург) в выступлении «От отофонетической лаборатории к Фонограммархиву: вклад С. И. Бернштейна в фольклорную звукоархивистику» на основе новых архивных данных восстанавливает историю звукового архива от «отофонетической лаборатории» Института Живого Слова, которая предполагала экспериментирование в сфере «психофизиологии органов слуха и речи у людей и животных, акустики, развития музыкальных способностей, фоники и фонетики» до Фонограммархива — научно-практической лаборатории по записи, обработке и изучению ху-

дожественной речи в широком спектре ее проявлений, описывает историю и состав фольклорной коллекции С. И. Бернштейна (1920–1927), сохранившейся в Фонограммархиве ИРЛИ.

В секции «Методология современной этнографии и фольклористики» прозвучали сообщения С. Б. Адоньевой, И. С. Веселовой, Н. С. Гончарова, О. Б. Христофоровой, Н. С. Душакловой, часть из них была посвящена теории антропологии, этнографии и семиотики.

С. Б. Адоньева (Санкт-Петербург) в докладе «Направленное воображение в лечебных, ритуальных и нарративных практиках севернорусской деревни» остановилась на практиках целенаправленного воображения, т. е. тех ситуациях, в которых характер поступающих сигналов вынуждает индивида искать толкование, а толкователь предлагает образ или идею, посредством которой следует понимать сигнал и совершать нужное действие. Исследователь пришла к выводу, что в русской деревенской традиции уместность и значимость предлагаемых образов обеспечивается авторитетом коллективного опыта и строится на холистическом представлении о жизни социального, физического и ментального «тела».

В своем докладе «Речи опыта и чувствительности, или Мифологические рассказы без мифологических персонажей» И. С. Веселова (Санкт-Петербург), составившая «словарь аффектов» на материалах корпуса мифологических рассказов, обобщила результаты анализа последних вне оптики «мифологических персонажей», но с фокусом на человеческие состояния и эмоции.

В секции «Антропология религии» были сделаны доклады, посвященные представлениям о загробном мире карел (А. П. Конкка (Петрозаводск)), переходу от язычества к христианству в карельских рунах (М. В. Пульки (Петрозаводск)), эсхатологии и историософии религиозного движения Третий Израиль (А. В. Корневский (Ростов-на-Дону)), мистической секте «Бурсылысыяс» (П. Ф. Лимеров (Сыктывкар)), генеалогии отечественного шамановедения (Д. Ю. Доронин (Москва)), жанру обмирания (С. Зохиос (Париж, Франция)), религиозному почитанию И. Я. Корейши в Москве (А. Б. Мороз (Москва)). К. Г. Баталова (Санкт-Петербург) проанализировала фестиваль «Радуга» как утопический проект.

С. Ю. Королева (Пермь) представила доклад «Помянник в традиционной культуре: функционирование вещи и трансформации текста», в котором проанализировала функционирование помянников — списков умерших, поминаемых за упокой. Такие списки связываются с местными (квази)историческими событиями, включаются в народно-православные практики, их появление становится предметом легенд и преданий (примеры — вятская свистопляска, чердынский культ 85 убиенных воинов и др.). Королева отмечает внецерковное функционирование семейных помянников: рукописные тексты могут транс-

формироваться в краткие родословные, устные варианты (заученные наизусть списки) начинают включать термины родства.

Н. В. Петров (Москва) и Н. Б. Грамматикова (Москва–Екатеринбург) выступили с докладом «„Староста, дьякон, поп собрались, ножики взяли и пошли“: дело об ожившем в церкви». Материалом для исследования послужили тексты, записанные в конце 1970-х годов в нескольких населенных пунктах на северо-востоке Свердловской, а также в Кировской области. Они содержат мотивы оживания в церкви приоткрытого к отпеванию покойника и описания последующих действий священника (попа). История о мнимоумершем вписывается в более широкий контекст нарративов о похороненных заживо, истоки которых, вероятно, следует искать в петровских указах начала XVIII века о погребении тела на третий день после смерти.

Секцию «Сюжеты, мотивы, поэтика» открыл доклад А. Х. Гольденберга (Волгоград) «Ирония в фольклорных сюжетах о Щелкане», в котором рассматривалась историческая песня и записанная недавно в Волгоградской области топонимическая легенда о названии реки Щелкан. В ней изложен необычный вариант гибели Щелкана, утонувшего при переправе через реку. При всех сюжетных различиях исторической песни и топонимической легенды у них есть одно общее художественное свойство — иронический тон в изображении гибели баскака. В данном случае, как считает Гольденберг, речь может идти о вторичной фольклоризации сюжета.

Л. И. Петрова (Санкт-Петербург) сделала доклад «Сюжет о Чурилье-игуменье в эпической традиции Русского Севера». Вошедший в Сборник Кириши Данилова текст «Чурилья-игуменья» был анонсирован Б. Н. Путиловым как уникальная песня саркастического характера. На Русском Севере этот редкий сюжет обретает драматические черты, сближаясь с широко распространенной балладой «Василий и Софья».

А. В. Никитина (Санкт-Петербург) в сообщении «Яга-воительница: от богатырки до змеообразного чудища» рассматривает определенный тип персонажа в разных сказочных сюжетах. Исследователь отметила градацию с варьированием образа от богатырки (с обилием былинных элементов и минимумом элементов, указывающих на сверхъестественную природу Яги) до сверхъестественного существа — Чудища, Змеи (Змеихи), чьи антропоморфные черты условны. При этом неизменными остаются половозрастная характеристика и, если указывается, семейно-родовой статус Яги.

В выступлении «Сюжет „Хитрость Дидоны“» (АТ 2000*2400) в сборниках башкирского фольклора» Т. И. Рожкова (Магнитогорск) пришла к заключению, что бытование данного сюжета в башкирском фольклоре относится к разряду утопических легенд.

В докладе Т. Г. Ивановой (Санкт-Петербург) «Василий Дмитриевич Поленов. Портре-

ты сказителей (к вопросу о создании базы данных на тему «фольклор / этнография в изобразительном искусстве)» рассматривались портреты сказителей художника В. Д. Поленова, до сих пор не попадавшие в поле зрения фольклористов. Исследователь поставила задачу создания базы данных на тему «фольклор / этнография в изобразительном искусстве», обозначила те обязательные аспекты, которые должны быть в ней отражены: воспроизведение самого художественного произведения, художник, техника, место хранения, принадлежность к рубрике (былины, сказки, свадебный обряд, календарный обряд, народные музыканты, сказители и пр.), справочная литература.

Выступление М. В. Рейли (Санкт-Петербург) «Сказка о курочке Рябе глазами студентов Пекинского университета» было посвящено межкультурным взаимодействиям. В частности, проведен краткий анализ специфики восприятия и интерпретации образов-символов русской народной сказки разными этнокультурными группами (в данном случае предполагаемыми носителями русской традиционной культуры и китайскими студентами Пекинского университета).

В секции «Антропология и фольклор советской повседневности» были собраны доклады о «советском».

А. А. Чувьуров (Санкт-Петербург) в докладе «В Ливерпуле на площади, в длинных пиджаках...» рассказал о переделках популярных эстрадных песен. На рубеже 1960–1970-х годов появляются созданные поклонниками песенные переделки популярных западных поп- и рок-групп: «Can't Buy Me Love» группы «The Beatles» («В Ливерпуле на площади...»); «Venus» группы «Shocking Blue» («Хабарик, я нашел хабарик...»); пародийные куплеты на мотив музыки оперы «Jesus Christ Superstar» («Наш Ильич, наш дорогой Леонид Ильич...»). Названия групп, а также тех или иных песен обыгрывались в анекдотах или же в пародийных переименованиях («What can I do» группы «Smokie» — «водки найду»).

Источниками доклада Д. В. Валуева (Смоленск) «„По городу и уезду циркулируют провокационные слухи...“». Слухи как часть городской субкультуры Смоленской губернии в 1917–1922 гг.» являются дневники и переписка граждан, сообщения органов ВЧК и ОГПУ о настроениях населения городов Смоленской губернии, постановления власти о борьбе с распространением недостоверной информации, публикации в периодической печати. В экстремальных условиях жизни первых послереволюционных лет основными темами слухов были возможная оккупация губернии иностранными войсками, приход белой армии, новые насильственные действия власти (репрессии и реквизиции), недостаток продовольствия и угроза голода. Власть боролась со слухами, применяя наряду с разъяснениями и элементарным просвещением достаточно жесткие меры, вплоть до ареста и суда, но серьезных результатов это не имело.

А. С. Лызлова (Петрозаводск) прочла доклад «Городской фольклор в условиях Онежского завода г. Петрозаводска в 1930-е годы». В нем описываются итоги городской экспедиции на Онежский завод в конце 1930-х годов сотрудников Карельского научно-исследовательского института культуры. В архивных коллекциях представлены различные фольклорные жанры (песни, причитания, частушки, пословицы и поговорки, предания, сказки, заговоры), а также сказки, записанные от бывшего работника Онежского завода Ф. П. Господарёва. Итогом деятельности по сбору фольклора предприятия стала подготовка двух изданий: сборника небольшого формата «Сказки и песни на Онежском заводе» (Петрозаводск, 1937) и сборника «Сказки Ф. П. Господарёва» (Петрозаводск, 1941).

В докладе А. Д. Соколовой (Москва) «Лесные поселки позднесоветской Карелии: правила выживания» была рассмотрена повседневность лесных поселков Карелии с точки зрения стратегий, которые выбирали жители поселка для адаптации на новом месте, роль советских институтов и природных ресурсов в жизни рабочих лесной промышленности и их семей.

В секции «Городские исследования в антропологии и фольклористике» прозвучали доклады М. И. Байдуж (Москва) «Конструирование городского пространства с точки зрения современных исследовательских оптик», к прикладной антропологии обратилась О. В. Воробьева (Санкт-Петербург) в докладе «Академический антрополог в прикладных городских исследованиях», а Н. В. Петров (Москва) рассказал о своем проекте «Историческая память городов: от столицы к регионам».

Секция «Проблемы современной этномusicологии и теории стиха» объединила в себе стиховедческие и музыковедческие доклады.

В докладе А. М. Петрова (Петрозаводск) «Между силлабикой и силлабо-тоникой: переходные формы в структуре фольклорного стиха и методы их анализа» рассмотрен процесс освоения фольклорной культурой силлабических стихотворений религиозной тематики. Особое внимание уделяется старообрядческим произведениям, бытовавшим как в письменной, так и в устной форме. Образовывались переходные формы стиха — нечто среднее между силлабикой и силлабо-тоникой; при помощи силлабо-тонической системы стихосложения передавался строй системы силлабической. Материалом для выборки послужили аудиозаписи из коллекции Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН. Был описан проведенный эксперимент; продемонстрированы его возможности и ограничения.

Е. А. Дорохова (Москва–Санкт-Петербург) в докладе «Свадебный ритуал в славянских селах Крыма (к проблеме этнокультурного полилингвизма)» проанализировала процесс формирования свадебного обряда, бытовавшего вплоть до последних десятилетий в славянских селах Республики Крым. Материалом послу-

жили экспедиционные звукозаписи, сделанные в 2017–2018 годах в русских, украинских и белорусских селах региона. Они позволяют поэтапно проследить те изменения, которые происходят в традиции по мере адаптации ее к внешним условиям, связанным с государственной национальной политикой, осуществлявшейся в течение XX — первых десятилетий XXI столетия. Волны переселенцев из различных регионов России, Украины и Белоруссии приносили в Крым свои локальные версии ритуалов жизненного цикла. При их совмещении актуальными оказывались общие компоненты, наличие которых обеспечивается типологической общностью источников.

Е. В. Робустова (Москва) в сообщении «Бесермянский крез: история и перспективы этномusicоведческого изучения» рассматривает историю изучения и собирания крезей в советском этномusicоведении, а современное бытование креза отмечает на территории северных и северо-западных районов Удмуртии, прилегающих к городу Глазов.

Е. И. Якубовская (Санкт-Петербург) в докладе «Архивные звукозаписи — документ традиции ушедшей, но живой (мужская певческая традиция Пинеги в записях от И. А. Ломтева 1876 г. р. из с. Карпогоры)» обращается к репертуару потомственного сказителя. И. А. Ломтев был одаренным певцом с весьма разнообразным репертуаром, характерным для мужской традиции: песни с историческими и балладными сюжетами, солдатские строевые и лирические. В 1927 году Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд сделали несколько записей его пения на фонограф, которые и были продемонстрированы слушателям. Все три сохранившиеся песни имеют разный, контрастный характер напева, что было блестяще подчеркнуто Ломтевым.

По мнению Б. Кроземе-Мосгорда (Латвия), чье выступление было озаглавлено «Советская и постсоветская история самого большого издания латвийских народных песен», советские издания латвийского фольклора — компромисс между национальными традициями исследования народной песни и требованиями советского академического дискурса.

Е. В. Миненок (Москва) прочитала доклад «Ельнинская песенная традиция на протяжении пятидесяти лет». Обобщающий анализ разновременных записей, часто сделанных от одних и тех же исполнителей разными собирателями, дает представление о динамике бытования песенной традиции. Расшифровки наглядно показывают, какие трансформации происходили с песенными текстами на уровне лексического воплощения, фонетического оформления песенной речи, а также свидетельствуют о существенных изменениях «востребованности» местного репертуара: мы видим наглядно, какие произведения постепенно «стирались» в памяти исполнителей.

Ю. И. Марченко (Санкт-Петербург) представил доклад «Звукозаписи А. В. Маркова в Фонограммархиве Пушкинского Дома». В ис-

торических коллекциях Фонограммархива Пушкинского Дома содержится несколько фонографических цилиндров, записанных А. В. Марковым с 1903 по 1909 год. На некоторых цилиндрах зафиксированы напевы баллад Западного Поморья. Материалы представляют севернорусскую музыкально-эпическую традицию в ранних звукозаписях, имеют принципиальное значение для истории ее изучения.

В секции «Антропология памяти» прозвучали следующие доклады: Н. В. Дранниковой (Архангельск) — об исследовании дискурса потомков спецпереселенцев; Н. Б. Грамматчиковой (Екатеринбург) — о диалоге это-источников и художественных текстов, описывающих события на озере Нумто; П. С. Куприянова (Москва) — о подходах к анализу устных воспоминаний горожан в краеведении, антропологии и фольклористике; Н. Н. Рычковой (Москва) — о конструировании истории сакральных мест; Е. В. Аброськиной (Санкт-Петербург) — о сфэсери Туниса как средстве актуализации памяти.

В докладе Н. С. Петровой (Москва) «Колхозы в ожиданиях и воспоминаниях русской деревни: от эсхатологии к „золотому веку“» на материале письменных источников конца 1920-х — 1930-х годов (информационные сводки, «письма во власть», мемуары) и современных экспедиционных записей (1990–2000-х годов) из архива Лаборатории фольклористики РГГУ была рассмотрена смена нарративных моделей в рассказах о колхозах. Если начальные процессы коллективизации, связанные с масштабными изменениями в социально-экономической жизни страны и сломом «старого порядка», в неподцензурном советском фольклоре вызвали всплеск эсхатологических предсказаний, то фиксируемые в постсоветское время воспоминания о прежней колхозной жизни часто содержат мотивы социально-утопиче-

ских легенд, локализирующих в прошлом период социально-экономического благоденствия.

В секции «Фольклор и литература: проблемы взаимодействия» прозвучало несколько докладов. С. А. Жадовская (Санкт-Петербург) обратилась к теме «От народной песни „на местном материале“ к песням и стихам о родном крае: эволюция и трансформация жанра „песни о городе“ в севернорусской традиции» и рассмотрела несколько песен, записанных в Кадниковском уезде Вологодской губернии в середине — второй половине XIX века (по материалам архива РГО). Они являются связующим звеном между жанрами «оды городу» (известен в севернорусской традиции с конца XVIII века) и «песни о городе». Последний стал чрезвычайно популярен в культурном пространстве малого севернорусского города преимущественно во второй половине XX — XXI веке.

Доклад А. В. Коровашко (Нижний Новгород) «Варвара Малахеева-Мирович как поэт-символист, потомственная „знающая“ и практикующий слагатель заговоров и заклинаний» посвящен феномену индивидуального «заговоротворчества», связанному с личностью Варвары Григорьевны Малахеевой-Мирович (1869–1954) — поэта, прозаика, критика, переводчика и мемуариста Серебряного века. Создававшиеся ею стихотворные заговоры представляли собой не стилизации, не парафразы уже известных текстов, а вполне реальные инструменты манипулирования действительностью, использовавшиеся автором в собственной целительской практике.

В рамках заключительной дискуссии выступили ведущие секций и подвели итоги конференции.

© Н. Г. Комелина

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-265-268

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СТАРСТЬ КАК СЮЖЕТ»

9–10 апреля 2020 года состоялась Деятая международная научная конференция научного проекта «Время как сюжет» (начато в 2012 году): «Старость как сюжет». Ранее в проекте рассматривались категории «прошлое», «настоящее», «будущее», «вечность», «мгновение», «безвременье», «юность», «зрелость». Организаторами выступили кафедра истории и теории литературы Тверского государственного университета и Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Участники научного форума занимались исследованием сюжетного потенциала индиви-

дуального времени. На предшествующих конференциях анализировались «вторичные проявления» (фиксации представлений об истории), формы «спасения достоверности», модели конструирования будущего и сегментации времени. Проблема репрезентации времени и сюжетного потенциала временных категорий остается наиболее важной для организаторов проекта.

Категория «старость» связана и с представлениями о «мгновении» и «вечности», «прошлом» и «будущем», и с представлениями о «юности» и «зрелости». Выход за пределы

масштабных линейных и циклических моделей позволяет рассмотреть значимые аспекты времени на микроуровне. «Старость» рассматривается чаще всего как этап подведения итогов, как «золотая осень» или «закат». Подобный подход возможен и в оценке развития государства/нации, цивилизации, человечества. На протяжении столетий менялись возрастные границы «старости», менялись характеристики, которые с ней связаны, каждая эпоха предлагала свои нормы и сюжеты. Условность подобных классификаций позволила участникам конференции предложить собственные трактовки и концепции. Своим мнением по этим вопросам на конференции поделились представители научного сообщества — филологи, философы, культурологи, киноведы, театроведы, исследователи визуальных искусств. В конференции приняли участие специалисты из разных регионов России, а также из Казахстана и Китая.

К сожалению, в этом году ситуация в мире продиктовала особые условия, и оргкомитет принял решение провести конференцию в новом экспериментальном формате блога (starost2020.blogspot.com), что позволило участникам и «слушателям», среди которых были и молодые исследователи, в течение месяца читать и комментировать доклады. Как итог — отсутствие регламента дало время на размышления, на вдумчивое чтение, а также на развернутые вопросы и ответы. Стоит отметить, что блог способствовал оживленным и продуктивным дискуссиям к каждому из докладов, что редкость для конференций, обычно проводимых в «живом» формате. В докладах пленарного заседания были обозначены основные направления работы: старость биологическая, социальная и моральная, старость в искусстве (в музыке), старость как архетип личности, старость в хорроре. Далее исследователи обсуждали ценность и самосознание старости, старость как категорию временную и творческую, как составляющую характера, а также как сюжетную функцию.

Пленарное заседание открыл В. А. Кошелев (Арзамас); его доклад «Чего тебе надобно, старче?..» был посвящен пушкинской «Сказке о рыбаке и рыбке». Исследователь отметил, что сказка является исключительным памятником чуткости Пушкина к «подлинно-русской национальной стихии»; поэт задумывал этот текст в рамках цикла «Песни западных славян». Возраст главного героя, в отличие от исходной сказки братьев Гримм, оказывается совершенно иным, а податливость «старика» становится неким аналогом мудрости.

С. В. Денисенко (Санкт-Петербург) в докладе «„Старость“ у И. А. Гончарова: биологическая, социальная и моральная» поднял вопрос о трех категориях «старости» в жизни и творчестве писателя, которые также могут накладываться друг на друга. Докладчик проанализировал гончаровские высказывания, сохранившиеся в творческом и эпистолярном наследии, и отметил особенности «стариков»

и старшего поколения в контексте традиционной русской литературы XIX века.

Музыкальный аспект «старости» рассмотрел С. В. Фролов (Санкт-Петербург) в докладе «„Старость“ в русской музыке, или Парадоксы творчества периода „Старости“ П. И. Чайковского». «Старость», по предположению докладчика — это образ старины через звуко-изображение древности, иллюстрация в музыке старости персонажей и старость композиторов в их сохранении творческой способности в преклонном возрасте.

И. В. Мотеюнайте (Псков) проанализировала традиционную формулу «старик и старуха», обратившись к роману Е. Катишонок, созданному в рамках «нового реализма». В докладе «Старость как архетип личности в романе Е. Катишонок „Жили-были старик со старухой“» исследовательница рассмотрела, как обозначение «старик со старухой» из пушкинской сказки применительно к современности трансформируется из возрастного в личностное.

Пленарное заседание завершилось докладом А. Ю. Сорочана (Тверь) «„Страшный старик“: „Третий возраст“ в лавкрафтианском хорроре». Докладчик обратился к категории старости в хорроре Г.-Ф. Лавкрафта и противопоставлению Старцев и Великих Древних в сочинениях последователей писателя, а также к постмодернистским упражнениям на темы классики ужаса. Первое заседание стало логичным продолжением этого доклада и было посвящено старости фантастической. П. С. Громова (Тверь) продолжила тематику старости как аналога страшного и ужасного. В докладе «Инфернальная старость: образы стариков в русской романтической повести» исследовательница отметила в избранном ею материале тенденцию изображения старости как страшного, противоестественного явления.

А. Б. Танхилевич (Москва) в докладе «Живые и мертвые старики у Исаака Бабеля» на основании краткого обзора нескольких рассказов писателя подчеркнул, что старики являются не только частью художественного мира, но также и движущей силой сюжета. Фигура старика в мире новелл Бабеля наделена большой значимостью и силой, так как сочетает в себе функции отца, защитника, спасителя, учителя.

К теме «молодого» старика и «неожиданной» старости обратился Я. Д. Чечнёв (Москва) в своем докладе «„Мгновенный старик“ в романе Константина Вагинова „Гарпагоняна“ (к вопросу о „возвращенной молодости“...)». Мотив старости как «времени, обернувшегося вспять» в своем докладе «Если бы старость могла...», посвященном поздней литературной готике, продолжила А. А. Липинская (Санкт-Петербург). В заключительном докладе «Фантастического» заседания «„Вторая жизнь“ — возвращение в собственное прошлое как новый тренд хронофантастики» А. М. Лобин (Ульяновск) подвел своеобразный итог развитию темы «юного» старика.

Следующее заседание было посвящено старости поэтической. О. А. Кузнецова (Москва) в исследовании «Категория „временной“ старости в русской культуре XVII века» показала старость просветленную, запечатленную и в иконописи, и в словесности. Ю. М. Никишов (Тверь) в докладе «Старость в творческом сознании Пушкина» убедительно продемонстрировал, что поэт повстречался с «духовной» старостью на заре своей жизни, и эта тема в дальнейшем оставалась на периферии его творчества. С. В. Галанинская (Москва) в сообщении «Функционирование мотива старости и старения в „Стихотворениях в прозе“ И. С. Тургенева и „Крохотках“ А. И. Солженицына (на примере анализа миниатюр «Старик» и «Старение»)» подробно рассмотрела, насколько различия в функционировании мотива старения обусловлены социально-психологическими факторами, а также особенностями мировоззрения и творческого метода писателей. В заключительном докладе этого блока «„И подумать только, это навсегда“: мотив старости в лирике Б. Рыжего» Е. А. Пастернак (Москва) обозначила важность темы старости в творчестве популярного поэта.

Первое заседание второго дня конференции-блога было посвящено аксиологии старости. В докладе А. А. Рыбаковой (Тверь) «„Горе тому, у кого ее не будет под старость!“: Роль „старой сказки“ в жизни героев хроники „Соборяне“ Н. С. Лескова» рассматривались важные функциональные особенности «старого времени» в творчестве писателя.

Мотивам старости в связи с историей старообрядчества был посвящен доклад С. С. Царегородцевой (Ялта) «Старость и молодость: два нравственно-религиозных этапа в истории старообрядчества (по роману Г. Д. Гребенщикова «Чураевы»)». В. А. Поздеев (Вятка) в своем сообщении «Репрезентация старости и времени в рассказе М. Горького „Одинокий“» проанализировал религиозно-философский подтекст произведения, в котором писатель пытается через судьбу старого человека показать медленное течение времени и приближение к смерти. А. Е. Новиков (Череповец) подробно рассмотрел образы деревенских стариков в докладе «Образ старости в трилогии В. И. Белова „Час шестой“».

Проблематика времени и судьбы также стала объектом исследования С. М. Пинаева (Москва) в докладе «Старость как крушение иллюзий в драматургии Ю. О'Нила». По мнению драматурга, человек утратил как радостное ощущение жизни, так и христианскую веру в Бога. На смену им пришел «невидимый» полубог нового материалистического мифа — Успех», материальное благополучие.

О. С. Карандашова (Тверь) исследовала «Старость детскими глазами» на примере романа «Вафельное сердце» современной норвежской писательницы Марии Парр — и показала, как образ старика в современной детской литературе трансформируется из типично дряхлого, отошедшего от всех дел наставника

в такого же озорного, веселого, шаловливого, как и главный герой, ребенка, но при этом ребенка мудрого умом и сердцем.

Следующее заседание было посвящено социопозитике старости, и в первом докладе «Старость в радости. Символическое назначение образов стариков в драматургии и на сцене японского комического театра Кёгэн» Л. П. Тимофеева (Москва) раскрывала тему старости не только в ключе обрядово-игровой культуры, но также в контексте традиционных синтоистских верований, ритуалов и культа обожествления предков. Исследовательница Ли Цун (КНР) в своем сообщении «„Старость“ Китая во „Фрегате „Паллада“» И. А. Гончарова» отметила, что Китай «состарился» в отрочестве, но также у государства появляются признаки перехода в следующую стадию, что позволяет говорить о неоднозначности его возраста.

По замечанию автора доклада «Старость как сюжет житетворчества В. А. Жуковского» Н. Е. Никоновой (Томск), в переписке поэта преобладают высказывания о старости как времени, которому поддается смена слога и обретение религиозно-философского дискурса. В целом же старость оказывается в спектре негативной аксиологии как нежелательная пора, вынуждающая к изменениям в человеке, его характере, его жизни и его творчестве.

Иной ракурс рассмотрения проблематики старости в контексте кружка мистически настроенных аристократов содержался в докладе «„Привет от старухи в скалах“, или Осень пиэтисток (как Анна Голицына и Варвара-Юлия Крюденер созидали «культуру старости» кнутом, Евангелием и виноподельской революцией)» А. П. Люсого (Москва).

О «Старости в „Вишневом саде“» рассказывал в своем выступлении Ю. В. Доманский (Москва). Исследователь показал, что старость в пьесе представлена обширно: и в системе персонажей (сценических и внесценических), и в пространстве (через предметный мир), и во времени; как в репликах, так и в паратексте.

Е. В. Воскобоева (Санкт-Петербург) в докладе «К вопросу о соотношении старости человека и мира в дневниках Е. Л. Шварца 1940-х гг.» отметила, что понятие старости в творчестве Шварца (публицистике и художественных текстах) связано, прежде всего, со «временем» и является одной из важнейших онтологических категорий, определяющих его поэтику.

Заключительное заседание открылось докладом И. Е. Мелентьевой (Москва) «„Старушка вязала чулок и косилась на нас через очки...“: Женские рукоделия старости у И. С. Тургенева», в котором докладчица выделила основные особенности изображения тургеневских старух и старушек в контексте возраста, внешних данных, повседневных занятий. Д. Д. Николаев (Москва) в докладе «Старость как функция: образы стариков в прозе молодого Бунина» отметил, что старость у Бунина является ключевой, определяющей характеристикой персонажа и производной от молодости/зрелости. Развитие темы старости в поэтическом наследии

И. А. Бродского представил О. И. Федотов (Москва) в своем исследовании «Обращение „старик“ и предчувствие старения в стихотворном эпистолярном Иосифа Бродского»; в посланиях Евгению Рейну выстраивается довольно сложная картина старости — от «бытового» обращения «старик» к литературным аналогиям. О. Н. Турышева (Екатеринбург) в докладе «Самосознание и ценность старости в романе А. Мердок „Сон Бруно“» рассказала о позитивности заглавного явления, несмотря на весь его физиологический ужас.

Старость рассказчика в своем выступлении «Особенности повествования в романе Эммы Хили „Найти Элизабет“: проблема возрастного рассказчика» показала Е. В. Барина (Нижний Новгород). В заключительном докладе второго дня «„Скупая“ старость: пушкинские традиции в рассказе Вс. Соловьева „Старик“» С. А. Васильева (Тверь) рассмотрела основную проблематику обозначения образа старости в русской литературе XIX века, связанную со многими устойчивыми ассоциациями: мудрость, одиночество, стремление жить в соответствии с традициями, боязнь перемен, консервативность.

В общей сложности на конференции было представлено 46 докладов; мероприятие завершилось подведением итогов. Организаторы и участники выразили мнение, что новый фор-

мат удался вопреки обстоятельствам и конференция, посвященная «старости», прошла в «молодом» формате. Особое внимание исследователей в этот раз привлекли два направления, в которых и велась основная работа, — это «фантастическая старость» и «поэтическая старость». Второй случай не требует особых комментариев — действительно, в поэзии эта временная категория занимает совершенно особое место. Но старость порождает сомнения, статус этого сегмента «индивидуального времени» — дискуссионный. Сомнения могут касаться фигуры рассказчика или статуса героя, и если трактовать понятие «фантастика» достаточно широко, то старость — едва ли не самая фантастическая из категорий, фиксирующих индивидуальное время. Старость становится во всех смыслах временем сомнений и, в отличие от юности и зрелости, открывает новые возможности для осмысления и описания, связанные с «приостановкой недоверия» или, наоборот, усилением этого самого недоверия.

Изучение репрезентаций индивидуально-го времени в литературе будет продолжено, а по материалам данной конференции традиционно планируется издание сборника научных статей.

© А. А. Елкина

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-268-271

СЕДЬМАЯ АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВСЕ ЗАПРЕТЫ МИРА: ТАБУ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ»

27–28 апреля 2020 года состоялась международная междисциплинарная научная конференция, проходящая в рамках проекта «Неканоническая эстетика», который посвящен исследованию неклассических эстетических категорий.¹ На этот раз исследователи обратились к категории «запрета», «табу» и рассмотрели его репрезентации в различных видах искусства. Организаторами конференции традиционно выступили сотрудники ИРЛИ РАН, Псковского государственного университета и Тверского государственного университета: С. В. Денисенко, А. О. Дёмин, И. В. Мотеюнайге, А. Ю. Сорочан. Формат блог-конференции (www.tabu2020.blogspot.com) позволил не только преодолеть запрет на личные встречи

(из-за пандемии были запрещены публичные мероприятия), но и дал возможность спокойно ознакомиться с представленными материалами, корректно и ясно изложить вопросы и замечания, участвовать в дискуссии до исчерпания темы, а не до окончания отведенного времени, всегда ограниченного на очных конференциях.

Оргкомитет предложил исследовать следующие темы: описание табу/запрета в литературе и искусстве; табу и «желание» в древнем и новом искусстве; молчание/умолчание, код/шифр и запрет; способы и приемы моделирования, описания и оценки «запретного» в литературе и искусстве; этическое, сакральное и запретное; прагматика запрета в знаковых системах. Участники попытались выявить особенности понятий «табу» и «запрет» применительно к различным системам культуры и искусства; способы преодоления, игнорирования и нарушения запретов; понять, почему, как и кем в разные эпохи и в разных сообществах запреты создаются.

¹ Проект начался в 2014 году. Сборники «Неканоническая эстетика» (Вып. 1–6) размещены на сайте Пушкинского Дома: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/неканоническая-эстетика>; дата обращения: 31.01.2021.

Конференция открылась докладом А. Ю. Сорочана (Тверь) «Табу и трансгрессия: литература в поисках предела», в котором рассматривалось соотношение понятий «табу» (строгий запрет на совершение какого-либо действия; он может быть основан на убеждении в сакральности или запретности этого действия, которое чаще всего представляет угрозу обществу, культуре, конкретным людям) и «трансгрессия» (термин, фиксирующий феномен перехода непроходимой границы, прежде всего — границы между возможным и невозможным). Материалом для исследования стали работы английских авторов эпохи декаданса (А. Мейчена, Э. Ф. Бенсона, М. Ф. Шила), созданные на рубеже 1920–1930-х годов, когда авторы, искавшие в 1890-е годы стилистические приемы для передачи трансгрессии, обратились к их сюжетным описаниям в подцензурной литературе.

Ю. А. Говорухина (Красноярск) выступила с докладом «Содержание и прагматика запретов в современной литературной критике». Докладчица оценила функции литературной критики (поддержание групповой идентичности и культурной памяти, присвоение и разделение литературного поля) в аспекте преодоления эстетических, социально-политических и этических запретов, порожденных оппозицией «свой-чужой». Она также акцентировала внимание на том, что все явные и непроговариваемые, но подразумеваемые табу предполагаются природой критики как властного дискурса.

И. А. Лобакова (Санкт-Петербург) в докладе «Можно ли обойти патриарший запрет: документы конца XVII — первой половины XVIII века о местном почитании вологодского подвижника» коснулась проблемы включения Галактиона Вологодского в сонм общерусских святых. В «Изречении» патриарха Адриана (1691) содержался отказ в признании истинными святыми вологодских подвижников. Однако «Записка о состоянии гробницы в 1747 г.» затворника Галактиона содержит свидетельство того, что, несмотря на патриарший запрет, местное почитание к этому времени включало все основные элементы культа официально признанных святых.

А. Р. Медведева (Челябинск) посвятила свое выступление «„Хочу быть гусем“: коммуникативная стратегия контр-человека» идеологии и образному наполнению игры «Untitled Goose Game». О. А. Кузнецова (Санкт-Петербург) рассказала о «Табу и запретах в русском балете»: в разные времена это были запреты на инструментальную музыку, на вальс, запрет на участие мужчин в балетном танце и т. д.

Второе заседание открыл С. А. Фомичев докладом «Табу в судьбе Пушкина: одесский период». Обычно считается, что основной причиной ссылки Пушкина из Одессы в Михайловское послужило перлюстрированное письмо, где поэт признавался в том, что берет «уроки чистого атеизма». На самом деле причины были куда более серьезными: над ним тяготело подозрение в авторстве «якобинской эпиграм-

мы» «Мы добрых граждан позабавим...», в вольнодумном посягательстве на самодержавную власть. Отрицание Бога не так волновало русские власти, как выпады против них самих.

Дж. Джиганте (Бельгия) раскрыла тему «Языковые табу и приемы растабулирования в творчестве Ф. М. Достоевского». Преодоление табу и его «отмена» как такового происходит у писателя обычно через создание непосредственного образа, т. е. через повествование об обстоятельствах, в которых события, являющиеся предметом запрета, происходят.

И. В. Мотеюнайте (Псков) в докладе «Запрет обижать юродивых и его нарушение в сюжетах русской литературы XIX–XX веков» рассмотрела актуальную для русской культуры проблему. При агрессивности и провокационности действий юродивых почитание их святыми оказывается психологически сложным, для этого необходимо преодоление естественных человеческих склонностей.

Третье заседание открылось выступлением А. Б. Танхилевича (Москва) «Нарушение культурного запрета как сюжетный инвариант рассказов И. Э. Бабея». Речь в рассказах идет о запретах на убийство, отцеубийство, осквернение священного и инцест (иногда — секс в целом). В докладе А. М. Грачевой (Санкт-Петербург) «Семейное табу А. М. и С. П. Ремизовых: реалии и отражения» проанализированы истоки, развитие и завершение «скрываемой» тайны о существовании их дочери, Н. Ремизовой. Анализ мемуарных свидетельств, писем и отражения в художественных произведениях «темы Наташи» позволил сделать вывод о психологической и политической мотивированности сакрализации имени оставшейся в СССР дочери в условиях сталинских репрессий конца 1920-х — 1930-х годов. Э. Тышковска-Каспшак (Польша) показала в своем выступлении «„Николай Николаевич“ Юза Алешковского против запрета на телесность в соцреалистическом каноне», как писатель преодолевает два запрета: на описание телесности (особенно мужской) и сексуальности, а также на субстандартную лексику. С. В. Денисенко (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Запрещенный А. А. Галич об опальных писателях». В песнях Галича запрет на слово преодолевается через катарсис (слушателей, персонажей, самого исполнителя-автора). В блоге конференции был опубликован концерт Денисенко «Александр Галич: Посвящения писателям», который должен был состояться на Башне Пушкинского Дома в конце первого дня конференции.

На четвертом заседании прозвучали два доклада о преодолении запретов в поэтике Вс. Некрасова: Г. В. Зыковой (Москва) «„Господь Бог“ / по умолчанию: некоторые особенности проговаривания сакрального в лирике Всеволода Некрасова» и Е. Н. Пенской (Москва) «Категорический императив в эстетике Всеволода Некрасова».

Трагическая судьба писателя, поэта и художника «второй ленинградской культуры» стала темой выступления Т. С. Царьковой (Санкт-

Петербург) «Запрет ценою в жизнь (поэт А. С. Морев)» на основе его архива в Рукописном отделе ИРЛИ РАН. Неудачи, непонимание, запреты и отказы публикаций и экспонирования работ преследовали художника; его произведения не вписывались в общепринятые рамки и стандарты, поскольку он сам, послушный лишь рано проявившемуся многогранному таланту, не мог заставить себя быть таким, как все.

Второй день конференции открыл доклад М. А. Ермошиной (Пермь) «Сила запрета: к функциональному анализу семантики повелительных конструкций в художественном тексте (на материале македонского языка)». Докладчица пыталась раскрыть грамматические смыслы императива применительно к конкретному художественному тексту и нашла, что популяризирующей семантики больше, чем запретительной, и что императивы чаще относятся к физическим действиям, чем к психологическим состояниям. А. М. Сердюк (Томск) выступила с докладом «„Мы воспитаны в культуре ненависти и неприязни“: статус запрета в современном стендапе (на материале «Нового часа шуток» А. Долгополова)». В монологах стендап-комика новые установки выражаются с помощью структур, в центре которых оказываются те или иные социальные запреты, прежде всего, на неподобающее мужское поведение, а практики устыжения, основанные на этих запретах, при деконструкции последних обращаются против носителей традиционной нормы.

С. Ф. Меркушов (Тверь) в сообщении «Языковая и тематическая детабуизация в творчестве М. Волохова (пьеса и фильм «Вышка Чикатило»)» анализировал проблему поиска истины на нескольких уровнях, связанных со снятием двух основных запретов: запрета на использование языка во всем многообразии его форм и запрета на обсуждение важнейших для человечества, но часто замалчиваемых тем.

М. В. Загидуллина (Челябинск) посвятила свой доклад «Медиаэстетизация насилия: множественное дистанцирование как прием (на примере фильма Ларса фон Триера «Дом, который построил Джек»)» множественному опосредованию насилия в искусстве кино. А. Бринтлингер (США) в сообщении «Заключенные в поисках пространства: свобода художника, вменяемость и пьеса „Клетка“ Тэчинга Шэя (1978–1979)» говорила о самоизоляции перформансиста и в зоне принуждения, и в зоне творчества. А. А. Шевцова и И. А. Гринько (Москва) в докладе «„Для музея есть табу“: запреты в корпоративной культуре российских музеев» попытались ответить на ряд вопросов, касающихся отношения профессионального сообщества к институту музейных табу. Посетитель музея зачастую сталкивается с набором необъяснимых табу, а не единой системой аргументированных и прозрачных запретов. Данная система продуцируется и сохраняющимся статусом музея как сакрального пространства, и культурой советских запретительных практик.

О. А. Кузнецова (Москва) в своем выступлении «Не для свиней: О некоторых бестиарных запретах в русской культуре XVII–XVIII веков» показала, как категория запрета лишается всякого драматизма при переходе из лирических текстов в назидательные. В. Н. Шувалов (Тверь) выступил с докладом «О (сомнительной) пользе запретов: Устав учебных заведений 1828 года и провинциальные реалии». Докладчик рассказал о причинах и последствиях запрета «сложных» предметов (например, греческого языка), о запрете на обучение вольноотпущенных, о запрете на совмещение должностей и о негласном запрете новых методик образования.

А. М. Васильева (Тверь) в сообщении «Запретные города: репрезентация провинциальной России в столичных журналах 1830–1850-х годов» рассмотрела, как упоминания о провинциальной Твери показывали, что «Запретный город» — не только метафора, но и социальная реальность. А. А. Елкина (Тверь) доклад «„Страна на цепи“: интерпретация политики сакоку в записках русских путешественников о Японии» посвятила компаративному анализу представлений русских путешественников о Японии и о традиционных в ее культуре запретах, длившихся до 1868 года, на примере путевых очерков русских путешественников XIX и XX столетий.

С. В. Фролов (Санкт-Петербург) рассказывал о «Запретах в творчестве русских композиторов третьей четверти XIX века». И «кучкысты», и П. И. Чайковский, преодолевая или компенсируя давящие на них запреты, едва ли не в равной степени, но с различными результатами работали в своем творчестве удивительные новаторские сферы образного мира и музыкальной технологии, позволившие им развивать мировую музыкальную культуру.

На последнем заседании А. А. Липинская (Санкт-Петербург) в сообщении «„Стой, кто идет!“: логика запрета в готической новелле» показала, что в целом запрет в повествовательной структуре готической новеллы, как правило, лишен этических импликаций и является механизмом порождения сюжета, активации читательского воображения и ощущения сопричастности.

Завершил конференцию А. О. Дёмин (Санкт-Петербург) докладом «Русские писатели в журнале „Академос“ (1909)», в котором были рассмотрены неучтенные публикации русских писателей в переводах на французский язык: Л. Н. Толстой «Смертная казнь и христианство» (пер. И. Д. Гальперин-Каменский), М. Горький «Солдаты» («Из повести») (пер. С. М. Перский) и Л. Н. Андреев «Жизнь человека» (пер. И. Д. Гальперин-Каменский). Исследователем были высказаны предположения об обстоятельствах публикации в связи с деталями биографии издателя журнала Ж. Адельсверд-Ферзена и специфическим направлением издания.

Конференция подтвердила, что изучение табу до сих пор открывает перспективы искусства, способствует пониманию природы чело-

века (в самом широком смысле), а исследование собственно запретов востребовано культурологами и историками разных видов искусств и социальных практик. Большинство авторов сконцентрировалось на способах преодоления/изживания запретов как механизме развития культуры.

По материалам конференции издан сборник научных статей — VII выпуск серии «Неканоническая эстетика»: «Все запреты мира. Табу в литературе и искусстве» (Тверь, 2020).

© С. В. Денисенко

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-271-273

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СЕМИНАР «ПРОБЛЕМА ЦИФРОВОЙ ТЕКСТОЛОГИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДОСТОЕВСКОГО»*

19 и 22 мая 2020 года в формате Интернет-конференции на платформе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург) состоялись Международный научно-исследовательский семинар и круглый стол «Проблема цифровой текстологии произведений Достоевского». В них приняли участие ведущие специалисты по этим темам из ИРЛИ РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского, Петрозаводского государственного университета и других организаций.

Доклад Н. А. Тарасовой (Санкт-Петербург) «Современные концепции представления рукописей в среде Интернет» был посвящен актуальным на сегодняшний день проблемам электронного представления рукописного наследия мировых классиков. В нем были проанализированы наиболее репрезентативные зарубежные и российские проекты цифровых архивов литературного наследия, на примере которых можно систематизировать данные о принципах организации материала и его электронного представления. Докладчиком были выделены достоинства и недостатки существующих концепций, а также обоснована собственная концепция электронного архива рукописей Ф. М. Достоевского. Основной задачей электронной публикации рукописей является максимально полное, точное и функциональное отражение особенностей авторской работы над текстом с помощью средств программирования, которые позволили бы разрабатывать новые интерактивные способы представления текста на всех этапах его истории.

В докладе «Проблема трансформации текста Достоевского в гипертекст» В. Н. Захаров

(Москва, Петрозаводск) отметил, что любое произведение существует как текст: устный, рукописный, печатный, теперь и цифровой. Каждый вид текста обладает своими уникальными возможностями в выражении авторского смысла. Текстология сейчас на деле — главная филологическая дисциплина, с критики текста должно начинаться каждое серьезное научное исследование. Цифровые технологии создают новый тип текста, который интегрирует устный, рукописный и печатный тексты, имеет исключительные возможности презентации смысла и расширения культурного контекста. Этот вид текста Захаров предложил назвать гипертекстом.¹ В докладе было обосновано наделение понятия «гипертекст» новыми значениями, которые возникают в результате многоуровневой разметки, дают возможность визуализации текста, его насыщения новыми смыслами, расширения текста внетекстовой информацией. Вопрос о том, что делать с этим хаотическим объемом информации, возникающим в результате трансформации текста в гипертекст, также непрост. На данном этапе наиболее перспективно, с точки зрения докладчика, использование гипертекстовой информации в исследованиях проблем атрибуции. В докладе были выделены и прокомментированы сильные и слабые стороны существующих методик определения авторства.

В докладе Б. Н. Тихомирова (Санкт-Петербург) «Фрагмент несохранившегося рассказа Ф. М. Достоевского „Домовой“ (1848): Проблемы текстологии (РГАЛИ. Ф. 212.1.1)» рассматривался дискуссионный вопрос текстологической интерпретации одного из двух

* Хроника семинара подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда «Рабочие тетради Ф. М. Достоевского: первая полнотекстовая публикация автографов в их динамической транскрипции» (№ 16-18-10034), ИРЛИ РАН.

¹ Термин «гипертекст» введен в 1960-е годы математиком и философом Тедом Нельсоном и используется в нескольких значениях: во-первых, для обозначения текста, связанного разными переходами таким образом, что его можно читать в произвольном порядке; во-вторых, для обозначения текста, созданного с помощью интерактивных ссылок на другие документы, мультимедийные объекты и т. п.

сохранившихся творческих автографов Достоевского 1840-х годов. Дважды в публикациях первого (1972. Т. 2) и второго (2014. Т. 2) академических Полных собраний сочинений писателя этот автограф представлен как набросок неосуществленного замысла рассказа «Домовой». В докладе проанализированы значимые особенности автографа, описание которых отсутствует в примечаниях обоих академических изданий, позволяющие заключить, что перед нами листок наборной рукописи произведения. По предположению автора доклада, совпадающего в этом отношении с позицией составителей фундаментального «Описания рукописей Ф. М. Достоевского» (М., 1957), этот автограф представляет собой не набросок неосуществленного замысла, а фрагмент наборной рукописи заверщенного, но несохранившегося рассказа «Домовой», входившего по замыслу Достоевского в цикл «Рассказов бывалого человека». При этом Б. Н. Тихомиров солидаризировался с предположением И. А. Битюковой, согласно которому сохранившийся листок с фрагментом рассказа был в июле 1848 года послан Достоевским его поклоннику, выразившему желание получить автограф любимого писателя. В докладе были также рассмотрены вопросы датировки автографа и места сохранившегося фрагмента в композиции рассказа.

С. А. Кибальник (Санкт-Петербург) выступил с докладом «К вопросу о прототипах главных героев романа Достоевского „Бесы“ (на материале его рабочих тетрадей)». Он отметил, что опубликованные в первом академическом издании подготовительные материалы к роману «Бесы» содержат пометы Достоевского о том, что образ одного из его главных героев — Петра Верховенского — стилизован им под М. В. Петрашевского. В то же время комментаторы этого издания обнаружили в рабочих тетрадях Достоевского помету, отчасти подтверждающую гипотезу Л. П. Гроссмана о том, что одним из главных прототипов Ставрогина был Н. А. Спешнев. В докладе проанализированы под этим углом зрения ранние наброски к «Бесам», в которых будущий Ставрогин являлся еще под именем «Князя». В отличие от всех предыдущих работ по этому вопросу, эти ранние наброски — так же как и окончательный текст романа — сопоставлены автором доклада с личными впечатлениями Достоевского от общения со Спешневым не только в 1848–1849 годах, но и уже после возвращения его из ссылки, в 1860-е годы, а также с печатными материалами и устными рассказами о пребывании Петрашевского вместе со Спешневым в Александровском заводе и в Иркутске.

Е. И. Вилкова (Санкт-Петербург) в докладе «Атрибуция авторства: современные методы и полезные ресурсы» отметила, что определение авторства по сей день остается одной из самых ключевых, но в то же время и самых сложных задач текстологии. Исследовательница попыталась ответить на вопрос о том, могут ли современные компьютерные методы по-

мочь в решении этой задачи. В докладе были рассмотрены основные типы таких подходов, названы их главные преимущества, недостатки и ограничения в использовании. В нем также были перечислены электронные ресурсы, которые могут быть полезны для атрибуции. По мнению Е. И. Вилковой, наиболее эффективными из них являются разработанный в Петрозаводском государственном университете программный комплекс «СМАЛТ» и пакет *stylo* языка программирования R, разработанный группой польских ученых, но применимый и к русскоязычным текстам. Однако и эти методы нельзя использовать слепо. Приоритетными, по мнению исследовательницы, по-прежнему остаются традиционные филологические подходы.

В докладе В. М. Дмитриева (Санкт-Петербург) «„Детские“ истории в романе Достоевского „Подросток“»: К истории текста» впервые была предпринята попытка проследить развитие истории «мальчика с птичкой» в подготовительных материалах к этому роману. Речь идет об одной из намечаемых сюжетных линий — возможной конкретизации истории «замученного ребенка», вокруг которой скапливается целый комплекс мотивов: птичка, пасынок, «разрывание рта», бегство, поиски, помощь Подростка, самоубийство. Сначала этот мотив фигурирует в творческих рукописях как составная часть тематического комплекса, связанного с образом Ставрогина и коротко обозначаемого в творческих рукописях «жучок». Параллельно намечаются варианты, где история замученного мальчика становится предлогом соперничества между «хищным типом» и Подростком, будущими Версильовым и Аркадием Долгорукиком. С появлением в рукописях Макара Долгорукого связаны первые наброски сказа о купце Скотобойникове, куда уже на заключительном этапе работы над романом будут перенесены мотивы истории «мальчика с птичкой». В докладе предложен анализ прагматики подобного переноса. Во-первых, перенос связан с необходимостью смены мотивировки в романе: как и в других случаях (эпизод с Аришей, исключенный из черновой редакции), Достоевский стремится избежать прямой связи между событиями в романе и изменением героя. Во-вторых, помещенная в романе в форме «сказа», история «мальчика с птичкой» выполняет функцию «текста в тексте» и позволяет «прочитать» сюжет романа на чужом языке. В-третьих, Аркадий Долгорукий пересказывает историю купца Скотобойникова «слогом» Макара, и это единственный случай в романе, когда Аркадий стремится не пересказать «своими словами», но воспроизвести «язык», что инициирует острастную действие этой истории на самого героя, которого невозможно было бы добиться при помощи умножения «детских» историй в романном времени. Особое внимание в докладе обращено на композицию «Подростка»: «сказ» помещен именно в начало третьей части, поскольку выполняет функцию торможения, позволяющую

очертить метонимические связи между сказом о купце Скотобойникове и записками Подростка.

М. В. Ткаченко (Санкт-Петербург) выступила со стендовым докладом «Из опыта работы над „переводом“ рабочих тетрадей Ф. М. Достоевского». Перевод рабочих тетрадей Достоевского на современную орфографию и пунктуацию, отметила она, предполагает необходимость решения ряда проблем, которые так или иначе отсылают к понятию авторской воли. Несмотря на то, что автор является ключевой фигурой интерпретации, вопрос аутентичности выявленных смыслов все же зачастую остается открытым. В качестве наиболее дискуссионных проблем, с которыми сопряжена работа по «переводу» рабочих тетрадей на современную орфографию и пунктуацию, по мнению Ткаченко, можно выделить необходимость выделения единого метода в оформлении прямой речи, сохранение авторской пунктуации, в том числе и так называемых интонационных запятых. Исследовательница полагает, что перевод реплик на французском языке также сопряжен с определенными трудностями. Последние были в первую очередь связаны с языковой реформой, проведенной во Франции в 1990 году, и вопросом необходимости следования новым правилам орфографии. В целом опыт «перевода» рабочих тетрадей Достоевского показал, что разные подходы, выработанные текстологами, в данном случае не только не вносят путаницы, но и создают картину поливариантности методов работы с индивидуальной авторской пунктуацией. «Архив Достоевского», созданный в ходе реализации одноименного проекта, дает возможность не просто обратиться к разным способам интерпретации, но также и сопоставить рукопись с ее расшифровкой и «переводом». Это дает представление о бытовании произведения, динамике развития языка и существующих методах прочтения аутентичного текста.

Программу второй половины дня составил круглый стол, посвященный проблемам разработки информационного портала проекта. Вниманию слушателей были предложены два доклада с презентациями, завершившиеся обсуждением.

В докладе «Принципы подготовки и онлайн-публикации текстологических материалов на примере расшифровок рабочих тетрадей Ф. М. Достоевского» И. А. Мбого (Санкт-Петербург) отметила, что разработчики ресурсов, связанных с публикацией материалов архивов и их расшифровок, сталкиваются с несколькими типами довольно сложных задач по подготовке отсканированных рукописей и их транскрипций к публикации, а также по алгоритмической обработке и представлению материалов. Программная обработка текстов невозможна без специальной разметки, способной выделить различные элементы творческого процесса автора, например вычеркнутый или дописанный текст. В основном системы аналогичной направленности, такие как «Тек-

стограф» и «Видеотекст», реализовали визуальные онлайн-инструменты, позволяющие размечать фрагменты авторской правки. В проекте «Архив Достоевского» (dostoevsky-archive.ru) разработан другой подход, связанный с тем, что на момент создания сайта уже было расшифровано и размечено большое количество рукописей, что привело к идее использовать подготовленный материал в существующем виде. После проведения алгоритмической обработки файлов MS Word осуществляется массовая пакетная загрузка страниц на сайт. Такой подход позволил осуществить масштабную загрузку материалов, избежать повторной разметки и ручной загрузки страниц. На текущий момент опубликовано 17 тетрадей, содержащих около 3000 страниц рукописного текста Достоевского с его расшифровками и комментариями к нему.

В. В. Захаркина (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Онлайн-инструменты исследователя для текстологического анализа предварительно размеченных материалов на примере расшифровок рабочих тетрадей Ф. М. Достоевского». Ее доклад был посвящен проблемам алгоритмической обработки и визуализации транскрипций. Она подчеркнула особую роль гипертекстовой разметки в контексте парадигмы разделения формальных описаний структуры, внешнего отображения и функциональности. Для разметки могут быть использованы различные универсальные или специализированные формальные языки, обеспечивающие дальнейшую программную обработку и анализ размеченных текстов. Отдельной технологической задачей при онлайн-публикации является представление данных в форме, позволяющей специалистам эффективно работать с материалами. Инструментарий исследователя включает ряд уровней (от общей навигации до отображения конкретной страницы рукописи), на каждом из которых могут быть применены как типовые, так и оригинальные решения. Особый интерес представляют принципы отображения текстологических сущностей, базирующиеся на интерпретации разметки. При подготовке «Архива Ф. М. Достоевского» были реализованы возможности, эффективность которых еще предстоит оценить. Это режимы, позволяющие независимо переключать варианты отображения отдельных элементов (например, вычеркнутый или вставленный автором текст), варианты пошагового отображения слоев авторской правки. Развитие инструментов визуализации и интерактивных возможностей рассматривалось в докладе как одна из перспективных задач.

Участие в работе круглого стола, помимо докладчиков, приняли все участники семинара, а также Л. В. Алексеева (Петрозаводск), И. А. Сосунова (Санкт-Петербург), Ми Сюйян (Шанхай, КНР).

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «И. А. БУНИН И ЕГО ВРЕМЯ»*

Осенью 2020 года в разных городах России широко отмечался 150-летний юбилей И. А. Бунина (1870–1953). Научные конференции и выставки прошли в Новосибирске, Ельце, Орле, Воронеже, Москве и Петербурге. Конференции в ИМЛИ и ИРЛИ продолжали друг друга. Круг проблем, обсуждавшихся на четырехдневной (20–23 октября) конференции в ИМЛИ, представлен на сайте «Академический Бунин» (<http://ivbunin.ru/nauka/konferenczii>). Конференция, проходившая 28–29 октября в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, была более камерной по охвату тем и числу докладчиков, но ничуть не менее представительной и значительной по своему содержанию. В ней приняли участие ученые из России, Италии, Франции, Украины, Германии, США, Австрии, Китая. Их доклады были распределены по тематическим заседаниям. В связи с пандемией конференция проходила в онлайн-формате на платформе zoom и транслировалась в Youtube, где на канале «ИРЛИ РАН Пушкинский Дом» сохранились записи ее заседаний.

С приветственным словом к участникам обратился директор ИРЛИ В. В. Головин, отметивший связь Бунина с пушкинской темой в русской культуре: юбиляра, почетного академика Императорской Академии наук по разряду изящной словесности, чествуют ныне в Пушкинском Доме, учрежденном в составе этой академии в 1905 году.

Первые заседания проходили под общим названием «Литературный путь и поэтика прозы».

В докладе Манфреда Шрубы (Италия) «И. А. Бунин и „Русские записки“» шла речь о том, как и почему не состоялось (за исключением единственной публикации в первом номере) сотрудничество Бунина в журнале и издательстве «Русские записки» (Париж; Шанхай, 1937–1939. № 1–20/21). В основу приведенных сведений легли архивные материалы из фонда секретаря журнала М. В. Вишняка в Гуверовском институте (Стэнфорд), в частности его переписка с издателем М. Н. Павловским и с редактором П. Н. Милюковым (т. е., в сущности, внутриредакционная переписка журнала и издательства «Русские записки») объемом в несколько сот писем. Прозвучали многочисленные цитаты из писем, передающие содержание разговоров Вишняка с Буниным, с ярко выраженными оценочными элементами.

Доклад Эльды Гаретто (Италия) был посвящен полемике И. А. Бунина с Дельфино Чинелли (D. Cinelli) и его книгой «Tolstoi» (Milano, 1934). В «Освобождении Толстого» Бунин, ссылаясь на статью А. В. Амфитеатрова о книге Чинелли (Возрождение. 1935. 21 нояб.), полемизирует с толкованием образа писателя, где подчеркиваются и повторяются, по мнению Бунина, «те злые и упорные мнения о Толстом, на которых основана вражда и даже ненависть к нему очень большого числа людей». В ходе выступления был обозначен и уточнен контекст этой полемики на материале переписки Бунина и Амфитеатрова, общего содержания книги Чинелли и ее рецензии в итальянской литературной среде.

Андреа Мейер-Фраатц (Германия) выступила с докладом «О цикличности „путевых поэм“ И. А. Бунина „Тень Птицы“». В Полном собрании сочинений Бунина 1915 года они были напечатаны под заглавием «Храм Солнца» и изменили свое название уже в эмигрантские годы. «Путевые поэмы» Бунина представляют собой пример «словесного искусства» в понимании О. Ханзена-Лёве и, соотношенные друг с другом по принципу функционально-семантической эквивалентности в смысле поэтической функции Р. Якобсона, могут рассматриваться с точки зрения теории лирического цикла. Такой анализ показывает, что циклическим построением создается вторичное значение, превосходящее значения отдельных текстов, а всеобъемлющее многообразие культур и религий выливается, в конце концов, в признание преданности лишь одной из них, христианской. Вопрос о сознательности использования этой стратегии автором остается открытым.

В центре внимания К. В. Анисимова (Красноярск) оказалась бунинская модификация феномена классической поэтики — иерархической парности произведений, одно из которых предшествует другому, являясь его предварительным художественным «конспектом». Доклад назывался «Неожиданная парность: „Грамматика любви“ и „Господин из Сан-Франциско“». К вопросу о повествовательной вариативности прозы И. Бунина и был основан на сравнительном анализе указанных рассказов (от переключек в датировках текстов, внутреннем «календаре» повествований до совпадений персонажных систем), за несхожестью «планов содержания» которых кроется родство фабул и конструктивных приемов.

В докладе А. В. Бакунцева (Москва) «Ключ к рассказу И. А. Бунина „Чистый понедельник“», содержащем критику высказанных до сих пор интерпретаций этого произведения, было обращено внимание на высказы-

* Хроника подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01410 «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»).

вание Бунина, зафиксированное в дневнике В. Н. Буниной в январе 1919 года: «Религия, как и поэзия, должна идти от земли <...>. В религии необходимо, познав плоть, отрешиться от нее». Именно эта мысль, по мнению исследователя, легла в основу «Чистого понедельника» (как и «Освобождения Толстого»), она определяет логику и поведение героини бунинского рассказа.

Следующие доклады прозвучали на заседании «Текстология».

Д. Д. Николаев (Москва) обратился к раннему творчеству писателя и выступил с сообщением «Рассказ И. А. Бунина „Кастрюк“: поэтика и история текста». Сопоставив рассказ с другими произведениями первой половины 1890-х годов, исследователь показал отличия главного героя рассказа от других образов стариков у Бунина, а также отметил важность его сюжетной функции как связующего персонажа. Анализ истории текста — от журнальной публикации 1895 года к Полному собранию сочинений 1915 года — продемонстрировал, что изменения, которые Бунин вносил в каждый новый вариант произведения, имели системный характер и были связаны с желанием автора подчеркнуть выделенные в докладе особенности поэтики рассказа.

Выступление С. Н. Морозова (Москва) «Рассказ И. А. Бунина „Сын“. К истории текста» было посвящено редкому в творчестве писателя произведению, построенному на иностранном материале. Творческая история этого рассказа, написанного в 1916 году, длилась 20 лет, на протяжении которых Бунин, не меняя текст кардинально, пристально работал над психологическими портретами главных героев. Исследователем был дан анализ всех шести прижизненных публикаций рассказа и позднейшей правки его последней публикации Буниным в пятом томе Собрания сочинений (Берлин: Петрополис, 1935), а также приведен обзор критических откликов.

На архивном материале, который вскоре должен быть опубликован во второй книге Бунинского тома в серии «Литературное наследство» (т. 110), построил свой доклад «Записные книжки И. А. Бунина. Особенности текста и проблемы публикации» Е. Р. Пономарев (Санкт-Петербург, Москва). Десять записных книжек 1940-х годов, сохранившихся в архиве Бунина (Русский архив в Лидсе), он предложил разделить на три группы в зависимости от видов (и этапов) предварительной писательской работы, и классифицировать по типам авторских высказываний. Многие фрагменты из записных книжек соотносятся с художественными набросками и могут рассматриваться в контексте творческой лаборатории писателя. Кроме того, они служат важным источником сведений о круге чтения Бунина, его планах и принципах работы последних лет.

Второй день конференции начался заседанием «Бунин — поэт».

В докладе «„Поэзия не в том...“ И. А. Бунин о „темноте“ поэзии» В. Ю. Даренского

(Украина) на примере стихотворения «В горах» (1916) исследовалась метафора «темноты» поэзии. Отвергая «темноту» поэзии символистов, Бунин отстаивал поэтику, основанную на ясности языка, но утверждал «темноту», относящуюся к сущности поэзии. Заключение формула стихотворения — «Нет в мире разных душ и времени в нем нет» — говорит о поэтическом, преображенном видении реальности, возникающем при созерцании вечных примет человеческой жизни. В такие моменты поэт смотрит на бытие как бы очами всего человечества, словно наблюдающего себя со стороны.

Т. М. Двинятина (Санкт-Петербург) в докладе «„Что есть поэзия?“ (Заметки к теме «И. Бунин и Е. Баратынский»)» провела ряд параллелей между художественными системами двух поэтов: сходное понимание своей роли в литературном мире, связь творческого акта с воспоминанием, обращенность к родовой памяти, сознание взаимообратимости контрастных состояний души и бытия. После гибели той России, которую он знал, Бунин смог пересоздать свой художественный мир, обрести опору в элегической традиции. Его проза вбирает в себя целый комплекс мотивов и прямых цитат из поэзии Баратынского, чьи «Отрывки из Поэмы „Воспоминания“» (1819) могут быть прочитаны как метаописание бунинского мира эмигрантских лет.

Тема «И. А. Бунин — переводчик А. Мицкевича» была раскрыта в докладе Т. Н. Жужгиной-Аллахвердян (Украина) на материале «Крымских сонетов»: «Аккерманские степи», «Чатырдаг» и «Алушта ночью». Их анализ показал, что Бунин наследовал правила силлаботонического переложения сонета и особенности жанровой интерпретации стихотворений Мицкевича как «путевых заметок», восходящей к П. А. Вяземскому. Сопоставление польского и бунинского текстов обнаруживает двуединый подход к стихотворному переводу: с одной стороны — точность словообраза и приверженность русскому сонетосложению, с другой — свобода самовыражения переводчика через стилистику и эмфатику родного слова.

С неожиданных сторон предстал мир писателя на заседании «Бунин в эмигрантских зеркалах».

Е. Ю. Куликова (Новосибирск) в докладе «И. А. Бунин в повести Бориса Юльского „Белая мазурка“» остановилась на творчестве писателя в период восточной эмиграции (1912–1950?). Наряду с ориентальной линией в нем присутствуют произведения, созданные в русле классической русской литературы и возвращающие читателя в мир старых дворянских усадеб. В повести Юльского «Белая мазурка» (1943) различимы как отсылки к уже написанным рассказам Бунина «Натали», «Таня», «Зойка и Валерия», так и будущие мотивы «Чистого понедельника» (1944). В обыгрывании младшим писателем традиционных мотивов сочетаются преемственность и пародирование, и в итоге создается многослойное нарративное пространство, характерное для модернизма XX века.

В докладе А. Л. Горобец (Австрия) «„Дикій идѣть“ и другие пометы: Иван Бунин и Антонин Ладинский в послевенном эпистолярном» восстанавливалась долгая история взаимоотношений двух писателей, познакомившихся в Париже в 1924 году. Ладинский оставил записки об отношениях Бунина с молодыми русскими литераторами, наблюдал за его работой над корректурами текстов в редакции газеты «Последние новости», был невольным свидетелем его эпистолярного конфликта с М. Осоргиним в период присуждения Нобелевской премии. В 1945 году сотрудник редакции газеты «Советский патриот» и член Союза патриотов Ладинский оказался посредником в организации визита Бунина в советское посольство. Выступление было основано на неопубликованных архивных материалах (дневник Ладинского, переписка, фотографии).

«Хронологический комментарий к „Бунину в халате“ А. Бахраха. Новый вариант издания книги» стал предметом обсуждения в докладе М. С. Щавлинского (Санкт-Петербург). Так как сбивчивость внутренней хронологии воспоминаний Бахраха сочетается с текстологическими изъятиями предпринятых до сих пор изданий (1979, 2000, 2005, 2018), то в качестве научного издания был предложен новый вариант, при котором книгу можно прочитать дважды: и как оригинальный текст, построенный на авторской компиляции и внутренней ассоциативно-тематической логике, и согласно объективной хронологической последовательности. Издание может быть похоже на роман Х. Кортасара «Игра в классики» — с двойной нумерацией глав, системой хронологических сносок и критическим комментарием к приводимым Бахрахом данным.

В докладе М. А. Хатямовой (Томск) «И. Бунин и Н. Берберова: сюжет возвращения на родину (к проблеме диалога классика с младоэмигрантами)» отношение Берберовой к Бунину анализировалось на материале ее автобиографии «Курсив мой» и повести «Роканваль: хроника одного замка» (1936), отсылающей к бунинской «Несрочной весне» сюжетом возвращения в прошлое и организацией наррации. В рассказе «Поздний час» (1938) есть и обратное влияние — текстуальный диалог Бунина с «Биянкурской рукописью» (1930) Берберовой: берберовский топос «позднего часа», одинокого путешествия в город детства, поставленный в рассказе Бунина в сильную позицию, обнажает полемическую интенцию писателя, стремящегося быть услышанным молодыми авторами. Но семантика сюжета возвращения у эстетически и поколенчески разных писателей оказывается различной: поэтическая, утверждающая торжество творческой памяти — у Бунина, и антиутопическая, изживающая центральный эмигрантский миф — у Берберовой.

Проблематика названных в этой части конференции докладов была продолжена на заседании «Бунин в европейском и американском контексте».

Основное внимание в докладе Т. В. Викторовой (Франция) «Пере-вести Бунина. „Безумный художник“ в переводе Мориса Парижанина (1923)» было уделено свидетелю русской революции, переводчику Ленина, сотруднику коммунистических изданий Морису Донзелю (псевд. Парижанин), ставшему в начале 1920-х годов и первым переводчиком Бунина во Франции. Приведенные материалы, хранящиеся в Русском архиве в Лиде и Парижской Национальной библиотеке, говорят о попытках Парижанина перевести Бунина не только на французский язык, но и в другой идеологический лагерь. Но в то же время перевод М. Донзелем «Безумного художника» (вышел в основном Р. Ролланом журнале «Европа» (1923. № 1)) показывает и стремление переводчика пере-вести «контрреволюционного» для его среды Бунина из категории «запретное» в «читаемое», предлагая подняться до Бунина не в меньшей мере, чем сделать его «своим».

В докладе Е. М. Болдыревой (КНР) «Органическая поэтика памяти И. Бунина («Жизнь Арсеньева») и ars memorativa М. Пруста («В поисках утраченного времени»)» рассматривались оппозиции автобиографических моделей и различие мнемонической деятельности автобиографических субъектов Бунина и Пруста. Для Бунина память — инстинктивно-иррациональная сущность, обеспечивающая цельность субъекта и онтологичность реальности его сознания, у Пруста это инструмент, упорная работа с которым позволяет структурировать реальность прошлого и преодолеть болезненное для Пруста (но блаженное для Бунина) состояние эпистемологической неуверенности. В отличие от Пруста, модернистский проект которого эксплицирует многочисленные процессы соотношения реальности и сознания, памяти и творчества, бунинскому автобиографическому дискурсу свойственно слияние жизни и творчества в органической ткани мемориального орнамента.

Еще один ракурс этой проблемы предложила А. Лушенкова-Фосколо (Франция) в докладе «От „эффекта Пруста“ к концепту „писатель как читатель“». Если современники Бунина, обратившие внимание на созвучность некоторых черт «Жизни Арсеньева» с поэтикой романного цикла Марселя Пруста, в первую очередь указали на аналогии, касающиеся концепции памяти, то в перспективе будущих исследований не менее значим и другой концепт. Речь идет о чтении, которое не только играет в данных произведениях роль сквозного мотива, но и лежит в основе структурообразующих черт их поэтики.

Доклад А. А. Долинина (США, Санкт-Петербург) назывался «Полемические отклики на произведения И. Бунина 1920–1940-х годов в романах В. Набокова» и был сфокусирован прежде всего на «Жизни Арсеньева» и «Даре». Обе книги принадлежат к одному и тому же жанру «вымышленной автобиографии» (определение Ходасевича), причем главным героем

и нарратором в них выступает начинающий писатель. В докладе было высказано предположение, что публикация нескольких глав 5-й книги «Жизни Арсеньева» в № 52 «Современных записок» (май 1933 года) и критические отклики на них дали толчок замыслу «Дара», возникшему у Набокова летом того же года. «Круговая» композиция набоковского романа, как думается, реализовала ту «схему», которая, как ошибочно предположил Ходасевич в своей рецензии, должна была лечь в основу всей книги Бунина. Сам Бунин этой «схемой» не воспользовался и не развил «писательскую» тему соответствующих глав, тогда как Набоков, подхватив и транспонировав ее, построил на ней сложное многоплановое повествование. Вероятно, резко отрицательные оценки «Дара» Буниным можно объяснить тем, что он воспринял роман Набокова как агрессивное «вторжение» на его собственную литературную территорию.

Особое заседание «Бунин и Пушкинский Дом» прошло в конце первого дня конференции.

В основном на архивных материалах докладе А. М. Любомудрова (Санкт-Петербург) «Пушкинодомцы в борьбе за бунинское наследие. К истории отношений литературной диаспоры и метрополии 1960-х годов» были освещены обстоятельства многолетних переговоров о возвращении бунинского наследия в Россию, окончившихся неудачей. Деятельными участниками этих событий стали ученые Пушкинского Дома М. П. Алексеев, П. Н. Ширмаков, Л. Н. Назарова, В. А. Мануйлов. Их переписка с В. Н. Буниной и Л. Ф. Зуровым, а также с представителями советского правительства и партийного аппарата показывает, сколько сил и энергии они приложили для по-

ложительного решения вопроса. Планировалось создание «Бунинского кабинета» в Пушкинском Доме, где хранилось бы рукописное наследие классика. История, длившаяся почти десять лет, продемонстрировала равнодушие сотрудников ЦК и Союза писателей к наследию идеологически чуждого нобелевского лауреата, неспособность чиновников проявить человеческое внимание и тонкую дипломатию в общении с Леонидом Зуровым.

Как известно, правообладателем бунинского наследия в настоящее время является Фонд Ивана и Веры Буниных при Лидском университете (Великобритания). Пушкинский Дом может гордиться тем, что в его стенах хранится одно из самых значительных в России собраний материалов, связанных с первым русским нобелиатом. Документы, в которых запечатлены жизнь и творчество Бунина, его связи с современниками, присутствуют в Рукописном отделе, Литературном музее и библиотеке ИРЛИ. Это автографы, письма, фотографии, книги с дарственными надписями, мемориальные предметы, принадлежащие разным периодам биографии Бунина, от первых выступлений в печати до последних лет в эмиграции. Все они были специально собраны на онлайн-выставке «Звезда его поэзии восходила медленным и верным путем...», которую представила участникам конференции научный сотрудник Рукописного отдела ИРЛИ Л. К. Хитрово. Богатство, разнообразие, историческая и научная ценность показанных материалов убедительно подтверждают значение Пушкинского Дома как одного из ведущих центров хранения и изучения наследия Бунина.

© Т. М. Двигатина

SUMMARIES

Галина Валентиновна Петрова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Galina Valentinovna Petrova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

pgv6@yandex.ru

МОДЕРНИСТСКИЙ ЖУРНАЛ-МАНИФЕСТ И ЕГО ЧИТАТЕЛИ (К ИСТОРИИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В РОССИИ)

MODERNIST MANIFESTO MAGAZINE AND ITS READERS (CONCERNING THE HISTORY OF AESTHETIC COMMUNICATION IN RUSSIA)

В статье идет речь о специфике журнала-манифеста как нового типа периодического литературно-художественного издания и эстетической коммуникации, которую осуществляли модернистские журналы со своим читателем. Исследуются малоизвестные публикации в периодических изданиях конца XIX — начала XX века и материалы редакционного портфеля журнала «Весы», по преимуществу сосредоточенные в личном архиве редактора-издателя С. А. Полякова.

Ключевые слова: эпоха модернизма, западноевропейская традиция, русская литература начала XX века, отечественная журналистика, журнал-манифест, рецепция.

The article deals with the specifics of the manifesto magazine as a new type of the literary and artistic periodical and of the aesthetic communication, which was carried out between the modernist magazines and their readers. The article examines obscure publications in the periodicals of the late 19th — early 20th centuries and materials from the editorial portfolio of the journal *Vesy*, by the most part concentrated in the personal archives of the editor and publisher S. A. Polyakov.

Key words: the era of Modernism, Western European tradition, Russian literature of the early 20th century, domestic journalism, magazine manifesto, reception.

Список литературы

1. Азадовский К. М., Максимов Д. Е. Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Лит. наследство. 1976. Т. 85. Валерий Брюсов.
2. Ариас-Вихиль М. А. Французские символистские журналы рубежа веков: от литературы к синтезу искусств // Эпоха символизма: встреча литературы и искусства. М., 2016.
3. Асмус В. Ф. Чтение как труд и творчество // Асмус В. Ф. Вопросы теории и истории эстетики. М., 1968.
4. Асташкин А. Г. Журнал «Мир искусства» и его создатели // Журналистский ежегодник. 2015. № 4.
5. Асташкин А. Г. Журналы «Мир искусства» и «Аполлон»: эволюция оформительской модели журнала-манифеста // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых: традиции и новаторство. Уфа, 2015.
6. Асташкин А. Г. Журналы «Мир искусства» и «Новый путь»: трансформация типа журнала-манифеста // Вестник Башкирского ун-та. 2013. Т. 18. № 3.
7. Асташкин А. Г. Системная характеристика журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни» // От века к веку: Книга. Литература. Коммуникация. Статьи и тезисы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Веры Сергеевны Синенко. Уфа, 2014.
8. Асташкин А. Г. Типологическая характеристика журнала «Мир искусства» // Изв. Саратовского ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. № 1.

9. Асташкин А. Г. Типологические и жанровые особенности элитарных журналов об искусстве начала XX в. (на материале журналов «Мир искусства», «Весы», «Золотое руно» и других). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013.
10. Бенуа А. Мои воспоминания: [В 2 т.]. В 5 кн. / Изд. подг. Н. И. Александрова, А. Л. Гришунин, А. Н. Савинов и др. М., 1980. [Т. 2] (сер. «Литературные памятники»).
11. Бережной А. Ф. История отечественной журналистики (конец XIX — начало XX в.): Материалы и документы. СПб., 2003.
12. Волошин М. Собр. соч. М., 2007. Т. 5.
13. Галинская И. Л. «Мир искусства» и формирование художественной культуры начала XX в. // Культурология. 2003. № 3 (26).
14. Геворкян А. В. Письма из Байрейта // «Сложная целостность» литературы: Исследования и публикации. К юбилею В. А. Келдыша. М., 2019.
15. Голубков В. П. Эстетическая концепция журнала «Весы» в контексте модернистской журналистики рубежа XIX–XX веков // Stefanos. Сборник научных работ памяти А. Г. Соколова. М., 2008.
16. Гречишкин С. С. Архив С. А. Полякова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980.
17. Евгеньев-Максимов В. Е., Максимов Д. Е. Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы. Л., 1930.
18. Ерофеев И. Ю. Литературное наследие О. Уайльда в журнале «Весы» и роль М. Ф. Ликиардопуло в его освоении // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. № 2 (10).
19. Иванова Е. В. Журнал «Весы» в биографии Чуковского // От Кибирова до Пушкина. Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011.
20. Из истории символистской журналистики: «Весы» / Отв. ред. Д. А. Завельская, И. С. Приходько. М., 2007.
21. Каверина Е. А. Художественный журнал Серебряного века как эстетический феномен // Медиалингвистика: Материалы II Международной научно-практической конференции. М., 2017.
22. Клинг О. А. Брюсов в «Весах» (к вопросу о роли Брюсова в организации и издании журнала) // Из истории русской журналистики начала XX века. М., 1984.
23. Колеров М. А. «Вопросы жизни»: история и содержание // Логос. 1991. № 2.
24. Колеров М. А. Индустрия идей: Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники 1887/1947. М., 2000.
25. Колеров М. А. Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996.
26. Корецкая И. «Мир искусства» // Корецкая И. Над страницами русской поэзии и прозы начала века. М., 1995.
27. Корецкая И. В. «Новый путь», «Вопросы жизни» // Литературный процесс и русская журналистика. 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982.
28. Котрелев Н. В. Итальянские литераторы — сотрудники «Весов» // Проблемы ретроспективной библиографии и некоторые аспекты научно-исследовательской работы ВГБИЛ. М., 1978.
29. Лавров А. В., Максимов Д. Е. «Весы» // Русская литература и журналистика начала XX века: 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984.
30. Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века: 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982.
31. Лобанов В. М. Кануны: Из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы. М., 1968.
32. Максимов Д. «Новый Путь» // Евгеньев-Максимов В. Е., Максимов Д. Е. Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы. Л., 1930.
33. Мельник Н. Д. История создания журнала «Мир искусства» // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. № 3.
34. Мережковский Д. С. Эстетика и критика: В 2 т. / Вступ. статья, сост. и прим. Е. А. Андрущенко и Л. Г. Фризмана. М., 1994. Т. 1.
35. Митрошкин В. Ю. Традиции русской культуры XVIII в. и «новое искусство»: К внутри-модернистским полемикам в журнале «Мир искусства» // Учен. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1987. Вып. 781.
36. Оганесян К. А. В. Брюсов о поэзии французского поэта-символиста П. Верлена на страницах журнала «Весы» // Ceteris Paribus. 2016. № 4.
37. Переписка З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и Д. В. Filosofova с В. Я. Брюсовым (1901–1903) / Публ. и подг. текста М. В. Толмачева; комм. Т. В. Воронцовой // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6; 1996. № 7.
38. Письма Д. С. Мережковского к П. П. Перцову / Публ. и прим. М. Ю. Кореновой // Русская литература. 1991. № 2.
39. Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову / Вступ. заметка, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Русская литература. 1991. № 4.

40. *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по социологии русской литературы. М., 2009.
41. Русская литература и журналистика начала XX века: 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984.
42. *Сегал Д. Л., Сегал Н. М.* К типологии русских литературных альманахов и сборников первой четверти XX века // От Кибирова до Пушкина. Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011.
43. Сергей Дягилев и русское искусство / Сост., вступ. статья и комм. И. С. Зильберштейна и В. А. Самкова. М., 1982. Т. 2.
44. *Тимофеева О. Е.* Художественная проза журнала «Весы» в контексте идейно-эстетической позиции издания. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017.
45. *Толстой А. Н.* О читателе. В виде предисловия // Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1961. Т. 10.
46. *Троцкий Л.* Судьба толстого журнала // Троцкий Л. Литература и революция. М., 1991.
47. *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1976. Т. 5.
48. *Шапкина О. И.* Критическая деятельность С. А. Полякова // Филологические науки. 2016. № 3.
49. *Шапкина О. И.* Рецензия творчества М. Горького критиками журнала «Весы» // XX Свято-Троицкие ежегодные международные академические чтения в Санкт-Петербурге. СПб., 2020.
50. *Шестаков В. П.* Эстетизм против дидактизма (об эстетической программе журнала «Мир искусства») // Теория художественной культуры. М., 2008.
51. *Шильникова О. Г.* Типологический алгоритм «толстого» журнала в России XIX–XX веков // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 8. 2008. Вып. 7.

References

1. *Arias-Vikhil' M. A.* Frantsuzskie simbolistskie zhurnaly rubezha vekov: ot literatury k sintezu iskusstv // Epokha simbolizma: vstrecha literatury i iskusstva. M., 2016.
2. *Asmus V. F.* Chtenie kak trud i tvorchestvo // Asmus V. F. Voprosy teorii i istorii estetiki. M., 1968.
3. *Astashkin A. G.* Sistemnaia kharakteristika zhurnalov «Novyi put'» i «Voprosy zhizni» // Ot veka k veku: Kniga. Literatura. Kommunikatsiia. Zhurnalistika. Stat'i i tezisы Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi pamiati doktora filologicheskikh nauk, profesora Very Sergeevny Sinenko. Ufa, 2014.
4. *Astashkin A. G.* Tipologicheskaiia kharakteristika zhurnala «Mir iskusstva» // Izv. Saratovskogo un-ta. Novaia ser. Ser. Filologiiia. Zhurnalistika. 2013. T. 13. № 1.
5. *Astashkin A. G.* Tipologicheskii i zhanrovye osobennosti elitarnykh zhurnalov ob iskusstve nachala XX v. (na materiale zhurnalov «Mir iskusstva», «Vesy», «Zolotoe runo» i drugikh). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2013.
6. *Astashkin A. G.* Zhurnal «Mir iskusstva» i ego sozdateli // Zhurnalistikii ezhegodnik. 2015. № 4.
7. *Astashkin A. G.* Zhurnaly «Mir iskusstva» i «Apollon»: evoliutsiia oformitel'skoi modeli zhurnala-manifesta // Sovremennye problemy literaturovedeniia, lingvistiki i kommunikativistiki glazami molodykh uchenykh: traditsii i novatorstvo. Ufa, 2015.
8. *Astashkin A. G.* Zhurnaly «Mir iskusstva» i «Novyi put'»: transformatsiia tipa zhurnala-manifesta // Vestnik Bashkirskogo un-ta. 2013. T. 18. № 3.
9. *Azadovskii K. M., Maksimov D. E.* Briusov i «Vesy» (K istorii izdaniia) // Lit. nasledstvo. 1976. T. 85. Valerii Briusov.
10. *Benua A.* Moi vospominaniia: [V 2 t.]. V 5 kn. / Izd. podg. N. I. Aleksandrova, A. L. Grishunin, A. N. Savinov i dr. M., 1980. [T. 2] (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
11. *Berezhnoi A. F.* Istoriia otechestvennoi zhurnalistiki (konets XIX — nachalo XX v.): Materialy i dokumenty. SPb., 2003.
12. *Chekhov A. P.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 12 t. M., 1976. T. 5.
13. *Erofeev I. Iu.* Literaturnoe nasledie O. Uail'da v zhurnale «Vesy» i rol' M. F. Likiardopulo v ego osvoinii // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniia. 2012. № 2 (10).
14. *Evgen'ev-Maksimov V. E., Maksimov D. E.* Iz proshlogo russkoi zhurnalistiki. Stat'i i materialy. L., 1930.
15. *Galinskaiia I. L.* «Mir iskusstva» i formirovanie khudozhestvennoi kul'tury nachala XX v. // Kul'turologiia. 2003. № 3 (26).
16. *Gevorkian A. V.* Pis'ma iz Baireta // «Slozhnaia tselostnost'» literatury: Issledovaniia i publikatsii. K iubileiu V. A. Keldysha. M., 2019.
17. *Golubkov V. P.* Esteticheskaiia kontseptsiiia zhurnala «Vesy» v kontekste modernistskoi zhurnalistiki rubezha XIX–XX vekov // Stefanos. Sbornik nauchnykh rabot pamiati A. G. Sokolova. M., 2008.

18. Grechishkin S. S. Arkhiv S. A. Poliakova // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1978 god. L., 1980.
19. Ivanova E. V. Zhurnal «Vesy» v biografii Chukovskogo // Ot Kibirova do Pushkina. Sbornik v chest' 60-letia N. A. Bogomolova. M., 2011.
20. Iz istorii simvolistskoi zhurnalistiki: «Vesy» / Otv. red. D. A. Zavel'skaia, I. S. Prikhod'ko. M., 2007.
21. Kaverina E. A. Khudozhestvennyi zhurnal Serebrianogo veka kak esteticheskii fenomen // Medialingvistika: Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. M., 2017.
22. Kling O. A. Briusov v «Vesakh» (k voprosu o roli Briusova v organizatsii i izdanii zhurnala) // Iz istorii russkoi zhurnalistiki nachala XX veka. M., 1984.
23. Kolerov M. A. «Voprosy zhizni»: istoriia i sodержanie // Logos. 1991. № 2.
24. Kolerov M. A. Industriia idei: Russkie obshchestvenno-politicheskie i religiozno-filosofskie sborniki 1887/1947. M., 2000.
25. Kolerov M. A. Ne mir, no mekh: Russkaia religiozno-filosofskaia pechat' ot «Problem idealizma» do «Vekh». 1902–1909. SPb., 1996.
26. Koretskaia I. «Mir iskusstva» // Koretskaia I. Nad stranitsami russkoi poezii i prozy nachala veka. M., 1995.
27. Koretskaia I. V. «Novyi put'», «Voprosy zhizni» // Literaturnyi protsess i russkaia zhurnalistika. 1890–1904. Burzhuazno-liberal'nye i modernistskie izdaniia. M., 1982.
28. Kotlev N. V. Ital'ianskie literaturnye sotrudniki «Vesov» // Problemy retrospektivnoi bibliografii i nekotorye aspekty nauchno-issledovatel'skoi raboty VGBIL. M., 1978.
29. Lavrov A. V., Maksimov D. E. «Vesy» // Russkaia literatura i zhurnalistika nachala XX veka: 1905–1917. Burzhuazno-liberal'nye i modernistskie izdaniia. M., 1984.
30. Literaturnyi protsess i russkaia zhurnalistika kontsa XIX — nachala XX veka: 1890–1904. Burzhuazno-liberal'nye i modernistskie izdaniia. M., 1982.
31. Lobanov V. M. Kanuny: Iz khudozhestvennoi zhizni Moskvy v predrevoliutsionnye gody. M., 1968.
32. Maksimov D. «Novyi Put'» // Evgen'ev-Maksimov V. E., Maksimov D. E. Iz proshlogo russkoi zhurnalistiki. Stat'i i materialy. L., 1930.
33. Mel'nik N. D. Istoriia sozdaniia zhurnala «Mir iskusstva» // Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2015. № 3.
34. Merezhkovskii D. S. Estetika i kritika: V 2 t. / Vstup. stat'ia, sost. i prim. E. A. Andrushchenko i L. G. Frizmana. M., 1994. T. 1.
35. Mitroshkin V. Iu. Traditsii russkoi kul'tury XVIII v. i «novoe iskusstvo»: K vnutrimodernistskim polemikam v zhurnale «Mir iskusstva» // Uchen. zap. Tartuskogo un-ta. Tartu, 1987. Vyp. 781.
36. Oganesian K. A. V. Briusov o poezii frantsuzskogo poeta-simvolista P. Verlana na stranitsakh zhurnala «Vesy» // Ceteris Paribus. 2016. № 4.
37. Perepiska Z. N. Gippius, D. S. Merezhkovskogo i D. V. Filosofova s V. Ia. Briusovym (1901–1903) / Publ. i podg. teksta M. V. Tolmacheva; komm. T. V. Vorontsovoi // Rossiiskii literaturovedcheskii zhurnal. 1994. № 5/6; 1996. № 7.
38. Pis'ma D. S. Merezhkovskogo k P. P. Pertsovu / Publ. i prim. M. Iu. Korenevoi // Russkaia literatura. 1991. № 2.
39. Pis'ma Z. N. Gippius k P. P. Pertsovu / Vstup. zametka, podg. teksta i prim. M. M. Pavlovoi // Russkaia literatura. 1991. № 4.
40. Reitblat A. I. Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po sotsiologii russkoi literatury. M., 2009.
41. Russkaia literatura i zhurnalistika nachala XX veka: 1905–1917. Burzhuazno-liberal'nye i modernistskie izdaniia. M., 1984.
42. Segal D. L., Segal N. M. K tipologii russkikh literaturnykh al'manakhov i sbornikov pervoi chetverti XX veka // Ot Kibirova do Pushkina. Sbornik v chest' 60-letia N. A. Bogomolova. M., 2011.
43. Sergei Diagilev i russkoe iskusstvo / Sost., vstup. stat'ia i komm. I. S. Zil'bershteina i V. A. Samkova. M., 1982. T. 2.
44. Shapkina O. I. Kriticheskaiia deiatel'nost' S. A. Poliakova // Filologicheskie nauki. 2016. № 3.
45. Shapkina O. I. Retseptsii tvorчества M. Gor'kogo kritikami zhurnala «Vesy» // XX Svias-to-Troitskie ezhegodnye mezhdunarodnye akademicheskie chteniia v Sankt-Peterburge. SPb., 2020.
46. Shestakov V. P. Estetizm protiv didaktizma (ob esteticheskoi programme zhurnala «Mir iskusstva») // Teoriia khudozhestvennoi kul'tury. M., 2008.
47. Shil'nikova O. G. Tipologicheskii algoritm «tolstogo» zhurnala v Rossii XIX–XX vekov // Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. 2008. Ser. 8. Vyp. 7.
48. Timofeeva O. E. Khudozhestvennaia proza zhurnala «Vesy» v kontekste ideino-esteticheskoi pozitsii izdaniia. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2017.
49. Tolstoi A. N. O chitatele. V vide predislovia // Tolstoi A. N. Sobr. soch.: V 10 t. M., 1961. T. 10.
50. Trotskii L. Sud'ba tolstogo zhurnala // Trotskii L. Literatura i revoliutsiia. M., 1991.
51. Voloshin M. Sobr. soch. M., 2007. T. 5.

Светлана Михайловна Шумило (Украина)

доцент Национального университета
«Черниговский коллегийум» имени Т. Г. Шевченко

Svetlana Mikhailovna Shumilo (Ukraine)

Associate Professor, Ukrainian Language and Literature;
National University «Chernihiv Collegium» Named after T. G. Shevchenko
shumilosm@gmail.com

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ СЛОВА НА ФОМИНУ НЕДЕЛЮ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

LITERARY SOURCES OF KIRILL OF TUROV'S WORD FOR THOMAS SUNDAY

Кирилл Туровский активно использует в проповедях приемы цитирования, аллюзии, реминисценции. Как правило, он апеллирует к гимнографии, но в Слове на неделю Фомину — к проповеди Григория Богослова на Антипасху. Без знания этой проповеди понимание его произведения затруднено, поскольку автор рассчитывает на читателя, который только что прослушал указанную проповедь, предписанную уставом для чтения в этот день. Сравнение двух текстов позволяет раскрыть в произведении Кирилла Туровского новые смыслы.

Ключевые слова: Кирилл Туровский, Григорий Богослов, проповедь, аллюзия, реминисценция, литературный источник.

In his sermons, Kirill of Turov makes ample use of quotes, allusions and reminiscences. As a rule, he appeals to hymnography, although his *Word for Thomas Sunday* relates to Gregory of Nazianzus's sermon for the same holiday. In this text, Kirill of Turov relies on a reader who had just heard the sermon, recited, in compliance with the regulations, on that very day. Thus, without this specific background, one would be hard put to understand the *Word for Thomas Sunday*. The comparison of the two texts offered in the article highlights additional meanings in this work by Kirill of Turov.

Key words: Kirill of Turov, Gregory of Nazianzus, sermon, allusions, reminiscences, literary source.

Список литературы

1. Григорий Богослов. Слово на обновление, ркп. НБКМ 674 // 16 слова на св. Григорий Богослов (фототипно издание на ръкопис НБКМ 674) / Подг. изд. М. А. Спасова. София, 2014.
2. Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13.
3. Еремин И. П. Ораторское искусство Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 18.
4. Кусков В. В. История древнерусской литературы: Учебник. М., 1982.
5. Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб., 2001.
6. Розачевская Е. Б. Цикл молитв Кирилла Туровского: тексты и исследования. М., 1999.
7. Сазонова Л. И. Принцип ритмической организации в произведениях торжественного красноречия старшей поры // ТОДРЛ. М.; Л., 1974. Т. 28.
8. Чижевський Д. І. Історія української літератури від початків до доби реалізму. Нью-Йорк, 1956.
9. Шумило С. М. Влияние литургической гимнографии на творчество Кирилла Туровского // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65.
10. Шумило С. М. Богослужебные тексты как литературный источник средневековой проповеди: поучения Григория Цамблака // Русская литература. 2017. № 3.

References

1. Chizhevs'kii D. I. Istoriia ukrains'koï literaturi vid pochatkiv do dobi realizmu. N'iu-Iork, 1956.
2. Eremin I. P. Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo // TODRL. M.; L., 1957. T. 13.
3. Eremin I. P. Oratorskoe iskustvo Kirilla Turovskogo // TODRL. L., 1981. T. 18.
4. Grigorii Bogoslov. Slovo na obnovlenie, rkp. NBKM 674 // 16 slova na sv. Grigorii Bogoslov (fototipno izdanie na r'kopis NBKM 674) / Podg. izd. M. A. Spasova. Sofia, 2014.
5. Kuskov V. V. Istoriia drevnerusskoi literatury: Uchebnik. M., 1982.

6. *Likhachev D. S.* Istoricheskaya poetika russkoi literatury. Smekh kak mirovozzrenie. SPb., 2001.
7. *Rogachevskaya E. B.* Tsikl molitv Kirilla Turovskogo: teksty i issledovaniya. M., 1999.
8. *Sazonova L. I.* Printsip ritmicheskoi organizatsii v proizvedeniyakh torzhestvennogo krasnorechiya starshei pory // TODRL. M.; L., 1974. T. 28.
9. *Shumilo S. M.* Bogosluzhebnye teksty kak literaturnyi istochnik srednevekovoi propovedi: poucheniya Grigoriya Tsamblaka // Russkaya literatura. 2017. № 3.
10. *Shumilo S. M.* Vliyanie liturgicheskoi gimnografii na tvorchestvo Kirilla Turovskogo // TODRL. SPb., 2017. T. 65.

Микела Вендитти (Италия)

профессор Университета Неаполя Л'Ориентале

Michela Venditti (Italy)

Professor, Università degli Studi di Napoli L'Orientale

michelavenditti64@gmail.com

**ЖАНР НАДПИСИ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. Р. ДЕРЖАВИНА
(СТИХИ НА СМЕРТЬ СОБАКИ)**

**THE GENRE OF INSCRIPTION IN G. R. DERZHAVIN'S POETRY
(VERSE ON THE DEATH OF A DOG)**

В статье обращается внимание на малоизученный жанр надписи в XVIII веке. Поэтическим коротким формам эпиграммы и эпитафии данной эпохи были посвящены важные исследования, но «надпись», в связи с расплывчатостью ее точного жанрового определения (в промежутке между самими эпиграммой и эпитафией), пока еще не получила должного внимания. В статье предлагается общий предварительный обзор сведений об этом жанре в XVIII веке, затем анализируются надписи в творчестве Державина.

Ключевые слова: надпись, Державин, собака, эпиграмма, бурлеск, XVIII век.

The article draws attention to the insufficiently studied genre of inscription of the 18th century. Important studies have been devoted to the small poetic forms of the epigram and the epitaph of the period, but the inscription, because of the vagueness of the exact genre definition, has not yet received due attention. The article offers a general preliminary outline of the data concerning this genre in the 18th century, and the analysis of certain inscriptions in the works by Derzhavin.

Key words: inscription, Derzhavin, dog, epigram, burlesque, 18th century.

Список литературы

1. *Вендитти М.* «Похвала комару» Державина: интертекстуальность и автотематичность // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. 2008. № 36.
2. *Гинзбург Л.* Неизданные стихотворения Рубана // XVIII век. Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. [Сб. 1].
3. *Гуковский Г.* О «Хоре ко превратному свету» (Ответ П. Н. Беркову) // XVIII век. Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. [Сб. 1].
4. *Державин Г. Р.* Соч. / С объяснительными прим. Я. Грота. СПб., 1866. Т. 3.
5. *Державин Г. Р.* Стихотворения / Ред. и прим. Г. Гуковского; вступ. статья И. А. Виноградова. Л., 1933 (Библиотека поэта).
6. *Добрицын А.* Вечный жанр: Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII — начала XIX века. Bern [et al.], 2008.
7. *Лейдерман Н. Л.* Теория жанра: Исследования и разборы. Екатеринбург, 2010.
8. *Морозова Н. П.* Державинский «некрополь» (неопубликованные тексты) // Оказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века / Под ред. П. Бухаркина, У. Екуч, Н. Кочетковой. СПб., 2010.
9. *Николаев С. И.* Рубан Василий Григорьевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. Р–Я.
10. *Остолопов Н.* Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. 2.

11. Прокопович О. А. Жанр надписи в русской поэзии XVIII — первой трети XIX вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Караганда, 2000.
12. Прокопович Ф. Соч. / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961.
13. Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14.
14. Русская поэзия: Собр. произведений русских поэтов. СПб., 1897. Т. 1. Вып. 1–6. XVIII век. Эпоха классицизма / Под ред. С. А. Венгерова.
15. Русская стихотворная эпитафия / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. С. И. Николаева, Т. С. Царьковой. СПб., 1998 (сер. «Новая библиотека поэта»).
16. Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века) / Вступ. статья М. И. Гиллельсона; сост. и прим. М. И. Гиллельсона и К. А. Кумпан; подг. текста К. А. Кумпан. Л., 1988 (Библиотека поэта. Большая сер.).
17. С. Собачка парицы // Старые годы. Ежемесячник для любителей искусства и старины. 1916. Март.
18. Сазонова Л. И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. М., 2012.
19. Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII в.). М., 1991.
20. Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2003. Вып. 13.
21. Сумароков А. П. Избр. произведения / Вступ. статья, подг. текста и прим. П. Н. Беркова. Л., 1957 (Библиотека поэта. Большая сер.).
22. Хвостов Д. И. Соч. / [Сост. О. Л. Довгий, А. Е. Махов]. М., 1999.
23. Шапир М. И. Барков и Державин: Из истории русского бурлеска // Пушкин А. С. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Эскурсы / Изд. подг. И. А. Пильщиков и М. И. Шапир. М., 2002.
24. La Harpe J. F. Lycée ou Cours de Littérature ancienne et moderne. Paris, 1834. Т. 1.

References

1. Derzhavin G. R. Soch. / S ob'iasnitel'nymi prim. Ia. Grota. SPb., 1866. Т. 3.
2. Derzhavin G. R. Stikhotvoreniia / Ped. i prim. G. Gukovskogo; vstup. stat'ia I. A. Vinogradova. L., 1933 (Biblioteka poeta).
3. Dobritsyn A. Vechnyi zhanr: Zapadnoevropeiskie istoki russkoi epigrammy XVIII — nachala XIX veka. Bern [et al.], 2008.
4. Ginzburg L. Neizdannnye stikhotvoreniia Rubana // XVIII vek. Sb. statei i materialov. M.; L., 1935. [Sb. 1].
5. Gukovskii G. O «Khore ko prevratnomu svetu» (Otvét P. N. Berkovu) // XVIII vek. Sb. statei i materialov. M.; L., 1935. [Sb. 1].
6. Khvostov D. I. Soch. / [Sost. O. L. Dovgii, A. E. Makhov]. M., 1999.
7. La Harpe J. F. Lycée ou Cours de Littérature ancienne et moderne. Paris, 1834. Т. 1.
8. Leiderman N. L. Teoriia zhanra: Issledovaniia i razbory. Ekaterinburg, 2010.
9. Morozova N. P. Derzhavinskii «nekropol'» (neopublikovannye teksty) // Okkazonal'naia literatura v kontekste prazdnichnoi kul'tury Rossii XVIII veka / Pod red. P. Bukharkina, U. Ekuch, N. Kochetkovoi. SPb., 2010.
10. Nikolaev S. I. Ruban Vasilii Grigor'evich // Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. SPb., 2010. Vyp. 3. R–Ia.
11. Ostolopov N. Slovar' drevnei i novoi poezii. SPb., 1821. Ch. 2.
12. Prokopovich F. Soch. / Pod red. I. P. Eremina. M.; L., 1961.
13. Prokopovich O. A. Zhanr nadpisi v russkoi poezii XVIII — pervoi treti XIX vv.: Dis. ... kand. filol. nauk. Karaganda, 2000.
14. Pumpsianskii L. V. Lomonosov i nemetskaia shkola razuma // XVIII vek. L., 1983. Sb. 14.
15. Russkaia epigramma (XVIII — nachalo XX veka) / Vstup. stat'ia M. I. Gille'sona; sost. i prim. M. I. Gille'sona i K. A. Kumpan; podg. teksta K. A. Kumpan. L., 1988 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
16. Russkaia poeziia: Sobr. proizvedenii russkikh poetov. SPb., 1897. Т. 1. Vyp. 1–6. XVIII vek. Epokha klassitsizma / Pod red. S. A. Vengerova.
17. Russkaia stikhotvornaia epitafiia / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i prim. S. I. Nikolaeva, T. S. Tsar'kovoi. SPb., 1998 (ser. «Novaia biblioteka poeta»).
18. S. Sobachka tsaritsy // Starye gody. Ezhesiachnik dlia liubiteli iskusstva i stariny. 1916. Mart.
19. Sazonova L. I. Pamiat' kul'tury. Nasledie Srednevekov'ia i barokko v russkoi literature Novogo vremeni. M., 2012.
20. Sazonova L. I. Poeziia russkogo barokko (vtoraia polovina XVII — nachalo XVIII v.). M., 1991.
21. Shapir M. I. Barkov i Derzhavin: Iz istorii russkogo burleska // Pushkin A. S. Ten' Barkova: Teksty. Kommentarii. Ekskursy / Izd. podg. I. A. Pil'shchikov i M. I. Shapir. M., 2002.
22. Slovar' russkogo iazyka XVIII veka. SPb., 2003. Vyp. 13.
23. Sumarokov A. P. Izbr. proizvedeniia / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. P. N. Berkova. L., 1957 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).

24. Venditti M. «Pokhvala komaru» Derzhavina: intertekstual'nost' i avtotematichnost' // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. 2008. № 36.

Чжоу Лу (КНР)

руководитель магистрантов кафедры русского языка и русской литературы
Чжэцзянского университета

Zhou Lu (China)

Supervisor of Undergraduates at the Institute of Foreign Languages,
Zhejiang University
zhoulu@yandex.ru

Александр Павлович Люсый

профессор кафедры теории и истории культуры Института кино и телевидения (ГИТР)

Aleksandr Pavlovich Liusyi

Professor, Department of Theory and History of Culture, GTR Film and Television School
allyus1@gmail.com

**ОБРАЗЫ КИТАЯ
В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА И А. С. ПУШКИНА**

**IMAGES OF CHINA
IN THE CREATIVE MIND OF G. R. DERZHAVIN AND A. S. PUSHKIN**

В статье раскрывается генезис и структура «китайского текста» русской литературы XVIII–XIX веков. Возникновение стиля «шинуазри» («китайщина») на русской почве рассматривается в контексте западной модернизации России Петром I как заимствование Востока через Запад. В то же время образ Китая в России стал использоваться как в литературе критического направления, так и в идеологической борьбе. А распространение китайского стиля в массовой культуре стало основой гламура. Китайская тема в переписке Екатерины II и Вольтера трактуется как «взаимное просвещение», что отчасти повторяется в дальнейшем взаимодействии императрицы и Державина в разрешении китайских пограничных проблем. Становление Пушкина как поэта происходило в условном царскосельском «Китае». Последующее углубление в тему связано со становлением реалистических тенденций в его творчестве и интересом к истории, что позволило предвосхитить будущие события и темы в данном направлении.

Ключевые слова: «шинуазри», эклектика, просвещение, Конфуций, анакреоника, гармония, сад, гламур, реализм, дипломатия, геопоэтика.

The article reveals the genesis and structure of the «Chinese Text» of Russian literature in the 18th–19th centuries. Its subsequent evolution is shown — how, stepping into the parks, Catherine's *Chinese* became more consistent and philosophical. For encyclopedic educators, Chinese philosophy came to be perceived as one of the ideals of thought. At the same time, the image of China in Russia began to be used both in critical literature and in ideological struggle. The spread of the Chinese style in popular culture became the basis of glamour. The Chinese topic in the correspondence of Catherine II and Voltaire is interpreted as «mutual enlightenment», which is partially replicated in the further interactions of the Empress and Derzhavin in their efforts to resolve the Chinese border problems. The formation of Pushkin as a poet took place in the conventional Tsarskoye Selo China. His subsequent in-depth involvement in the topic is associated with the emergence of realistic trends in his work and with his interest in history, which made it possible to anticipate future events and topics in this direction.

Key words: Chinoiserie, eclecticism, Enlightenment, Confucius, Anacreonics, harmony, park, glamour, realism, diplomacy, geo-poethics.

Список литературы

1. Алексеев М. П. Пушкин и Китай // А. С. Пушкин и Сибирь. М.; Иркутск, 1937.
2. Бенца А. Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1910.
3. Ван Ци. Образ Китая в русской литературе первой половины XIX века. Выпускная квалификационная работа магистра филологии. СПб., 2017.
4. Гозенпуд А. А. Музыкальный театр в России. От истоков до Глинки: очерк. Л., 1959.
5. Державин Г. Р. Соч.: В 9 т. / С объяснительными прим. [и предисловием] Я. Грота. СПб., 1871. Т. 6.
6. Державин Г. Р. Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и общ. ред. Д. Д. Благого; прим. В. А. Западова. Л., 1957 (Библиотека поэта. Большая сер.).
7. Кибальник С. А. Пушкин и конфуцианство // Пушкин и мировая культура. Материалы шестой Междунар. конф. Крым, 27 мая — 1 июня 2002 г. СПб., 2003.
8. Королев И. Е. Мифологические и фольклорные истоки поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» // Юный ученый. 2018. № 4 (18).
9. Крючкова Е. Р. Восток в русской культуре // Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия. СПб., 2001. Т. 1. Осмнадцатое столетие: В 2 кн. Кн. 1.
10. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки, 1960–1990. «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995.
11. Люсий А. П. Интимная география: образ Карса у Александра Пушкина и Орхана Памука // География искусства: расширение горизонтов. М., 2019.
12. Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910 (Пушкин и его современники; вып. 9–10).
13. Набоков В. В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / Пер. с англ.; под ред. А. Н. Николюкина. М., 1999.
14. Неглинская М. А. Китайский стиль цинского двора (1644–1911) и европейский предмодернизм. М., 2018.
15. Погодин М. П. Воспоминание о князе Владимире Федоровиче Одоевском // В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском: Заседание Общества любителей российской словесности 13 апреля 1869 года. М., 1869.
16. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937–1950. Т. 1, 3, 4, 6, 9, 11, 14.
17. Рифтин Б. Л. У истоков русско-китайских литературных связей // Востоковедение и мировая культура. М., 1988.
18. Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVII — начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб., 2014.
19. Смирнова А. О. Записки А. О. Смирновой, урожденной Россет (с 1825 по 1845 гг.). М., 1999.
20. Старк В. П. Наталья Гончарова. 3-е изд. М., 2015 (сер. «Жизнь замечательных людей»).
21. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией / Авториз. пер. с англ. Н. Мишаковой. М., 2009.
22. Черейский Л. А. Бичурин Никита Яковлевич // Черейский Л. А. Пушкин и его окружение / Отв. ред. В. Э. Вацура. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988.
23. Черкашина Л. С. Наталия Гончарова. М., 2012.

References

1. Alekseev M. P. Pushkin i Kitai // A. S. Pushkin i Sibir'. M.; Irkutsk, 1937.
2. Benua A. Tsarskoe Selo v tsarstvovanie imperatritsy Elizavety Petrovny. SPb., 1910.
3. Chereiskii L. A. Bichurin Nikita Iakovlevich // Chereiskii L. A. Pushkin i ego okruzhenie / Otv. red. V. E. Vatsuro. 2-e izd., dop. i pererab. L., 1988.
4. Cherkashina L. S. Nataliia Goncharova. M., 2012.
5. Derzhavin G. R. Soch.: V 9 t. / S ob'iasnitel'nyimi prim. [i predisloviem] Ia. Grot. SPb., 1871. T. 6.
6. Derzhavin G. R. Stikhotvoreniia / Vstup. stat'ia, podg. teksta i obshch. red. D. D. Blagogo; prim. V. A. Zapadova. L., 1957 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
7. Gozenpud A. A. Muzykal'nyi teatr v Rossii. Ot istokov do Glinki: ocherk. L., 1959.
8. Kibal'nik S. A. Pushkin i konfutsianstvo // Pushkin i mirovaia kul'tura. Materialy shestoi Mezhdunar. konf. Krym, 27 maia — 1 iunია 2002 g. SPb., 2003.
9. Korolev I. E. Mifologicheskie i fol'klornye istoki poemy A. S. Pushkina «Ruslan i Liudmila» // Iunyi uchenyi. 2018. № 4 (18).
10. Kriuchkova E. R. Vostok v russkoi kul'ture // Tri veka Sankt-Peterburga: entsiklopediia. SPb., 2001. T. 1. Os'mnadsatoe stoletie: V 2 kn. Kn. 1.
11. Liusyi A. P. Intimnaia geografiia: obraz Karsa u Aleksandra Pushkina i Orkhana Pamuka // Geografiia iskusstva: rasshirenie gorizontov. M., 2019.

12. Lotman Iu. M. Roman A. S. Pushkina «Evgenii Onegin». Kommentarii: Posobie dlia uchitel'ia // Lotman Iu. M. Pushkin: Biografiia pisatel'ia. Stat'i i zametki, 1960–1990. «Evgenii Onegin»: Kommentarii. SPb., 1995.
13. Modzalevskii B. L. Biblioteka A. S. Pushkina: Bibliograficheskoe opisanie. SPb., 1910 (Pushkin i ego sovremenniki; vyp. 9–10).
14. Nabokov V. V. Kommentarii k «Evgeniiu Oneginu» Aleksandra Pushkina / Per. s angl.; pod red. A. N. Nikoliukina. M., 1999.
15. Neglinskaia M. A. Kitaiskii stil' tsinskogo dvora (1644–1911) i evropeiskii predmodernizm. M., 2018.
16. Pogodin M. P. Vospominanie o kniaze Vladimire Fedoroviche Odoevskom // V pamiat' o kniaze Vladimire Fedoroviche Odoevskom: Zasedanie Obshchestva liubitelei rossiiskoi slovesnosti 13 apreliia 1869 goda. M., 1869.
17. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1937–1950. T. 1, 3, 4, 6, 9, 11, 14.
18. Riftin B. L. U istokov russko-kitaiskikh literaturnykh svyazei // Vostokovedenie i mirovaia kul'tura. M., 1988.
19. Samoilov N. A. Rossiia i Kitai v XVII — nachale XX veka: tendentsii, formy i stadii sotsiokul'turnogo vzaimodeistviia. SPb., 2014.
20. Skhimmel'pennink van der Oie D. Navstrechu Voskhodiashchemu solntsu: Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiiu k voine s Iaponiei / Avtoriz. per. s angl. N. Mishakovoi. M., 2009.
21. Smirnova A. O. Zapiski A. O. Smirnovoi, urozhdennoi Rosset (s 1825 po 1845 gg.). M., 1999.
22. Stark V. P. Natal'ia Goncharova. 3-e izd. M., 2015 (ser. «Zhizn' zamechatel'nykh liudei»).
23. Van Tsi. Obraz Kitaia v russkoi literature pervoi poloviny XIX veka. Vypusknaia kvalifikatsionnaia rabota magistra filologii. SPb., 2017.

Тянь Вэньцзюань (КНР)

аспирант Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tian Wenjuan (China)

Postgraduate Student, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

100solitude@163.com

ДВА ОРИЕНТАЛИЗМА: РОЛЬ ВОСТОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЭМЕ ДЖ. Г. БАЙРОНА «THE BRIDE OF ABYDOS» И ЕЕ РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ И. И. КОЗЛОВА

TWO ORIENTALISMS: THE ROLE OF ORIENTAL DICTION IN G. G. BYRON'S *THE BRIDE OF ABYDOS* AND I. I. KOZLOV'S RUSSIAN TRANSLATION

«Восточная лексика» является важным экзотическим элементом байроновской поэмы «The Bride of Abydos». Активно используя плохо сочетавшиеся с английской поэзией начала XIX века восточные слова и снабжая их пространными примечаниями, Байрон придал своей поэме литературно-экспериментальный и культурно-познавательный характер. При переводе английской поэмы на русский язык И. И. Козлов творчески подошел к проблеме воссоздания восточной лексики оригинала (экзотичность и непривычность языка, стиля и поэтики оказались несколько ослаблены), что было обусловлено своеобразием русской культуры начала XIX столетия и собственным литературным вкусом Козлова.

Ключевые слова: «Невеста Абидосская», ориентализм в эпоху романтизма, И. И. Козлов, Дж. Г. Байрон, художественный перевод.

«Oriental diction» is an important exotic element of Byron's poem *The Bride of Abydos*. Using Oriental words that jarred with English poetry of early 19th century, and accompanying them with extensive notes, Byron gave his poem an experimental and scholarly character. While translating the English poem into Russian, I. I. Kozlov chose a creative approach to the problem of reproducing the Oriental diction (the exotic and bizarre words, style and poetics were somewhat downplayed), the reasons being the originality of the Russian culture of the early 19th century and Kozlov's own literary taste.

Key words: *The Bride of Abydos*, Orientalism in the Romantic Era, I. I. Kozlov, G. G. Byron, literary translation.

Список литературы

1. *Каганович С. Л.* Некоторые особенности русской ориентальной поэзии первой трети XIX в. (Формирование стилевой традиции) // *Русская литература и Восток*. Ташкент, 1988.
2. *Козлов И. И.* Полн. собр. стихотворений / [Вступ. статья, подг. текста и прим. И. Д. Гликмана]. Л., 1960 (Библиотека поэта. Большая сер.).
3. *Левин Ю. Д.* О русском поэтическом переводе в эпоху романтизма // *Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы* / Отв. ред. академик М. П. Алексеев. Л., 1972.
4. *Мосиенко Л. В.* Лингвокультурологическая проблема классификации реалий // *Вестник Оренбургского гос. ун-та*. 2005. № 11.
5. *Словарь русского языка XVIII века*. СПб., 2011. Вып. 18.
6. *Соловьев Н. В.* История одной жизни. А. А. Воейкова — «Светлана»: В 2 т. Пг., 1916. Т. 2.
7. *Byron G. G.* Letters and Journals: In 13 vol. / Ed. by L. A. Marchand. London, 1974. Vol. 3. «Alas! the Love of Women»: 1813–1814.
8. *Byron G. G.* The Bride of Abydos: a Turkish Tale // *The Works of Lord Byron*: In 13 vol. London, 1898. Vol. 3.
9. *Osborne E.* Oriental Diction and Theme in English Verse, 1740–1840. Appleton: Lawrence, 1916 (Bulletin of the University of Kansas Humanistic Studies. Vol. 2. № 1).

References

1. *Byron G. G.* Letters and Journals: In 13 vol. / Ed. by L. A. Marchand. London, 1974. Vol. 3. «Alas! the Love of Women»: 1813–1814.
2. *Byron G. G.* The Bride of Abydos: a Turkish Tale // *The Works of Lord Byron*: In 13 vol. London, 1898. Vol. 3.
3. *Kaganovich S. L.* Nekotorye osobennosti russkoi oriental'noi poezii pervoi tret'i XIX v. (Formirovanie stilevoi traditsii) // *Russkaia literatura i Vostok*. Tashkent, 1988.
4. *Kozlov I. I.* Poln. sobr. stikhotvorenii / [Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. I. D. Glikmana]. L., 1960 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
5. *Levin Iu. D.* O russkom poeticheskom perevode v epokhu romantizma // *Rannie romanticheskie veianii: Iz istorii mezhdunarodnykh sviazei russkoi literatury* / Otв. red. akademik M. P. Alekseev. L., 1972.
6. *Mosienko L. V.* Lingvokul'turologicheskaiia problema klassifikatsii realii // *Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta*. 2005. № 11.
7. *Osborne E.* Oriental Diction and Theme in English Verse, 1740–1840. Appleton: Lawrence, 1916 (Bulletin of the University of Kansas Humanistic Studies. Vol. 2. № 1).
8. *Slovar' russkogo iazyka XVIII veka*. SPb., 2011. Vyp. 18.
9. *Solov'ev N. V.* Istoriia odnoi zhizni. A. A. Voeikova — «Svetlana»: V 2 t. Pг., 1916. T. 2.

Ольга Сергеевна Муравьева

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Olga Sergeevna Muravyova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

АЛЕКСАНДР ПУШКИН НА RENDEZ-VOUS

ALEXANDER PUSHKIN AT A RENDEZ-VOUS

В статье ставится проблема изучения частной жизни Пушкина в соотношении с ментальными и поведенческими стереотипами его эпохи. Представляется, что только так мы можем ответственно характеризовать поступки и суждения исторического лица. Под этим углом зрения в ста-

тве рассматриваются отношения Пушкина с женщинами, определявшиеся как этикетными нормами, так и его индивидуальными особенностями. Общие проблемы раскрываются в анализе конкретных биографических сюжетов.

Ключевые слова: Пушкин, частная жизнь, этикет, ментальные стереотипы.

The article raises the problem of studying Pushkin's private life in relation to the mental and behavioral stereotypes of his era. It seems that this is the only way for us to responsibly assess the actions and judgments of a historical person. With this idea in mind, the article examines Pushkin's relationships with women, which were defined both by the etiquette norms and his personality. General problems are revealed through the analysis of specific biographical stories.

Key words: Pushkin, private life, etiquette norms, mental stereotypes.

Список литературы

1. Алексеев М. П. К истории текста «Во глубине сибирских руд» // Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984.
2. Бессмертный Ю. Л. Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное. В поисках новых решений // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996.
3. Гроссман Л. Культура писем в эпоху Пушкина // Письма женщин к Пушкину. М., 1928.
4. Письма О. С. Павлищевой к мужу, Н. И. Павлищеву, в 1835 г. / Сообщил Л. Н. Павлищев // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1913. Вып. 17–18.
5. Пушкарёва Н. Л., Экштут С. А. Любовные связи и флирт в жизни русского дворянина в начале XIX века // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996.
6. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1941.
7. Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. [СПб.,] 1905. Т. 8.
8. Пушкин Л. С. Биографическое известие об А. С. Пушкине до 1826 года // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 1.
9. Ретина Л. П. Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996.
10. Ростопчина Е. П. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1986.
11. Смирнова-Россет А. О. Рассказы о Пушкине, записанные Я. П. Полонским // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 2.
12. Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989.
13. Солдатова Л. М. Пушкин и графиня Хвостова // Из пушкинианы Всесоюзного музея А. С. Пушкина. Л., 1988.
14. Чернышевский Н. Г. Русский человек на rendez-vous // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: [В 15 т.]. М., 1950. Т. 5.
15. Честерфилд. Письма к сыну // Честерфилд. Письма к сыну. Максимум. Характеры / Изд. подг. М. П. Алексеев, А. М. Шадрин. Л., 1971 (сер. «Литературные памятники»).
16. Щеголев П. Е. Любовный быт пушкинской эпохи // Вульф А. Н. Дневники (Любительный быт пушкинской эпохи). М., 1929.

References

1. Alekseev M. P. K istorii teksta «Vo glubine sibirskikh rud» // Alekseev M. P. Pushkin. Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniia. L., 1984.
2. Bessmertnyi Yu. L. Chastnaia zhizn': stereotipnoe i individual'noe. V poiskakh novykh reshenii // Chelovek v krugu sem'i. Ocherki po istorii chastnoi zhizni v Evrope do nachala novogo vremeni. M., 1996.
3. Chernyshevskii N. G. Russkii chelovek na rendez-vous // Chernyshevskii N. G. Poln. sobr. soch.: [V 15 t.]. M., 1950. T. 5.
4. Chesterfield. Pis'ma k synu // Chesterfield. Pis'ma k synu. Maksimy. Kharktery / Izd. podg. M. P. Alekseev, A. M. Shadrin. L., 1971 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
5. Grossman L. Kul'tura pisem v epokhu Pushkina // Pis'ma zhenshchin k Pushkinu. M., 1928.
6. Pis'ma O. S. Pavlishchevoi k muzhu, N. I. Pavlishchevu, v 1835 g. / Soobshchil L. N. Pavlishchev // Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniia. SPb., 1913. Vyp. 17–18.
7. Pushkareva N. L., Ekstut S. A. Liubovnye sviazi i flirt v zhizni russkogo dvorianina v nachale XIX veka // Chelovek v krugu sem'i. Ocherki po istorii chastnoi zhizni v Evrope do nachala novogo vremeni. M., 1996.
8. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1941.
9. Pushkin A. S. Soch. / Pod red. P. A. Efremova. [SPb.,] 1905. T. 8.

10. *Pushkin L. S.* Biograficheskoe izvestie ob A. S. Pushkine do 1826 goda // A. S. Pushkin v vospominaniakh sovremennikov: V 2 t. M., 1974. T. 1.
11. *Repina L. P.* Vydelenie sfery chastnoi zhizni kak istoriograficheskaja i metodologicheskaja problema // Chelovek v krugu sem'i. Oчерki po istorii chastnoi zhizni v Evrope do nachala novogo vremeni. M., 1996.
12. *Rostopchina E. P.* Stikhotvoreniia. Proza. Pis'ma. M., 1986.
13. *Shchegolev P. E.* Liubovnyi byt pushkinskoi epokhi // Vul'f A. N. Dnevnik (Liubovnyi byt pushkinskoi epokhi). M., 1929.
14. *Smirnova-Rosset A. O.* Dnevnik. Vospominaniia. M., 1989.
15. *Smirnova-Rosset A. O.* Rasskazy o Pushkine, zapisannye Ia. P. Polonskim // Pushkin v vospominaniakh sovremennikov: V 2 t. M., 1974. T. 2.
16. *Soldatova L. M.* Pushkin i grafina Khvostova // Iz pushkiniany Vsesoiuznogo muzeia A. S. Pushkina. L., 1988.

Наталья Александровна Хохлова

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Natal'ia Aleksandrovna Khokhlova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

irliran@mail.ru

ОБ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. И. ТУРГЕНЕВА (МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ) ЧАСТЬ 2

CONCERNING THE ARCHAEOGRAPHIC PURSUITS OF A. I. TURGENEV (BIOGRAPHICAL DATA) PART 2

Археографическая деятельность А. И. Тургенева исследована в содержательном, но главным образом — в биографическом плане от момента зарождения у него исторических интересов (Геттингенский университет) до издания так называемых «Актов Тургенева». Статья построена на материалах архива братьев Тургеневых (ИРЛИ. Ф. 309), в том числе на неизученном комплексе переписки А. И. Тургенева с кн. А. Н. Голицыным.

Ключевые слова: архив братьев Тургеневых, русская археография, «Акты Альбертанди», А. И. Тургенев и Карамзин, А. И. Тургенев и кн. А. Н. Голицын.

A. I. Turgenev's archaeographic efforts have been investigated in reference to their substance, as well as in biographical terms, the research covering the period from the emergence of his historical interests (at the University of Göttingen) to the publication of the so-called *Acts of Turgenev*. The article is based on the data from the archives of the Turgenev brothers (IRLI. F. 309), including the unexplored body of correspondence between A. I. Turgenev and Prince A. N. Golitsyn.

Key words: archives of the Turgenev brothers, Russian archaeography, *Acts of Albertrandi*, A. I. Turgenev and Karamzin, A. I. Turgenev and Prince A. N. Golitsyn.

Список литературы

1. *Азадовский К.* «Устаю от восхищения беспрерывного...» (Александр Тургенев в Риме) // Всемирное слово. 2005. № 17/18.
2. *Булыгин И. А.* Археографическая комиссия // Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. 1.
3. *Жуковская Л. П.* Реймское евангелие. М., 1978.
4. Из переписки Ф. В. Й. Шеллинга и А. И. Тургенева / Подг. текста, пер. с нем. и прим. П. Резвых // Новое литературное обозрение. 2008. № 91.
5. *Кондаков Ю. Е.* Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин. СПб., 2014.

6. Мильчина В., Основат А. Много шума из ничего: мемуары Екатерины II в частной и служебной переписке 1838 г. // *Memento vivere: Сб. памяти Л. Н. Ивановой*. СПб., 2009.
7. Мокроусова М. Б. А. И. Тургенев — собиратель источников по истории России // Советские архивы. 1974. № 4.
8. Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7.
9. Проскурина В. Ю. Неизданные письма А. И. Тургенева (К истории публикации «Хроники русского» в «Современнике») // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1984. Т. 43. № 4.
10. Сербеев Д. Н. Мои записки / Изд. подг. М. В. Батшев, Б. П. Краевский, Т. В. Медведева. М., 2014.
11. Тургенев А. И. Хроника русского / Изд. подг. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964.
12. Тургенев А. И. Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005.
13. Турилов А. А. Реймское евангелие // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия. М., 2014.

References

1. Azadovskii K. «Ustaiu ot voskhishcheniia bespreryvnogo...» (Aleksandr Turgenev v Rime) // *Vsemirnoe slovo*. 2005. № 17/18.
2. Bulygin I. A. Arkheograficheskaja komissija // *Sovetskaja istoricheskaja entsiklopedija*. М., 1961. Т. 1.
3. Iz perepiski F. V. I. Shellinga i A. I. Turgeneva / Podg. teksta, per. s nem. i prim. P. Rezvykh // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2008. № 91.
4. Kondakov Ju. E. Kniaz' A. N. Golitsyn: pridvornyi, chinovnik, khristianin. SPb., 2014.
5. Mil'china V., Ospovat A. Много шума из ничего: мемуары Екатерины II в частной и служебной переписке 1838 г. // *Memento vivere: Sb. pamiati L. N. Ivanovoi*. SPb., 2009.
6. Mokrousova M. B. A. I. Turgenev — sobiratel' istochnikov po istorii Rossii // *Sovetskie arkhivy*. 1974. № 4.
7. Pravoslavnaia entsiklopedija. М., 2004. Т. 7.
8. Proskurina V. Ju. Neizdannye pis'ma A. I. Turgeneva (K istorii publikatsii «Khroniki russkogo» v «Sovremennike») // *Izvestiia AN SSSR. Seriya literatury i iazyka*. 1984. Т. 43. № 4.
9. Sverbeev D. N. Moi zapiski / Izd. podg. M. V. Batshev, B. P. Kraevskii, T. V. Medvedeva. М., 2014.
10. Turgenev A. I. Khronika russkogo / Izd. podg. M. I. Gillel'son. М.; Л., 1964.
11. Turgenev A. I. Rossiiskii dvor v XVIII veke. SPb., 2005.
12. Turilov A. A. Reimsskoe evangelie // *Drevniaia Rus' v srednevekovom mire: Entsiklopedija*. М., 2014.
13. Zhukovskaia L. P. Reimsskoe evangelie. М., 1978.

Елена Михайловна Филиппова

научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elena Mikhailovna Filippova

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

a-e-lenka@mail.ru

ПИСЬМА И. А. ГОНЧАРОВА В ЭПИСТОЛЯРНО-ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

LETTERS OF I. A. GONCHAROV IN THE EPISTOLARY AND LITERARY CONTEXT

Эпистолярный И. А. Гончарова практически не сравнивался с письмами его предшественников. Между тем поиск типологических параллелей в эпистолярно-литературном контексте эпохи позволяет заметить связь переписки романиста с рядом художественных традиций салонной корреспонденции, романтической мистификации и дружеского литературного письма.

Ключевые слова: Гончаров, эпистолярный, письма, типологические параллели.

The epistolary of I. A. Goncharov has not yet been reliably compared with the letters of his predecessors. Meanwhile, the search for the typological parallels in the epistolary and literary context of the era is instrumental for outlining the connections between the novelist's letters and a whole range of artistic traditions of salon correspondence, romantic mystification and familiar letter as a literary genre.

Key words: Goncharov, epistolary, letters, typological parallels.

Список литературы

1. «Арзамас». Сб.: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2.
2. Батюшков К. Н. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2.
3. Березкин А. М. Эпистолярная проза Н. А. Некрасова // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 1998. Т. 14. Кн. 1. Письма 1840–1855.
4. Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. Элегическая школа. СПб., 1994.
5. Виноцкий И. Ю. Русская «меланхолическая школа» конца XVIII — начала XIX веков и В. А. Жуковский. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
6. Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974.
7. Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности. М., 1987.
8. Гончаров И. А. Необыкновенная история (Истинные события) // Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования.
9. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избр. письма.
10. Гродецкая А. Г. Проза И. А. Гончарова: 1830–1860-е (биографика, контекст, поэтика). Дис. ... доктора филол. наук. СПб., 2016.
11. Диброва Е. И. Эпистолярный конвой // Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А. А. Реформатского. М., 2004.
12. Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 1. Стихотворения 1797–1814 годов.
13. Иванов К. Е. Неизданные письма И. А. Гончарова // И. А. Гончаров. Новые материалы о жизни и творчестве писателя. Ульяновск, 1976.
14. Карамзин Н. М. Полн. собр. соч.: В 18 т. М., 2009. Т. 18. Письма.
15. Лотман Ю. М. К функции устной речи в культурном быту пушкинской эпохи // Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997.
16. Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. Л., 1982.
17. Недзвецкий В. А. Эпистолярный жанр в творчестве и в жизни Гончарова // Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2017. Т. 15.
18. Паикуров А. Н. Русский эпикурейский романтизм: мировоззрение, мотивы, поэтика // Учен. зап. Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Казань, 2018. Т. 160. № 1.
19. Пинженина Е. И. Автор и герой в художественном мире И. А. Гончарова: структура текста и типология характеров. Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2011.
20. Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л., 1962.
21. Пушкин А. С. Соч.: Комментированное издание. М., 2007.
22. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 4, 13.
23. Тодд У. М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. СПб., 1994.
24. Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1.
25. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
26. Фаустов А. А. «И всяк зевает да живет...» (к симптоматике гончаровской «Лихой болезни») // Русская литература. 2003. № 2.
27. Шведова О. С. Что в имени тебе моем: светские роли и литературные прозвища в аспекте салонной культуры // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения — 2014): В 2 ч. СПб., 2015. Ч. 1. Книжное дело. Культурология. Лингвистика.
28. Шевчугова Е. И. Образ И. А. Гончарова в эпистолярной литературе: проблема мистификаций писателя // Литература как игра и мистификация: Материалы Шестых междунар. науч. чтений «Калуга на литературной карте России». Калуга, 2018.
29. Энгельгардт Б. М. Неизданная повесть И. А. Гончарова «Лихая болезнь» // Звезда. 1936. № 1.

References

1. «Arzamas». Sb.: V 2 kn. M., 1994. Kn. 2.
2. Batiushkov K. N. Soch.: V 2 t. M., 1989. T. 2.
3. Berezhkin A. M. Epistolarniaia proza N. A. Nekrasova // Nekrasov N. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 15 t. SPb., 1998. T. 14. Kn. 1. Pis'ma 1840–1855.
4. Dibrova E. I. Epistolarnyi konvoi // Semiotika, lingvistika, poetika: K stoletiiu so dnia rozhdeniia A. A. Reformatского. M., 2004.

5. Engel'gardt B. M. Neizdannaiia povest' I. A. Goncharova «Likhiaia bolest'» // Zvezda. 1936. № 1.
6. Faustov A. A. «I vsiak zevaet da zhivet...» (k simptomatike goncharovskoi «Likhoi bolesti») // Russkaia literatura. 2003. № 2.
7. Gillel'son M. I. Molodoi Pushkin i arzamasskoe bratstvo. L., 1974.
8. Ginzburg L. Ia. Literatura v poiskakh real'nosti. M., 1987.
9. Goncharov I. A. Neobyknovennaia istoriia (Istinnye sobytiia) // Lit. nasledstvo. 2000. T. 102.
- I. A. Goncharov. Novye materialy i issledovaniia.
10. Goncharov I. A. Sobr. soch.: V 8 t. M., 1955. T. 8. Stat'i, zametki, retsenzii, avtobiografii, izbr. pis'ma.
11. Grodetskaia A. G. Proza I. A. Goncharova: 1830–1860-e (biografika, kontekst, poetika). Dis. ... doktora filol. nauk. SPb., 2016.
12. Ivanov K. E. Neizdannnye pis'ma I. A. Goncharova // I. A. Goncharov. Novye materialy o zhizni i tvorchestve pisatel'ia. Ul'ianovsk, 1976.
13. Karamzin N. M. Poln. sobr. soch.: V 18 t. M., 2009. T. 18. Pis'ma.
14. Lotman Iu. M. Aleksandr Sergeevich Pushkin: Biografiia pisatel'ia. L., 1982.
15. Lotman Iu. M. K funktsii ustnoi rechi v kul'turnom bytu pushkinskoi epokhi // Lotman Iu. M. O russkoi literature. Stat'i i issledovaniia (1958–1993). SPb., 1997.
16. Nedzvetskii V. A. Epistoliarnyi zhanr v tvorchestve i v zhizni Goncharova // Goncharov I. A. Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2017. T. 15.
17. Pashkurov A. N. Russkii epikureiskii romantizm: mirovozzrenie, motivy, poetika // Uchen. zap. Kazanskogo un-ta. Ser. Gumanitarnye nauki. Kazan', 2018. T. 160. № 1.
18. Pinzhennina E. I. Avtor i geroi v khudozhestvennom mire I. A. Goncharova: struktura teksta i tipologiiia kharakterov. Dis. ... kand. filol. nauk. Krasnoarsk, 2011.
19. Prutskov N. I. Masterstvo Goncharova-romanista. M.; L., 1962.
20. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 16 t. M.; L., 1937. T. 4, 13.
21. Pushkin A. S. Soch.: Kommentirovannoe izdanie. M., 2007.
22. Shevchugova E. I. Obraz I. A. Goncharova v epistoliarii: problema mistifikatsii pisatel'ia // Literatura kak igra i mistifikatsiia: Materialy Shestikh mezhdunar. nauch. chtenii «Kaluga na literaturnoi karte Rossii». Kaluga, 2018.
23. Shvedova O. S. Chto v imeni tebe moem: svetskii roli i literaturnye prozishcha v aspekte salonnoi kul'tury // Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chteniia — 2014): V 2 ch. SPb., 2015. Ch. 1. Knizhnoe delo. Kul'turologiia. Lingvistika.
24. Todd U. M. Druzheskoe pis'mo kak literaturnyi zhanr v pushkinskuiu epokhu. SPb., 1994.
25. Tynianov Iu. N. Poetika. Istoriia literatury. Kino. M., 1977.
26. Tomashevskii B. V. Pushkin. M.; L., 1956. Kn. 1.
27. Vatsuro V. E. Lirika pushkinskoi pory. Elegicheskaia shkola. SPb., 1994.
28. Vinitskii I. Iu. Russkaia «melankholicheskaia shkola» kontsa XVIII — nachala XIX vekov i V. A. Zhukovskii. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. M., 1995.
29. Zhukovskii V. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 1999. T. 1. Stikhotvoreniia 1797–1814 godov.

Ольга Леонидовна Фетисенко

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ol'ga Leonidovna Fetisenko

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

betsy98@mail.ru

«НУЖНО ТОЛЬКО ВЫЖДАТЬ ВРЕМЯ»: К. Н. ЛЕОНТЬЕВ И Э.-М. ДЕ ВОГЮЭ

WE NEED TO LET THE TIME TAKE ITS COURSE: K. N. LEONTIEV AND E.-M. DE VOGÜÉ

Статья посвящена неизвестной странице из истории русско-французских литературных связей — завязавшемуся в Константинополе в начале 1870-х годов знакомству двух дипломатов-

писателей, К. Н. Леонтьева и виконта Э.-М. де Вогюэ, нашедшему продолжение уже в 1880-е годы благодаря посредничеству их общего приятеля, тоже дипломата К. А. Губастова. В одном из его писем к Леонтьеву целиком приведен ответ французского критика на просьбу откликнуться статей на присланный ему первый том сборника «Восток, Россия и Славянство».

Ключевые слова: Русско-французские литературные связи, К. Н. Леонтьев, Э.-М. де Вогюэ.

In the early 1870s, in Constantinople, K. N. Leontiev met a young French diplomat and writer, Viscount E.-M. de Vogüé. The article outlines the subsequent events, as reflected in the correspondence between Leontiev and his friend K. A. Gubastov. Vogüé's review of Leontiev's work was discovered in one of the archival documents.

Key words: Russian-French literary contacts, K. N. Leontiev, E.-M. de Vogüé.

Список литературы

1. Вогюэ Э.-М. Письма к русским литераторам / Публ. П. Р. Заборова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977.
2. Жуков К. А. Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в 60-е годы 19 века (по неопубликованным мемуарам К. А. Губастова) // Россия и арабский мир: к 200-летию... Шейха ат-Тантави (1810–1861): Материалы конференции. СПб., 2010.
3. Заборов П. Р. <Предисловие> // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010.
4. Леонтьев К. Н. Избр. письма. СПб., 1993.
5. Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подг. текста и комм. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2000–2021. Т. 6. Кн. 1, 2; Т. 7. Кн. 1, 2; Т. 8. Кн. 2; Т. 10. Кн. 1; Т. 11. Кн. 1, 2; Т. 12. Кн. 1, 2.
6. Письма К. А. Губастова к Б. В. Никольскому (1898, 1908–1911) / Публ. О. Л. Фетисенко // Христианство и русская литература. СПб., 2012. Сб. 7.
7. Российский дипломат К. А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» / Публ. В. Б. Хлебниковой // Славяноведение. 1997. № 5.
8. [Фетисенко О. Л.]. О сборнике «Восток, Россия и Славянство» // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подг. текста и комм. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2009. Т. 8. Кн. 2.

References

1. [Fetisenko O. L.]. O sbornike «Vostok, Rossiia i Slavianstvo» // Leont'ev K. N. Poln. sobr. soch. i pisem: V 12 t. / Podg. teksta i komm. V. A. Kotel'nikova i O. L. Fetisenko. SPb., 2009. T. 8. Kn. 2.
2. Leont'ev K. N. Izbr. pis'ma. SPb., 1993.
3. Leont'ev K. N. Poln. sobr. soch. i pisem: V 12 t. / Podg. teksta i komm. V. A. Kotel'nikova i O. L. Fetisenko. SPb., 2000–2021. T. 6. Kn. 1, 2; T. 7. Kn. 1, 2; T. 8. Kn. 2; T. 10. Kn. 1; T. 11. Kn. 1, 2; T. 12. Kn. 1, 2.
4. Pis'ma K. A. Gubastova k B. V. Nikol'skomu (1898, 1908–1911) / Publ. O. L. Fetisenko // Khristianstvo i russkaia literatura. SPb., 2012. Sb. 7.
5. Rossiiskii diplomat K. A. Gubastov i ego sluzhebnaia zapiska «Chernogoriia. 1860–1900 gg.» / Publ. V. B. Khlebnikovoi // Slavianovedenie. 1997. № 5.
6. Vogüe E.-M. Pis'ma k russkim literatoram / Publ. P. R. Zaborova // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1975 god. L., 1977.
7. Zaborov P. R. <Predislovie> // K istorii idei na Zapade: «Russkaia ideia». SPb., 2010.
8. Zhukov K. A. Uchebnoe otdelenie vostochnykh iazykov pri Aziatskom departamente Ministerstva inostrannykh del v 60-e gody 19 veka (po neopublikovannym memuaram K. A. Gubastova) // Rossiia i arabskii mir: k 200-letiiu... Sheikha at-Tantavi (1810–1861): Materialy konferentsii. SPb., 2010.

Николай Леонидович Васильев

профессор Национального исследовательского
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Nikolai Leonidovich Vasil'ev

Professor, National Research Mordovia State University

nikolai_vasiliev@mail.ru

Дмитрий Николаевич Жаткин

профессор Пензенского государственного технологического университета

Dmitrii Nikolaevich Zhatkin

Professor, Penza State Technological University

ivb40@yandex.ru

НЕИЗВЕСТНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭПИГРАММА**П. А. ВЯЗЕМСКОГО В АРХИВЕ Я. К. ГРОТА****UNKNOWN LITERARY EPIGRAM OF P. A. VYAZEMSKY
IN THE ARCHIVE OF YA. K. GROT**

В статье публикуется эпиграмма кн. П. А. Вяземского «Хотя демократизм и к нам уж затесался...» (1872), анализируются ее лингвистические особенности, восстанавливается историко-литературный контекст, определивший систему оценок, представленную в сочинении.

Ключевые слова: П. А. Вяземский, эпиграмма, А. С. Суворин, В. Г. Белинский, Н. А. Погодин.

The epigram of the book by P. A. Vyazemsky «Although democracy has already got too close to us...» (1872) is published in the article, and its linguistic features are analyzed; historical and literary context that determined the system of assessments presented in the work is recreated.

Key words: P. A. Vyazemsky, epigram, A. S. Suvorin, V. G. Belinsky, N. A. Polevoy.

Список литературы

1. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: [В 13 т.]. М., 1955. Т. 9.
2. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь. М., 2005.
3. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. М.; СПб., 2006. Т. 4.
4. В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1969.
5. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. К вопросу об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» («Вот, в воинственном азарте, воевода Пальмерстон...») // Русская литература. 2017. № 1.
6. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. К вопросу об авторстве анонимного стихотворения «Кто кому нужнее?» («Итак, не сказка уже это...») // Русская литература. 2019. № 3.
7. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Новые архивные данные об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» (1854) // Литературный факт. 2018. № 9.
8. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Поэтическое наследие П. А. Вяземского // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 3.
9. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Словарь поэтического языка П. А. Вяземского (с приложением малоизвестных и непубликовавшихся его стихотворений). М., 2015.
10. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Франкоязычное сатирическое стихотворение П. А. Вяземского о Крымской войне // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. VIII: Сб. науч. трудов. М., 2017.
11. Велижев М. Б. И. И. Дмитриев и Вольтер. О механизмах формирования «двойной идентичности» литератора в начале XIX века // Русская литература. 2017. № 3.

12. Вяземский П. А. Стихотворения / Сост., подг. текста и прим. К. А. Кумпан. Л., 1986.
13. Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969.
14. Динерштейн Е. А., Рейтблат А. И. Суворин Алексей Сергеевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.; СПб., 2019. Т. 6.
15. Динерштейн Е. Публицист «крайних убеждений»: Путь А. С. Суворина к «Новому времени» // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 6.
16. Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подг. текста и прим. Г. П. Макогоненко. Л., 1967.
17. Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2019. Т. 15. Письма 1795–1817-х годов.
18. Княжнин Я. Б. Избр. произведения / Вступ. статья, подг. текста и прим. Л. И. Кулаковой. Л., 1961.
19. Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 2.
20. Науменко В. Г. Из неслучайных газетных опытов Я. К. Грота: «Россия и Англия. 1854» // Обсерватория культуры. 2013. № 3.
21. Панов С. И. Из литературной почты «Арзамаса» // Литературный факт. 2016. № 1/2.
22. Поэты «Искры»: В 2 т. / Вступ. заметка, сост., подг. текста и прим. И. Г. Ямпольского. Л., 1987. Т. 2.
23. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2016. Т. 2. Кн. 1, 2.
24. Рейтблат А. И. Забытое свидетельство об авторстве стихотворения «На нынешнюю войну» // Русская литература. 2019. № 3.
25. Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века) / Вступ. статья М. И. Гиллельсона, сост. и прим. М. И. Гиллельсона и К. А. Кумпан; подг. текста К. А. Кумпан. Л., 1988.
26. Светличная Е. И., Толоч И. А. Этимологический словарь латинских ботанических названий лекарственных растений: Учеб. пособие. Харьков, 2003.
27. Суворин А. Россия превыше всего / Сост., предисловие и комм. Ю. В. Климакова; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2012.
28. Ушинский К. Д. Собр. соч.: [В 11 т.]. М.; Л., 1948. Т. 2.
29. Фет А. А. Соч. и письма: В 20 т. СПб., 2007. Т. 4.
30. Хомяков А. С. Стихотворения и драмы / Вступ. статья, подг. текста и прим. Б. Ф. Егорова. Л., 1969.

References

1. Belinskii V. G. Poln. sobr. soch.: [V 13 t.]. M., 1955. T. 9.
2. Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Russkaia frazeologiya: Istoriko-etimologicheskii slovar'. M., 2005.
3. Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo iazyka / Gl. red. K. S. Gorbachevich. M.; SPb., 2006. T. 4.
4. Dinershtein E. A., Reitblat A. I. Suvorin Aleksei Sergeevich // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. M.; SPb., 2019. T. 6.
5. Dinershtein E. Publitsist «kraiunkh ubezhdenii»: Put' A. S. Suvorina k «Novomu vremeni» // Litsa: Biograficheskii al'manakh. M.; SPb., 1995. Vyp. 6.
6. Dmitriev I. I. Poln. sobr. stikhotvorenii / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. G. P. Makogonenko. L., 1967.
7. Fet A. A. Soch. i pis'ma: V 20 t. SPb., 2007. T. 4.
8. Gillel'son M. I. P. A. Viazemskii: Zhizn' i tvorchestvo. L., 1969.
9. Khomiakov A. S. Stikhotvorenii i dramy / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. B. F. Egorova. L., 1969.
10. Kniazhnin Ia. B. Izbr. proizvedeniia / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. L. I. Kulakovoi. L., 1961.
11. Maikovskii V. V. Poln. sobr. soch.: V 13 t. M., 1956. T. 2.
12. Naumenko V. G. Iz nesluchainykh gazetnykh opytov Ia. K. Grota: «Rossiia i Angliia. 1854» // Observatoriia kul'tury. 2013. № 3.
13. Panov S. I. Iz literaturnoi pochty «Arzamasa» // Literaturnyi fakt. 2016. № 1/2.
14. Poety «Iskry»: V 2 t. / Vstup. zametka, sost., podg. teksta i prim. I. G. Iampol'skogo. L., 1987. T. 2.
15. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2016. T. 2. Kn. 1, 2.
16. Reitblat A. I. Zabytoe svidetel'stvo ob avtorstve stikhotvoreniiia «Na nyneshniuiu voinu» // Russkaia literatura. 2019. № 3.
17. Russkaia epigramma (XVIII — nachalo XX veka) / Vstup. stat'ia M. I. Gillel'sona, sost. i prim. M. I. Gillel'sona i K. A. Kumpan; podg. teksta K. A. Kumpan. L., 1988.
18. Suvorin A. Rossiia prevyshe vsego / Sost., predislovie i komm. Iu. V. Klimakova; otv. red. O. A. Platonov. M., 2012.
19. Svetlichnaia E. I., Toloch I. A. Etimologicheskii slovar' latinskikh botanicheskikh nazvanii lekarstvennykh rastenii: Ucheb. posobie. Khar'kov, 2003.
20. Ushinskii K. D. Sobr. soch.: [V 11 t.]. M.; L., 1948. T. 2.
21. V. I. Lenin o literature i iskusstve. M., 1969.

22. Vasil'ev N. L., Zhatkin D. N. Frankoiazychnoe satiricheskoe stikhotvorenie P. A. Viazemskogo o Krymskoi voine // Khudozhestvennyi perevod i sravnitel'noe literaturovedenie. VIII: Sb. nauch. trudov. M., 2017.

23. Vasil'ev N. L., Zhatkin D. N. K voprosu ob avtorstve anonimnogo stikhotvoreniia «Na nyneshniuiu voinu» («Vot, v voinstvennom azarte, vovoda Pal'merston...») // Russkaia literatura. 2017. № 1.

24. Vasil'ev N. L., Zhatkin D. N. K voprosu ob avtorstve anonimnogo stikhotvoreniia «Kto komu nuzhnee?» («Itak, ne skazka uzhe eto...») // Russkaia literatura. 2019. № 3.

25. Vasil'ev N. L., Zhatkin D. N. Novye arkhivnye dannye ob avtorstve anonimnogo stikhotvoreniia «Na nyneshniuiu voinu» (1854) // Literaturnyi fakt. 2018. № 9.

26. Vasil'ev N. L., Zhatkin D. N. Poeticheskoe nasledie P. A. Viazemskogo // Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2019. № 3.

27. Vasil'ev N. L., Zhatkin D. N. Slovar' poeticheskogo iazyka P. A. Viazemskogo (s prilozheniem maloizvestnykh i nepublikovannykh ego stikhotvoreniy). M., 2015.

28. Velizhev M. B. I. I. Dmitriev i Vol'ter. O mekhanizmax formirovaniia «dvoinoi identichnosti» literatora v nachale XIX veka // Russkaia literatura. 2017. № 3.

29. Viazemskii P. A. Stikhotvoreniia / Sost., podg. teksta i prim. K. A. Kumpan. L., 1986.

30. Zhukovskii V. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 2019. T. 15. Pis'ma 1795–1817-kh godov.

Ксения Андреевна Кумпан

младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ksenia Andreevna Kumpan

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

kumpan1947@gmail.com

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ — УЧЕНИК ТРЕТЬЕЙ ГИМНАЗИИ (ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА) ЧАСТЬ 2

D. S. MEREZHKOVSky AS A STUDENT OF THE THIRD GYMNASIUM (COMMENTATOR'S NOTES) PART 2

Статья вводит в научный оборот большой свод неизвестных документов из архива третьей гимназии и из личного фонда Д. С. Мережковского, содержащего его творческие опыты гимназических лет. В результате возникает картина, рисующая будни его гимназической жизни, представляющая галерею учителей и предметов. Здесь же дается развернутый комментарий к «гимназическим» фрагментам автобиографической поэмы «Старинные октавы» и делаются выводы относительно степени достоверности заключающихся в ней оценок обучения.

Ключевые слова: архивные документы, будни гимназии, комментарий, «Старинные октавы».

The article introduces the academic community to a vast collection of the unknown documents from the archives of the Third *Gymnasium* (Classical School) and from Merezhkovsky's personal foundation, which contains the experiments of his early years. As the result, a picture emerges that depicts the school routine, featuring the portraits of the professors and the analysis of the studies in humanities. Besides, a detailed commentary on the «Gymnasium» fragments of the autobiographical poem *The Ancient Octaves* is offered, and conclusions are drawn regarding the reliability of the assessments of education contained in it.

Key words: archive documents, *Gymnasium* routine, commentary, *The Ancient Octaves*.

Список литературы

1. Анненский И. Ф. Письма: В 2 т. / Сост. и комм. А. И. Червякова. СПб., 2007. Т. 1. 1869–1905.

2. За сто лет (Петербургская б. третья гимназия): Воспоминания, статьи и материалы / Сост. Н. А. Соколов. Пг., 1923.
3. Ляцкий М. А. Критико-биографический очерк // Мережковский Д. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. СПб., 1911. Т. 1.
4. Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века: 1890–1910 / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1.
5. Мережковский Д. С. Записная книжка 1891 г. / Публ. М. Ю. Кореневой // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994.
6. Мережковский Д. С. Письма к С. Я. Надсону / Публ. А. В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 8.
7. Мережковский Д. С. Собр. соч.: В 20 т. М., 2021. Т. 1. Ч. 1. Стихотворения и поэмы.
8. Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., прим. и подг. текста К. А. Кумпан. СПб., 2000.
9. Смышляева В. П. Российские филологи-классики XIX века. «Германовское» направление: материалы для биографического словаря. СПб., 2015.
10. Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники. 1823–1918 гг.: Историко-биографический справочник / Сост. Б. В. Федоров. СПб., 2011.

References

1. Annenskii I. F. Pis'ma: V 2 t. / Sost. i komm. A. I. Cherviakova. SPb., 2007. T. 1. 1869–1905.
2. Liatskii M. A. Kritiko-biograficheskii ocherk // Merezhkovskii D. S. Poln. sobr. soch.: V 17 t. SPb., 1911. T. 1.
3. Merezhkovskii D. S. Avtobiograficheskaya zametka // Russkaia literatura XX veka: 1890–1910 / Pod red. S. A. Vengerova. M., 1914. T. 1.
4. Merezhkovskii D. S. Pis'ma k S. Ia. Nadsonu / Publ. A. V. Lavrova // Novoe literaturnoe obozrenie. 1994. № 8.
5. Merezhkovskii D. S. Sobl. soch.: V 20 t. M., 2021. T. 1. Ch. 1. Stikhotvoreniia i poemy.
6. Merezhkovskii D. S. Stikhotvoreniia i poemy / Vstup. stat'ia, sost., prim. i podg. teksta K. A. Kumpan. SPb., 2000.
7. Merezhkovskii D. S. Zapisnaia knizhka 1891 g. / Publ. M. Iu. Korenevoi // Puti i mirazhi russkoi kul'tury. SPb., 1994.
8. Smyshliaeva V. P. Rossiiskie filologi-klassiki XIX veka. «Germanovskoe» napravlenie: materialy dlia biograficheskogo slovaria. SPb., 2015.
9. Tret'ia Sankt-Peterburgskaia muzhskaia gimnaziia i ee vypuskniki. 1823–1918 gg.: Istoriiko-biograficheskii spravochnik / Sost. B. V. Fedorov. SPb., 2011.
10. Za sto let (Peterburgskaia b. tret'ia gimnaziia): Vospominaniia, stat'i i materialy / Sost. N. A. Sokolov. Pg., 1923.

Елена Александровна Глуховская

доцент факультета истории искусств
Европейского университета в Санкт-Петербурге

Elena Aleksandrovna Glukhovskaia

Lecturer, Department of Art History,
European University at St. Petersburg

e.a.glukhovskaya@gmail.com

В. О. НИЛЕНДЕР В КРУГУ ПОЭТОВ «НЕО-ПУШКИНСКОЙ ШКОЛЫ»

V. O. NILENDER IN THE «NEO-PUSHKINIAN» POETIC CIRCLE

Статья посвящена раннему периоду литературной деятельности В. О. Нилендера. На материале писем Б. А. Садовскому 1905–1911 годов рассматриваются особенности становления творческих взглядов Нилендера и прослеживается его связь с поэтами «нео-пушкинской школы» — Садовским, С. М. Соловьевым и Ю. А. Сидоровым.

Ключевые слова: В. О. Нилендер, Б. А. Садовской, Ю. А. Сидоров, С. М. Соловьев, пушкинская эпоха.

The article reconstructs the early period of Vladimir Nilender's literary career, considering mainly his unpublished letters to Boris Sadovskoy written in 1905–1911. Along with the discussion of Nilender's poetical concepts, the author examines the ties between Nilender and his fellow poets Sadovskoy, Sergei Solov'ev and the less known Yurii Sidorov, who associated themselves with a «neo-Pushkinian» poetical tradition.

Key words: V. O. Nilender, B. A. Sadovskoy, Yu. A. Sidorov, S. M. Solov'ev, Pushkin era.

Список литературы

1. Агеев А. Слышу умолкнувший звук // Край Смоленский. 1997. № 1–2.
2. Айдинян Ст. Анатолий Виноградов и Цветаевы // Южное сияние. 2017. № 1 (21).
3. Айдинян Ст. А. Ранние годы Анатолия Виноградова (по архивным изысканиям) // Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до... М., 2011. Кн. 6 / Под ред. Н. Н. Перцовой.
4. Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915. М., 2017. Т. 1. 1902–1909 / Вступ. статья А. В. Лаврова; подг. текста, комм. А. В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т. В. Павловой.
5. Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. Frankfurt a/M., 1974.
6. Владимир Оттонович Нилендер. Автобиография / Подг. текста и комм. Д. Д. Лотарева // Русская литература в историко-культурном контексте первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М., 2014.
7. Войтехович Р. С. К постановке проблемы «Цветаева и Гераклит» // Тр. по русской и славянской филологии: Литературоведение. Тарту, 2001.
8. Глуховская Е. А. Из истории литературной борьбы 1906–1907 годов: сборник «Хризопрас» // Русская литература. 2018. № 4.
9. Гусева А. Некоторые термины Гераклита в переводе В. О. Нилендера // VOX. Философский журнал. 2010. № 9 (<https://vox-journal.org/html/issues/vox9/141>).
10. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 14.
11. Из переписки Н. И. Петровской / Публ. Р. Л. Щербакова и Е. А. Муравьевой // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 14.
12. Киссин С. (Муни). Легкое бремя: Стихи и проза; Переписка с В. Ф. Ходасевичем. М., 1999.
13. Колеров М. А. «Вопросы Жизни»: история и содержание (1905) // Логос. Философско-литературный журнал. М., 1991. Вып. 2.
14. Корецкая И. В. «Новый путь». «Вопросы жизни» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982.
15. Котрелев Н. В. Материалы к истории серии «Памятники мировой литературы» издательства М. и С. Сабашниковых (Переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эсхила, Петрарки) // Книга в системе международных культурных связей: Сб. науч. трудов. М., 1990.
16. Лавров А. В. Русские символисты: этюды и разыскания. М., 2007.
17. Лавров А. В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015.
18. Лавров А. В., Максимов Д. Е. Весы // Русская литература и журналистика начала XX века: 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1987. С. 89–93.
19. Лаппо-Данилевский К. Ю. Переводы Вяч. Иванова, предназначавшиеся для антологии «Греческие лирики в русских стихотворных переводах» Ф. Е. Корша и В. О. Нилендера // Русская литература. 2014. № 1.
20. Лотарева Д. Д. Неизвестная автобиография В. О. Нилендера — ратника 2-го разряда, рядового 193-го пехотного запасного полка // Русская литература в историко-культурном контексте первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М., 2014.
21. Мемуар А. Ф. Лосева о В. О. Нилендере / Публ. и комм. К. Ю. Лаппо-Данилевского // Созидаящая верность: К 90-летию А. А. Тахо-Годи. М., 2012.
22. Минц З. Г. У истоков «символистского Пушкина» // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004.
23. Paperno I. Пушкин в жизни человека Серебряного века // Cultural Mythologies of Russian Modernism: from the Golden Age to the Silver Age. Berkely; Los Angeles; Oxford, 1992.
24. Поликовская Л. «Мудрец-филолог». Кто он? К биографии одного лирического героя Марины Цветаевой // Звезда. 1992. № 10.
25. Полтавская Л. В., Новиков Л. А. Нилендер Владимир Оттонович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4.
26. Рафаева А. В. Владимир Нилендер // Поэзия Московского университета от Ломоносова и до... М., 2010. Кн. 5. От Андрея Белого до Павла Флоренского.
27. Садовской Б. Записки (1881–1916) / Публ. С. В. Шумихина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1994. Т. 1.

28. Садовской Б. А. «Весы» (Воспоминания сотрудника) / Публ. Р. Д. Щербакowa // Минувшее: Исторический альманах. М., 1993. Вып. 13.
29. Стрельникова Н. Д. М. Цветаева и В. Нилендер, переводчик Гераклита Ефесского // Русская литература. 1992. № 1.
30. Творогов О. В. Шамбинаго Сергей Константинович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 5.
31. Цветаева А. Воспоминания: В 2 т. / Подг. Ст. М. Айдиняном. М., 2008. Т. 1. 1898–1911.
32. Цветаева А. Об очерке моей сестры Марины Цветаевой «Жених» 1933, Париж // Южное сияние. 2017. № 1 (21).
33. Шубинский В. Владислав Ходасевич: чающий и говорящий. СПб., 2011.

References

1. Ageev A. Slyshu umolknvshii zvuk // Krai Smolenskii. 1997. № 1–2.
2. Aidinian St. A. Rannie gody Anatoliia Vinogradova (po arkhivnym izyskaniiam) // Poeziia Moskovskogo universiteta: ot Lomonosova i do... М., 2011. Kn. 6 / Pod red. N. N. Pertsovoi.
3. Aidinian St. Anatolii Vinogradov i Tsvetaevy // Iuzhnoe sianie. 2017. № 1 (21).
4. Andrei Belyi i Emilii Metner. Perepiska. 1902–1915. М., 2017. Т. 1. 1902–1909 / Vstup. stat'ia A. V. Lavrova; podg. teksta, komm. A. V. Lavrova, Dzh. Malmstada i T. V. Pavlovoi.
5. Arsen'ev N. S. Dary i vstrechi zhiznennogo puti. Frankfurt a/M., 1974.
6. Dostoevskii F. M. Brat'ia Karamazovy // Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1976. Т. 14.
7. Glukhovskaia E. A. Iz istorii literaturnoi bor'by 1906–1907 godov: sbornik «Khrizopras» // Russkaia literatura. 2018. № 4.
8. Guseva A. Nekotorye terminy Geraklita v perevode V. O. Nilendera // VOX. Filosofskii zhurnal. 2010. № 9 (<https://vox-journal.org/html/issues/vox9/141>).
9. Iz perepiski N. I. Petrovskoi / Publ. R. L. Shcherbakova i E. A. Murav'evoi // Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. М.; SPb., 1993. Vyp. 14.
10. Kissin S. (Muni). Legkoe bremia: Stikhi i proza; Perepiska s V. F. Khodasevichem. М., 1999.
11. Kolerov M. A. «Voprosy Zhizni»: istoriia i soderzhanie (1905) // Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal. М., 1991. Vyp. 2.
12. Koretskaia I. V. «Novyi put'». «Voprosy zhizni» // Literaturnyi protsess i russkaia zhurnalistika kontsa XIX — nachala XX veka. 1890–1904. Burzhuazno-liberal'nye i modernistskie izdaniia. М., 1982.
13. Kotrelev N. V. Materialy k istorii serii «Pamiatniki mirovoi literatury» izdatel'stva M. i S. Sabashnikovykh (Perevody Viach. Ivanova iz drevnegrecheskikh lirikov, Eskhila, Petrarki) // Kniga v sisteme mezhdunarodnykh kul'turnykh sviazei: Sb. nauch. trudov. М., 1990.
14. Lappo-Danilevskii K. Iu. Perevody Viach. Ivanova, prednaznachavshiesia dlia antologii «Grecheskie liriki v russkikh stikhotvornykh perevodakh» F. E. Korsha i V. O. Nilendera // Russkaia literatura. 2014. № 1.
15. Lavrov A. V. Russkie simvolisty: etiudy i razyskaniia. М., 2007.
16. Lavrov A. V. Simvolisty i drugie: Stat'i. Razyskaniia. Publikatsii. М., 2015.
17. Lavrov A. V., Maksimov D. E. Vesy // Russkaia literatura i zhurnalistika nachala XX veka: 1905–1917. Burzhuazno-liberal'nye i modernistskie izdaniia. М., 1987. S. 89–93.
18. Lotareva D. D. Neizvestnaia avtobiografia V. O. Nilendera — ratnika 2-go razriada, riadovogo 193-go pekhotnogo zapasnogo polka // Russkaia literatura v istoriko-kul'turnom kontekste pervoi mirovoi voiny. Publikatsii, issledovaniia i materialy. М., 2014.
19. Memuar A. F. Loseva o V. O. Nilendere / Publ. i komm. K. Iu. Lappo-Danilevskogo // Sozidaiushchaia vernost': K 90-letiiu A. A. Takho-Godi. М., 2012.
20. Mints Z. G. U istokov «simvolistskogo Pushkina» // Mints Z. G. Poetika russkogo simvolizma. SPb., 2004.
21. Paperno I. Pushkin v zhizni cheloveka Serebriannogo veka // Cultural Mythologies of Russian Modernism: from the Golden Age to the Silver Age. Berkely; Los Angeles; Oxford, 1992.
22. Polikovskaia L. «Mudrets-filolog». Kto on? K biografii odnogo liricheskogo geroia Mariny Tsvetaevoi // Zvezda. 1992. № 10.
23. Poltavskaia L. V., Novikov L. A. Nilender Vladimir Ottonovich // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. М., 1999. Т. 4.
24. Rafeva A. V. Vladimir Nilender // Poeziia Moskovskogo universiteta ot Lomonosova i do... М., 2010. Kn. 5. Ot Andreia Belogo do Pavla Florenskogo.
25. Sadovskoi B. A. «Vesy» (Vospominaniia sotrudnika) / Publ. R. D. Shcherbakova // Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. М., 1993. Vyp. 13.
26. Sadovskoi B. Zapiski (1881–1916) / Publ. S. V. Shumikhina // Rossiiskii Arkhiv: Istoriiia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al'manakh. М., 1994. Т. 1.
27. Shubinskii V. Vladislav Khodasevich: chaiushchii i govoriashchii. SPb., 2011.
28. Strel'nikova N. D. M. Tsvetaeva i V. Nilender, perevodchik Geraklita Efesskogo // Russkaia literatura. 1992. № 1.

29. *Tsvetaeva A.* Ob ocherke moei sestry Mariny Tsvetaevoi «Zhenikh» 1933, Parizh // Iuzhnoe siianie. 2017. № 1 (21).

30. *Tsvetaeva A.* Vospominaniia: V 2 t. / Podg. St. M. Aidinianom. M., 2008. T. 1. 1898–1911.

31. *Tvorogov O. V.* Shambinago Sergei Konstantinovich // Entsiklopediia «Slova o polku Igoreve»: V 5 t. SPb., 1995. T. 5.

32. Vladimir Ottonovich Nilender. Avtobiografiia / Podg. teksta i komm. D. D. Lotarevoi // Russkaia literatura v istoriko-kul'turnom kontekste pervoi mirovoi voyny. Publikatsii, issledovaniia i materialy. M., 2014.

33. *Voitekhovich R. S.* K postanovke problemy «Tsvetaeva i Geraklit» // Tr. po russkoi i slavianskoi filologii: Literaturovedenie. Tartu, 2001.

Маргарита Михайловна Павлова

ведущий научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Margarita Mikhailovna Pavlova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

mmpavlova@gmail.com

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ АМХЕРСТСКОГО АРХИВА МЕРЕЖКОВСКИХ

2. Н. А. БЕРДЯЕВ В «ДНЕВНИКАХ» Т. Н. ГИППИУС (1906–1908)

NEW MATERIALS FROM THE AMHERST MEREZHKOVSKY ARCHIVE

2. N. A. BERDIAEV IN THE «DIARIES» OF T. N. GIPPIUS (1906–1908)

Публикация вводит в научный оборот новые документы из архива Мережковских и Д. В. Философова, хранящиеся в Центре русской культуры Амхерста (США, Массачусетс). В подборке представлены письма Философова (1906) и Н. А. Бердяева (1907), привносящие новые детали в историю отношений сторон. В приложении публикуются выдержки из «дневников» Т. Н. Гиппиус (1906–1908), дополняющие «бердяевский» сюжет.

Ключевые слова: Мережковские, Д. В. Философов, Н. А. Бердяев, письма-дневники Т. Н. Гиппиус, неохристианская коммуна.

This publication introduces the academic community to the new data from the archives of the Merezhkovskys and D. V. Filosofov, which are stored in the Amherst Center for Russian Culture (Massachusetts, USA). It presents a selection of letters by Filosofov (1906) and N. A. Berdiaev (1907) that provide new details concerning the relationship between the two. Excerpts from the «diaries» of T. N. Gippius that supplement the «Berdiaev» narrative are published as an appendix.

Key words: The Merezhkovskys, D. V. Filosofov, N. A. Berdiaev, letters and diaries of T. N. Gippius, neo-Christian commune.

Список литературы

1. Александр Блок и Евгений Иванов: В 2 кн. СПб., 2017. Кн. 2. Воспоминания о Блоке. Статьи / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко.

2. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. М., 1982. Кн. 3 (Лит. наследство. Т. 92).

3. Балакишина Ю. В. Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907: документальная история и культурный контекст. М., 2015.

4. *Белый Андрей.* Автобиографические своды: Материалы к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лавров и Дж. Малмстад. М., 2016. С. 113–114 (Лит. наследство. Т. 105).

5. *Белый Андрей.* Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подг. А. В. Лавров. СПб., 2014.

6. *Бердяев Н. А.* Письма Андрею Белому / Предисловие, публ. и прим. А. Г. Бойчука // De Visu. 1993. № 2 (3).

7. Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской биографии / Сост., предисловие, подг. текстов и комм. А. В. Вадимова. М., 1991.
8. Блок А. Записные книжки. 1901–1920 / Сост., подг. текста, предисловие и прим. Вл. Орлова. М., 1965.
9. Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: документальные хроники. М., 2009.
10. Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995.
11. Бойчук А. Г. Андрей Белый и Николай Бердяев: к истории диалога // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 1992. Т. 51. № 2.
12. В. Ф. Эрн: pro et contra. Личность и творчество Владимира Эрна в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Сост. А. А. Ермичев. СПб., 2006.
13. Волошин М. Собр. соч. М., 2008. Т. 6. Кн. 2. Проза 1900–1927.
14. Гиппиус З. Н. Синяя книга // Гиппиус З. Н. Дневники: В 2 т. / Вступ. статья и сост. А. Н. Николюкина. М., 1999. Т. 1.
15. Гиппиус З. Неизвестная проза: В 3 т. СПб., 2003. Т. 3. Арифметика любви / Под общ. ред. А. Н. Николюкина.
16. Гиппиус З. Собр. соч.: В 15 т. М., 2019. Т. 13, 16 (доп.).
17. Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 2000. Кн. 4.
18. Ермичев А. А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): хроника заседаний. СПб., 2007.
19. Записки Петербургских религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.) / Ред., послесловие и краткие сведения об участниках дискуссий С. М. Половинкина. М., 2005.
20. Кацис Л. Б. Г. Столпнер о еврействе // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1999 год / Под ред. М. А. Колерова. М., 1999.
21. Кейдан В. На путях к граду земному // Взыскующие града / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. В. И. Кейдана. М., 1997.
22. Колеров М. А. Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996.
23. Кузмин М. А. Дневник, 1905–1907 / Предисловие, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000.
24. Кузмин М. Дневник 1934 года / Под ред., со вступ. статьей и прим. Г. А. Морева. СПб., 1998.
25. Купченко В. Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. СПб., 2002.
26. Мережковский Д., Гиппиус З., Филосовов Д. Царь и революция / Под ред. М. А. Колерова; вступ. статья М. М. Павловой; пер. с фр. О. В. Эдельман; подг. текста Н. В. Самовер. М., 1999.
27. Меррилл Дж. Стихотворные тексты и подтексты в пьесе Ф. Сологуба «Заложники жизни» // Предсимволизм — лики и отражения / Под ред. Е. А. Тахо-Годи. М., 2020.
28. Н. А. Бердяев: pro et contra. Антология / Изд. подг. А. А. Ермичев. СПб., 2004.
29. Носов А. А. От «соловьевских обедов» — к религиозно-философскому обществу // Вопросы философии. 1999. № 6.
30. Павлова М. М. К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 1 // Русская литература. 2017. № 3.
31. Павлова М. М. Материалы к творческой биографии Т. Н. Гиппиус (по «дневникам» художницы 1906–1908 гг.). Статья 1 // Литературный факт. 2019. № 14.
32. Письма З. Н. Гиппиус к П. С. Соловьевой / Вступ. статья, подг. текста и прим. О. А. Блиновой // Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. М., 2018. Кн. 1 (Лит. наследство. Т. 106).
33. Письма Николая Бердяева / Публ. В. Аллая // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1990. Вып. 9.
34. Политические партии России: история и современность. М., 2000.
35. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах: В 3 т. / Вступ. статья О. Т. Ермишина и О. А. Коростелева; подг. текста О. Т. Ермишина, О. В. Самоцветова, Л. В. Хачатурян; прим. О. Т. Ермишина, О. А. Коростелева, С. В. Мартыанова, О. В. Самоцветова, Л. В. Хачатурян; сост. хроники А. А. Ермичев; сост. аннотированного списка С. М. Половинкин. М., 2009. Т. 1. 1907–1909.
36. Рудницкий К. Л. Режиссер Мейерхольд. М., 1969.
37. Свенцицкий В. П., прот. Собр. соч. М., 2010. Т. 2.
38. Серков А. И. Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001.
39. Сотрудники Российской Национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь / Ред. Ц. И. Грин, Г. В. Михеева, Л. А. Шилов и др. СПб., 1995. Т. 1. Императорская Публичная библиотека 1795–1917.
40. Старцев В. И. Тайны русских масонов. СПб., 2004.
41. Струве П. В. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997.

42. Теркель Е. А. «Вспоминать свое, бывшее или почти бывшее, — желанное...»: Письма Зинаиды Гиппиус Льву Баксту // Вестник истории, литературы, искусства. 2016. Т. 11.
43. Шишкин А. Б. Симпозион на петербургской Башне в 1905–1906 гг. // Русские пиры. СПб., 1998.
44. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т. Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов. М., 2004.
45. *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus* / Comp. by T. Pachmuss. Munchen: Wilhelm Fink Verlag, 1972.

References

1. Aleksandr Blok i Evgenii Ivanov: V 2 kn. SPb., 2017. Kn. 2. Vospominaniia o Bloke. Stat'i / Sost., vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. O. L. Fetisenko.
2. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. M., 1982. Kn. 3. (Lit. nasledstvo. T. 92).
3. Balakshina Iu. V. Bratstvo revnitelei tserkovnogo obnovleniia (gruppa «32-kh» peterburgskikh sviashchennikov), 1903–1907: dokumental'naia istoriia i kul'turnyi kontekst. M., 2015.
4. *Belyi Andrei. Avtobiograficheskie svody: Materialy k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevniky 1930-kh godov* / Sost. A. V. Lavrov i Dzh. Malmstad. M., 2016. S. 113–114 (Lit. nasledstvo. T. 105).
5. *Belyi Andrei. Nachalo veka. Berlinskaia redaktsiia (1923)* / Izd. podg. A. V. Lavrov. SPb., 2014.
6. *Berdiaev N. A. Pis'ma Andreiu Belomu* / Predislovie, publ. i prim. A. G. Boichuka // De Visu. 1993. № 2 (3).
7. *Berdiaev N. A. Samopoznanie: Opyt filosofskoi biografii* / Sost., predislovie, podg. tekstov i komm. A. V. Vadimova. M., 1991.
8. *Blok A. Zapisnye knizhki. 1901–1920* / Sost., podg. teksta, predislovie i prim. Vl. Orlova. M., 1965.
9. *Bogomolov N. A. Mikhail Kuzmin: Stat'i i materialy*. M., 1995.
10. *Bogomolov N. A. Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh: dokumental'nye khroniki*. M., 2009.
11. *Boichuk A. G. Andrei Belyi i Nikolai Berdiaev: k istorii dialoga* // Izv. RAN. Ser. literatury i iazyka. 1992. T. 51. № 2.
12. *Damaskin (Orlovskii), igum. Mucheniki, ispovedniki i podvizhniki blagochestiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi XX stoletii: Zhizneopisaniia i materialy k nim. Tver'*, 2000. Kn. 4.
13. *Ermichev A. A. Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Peterburge (1907–1917): khronika zasedanii*. SPb., 2007.
14. *Eroticheskiy eksperiment Merezhkovskikh v svete «Glavnogo»: Iz «dnevnikov» T. N. Gippius 1906–1908 godov* / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. M. M. Pavlovoi // *Erotizm bez beregov: Sb. statei i materialov*. M., 2004.
15. *Gippius Z. N. Siniaia kniga* // Gippius Z. N. Dnevniky: V 2 t. / Vstup. stat'ia i sost. A. N. Nikoliukina. M., 1999. T. 1.
16. *Gippius Z. Neizvestnaia proza: V 3 t. SPb., 2003. T. 3. Arifmetika liubvi* / Pod obsh. red. A. N. Nikoliukina.
17. *Gippius Z. Sobr. soch.: V 15 t. M., 2019. T. 13, 16 (dop.)*.
18. *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus* / Comp. by T. Pachmuss. Munchen: Wilhelm Fink Verlag, 1972.
19. *Katsis L. B. G. Stolpner o evreistve* // *Issledovaniia po istorii russkoi mysli: Ezhegodnik za 1999 god* / Pod red. M. A. Kolerova. M., 1999.
20. *Keidan V. Na putiakh k gradu zemnomu* // *Vzyskuiushchie grada* / Sost., podg. teksta, vstup. stat'ia i komm. V. I. Keidana. M., 1997.
21. *Kolero M. A. Ne mir, no mech: Russkaia religiozno-filosofskaia pechat' ot «Problem idealizma» do «Vekh»*. 1902–1909. SPb., 1996.
22. *Kupchenko V. Trudy i dni Maksimiliana Voloshina: Letopis' zhizni i tvorchestva*. SPb., 2002.
23. *Kuzmin M. A. Dnevnik, 1905–1907* / Predislovie, podg. teksta i komm. N. A. Bogomolova i S. V. Shumikhina. SPb., 2000.
24. *Kuzmin M. Dnevnik 1934 goda* / Pod red., so vstup. stat'ei i prim. G. A. Moreva. SPb., 1998.
25. *Merezhkovskii D., Gippius Z., Filosofov D. Tsar' i revoliutsiia* / Pod red. M. A. Kolerova; vstup. stat'ia M. M. Pavlovoi; per. s fr. O. V. Edel'man; podg. teksta N. V. Samover. M., 1999.
26. *Merrill Dzh. Stikhotvornye teksty i podteksty v p'ese F. Sologuba «Zalozhniki zhizni»* // *Predsimvolizm — liki i otrazheniia* / Pod red. E. A. Takho-Godi. M., 2020.
27. *N. A. Berdiaev: pro et contra. Antologiiia* / Izd. podg. A. A. Ermichev. SPb., 2004.
28. *Nosov A. A. Ot «solov'evskikh obedov» — k religiozno-filosofskomu obshchestvu* // *Voprosy filosofii*. 1999. № 6.

29. Pavlova M. M. K istorii neokhristianskoi kommuny Merezhkovskikh (na materiale «dnevnikov» T. N. Gippius). Stat'ia 1 // Russkaia literatura. 2017. № 3.
30. Pavlova M. M. Materialy k tvorcheskoi biografii T. N. Gippius (po «dnevnikam» khudozhnitsy 1906–1908 gg.). Stat'ia 1 // Literaturnyi fakt. 2019. № 14.
31. Pis'ma Nikolaia Berdiaeva / Publ. V. Alloia // Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. Paris, 1990. Vyp. 9.
32. Pis'ma Z. N. Gippius k P. S. Solov'evoi / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. O. A. Blinovoi // Epistoliarnoe nasledie Z. N. Gippius. M., 2018. Kn. 1 (Lit. nasledstvo. T. 106).
33. Politicheskie partii Rossii: istoriia i sovremennost'. M., 2000.
34. Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde). Istoriia v materialakh i dokumentakh: V 3 t. / Vstup. stat'ia O. T. Ermishina i O. A. Korosteleva; podg. teksta O. T. Ermishina, O. V. Samotsvetova, L. V. Xachaturian; prim. O. T. Ermishina, O. A. Korosteleva, S. V. Mart'ianova, O. V. Samotsvetova, L. V. Khachaturian; sost. khroniki A. A. Ermichev; sost. annotirovannogo spiska S. M. Polovinkin. M., 2009. T. 1. 1907–1909.
35. Rudnitskii K. L. Rezhisser Meierkhol'd. M., 1969.
36. Serkov A. I. Russkoe masonstvo 1731–2000: Entsiklopedicheskii slovar'. M., 2001.
37. Shishkin A. B. Simposion na peterburgskoi Bashne v 1905–1906 gg. // Russkie piry. SPb., 1998.
38. Sotrudniki Rossiiskoi Natsional'noi biblioteki — deiateli nauki i kul'tury: Biograficheskii slovar' / Red. Ts. I. Grin, G. V. Mikheeva, L. A. Shilov i dr. SPb., 1995. T. 1. Imperatorskaia Publichnaia biblioteka 1795–1917.
39. Startsev V. I. Tainy russkikh masonov. SPb., 2004.
40. Struve P. B. Patriotica. Politika, kul'tura, religiia, sotsializm. M., 1997.
41. Svetsitskii V. P., prot. Sobr. soch. M., 2010. T. 2.
42. Terkel' E. A. «Vspominat' svoe, byvshee ili pochti byvshee, — zhelannoe...»: Pis'ma Zinaidy Gippius L'vu Bakstu // Vestnik istorii, literatury, iskusstva. 2016. T. 11.
43. V. F. Ern: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Erna v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei: Antologiya / Sost. A. A. Ermichev. SPb., 2006.
44. Voloshin M. Sobr. soch. M., 2008. T. 6. Kn. 2. Proza 1900–1927.
45. Zapiski Peterburgskikh religiozno-filosofskikh sobranii (1901–1903 gg.) / Red., posleslovie i kratkie svedeniia ob uchastnikakh diskussii S. M. Polovinkina. M., 2005.

Светлана Дмитриевна Титаренко

профессор

Санкт-Петербургского государственного университета

Svetlana Dmitriyevna Titarenko

Professor, St. Petersburg State University

svet_titarenko@mail.ru

**ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ЯКОБ БЁМЕ
(ТЕОРИЯ РЕЛИГИОЗНОГО СИМВОЛИЗМА
И АКТУАЛИЗАЦИЯ НАСЛЕДИЯ НЕМЕЦКОГО МИСТИКА)**

**VYACHESLAV IVANOV AND JAKOB BÖHME
(RELIGIOUS SYMBOLISM THEORY
AND ACTUALIZATION OF THE GERMAN MYSTIC'S HERITAGE)**

В статье рассматривается неизученная проблема «Вячеслав Иванов и Якоб Бёме». Задача исследования — уточнить источники, которые оказали влияние на теорию религиозного реалистического символизма Вяч. Иванова. Анализируется философия искусства Вяч. Иванова, показывается близость его теории мистическому учению о символических соответствиях Бёме и его последователей. Доказывается, что Иванов, утверждая принципы реалистического символизма, использовал принципы учения Бёме о символической природе реальности, которые были связаны с традициями средневекового христианского неоплатонизма.

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, Якоб Бёме, русский символизм, религиозная философия, компаративное исследование, мистицизм, эзотеризм, реалистический символизм, теория соответствий, христианский неоплатонизм.

The article outlines the insufficiently studied issue «Vyacheslav Ivanov and Jakob Böhme». The goal of the research is to define the sources that influenced Vyach. Ivanov's theory of religious realistic symbolism. The philosophy of Vyach. Ivanov's art is analyzed, and the contingencies between his theory and the mystic learning of Böhme and his followers concerning symbolic correspondences are highlighted. It is shown that, postulating his principles of religious symbolism, Ivanov relied on Böhme's principles of symbolic nature of reality, that were connected to the traditions of the Medieval Christian Neoplatonism.

Key words: Vyacheslav Ivanov, Jakob Böhme, Russian Symbolism, religious philosophy, comparative research, mysticism, esotericism, realistic symbolism, theory of correspondences, Christian Neoplatonism.

Список литературы

1. Александров А. С. «Лира Новалиса» Вяч. Иванова: история создания, трансформация замысла, источники, проблемы эдиции // Reosiahag. 2017. № 14.
2. Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915. М., 2017. Т. 2. 1910–1915 / Подг. текста А. В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т. В. Павловой.
3. Безродный М. Вячеслав Иванов и «Мусагет»: материалы и заметки к теме // Вячеслав Иванов и его время. Материалы VII Межд. симп. Вена, 1998 / Под ред. С. С. Аверинцева и др. Frankfurt a/M., 2002.
4. Библиотека А. А. Блока. Описание: В 3 кн. / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской. Л., 1984. Кн. 1.
5. Богомолов Н. А. Из предистории «Лир Новалиса» Вяч. Иванова // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 2000.
6. Бурмистров К. Ю. В. Соловьев и европейский эзотеризм // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 2 (50).
7. Бычков В. В., Маньковская Н. Б. Современный взгляд на эстетику символизма // Вестник славянских культур. 2018. Т. 50.
8. Вахтель М. Переписка Вячеслава Иванова с Э. Р. Курциусом // Текст и традиция: альманах. СПб., 2016. Вып. 4.
9. Вахтель М. Дополнения к «Лире Новалиса» Вяч. Иванова // Русская литература. 2011. № 4.
10. Веселовский А. Н. [Парацельс, Вейгель, Бёме] / Публ. Р. Ю. Данилевского // Веселовский А. Н. Избр. труды и письма. СПб., 1999.
11. Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1989.
12. Дурылин С. Бодлэр в русском символизме / Публ. и комм. Г. В. Нефедьева // Книгоиздательство «Мусагет». История. Мифы. Результаты. Исследования и материалы / Сост. А. Резниченко. М., 2014.
13. Иванов Вяч. Вс. Россия и гнозис // 500 лет гнозиса в России. Гностическая традиция в печатных и рукописных книгах. Амстердам, 1993.
14. Иванов Вяч. По звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы. СПб., 2018. Кн. 2. Примечания / Отв. ред. К. А. Кумпан.
15. Иванов Вяч. Собр. соч. / Под ред. Д. В. Иванова и О. А. Дешарт. Брюссель, 1974.
16. Козырев А. П. Соловьев и Яков Бёме // Козырев А. П. Соловьев и гностики. М., 2007.
17. «Мой вечный спутник жизни». Переписка А. Белого и А. С. Петровского: Хроника дружбы / Вступ. статья, сост., комм. и подг. текста Дж. Малмстада. М., 2007.
18. Обатнин Г. В. Иванов-мистик (Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова) (1907–1919). М., 2000.
19. Обатнин Г. В. Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов: между Св. Писанием и поэзией: VIII Межд. конф. (28 окт. — 1 нояб. 2001, Рим). Салерно, 2002. Т. 2 (Europa Orientalis. 2002. Vol. XXI: 2).
20. Паперный В. Вяч. Иванов: между Чернышевским и Бёме // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI (Новая сер.). Тарту, 2008.
21. П-в С. Русские переводы Якова Бёме // Библиографические записки. 1858. № 5.
22. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах, 1907–1917: В 3 т. М., 2009. Т. 2.
23. Сегал Д. Русский и немецкий символизм в сравнительном освещении // Пути искусства. Символизм и европейская культура XX в. Материалы конференции (Иерусалим, 2003). М., 2008.
24. Силард Л. Новалис и русская мысль начала XX века // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб., 2002.
25. Соловьев В. С. La Sophia // Соловьев В. С. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000. Соч. Т. 2. 1875–1877 / Сост. А. П. Козырев, Н. В. Котрелев.
26. Соловьев С. М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. М., 1997.
27. Соловьев В. С. Эзотерические выписки и схемы 1870–1880-х гг. из папки «Бог есть все. Черновая разработка статьи об оккультизме» / Подг. к публ. и комм. А. Л. Рычкова и К. Ю. Бурмистрова // Соловьевские исследования. 2019. Вып. 3 (63).

28. Тиме Г. А. «Святой отец Яков Бемен» (рецепция наследия немецкого мистика в России) // Русская литература. 2011. № 4.
29. Тиме Г. А. Блок и немецкая культура // Русская литература. 2005. № 4.
30. Титаренко С. Д. Поэма Вяч. Иванова «Младенчество»: символический язык автобиографического мифа // Вяч. Иванов: Pro et Contra. СПб., 2016.
31. Трубецкой Е. Н. Миросозерцание В. С. Соловьева: В 2 т. М., 1995. Т. 1.
32. Фокин И. Л. Philosophus Teutonicus. Якоб Бёме: возведение и путь немецкого идеализма. СПб., 2019.
33. Фокин И. Л. Влияние радикального пиетизма конца XVII — начала XVIII столетий на распространение новой философии Якоба Бёме в Европе и в России // Религиоведение. 2016. № 4.
34. Фокин И. Л. Учение о качествах и язык Якоба Бёме // Религиоведение. 2009. № 2.
35. Шаулов С. М. «De Signatura Rerum» Якоба Бёме и основания поэтики барокко // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2009. № 3.
36. Шаулов С. М. Семиотика мира в философии Якоба Бёме как онтологический фундамент поэтики барокко // Literary Calendar the Books of Days. 2009. № 4 (1).
37. Čiževskij D. Jacob Boehme in Rußland // Evangelium und Osten. 1935. № 10, 11.
38. Davidson P. The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov: a Russian Symbolist's Perception of Dante. Cambridge; New York, 1989.
39. Smith O. The Russian Boehme // An Introduction to Jacob Boehme: Four Centuries of Thought and Reception. New York; London, 2014.
40. Wachtel M. Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis and the Poetics of Vyacheslav Ivanov. Madison, 1994.
41. Zdenek V. D. The Influence of Jacob Boehme on Russian Religious Thought // Slavic Review. 1962. Vol. 21. № 1.

References

1. Aleksandrov A. S. «Lira Novalisa» Viach. Ivanova: istoriia sozdaniia, transformatsiia zamysla, istochniki, problemy editsii // Reosiahag. 2017. № 14.
2. Andrei Belyi i Emilii Metner. Perepiska. 1902–1915. M., 2017. Т. 2. 1910–1915 / Podg. teksta A. V. Lavrova, Dzh. Malmstada i T. V. Pavlovoi.
3. Bezrodnyi M. Viacheslav Ivanov i «Musaget»: materialy i zametki k teme // Viacheslav Ivanov i ego vremia. Materialy VII Mezhd. simp. Vena, 1998 / Pod red. S. S. Averintseva i dr. Frankfurt a/M., 2002.
4. Biblioteka A. A. Bloka. Opisanie: V 3 kn. / Sost. O. V. Miller, N. A. Kolobova, S. Ia. Vovina; pod red. K. P. Lukirskoi. L., 1984. Kn. 1.
5. Bogomolov N. A. Iz predystorii «Liry Novalisa» Viach. Ivanova // Bogomolov N. A. Russkaia literatura nachala XX veka i okkul'tizm. M., 2000.
6. Burmistrov K. Iu. V. Solov'ev i evropeiskii ezoterizm // Solov'evskie issledovaniia. 2016. Vyp. 2 (50).
7. Bychkov V. V., Man'kovskaia N. B. Sovremennyi vzgliad na estetiku simvolizma // Vestnik slavianskikh kul'tur. 2018. Т. 50.
8. Čiževskij D. Jacob Boehme in Rußland // Evangelium und Osten. 1935. № 10, 11.
9. Davidson P. The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov: a Russian Symbolist's Perception of Dante. Cambridge; New York, 1989.
10. Durylin S. Bodler v russkom simvolizme / Publ. i komm. G. V. Nefed'eva // Knigoizdatel'stvo «Musaget». Istoriia. Mify. Rezul'taty. Issledovaniia i materialy / Sost. A. Reznichenko. M., 2014.
11. Fokin I. L. Philosophus Teutonicus. Iakob Bёме: vozvshchenie i put' nemetskogo idealizma. SPb., 2019.
12. Fokin I. L. Uchenie o kachestvakh i iazyk Iakoba Bёме // Religiovedenie. 2009. № 2.
13. Fokin I. L. Vliianie radikal'nogo pietizma kontsa XVII — nachala XVIII stoletii na rasprostranenie novoi filosofii Iakoba Bёме v Evrope i v Rossii // Religiovedenie. 2016. № 4.
14. Gorfunkel' A. Kh. Filosofii epokhi Vozrozhdeniia. M., 1989.
15. Ivanov Viach. Po zvezdam. Opyty filosofskie, esteticheskie i kriticheskie. Stat'i i aforizmy. SPb., 2018. Kn. 2. Primechaniia / Otv. red. K. A. Kumpan.
16. Ivanov Viach. Sobr. soch. / Pod red. D. V. Ivanova i O. A. Deshart. Briussel', 1974.
17. Ivanov Viach. Vs. Rossiia i gnozis // 500 let gnozisa v Rossii. Gnosticheskaia traditsiia v pechatnykh i rukopisnykh knigakh. Amsterdam, 1993.
18. Kozyrev A. P. Solov'ev i Iakov Bёме // Kozyrev A. P. Solov'ev i gnostiki. M., 2007.
19. «Moi vechnyi sputnik zhizni». Perepiska A. Belogo i A. S. Petrovskogo: Khronika družby / Vstup. stat'ia, sost., komm. i podg. teksta Dzh. Malmstada. M., 2007.
20. Obatnin G. V. Ivanov-mistik (Okkul'tnye motivy v poezii i proze Viacheslava Ivanova) (1907–1919). M., 2000.
21. Obatnin G. V. Materialy k opisaniu biblioteki Viach. Ivanova // Viacheslav Ivanov: mezhdru Sv. Pisanem i poeziei: VIII Mezhd. konf. (28 okt. — 1 noiab. 2001, Rim). Salerno, 2002. Т. 2 (Europa Orientalis. 2002. Vol. XXI: 2).

22. *Papernyi V.* Viach. Ivanov: mezhdu Chernyshevskim i Bëme // Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie. VI (Novaia ser.). Tartu, 2008.
23. *P-v S.* Russkie perevody Iakoba Bëme // Bibliograficheskie zapiski. 1858. № 5.
24. Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde): Istoriia v materialakh i dokumentakh, 1907–1917: V 3 t. M., 2009. T. 2.
25. *Segal D.* Russkii i nemetskii simvolizm v sravnitel'nom osveshchenii // Puti iskusstva. Simvolizm i evropeiskaia kul'tura XX v. Materialy konferentsii (Ierusalim, 2003). M., 2008.
26. *Shaulov S. M.* «De Signatura Rerum» Iakoba Bëme i osnovaniia poetiki barokko // Vestnik Kostromskogo gos. un-ta im. N. A. Nekrasova. 2009. № 3.
27. *Shaulov S. M.* Semiotika mira v filosofii Iakoba Bëme kak ontologicheskii fundament poetiki barokko // Literary Calendar the Books of Days. 2009. № 4 (1).
28. *Silard L.* Novalis i russkaia mysl' nachala XX veka // Silard L. Germetizm i germenevtika. SPb., 2002.
29. *Smith O.* The Russian Boehme // An Introduction to Jacob Boehme: Four Centuries of Thought and Reception. New York; London, 2014.
30. *Solov'ev S. M.* Vladimir Solov'ev. Zhizn' i tvorchenskaia evoliutsiia. M., 1997.
31. *Solov'ev V. S.* Ezotericheskie vypiski i skhemy 1870–1880-kh gg. iz papki «Bog est' vse. Chernovaia razrabotka stat'i ob okkul'tizme» / Podg. k publ. i komm. A. L. Rychkova i K. Iu. Burmistrova // Solov'evskie issledovaniia. 2019. Vyp. 3 (63).
32. *Solov'ev V. S.* La Sophia // Solov'ev V. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 2000. Soch. T. 2. 1875–1877 / Sost. A. P. Kozyrev, N. V. Kotrelev.
33. *Time G. A.* «Sviatoi otets Iakov Bemen» (retseptsiiia naslediiia nemetskogo mistika v Ros-sii) // Russkaia literatura. 2011. № 4.
34. *Time G. A.* Blok i nemetskaia kul'tura // Russkaia literatura. 2005. № 4.
35. *Titarenko S. D.* Poema Viach. Ivanova «Mladenchestvo»: simvolicheskii iazyk avtobiografi-cheskogo mifa // Viach. Ivanov: Pro et Contra. SPb., 2016.
36. *Trubetskoi E. N.* Mirosozertsanie V. S. Solov'eva: V 2 t. M., 1995. T. 1.
37. *Vakhtel' M.* Dopolneniia k «Lire Novalisa» Viach. Ivanova // Russkaia literatura. 2011. № 4.
38. *Vakhtel' M.* Perepiska Viacheslava Ivanova s E. R. Kurtsiusom // Tekst i traditsiia: al'ma-nakh. SPb., 2016. Vyp. 4.
39. *Veselovskii A. N.* [Paratsel's, Veigel', Bëme] / Publ. R. Iu. Danilevskogo // Veselovskii A. N. Izbr. trudy i pis'ma. SPb., 1999.
40. *Wachtel M.* Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis and the Poetics of Vyacheslav Ivanov. Madison, 1994.
41. *Zdenek V. D.* The Influence of Jacob Boehme on Russian Religious Thought // Slavic Review. 1962. Vol. 21. № 1.

Мария Анатольевна Васильева

ученый секретарь

Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына

Maria Anatolyevna Vasilyeva

Academic Secretary, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

marijvasil@mail.ru

«БЕСКОНЕЧНЫЙ КРУГ» БОРИСА БОЖНЕВА

BORIS BOZHNEV'S «INFINITE CIRCLE»

В статье рассматривается творчество выдающегося поэта русского зарубежья Б. Б. Божнева (1898–1969). Предметом исследования выбрана его первая книга стихов «Борьба за несуществование» (Париж, 1925). Особое внимание уделено ее композиционной структуре, проблеме названия и «кенотическому» нарративу последнего в поэтическом сборнике стихотворения «И есть борьба за несуществование...». В статье также прослеживается рецепция творчества поэта от оценок эмигрантской литературной критики до современных исследований, ставится вопрос о спорности определения поэзии Б. Божнева как «нигилистической» (Г. П. Струве). При стилистическом разборе «Борьбы за несуществование» и других прижизненных изданий поэта делается акцент на феномен «стяженности» божневского поэтического пространства.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, Б. Божнев, «Борьба за несуществование», феномен «стяженности» поэтического пространства, кенозис, тема «бесконечного круга», эмигрантоведение, эмигрантская литературная критика.

The article considers the work of the outstanding émigré Russian poet B. B. Bozhnev (1898–1969). His first book of poems *Bor'ba za nesushchestvovan'e* (*The Struggle for Non-Existence*) (Paris, 1925) is analyzed. Special emphasis is laid on the compositional structure of this collection of poetry, and on the problem of the title and the «kenotic» narrative of the final poem «*I est' bor'ba za nesushchestvovan'e...*» («*And there is a struggle for non-existence...*»). Besides, the article traces the reception of the poet's writings, from the pronouncements of the emigrant literary critics to the modern studies, and addresses the issue of the controversial definition of B. Bozhnev's poetry as «nihilistic» (G. P. Struve). In the stylistic analysis of *The Struggle for Non-Existence* and other lifetime editions of the poet, a special emphasis is laid on the «contracted phenomenon» of Bozhnev's poetry space.

Key words: Russian émigré literature, B. Bozhnev, *Bor'ba za nesushchestvovan'e* (*The Struggle for Non-Existence*), the «contracted phenomenon» of the poetry space, kenosis, the «infinite circle» theme, emigrant literary criticism, modern studies.

Список литературы

1. Бахрах А. Вспоминая Божнева // Бахрах А. По памяти, по записям. Paris: La Presse Libre, 1980.
2. Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М., 1996.
3. Божнев Б. Борьба за несуществование. Собрание стихотворений / Сост., вступ. статья и комм. С. Ивановой. СПб., 1999.
4. Божнев Б. Собр. стихотворений: В 2 т. / Под ред. Л. Флейшмана. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1987–1989 (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 24).
5. Божнев Б. Элегия эллическая: Избр. стихотворения / Сост. и вступ. статья Н. Мельникова. Томск, 2000.
6. Булгаков Сергей, прот. Софиология смерти // Вестник РХД. 1978. № 127.
7. Ештушенко Е. Печатавший стихи на нотной бумаге // <http://www.newizv.ru/news/2007-11-09/79486>.
8. Злочевская А. В. Божнев Борис Борисович // <http://www.philol.msu.ru/~modern/index.php?page=1167>.
9. Иванов В. И. Идея неприятия мира // Иванов В. И. Собр. соч. СПб., 2018. [Т. 1]. Кн. 1. По звездам: Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы.
10. Катанян В. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. М., 1985.
11. Климент Александрийский. Строматы: В 3 т. / Подг. текста, пер., предисловие и комм. Е. В. Афонасина. СПб., 2003. Т. 2. Кн. 4–5. С. 115.
12. Конструкция преданности: Борис Божнев в письмах Александру Гингеру и Анне Присмановой / Публ., вступ. статья и комм. А. Устинова и В. Хазана // *Toronto Slavic Quarterly*. 2012. № 42.
13. Кубрик А. Молчание и зеркала // Литературное обозрение. 1996. № 2.
14. Латышко О. В. Музыкальные формы в поэзии русского зарубежья первой волны (на примере лирики Б. Поплавского, Б. Божнева и Г. Голохвастова) // Вестник Московского гос. областного гуманитарного ин-та. Сер. «Филология, лингвистика и межкультурная коммуникация». 2013. № 2.
15. Ливак Л., Устинов А. Литературный авангард русского Парижа: История. Хронология. Антология. Документы. М., 2014.
16. Лобанова М. Западноевропейское музыкальное барокко: проблемы эстетики и поэтики. М., 1994.
17. Мартынов В. И. Книга Перемен. М., 2016.
18. Мельников Н. Эпоха Божнева // Божнев Б. Элегия эллическая. Томск, 2000.
19. Мороз О. Особенности поэтики Бориса Божнева // http://newkarfagen.ru/load/oleg_moroz_osobennosti_poehtiki_borisa_bozhneva/1-1-0-146.
20. Набоков В. Просвечивающие предметы // Набоков В. Романы / Пер. с англ.; сост. и вступ. статья А. Долинина. М., 1991.
21. Неизвестный Божнев / Публ. Л. Флейшмана // Культура русского модернизма: Статьи, эссе и публикации. В приношение Владимиру Федоровичу Маркову / Под ред. Р. Вроона, Дж. Мальмстада. М., 1993.
22. Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956.
23. Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж; М., 1996.
24. Терехина В. Н. Заметки к парижским текстам Маяковского // Новые российские гуманитарные исследования. 2013. № 8.

25. Устинов А. Стихотворение, содержащее аллегорию, или последняя публикация Бориса Божнева // *Toronto Slavic Quarterly*. 2013. № 43.
26. Устинов А., Поливанов К. На грани: Борис Божнев в 1930-е годы // *From the Other Shore* (Toronto). 2002. Vol. 2.
27. Устинов А. Борис Божнев до «Борьбы за несуществование» // *Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана* / Сост. и ред. А. Устинова. М., 2010.
28. Федоров Ф. Божнев и Тютчев // *Literatura rosyjska na rozdrożach dwudziestego wieku* / Pod redakcją naukową W. Skrudny. Warszawa: Wydawnictwo «Studia Rossica», 2003. S. 147–174 (Studia Rossica. XII).
29. Федоров Ф. Система парадигм в книге Б. Божнева «Борьба за несуществование» // *Toronto Slavic Quarterly*. 2010. № 34.
30. Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4.
31. Юлиус А. Русский литературный Париж 20-х годов // *Современник* (Торонто). 1966. № 13.
32. Beyssac M. La vie culturelle de l'emigration russe en France: Chronique (1920–1930). Paris: Presses universitaires de France, 1971.

References

1. Bakhrakh A. Vspominaia Bozhneva // Bakhrakh A. Po pamiati, po zapisiam. Paris: La Presse Libre, 1980.
2. Berberova N. Kursiv moi: Avtobiografia. M., 1996.
3. Beyssac M. La vie culturelle de l'emigration russe en France: Chronique (1920–1930). Paris: Presses universitaires de France, 1971.
4. Bozhnev B. Bor'ba za nesushchestvovan'e. Sbranie stikhotvorenii / Sost., vstup. stat'ia i komm. S. Ivanovoi. SPb., 1999.
5. Bozhnev B. Elegiia ellicheskaia: Izbr. stikhotvorenii / Sost. i vstup. stat'ia N. Mel'nikova. Tomsk, 2000.
6. Bozhnev B. Sbr. stikhotvorenii: V 2 t. / Pod red. L. Fleishmana. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1987–1989 (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 24).
7. Bulgakov Sergii, prot. Sofiologiia smerti // *Vestnik RKhD*. 1978. № 127.
8. Evtushenko E. Pechatavshii stikhi na notnoi bumage // <http://www.newizv.ru/news/2007-11-09/79486>.
9. Fedorov F. Bozhnev i Tiutchev // *Literatura rosyjska na rozdrożach dwudziestego wieku* / Pod redakcją naukową W. Skrudny. Warszawa: Wydawnictwo «Studia Rossica», 2003. S. 147–174 (Studia Rossica. XII).
10. Fedorov F. Sistema paradigm v knige B. Bozhneva «Bor'ba za nesushchestvovanie» // *Toronto Slavic Quarterly*. 2010. № 34.
11. Iulius A. Russkii literaturnyi Parizh 20-kh godov // *Sovremennik* (Toronto). 1966. № 13.
12. Ivanov V. I. Ideia nepriiatii mira // Ivanov V. I. Sbr. soch. SPb., 2018. [T. 1]. Kn. 1. Po zvezdam: Opyty filosofskie, esteticheskie i kriticheskie. Stat'i i aforizmy.
13. Katanian V. Maiakovskii: Khronika zhizni i deiatel'nosti. M., 1985.
14. Khodasevich V. F. Sbr. soch.: V 4 t. M., 1997. T. 4.
15. Kliment Aleksandriiskii. Stromaty: V 3 t. / Podg. teksta, per., predislovie i komm. E. V. Afonasina. SPb., 2003. T. 2. Kn. 4–5.
16. Konstruktsiia predannosti: Boris Bozhnev v pis'makh Aleksandru Gingeru i Anne Prismanovoi / Publ., vstup. stat'ia i komm. A. Ustinova i V. Khazana // *Toronto Slavic Quarterly*. 2012. № 42.
17. Kubrik A. Molchanie i zerkala // *Literaturnoe obozrenie*. 1996. № 2.
18. Latyshko O. V. Muzykal'nye formy v poezii russkogo zarubezh'ia pervoi volny (na primere liriki B. Poplavskogo, B. Bozhneva i G. Golokhvastova) // *Vestnik Moskovskogo gos. oblastnogo gumanitarnogo in-ta. Ser. «Filologiya, lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia»*. 2013. № 2.
19. Livak L., Ustinov A. Literaturnyi avangard russkogo Parizha: Istoriia. Khronologiia. Antologiia. Dokumenty. M., 2014.
20. Lobanova M. Zapadnoevropeiskoe muzykal'noe barokko: problemy estetiki i poetiki. M., 1994.
21. Martynov V. I. Kniga Peremen. M., 2016.
22. Mel'nikov N. Epokha Bozhneva // Bozhnev B. Elegiia ellicheskaia. Tomsk, 2000.
23. Moroz O. Osobennosti poetiki Borisa Bozhneva // http://newkarfagen.ru/load/oleg_moroz_osobennosti_poetiki_borisa_bozhneva/1-1-0-146.
24. Nabokov V. Prosvechivaiushchie predmety // Nabokov V. Romany / Per. s angl.; sost. i vstup. stat'ia A. Dolinina. M., 1991.
25. Neizvestnyi Bozhnev / Publ. L. Fleishmana // *Kul'tura russkogo modernizma: Stat'i, esse i publikatsii. V prinoshenie Vladimiru Fedorovichu Markovu* / Pod red. R. Vroona, Dzh. Mal'mstada. M., 1993.

26. *Struve G.* Russkaia literatura v izgnanii. N'iu-Iork, 1956.
27. *Struve G.* Russkaia literatura v izgnanii. Parizh; M., 1996.
28. *Terekhina V. N.* Zametki k parizhskim tekstam Maiakovskogo // *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia*. 2013. № 8.
29. *Ustinov A.* Boris Bozhnev do «Bor'by za nesushchestvovanie» // *Vademecum: K 65-letiiu Lazaria Fleishmana / Sost. i red. A. Ustinova. M., 2010.*
30. *Ustinov A.* Stikhotvorenie, sodержashchee allegoriu, ili posledniaia publikatsiia Borisa Bozhneva // *Toronto Slavic Quarterly*. 2013. № 43.
31. *Ustinov A., Polivanov K.* Na grani: Boris Bozhnev v 1930-e gody // *From the Other Shore (Toronto)*. 2002. Vol. 2.
32. *Zlochevskaia A. V.* Bozhnev Boris Borisovich // <http://www.philol.msu.ru/~modern/index.php?page=1167>.

Дмитрий Викторович Токарев

профессор

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;
ведущий научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Dmitry Victorovich Tokarev

Professor, HSE University;

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

tokarevd@mail.ru

«HÖLDERLIN ДАСТ ОБЪЯСНЕНИЕ»: ПОЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ФРИДРИХА ГЁЛЬДЕРЛИНА И ЕЕ РЕЦЕПЦИЯ БОРИСОМ ПОПЛАВСКИМ

HÖLDERLIN WOULD EXPLAIN: THE POETICAL THINKING OF FRIEDRICH HÖLDERLIN AND ITS RECEPTION BY BORIS POPLAVSKY

Статья посвящена анализу двух понятий, встречающихся в позднем творчестве Бориса Поплавского, — «Рай и Царство друзей» и «Республика Солнца». Они оказываются связанными с рецепцией поэтической философии Фридриха Гёльдерлина, интерес к которой у Поплавского вписывается в движение «в сторону Гёльдерлина», ярко проявившее себя в немецкой, а также французской поэзии 1910–1930-х годов. Делается предположение, что семантический ореол, который окружает один из самых частотных поэтических образов у Поплавского — образ флага, — мог сформироваться в «диалоге» с ключевым стихотворением Гёльдерлина «Половина жизни» («Hälfte des Lebens»). К тому же устанавливается, что стихотворение «Город тихо шумит...», занимающее особое положение в посмертном сборнике «Снежный час» (1936), является вольным переложением первой строфы знаменитой элегии Гёльдерлина «Хлеб и вино» («Brot und Wein»).

Ключевые слова: Борис Поплавский, Фридрих Гёльдерлин, неформальные сообщества, поэтический образ флага, стихотворение «Город тихо шумит...».

The article focuses on the two notions recurrent in Boris Poplavsky's late-period oeuvre, namely the «Paradise and Kingdom of friends» and the «Republic of the Sun». These are linked to Friedrich Hölderlin's poetical philosophy, which solicited vivid interest among the German and French poets of the 1910–1930s. It is assumed that the semantic aura of the image of the flag, one of the most frequent in Poplavsky, might have been formed in a «dialogue» with Hölderlin's key poem *Hälfte des Lebens*. Besides, the poem *Quietly the City Rustles*, which holds a place of prominence in his posthumous collection *Snowy Hour* (1936), seems to be an imitation of the first stanza of Hölderlin's famous elegy *Brot und Wein*.

Key words: Boris Poplavsky, Friedrich Hölderlin, informal communities, the poetic image of the flag, the poem *Quietly the City Rustles*.

Список литературы

1. Беньямин В. Озарения / Пер. Н. М. Берновской, Ю. А. Данилова, С. А. Ромашко. М., 2000.
2. Болдырев И. А. Тайна и сообщество: место истории в «Элевсине» // Новое литературное обозрение. 2016. № 3.
3. Виндельбанд В. Прелюдии: Философские статьи и речи / Пер. с нем. и вступ. статья С. Л. Франка. СПб., 1903.
4. Гвардини Р. Гёльдерлин. Картина мира и боговдохновенность / Пер. с нем. А. В. Перцева. СПб., 2015.
5. Гёльдерлин Ф. Соч. / Пер. с нем., сост. и вступ. статья А. Дейча; комм. Г. Ратгауза. М., 1969.
6. Глазова А. Греческая и европейская половины в «Половине жизни» Фридриха Гёльдерлина // Фридрих Гёльдерлин и идея Европы / Под ред. С. Л. Фокина. СПб., 2017.
7. Глазова А. Ночное сообщество // Новое литературное обозрение. 2016. № 3.
8. Жеребин А. И. Роман Гёльдерлина «Гиперион» и утопия «Третьего царства» в европейской культуре // Фридрих Гёльдерлин и идея Европы / Под ред. С. Л. Фокина. СПб., 2017.
9. Жолковский А. Откуда эта Диотима? (Заметки о «Лете» Пастернака) // Eternity's Hostage. Selected Papers from the Stanford International Conference on Boris Pasternak, May, 2004. In Honor of Evgeny Pasternak and Elena Pasternak / Ed. by L. Fleishman. Stanford, 2006. Part 1 (Stanford Slavic Studies. Vol. 31).
10. Иоффе Д. Психотическое у Гёльдерлина в контекстах России и Европы // Фридрих Гёльдерлин и идея Европы / Под ред. С. Л. Фокина. СПб., 2017.
11. Луначарский А. Социологические и патологические факторы в истории искусства // Вестник Коммунистической академии. 1930. № 37/38.
12. Луначарский А. Социология и патология в истории литературы (Фридрих Гёльдерлин, конспект доклада) // Литературный критик. 1935. № 12.
13. Магун А. Поэтика революционного времени: Гёльдерлин и Мандельштам // Новое литературное обозрение. 2003. № 63.
14. Неусыхин А. И. Тютчев и Гёльдерлин / Публ. Е. А. Огневой-Неусыхиной // Федор Иванович Тютчев: В 2 кн. М., 1989. Кн. 2 (Лит. наследство; т. 97).
15. Орлицкий Ю. Б. Свободный стих в творчестве Бориса Поплавского // Русская литература. 2014. № 1.
16. Орлицкий Ю. Б. Стих Фридриха Гёльдерлина в оригинале и в русском переводе // Фридрих Гёльдерлин и идея Европы / Под ред. С. Л. Фокина. СПб., 2017.
17. Петровская Е. Безымянные сообщества. М., 2012.
18. Поплавский Б. Ю. Собр. соч.: В 3 т. / Сост. А. Н. Богословского и Е. Менегальдо. М., 2009.
19. Татищев Н. Поэт в изгнании // Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников / Сост. Л. Аллен, О. Гриз. СПб.; Дюссельдорф, 1993.
20. Татищев Н. Синяя тетрадь // Татищев Н. Письмо в Россию. Париж, 1972.
21. Токарев Д. В. «Бутылка в море»: Б. Поплавский и А. де Виньи // Западный сборник: В честь 80-летия Петра Романовича Заборова. СПб., 2011.
22. Токарев Д. В. В поисках «центрального огня»: Борис Поплавский и Жерар де Нерваль // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России — взгляд из зарубежья. СПб., 2011.
23. Токарев Д. В. «Гегель труден, но лучше, то есть ближе, не напишешь»: романы Бориса Поплавского как «гегелевский текст» русской литературы // Новое литературное обозрение. 2019. № 2 (156).
24. Токарев Д. В. «Между Индией и Гегелем»: творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе. М., 2011.
25. Токарев Д. В. Метафизика образа: Борис Поплавский и Джорджо де Кирико // Sub specie tolerantiae: Памяти В. А. Туниманова. СПб., 2008.
26. Хайдеггер М. «Воспоминание» // Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гёльдерлина / Пер. с нем. Г. Ноткина. СПб., 2003.
27. Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Т. 7.
28. Якобсон Р. Взгляд на «Вид» Гёльдерлина / Пер. с нем. О. Я. Седаковой // Якобсон Р. Работы по поэтике / Сост. М. Л. Гаспарова. М., 1987.
29. Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог: Опыт сравнительного патографического анализа с привлечением случаев Сведенборга и Гёльдерлина. СПб., 1999.
30. Adelung J. Ch. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart // https://lexika.digital-sammlungen.de/adelung/lemma/bsb00009132_1_0_73.
31. Adorno Th. W. Parataxe: sur les derniers poèmes de Hölderlin / Trad. fr. de S. Muller // Hölderlin F. Hymnes, élégies et autres poèmes / Ed. par Ph. Lacoue-Labarthe; trad. par A. Guerne. Paris, 1983.
32. Eibl K. Der Blick hinter den Spiegel Sinnbild und gedankliche Bewegung in Hölderlins «Hälfte des Lebens» // Jahrbuch der deutschen Schillergesellschaft. 1983. Т. 27.

33. *Groethuysen B.* Avant-propos // Poèmes de la Folie de Hölderlin / Trad. de P. J. Jouve avec la collaboration de P. Klossowski. Paris: Fourcade, 1930.
34. *Grosse Kracht K.* Zwischen Berlin und Paris: Bernard Groethuysen (1880–1946). Tübingen: Niemeyer, 2002.
35. *Hart K.* Blanchot's Hölderlin // The Poesis of Peace: Narratives, Cultures, and Philosophies / Ed. by K.-G. Giesen, C. Kersten, L. Škof. London: Routledge, 2017.
36. *Hölderlin F.* Hypérion ou l'Ermite en Grèce: In 2 vol. / Trad. de J. Delage. Paris; Neuchâtel: Victor Attinger, 1930.
37. *Hölderlin F.* La Mort d'Empédocle / Trad. et introduction d'A. Babelon. Paris: Gallimard, 1929.
38. *Hölderlin F.* Poèmes suivis d'une documentation sur la folie de Hölderlin réunie par B. Groethuysen // Commerce: Cahiers trimestriels. 1925 (Automne). Cahier V.
39. *Hölderlin F.* Sämtliche Werke und Briefe. Leipzig: Insel Verlag, 1922. Bd 1 (Gedichte).
40. *Kalinowski I.* Une histoire de la reception de Hölderlin en France (1925–1967). Thèse de doctorat. Université Paris 12, 1999.
41. *Kuzma J. D.* Maurice Blanchot and Psychoanalysis. Leyden, 2019.
42. Poèmes de la Folie de Hölderlin / Trad. de P. J. Jouve avec la collaboration de P. Klossowski. Paris: Fourcade, 1930.
43. *Rand R.* Groethuysen et Hölderlin (Hypothèse) // Poésie. 2008. № 3 (125). P. 9–22.
44. *Tokarev D.* Escape from Utopia: The Metamorphoses of Utopian Dreams in the Russian Avant-Garde in Exile (Il'ya Zdanevich, Boris Poplavskii) // Utopia: The Avant-Garde, Modernism and (Im)Possible Life / Ed. by D. Ayers, B. Hjartarson, T. Huttunen, H. Veivo. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2015 (European Avant-Garde and Modernism Studies. Vol. 4).
45. *Tokarev D.* In «the Paradise of Friends»: Boris Poplavskii's Novel, *Homeward from Heaven*, in the Light of Alexandre Kojève's Seminar on Hegel // Slavonic and East European Review. 2018. Vol. 96. № 2.
46. *Tokarev D.* «L'art est une lettre personnelle»: le discours autobiographique dans la fiction et les journaux intimes de Boris Poplavskij // Modernités russes. Lyon, 2016. № 16. La poétique autobiographique à l'Age d'argent et au-delà.
47. *Tokarev D.* Les auditeurs russes «inaperçus» (Gordin, Tarr, Poplavskij) du séminaire hégélien d'Alexandre Kojève à l'Ecole pratique des hautes études, 1933–1939 // Revue des études slaves. 2017. T. 88. № 3.

References

1. *Adelung J. Ch.* Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart // https://lexika.digitale-sammlungen.de/adelung/lemma/bsb00009132_1_0_73.
2. *Adorno Th. W.* Parataxe: sur les derniers poèmes de Hölderlin / Trad. fr. de S. Muller // Hölderlin F. Hymnes, élégies et autres poèmes / Ed. par Ph. Lacoue-Labarthe; trad. par A. Guerne. Paris, 1983.
3. *Ben'iamin V.* Ozarenii / Per. N. M. Bernovskoi, Iu. A. Danilova, S. A. Romashko. M., 2000.
4. *Boldyrev I. A.* Taina i soobshchestvo: mesto istorii v «Elevsine» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2016. № 3.
5. *Eibl K.* Der Blick hinter den Spiegel Sinnbild und gedankliche Bewegung in Hölderlins «Hälfte des Lebens» // Jahrbuch der deutschen Schillergesellschaft. 1983. T. 27.
6. *Gël'derlin F.* Soch. / Per. s nem., sost. i vstup. stat'ia A. Deicha; komm. G. Ratgauza. M., 1969.
7. *Glazova A.* Grecheskaia i evropeiskaia poloviny v «Polovine zhizni» Fridrikha Gël'derlina // Fridrikh Gël'derlin i ideia Evropy / Pod red. S. L. Fokina. SPb., 2017.
8. *Glazova A.* Nochnoe soobshchestvo // Novoe literaturnoe obozrenie. 2016. № 3.
9. *Groethuysen B.* Avant-propos // Poèmes de la Folie de Hölderlin / Trad. de P. J. Jouve avec la collaboration de P. Klossowski. Paris: Fourcade, 1930.
10. *Grosse Kracht K.* Zwischen Berlin und Paris: Bernard Groethuysen (1880–1946). Tübingen: Niemeyer, 2002.
11. *Gvardini R.* Gël'derlin. Kartina mira i bogovdokhnovenost' / Per. s nem. A. V. Pertseva. SPb., 2015.
12. *Haidegger M.* «Vospominanie» // Haidegger M. Raz'iasneniia k poezii Gël'derlina / Per. s nem. G. Notkina. SPb., 2003.
13. *Hart K.* Blanchot's Hölderlin // The Poesis of Peace: Narratives, Cultures, and Philosophies / Ed. by K.-G. Giesen, C. Kersten, L. Škof. London: Routledge, 2017.
14. *Hölderlin F.* Hypérion ou l'Ermite en Grèce: In 2 vol. / Trad. de J. Delage. Paris; Neuchâtel: Victor Attinger, 1930.
15. *Hölderlin F.* La Mort d'Empédocle / Trad. et introduction d'A. Babelon. Paris: Gallimard, 1929.
16. *Hölderlin F.* Poèmes suivis d'une documentation sur la folie de Hölderlin réunie par B. Groethuysen // Commerce: Cahiers trimestriels. 1925 (Automne). Cahier V.

17. Hölderlin F. *Sämtliche Werke und Briefe*. Leipzig: Insel Verlag, 1922. Bd 1 (Gedichte).
18. Iakobson R. *Vzgliad na «Vid» Gël'derlina* / Per. s nem. O. Ia. Sedakovoi // Iakobson R. *Raboty po poetike* / Sost. M. L. Gasparova. M., 1987.
19. Iaspers K. *Strindberg i Van Gog: Opyt sravnitel'nogo patograficheskogo analiza s privlecheniem sluchaev Svedenborga i Gël'derlina*. SPb., 1999.
20. Ioffe D. *Psikhoticheskoe u Gël'derlina v kontekstakh Rossii i Evropy* // Fridrikh Gël'derlin i ideia Evropy / Pod red. S. L. Fokina. SPb., 2017.
21. Kalinowski I. *Une histoire de la reception de Hölderlin en France (1925–1967)*. Thèse de doctorat. Université Paris 12, 1999.
22. Kuzma J. D. *Maurice Blanchot et Psychoanalysis*. Leyden, 2019.
23. Lunacharskii A. *Sotsiologicheskie i patologicheskie faktory v istorii iskusstva* // Vestnik Kommunisticheskoi akademii. 1930. № 37/38.
24. Lunacharskii A. *Sotsiologiya i patologiya v istorii literatury* (Fridrikh Gël'derlin, konspekt doklada) // Literaturnyi kritik. 1935. № 12.
25. Magun A. *Poetika revoliutsionnogo vremeni: Gël'derlin i Mandel'shtam* // Novoe literaturnoe obozrenie. 2003. № 63.
26. Neusykhin A. I. *Tiutchev i Gël'derlin* / Publ. E. A. Ognevoi-Neusykhinovi // Fedor Ivanovich Tiutchev: V 2 kn. M., 1989. Kn. 2 (Lit. nasledstvo; t. 97).
27. Orlitskii Iu. B. *Stikh Fridrikha Gël'derlina v originalie i v russkom perevode* // Fridrikh Gël'derlin i ideia Evropy / Pod red. S. L. Fokina. SPb., 2017.
28. Orlitskii Iu. B. *Svobodnyi stikh v tvorchestve Borisa Poplavskogo* // Russkaia literatura. 2014. № 1.
29. Petrovskaya E. *Bezymiannye soobshchestva*. M., 2012.
30. *Poèmes de la Folie de Hölderlin* / Trad. de P. J. Jouve avec la collaboration de P. Klossowski. Paris: Fourcade, 1930.
31. *Poplavskii B. Iu. Sobr. soch.*: V 3 t. / Sost. A. N. Bogoslovskogo i E. Menegaldo. M., 2009.
32. Rand R. *Groethuysen et Hölderlin (Hypothèse)* // Poésie. 2008. № 3 (125). P. 9–22.
33. *Tatishchev N. Poet v izgnanii* // Boris Poplavskii v otsenakh i vospominaniakh sovremennikov / Sost. L. Allen, O. Griz. SPb.; Düsseldorf, 1993.
34. *Tatishchev N. Siniaia tetrad'* // Tatishchev N. Pis'mo v Rossiiu. Parizh, 1972.
35. *Tokarev D. Escape from Utopia: The Metamorphoses of Utopian Dreams in the Russian Avant-Garde in Exile* (Il'ya Zdanevich, Boris Poplavskii) // *Utopia: The Avant-Garde, Modernism and (Im)Possible Life* / Ed. by D. Ayers, B. Hjartarson, T. Huttunen, H. Veivo. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2015 (European Avant-Garde and Modernism Studies. Vol. 4).
36. *Tokarev D. In «the Paradise of Friends»: Boris Poplavskii's Novel, Homeward from Heaven, in the Light of Alexandre Kojève's Seminar on Hegel* // Slavonic and East European Review. 2018. Vol. 96. № 2.
37. *Tokarev D. «L'art est une lettre personnelle»: le discours autobiographique dans la fiction et les journaux intimes de Boris Poplavskij* // Modernités russes. Lyon, 2016. № 16. La poétique autobiographique à l'Age d'argent et au-delà.
38. *Tokarev D. Les auditeurs russes «inaperçus»* (Gordin, Tarr, Poplavskij) du séminaire hégélien d'Alexandre Kojève à l'Ecole pratique des hautes études, 1933–1939 // Revue des études slaves. 2017. T. 88. № 3.
39. *Tokarev D. V. «Butylka v more»: B. Poplavskii i A. de Vin'i* // Zapadnyi sbornik: V chest' 80-letia Petra Romanovicha Zaborova. SPb., 2011.
40. *Tokarev D. V. «Gegel' truden, no luchshe, to est' blizhe, ne napishesh'»: romany Borisa Poplavskogo kak «gegelevskii tekst» russkoi literatury* // Novoe literaturnoe obozrenie. 2019. № 2 (156).
41. *Tokarev D. V. «Mezhdru Indiei i Gegelem»: tvorchestvo Borisa Poplavskogo v komparativnoi perspektive*. M., 2011.
42. *Tokarev D. V. Metafizika obraza: Boris Poplavskii i Dzhordzho de Kiriko* // Sub specie tolerantiae: Pamiati V. A. Tunimanova. SPb., 2008.
43. *Tokarev D. V. V poiskakh «tsentral'nogo ognia»: Boris Poplavskii i Zherar de Nerval'* // Aktual'nye problemy izucheniia i prepodavaniia russkoi literatury: vzgliad iz Rossii — vzgliad iz zarubezh'ia. SPb., 2011.
44. *Tsvetaeva M. Sobr. soch.*: V 7 t. M., 1995. T. 7.
45. *Vindel'band V. Prelidui: Filosofskie stat'i i rechi* / Per. s nem. i vstup. stat'ia S. L. Franka. SPb., 1903.
46. *Zherebin A. I. Roman Gël'derlina «Giperion» i utopiia «Tret'ego tsarstva» v evropeiskoi kul'ture* // Fridrikh Gël'derlin i ideia Evropy / Pod red. S. L. Fokina. SPb., 2017.
47. *Zholkovskii A. Otkuda eta Diotima? (Zametki o «Lete» Pasternaka)* // Eternity's Hostage. Selected Papers from the Stanford International Conference on Boris Pasternak, May, 2004. In Honor of Evgeny Pasternak and Elena Pasternak / Ed. by L. Fleishman. Stanford, 2006. Part 1 (Stanford Slavic Studies. Vol. 31).

Кирилл Сергеевич Корконосенко

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Kirill Sergeevich Korkonosenko

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom),
Russian Academy of Sciences

korkonos@mail.ru

**РУССКИЕ ПЕРСОНАЖИ В ТВОРЧЕСТВЕ
РАМОНА ДЕЛЬ ВАЛЬЕ-ИНКЛАНА**

**RUSSIAN CHARACTERS IN THE WORKS
OF RAMÓN DEL VALLE-INCLÁN**

В 1929 и 1932 годах Валье-Инклан опубликовал два варианта одного фрагмента из романа «Выигрыш шпак». Ключевую роль в них играет русский персонаж: вокруг него развивается действие, детально описана его внешность и характер, он участвует в беседах и произносит речи, но зовут его по-разному. В первой редакции это Петр Кропоткин, во второй — Михаил Бакунин. Писатель хотел сделать героем своего романа русского революционера, анархиста, хорошо известного в Испании — и для него не имело принципиального значения, кого именно выбрать: на эту роль с одинаковым успехом годились оба.

Ключевые слова: русско-испанские взаимосвязи, русская тема в мировой литературе, Рамон дель Валье-Инклан.

In 1929 and 1932, Valle-Inclán published two versions of a fragment from his novel *Advantage of Swords*. A Russian character is at the center of the plot: the narrative revolves around him, his appearance and personality are described in detail, he talks a lot and delivers speeches, while his name goes through a change. He is called Petr Kropotkin in the first version and Mikhail Bakunin in the second one. The writer wanted to describe a Russian revolutionary, an anarchist, well-known in Spain — and for him it hardly mattered which one he would take: both persons were equally suitable for the role.

Key words: Russian-Spanish relations, Russian theme in the world literature, Ramón del Valle-Inclán.

Список литературы

1. Багно В. Е. Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. Л., 1982.
2. Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2003. Т. 7.
3. Корконосенко К. С. Толстой, Достоевский и «поколение 98 года» в Испании // Толстой или Достоевский? Идеино-эстетические искания в литературах Востока и Запада. СПб., 2003.
4. Лурье Ф. М. Нечаев: Созидатель разрушения. М., 2001.
5. Письмо М. Бакунина к А. Таландье (24 июля 1870) / Пер. с фр. М. П. Драгоманова // Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896.
6. Плавский З. И. Испанская литература XIX–XX веков. М., 1982.
7. Тертерян И. А. Испытание историей. М., 1973.
8. Федоров А. Ю. М. А. Бакунин и становление анархизма в Испании // Человек из трех столетий (Прямухинские чтения — 2014, международная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения М. А. Бакунина). М., 2015.
9. Schiavo L. Sobre la génesis de *El ruedo ibérico*: «Otra castiza de Samaria» // Nueva revista de filología hispánica. 1976. № 25.
10. Valle-Inclán R. del. Baza de espadas. Barcelona, 1958.
11. Valle-Inclán R. del. Otra castiza de Samaria (Estampas Isabelinas) // La novela de hoy (Madrid). 1929. № 392 (15 de noviembre).

References

1. Bagno V. E. Emiliia Pardo Basan i russkaia literatura v Ispanii. L., 1982.
2. Blok A. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 2003. T. 7.

3. *Fedorov A. Iu.* M. A. Bakunin i stanovlenie anarkhizma v Ispanii // *Chelovek iz trekh stoletii* (Priamukhinskie chteniia — 2014, mezhdunarodnaia konferentsiia, posviashchennaia 200-letiiu so dnia rozhdeniia M. A. Bakunina). M., 2015.
4. *Korkonosenko K. S.* Tolstoi, Dostoevskii i «pokolenie 98 goda» v Ispanii // *Tolstoi ili Dostoevskii? Ideino-esteticheskie iskaniiia v literaturakh Vostoka i Zapada*. SPb., 2003.
5. *Lur'e F. M.* Nechaev: Sozidatel' razrusheniia. M., 2001.
6. Pis'mo M. Bakunina k A. Taland'e (24 iulia 1870) / Per. s fr. M. P. Dragomanova // *Pis'ma M. A. Bakunina k A. I. Gertsenu i N. P. Ogarevu*. Zheneva, 1896.
7. *Plavskin Z. I.* Ispanskaia literatura XIX–XX vekov. M., 1982.
8. *Schiavo L.* Sobre la génesis de *El ruedo ibérico*: «Otra castiza de Samaria» // *Nueva revista de filología hispánica*. 1976. № 25.
9. *Terterian I. A.* Ispytanie istoriei. M., 1973.
10. *Valle-Inclán R. del.* Baza de espadas. Barcelona, 1958.
11. *Valle-Inclán R. del.* Otra castiza de Samaria (Estampas Isabelinas) // *La novela de hoy* (Madrid). 1929. № 392 (15 de noviembre).

Олег Андершанович Лекманов

профессор факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Oleg Andershanovich Lekmanov

Professor, Department of Humanities,
National Research University *Higher School of Economics*
lekmanov@mail.ru

О СТИХОТВОРЕНИИ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА «ЧЕРНОЗОМ»

ON OSIP MANDELSTAM'S POEM «CHERNOZEM»

Статья представляет собой разбор сложного стихотворения позднего Осипа Мандельштама «Чернозем». Автор опирается на суждение о «Черноземе» самого поэта, приведенное в письме С. Б. Рудакова к жене, и предлагает увидеть в стихотворении манифест «нового акмеизма», в котором место *камня* занял воронежский *чернозем*.

Ключевые слова: Мандельштам, акмеизм, поэтика.

The article offers the analysis of «Chernozem» («Humus»), a complex late-period poem by Osip Mandelstam. The author relies on the poet's own opinion about «Chernozem», cited in the letter of S. B. Rudakov to his wife, and suggests that the poem should be read as a manifesto of the «New Acmeism», in which the *stone* is replaced by the Voronezh *humus*.

Key words: Mandelstam, Acmeism, poetics.

Список литературы

1. *Гаспаров Б. М.* Севооборот поэтического дыхания: Мандельштам в Воронеже, 1934–1937 // *Новое литературное обозрение*. 2003. № 63.
2. *Мандельштам Н. Я.* Комментарий к стихам 1930–1937 гг. // *Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования*. Воронеж, 1990.
3. *Мандельштам О. Э.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2009. Т. 1.
4. *Мусатов В. В.* Лирика Осипа Мандельштама. Киев, 2000.
5. *Никитина Т.* Формирование мифологемы «чернозем» в лирике О. Мандельштама 1908–1925 гг. // *Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры. Тюмень*, 2001. Вып. 5.
6. О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936) // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О. Э. Мандельштаме*. СПб., 1997.
7. *Хлебников В.* Творения. М., 1986.
8. *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М., 2009. Т. 1.

9. Штемпель Н. Мандельштам в Воронеже // Новый мир. 1987. № 10.
 10. Baines J. Mandelstam's later poetry. Cambridge, 1976.

References

1. Baines J. Mandelstam's later poetry. Cambridge, 1976.
2. Gasparov B. M. Sevooborot poeticheskogo dykhaniia: Mandel'shtam v Voronezhe, 1934–1937 // Novoe literaturnoe obozrenie. 2003. № 63.
3. Khlebnikov V. Tvoreniia. M., 1986.
4. Khodasevich V. F. Sobr. soch.: V 8 t. M., 2009. T. 1.
5. Mandel'shtam N. Ia. Kommentarii k stikham 1930–1937 gg. // Zhizn' i tvorchestvo O. E. Mandel'shtama. Vospominaniia. Materialy k biografii. «Novye stikhi». Kommentarii. Issledovaniia. Voronezh, 1990.
6. Mandel'shtam O. E. Poln. sobr. soch. i pisem: V 3 t. M., 2009. T. 1.
7. Musatov V. V. Lirika Osipa Mandel'shtama. Kiev, 2000.
8. Nikitina T. Formirovanie mifologemy «chernozem» v lirike O. Mandel'shtama 1908–1925 gg. // Khudozhestvennaia literatura, kritika i publitsistika v sisteme dukhovnoi kul'tury. Tiumen', 2001. Vyp. 5.
9. O. E. Mandel'shtam v pis'makh S. B. Rudakova k zhene (1935–1936) // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1993 god. Materialy ob O. E. Mandel'shtame. SPb., 1997.
10. Shtempel' N. Mandel'shtam v Voronezhe // Novyi mir. 1987. № 10.

Екатерина Евгеньевна Вахненко

доцент кафедры русской и зарубежной литературы
 Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации
 Иркутского государственного университета

Ekaterina Evgenievna Vakhnenko

Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature,
 Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication,
 Irkutsk State University

Katy250579@mail.ru

ОЧЕРКИ IN MEMORIAM В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ А. М. РЕМИЗОВА: НОВОНАЙДЕННОЕ «ПОСЛАНИЕ» ПАРИЖСКОМУ НЕКРОПОЛЮ

«IN MEMORIAM» ESSAYS IN ALEXEY REMIZOV'S CREATIVE LEGACY: A NEWLY-FOUND «MESSAGE» TO THE PARIS NECROPOLIS

В статье рассматривается специфика произведений А. М. Ремизова, соответствующих литературно-публицистической форме In memoriam. Эти тексты как по форме, так и по содержанию значительно отличаются от традиционных жанров поминального характера — некролога и надгробного слова. В Приложении воспроизводится «памятное слово» Ремизова, посвященное А. Ю. Доброму, парижскому финансисту, меценату и ценителю русской культуры. До настоящего времени этот текст находился вне поля зрения исследователей, его единственная публикация состоялась в 1939 году.

Ключевые слова: А. М. Ремизов, «памятное слово», «мемориальный» очерк, текст памяти, А. Ю. Добрый.

The article discusses the specifics of Alexey Remizov's works that correspond to the literary and journalistic form of «In Memoriam» genre. These texts differ drastically, both in form and in content, from the traditional funeral genres, such as an obituary or a graveside oration. The Appendix to the article contains the «memorable word» by Remizov, dedicated to Abram Yu. Dobry, a Parisian financier, philanthropist and connoisseur of Russian culture. Since the time of its first publication in 1939, this text has been out of reach of the academic community.

Key words: Alexey Remizov, «memorable word», «In Memoriam» essay, text of memory, Abram Yu. Dobry.

Список литературы

1. А. М. Ремизов и Л. И. Шестов: Из переписки писателя и философа (1933–1938) / Publ., comm. et notes de K. Ruzhinskaite // *Revue des Études Slaves*. 2013. Т. 84. Fasc. 1/2.
2. Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2002. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х–1970-х годов.
3. Грачева А. М. Алексей Ремизов: <Надгробное слово на похоронах С. П. Ремизовой-Довгелло> // *Скращения судеб / Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen. A Festschrift for Fedor B. Poljakov*. Berlin et al., 2019.
4. Данилевский А. Из комментариев к «Кукхе» А. М. Ремизова // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia: Проблемы русской литературы и культуры / Под ред. Л. Бюклинг и П. Песонена*. Helsinki, 1992 (*Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*; vol. 3).
5. Исцеление для неисцелимых. Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйтингона / Сост. и подг. текста В. Хазана и Е. Ильиной. М., 2014.
6. Обатнина Е. Вариации памяти (Творческая история «Кукхи» и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове) // Ремизов. А. М. Кукха: Розановы письма / Сост., подг. текста, статья, комм. Е. Р. Обатниной. СПб., 2011 (сер. «Литературные памятники»).
7. Обатнина Е. Р. «Золотое подорожие» А. М. Ремизова: Текст и контекст // *Русская литература*. 2007. № 4.
8. Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001.
9. Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // *Русская литература*. 1994. № 2.
10. Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // *Русская литература*. 1993. № 4.
11. Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 9. Учитель музыки: Каторжная идиллия / Подг. текста, статья, комм. А. д'Амелия, А. М. Грачевой.
12. Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10. Петербургский буерак / Подг. текста, статья, указатель, комм. А. М. Грачевой, О. А. Линдеберг.
13. Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень / Подг. текста, комм., послесловие А. М. Грачевой, О. П. Раевской-Хьюз.
14. Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2018. Т. 14. Звезда надзвездная / Под ред. А. М. Грачевой; подг. текста, статья, указатель, комм. А. д'Амелия, В. Н. Быстрова, Н. Ю. Грыкаловой, О. А. Линдеберг.
15. Ремизов А. М. Академик Павел Елисеевич Щеголев, 1901–1903 / Вступ. заметка, публ. и прим. Е. Р. Обатниной // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год*. СПб., 1999.
16. Сёке К. «Апофеоз беспочвенности»: Лев Шестов и Алексей Ремизов: Точки соприкосновения двух типов художественного мышления в русской литературе XX века // *Dissertationes Slavicae*. 1982. № 15. С. 105–120.
17. Театр Жоржа Питоева: статьи, выступления, интервью, письма: Сб. М., 2005.
18. Шаховской И. Биография юности: Установление единства. Paris, 1977.
19. «Je vous embrasse de tout cœur» (Письма А. М. Ремизова и С. П. Ремизовой-Довгелло к А. М. и Б. А. Лазаревым) / Вступ. заметка и комм. В. Хазана // «Усердный толкователь шестовской беспочвенности» Адольф Маркович Лазарев. Письма и статьи о Льве Шестове. М., 2019.

References

1. A. M. Remizov i L. I. Shestov: Iz perepiski pisatel'ia i filosofa (1933–1938) / Publ., comm. et notes de K. Ruzhinskaite // *Revue des Études Slaves*. 2013. Т. 84. Fasc. 1/2.
2. Bakhtin M. M. Sobr. soch.: V 7 t. M., 2002. Т. 6. Problemy poetiki Dostoevskogo, 1963. Raboty 1960-kh–1970-kh godov.
3. Danilevskii A. Iz kommentariiev k «Kukhe» A. M. Remizova // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia: Problemy russkoi literatury i kul'tury / Pod red. L. Biukling i P. Pesonena*. Helsinki, 1992 (*Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*; vol. 3).
4. Gracheva A. M. Aleksei Remizov: <Nadgrobnoe slovo na pokhoronakh S. P. Remizovoi-Dovgello> // *Skreshcheniia sudeb / Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen. A Festschrift for Fedor B. Poljakov*. Berlin et al., 2019.
5. Istselenie dlia neistselimykh. Epistol'iarnyi dialog L'va Shestova i Maksa Eitingona / Sost. i podg. teksta V. Khazana i E. Il'noi. M., 2014.
6. «Je vous embrasse de tout cœur» (Pis'ma A. M. Remizova i S. P. Remizovoi-Dovgello k A. M. i B. A. Lazarevym) / Vstup. zametka i komm. V. Khazana // «Userdnyi tolkovatel' shestovskoi bespochvennosti» Adol'f Markovich Lazarev. Pis'ma i stat'i o L've Shestove. M., 2019.
7. Obatnina E. R. «Zolotoe podorozhie» A. M. Remizova: Tekst i kontekst // *Russkaia literatura*. 2007. № 4.

8. *Obatnina E.* Tsar' Asyka i ego poddannye: Obez'ian'ia Velikaia i Vol'naia Palata A. M. Remizova v litsakh i dokumentakh. SPb., 2001.
9. *Obatnina E.* Variatsii pamiati (Tvorcheskaiia istoriia «Kukkhii» i drugikh memuarnykh svidetel'stv Remizova o Rozanove) // Remizov. A. M. Kukkhia: Rozanovy pis'ma / Sost., podg. teksta, stat'ia, komm. E. R. Obatninoi. SPb., 2011 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
10. Perepiska L. I. Shestova s A. M. Remizovym / Vstup. zametka, podg. teksta i prim. I. F. Danilovoi i A. A. Danilevskogo // Russkaia literatura. 1994. № 2.
11. Perepiska L. I. Shestova s A. M. Remizovym / Vstup. zametka, podg. teksta i prim. I. F. Danilovoi i A. A. Danilevskogo // Russkaia literatura. 1993. № 4.
12. *Remizov A. M.* Akademik Pavel Eliseevich Shchegolev, 1901–1903 / Vstup. zametka, publ. i prim. E. R. Obatninoi // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1995 god. SPb., 1999.
13. *Remizov A. M.* Sobr. soch. M., 2000. T. 8. Podstrizhennymi glazami. Iveren' / Podg. teksta, komm., posleslovie A. M. Grachevoi, O. P. Raevskoi-Kh'iuz.
14. *Remizov A. M.* Sobr. soch. M., 2002. T. 9. Uchitel' muzyki: Katorzhnaia idilliia / Podg. teksta, stat'ia, komm. A. d'Ameliia, A. M. Grachevoi.
15. *Remizov A. M.* Sobr. soch. M., 2003. T. 10. Peterburgskii buerak / Podg. teksta, stat'ia, ukazatel', komm. A. M. Grachevoi, O. A. Lindeberg.
16. *Remizov A. M.* Sobr. soch. SPb., 2018. T. 14. Zvezda nadzvezdnaia / Pod red. A. M. Grachevoi; podg. teksta, stat'ia, ukazatel', komm. A. d'Ameliia, V. N. Bystrova, N. Iu. Griakalovoi, O. A. Lindeberg.
17. *Sëke K.* «Apofeoz bespochvennosti»: Lev Shestov i Aleksei Remizov: Tochki soprikosnoveniia dvukh tipov khudozhestvennogo myshleniia v russkoi literature XX veka // Dissertationes Slavicae. 1982. № 15. S. 105–120.
18. *Shakhovskoi I.* Biografiia iunosti: Ustanovlenie edinstva. Paris, 1977.
19. Teatr Zhorzha Pitoeva: stat'i, vystupleniia, interv'iu, pis'ma: Sb. M., 2005.

Милена Всеволодовна Рождественская

профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Milena Vsevolodovna Rozhdestvenskaya

Professor, St. Petersburg State University

m.rozhdestvenskaya@spbu.ru

ИЗ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО КОММЕНТАРИЯ К ПОСЛЕДНЕМУ ГОДУ ЖИЗНИ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

AN ADDITIONAL HISTORICAL AND LITERARY COMMENTARY TO THE LAST YEAR OF IGOR SEVERJANIN'S LIFE

В сообщении приводятся письма «Короля Поэтов» Игоря Северянина и его гражданской жены Веры Борисовны Коренди, посланные из Эстонии в Ленинград поэту Всеволоду Рождественскому в 1941 и 1956 годах, которые сохранились в его семейном архиве. Они проливают дополнительный свет на обстоятельства последнего года жизни И. Северянина.

Ключевые слова: письма Игоря Северянина, архив Вс. Рождественского, Ленинград.

The report features the letters of «the King of Poets» Igor Severjanin (written in 1941) and his wife Vera Korendi (written in 1956) to the poet Vsevolod Rozhdestvenskij, sent from Estonia to Leningrad and stored in his archive. They highlight certain circumstances from the last year of Igor Severjanin's life.

Key words: letters of Igor Severjanin, Vs. Rozhdestvensky archives, Leningrad.

Список литературы

1. «Дом под крышей звездной...» Канал Грибоедова 9. Сб. / Авторы-сост. М. С. Инге-Вечтомова, А. Д. Семкин, Е. В. Сочивко. СПб., 2017.
2. *Куранда Е., Гаркави С.* Стихотворения Игоря Северянина 1939–1941 годов: К вопросу текстологии и истории публикации // Toronto Slavic Quarterly. 2010. № 34 (Fall).

3. Письма Игоря Северянина // О Всеволоде Рождественском: Воспоминания. Письма. Документы / Сост. В. Б. Азаров, Н. В. Рождественская. Л., 1986.
4. *Рождественский Вс.* Земное сердце. Книга лирики. 1929–1932. Л., 1933.
5. *Рождественский Вс.* Избр. стихи. Л., 1936.
6. *Северянин И.* Адриатика. Лирика. Издание автора. Нарва, 1932.
7. *Северянин И.* Колокола собора чувств: автобиографический роман в 3 частях. Тарту: Изд-во Вадим Бергман, 1925.
8. *Северянин И.* Медальоны. Белград, 1934.
9. *Северянин И.* Стихотворения / Вступ. статья Вс. Рождественского. Л., 1978 (Библиотека поэта. Малая сер. 3-е изд.).

References

1. «Dom pod kryshei zvezdnoi...» Kanal Griboedova 9. Sb. / Avtory-sost. M. S. Inge-Vechtomova, A. D. Semkin, E. V. Sochivko. SPb., 2017.
2. *Kuranda E., Garkavi S.* Stikhotvoreniia Igoria Severianina 1939–1941 godov: K voprosu tekstologii i istorii publikatsii // Toronto Slavic Quarterly. 2010. № 34 (Fall).
3. Pis'ma Igoria Severianina // O Vsevolode Rozhdestvenskom: Vospominaniia. Pis'ma. Dokumenty / Sost. V. B. Azarov, N. V. Rozhdestvenskaia. L., 1986.
4. *Rozhdestvenskii Vs.* Izbr. stikhi. L., 1936.
5. *Rozhdestvenskii Vs.* Zemnoe serdtse. Kniga liriki. 1929–1932. L., 1933.
6. *Severianin I.* Adriatika. Lirika. Izdanie avtora. Narva, 1932.
7. *Severianin I.* Kolokola sobora chuvstv: avtobiograficheskii roman v 3 chastiakh. Tartu: Izd-vo Vadim Bergman, 1925.
8. *Severianin I.* Medal'ony. Belgrad, 1934.
9. *Severianin I.* Stikhotvoreniia / Vstup. stat'ia Vs. Rozhdestvenskogo. L., 1978 (Biblioteka poeta. Malaia ser. 3-e izd.).

Сергей Николаевич Полторак

профессор Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

Sergey Nikolaevich Poltorak

Professor, A. S. Pushkin Leningrad State University
poltorak2006@yandex.ru

Анастасия Валерьевна Зотова

доцент факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета

Anastasia Valer'evna Zotova

Associate Professor, St. Petersburg State University
anastasiyazotova@mail.ru

ОНА СОЗДАЛА ДАНИИЛА ГРАНИНА**SHE HAS CREATED DANIIL GRANIN**

Статья посвящена Р. М. Майоровой, жене Д. А. Гранина, с которой был связан его творческий успех. На протяжении многих десятилетий она ограждала мужа от повседневных забот ради его литературной карьеры. Кроме того, она отвечала за переписку, была переводчиком, осуществляла сбор и обработку материалов для будущих книг и статей, печатала тексты рукописей на печатной машинке. Иностранные писатели, издатели, культурные и общественные деятели воспринимали Гранина и Майорову как единое целое. К сожалению, до сих пор о Майоровой

почти ничего не написано, хотя в архивах хранится множество документов, подтверждающих ее вклад в достижения Гранина.

Ключевые слова: Р. М. Майорова, Д. А. Гранин, история литературы, семья, зарубежные издательства.

The article is devoted to R. M. Mayorova, D. A. Granin's wife, with whom his creative success is associated. For decades, she had screened her husband from everyday worries so that he could pursue his literary career. Besides, she was in charge of his correspondence, worked as a translator, collected and processed data for future books and articles, typed the texts of his manuscripts on a typewriter. Foreign writers, publishers, cultural and public activists perceived Granin and Mayorova as an indivisible entity. Unfortunately, almost nothing has been written about Mayorova so far, although the archives contain many documents that confirm her contribution to Granin's achievements.

Key words: R. M. Mayorova, D. A. Granin, history of literature, family, foreign publishers.

Список литературы

1. Войтинская О. С. Даниил Гранин: Очерк творчества. М., 1966.
2. Гранин Д. А. Все было не совсем так. М., 2010.
3. Гранин Д. А. Мой лейтенант: Роман. М., 2012.
4. Гранин Д. А. Причуды моей памяти. М., 2008.
5. Ленинградские писатели-фронтовики: Автобиографии, биографии, книги. Л., 1985.
6. Русские советские писатели-прозаики: Библиографический указатель: [В 7 т.]. Л., 1959. Т. 1.
7. Adamovich A., Granin D. Leningrad under siege: first-hand accounts of the ordeal / Translated by C. Burstall & V. Kisselnikov. Barnsley, 2007.
8. Adamovich A., Granin D. Leningrad: belegerde stad 1941–1944. Berchem, 1993.
9. Granin D. A. Bahnbrecher: Roman / [Aus d. Russ. übers. von E. Margolis]. Berlin, 1961.
10. Granin D. A. Bahnbrecher: Roman / Aus d. Russ. übers. von E. Margolis. Berlin, 1958.
11. Granin D. A. De som søker / Oversetter I. Pettersen. Oslo, 1957.
12. Granin D. A. Dombrowsky / Traduit du russe par G. Arout. Paris, 1956.
13. Granin D. A. La brecha en el muro. La Habana, 1978.
14. Granin D. A. La pluie sur la ville: récits et nouvelles / Traduit du russe. Paris, 1978.
15. Granin D. A. Les Chercheurs / Roman traduit du russe par P. Kolodkine. Paris, 1958.
16. Granin D. A. Zähmung des Himmels: Roman / [Aus d. Russ. übertr. u. leicht gekürzt von Karl-Eugen Wädekin]. Stuttgart, 1963.
17. Granyin D. A. Jaroslav Dombrowski. Budapest, 1953.
18. Granyin D. A. Korszákov mérnök győzelme. Budapest, 1951.
19. グラーニン 著. 偉大な生物学者の伝説 (現代のロシア文学; 第2期 第7巻) / 佐藤祥子 訳. ズーブル. 群像社, 1992.
20. Аレーш-Адамович, Даниэль-Гранин 著. 一九四一—一九四四年のレーニンградドキュメント / 宮下トモ子 ほか訳. 封鎖・飢餓・人間. 下新時代社, 1986.

References

1. Adamovich A., Granin D. Leningrad under siege: first-hand accounts of the ordeal / Translated by C. Burstall & V. Kisselnikov. Barnsley, 2007.
2. Adamovich A., Granin D. Leningrad: belegerde stad 1941–1944. Berchem, 1993.
3. Granin D. A. Bahnbrecher: Roman / [Aus d. Russ. übers. von E. Margolis]. Berlin, 1961.
4. Granin D. A. Bahnbrecher: Roman / Aus d. Russ. übers. von E. Margolis. Berlin, 1958.
5. Granin D. A. De som søker / Oversetter I. Pettersen. Oslo, 1957.
6. Granin D. A. Dombrowsky / Traduit du russe par G. Arout. Paris, 1956.
7. Granin D. A. La brecha en el muro. La Habana, 1978.
8. Granin D. A. La pluie sur la ville: récits et nouvelles / Traduit du russe. Paris, 1978.
9. Granin D. A. Les Chercheurs / Roman traduit du russe par P. Kolodkine. Paris, 1958.
10. Granin D. A. Moi leitenant: Roman. M., 2012.
11. Granin D. A. Prichudy moei pamiatii. M., 2008.
12. Granin D. A. Vse bylo ne sovsem tak. M., 2010.
13. Granin D. A. Zähmung des Himmels: Roman / [Aus d. Russ. übertr. u. leicht gekürzt von Karl-Eugen Wädekin]. Stuttgart, 1963.
14. Granyin D. A. Jaroslav Dombrowski. Budapest, 1953.
15. Granyin D. A. Korszákov mérnök győzelme. Budapest, 1951.
16. Ленинградские писатели-фронтовики: Автобиографии, биографии, книги. Л., 1985.
17. Russkie sovetskie pisateli-prozaiki: Biobibliograficheskii ukazatel': [V 7 t.]. L., 1959. T. 1.
18. Voitinskaia O. S. Daniil Granin: Ocherk tvorchestva. M., 1966.

19. グレーニン 著. 偉大な生物学者の伝説 (現代のロシア文学; 第2期 第7巻) / 佐藤祥子 訳 ブーブル. 群像社, 1992.

20. アレーシ・アダーモビチ, ダニール・グラニン 著. 一九四一→一九四四年のレニングラードドキュメント / 宮下トモ子 ほかに訳 封鎖・飢餓・人間. 下新時代社, 1986.

Яна Валерьевна Нагорная

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Iana Valer'evna Nagornaia

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

iohannan@yandex.ru

СВЯТОЧНЫЕ ОБХОДЫ ДВОРОВ В ПОМОРЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ ПУШКИНСКОГО ДОМА)

SVYATKI COURTYARD ROUNDS IN POMORYE (BASED ON THE PUSHKIN HOUSE FIELD RESEARCH)

В статье рассмотрена традиция ритуальных обходов домов во время Святков на Летнем и Зимнем берегах Белого моря, выявлены произведения, входившие в репертуар христославов и колядовщиков, проанализирована система персонажей ряжения («паньюшки», «медведи», «кузнецы», «пряхи» и др.). Работа выполнена на материале экспедиций Пушкинского Дома 1976 и 2007–2019 годов. В приложении к статье приводятся тексты христославлений, колядок и один из вариантов песни «Панья», записанный в д. Лопшеньга Летнего берега Белого моря.

Ключевые слова: поморы, Летний берег Белого моря, Зимний берег Белого моря, Святки, Рождество, Крещение, ряженые, «панья», христославения, колядки.

The article considers the tradition of ritual rounds during *Svyatki* on the Summer and Winter Coasts of the White Sea, and identifies the songs performed by the *khristoslavly* and the carol singers, analyzes the types of the dress-up characters («*panyushki*», «bears», «blacksmiths», «spinsters», etc.). The work is based on the research data collected by the Pushkin House field trips of 1976 and 2007–2019. The Appendix contains texts of the *Khristoslavleniya*, carols, and one of the versions of the song *Panya*, recorded in the village of Lopshenga, Primorsky District, Arkhangelsk Region.

Key words: the Pomors, *Letniy bereg Belogo morya*, *Zimniy bereg Belogo morya*, *Svyatki*, *Rozhdestvo*, *Kreshcheniye*, *ryazhenyye*, «*pania*», *khristoslavleniya*, carols.

Список литературы

1. Альбинский В. А., Шумов К. Э. Святочные игры Камско-Вишерского междуречья // Русский фольклор. Л., 1991. Т. 26. Проблемы текстологии фольклора.
2. Бабаянц Г. Н. Поморские куклы-«панки» // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977.
3. Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / Подг. изд. С. Н. Азбелева, Ю. И. Марченко. СПб., 2002.
4. Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. М., 2009.
5. Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М., 1982.
6. Власова М. Н. Энциклопедия русских суеверий. СПб., 2008.
7. Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988.
8. Добровольская В. Е. Святочные обходы дворов в Судогодском районе Владимирской области. См.: <https://www.culture.ru/objects/2402/svyatocchnie-obhodi-dvorov-v-sudogodskom-rayone-vladimirskoy-oblasti>; дата обращения: 25.12.2020.
9. Дранникова Н. В., Разумова И. А. Локальные особенности восприятия нечистой силы (Архангельская область) // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 2010.

10. Дранникова Н. В. Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы V Междунар. школы молодого фольклориста (6–8 июня 2001 г.). Архангельск, 2002.
11. Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011.
12. Духовные стихи Русского Севера / Сост. В. П. Кузнецова, сост. нот. прил. Г. В. Лобкова, М. Н. Шейченко. Петрозаводск, 2015.
13. Ивлева Л. М. Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994.
14. Ковыркина Ю. И. Материалы по календарной традиции Карельского берега Белого моря // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследование, источники, историография. Петрозаводск, 2010.
15. Конка А. П. Календарные обряды карел XIX — начала XX в. // Финно-угры и соседи. Проблемы межетнических контактов на территории Балтийского и Баренц-регионов. СПб., 2002.
16. Костюхин Е. А. Христианские мотивы в восточнославянском детском фольклоре // Антропология религиозности. СПб., 1998.
17. Кричинная Н. А. Историко-этнографическая основа преданий о «панах» // Советская этнография. 1980. № 1.
18. Народные баллады / Вступ. статья, подг. текста и прим. Д. М. Балашова; общ. ред. А. М. Астаховой. М.; Л., 1963.
19. Озаровская О. Э. Пятиречие. Л., 1931.
20. Розов А. Н. Русское рождественское христославление (материалы и исследования) // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 1999. Т. 30.
21. Самойлова Е. Практики «дарообмена» в ритуальной культуре поморской деревни нач. XX — нач. XXI вв. // Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера «Рябининские чтения 2011». Петрозаводск, 2011.
22. Словарь русских народных говоров / Ред. Ф. П. Сороколетов. Л., 1990. Вып. 25.
23. Словарь русских народных говоров Карелии и сопредельных территорий / Ред. А. С. Герд. СПб., 1999. Вып. 4.
24. Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков (Очерки по истории народных верований). М., 1957.

References

1. Al'binskii V. A., Shumov K. E. Sviatochnye igry Kamsko-Visherskogo mezhdurech'ia // Russkii fol'klor. L., 1991. T. 26. Problemy tekstologii fol'klora.
2. Babaiants G. N. Pomorskie kukly-«panki» // Etnografiia narodov Vostochnoi Evropy. L., 1977.
3. Belomorskie stariny i dukhovnye stikhi: Sbranie A. V. Markova / Podg. izd. S. N. Azbeleva, Iu. I. Marchenko. SPb., 2002.
4. Bernshtam T. A. Narodnaia kul'tura Pomor'ia. M., 2009.
5. Chicherov V. I. Zimnii period russkogo zemledel'cheskogo kalendaria XVI–XIX vekov (Ocherki po istorii narodnykh verovanii). M., 1957.
6. Dmitrieva S. I. Fol'klor i narodnoe iskusstvo russkikh Evropeiskogo Severa. M., 1988.
7. Dobrovol'skaia V. E. Sviatochnye obkhody dvorov v Sudogodskom raione Vladimirskoi oblasti. <https://www.culture.ru/objects/2402/svyatochnie-obhodi-dvorov-v-sudogodskom-rayone-vladimirskoy-oblasti>; data obrashcheniia: 25.12.2020.
8. Drannikova N. V. Fol'klornaia ekspeditsiia Pomorskogo universiteta v selo Zimniaia Zolotitsa // Kompleksnoe sobiranie, sistematika, eksperimental'naia tekstologiia: Materialy V Mezhdunar. shkoly mladogo fol'klorista (6–8 iunია 2001 g.). Arkhangel'sk, 2002.
9. Drannikova N. V., Razumova I. A. Lokal'nye osobennosti vospriiatiia nechistoi sily (Arkhangel'skaia oblast') // «Kalevala» v kontekste regional'noi i mirovoi kul'tury: Materialy mezhdunar. nauch. konf., posviashchennoi 160-letiiu polnogo izdaniia «Kalevaly». Petrozavodsk, 2010.
10. Dukhovnye stikhi Russkogo Severa / Sost. V. P. Kuznetsova, sost. not. pril. G. V. Lobkova, M. N. Sheichenko. Petrozavodsk, 2015.
11. Durov I. M. Slovar' zhivogo pomorskogo iazyka v ego bytovom i etnograficheskom primenении. Petrozavodsk, 2011.
12. Ivleva L. M. Riazhen'e v russkoi traditsionnoi kul'ture. SPb., 1994.
13. Konkka A. P. Kalendarne obriady karelii XIX — nachala XX v. // Finno-ugry i sosedi. Problemy mezhetnicheskikh kontaktov na territorii Baltiiskogo i Barents-regionov. SPb., 2002.
14. Kostiuukhin E. A. Khristianskie motivy v vostochnoslavianskom detskom fol'klоре // Antropologiia religioznosti. SPb., 1998.
15. Kovyreshina Iu. I. Materialy po kalendarnoi traditsii Karelii'skogo berega Belogo moria // Prazdnichnye traditsii i novatsii narodov Karelii i sopredel'nykh territorii: issledovaniia, istochniki, istoriografiia. Petrozavodsk, 2010.

16. *Krinichnaia N. A.* Istoriko-etnograficheskaja osnova predanii o «panakh» // Sovetskaja etnografiia. 1980. № 1.
17. *Narodnye ballady* / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. D. M. Balashova; obshch. red. A. M. Astakhovoi. M.; L., 1963.
18. *Ozarovskaja O. E.* Piatirechie. L., 1931.
19. *Rozov A. N.* Russkoe rozhdestvenskoe khristoslavlenie (materialy i issledovaniia) // Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniia. SPb., 1999. T. 30.
20. *Samoilova E.* Praktiki «daroobmena» v ritual'noi kul'ture pomorskoj derevni nach. XX — nach. XXI vv. // Materialy VI nauchnoi konferentsii po izucheniiu i aktualizatsii kul'turnogo nasledii Russkogo Severa «Riabininskie chteniia 2011». Petrozavodsk, 2011.
21. Slovar' russkikh narodnykh govorov / Red. F. P. Sorokoletov. L., 1990. Vyp. 25.
22. Slovar' russkikh narodnykh govorov Karelii i sopredel'nykh territorii / Red. A. S. Gerd. SPb., 1999. Vyp. 4.
23. *Vinogradova L. N.* Zimniaia kalendarnaia poeziiia zapadnykh i vostochnykh slavian. Genezis i tipologiiia koliadovaniia. M., 1982.
24. *Vlasova M. N.* Entsiklopediia russkikh sueverii. SPb., 2008.

Александра Владимировна Романова

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Aleksandra Vladimirovna Romanova

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences
alice122@gmail.com

ЕФРЕМ БАРЫШЕВ И ВАЛЬТЕР СКОТТ ИЗ КОММЕНТАРИЯ К НЕКРОЛОГУ И. А. ГОНЧАРОВА «Е. Е. БАРЫШЕВ»

EFREM BARYSHEV AND WALTER SCOTT EXCERPTS FROM THE COMMENTARY TO I. A. GONCHAROV'S OBITUARY «E. E. BARYSHEV»

В статье, написанной при подготовке комментария к некрологу И. А. Гончарова «Е. Е. Барышев» (1881), раскрыты обстоятельства работы братьев Ивана и Ефрема Барышевых над переводами романов Вальтера Скотта для предпринятого А. А. Краевским в середине 1840-х годов многотомного издания.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, Е. Е. Барышев, И. Е. Барышев, А. А. Краевский, Г. Ф. Голвачев, романы Вальтера Скотта, некролог «Е. Е. Барышев», комментарий, письмо, эпистолярный, архивные материалы, перевод, биография.

The article is written in course of the work on the commentary to the obituary by I. A. Goncharov, «E. E. Baryshev» (1881). The circumstances of the work of the two brothers, Ivan and Efrem Baryshev, on the translations of Walter Scott's novels for the multivolume publication by A. A. Kraevsky in the mid-1840s are outlined.

Key words: I. A. Goncharov, E. E. Baryshev, I. E. Baryshev, A. A. Kraevsky, G. F. Golovachev, novels by Walter Scott, obituary «E. E. Baryshev», commentary, letter, epistolary, archival data, translation, biography.

Список литературы

1. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: [В 13 т.]. М., 1956. Т. 11.
2. *Долинин А. А.* История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М., 1988.
3. *Лермонтовская энциклопедия.* М., 1981.
4. *Охотин Н. Г.* Барышев Ефрем Ефремович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1.

References

1. *Belinskii V. G.* Poln. sobr. soch.: [V 13 t.]. M., 1956. T. 11.
2. *Dolinin A. A.* Istoriia, odetaia v roman: Val'ter Skott i ego chitateli. M., 1988.
3. *Lermontovskaia entsiklopediia.* M., 1981.
4. *Okhotin N. G.* Baryshev Efrem Efremovich // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. M., 1989. T. 1.

Екатерина Иосифовна Орлова

профессор, зав. кафедрой истории русской литературы и журналистики
факультета журналистики
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Ekaterina Iosifovna Orlova

Professor, Head of the Department of History of Russian Literature and Journalism,
Department of Journalism, Lomonosov Moscow State University;
Leading Researcher,
A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences
ekatorlova@yandex.ru

РУССКАЯ КРИТИКА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ**RUSSIAN CRITICISM AS A CULTURAL PHENOMENON**

Рец. на: *Егоров Б. Ф.* О мастерстве литературной критики. Жанры, композиция, стиль. 2-е изд., испр. М.: Юрайт, 2019. 231 с.

[Review:] *Egorov B. F.* O masterstve literaturnoi kritiki. Zhanry, kompozitsiia, stil'. 2-e izd., ispr. M.: Iurait, 2019. 231 s.

Алла Михайловна Грачева

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alla Mikhailovna Gracheva

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences
ichnelat@rambler.ru

**ИТАЛИЯ В РУССКИХ СУДЬБАХ
КОНЦА XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

**ITALY IN THE RUSSIAN DESTINIES
OF THE LATE 19th — FIRST HALF OF THE 20th CENTURY**

Рец. на: Русское присутствие в Италии в первой половине XX века. Энциклопедия / Ред.-сост. Антонелла д'Амелия, Даниела Ритци. М.: РОССПЭН, 2019. 864 с.

[Review:] *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine XX veka.* Entsiklopediia / Red.-sost. Antonella d'Ameliia, Daniela Ritsi. M.: ROSSPEN, 2019. 864 s.

Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Konstantin Iur'evich Lappo-Danilevskii

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences
yurij-danilevskij@yandex.ru

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ЕГО НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЕ ИЗДАТЕЛИ**VYACHESLAV IVANOV AND HIS GERMAN-LANGUAGE PUBLISHERS**

Review: Vjačeslav Ivanov und seine deutschsprachigen Verleger / Hrsg. von Michael Wachtel und Philip Gleissner; unter Mitwirkung von Vladimir Janzen. Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien: Peter Lang, 2019. 374 S., 22 Abb. (Russian Culture in Europe; vol. 14).

Наталья Геннадьевна Комелина

научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Natal'ia Gennad'evna Komelina

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
Russian Academy of Sciences
komlng@mail.ru

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЧТЕНИЯ К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Б. Н. ПУТИЛОВА И К. В. ЧИСТОВА»****READINGS FOR THE 100th ANNIVERSARY OF B. N. PUTILOV AND K. V. CHISTOV
INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE**

[*Meeting Abstract*]

Анастасия Александровна Елкина

аспирант Тверского государственного университета

Anastasiia Aleksandrovna Elkina

Postgraduate Student, Tver State University
anastasiya031292@yandex.ru

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СТАРОСТЬ КАК СЮЖЕТ»****OLD AGE AS A STORYLINE
INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE**

[*Meeting Abstract*]

Сергей Викторович Денисенко

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Sergei Viktorovich Denisenko

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

sden-x@mail.ru

**СЕДЬМАЯ АПРЕЛЬСКАЯ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ВСЕ ЗАПРЕТЫ МИРА:
ТАБУ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ»**

***ALL THE INTERDICTIONS OF THE WORLD:
TABOO IN LITERATURE AND ART
SEVENTH APRIL INTERDISCIPLINARY RESEARCH CONFERENCE
[Meeting Abstract]***

Сергей Акимович Кибальник

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Sergei Akimovich Kibal'nik

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences;
Professor, St. Petersburg State University

kibalnik007@mail.ru

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СЕМИНАР
«ПРОБЛЕМА ЦИФРОВОЙ ТЕКСТОЛОГИИ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДОСТОЕВСКОГО»**

***THE PROBLEM OF DIGITAL TEXTOLGY OF DOSTOYEVSKY'S WORKS
INTERNATIONAL RESEARCH SEMINAR
[Meeting Abstract]***

Татьяна Михайловна Двинятина

ведущий научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН;
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Tatiana Mikhailovna Dvinyatina

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World
Literature, Russian Academy of Sciences

tatiana.dvinyatina@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«И. А. БУНИН И ЕГО ВРЕМЯ»

IVAN BUNIN AND HIS TIME INTERNATIONAL CONFERENCE

[Meeting Abstract]

Учредители:
Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук РАН
119991, Москва, ГСП-1, Ленинский пр., 32а
Телефон: (495) 938-17-63, факс: (495) 938-17-64
oifn@mail.ru; www.hist-phil.ru
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон: (812) 328-19-01, факс: (812) 328-11-40
irliran@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Журнал зарегистрирован
Министерством печати и информации Российской Федерации
Регистрационный номер 0110194 от 4 февраля 1993 г.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон/факс: (812) 328-16-01, rusliter@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Зав. редакцией *И. Ф. Данилова*
Редакторы *О. В. Макаревич, В. В. Филичева, А. Ю. Соловьев*
Корректор *Т. А. Румянцева*
Компьютерная верстка *Е. А. Назаровой*
Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательство „Чистый лист“»

Сдано в набор 07.02.21. Подписано к печати 30.04.21. Дата выхода в свет 31.05.21
Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура SchoolBook. Цифровая печать.
Уч.-изд. л. 31. Тираж 330 экз.
Тип. зак. № 17/2а. Цена свободная

Издатель: Российская академия наук
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»